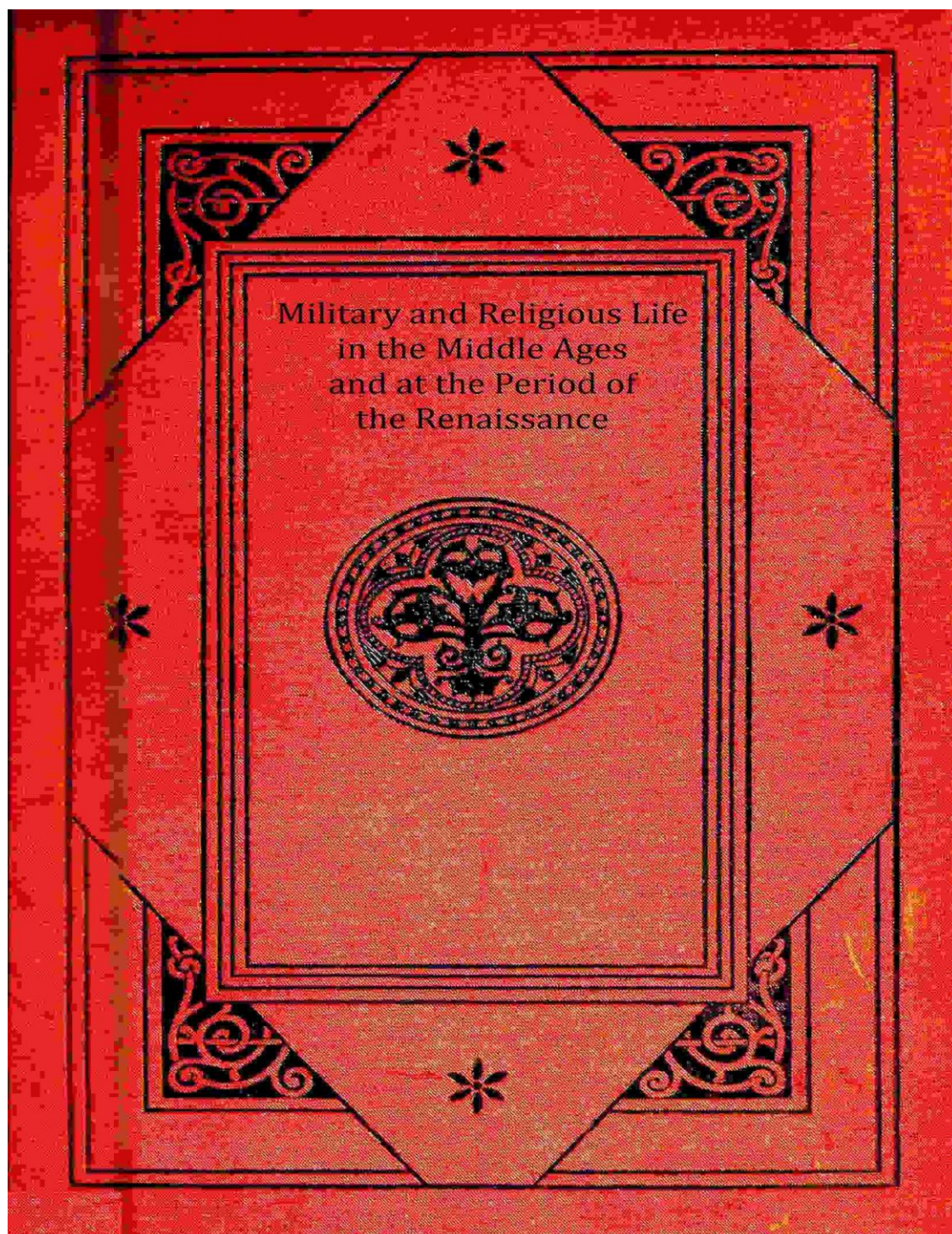

ВОЕННАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА И В ЭПОХУ
ВОЗРОЖДЕНИЯ

Оглавление

[ВОЕННАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА И В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ](#)

[ПРЕДИСЛОВИЕ.](#)

[ОГЛАВЛЕНИЕ.](#)

[ТАБЛИЦА ИЛЛЮСТРАЦИЙ.](#)

[ФЕУДАЛИЗМ.](#)

[ВОЙНА И АРМИИ.](#)

[ВОЕННО-МОРСКИЕ ВОПРОСЫ.](#)

[КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ.](#)

[ХИРОМАНТИЯ.](#)

[ВОЕННЫЕ ОРДЕНА.](#)

[ЛИТУРГИЯ И ЦЕРЕМОНИИ.](#)

[ПАПЫ РИМСКИЕ.](#)

[СВЕТСКОЕ ДУХОВЕНСТВО.](#)

[РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРДЕНА.](#)

[БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ.](#)

[ПАЛОМНИЧЕСТВА.](#)

[ЕРЕСИ.](#)

[ИНКВИЗИЦИЯ.](#)

[ПОГРЕБЕНИЯ И ПОХОРОННЫЕ ЦЕРЕМОНИИ.](#)

[ССЫЛКИ:](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

The Project Gutenberg eBook of Военная и религиозная жизнь в Средние века и в эпоху Возрождения.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Военная и религиозная жизнь в Средние века и в эпоху Возрождения

Автор: П. Л. Жакоб

Дата выхода: 7 мая 2024 [eBook #73559]

Язык: Английский

Оригинальное издание: London: Bickers & Son, 1870

Авторские права: deaurider, Карин Спенс и Online Distributed Proofreading Team на <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ВОЕННАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В СРЕДНИЕ
ВЕКА И В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ ***

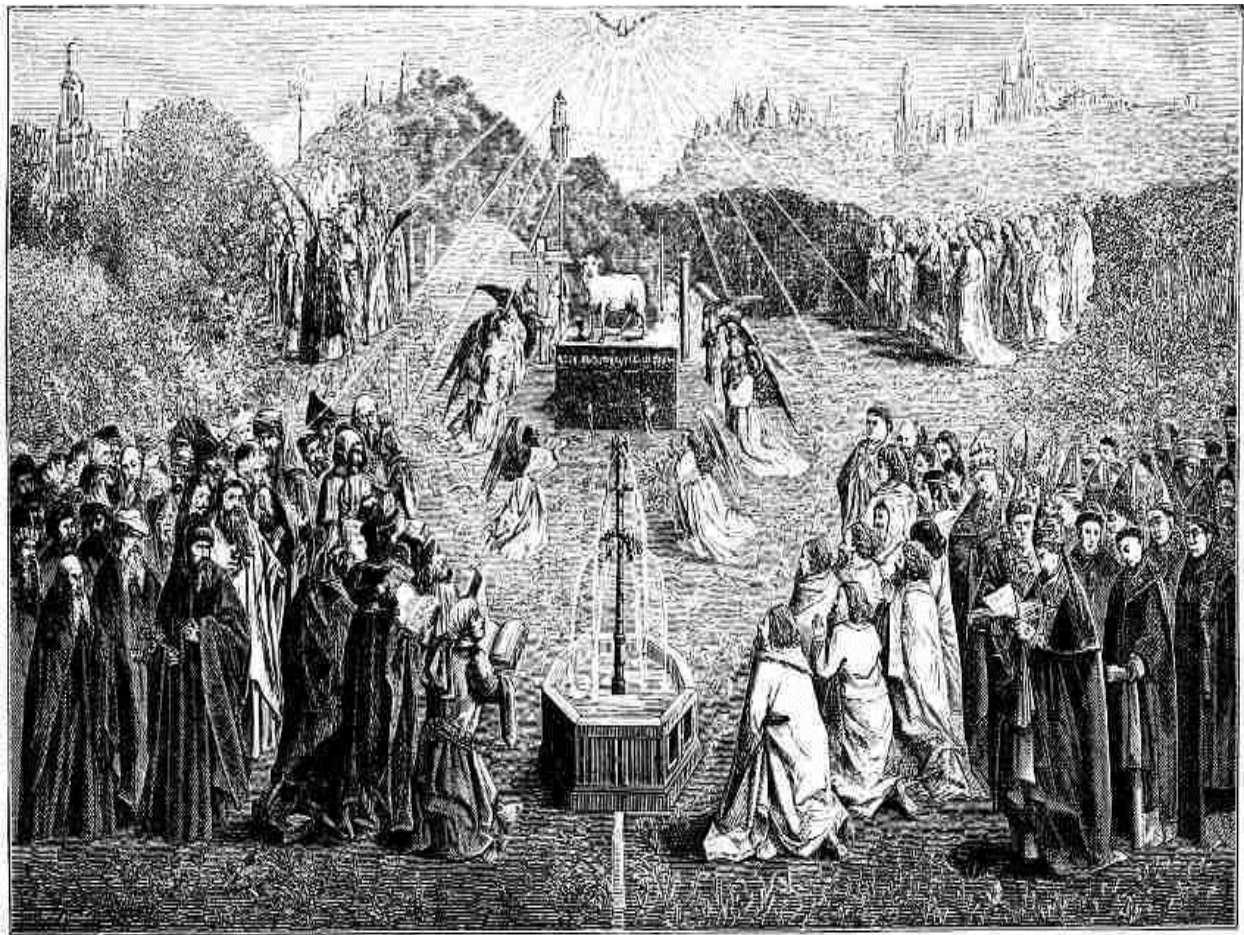

Рис. 403. Поклонение Агнца старцами и девами из Апокалипсиса - центральная панель триптиха, написанного на дереве Жаном Ван Эйком и хранящегося в церкви Святого Бавона в Генте (XV век).

ВОЕННАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА и в эпоху ВОЗРОЖДЕНИЯ

Поль Лакруа

(библиофил Якоб)

ХРАНИТЕЛЬ ИМПЕРАТОРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ АРСЕНАЛА, ПАРИЖ

Иллюстрированная

ОКОЛО ЧЕТЫРЕХСОТ ГРАВЮР НА ДЕРЕВЕ

ЛОНДОН

БИКЕРС И СЫН, ЛЕСТЕР-СКВЕР

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Недавно мы опубликовали "Манеры, обычаи и одежда в Средние века", необходимое продолжение "Искусства Средних веков". Чтобы понять этот важный период нашей истории, мы должны, как было отмечено в то время, вернуться к самому источнику искусства и изучить само общество - жизнь наших предков. Том "Нравы и обычаи" посвятил наших читателей во все тайны гражданской жизни; в настоящей работе речь идет о военной и религиозной жизни того же периода.

Тема не лишена величия, и мы постараемся пролить свет на две параллельные силы - военную и религиозную жизнь, - которые формировали привычки нации в эпоху, о которой идет речь в нашей работе.

Влияние этих сил было огромным. Общество состояло из варварских народов и развращенных остатков языческого мира. Завоевателям и побежденным нечего было объединить для создания нового общества, кроме своих руин и пороков. Как из этой бесформенной массы можно было создать состояние вещей, более высокое и лучшее, чем то, что было раньше? Какой жизненный принцип был достаточно мощным, чтобы вызвать из этого хаоса современную Европу, со всем разнообразием ее сил и славы, ее влиянием и властью над остальным миром? Религиозная жизнь, поддерживаемая военной мощью, привела к такому созданию, после всех страданий и мучений, предшествовавших его рождению. Постепенно овладевая обществом и возвышая свои идеи по мере сближения, религиозная жизнь наделила его новыми манерами, новой социальной жизнью, набором институтов, о которых оно прежде ничего не знало, и характером, поднявшим его на такую степень морального величия, которой человечество еще никогда не достигало.

Христианство цивилизовало варваров; благодаря единству веры оно установило политическое единство среди народов, разделенных на враждебные расы, - результат, к которому в прежние времена можно было прийти только путем уничтожения национальностей, владычества меча и силы угнетения. История не представляет зрелища, более достойного нашего внимания, чем устойчивое и глубокое действие этого нового принципа жизни, внедренного в общество, находящееся в состоянии упадка. Этот принцип мог успешно переделать и направить мир, только ассимилировав сначала людей как индивидуумов, и то среди эксцессов, насилия и беспорядков варварства, которое даже по прошествии веков не давало себя подавить. Но оно было наделено настойчивой и неукротимой энергией. Подумайте, как она влияла на все, как привлекала к себе на службу все силы, которые общество время от времени предоставляло в его распоряжение или, вернее сказать, позволяло ему создавать! Сколько необходимых дел было сделано с помощью монашеских орденов? Почва была преобразована путем обработки; мосты, дамбы и акведуки были построены во всех направлениях; рукописи были сохранены в монастырях; образование было дано в бесчисленных школах, где бедные обучались бесплатно; университеты стали известными и процветающими; архитектура была возведена в ранг науки; благотворительные учреждения были основаны и щедро одарены.

"Христианство было величайшим благодетелем Средневековья, - говорит М. Бенжамен Герар, - и что самое поразительное в революциях, произошедших в эти полуварварские времена, так это действие церкви и религии. Догма об общем происхождении и судьбе всех людей была постоянным аргументом в пользу освобождения людей; она объединила людей всех сословий и открыла путь к современной цивилизации. Люди, хотя и не перестали

угнетать друг друга, начали признавать тот факт, что все они члены одной семьи, и были приведены через религиозное равенство к гражданскому и политическому равенству; будучи братьями перед Богом, они стали равны перед законом, христианин стал гражданином.

"Это превращение происходило постепенно и медленно, как это было необходимо и неизбежно, благодаря постоянному и одновременному наделению правами людей и земли. Раб, которого язычество, по мере его исчезновения, передавало христианской религии, переходил сначала из состояния рабства в состояние кабалы, из кабалы он поднимался в смертное состояние, а из смертного состояния - в свободу".

Под влиянием епископов законодательство формировалось на принципах христианской морали. В великих соборах нации и в королевских советах они давали христианское направление управлению страной и не раз сохраняли национальное единство от распада. "Епископы, - говорит Гиббон, - построили французскую монархию так же, как пчелы строят улей".

В то же время папы непрерывно пытались превратить все христианские народы в одну огромную республику; и они в значительной степени достигли своей цели. Идея была возвышенной, она так естественно вытекала из единства доктрин, которые все должны были исповедовать. Уже в двенадцатом веке эта идея была сформулирована Тертуллианом в его "Апологетике": "Мы остаемся чуждыми вашим фракциям и вашим партиям..... Мы требуем республики рода человеческого".

Такова была работа христианства в том обществе Средневековья, жизнью и душой которого оно являлось. Необходимо проследить, как оно выполняло эту многообразную задачу, и, если мы хотим досконально понять ее, мы должны рассмотреть ее саму по себе, в ее внутренней жизни, в ее форме богослужения и литургии, в ее монастырях, в ее духовенстве и в ее различных учреждениях, ибо здесь лежали средства ее действия.

Военная власть, как правило, ставила себя на службу Церкви, и именно таким образом христианство получало возможность завершить свою работу. Хлодвиг, покоритель римлян, германцев, бургундов и вестготов, был крещен в Реймсе и привел Францию в лоно Церкви как раз тогда, когда многие варвары, новые хозяева Римской империи, принимали арианство. Впоследствии Церковь, представленная мечом Жанны д'Арк, сыграла важную роль в спасении Франции и возвращении ее к себе. Между этими двумя крайними точками истории Средневековья Карл Великий, Годфруа де Буйон, Святой Людовик, эпоха рыцарства и крестовых походов доказывают нам, что это совместное действие военной и религиозной жизни является истинным выразителем характера Франции. Но когда мы переходим к рассмотрению обычного положения вещей в том виде, в котором они существовали, мы обнаруживаем, что оно было полно зла. Военная жизнь среди немецкого народа породила феодализм, а вместе с ним и ужасную анархию. Королевская власть была бессильна. Власть не имела, так сказать, центра; она была раздроблена и разделена по всему народу. Частная или гражданская война в силу обстоятельств стала законной на несколько столетий; беспорядок, насилие, угнетение и тирания стали естественным следствием этого. Военная жизнь во всех ее проявлениях препятствовала и противодействовала благотворному влиянию христианства и служила последним прибежищем варварства. Однако Церкви удалось заставить принцип феодализма оказывать сдерживающее влияние на его крайности, создав рыцарство, самый благородный военный институт, который когда-либо знал мир. Рыцарство представляло собой христианскую форму воинского ремесла. Первым долгом было "защищать в этом мире слабость всех, но особенно слабость Церкви, справедливости и права".

"Fais ce que dois, adviegne que peut,
C'hest commandé au chevalier".

Рыцарские ордена.

По сути, это была вооруженная сила на службе правды и справедливости, сами беззащитные. В то же время это был яркий пример, влияние которого распространялось не только на самые блестящие из его подвигов. Однако даже этого было недостаточно, чтобы обуздать злое и неутолимое стремление к борьбе. Крестоносцы под мощным импульсом римских пап использовали этот воинственный дух и стали отвлекающим маневром, который спас Европу от ярости ее собственных жителей и от господства Корана. Внутренним распрям был положен конец, коммуны получили право голоса, феодальная власть уменьшилась, а королевское влияние окрепло, снова уменьшившись во время долгого кризиса Столетней войны и вновь восстановившись благодаря Жанне д'Арк. Такова была роль, которую сыграла "Военная жизнь в Средние века".

Однако постепенно прослеживается развитие современных привычек. На смену феодальной армии пришли наемные войска. По мере того как военная власть сосредотачивалась в руках государя, монархия в истинном смысле этого слова сменялась феодализмом.

В то же время в моральном и религиозном мире происходило другое, более глубокое движение. Новый дух будоражил мир. Идеи и нравы, утвердившиеся в обществе благодаря христианству, должны были претерпеть изменения. После взятия Константинополя греческие ученые, нашедшие убежище при итальянских дворах, внушили своим западным *собратьям* такую любовь к античной литературе, что все старое стало восприниматься с энтузиазмом, в то время как, как естественное следствие, все, что породило христианство, воспринималось с презрением. Вера в церковь и ее влияние уменьшились, и индивидуальный разум был склонен сбросить иго всех авторитетов. Только что изобретенное книгопечатание ускорило этот переворот в сознании. Лютер провозгласил принцип свободной экспертизы, и половина Западной Европы стала протестантской. Таким образом, религиозные и политические узы, удерживавшие вместе христианские национальности, были разрушены, и единство между людьми, разделенными в своих религиозных доктринах, стало невозможным. В тот же период открытие Америки и нового пути в Индию придало огромную силу развитию материальных интересов.

Так началась полная революция. Мир вступил на новые пути, по которым он продолжает двигаться без перерыва до наших дней.

Особый интерес этой работе придают обстоятельства, в которых она публикуется. Древняя Европа достигла одной из тех торжественных эпох своей истории, когда, разделенная внутри себя и не уверенная в том, какой оборот могут принять события, она оказывается лицом к лицу с проблемой своей будущей судьбы, требующей немедленного решения. Каким будет это решение? Эмоции настоящего могут побудить нас с сожалением оглянуться на то прошлое, которое напоминает нам о столь великом и благородном, несмотря на его многочисленные и неизбежные недостатки, и которое, показывая нам происхождение современного общества, раскрывая нам способ его рождения и его дальнейшего развития, может дать нам ключ к его нынешнему критическому состоянию, когда, кажется, вот-вот произойдет глубокая и всеобщая трансформация.

Излишне говорить о гравюрах, содержащихся в этом томе. Они были отобраны с той же целью, которая диктовала публикацию гравюр, представленных в двух предыдущих томах, - желание создать живой образ прошлого. Каждый том представляет собой коллекцию археологических сокровищ, собранных вместе после самых кропотливых исследований ; они привлекательны для глаз, полны интереса и поучительности, и мы чувствуем, что наши читатели получают в них полный музей, подобного которому до сих пор не было в их распоряжении.

ПАВЕЛ ЛАКРУА.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Страница

ФЕУДАЛИЗМ

[1](#)

Происхождение.- Варварские законы.- Наследство.- Карл Великий и церковь.- Первое строительство крепостей.- Вассал и сюзерен.- Феодалные восьмерки.- Божье перемирие.-
Феодалные церкви и аббатства.- Общинные принципы.- Новые волости.- Происхождение французской буржуазии.- Английская Магна Харта.- Алиенация фьефов.-
Освобождение крепостных.- Имперские города.- Феодалные права епископов.- Сент-Луи.- Войны между Францией и Англией.- *Ла Буль д'Ор*.- Генеральные штаты.-
Происхождение третьего сословия.

ВОЙНА И АРМИЯ

[38](#)

Нашествия варваров.- Атила.- Теодорих захватывает Италию.- Организация военных фьефов.- Оборона городов.- Тотила и его тактика.- Военный гений Карла Великого.- Военное
вассалство.- Общинное ополчение.- Ранние постоянные армии.- Утрата технических традиций.- Кондотьеры.- Жандармерия.- *Копья Фурнье*.- Ослабление
феодалных военных обязательств.- Французская армия во времена Людовика XI и его преемников.- Отсутствие административного устройства.- Реформы.- Наемные войска.-
Осадные операции и двигатели.

ВОЕННО-МОРСКИЕ ВОПРОСЫ

[74](#)

Старые традиции: Длинные и широкие суда.- Дромон.- Галеас.- Кок.- Караки и галеоны.- Большой карак Франциска I.- Каравеллы.- Важность флота.- Наемные флоты.- Пуп-
гвардия.- Морские законы.- Морские трибуналы.- Навигация в открытом море.- Буссоль.- Вооружение военных людей.- Башни и баллисты.- Артиллерия.- Морская стратегия.-
Украшения и великолепные украшения судов.- Паруса и флаги.- Галера дона Хуана Австрийского.- Суеверия моряков.- Дисциплина и наказания.

КРУСАДЫ

[104](#)

Арабское завоевание Святой земли.- Наплыв паломников в 1000 году.- Вторжение турок в Иудею.- Преследование христиан.- Папа Сильвестр II.- Экспедиция пизанцев и
генуэзцев.- Петр Отшельник.- Письмо Симеона Патриарха папе Урбану II.- Первый крестовый поход.- Экспедиция "Готье без Авуара".- Гodefруа де Буйон.- Иерусалимское
королевство.- Второй крестовый поход.- Святой Бернард.- Третий крестовый поход: Филипп Август и Ричард Кер-де-Лион.- Четвертый крестовый поход.- Пятый и Шестой
крестовые походы.- Людовик IX становится крестоносцем.- Седьмой крестовый поход.- Людовик Святой взят в плен.- Восьмой и последний крестовый поход.- Смерть
Людовика Святого.- Итоги крестовых походов.

ХИВАЛРИ (ДУЭЛИ И ТУРНИРЫ)

[136](#)

Происхождение рыцарства.- Его различные характеристики.- Рыцарская галантность.- Рыцарство и дворянство.- Его отношения с церковью.- Воспитание детей дворянства.-
Поединки.- Рыцарские упражнения.- Преследователи по оружию.- Суды и трибуналы любви.- Создание рыцарей.- Деграция рыцарей.- Судебные поединки.- Судебные
испытания.- Феодалные чемпионы.- Места сражений.- Церковь запрещает поединки.- Турниры, изобретенные сиром де Прей в X веке.- Оружие, используемое на турнире.-
Тилт.- Списки.- Участие дам.- Книга короля Рене.

ВОЕННЫЕ ОРДЕНА

[172](#)

Пьер Жерар основывает орден Святого Иоанна Иерусалимского; история этого ордена.- Осада Родоса.- История ордена рыцарей-тамплиеров.- Орден рыцарей Калатравы.-
Орден тевтонских рыцарей.- Орден рыцарей Золотого Руна.- Орден Святого Мориса и Святого Лазаря.- Ордена Звезды, Козы де Генесте, Корабля, Святого Михаила и Святого
Духа.

Молитва.- Литургия святого Иакова, святого Василия и святого Иоанна Златоуста.- Апостольские конституции.- Жертвоприношение мессы.- Совершение крещения.-
Канонические покаяния.- План и устройство церквей.- Церковная иерархия.- Церемония рукоположения.- Церковные колокола.-Токсин.-Поэзия готических церквей.-
Бревиарий и Миссал Пия V.-Церемонии, используемые в семи таинствах.-Экскомуникация.-Буллы *In Cœnâ Domini*.-Процессии и мистерии на пасхальных
торжествах.-Инструмент мира.-Освященный хлеб.-Пикс.-Голубь.

Влияние папства на реформацию раннего общества.- Святой Лев Великий.- Происхождение временной власти пап.- Григорий Великий.- Императоры-иконоборцы.- Стефан III,
доставленный Францией.- Карл Великий, коронованный императором Запада.- Фотий.- Вормская диета.- Григорий VII.План христианской республики.-Урбан II.-Крестовые
походы.-Каликст II; прекращение спора об инвеституре.-Иннокентий III.-Борьба Бонифация VIII с Филиппом ле Белем.-Великий западный раскол.-Флорентийский собор.-Битва
при Лепанто.-Трентский собор.

Малые и большие ордена в первые века существования Церкви.-Установление десятины, первоначально добровольной, а затем обязательной.-Влияние епископов.-Супрематизм
Римского престола.-Форма епископской присяги в первые века.-Реформа злоупотреблений на Соборах.-Примечательные высказывания Карла Великого и Хинкмара.-
Общественное образование, созданное церковью.-Учреждение коммун, которому благоприятствовали епископы.-Закон Бомона.-Борьба с буржуазией в XV веке.-Трентский
собор.-Институция семинарий.

Первые монахи.- Святой Антоний и его ученики.- Святой Пахомий и Святой Афанасий.- Святой Евсевий и Святой Василий.- Ценобитизм на Востоке и на Западе.- Святой Бенедикт
и Бенедиктинский кодекс.- Монашеская одежда.- Святой Колумба.- Список монастырей во времена Карла Великого.-Заслуги монахов перед цивилизацией, искусством и
литературой.-Реформа религиозных орденов в XII веке.-Святой Норберт.-Святой Бернард.-Святой Доминик.-Святой Франциск Ассизский.-Кармелиты.-Бернардинцы.-
Барнабиты.-Иезуиты.

Христианская благотворительность в первые века существования Церкви.- Восточные императрицы.- Святые римские дамы.- Олимпиада, Мелания, Марцелла и Паула.-
Благотворительность при дворе франков.- Святые Маргарита Шотландская и Матильда Английская.- Хедвига Польская.- Происхождение домов Лазаря.-Лазаристы во
Франции и в Англии.-Прогресс и трудности ордена Святого Лазаря.-Основания Святого Людовика.-Орден милосердия, основанный Святым Ноласком.-Святая Екатерина
Сиенская и Святой Франциск.-Бернардин Обрегон.-Жан де Дье.-Филипп де Нери.-Антуан Ивен.

Первые паломничества в Иерусалим и Рим.- Поклонение мученикам.- Больницы для паломников.- Изображения Девы Марии.- Реликвии, привезенные с Востока крестоносцами.-
Знаменитые паломничества первых дней.-Римские базилики.-Святой Николай де Бари.-Нотр-Дам де Терсац.-Святой Жак де Компостелла.-Нотр-Дам дю Пуи, де Лиссе, де
Шартр, де Рокамадур.-Паломничества во Франции, Германии, Польше, России и Швейцарии.

Настоящее значение слова *ересь*.- Еретики апостольских времен.- Симон Маг.- Церинф.- Николаиты.- Гностики.- Философские школы Византии, Антиохии и Александрии.-
Юлиан Отступник.- Пелагиане и полупелагиане.-Несторий.- Евтихий.- Иконоборцы.- Амаури.- Жильбер де ла Порре.- Абеляр.- Арнольд Брешианский.- Альбигойцы.-
Вальденсы.- Флагелланты.- Виклиф.- Иоанн Гусс.- Иероним Пражский.- Лютер.- Генрих VIII. и англиканская церковь.- Кальвин.

Общие принципы инквизиции; ее существование у греков и римлян.- Папская инквизиция.- Инквизиция во Франции.- Альбигойцы.- Королевская испанская инквизиция; ее политические цели; против нее выступают папы.- Толедские инквизиторы, отлученные от церкви Львом X.-Святой Эрмандад.-Шпионы инквизиции.-Святая канцелярия и Верховный.-Тюрьмы инквизиции.-*Авто-да-фе*.-Инквизиция в Нидерландах.-Протестантская инквизиция в Голландии, Германии, Франции, Англии и Швейцарии.

Бальзамирование и сжигание тел у древних.- Погребение, введенное в практику христианством.- Заворачивание мертвых в саваны.- Направление, в котором клали тела.- Погребальные кресты.- Погребальная мебель.- Кофины и саркофаги в Средние века.-Памятная скульптура и архитектура с XII по XVI век.-Катакомбы в Риме.-Карнавалы при церквях.-Общественные кладбища.-Кладбище Невинных, Париж.-Фонари для мертвых.-Похороны королей и королев Франции.-Погребальные листы.-Утешительная мысль о воскресении и вечной жизни.

ТАБЛИЦА ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

	Страница
Аббатское кольцо и крест святого Водру,	312
Аббатство Сен-Жермен-де-Пре, вид на него в 1361 году	13
Аббатство Сен-Жермен-де-Пре, вид с севера, XVII век	320
Аббатство Сен-Рикье, близ Аббевиля,	311
Аббатство-церковь Магдалины в Везелае,	120
Кресты отпущения грехов одиннадцатого века,	453
Акт веры и почтения, XIII век	8
Поклонение Агнцу, The,	Фронтиспис
"Волхвы", The,	241
Алтарь собора в Аррасе, XIII век	243
Алтарная часть в Марей-ан-Бри,	218,219
Ученики Амаури, сожженные по приказу Филиппа Августа,	404
Ангелы, молящиеся над черепом, XIV век,	298
Анна Бретанская, похоронная служба,	495
Антильские острова, открытые Колумбом,	92
Антиохия, план города в XIII веке,	130
Антверпен, вид порта,	87
Вооружение рыцаря,	143
Армоген, маг,	383

Аркебузир шестнадцатого века,	61
Артуа, граф, представляющий себя в замке графа Булонского,	149
Артус, король, сражается с великаном,	137
Штурм укрепленного места,	135
"Au juste poids véritable balance",	391
Шествие "Авто-да-фе" в Испании	436
Вавилон Великий,	396
Баллиста,	73
Знамя Сен-Дени, изображения	60
Знамя города Страсбурга, тринадцатый век,	386
Знамя фламандского лазаретто,	353
Крещение саксов, завоеванных Карлом Великим,	213
Варвар (конный) на римской службе,	4
Василий Великий, сон	400
Таран,	71
Битва при Аурее, The,	54
"Dreux, The,	62
"Лепанто, план"	96
"Толбиак"	2
"Маяк на кладбище Антиньи, пятнадцатый век"	486
Маяк на кладбище Сирон, двенадцатый век	486
Маяк на кладбище Феню, одиннадцатый век	486
Беатрикс Корнель, гробница,	182
Бегин,	329
"Монастырь в Генте, Великий"	328
Обезглавленный рыцарь с головой в руках,	467
Буцентавр, The,	77

Булла, которой Бонифаций VIII запечатывал свои письма,	273
Погребение у франков, способ погребения	451
Калтроп, или воронья лапка,	66
Кальвин, Джон,	419
Карикатура третьего века,	206
Ангулемский замок, тринадцатый век,	6
"Лош, двери старины"	37
"Пьерфон, вид с видом на..."	11
"Катапульта",	72
Празднование мессы в оратории, девятый век	277
Кельтское погребение,	451
Чемпион турнира, The,	166
Люстра Девы,	217
Чантер или псаломщик, малый орден,	274
Паломническая часовня, благодарственный молебен	384
Часовня из бусин из резной слоновой кости и пояс, XVI век,	330
Карл Великий, статуя, одиннадцатый век,	5
Карл Смелый, Большая печать, пятнадцатый век,	55
Карл VI. исполняет свой обет, данный Богоматери Надежды,	388
Хартия Вильгельма Белоруккого, начало действия,	295
Часовня, митра и посох святого Томаса Бекета, ткань и вышивка двенадцатого века,	225
Замок Пануз (Авейрон), феодальный замок двенадцатого века	10
Рыцарство, аллегорические фигуры, изображающие,	140
Хоровой канделябр, подножие большого, XIII век,	216
Христос, спускающийся в ад,	498
"Воскрешение из мертвых"	504
"победитель после смерти, восьмой или девятый век"	449

Христианский профессор на смертном одре, The,	497
"Религия, помогающая во время смерти Христа",	247
Церковь Святого Антония, Падуа,	216
"Гроб Господень, фасад"	106
Духовенство, идущее в процессии перед императором, четвертый век	318
Монастырь Шартрез в Павии,	322
Хлодвиг, крещение,	2
Кофр с волосяными повязками Святого Людовика, тринадцатый век	371
Камбрийский конкордат, титул (1466),	296
Присвоение рыцарства на поле битвы,	141
Посвящение святого Ремигия, епископа Реймского,	283
Константинополь, второе взятие в 1204 году	123
Кок, The,	79
Коронация императора Папой Римским, шестнадцатый век	256
Косма и Дамиан облегчают состояние больного	343
Собор в честь Второго Никейского собора, X век	249
(Собор в Вьенне).	190
Крест семьи Бюро	476
Терновый венец, привезенный во Францию	375
" ", который носил Иисус Христос,	393
Жестокости, совершенные гюйо,	440
Круэт, позолоченное серебро, первый или второй век,	208
Высадка крестоносцев в Дамiette,	126
Склеп капеллы Святой Агнессы в катакомбах Рима,	474
Кинжалы с мавританскими клинками и фламандскими рукоятками,	45
(Далматик, который, как говорят, принадлежал Льву III).	255
Пляска смерти, The,	478-483

Смерть святого Бенедикта,	496
("Магомет II").	178
Посвящение церкви монастыря Сен-Мартен-де-Шамп, Париж,	321
Деградация рыцаря,	154
Эскизы доспехов,	170
Распространение знамен и шлемов,	164
Водолаз, The,	91
Дон Жуан Австрийский,	133
Привратник, Малый орден,	275
Дориа, Эндрю,	88
Голубь, подвешенный над алтарем, XIII век,	244
Платья, которые носили заключенные инквизиции,	437
Дуэль о чести дам,	157
Глиняные вазы, найденные во Флоренции в 1863 году	187
Церковный тонзура, The,	279
Эдуард Исповедник, похороны,	490
Въезд Людовика VIII и папского легата в Авиньон,	406
Эйдес, епископ, с гобелена из Байе	47
Превышения, совершенные гугенотами, аллегорическое изображение	415
Экзорцизм катехумена, четвертый или пятый век,	212
Экзорцизм человека, одержимого демоном,	414
Экзорцист, малый орден,	275
Фарель, Уильям,	420
Ферран Португальский, граф Фландрии, доставленный в Париж,	22
Бой между Раймбо де Морузлем и Грюйоном де Лозенном,	156
Фламандский воин из руин Сен-Бавон, Гент	26

Укрепленный мост Лемантано, близ Рима, двенадцатый век	33
Укрепленный мост из Валентре в Кагор,	18
Укрепленный город Каркассон, план, XIII век	18
Крепость рыцарей-госпитальеров в Сирии,	174
Французская каравелла, шестнадцатый век,	84
"Приорат на Родосе, пятнадцатый век"	181
Фреска на кладбище Сент-Претекстат,	475
Похоронная служба, XIV век,	453
Погребальные лампы, найденные в катакомбах, третий век	276,424
Галера шестнадцатого века,	78
"Раб",	90
"Солдат",	90
Галльская или галло-римская керамика,	455
Галло-римские лорды четвертого века,	3
Ворота города Эгес-Мортес,	17
Готье-сан-Авуар, прием королем Венгрии,	115
Бой немецких пехотинцев, шестнадцатый век,	57
Немецкие и галльские вспомогательные войска, второй век,	40
Немецкий рыцарь, пятнадцатый век,	147
Годфруа де Буйон, увенчанный орудием страстей Господних	117
Годфруа де Буйон, гробница,	118
Золотое руно, капитул ордена	197
Большой госпиталь в Милане,	357
Греческая Панагия,	370
Григорий IX, передающий декреталии адвокату консистории (1227-1241),	266
Колокольчик, романский перфорированный, двенадцатый век	227

(Гарольд, король, обретение тела).	48
Harvest of Souls, The, Twelfth Century,	450
Генрих Анжуйский, коронация короля Польши,	291
Генрих I., император Германии, и один из его генералов,	368
Генрих II. ранен Монтгомери на турнире,	169
(Геральд держит знамена судей).	164
Ересь флагеллантов,	407
Хинкмар, барельеф на гробнице,	289
Святой бит из Карпентраса,	376
Гостеприимство, пятнадцатый век,	340
Гугеноты против католиков, насилие	421
Гусс, Джон,	412
Итальянские воины пятнадцатого века,	58
Судный день,	502
Иероним Пражский,	412
Иудейская религия, помощь во время смерти Христа	246
Король-оруженосец, объявляющий турнир,	163
Нож для разрезания освященного хлеба,	242
Рыцарь в полных доспехах, XVI век	61
Рыцарь, отправляющийся на войну,	150
Рыцарь смерти, The,	476
"Мальта",	185
"Орден Гроба Господня"	173
"Родос"	173
"Рыцари ордена Святого Духа из чистого намерения"	358
Рыцари, ожидающие от маршала сигнала к началу боя,	159

Рыцари Родоса, казармы,	180
Нокс, Джон,	416
Тайная вечеря, одиннадцатый век,	209
Легенда о Рождестве, пятнадцатый век,	221
"Святой Мартин", гобелен тринадцатого века,	281
Легенда о прохождении виатикума через мост в Утрехте	235
Лютер, Мартин,	418
Машина, чтобы сломить ряды врага	70
"Стрелять стрелами"	70
Человек при оружии, The,	51,91
Военный человек, времена Генриха VIII	80
"Шестнадцатый век",	101
Маргарита Йоркская, жена Карла Смелого,	359
Мария де Молина, королева Кастилии, вручает монахиням-цистерцианкам хартию об основании их монастыря	332
Мария Магдалина, перенесение тела в церковь Сен-Везелей (Йонна), XV век	387
Резня святого Варфоломея, The,	416
Максимилиан Австрийский с женой и сыном,	36
Члены Доминиканского ордена, самые известные	331
Гонец, несущий письмо в королевскую армию	52
Посланники султана беседуют с пленными христианами	129
(Военные костюмы с шестого по десятый век).	42
Чудесная месса святого Григория Великого, шестой век	210
Монограммы Христа,	205
Монс, Моберж и Нивель, основание аббатств,	316
Монтефрио, сдача города,	193
Мавританское оружие (Armeria Real, Мадрид),	44

Мортиры или подвижные повозки,	65
Погребальная ткань из церкви Фоллевиля (Сомма),	491
Погребальный лист Виталия, основателя аббатства Савиньи,	499
Мечеть Кордовы, интерьер восьмого века,	434
Траурные костюмы,	493
Мистический фонтан, Восьмой век,	223
Гвоздь, использованный при распятии Господа	376
Нангасаки, великомученичество (1622),	336
Никея, взятие крестоносцами,	116
Нормандское судно, одиннадцатый век,	76
Подношение ребенка аббату, тринадцатый век,	313
Сирота из венецианских больниц, шестнадцатый век	356
Православие, окруженное ловушками ереси,	398
Булонская Богоматерь,	390
"Благодать, чудотворный образ в Кембрии"	389
Богоматерь Грейс, укрывающая Великих Магистров Ордена Монтесса	192
Богоматерь Маунтсерратская, шестнадцатый век	381
"Владимир, чудотворный образ"	370
Картина, символизирующая катакомбы Рима, первый или второй век	207
Пятидесятница,	240
(Петр Отшельник, передающий послание папе Урбану II).	112
Филипп Август, посвящение,	290
Филипп Смелый в королевском костюме,	24
Филипп II., король Испании,	439
("Мавзолей Филиппа").	470
Пилигримы из Эммауса, The,	374

Истец и ответчик приносят присягу перед судьей, пятнадцатый век	158
Папская галера,	98
Пуп древней галеры,	75
Портрет графини Матильды,	260
Престер Джон и его паж,	109
Приорат бенедиктинцев, Кентербери, двенадцатый век	314
Приз турнира, The,	168
Шествие хозяев,	238
"Рыцари ордена Святого Духа",	200
(Носы галер, вооруженных шпорами).	95
Наказания, установленные Генрихом VIII против католиков	443
(Квинтайн, игра).	145
Поднятый камень, около Пуатье,	459
Жнецы смерти, The,	62
Прием кавалера ордена Святого Михаила,	199
Трапезная в приорстве Сен-Мартен-де-Шамп, XIII век	326
Мощи святого Филиппа, прикосновение к ним,	378
Реликварий из чеканной меди, XIII век	372
Реликварий Святого Торна, XIII век	325
Ремье, граф, несущий тело Святой Вероники в церковь Святого Водру в Монсе	366
Родос, план пятнадцатого века,	176
Ричард Кёр-де-Лион смертельно ранен при осаде замка Халус,	50
Роберт I., герцог Нормандии, во время паломничества в Иерусалим,	373
Церемония облачения епископа, четырнадцатый век	285
Родольф Габсбургский, император Германии, конная статуя	35
Катящаяся башня для подъема на стены городов,	66

Саббат, The,	410
Таинство Евхаристии, The,	234
Таинственная чаша, двенадцатый век,	233
Санча де Роксас,	195
Печать аббатства Сен-Дени,	317
"Коммуна Суассона",	15
"Конон де Бетюн, двенадцатый век"	7
"Эдуард, граф Ратлендский,	99
"Жерар де Сент-Аманд, двенадцатый век,	9
Печать воображаемого быка Люцифера, пятнадцатый век	422
Печать Иоанна, епископа Пюи и графа Велая (1305 г.),	28
Печать Иоанна Сан-Пера, герцога Бургундского	31
"Рыцари Христа", XIII век	189
Печать Ла-Рошли,	103
"Лорд из Корбейля (1196)",	20
("Монастырь Святого Людовика из Пуасси").	338
("Город Бостон").	94
"" Дувр,	85
"" Пул,	93
"" Сэндвич,	89
"" Ярмут,	86
Серветус, Михаил,	445
Семь христианских добродетелей с их символами,	355
Щит, подаренный Пиет V Дону Хуану Австрийскому,	271
Корабль крещения, шестнадцатый век,	232
Осада Тулузы, эпизод,	404
("Город: призыв к сдаче").	67

Одиночный бой, который будет решаться Божьим судом	161
Заседание Трентского собора 1555 г.	270
(Сикст II передает святому Лаврентию сокровища Церкви для распределения среди бедных).	341
Солдат времен Филиппа ле Бея,	51
Солдаты немецких банд,	64
Торжественный въезд императора Карла V. и папы Климента VII. в Болонью в 1529 году	268,269
Торжественное шествие в помощь городу Дижону,	239
Торжественный прием епископа, XV век	286
Суверенный понтифик, публичные и торжественные функции, семнадцатый век,	264
Испанская каравелла, на которой Колумб открыл Америку,	83
Испанский корабль, пятнадцатый век,	81
Духовные и временные силы, зависящие от Христа,	248
Святой Антоний Падуанский приказывает мулу поклониться Евхаристии,	334
Святой Антоний, статуэтка третьего века,	301
Святая Варвара,	364
Святой Бенедикт, история,	305,307
"Упрекающий Тотила", фреска XIII века,	43
Святой Бернард вступает во владение аббатством Клерво	327
(Святая Цецилия и Валериан, ее супруг).	425
(Святой Цезарий, похороны).	489
Святой Денис, несущий свою голову к месту погребения,	362
(Святой Доминик и альбигойцы).	429
Святая Елизавета Венгерская, пятнадцатый век,	348
(Святой Георгий и дракон).	202
Святой Жан де Винь, аббатство регулярных каноников в Суассоне (1076),	323
Святой Иероним в пустыне,	302
Св. Иоанн Капистранский,	132

(Святой Людовик и его братья, взятые в плен сарацинами).	128
(Святой Людовик в Карфагене, высадка).	131
("Подача трапезы беднякам").	351
Святой Михаил Архангел, предлагающий символ императорской власти византийскому императору	251
Святой Петр,	248
(Святая Радегонда принимает религиозную одежду от епископа Нуайона).	309
(Святой Савин и святой Киприан перед Максимом).	426
("Мученичество").	427
Святая Тереза,	336
Святой Фома, защищающий монашеские ордена, XIV век	332
Святой Винсент де Поль,	360
(Святой Вульфрам, епископ Сенса).	287
(Государственные перчатки, ранее находившиеся во владении Людовика XIII).	201
Каменные гробы,	457
Страдающие от танца святого Витта, отправляющиеся в паломничество,	392
Надпись на кресте Господнем,	377
Сдача гарнизона города,	68
Меч Изабеллы Католической,	139
Символы Троицы,	204
Синагога Толедо, Великого, третий век,	432
Тамплиер в дорожном костюме,	185
Тевтонский рыцарь,	196
(Томас Савойский дает хартию городу Камбрей).	16
Трехмачтовая галера, шестнадцатый век,	82
(Три таинства: крещение, конфирмация и покаяние).	231
Три таинства: брак, орден и крайнее воздержание	236
Гробница, галло-римская,	452

"Аделаида или Алиса, графиня Хайно"	462
Гробница Александра де Берневалья, архитектора церкви Святого Уана в Руане	472
Гробница Дю Гесклена,	464
("Святая Елизавета Венгерская").	461
("Людовик, герцог Орлеанский, и Валентина Миланская, его жена").	468
("Гробница Филиппа Пота, великого сенешаля Бургундии").	466
(Гробница святого Ремигия).	469
("Сибилла, жена Ги де Лузиньяна").	471
Адские муки, The,	485
Пытки, которым католики подвергали гугенотов на юге Франции	442
Тур дю Телеграф, Нарбонна, четырнадцатый век,	6
Башня в Бокере, XIII век	6
"Замок Фужер, двенадцатый век"	6
Башня замка Лош, двенадцатый век	6
Башня Нотр-Дам де Буэ, одиннадцатый век	487
Башня стены Провина, двенадцатый век	6
Аррасский договор, заключенный в 1191 году,	293
Древо битв, The,	29
Триумф Христа, семнадцатый век,	272
"Агнец", "Двенадцатый век"	229
Триумфальный сосуд, запряженный в машину на церемонии похорон императора Карла V.	492
Турельный корабль, защищавший Венецианский порт,	77
Тимпан в портике церкви Семур, одиннадцатый век,	346
Урбан II. председательствует на Клермонском соборе в 1095 году	262
Богородица Святого Луки, так называемая,	369
Военный трофей пленных варваров, второй век,	39

Сторожевая башня, пятнадцатый век,	69
Уиклиф, Джон,	409
Благотворительные работы, пятнадцатый век,	346
Зизим передан Карлу VIII,	178
Цвингл, Ульрих,	416

ВОЕННАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ

В

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ,

И В

ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ.

ФЕУДАЛИЗМ.

Происхождение.- Варварские законы.- Наследство.- Карл Великий и церковь.- Первое строительство крепостей.- Вассал и сюзерен.- Феодальные права.- Божье перемирие.- Феодальные церкви и аббатства.- Общинные принципы.- Новые волости.- Зарождение французской буржуазии.-Английская Магна Харта.-Алиенация фьефов.-Освобождение крепостных.-Имперские города.-Феодальные права епископов.-Сент-Луи.-Войны между Францией и Англией.-*Орская пуля*.-Генеральные штаты.-Происхождение третьего сословия.

Прежде чем проявить себя, феодализм уже давно постепенно развивался и, казалось, незримо двигался вперед во главе варваров-завоевателей римской Галлии. С того дня, как их великий вождь Хлодвиг разделил между своими *леудами*, или соратниками, земли, которые они завоевали ценой своей крови, сражаясь по его приказу, с того дня, когда после победы при Толбиаке (рис. 1) он, сам гордый сикамбер, принял чудесное крещение, подчинился и стал вассалом христианской церкви, одновременно возникли теократическая и военная аристократия. В этом одновременном двойном происхождении уже можно было усмотреть скрытую причину будущего неизбежного антагонизма между современным влиянием креста и материальной силой меча. Заговоры, кровожадные казни, постоянные восстания, разнообразные заговоры, в которых были замешаны то королевские леди, то главное духовенство; церковные порицания, непрерывно угрожавшие этим слепым и диким тиранам, которые, смиряясь с упреками, в то же время жаждали мести; безграничные амбиции, страшная ненависть, непрекращающаяся борьба враждующих рас; с одной стороны галло-романской (рис. 2 и 3) и ее наследница готика, с другой - варварские германцы и славяне, более или менее христианизированные; все это - бесконечные знаки, которыми на каждой последующей стадии современной цивилизации обозначалось наступление феодализма. Политическая система, которую варварский правовой кодекс открыл в интересах леудов, была полностью противоположна системе, санкционированной римским правом. Леуды желали, чтобы сеньор, владелец земли и людей, которые ее обрабатывают, обладал правом инфеудализации, то есть уступки в качестве неполноправного фригольда определенной части своих владений, передавая при этом концессионеру или вассалу не только права на землю, но и суверенитет над теми, кто ее занимает. Для того чтобы вассал утратил свои права, он должен был сначала не выполнить обязательства, взятые на себя при получении инвеституры фьефа. Уступка земель и связанные с ней права, составлявшие основу зарождающегося феодализма, более века находились в том состоянии колебания, которое предшествует устойчивому равновесию.

Рис. 1.- Битва при Толбиак и крещение короля Хлодвига - факсимиле гравюры на дереве в "Исторической книге Франции" in folio, напечатанной в Париже Гальо дю Пре в 1516 году.

Рис. 2.- Галло-римские лорды четвертого века.- Скульптура из гробницы галльского консула Йовина, генерала при императоре Юлиане, в Реймсе.

Рис. 3.- Конный варвар на римской службе.- С античного памятника.

Повелитель Франции, Германии и Италии, защитник церкви, Карл Великий (рис. 4) пользовался всеми прерогативами западных императоров. Дважды он освобождал Святую кафедру от ее врагов, а в Германии и Италии поставил свой меч на службу христианской вере. Один из пап, Адриан, возложил на него сан патрона; другой, преемник Адриана, Лев III, в 800 году возложил на его голову императорскую корону. Тогда можно было лучше, чем во времена римских и греческих императоров, увидеть зрелище Церкви, находящейся под защитой главы государства, которому сеньориальная аристократия оказывала феодальное повиновение и железной рукой контролировала их склонность к расколу. Феодализм, набиравший силу и уже знавший свою мощь, никогда не отступал; иногда он останавливался и замирал, но лишь ждал более благоприятного времени, чтобы продолжить свой путь. Преемниками Карла Великого были, по сути, не короли Франции и не императоры Германии, а феодалы, крупные землевладельцы; их могущество еще более возросло от того, что в 853 году эдикт Карла Лысого приказал восстановить старинные поместья, отремонтировать их укрепления и построить новые, чтобы остановить опустошительные нашествия норманнов, сарацин, венгров и датчан. Таким образом, Европа стала усеяна крепостями, за которыми находили убежище от нового потока варваров и вельможи, и злодеи. Вскоре почти не осталось ни одного ручья, горного перевала или важной дороги, которые не были бы защищены военными постами или крепкими стенами (рис. 5-10). Захватчики, ранее столь смелые и неукротимые из-за страха, который им удалось внушить, теперь прекратили свои набеги или, в крайнем случае, не отваживались дальше тех берегов, на которых высаживались. Мало-помалу к жителям вернулось чувство безопасности, и благополучие цивилизованного мира было обеспечено. Такая важная услуга, оказанная дворянами и

сеньорами обществу в целом, естественно, давала им законные права на исключительную опеку границ, которые они защищали от общего врага.

Рис. 4.- Статуя Карла Великого (ранее находилась в церкви Сен-Жюльен-ле-Повр, Париж).- Одиннадцатый-двенадцатый века.

Начиная с X века каждый дворянин, желавший получить от другого дворянина, более богатого или могущественного, чем он сам, участок земли в качестве вотчины и соглашавшийся таким образом стать его вассалом, лично заявлял в присутствии вождя, что в будущем желает быть его верным, преданным слугой и защитником до самой смерти; пристегнув меч к боку и положив шпоры на пятки, он торжественно клялся в этом на Святом писании. В последующей церемонии *hommage-lige* вассал, обнажив голову, опускался на одно колено и, вложив свои руки в руки сеньора, клялся ему в верности и обязывался следовать за ним на войну (рис. 11 и 12) - обязательство, не вытекающее из первого акта почтения, а именно из *hommage-simple*. Затем сеньор передавал ему землю или феодальный домен путем *инвеституры* или *конфискации*, что часто сопровождалось вручением символического знака, например, комка земли, палочки или камня, в соответствии с обычаями данной местности. Инвеститура королевств осуществлялась с помощью меча, провинций - с помощью штандарта.

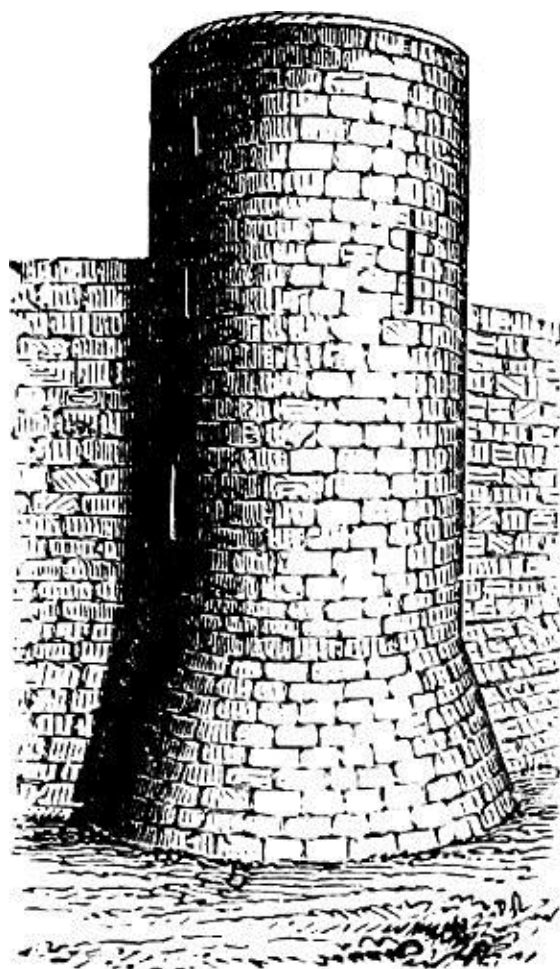

Рис. 5.- Башня на стенах Провина, двенадцатый век.

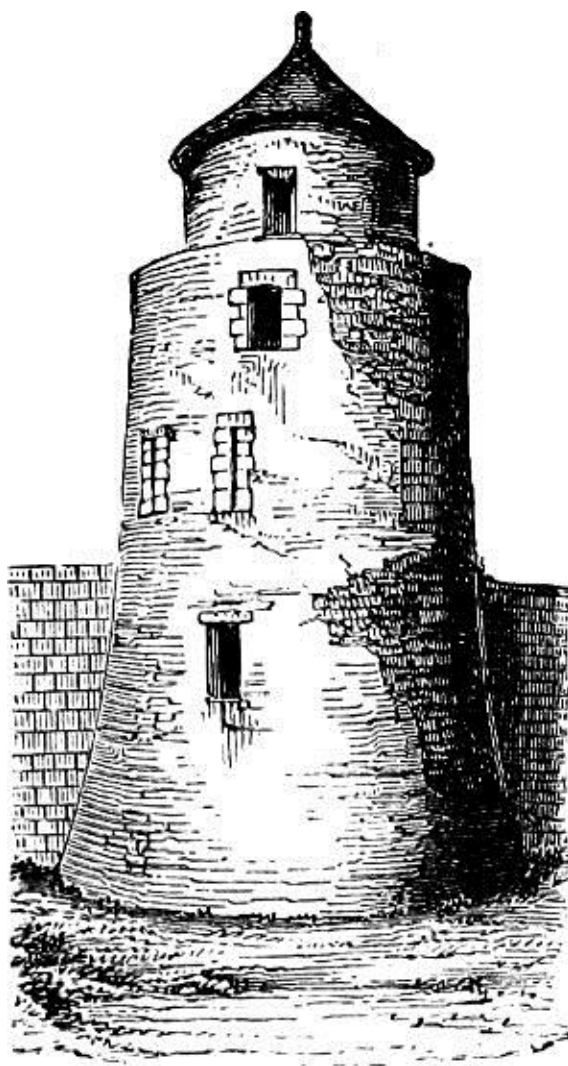

Рис. 6.- Башня замка Фужер, двенадцатый век.

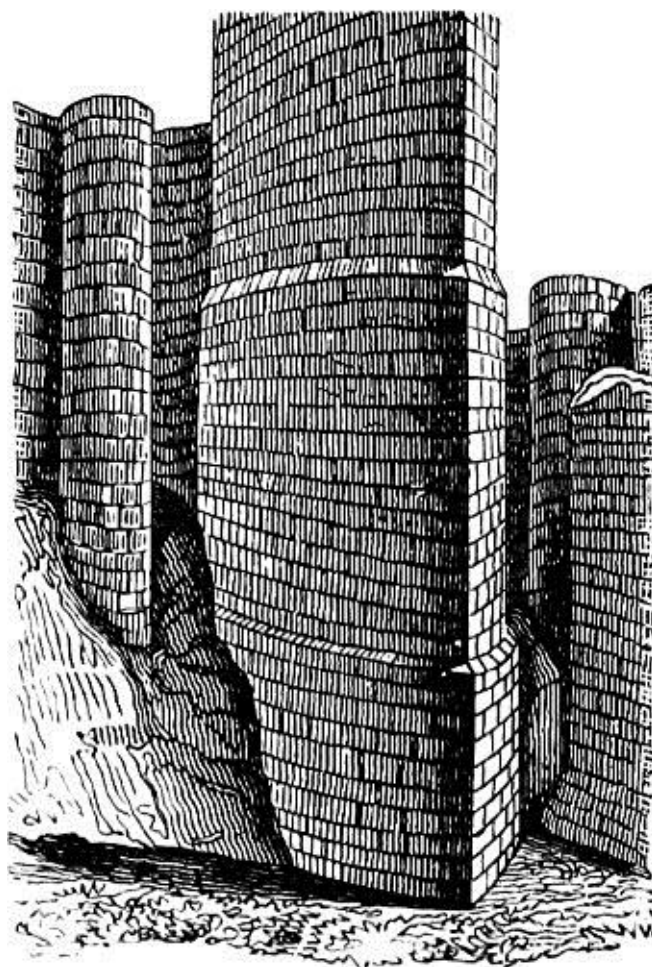

Рис. 7.- Башня замка Лош, двенадцатый век.

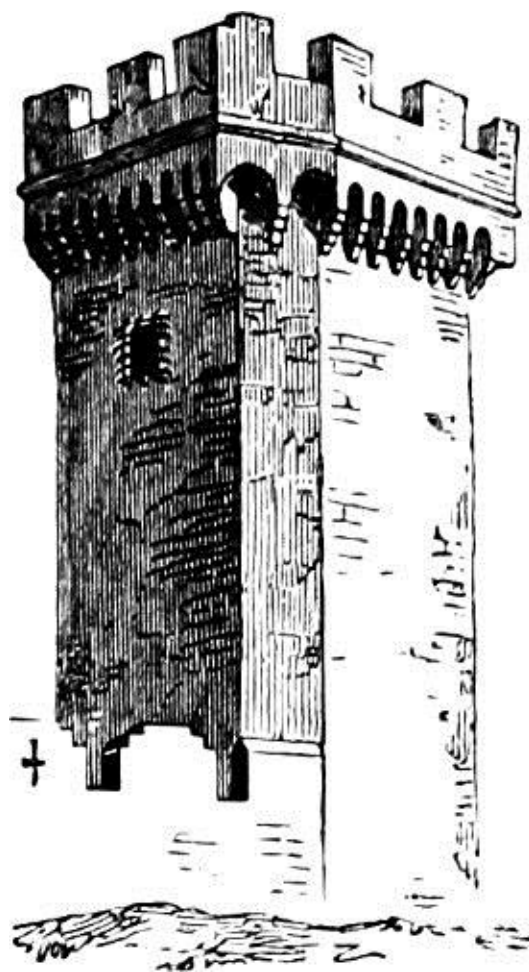

Рис. 8. - Башня Босера, XIII век.

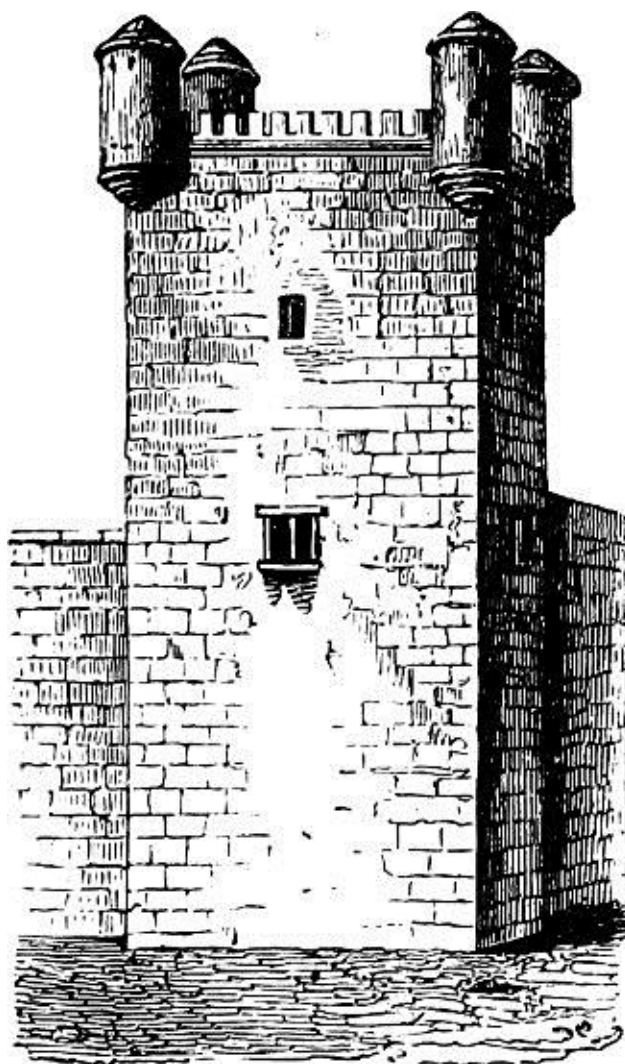

Рис. 9.-Тур дю Телеграф, Нарбонн, XIV век.

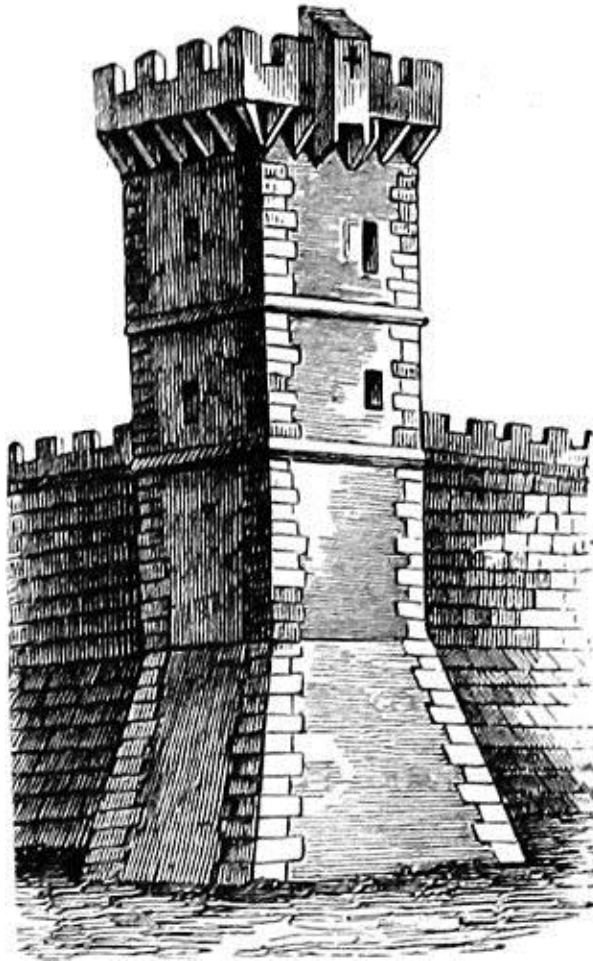

Рис. 10.- Старый замок Ангулема, XIII век.

Взаимные обязательства вассала и его сюзерена были многочисленными, некоторые моральные, некоторые материальные. Вассал был обязан лояльно хранить секреты, доверенные ему сюзереном (рис. 13), предотвращать и пресекать любое предательство со стороны своих врагов, защищать его, рискуя собственной жизнью, сдать своего коня на поле боя, если его господин потерял своего, пойти вместо него в плен, заставить уважать его честь и помогать ему советами. По простой просьбе сюзерена вассал был обязан следовать за ним на поле боя либо один, либо в сопровождении определенного количества вооруженных людей, в зависимости от важности фьефа. Длительность этой военной службы варьировалась, так же пропорционально фьефу, от двадцати до шестидесяти дней - срок, не позволявший совершать очень дальние походы. Феодальный сеньор стоял на месте государя и, будучи наделен исполнительной властью, должен был для ее осуществления прибегать к скрытой силе, распределенной между его вассалами, и, естественно, делал это в соответствии с собственным удобством. Правосудие, осуществляемое таким образом, называлось *fianse*, то есть общественная безопасность. Сеньор имел обыкновение созывать людей своего фьефа или фьефов на свои *плеяды*, или ассизы, либо для того, чтобы они помогали ему своими советами, либо чтобы они выступали вместе с ним в качестве судей, либо чтобы исполнять приговоры, которые он выносил. Он имел право на два вида помощи - обязательную, или *юридическую*, и добровольную, или *милостивую*. Юридическая помощь полагалась вассалу в трех случаях: когда сеньор попадал в плен и должен был заплатить выкуп, когда его старший сын собирался стать рыцарем и когда он выдавал замуж свою старшую дочь. В феодальном обществе эти пособия занимали место государственных налогов, которые в древности, как и в наши дни, собирались только государством; они

отличались, однако, тем, что не подлежали уплате в какие-либо установленные сроки, и, возможно, никогда не могли быть абсолютно принудительными, они были своего рода добровольным даром, от дарования которого, однако, мало кто из вассалов осмеливался освободиться.

Рис. 11. Акт веры и почтения, XII век. Печать Конона де Бетюна, хранящаяся в Национальном архиве Франции.

Рис. 12.- Акт веры и почтения, XIII век. Печать, изображающая Раймонда де Мон-Драгона, стоящего на коленях перед архиепископом Арля, его сюзереном, хранится в Национальном архиве Франции.

Сеньор, который никогда не отказывался от своего суверенитета над вассалом, иногда вмешивался в некоторые существенные изменения, необходимые для фьефа, - изменения, которые вассал был некомпетентен предпринять. Они порождали новые права и становились новым источником дохода для сеньора. Например, сеньор имел право, во-первых, на право *помощи* - денежную сумму, выплачиваемую каждым совершеннолетним лицом, унаследовавшим владение фьефом, причем эта сумма становилась больше по мере того, как линия наследования становилась менее прямой; во-вторых, на право *отчуждения*, выплачиваемое теми, кто продавал или отчуждал фьеф каким-либо образом; в-третьих, права *выморочного имущества* и *конфискации*, в соответствии с которыми фьеф возвращался к сюзерену, когда вассал умирал, не оставив наследника, или когда в результате какого-либо своего поступка он подвергался наказанию в виде лишения феодальных прав; в-четвертых, право *опеки*, в силу которого сеньор во время несовершеннолетия своих вассалов осуществлял опеку и управление фьефом, а также пользовался его доходами; в-пятых, право *брака*, которое заключалось в поиске мужа для женщины, наследующей фьеф; это право давало сеньору привилегию заставить ее выбрать одного из женихов, которых он решил ей представить.

Пока вассал неукоснительно выполнял свои многочисленные и деликатные обязательства, он мог считать себя абсолютным хозяином своего фьефа, мог частично или полностью его субфеодализировать и стать, в свою очередь, сюзереном вассалов низшего

порядка, называемых *вассорами*, которые были обязаны выполнять перед ним те же обязательства, что и он сам перед своим сеньором. С другой стороны, сюзерен обязан был соблюдать свой договор, не лишать своего вассала без законных оснований, но защищать его и оказывать ему во всех случаях существенную справедливость. Более того, это было в его интересах, поскольку процветание фьефа зависело от безопасности и благополучия вассала.

Рис. 13. Акт веры и почтения с легендой "*Secretum meum michi*" ("Мой секрет - для меня самого"). Печать Жерара де Сент-Аманда, 1199 г., Национальный архив Франции.

Вассалы одного и того же сюзерена, проживающие на одной территории и владеющие вотчинами одинаковой стоимости, назывались *парами* (*pares*), или равными. Сюзерены всех рангов, включая короля, имели свои *пары*, и каждый мог претендовать на привилегию быть судимым этими *парами* в присутствии своего непосредственного сеньора. Если сеньор отказывался действовать по справедливости, а вассал считал себя осужденным несправедливо, он имел право подать апелляцию в случае нарушения справедливости сюзерену своего сеньора. В феодальном обществе преобладало и другое право апелляции - право оружия. Дворяне, как правило, предпочитали сами вершить правосудие, а не ждать от других медленного и неопределенного решения. Из-за этого было так много мелких войн и так много отчаянной и кровавой борьбы между различными сеньориями. Сила делает право; но обычай, тем не менее, в некоторой степени регулировал формальности, предшествовавшие этим междоусобным конфликтам, чтобы сеньор или вассал, на которого собирались напасть, был предупрежден и мог быть начеку (рис. 14 и 15). Кроме того, чтобы как можно больше исправить беды, вытекающие из этих вечных споров, церковь имела право приостанавливать и предотвращать их под страхом отлучения от церкви с заката в среду до восхода солнца в понедельник во время праздников Великого поста и Адвента, а

также во все периоды высокой религиозной торжественности. Это был *мир* или *перемирие* Божье.

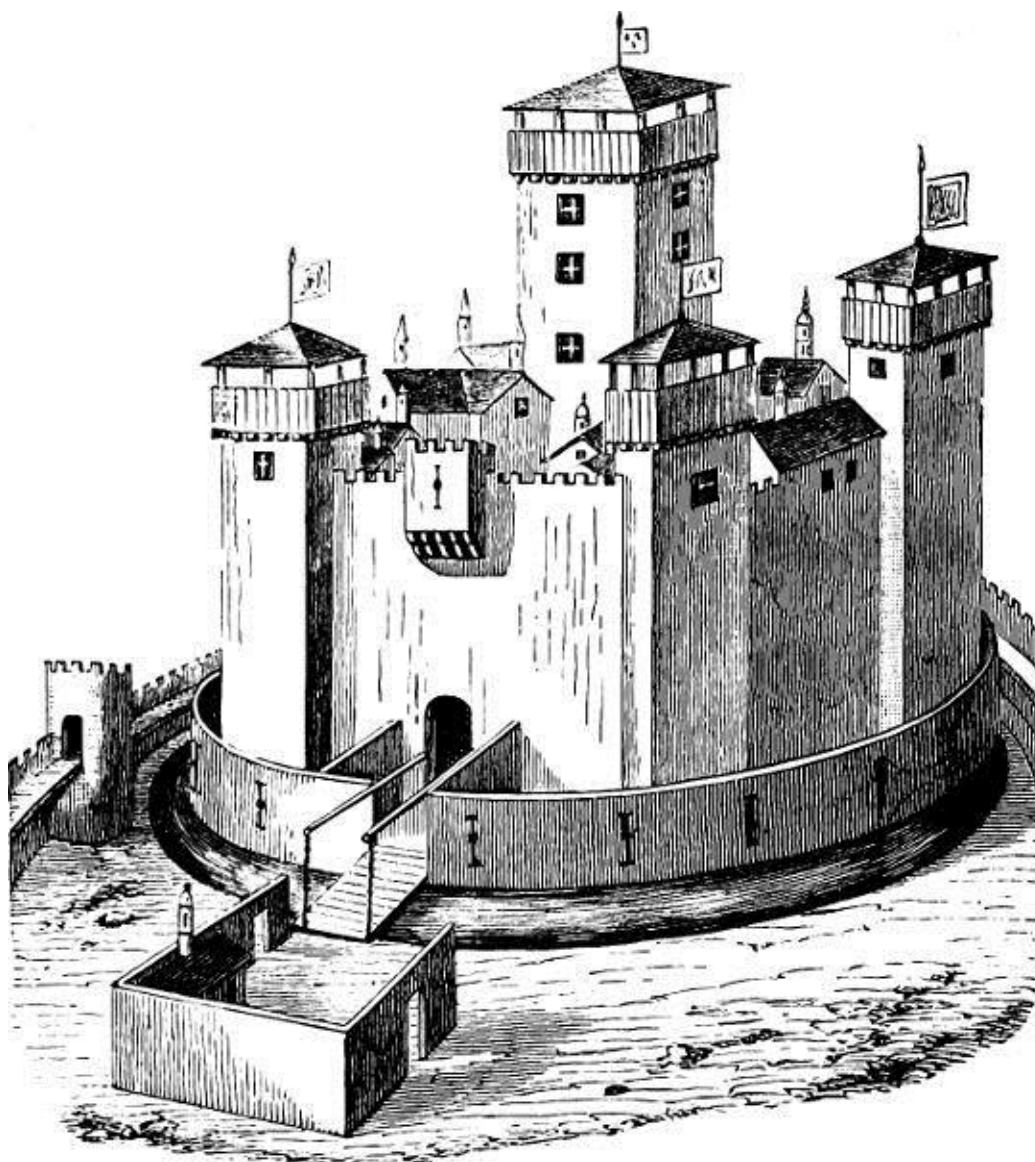

Рис. 14. Замок де ла Пануз (Авейрон), тип французского феодального замка XIV века, остатки которого сохранились до сих пор - по миниатюре в рукописи Национальной библиотеки Парижа.

Сеньоры не обладали правом единого правосудия. Во Франции были признаны высшая, средняя и низшая судебные инстанции. Только первый обладал правом жизни и смерти. К более значительным фьефам обычно прилагалось право вершить высшее правосудие, но из этого правила были исключения. Например, *вавассер* мог иногда обжаловать высшее правосудие, а сеньор, имевший право осуществлять только низшее правосудие, мог подвергнуть смерти всех разбойников, пойманных на его землях *на месте преступления*.

Рис. 15. Вид на замок Пьерфон (начало XV века), восстановленный М. Виолле-ле-Дюком в его "Архитектурном словаре".

Привилегия чеканить деньги, всегда являвшаяся надежным показателем суверенитета, а также исключение всякой иностранной юрисдикции и всякой внешней власти из области каждого фьефа также составляли две важные прерогативы. Наконец, фьеф с его привилегиями всегда оставался неприкосновенным; он неизменно переходил к старшему в роду, при единственном условии, что он платил дань сюзерену.

Большинство церквей и аббатств, таких как Сен-Дени, Сен-Мартен-де-Шам и Сен-Жермен-де-Пре (рис. 16), которые гордо возвышались своими башнями и шпилями напротив Лувра королей Франции, сами пользовались всеми феодальными правами, которые они приобрели благодаря территориальным владениям, а также уступкам, щедро предоставленным им их государями. Архиепископы, епископы и аббаты становились темпоральными лордами и, следовательно, были вынуждены иметь вассалов для военной службы, содержать суд и монетный двор, тем самым объединяя - в случае епископов, имевших временное звание графа, - духовную и политическую власть.

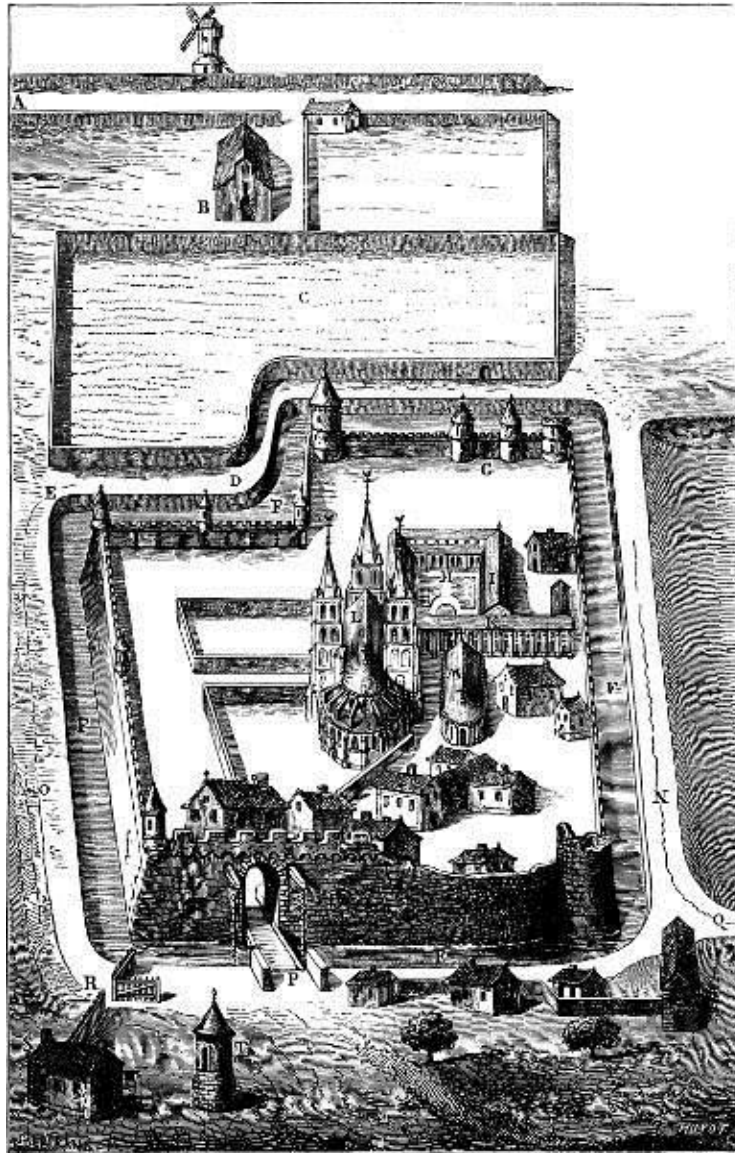

Рис. 16. Вид аббатства Сен-Жермен-де-Пре с востока, как оно выглядело в 1361 г. Факсимиле гравюры из "Истории Сен-Жермен-де-Пре" Дома Буйяра: in folio.

А, дорога, ведущая к реке Сене; В, часовня Св. Петра; С - тесный двор; D - дорога, ведущая к Пре-о-Клерк; Е - место пролома; F - ров; G - Папские ворота; Н - клуатр; I - трапезная; К - dormitorio; L - церковь; М - часовня Девы Марии; N, дорога между рвом и Пре-о-Клерк; О, пространство между барьером и улицей Сизо; Р, Большие ворота монастыря; Q, дорога к реке; R, барьер рядом со рвом; S, трактир под названием "Ружейный замок"; Т, пилуля.

Эта двойная власть делала прелата сюзереном всех сеньоров в его диоцезе. К концу X века феодальные епископы, благодаря разрешению мирянам завещать свое имущество церкви, а также строгости законов, запрещавших отчуждение церковной собственности, владели пятой частью всех французских и английских земель и почти третью Германии; В то время как последний из оставшихся в живых Карловингов мог претендовать только на город Лаон, где он проживал, настолько его предшественники лишились своих земель в пользу своих великих вассалов, которые, тем не менее, признавали его своим сюзереном. В XI веке Европа была разделена на множество вотчин, каждая из которых имела свой собственный образ жизни, свои законы, свои обычаи и своего церковного или светского главу, который был настолько независим, насколько это вообще возможно. Вокруг них, но в определенных условиях зависимости и подчинения, развивался гораздо более многочисленный класс вольноотпущенников. Постепенно ручной труд и усилия растущего интеллекта привели к

политическому существованию буржуа, достойных представителей трудящейся части общества. Участие последних не всегда носило пассивный характер. Уже в 987 году злодеи Нормандии восстали и объединились против своих феодалов, требуя права на рыбную ловлю и погоню, а также привилегии иметь собственную администрацию и магистратуру; так проявилась врожденная сила народа: города и округа были заселены жителями, которые держали свои дома в аренде у сеньоров - собственников земли - под определенными подневольными обязательствами по уплате налогов. Как только установление иерархии вотчин положило конец раздорам и анархии, начали проявляться зародыши Великой революции, призванной вернуть гражданскую свободу наследникам тех бесчисленных жителей, которых несчастья Галлии и тирания императоров привели к рабству. Так зародилось движение коммун, и город Манс, как правило, считается первым, кто подал пример заговора против сеньора, организованного рабочими классами. В анналах Меца около 1098 года мы находим запись о пожизненном избрании *мэтра-эшевена* (верховного шерифа) по имени Миллон вместо одного, по имени Эннолу-Бертин, который был избран на один год, но который, несомненно, был не первым на своем посту. Кроме того, мы видим эшевентский совет, называемый советом двенадцати, который выполнял одновременно магистерские, административные и военные функции. В то же время Мец обладал графом по имени Джеральд, которого в 1063 году сменил другой граф по имени Фольмар. Кроме того, у него был епископ, богатый, могущественный, твердый, полный знаний, по имени Адальберон, любимец папы и императора, достаточно влиятельный, чтобы получить все, но никогда не просивший ничего, кроме того, что было справедливо. Таким образом, именно под защитой графского меча и епископского посоха начали расти муниципальные свободы Меца - свободы, которые в течение одного столетия стали настолько развитыми и сильными, что Бертрам, другой епископ саксонского происхождения, взял на себя задачу ограничить их и попытался регулировать их хартией, которая вернула церкви избирательное, но не правительственное влияние. Эта первая коммунальная организация, ставшая образцом многих других муниципалитетов во Франции и в Германии, была открыта без кровопролития. Но так было не везде: в Камбрэ, например, коммуна была создана только после столетия открытой войны между жителями и епископом, их сюзереном. В Лаоне, древнем феодальном городе, где дворяне и бюргеры занимались разбоем, где епископ, известный воин и охотник, имел привычку делить с сановниками своего собора и аристократией города плоды своих поборов, коммуна была открыта кровью епископа, который был убит в разгар ужасного восстания. Города Амьен, Бове, Нуайон, Сен-Кантен, Сенс, Суассон (рис. 17) и Везелей претерпели почти те же превратности, что Камбрей и Лаон, и в конце концов достигли, после аналогичных испытаний, аналогичного положения. Пожалуй, Камбрей, из всех французских коммун, был наиболее требователен к феодальной власти, которую он попирали ногами. "Ни император, ни императрица не могут облагать мой асессор ни налогами, ни податями, и ничем не могут иссушить его злобу, кроме как охраной и защитой города, и все это с тех пор, как кок поет до ночи"^[11]. Ни один вассал никогда не требовал и не получал больше при осуществлении своих феодальных прав (рис. 18).

Рис. 17. Печать коммуны Суассона, изображающая мэра Суассона, вооруженного до зубов, в окружении шерифов города (1228 г.) - Национальный архив Франции.

Введение коммунальной системы прошло без борьбы и почти без сопротивления, как полезная и необходимая реформа в Меце, в Реймсе, в нескольких городах средней полосы, таких как Бурж, Мулен, Лион, Перигё, и в большинстве южных городов, таких как Арль, Эгю-Морте (рис. 19), Марсель, Нарбонн, Кагор (рис. 20), Каркассон (рис. 21), Ним и Бордо. Это объясняется тем, что такое самостоятельное действие народа было подготовлено системой, принятой франками, которые не допускали различий между положением завоеванных и завоевателей. Права, которыми они могли пользоваться, и обязанности, которые они должны были выполнять, были поровну распределены между всеми вольноотпущенниками монархии без различия национальности; франки опасались бы, если бы действовали иначе, что они оставляют за государем возможность использовать угнетенные народы как оружие для победы над самими завоевателями и что таким образом они могут оставить лазейку, через которую монархия может выродиться в деспотию.

Рис. 18. Томас Савойский, граф Фландрии, и Жанна, его жена, дарят городу Камбрэ хартию мира, заключенного между графами Хайно и капитулом Камбрэ в 1240 г. Миниатюра из "Chroniques de Hainaut", рукопись XV в. (Бургундская библиотека, Брюссель).

За Альпами, особенно в Ломбардии, под влиянием либеральных институтов развивались торговля и производство, в частности, в Милане, Павии, Вероне и Флоренции, и в еще большей степени, благодаря их положению на морском берегу, в Венеции и Генуе. В этих богатых и процветающих городах синьориальная знать и церковь господствовали бок о бок, пользуясь почти равным и параллельным влиянием, и когда феодализм попытался поглотить их своей нестигаемой деспотией, мануфактурные и торговые классы, выбрав в качестве своих лидеров нескольких наиболее выдающихся ремесленников и наиболее уважаемых представителей духовенства, объединились с мелкой сельской знатью и, при поддержке вассалов последней, сумели отразить ее сокрушительное иго. Однако это было сделано не без огромной борьбы, не без мучительных испытаний и тяжелых жертв.

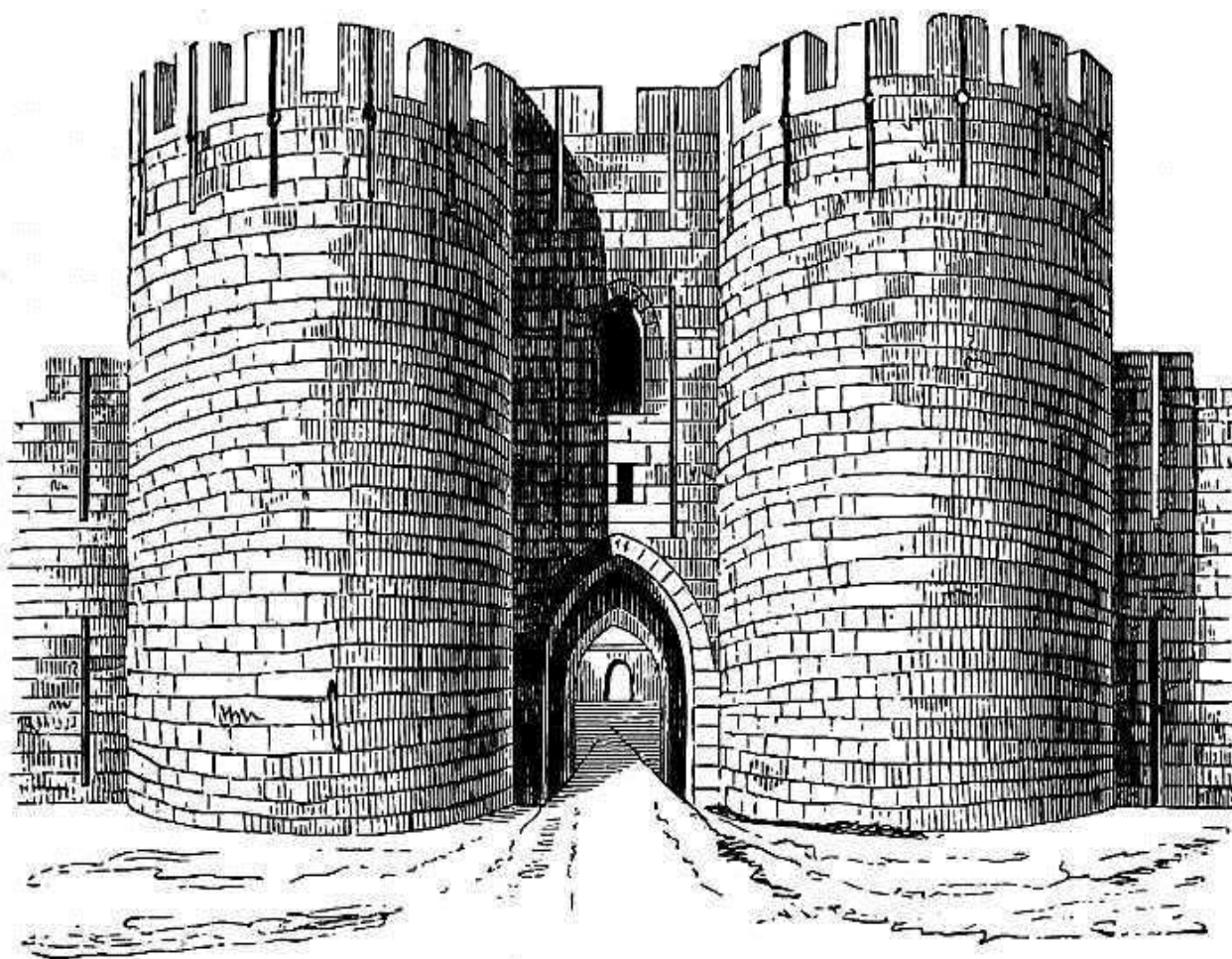

Рис. 19. Укрепленные ворота города Эгю-Мортес, который в 1246 году получил коммунальную хартию (Военная архитектура XIII века).

В Низких странах, где всегда так высоко возвышались чувства местного патриотизма, борьба злодеев с дворянами, светскими или церковными, мало чем отличалась от борьбы городов на севере Франции с сеньорами, но принимала более широкие масштабы в соответствии с огромными ресурсами всех видов, которые были в их распоряжении. У феодала были разводные мосты, крепостные стены и вооруженные люди, закованные в железо; но его мятежный вассал мог похвастаться на своей стороне, помимо узких и извилистых улочек своей крепости и количества своих соратников, множеством боевых машин и хорошо сделанного оружия, которое он сам изготовил. Когда феодализм, чтобы подавить то, что он тогда называл населением, призвал под свои знамена полчища авантюристов, набранных со всех концов света, он столкнулся с недисциплинированными отрядами вооруженных механиков и ремесленников, которые выходили из Гента, Брюгге и Льежа и нередко возвращались с победой.

Рис. 20.- Укрепленный мост, ведущий из Валентре в Кагор (1308 г.).

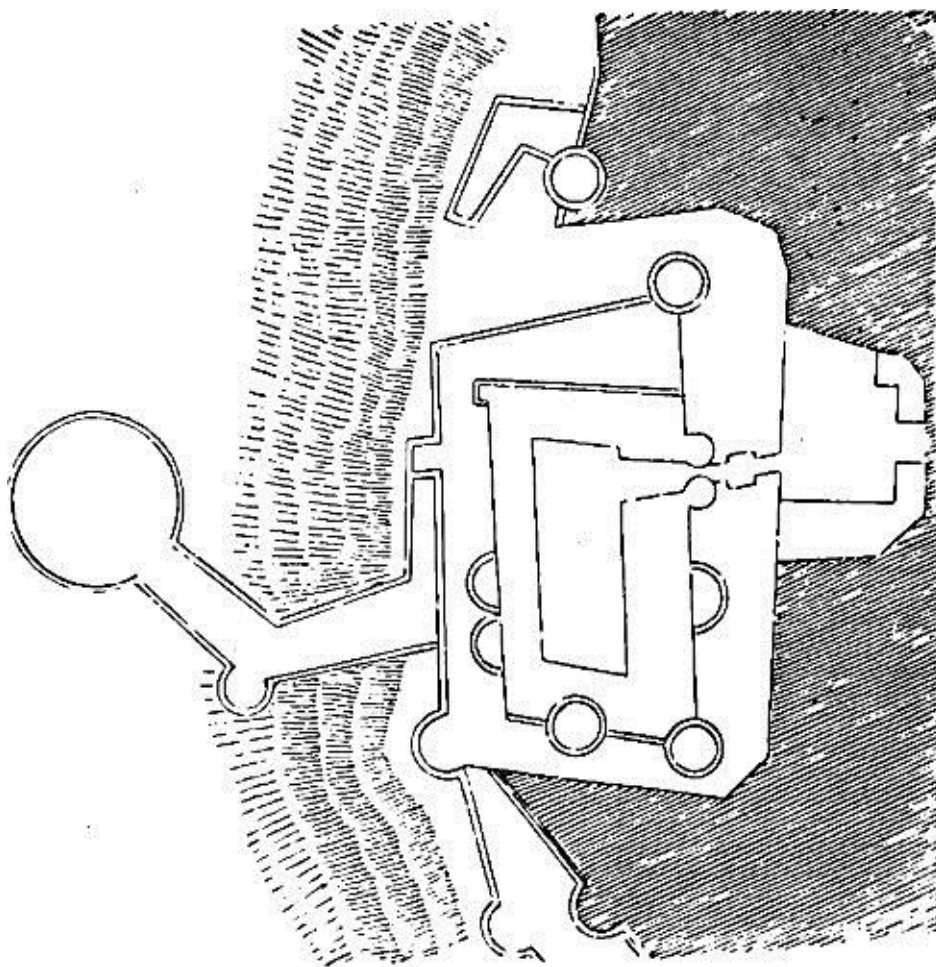

Рис. 21.- План укрепленного города Каркассон (XIII век).

За Мёзом, Мозелем и Рейном процветал феодализм. Повсюду возвышенные крепости, окруженные тройным рвом, отбрасывали свои тени на землю, хотя города пользовались полной муниципальной свободой и нередко становились незаинтересованными зрителями страшных схваток, которые вели между собой феодальные дворяне. Нигде феодализм не проявлял такого высокомерия и такого варварства, как в Германии, которая напоминала огромный лагерь, куда стекались дворяне, чтобы встретиться лицом к лицу в отчаянном бою.

Когда промышленные и многолюдные города Германии стали требовать муниципальных свобод, подобных тем, которыми пользуются города Франции, Италии и Низких стран, император поспешил удовлетворить и подтвердить их желания. Более того, он предоставил им право *немедленной апелляции* к князьям империи - то есть любые города, расположенные на территории какого-либо князя, были ответственны не перед последним, а непосредственно и сразу перед самим императором, который таким образом заложил для себя фундамент прочной естественной опоры в самом сердце крупных вотчин. Города Германии, и без того богатые и процветающие, увеличили свою торговлю и свое богатство благодаря новому положению, которое они таким образом приобрели.

Император Генрих V в значительной степени способствовал этой мирной революции, предоставив привилегии низшему классу граждан и ремесленникам, которые до этого времени, согласно духу римского права, жили отдельно от вольноотпущенников и находились на самой низкой ступени социальной шкалы. В частности, он освободил их от рабства обычая, в силу которого сеньор после их смерти получал право на все их личное

имущество или, по крайней мере, имел право претендовать на все стоящее, что они оставили после себя.

Во многих городах Генрих V лишил епископа его мирской власти, а бюргеров объединил в компании или гильдии в соответствии с характером их ручного труда, и этот обычай был немедленно подражаем и принят в других торговых странах. Буржуазия, организованная таким образом в отдельные группы, вскоре избрала между собой советы, члены которых, под управлением *сенаторов*, *prud'hommes*, *bonshommes*, *echevins* и *jurymen*, начинали с оказания помощи представителю императорской власти, будь то герцог, граф, судья или епископ, а заканчивали тем, что осуществляли особую и независимую власть, не над вассалами, а над гражданами и простолюдными.

Спрашивается, что же тогда представляла собой коммуна, которая с большими или меньшими усилиями и жертвами утвердилась в главных частях Европы? И далее, поскольку коммуне так или иначе удалось утвердиться, какие привилегии или иммунитеты остались у феодала, будь то священнослужитель или мирянин? Гильберт де Ножан, открытый противник коммунальных институтов, пожалуй, даст лучший ответ на эти вопросы: "Те, кто платит налоги, теперь лишь раз в год вносят ренту, которую они должны своему сеньору. Если они совершат какой-нибудь проступок, им придется, самое большее, заплатить штраф, размер которого установлен законом; что же касается денег, которые раньше взимались с крепостных, то теперь они от них полностью освобождены". Гильберт де Ножан мог бы назвать и другие победы, одержанные буржуа, победы, которые были еще более важны по своему моральному влиянию и которым рано или поздно суждено было изменить лицо общества. Что касается более разумных сеньоров, которые лучше понимали свои личные интересы, а также логические результаты отеческого правления, то они пытались поддержать инстинктивное движение сельского населения, которое, чтобы оградить себя от тирании, поборов и плохого обращения своих феодалов, имело привычку искать убежища и защиты у какого-нибудь сеньора, более гуманного или более политичного, чем остальные, и, полагаясь на общинную хартию, селиться у валов какого-нибудь сеньориального поместья (рис. 22). 22), вокруг какой-нибудь церкви с бойницами или в тени укрепленного монастыря.

Рис. 22. Печать сеньора Корбейля (1196 г.) - Национальный архив Франции.

В этих случаях сеньор получал много трудоспособных мужчин - ремесленников, земледельцев, а в случае необходимости - солдат; кроме того, он получал доход и влияние.

Легко понять, что в те времена было составлено множество хартий, подобных следующей, которую стоит привести в качестве примера: "Я, Генрих, граф Труа, объявляю всем присутствующим и будущим, что я установил нижеуказанные правила для жителей моего нового города (в окрестностях Пон-сюр-Сен) между мостами Пюньи. Каждый житель упомянутого города должен ежегодно платить двенадцать динаров и меру овса в качестве платы за свое жилище, а если он желает иметь часть земли или луга, то должен платить по четыре динара ежегодно за каждый акр. Дома, виноградники и поля могут быть проданы или отчуждены по желанию владельца. Люди, проживающие в этом городе, не должны отправляться в *ост* (полевое войско) или присоединяться к какому-либо походу, если только я сам не буду стоять во главе их. Кроме того, я разрешаю им иметь шесть олдерменов для управления обычными делами города и для помощи моему проректору в его обязанностях. Я постановил, что ни одному сеньору, будь то рыцарь или другой, не будет позволено выводить из города кого-либо из жителей по какой бы то ни было причине, если только это не его собственные люди или если он не должен сеньору какие-либо задолженности по налогам" - дано в Провине, в год Воплощения, 1175. Это название *Вильнев*, которое так часто повторяется в хартиях и актах Средневековья, как, например, Вильнев-л'Этанг, Вильнев-Сен-Жорж, Вильнев-ле-Руа, Вильнев-лез-Авиньон и т.д., свидетельствует о том, что в двенадцатом веке это было обычным событием, а именно о создании свободного города, с самого рождения наделенного правами, с небольшими и незначительными платежами в пользу сеньора, жители которого, но еще вчера крепостные или злодеи, теперь были

владельцами участков земли, которыми они могли распоряжаться или завещать, как по дарственной, так и по завещанию, под непосредственной защитой своего номинального сеньора.

Рис. 23. Ферран Португальский, граф Фландрии, взятый в плен в битве при Бувине и доставленный в Париж: "Духовенство и миряне поют гимны и песни" - факсимиле миниатюры в "Chroniques de Hainaut", рукописи XV века (Бургундская библиотека, Брюссель).

Некоторые древние города королевских владений Франции, такие как Париж, Орлеан, Мо, Сенли и другие, которые, кажется, не сохранили ни малейших следов римских институтов, за исключением компании *Nautes Parisiennes*, которые были истинными основателями древнего муниципалитета Парижа, управлялись проректором, который был офицером и лейтенантом короля, их сеньора, и они также пользовались некоторыми особыми вольностями и привилегиями. В 1137 году Людовик VII, по предложению своего министра Шугера, запретил своему прокурору и чиновникам досаждать бюргерам каким бы то ни было образом и сам установил размер их налогов. Десять лет спустя тот же государь отменил право *mortmain*, пресек злоупотребления фискалов, ввел судебную систему и значительно поощрил торговлю. Людовик VII действовал так не как король, а как сеньор сюзерен. Французская буржуазия в это время зародилась совсем недавно; она возникла из торжествующего вилланажа и начала формировать новую ветвь, из которой через несколько

столетий должно было возникнуть третье сословие. Юридическая юрисдикция и право чеканки монет, феодальные привилегии, к которым королевский сюзерен всегда относился очень ревниво, были для него милостью, которой он тогда пользовался крайне редко. Филипп-Август лучше своих предшественников понимал интересы королевской власти, поэтому он милостиво даровал семьдесят восемь общинных хартий; он был вознагражден действенной помощью, которую общинные сборы оказали ему в битве при Бувине (1214), когда ему посчастливилось свергнуть коалицию, которую иностранный феодализм создал с его мятежными великими вассалами. Он заставил последних вернуться к исполнению своих обязанностей, а один из них, граф Фландрии, двенадцать лет оставался пленником в главной башне Лувра (рис. 23). Филипп-Август не постеснялся дать правовую конституцию буржуазии Парижа и главных городов в противовес феодальному дворянству.

Общинное движение, естественное развитие юридических прав, введенных франками, едва ли было ощутимо в Англии. Уже задолго до нормандского завоевания, под властью англосаксов, многие оживленные города, богатые и многолюдные, такие как Кентерберри, Лондон, Оксфорд и Йорк, принимали участие в государственных делах, правда, ограниченное, но достаточное для их благополучия и процветания. Победоносное вторжение Вильгельма Нормандского, столь губительное для всей страны, оказалось еще более губительным для крупных городов, которые были вынуждены наблюдать свое собственное материальное разорение, секвестр и конфискацию имущества, рассеяние и обнищание жителей, земледельцев и фермеров. Не имея больше возможности прибегнуть к защите покладистого государя, они были вынуждены склонить головы под властью чужаков, удачливых авантюристов, дерзких, требовательных, деспотичных и жестоких людей, не верящих ни в какую веру и не подчиняющихся никаким законам, - самых отбросов французского феодализма. Король Генрих I, третий сын Вильгельма Завоевателя, после многих кровопролитных боев, в которых его бароны не были обделены его верностью, даровал им знаменитую хартию под названием Магна Чарта, которую обычно, хотя и ошибочно, считают основой английских свобод, но которая, однако, на самом деле относится к более раннему периоду; в то же время (1132) он освободил бургов Лондона от плачевного состояния деградации, в котором они находились со времен Завоевания. В правление Генриха II - административного и судебного реформатора - не только в Англии, но и в завоеванных им частях Шотландии и Ирландии (1154-1182), жители многих городов получили право покупать в собственность землю, которую они занимали, и освобождаться от нескольких специальных налогов, выплачивая фиксированную сумму феодалу. С этого момента возникла та надменная буржуазия, с которой баронам вскоре пришлось считаться, класс, которому Джон Лакленд благоволил в той же мере, в какой он боялся постоянных восстаний феодальных сеньоров. Дважды принц Людовик, сын Филиппа-Августа, был призван англо-норманнскими баронами пересечь канал с армией, чтобы заставить английского короля выполнить пункты хартий, которые он даровал своим великим вассалам (1215-1216); с другой стороны, города и коммуны, ставшие богатыми и могущественными благодаря привилегиям, которые были им дарованы, а также разумной деятельности их мануфактур, заставили дворян уважать их. Последние больше не пытались принуждать к помощи, а просили ее, часто даже смиренно, так что коммуны и земельная аристократия заняли равное положение в феодальной иерархии. Титулы *дворян* и *баронов*, присвоенные ведущим горожанам Лондона и Синкве-Порта, подняли средний класс на более высокую ступень. Для того чтобы оно, и без того могущественное благодаря своему богатству и союзам, стало политическим органом, ему требовалась лишь привилегия посылать представителей в парламент, которая была предоставлена в 1264 году главным городам королевства.

Рис. 24. Филипп III, прозванный "Смелым", в королевском костюме - с миниатюры в рукописи XIV века (Бургундская библиотека, Брюссель).

Во Франции примерно в тот же период промышленная и торговая буржуазия получила места в тайном совете Святого Людовика и, продвигаясь в области литературы и науки, постепенно завладела всеми кафедрами в университете. Уже в правление Филиппа Смелого (рис. 24) она заняла все высшие должности в судебной системе, а значит, и место в крупных бейликах и парламентах, откуда феодальная знать не гнушалась ее вытеснять и что через некоторое время позволило ей оказать успешное сопротивление злоупотреблениям властью со стороны этой самой знати, авторитет которой неуклонно падал. Допущенная Филиппом-Белем к участию в общих собраниях нации и сессиях Генеральных штатов, буржуазия стала одним из государств, орденом королевства, то есть *tiers-état*. Она поглотила должности, относящиеся к общему управлению и финансам, она обеспечила низшие слои духовенства большинством своих выдающихся представителей, а муниципалитеты - наиболее одаренными магистратами; она получила право приобретать должности, которые несли с собой дворянство, владеть сеньориальными доменами с высокой и мелкой

юстицией, и таким образом она, как плющ, пробила в щели феодальной постройки, которая камень за камнем рассыпалась на куски. Филипп-ле-Бель, прозванный *королем юристов*, которые в значительной степени помогали ему в осуществлении его замыслов, оказался, как следствие, королем общин (*tiers-état*) и тайным врагом церкви и дворянства. Последние, доблестные и рыцарственные, но лишенные дальновидности, бросаясь с головой во всевозможные авантюры, заботясь только о дерзких и воинских подвигах, невзирая на свои материальные интересы, постепенно позволили буржуазии, ссужавшей их деньгами под залог, и *voués* или *procureurs*, разорявшим их, лишиться значительной части своих владений. Упадок их богатства начался со времен Первого крестового похода, когда они обложили свои поместья, чтобы оплатить расходы на дальние экспедиции, которые они предпринимали почти полностью за свой счет; а когда они захотели вернуть себе владения, которые они передали третьим лицам, то обнаружили, что они обременены новыми долгами, которые были сделаны во время их отсутствия, и приносят лишь номинальный доход из-за отсутствия рук для возделывания земли. Тогда они были вынуждены продать часть имущества, причем с большими потерями. Единственным выходом оставалась уступка феодальных привилегий, и таким образом дворяне потеряли право чеканить деньги и вершить правосудие, а государи, в частности Филипп-ле-Бель, поддерживаемый буржуазией, усилили свою абсолютную власть.

Резня более шести тысяч шевалье при Кортрейе (1302), устроенная фламандским ополчением (рис. 25), стала тяжелым ударом по гордости щедрых, но безрассудных дворян Франции. Этим лордам было унижительно узнать, что злодеи умеют обращаться с оружием, которое они привыкли делать для других; они увидели, что обладают храбростью и умением, необходимыми для победы в сражениях, и что отныне с ними нужно считаться как с силой, способной действовать на поле боя, так и грозной во время уличных беспорядков.

Рис. 25. Фламандский воин в форме ополчения Ван Артевельде: каменная статуя, ранее находившаяся в одной из ниш колокольни в Генте, теперь в руинах Сент-Бавона Гентского (XIV в.).

В Германии падение рода Гогенштауфенов, бывших герцогов Швабии и Франконии, благоприятствовало предоставлению прав городам; все города этих двух княжеств, до сих пор подчинявшиеся господам-медиаторам, вернулись к императору, который, не имея над ними никакой реальной власти, оставил их свободными, чтобы установить франшизу и иммунитет республики. Чтобы увеличить численность населения, они последовали примеру государей и феодалов Франции и Ломбардии в отношении образования *новых городов*, создавая вокруг своих стен, как феодализм делал это за пределами своих донжонов, поля убежища. Их занимали чужеземцы, получившие название *пфальбюргеры* - *граждане палисадов*, или *фавбурги*, первоначально укрытые и защищенные деревянным барьером. Они отступали по мере увеличения числа жителей и развития их торговли. Многие крепостные покидали соседние вотчины, чтобы найти в этих свободных городах независимость, положение, успех и все преимущества, которыми они не могли пользоваться в условиях феодального режима. Их сеньоры требовали их выдачи в силу своих феодальных прав, сопровождая это требование угрозами, которые иногда оказывались действенными; но вольные города, не менее заинтересованные в сохранении беглеца, чем тот в сохранении

, старались выиграть время и способствовать его отступлению до истечения трехсот шестидесяти пяти дней, когда прекращалось право сеньора на своего сеньора или вассала.

Имперские города, которые с XII по XIV век, освободившись от оков феодализма, поднялись на такую высоту независимости, что сам император имел над ними лишь номинальное верховенство, - это Ратисбон в Баварии; Аугсбург и Ульм в Швабии; Нюрнберг, Шпирс, Вормс и Франкфорт-на-Майне во Франконии; Магдебург в Саксонии; Гамбург, Бремен и Любек в Ганзейском союзе; Экс-ла-Шапель, Бонн, Кёльн, Кобленц, Майенс, Страсбург и Мец в Рейнской и Лотарингской провинциях. Эти города, по сути промышленные и торговые, в которых господствовали в основном средние классы, образовывали огромные империи, изобилующие товарами с севера, юга и востока. На них смотрели как на хранилища и арсеналы Европы. Феодализм, не способный ничего производить для себя, постоянно пополнял из этих складов ресурсы, необходимые для оснащения и обновления армий. Из них поступали оружие и военные машины, а также специальные рабочие, арбалетчики, плотники, литейщики и артиллеристы, которые составляли *личный состав* артиллерии в этот период. Если бы вольные города пришли к общему согласию и заключили между собой мирный союз, они стали бы серьезным препятствием для борьбы сюзеренов; но их удаленность друг от друга, особенно в центре Германии, не позволила им прийти к такому соглашению. Они не могли, как в Англии, заключить союз с феодальной знатью или, как во Франции, объединиться с сюзереном. Поскольку император оставлял им право действовать самостоятельно, они были вынуждены организовывать собственную оборону, заключать союзы с какими-нибудь могущественными соседями и ослаблять, разделяя их, тех врагов, которых считали сильнее себя. Таким образом, эти свободные города никогда не представляли собой однородного тела; они были изолированы и разбросаны по огромной территории, их объединяли только чувства интереса и симпатии, но без каких-либо взаимных связей или политической сплоченности. Лорд, с которым они воевали сегодня, поступал к ним на службу, а на следующий день платил им жалованье с титулом *солдата*; порой в одном городе насчитывалось до двух-трех сотен таких союзников, за которыми всегда следовала свора мародеров, сеявших опустошение по всей земле. Не имевшие состояния лорды, представлявшие мелкий феодализм сельских округов, находя в службе этим городам средство для поддержания своего состояния и оплаты своих сторонников, переходили от одного к другому и поступали на службу под знамена суверенного принца только за неимением лучшей работы, поскольку последние, как правило, не платили так хорошо, как эти свободные города.

С XI по XIV век положение епископа, с точки зрения политического влияния, не улучшалось в этих свободных или республиканских городах ни в Англии, ни во Франции, ни в Германии. Сюзерен-лорд по моральному авторитету, он был таковым лишь в очень ограниченной степени (рис. 26) в отношении своей временной власти. Он осуществлял правосудие только над своими вассалами или, самое большее, над представителями светского и низшего духовенства, поскольку каноники, инкубенты и даже диаконы, пользуясь особыми иммунитетами, в случае спора или порицания обращались к своему архиепископу-митрополиту или даже в Рим. Правда, светские хранители муниципальной власти не предпринимали никаких судебных шагов против еkkлезиастов, за исключением случаев заговора против государства, что только и делало их ответственными перед светским правосудием. Вне подчинения епископа и капитула епископальный суд или трибунал рассматривал преступления, проступки и правонарушения против религии, в которых мог быть виновен любой гражданин, а также ереси, богохульства, разрушение образов, вопиющие нарушения заповедей Божьих и церковных, оскорбления и нападения на священников и т. д. И даже тех случаях, когда провинившийся мог сослаться на знатность,

и особенно когда он принадлежал к высшим классам феодализма, юрисдикция церковных трибуналов не могла его достичь. Поскольку дворяне всегда могли претендовать на то, чтобы их судили равные, нарушение этого феодального принципа происходило редко, и то лишь в тех случаях, когда какой-нибудь епархиальный епископ или митрополит был достаточно влиятелен, чтобы подменить своей волей обычное право.

Рис. 26. Печать Иоанна, епископа Пуи и графа Велая (1305 г.), держащего в правой руке обнаженный меч в знак светской юрисдикции.

Рис. 27. Древо битв: Аллегорические фигуры, изображающие раздор, существующий между различными классами общества. Воспроизведено с миниатюры "Древо битв" Оноре Буэ, рукопись XV века (Бургундская библиотека, Брюссель).

Почти во всех епископальных городах решение прелата или его делегатов оглашалось с площади перед собором или из дверей какой-нибудь внешней и прилегающей часовни. Эта практика, сохранявшаяся течение первых веков существования Церкви, прекратилась, когда на смену ей пришла другая форма правосудия, а именно гражданская. Чтобы избежать конфликтов, которые должны были возникнуть, и не давать повода для народных волнений, церковное правосудие укрывалось в каком-то особом месте, обычно называемом Судом Эреска, пока, наконец, епархиальная власть, лишенная своих мирских прерогатив в границах свободных городов, не оказалась вынужденной перенести куда-то еще место своей юрисдикции и тех феодальных прав, которые она еще сохраняла. Там был основан монетный двор прелата; но так велики были разногласия между церковными и гражданскими властями, так сильна была борьба между интересами феодалов и среднего класса, что часто случалось, что епископские деньги не принимались в качестве текущей монеты даже в

городе, где епископ был духовно верховным, ни на территории, присоединенной к вольному городу и пользовавшейся равными прерогативами.

В Германии и Италии император, во Франции и Англии король, как высшие представители феодализма, имели в каждом крупном городе - особенно в городах, называемых имперскими или королевскими - официального делегата, называемого бургграфом, графом или виконтом, который, первоначально стоя во главе армии, магистратуры и финансов, постепенно терял свои прерогативы, пока в XIII веке не стал едва ли больше, чем простым сановником, не имеющим ни власти, ни кредита. Многие епископы, уполномоченные светским государем, принимали *графский* титул, что, однако, нисколько не увеличивало их влияния. Кроме того, каковы бы ни были характер и объем функций графа, не похоже, что свободные города уделяли им больше внимания, чем главенству епископа во всем, что касалось управления и власти в коммуне. Во многих местах, особенно в Италии и на берегах Мозеля и Рейна, буржуазия имела советы, наделенные как судебной, так и исполнительной властью, а также сенат и парламент, который созывался колокольным звоном и в который допускались лорды, населявшие соседние замки, но только как простые граждане, не теряя, однако, ни одной из своих домениальных привилегий.

Хотя феодализм во всех европейских странах имел почти один и тот же общий тип, он представлял здесь и там различные оттенки национального характера, обусловленные несходством расы, привычками народа, различными способами его внедрения, а также различными фазами его борьбы и роста.

Рис. 28. Печать Иоанна, герцога Бургундского, графа Неверского и барона Донзи, носившего фамилию *Жан сан Пёр* (1371-1419).

Знаменитый дом Франконии, встревоженный непрекращающимся развитием германского феодализма и желая его остановить, создал среди герцогств, которым он угрожал, ряд *непосредственных* сеньоров, обязанных верностью только императору и имеющих наследственное право на *рыцарские вотчины*. Этот шаг встретил упорное сопротивление со стороны крупных вассалов, обладавших этим наследственным правом, которым избранный монарх не пользовался сам. С другой стороны, палатины, агенты императора, уполномоченные представлять его в больших вотчинах или в его владениях, и бургграфы городов, нетерпеливо ожидавшие освобождения от императорского сюзеренитета, проявили в то же время неповиновение, которое леуды практиковали в эпоху Карловингов, и попытались установить для себя независимость, передаваемую их наследникам. Пока шло это движение, папа понижал статус империи; Иннокентий II заставил императора Лотаря II получить от него Тоскану, герцогство Сполета, Анконскую, Болонскую, Пармскую, Плацентийскую и другие области, составлявшие часть наследства, завещанного Святому престолу графиней Матильдой. Из этого вопиющего унижения, которому подчинился Конрад Гогенштауфен, преемник Лотаря, и которое надменно отверг Генрих Достойный, отказавшись оказать феодальную дань Папе, возникла знаменитая распря Гельфов и Гибеллинов, которая с берегов Рейна перекинулась за Альпы и укоренилась в самом сердце Италии. Генрих Гордый, вождь гвельфов, независимый и королевский, был изгнан и лишен своих герцогств, а Конрад, вождь гибеллинов, положил начало блестящей династии Гогенштауфенов. Тридцать лет ожесточенных войн, в течение которых союз папства с национальной партией был скреплен усилиями мелкого феодализма, привели к заключению Констанцкого договора, который поставил точку в борьбе феодальной империи против народной независимости городов Италии. Папа вернул себе владения, оставленные ему графиней Матильдой; города сохранили свои королевские прерогативы, полную свободу собирать армии, окружать себя стенами (рис. 29), осуществлять уголовную и гражданскую юрисдикцию, заключать конфедерации с другими городами и т. д. Императору не оставили других привилегий, кроме подтверждения через своих послов консульских выборов и назначения в каждом городе апелляционного судьи от своего имени. Император Генрих VI напрасно пытался восстановить высокий феодализм; он умер при попытке (1199), а Иннокентий III, считавший себя естественным защитником всех прав и верховным судьей во всех монархиях Европы, противостоял всем попыткам Генриха VI. Кроме того, несколько крестовых походов, произошедших примерно в этот период, привели к изменению воинственных настроений феодальной знати, пока, благодаря политике прославленных понтификов, занимавших кафедру Святого Петра, и усилиям итальянских вольных городов, поддержанных мелкой феодальной знатью, независимость Италии триумфально поднялась из могилы, открытой для императора Фридриха II 13 декабря 1250 года.

В Англии Джон Лакленд в Магна Харта 1215-1216 годов обещал духовенству уважать вольности церкви, в частности свободу выборов; феодалам - соблюдать феодальные условия освобождения, опеки и брака; буржуа - не взимать новых налогов без согласия общего совета; и всем своим подданным он даровал *habeas corpus*, то есть свободу личности, с судом присяжных, учредив суд общих дел в определенном месте. Вторая хартия, названная *Лесной*, смягчала суровость наказаний за нарушение законов, относящихся к погоне, и гарантировала все вольности, которые были вырваны у него, создав трибунал из двадцати пяти баронов, которым было поручено следить за исполнением этой хартии и, кроме того, следить за действиями короны. Таким образом, правительство подчинялось регулярной

дисциплине. Подобно тому, как феодальное дворянство сдерживалось и угнеталось суверенной властью, так и последняя теперь была ограждена, сдерживалась и препятствовала своим деспотическим наклонностям.

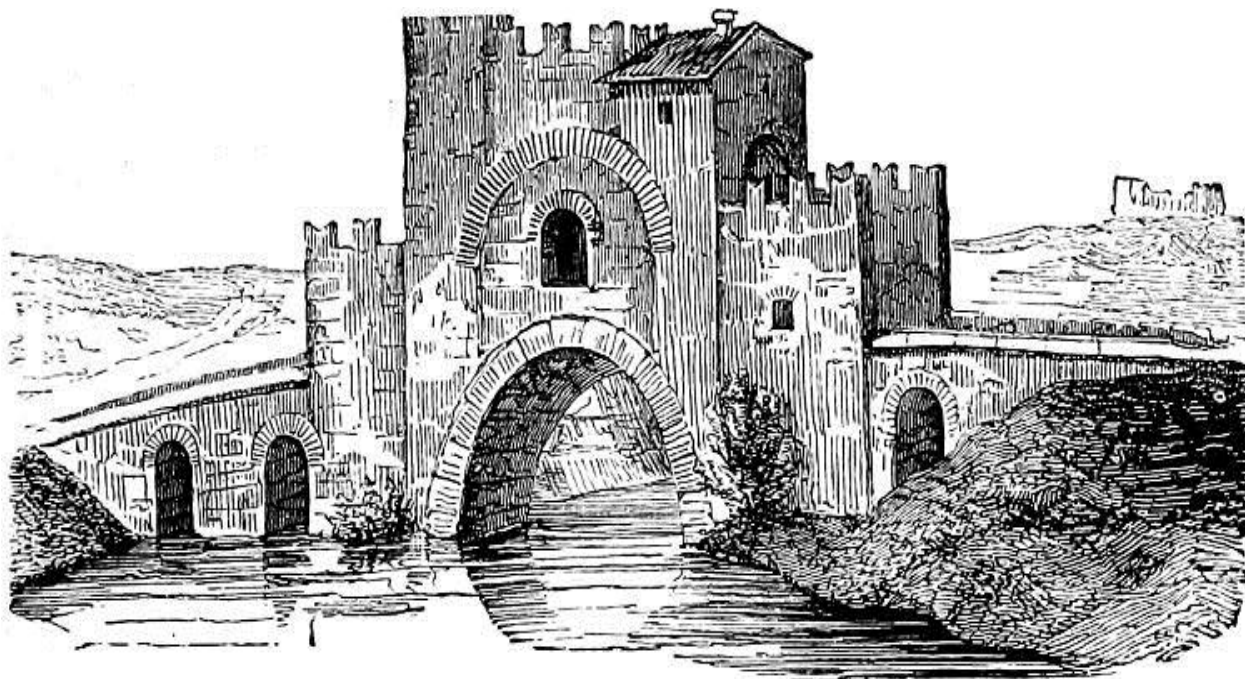

Рис. 29. Укрепленный мост Ламентано, близ Рима, место войны между гвельфами и гибеллинами в XII веке.

Св. Людовик, следуя по стопам Филиппа Августа, старался подавить злоупотребления феодального режима; он заставил своих баронов выбирать между вотчинами, которые они держали у него, и теми, которые они получили от английских королей; Он выкорчевал старые феодальные устои, создал новый феодализм, не менее доблестный, но более нравственный, чем старый, и никогда не забывал о той грозной оппозиции, которую старое дворянство осмелилось организовать против королевы-регентши, Бланш Кастильской, заявив, что молодой король Людовик не должен быть посвящен, пока сюзеренная аристократия не будет восстановлена во всей полноте своих привилегий. После Людовика IX французский феодализм, преобразованный королем-святым, не стал ни менее надменным, ни менее тривиальным, ни менее наглым, чем прежде, но он был более благосклонен к короне и менее враждебен к Церкви. Она представляла собой блестящее рыцарское соединение, полное энтузиазма и стремительности, хорошо начинала битву, всегда выигрывала ее в самом начале, но затем теряла ее из-за отсутствия поддержки со стороны национальной пехоты, помощь которой она презирала; она представляла собой конницу, прекрасно приспособленную для турниров и подвигов, но неспособную вести регулярную войну или даже обеспечить успех в большом сражении. Победы при Мон-ан-Пюэле при Филиппе IV и при Касселе при Филиппе Валуа (1328) до предела укрепили слепую самоуверенность французского дворянства и совершенно одинаковыми средствами привели к катастрофам при Креси, Пуатье и Азенкуре (1346, 1356, 1415).

Из событий, происходивших в течение столетия, с момента восшествия на императорский трон Людовика V (1313 г.) до заключения Бретиньийского мира (1360 г.), стало ясно, что судьбы феодального мира отныне зависят от Франции и Англии. (1313) и до Бретиньского мира (1360), стало ясно, что судьбы феодального мира отныне зависят от Франции и Англии, этих двух соперничающих держав, обе из которых были поглощающими и непреклонными; что император и папа римский занимают лишь второе место в этой последней эволюции

феодализма; что Рим, вынужденный склониться к Франции, дает последней значительный перевес, и что сила равновесия неизбежно должна свести вместе короля Англии и императора Германии. Французская королевская власть, несмотря на превратности, вызванные непрерывной борьбой с англичанами, несмотря на опустошительную чуму, обезлюдившую две трети королевства, несмотря на финансовое бремя и шаткое положение монархии, продолжала свою работу по ассимиляции и феодальной инкорпорации; сюзеренитет над крупными вотчинами постепенно переходил под юрисдикцию государя, а на правом берегу Рейна великие бароны оставались почти столь же всемогущими, как и прежде.

В то время в Германии существовало два вида лиг между дворянами, одна из которых была наступательной, а другая оборонительной: *гауэрбинат* или *гауэрбшафтен*, на основании которого мелкие дворяне заключали семейные договоры о передаче своих вотчин по косвенной линии в случае утраты прямой линии и о реконструкции или ремонте своих замков из общего фонда; и *тевтонская Ганза*, лига князей-архиепископов и курфюрстов с шестьюдесятью городами на Рейне. Родольф Габсбургский (рис. 30), монарх столь же решительный, сколь и способный, положил конец процессам, представлявшим опасность для императорской власти, заставил своих вассалов принести ему дань и сровнял с землей семьдесят крепостей, феодальные разбойники которых сеяли запустение и разруху; Но после его смерти узурпация сюзеренов началась вновь, и *Орденская булла*, которая была основой публичного права в Германии, подтвердила падение императорского сюзеренитета (1378).

Рис. 30. Эквестрийская каменная статуя Родольфа Габсбургского, императора Германии, работы Эрвина де Штейнбаха, установленная над Большим порталом Страсбургского собора (XIII в.).

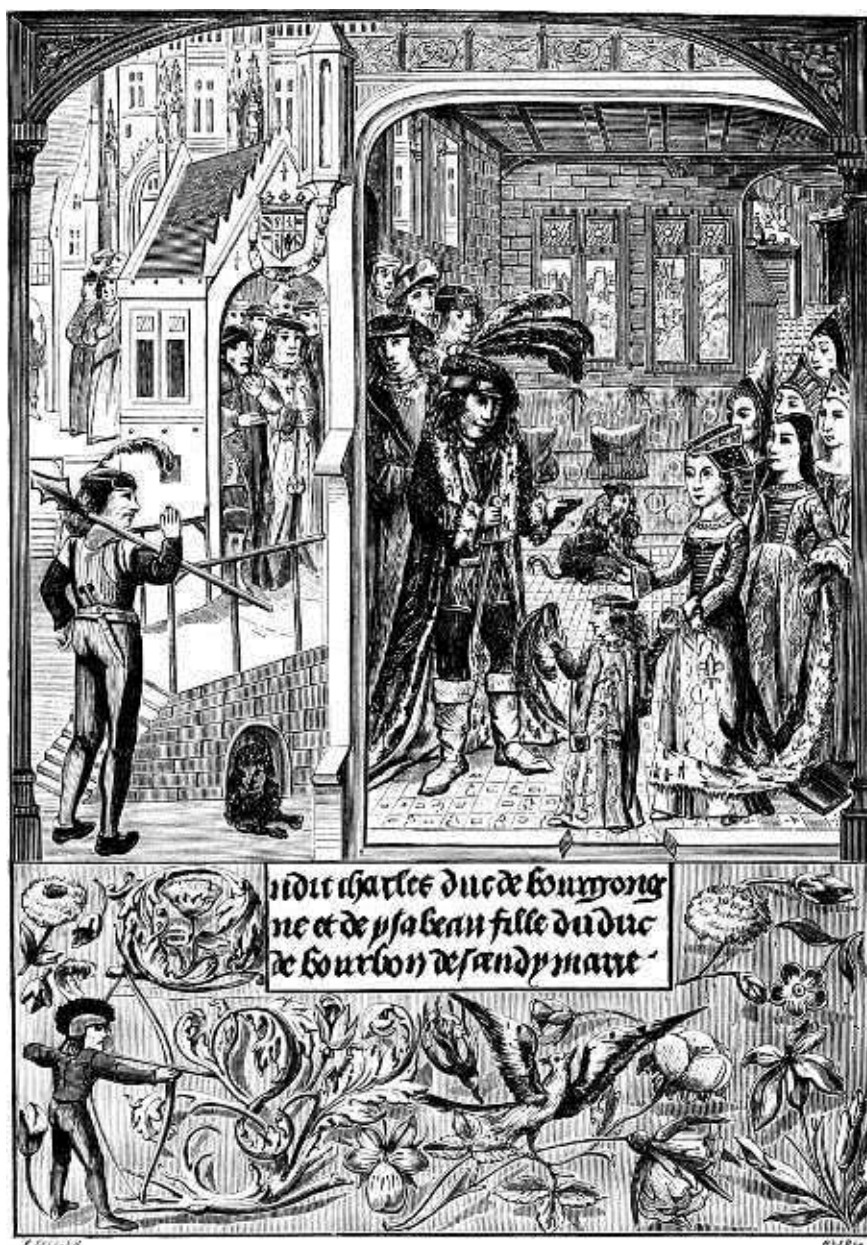

Рис. 31. Максимилиан Австрийский с Марией Бургундской, своей женой, единственной дочерью Карла Смелого, и их маленьким сыном Филиппом, впоследствии королем Кастилии. "Сокращенные хроники Бургундии", рукопись XV века, хранится в библиотеке месье Амбруаза-Фирмина Дидо.

Во Франции, с другой стороны, поскольку каждый созыв Генеральных штатов сопровождался созданием или взиманием какого-либо нового налога, третье сословие пыталось требовать от королевской власти все больше и больше, в зависимости от того, насколько оно удовлетворяло денежные запросы последней, претендуя на право голоса в вопросах мира или войны, на управление финансовыми делами королевства, на ежегодный созыв и на разделение с двумя другими орденами тяжести сборов, прибыль от которых должна была быть общей для всех. Феодалная знать сопротивлялась непомерным притязаниям третьего сословия, но когда она увидела, что это сословие заключило тайный союз с духовенством и создало грозную лигу, паролем которой было разрушение замков и уничтожение дворян, она заколебалась и ничего не предпринимала, пока ужасные эксцессы, совершенные лигой в сельских округах, не придали феодалной реакции характер законности. В 1383 году, после битвы при Розбеке, которая нанесла тяжелый удар по общинному делу во Фландрии и во Франции, казалось, что власть сюзеренитета вот-вот

снова возродится. Фруассар в своих "Хрониках" радовался этому факту, поскольку считал, что общественному порядку грозило полное крушение (см. его "Хроники", 1383 год); но французское рыцарство в свою очередь пало при Азенкуре под натиском английских лучников. Это был окончательный приговор феодальным армиям, а также системе, которую эти армии представляли и которую они не смогли поддержать. Французский феодализм уже перестал быть чем-то большим, чем хранилищем традиций, к которым все еще относились с уважением, и старых обычаев, вышедших из употребления среди древнего дворянства.

В Англии, Шотландии и Ирландии высокий феодализм быстро приходил в упадок, пока Генрих VIII не нанес ему смертельный удар; в Германии он боролся за существование во время правления Максимилиана (рис. 31); во Франции его сокрушил Людовик XI с помощью третьего сословия. За Альпами, в Италии, его существование было продлено на короткий период, частично под маской клерикалов, частично с помощью наемных *кондотьеров*, а в некоторых местах благодаря поддержке городской демократии, то есть промышленной и торговой части населения. Однако повсеместно она исчезла вместе со Средними веками, которые, как в своих действиях, так и в своих первых принципах, несли на себе неизгладимый отпечаток (рис. 32).

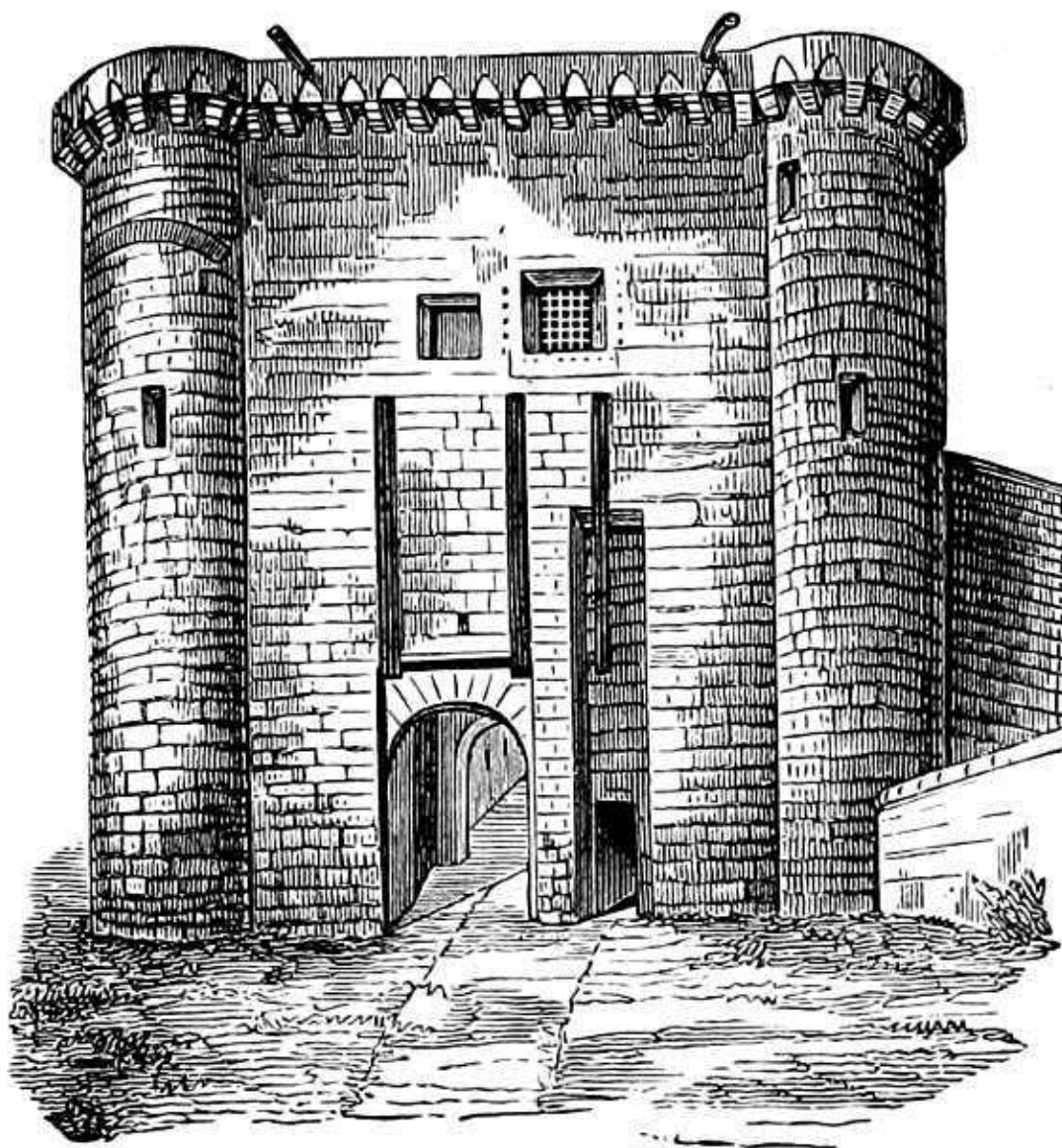

Рис. 32. Двери старого замка Лош в Турени, любимого поместья Людовика XI. (XV век).

ВОЙНА И АРМИИ.

Нашествия варваров.- Атила.- Теодорих захватывает Италию.- Организация военных фьефов.- Оборона городов.- Тотила и его тактика.- Военный гений Карла Великого.- Военное вассальство.- Общинное ополчение.- Ранние постоянные армии.- Утрата технических традиций.-Кондотьеры.-Жандармерия.-*Копья Фурнье*.-Ослабление феодальных военных обязательств.-Французская армия во времена Людовика XI и его преемников.-Отсутствие административного устройства.-Реформы.-Наемные войска.-Осадные операции и двигатели.

Военное искусство достигло у римлян наивысшей степени совершенства, когда последовательные нашествия варваров стали разливаться, как полноводная река, по самым богатым римским колониям. Эти варвары, большинство из которых были уроженцами Кавказских гор, были иберами, которые не останавливались, пока не достигли Испании; кельтами или кимврами, которые обосновались среди галлов; сарматами и скифами, которые населяли обширные леса Германии до великих войн Юлия Сезара (рис. 33). Внезапно, в четвертом веке христианской эры, движение, начавшееся в центре Азии, вызвало нашествие неизвестной доселе расы на Кавказ. Это были гунны, перед которыми отступили напуганные готы, но которые поначалу лишь ненадолго появились в Европе; ведь если Рим в то время испытывал недостаток в опытных легионах, то, по крайней мере, в провинциях своей империи он мог рассчитывать на множество многочисленных и сильных вспомогательных войск, которые привыкли сражаться под его знаменами (рис. 34), одни ради жалованья, другие для защиты собственных очагов.

Рис. 33. Военный трофей и пленные варвары - из скульптур на триумфальной арке Оранжа (II в.).

В 451 году, в правление императора Валентиниана III, который подкупал варваров, вместо того чтобы дать им отпор мечом, Атила, король гуннов, обрушился на Европу во главе семисот тысяч боевых воинов разных рас. Менее чем за три месяца он захватил и опустошил Моравию, Богемию, Гессен и Вюртембург, перешел Рейн у Страсбурга, Мозель у Трева и Меца, Мёз у Тонгреса, Шельду у Турне и после двух кровопролитных рейдов в Бургундию и окрестности Орлеана разбил свои палатки на равнинах Шампани. Тактика Атилы заключалась в том, чтобы избегать сражений, обходить стороной крепости, довольствуясь разграблением и грабежом их окраин. Он опустошал открытую местность, сжигал деревни, предавал мечу их безропотных жителей и, сделав своей главной целью разделить и изолировать римские легионы, в конце концов разгромил их численным превосходством.

Рис. 34. Германские и галльские вспомогательные войска, одно из которых носит штаны (*Brassæ*), а другое - тунику. Из римского памятника II века.

Весь Запад был взбудоражен вестью об этом ужасном вторжении. Итий, римский вождь среди галлов, призвал к себе на помощь аморийских конфедератов, франко-салиев, вождем которых был Меровий, бургундов, саксов и южных вестготов, королем которых был Теодорих. Эта многочисленная армия, состоящая из отличных войск, под командованием Этia выступила навстречу варварам и столкнулась с ними в окрестностях Шалон-сюр-Марн. Битва длилась три дня, и поражение гуннов было полным.

Свирепый Атилла, называвший себя Бичом Божьим и пронесшийся по миру подобно роковому метеору, не оставив после себя ничего, кроме пожарищ и руин, скончался во время оргии в 455 году. По всей Европе все еще велась беззаветная, непрекращающаяся война, кровопролитная и непримиримая война рас и партий. Политический хаос, который только христианству было суждено возродить, достиг своего апогея в Старом Свете, когда в конце шестого века Теодорих, король восточных готов, защищавший Византию, когда ей угрожали болгары, и находившийся на содержании у императора Зенона, решил найти занятие для своих воинственных и беспокойных подданных, поведя их против Одоакра, правителя герулов, который в то время объединил под своей властью Сицилию и Итальянский полуостров, но чьи подданные были в лучшем случае свирепой и беспокойной толпой. Молодой король готов (ему было всего тридцать четыре года) с согласия главы империи выступил из глубин Мёзии (ныне Сербия) во главе всего воинственного населения,

которому он обещал завоевание Италии. Он легко одолел царя герулов; завоевав Италию, он разместил своих солдат в различных провинциях полуострова таким образом, чтобы их жалование и пайки продолжали поступать к ним так же регулярно в мирное время, как и в военное.

Система управления, созданная Теодорихом, позволила распределить двести тысяч отличных солдат среди населения, которое, радуясь тому, что его не привлекают к военной службе и не облагают налогами, позволило консолидировать работу по завоеванию. *Милленарии* (солдаты батальона численностью в тысячу человек) занимали со своими семьями отдельные участки территории и были обязаны держать себя под оружием и быть готовыми к походу, когда этого потребует оборона страны (рис. 35). Теодорих уже осознал полезность городских гарнизонов. Цветок молодежи страны, организованный на военный манер, стекался в гимназии Равенны, и сам король руководил их занятиями. Его войска по дисциплине, обучению и снаряжению напоминали древние легионы Рима. Железный колпак, щит, меч и стрелы готов были заменены копьем, копьем, шлемом и кирасой римлян. Старые солдаты получали из королевской казны за свои заслуги в качестве инструкторов особое пособие, которое выплачивалось им ежегодно, пока они совсем не отходили от воинского ремесла. Когда войска собирались выходить в поле, интенданты под руководством графов руководили комиссариатом, сбором и походом различных армейских корпусов. Провинциальные офицеры должны были распределять оружие, продовольствие и сено на различных пунктах дороги, по которой должны были идти войска, а жители должны были предоставлять ночлег - это была единственная военная служба, которую от них ожидали, но никто не мог ее избежать.

Рис. 35.- Военный костюм с VI по X в. - с миниатюры в "Диалогах Сен-Грегуара", рукопись XI в. (Парижская национальная библиотека)].

Города в это время почти всегда были укреплены, а укрепленные лагеря покрывали почти всю Италию. Замки в сельской местности, построенные для защиты границ, обычно были полны войск, содержание которых входило в обязанности преторианского префекта, а неповиновение часто требовало суровых мер подавления. "Поддерживай дух военной дисциплины; в условиях гражданского правления ее часто трудно поддерживать", - говорил Теодорих Сервату, одному из своих генералов.

Если для вас удивительно встретить столь правильные моральные чувства в государе отъявленных варваров, варваров, наполовину цивилизованных, однако, благодаря их контакту с латинской расой, то не менее удивительно обнаружить в войнах, произошедших в 507, 508 и 509 годах, других варварских королей, а именно, Аларих, Хлодвиг, Гондебо и Тьерри, используют и умело применяют правила греко-римской стратегии, либо выполняя длинные военные маневры, либо демонстрируя всю стратегическую науку, которую требовали осады, при нападении или обороне укрепленных городов Авиньона, Каркассона и Арля.

Рис. 36. Святой Бенедикт упрекает Тотилу в том, что тот его обманул, и предсказывает ему смерть. Фреска в церкви Сан-Миниато во Флоренции, написанная Спинелли из Ареццо (XIII век).

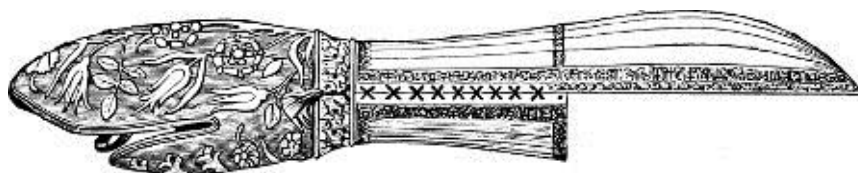

Рис. 37. Мавританские гербы с XI по XIV век: Армлет. Из Реальной армии, Мадрид.

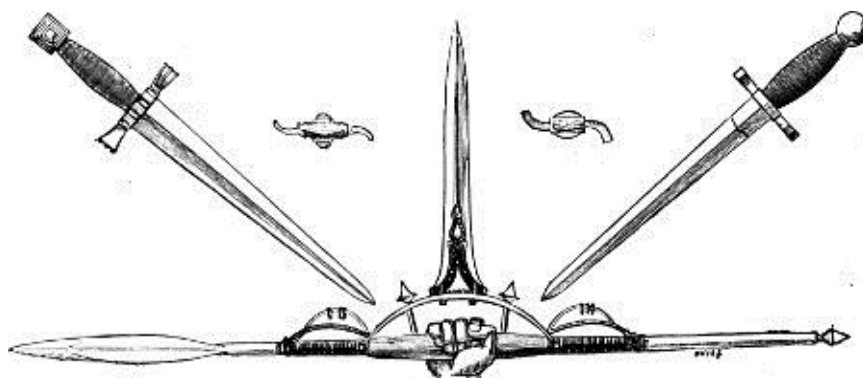

Рис. 38.- Мавританское оружие: Кинжалы. Из Армерии Реал, Мадрид.

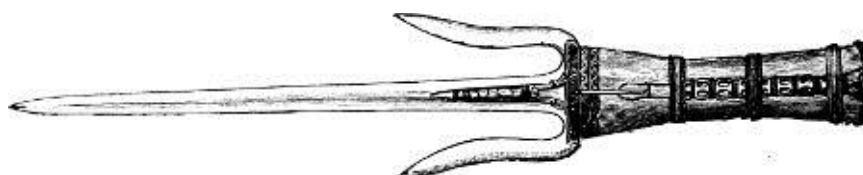

Рис. 39.- Оружие мавров: трезубец.- Реальная армия, Мадрид.

В то время как преобладание готов (рис. 36), остготов и вестготов в Европе уменьшалось, преобладание франков и лангобардов увеличивалось. Последние первыми ввели в Италии феодальную систему, основанную на владении завоеванной территорией. Завоеватели разбивали свой лагерь посреди побежденной страны, захватывали половину земли, обращали в рабство часть колонов и облагали тяжелыми налогами тех, кого не разоряли. Сначала король распределил большие вотчины между своими главными офицерами, затем эти великие вассалы произвели раздел земель, пожалованных им сюзеренами, в пользу своих воинов и спутников, а те, в свою очередь, уступили часть своих земель простым солдатам. Обязательство личной службы, иерархическая субординация вассалитета были необходимым следствием феодальных институтов.

Рис. 40.- Кинжал с мавританским клинком и фламандской рукоятью (XIV век). Коллекция М. Онгена, Гент.

По всей вероятности, учреждение *arrière-ban*, или *ban-fief*, датируется шестым веком. Это был призыв вассалов к оружию, которым имел право командовать только сюзерен. Столетие спустя феодализм, который начал утверждаться в Галлии и Италии вследствие успешного вторжения франков, был почти уничтожен магометанским нашествием испанских мавров, которых их вождь Абдерамус вел до берегов Луары, где они были остановлены Карлом Мартелом, который разгромил их с большой резней.

После блестящей победы при Пуатье (732 г.), где отпор арабской цивилизации оставил поле боя открытым для защитников христианской веры и зачинателей феодального режима, в армии победителей произошли резкие перемены. Франкские рыцари приняли в наследство богатые сарацинские доспехи (рис. 37, 38, 39, 40); феодальные дружинники облачились в почтовый плащ, и отныне полный доспех стал необходимой принадлежностью воина высокого ранга. Лук, давно отброшенный в сторону, вновь вошел в обиход и стал особым оружием пеших воинов. Но мы исчерпывающе рассмотрели вооружение и

снаряжение солдат того периода (см. главу "Оружейное дело" в разделе "Искусство в Средние века"), и здесь речь может идти только о военной тактике и организации, одним словом, о теоретической части военного искусства.

Правление Карла Великого, представлявшее собой длинную череду экспедиций и завоеваний, естественно, благоприятствовало прогрессу и развитию этого искусства. Император франков, как человек гениальный, понимал, как извлечь пользу из изобретений и творений своих предшественников. К воинственным традициям Греции и Рима он шаг за шагом добавлял усовершенствования, которые были необходимы в силу характера врагов, с которыми ему приходилось сражаться, а именно лангобардов, саксов и т. д. Он поддерживал феодальную службу *банов*; он создал постоянные ополчения, состоявшие из его собственных крепостных и вассалов; но, как только он предпринимал далекую экспедицию, его вспомогательные войска, в десять раз более многочисленные, чем его вассалы, делали его армию скорее немецкой, чем французской. Он приказал построить множество крепостей по всей своей огромной империи, но никогда не позволял своим подданным строить их за свой счет. При этом он, похоже, никогда не придавал значения защите своей территории от крупных закрытых городов, в которых он мог держать в резерве значительные депо войск. Сам он обычно жил в сельских резиденциях, в открытых и незащищенных деревнях, которые едва охранялись несколькими военными пикетами. По малейшему сигналу, правда, целая армия *фидеистов* и слуг поднялась бы как один человек на его защиту; но ни при каких обстоятельствах он не согласился бы ждать врага под укрытием укреплений; он всегда был истинным первобытным немцем, искал для битвы открытую равнину, а не холмы, предпочитал конницу пехоте, прямую схватку, рукопашный бой, а не встречи на расстоянии, которые велись и выигрывались ракетами пращей и древками луков. Его главные победы были одержаны на открытой местности, где он имел возможность развернуть свои массы закованных в броню всадников; он никогда охотно не садился перед крепостью, что показывает, что он осознавал недостаток мастерства в ведении осады; и ему никогда не везло в горных войнах, о чем свидетельствует катастрофический день при Ронсево (778), который бросил тень на последние годы его жизни.

Через тридцать лет после смерти великого императора Мерсенский договор (847 г.) освободил великих вассалов от обязанности отвечать на вызовы государя и бросаться к оружию по его призыву, кроме как для защиты государства, и заменил практику предоставления вооруженных контингентов, чьи услуги должны были оказываться в течение определенного срока, оговоренного заранее. Инфеудация - своего рода политический и имущественный договор, в силу которого фьеф делился на несколько более мелких, - увековечила феодальный *режим*: каждый человек становился *человеком* другого человека, обязанным предоставлять себя в его распоряжение во время войны и быть готовым отправиться в любую экспедицию по его приказу и в соответствии с пожеланиями своего непосредственного сеньора.

Рис. 41. Епископ Эйдес, держа в руках свой служебный жезл, подбадривает молодых солдат герцога Нормандии в битве при Гастингсе. Военные костюмы XI века с гобелена Байе.

В течение X века этот режим становился все сильнее и сильнее. Клятва, или акт пожалования, оставалась священной связью между сеньором и вассалом. Эта дань включала в себя оказание многочисленных феодальных услуг, таких как *бан* и *арриер-бан*, которые оказывали слуги разных рангов, известные как холостяки, клиенты, эсквайры, баннереты, оруженосцы, бароны и т. д., названия уже древние, но чей ранг и место в бою определялись только в тот день, когда все они объединялись и расставлялись, каждый под своим особым знаменем или *гонфаноном*, что предполагало отдельное снаряжение для каждого.

Таким образом, вассалы находились во власти сеньора, который, имея право распоряжаться их военной службой, пользовался правом *reize* - правом, дававшим ему право собирать и вести в бой определенное количество феодальных отрядов. "Повинуйтесь моему призыву, или я сожгу вас!"^[2] - так говорил сеньор в опубликованном глашатаем *запрете*, и при повторном призыве звук трубы раздавался на перекрестках дорог, на улицах и в сельской местности, призывая людей к оружию. Не откликнуться на *запрет* означало совершить преступление наихудшего характера.

Рис. 42. После битвы при Гастингсе (14 октября 1066 года) родственники побежденных пришли уносить своих мертвых. Тело саксонского короля Гарольда монахи этого монастыря везут в Уолтем. На заднем плане видно аббатство Батл, основанное герцогом Вильгельмом на месте битвы.- Факсимиле миниатюры в "Chroniques de Normandie". Рукопись XV века, хранящаяся у месть Амбруаза Фирмина-Дидо.

В великом походе Вильгельма, герцога Нормандии, против англосаксов (1066 г.) у него не было других помощников, кроме его нормандских вассалов и подданных. Он покорил Гарольда и овладел Англией с многочисленной и обученной армией, оснащенной страшными боевыми машинами и двигателями (рис. 41 и 42). Нормандское завоевание было в определенной степени прелюдией к крестовым походам, поскольку эти набеги через моря, повторявшиеся время от времени на протяжении более чем двух столетий, не имели никакого сходства с вторжениями варваров, сарацин или норманнов, которые уже были зафиксированы в истории. Новые меры, вызванные обстоятельствами времени, стали следствием общего развала всех восточных народов; среди них можно упомянуть создание общинного ополчения, которое отправлялось в поход в сопровождении своих духовных пастырей и получало последние религиозные почести от их рук на поле боя; регулярное жалованье, положенное тем, кто был лишен личных средств (рыцарь сначала получал десять су в день, что эквивалентно десяти франкам современных денег, а оруженосец - пяти); фрахтование кораблей, предназначенных для перевозки войск; система комиссариата для полевых армий; снабжение военным снаряжением, оружием и т. д.

Это общинное ополчение, возникшее в результате освобождения коммун, и отряды *soudoyers*, или платных войск, вскоре переросли в постоянную армию, которая впервые была официально создана Людовиком Жённым около 1140 года и увеличена Филиппом Августом, который добавил к ней аффилированных рыцарей. При последнем государе армия в поле

представляла собой три шеренги *бойцов* - баннеретов, *рыцарей* и *оруженосцев*, к которым добавлялись *оруженосцы*. За войсками следовала пестрая команда пеших *варлетов*, не имевших ни офицеров, ни дисциплины, которые во время боя вились вокруг них, подбирая добычу побежденных и добивая раненых дубинами или боевыми топорами, называемыми *glaives de mercy*.

Бедствия крестоносцев на Востоке, после двух веков бесполезного героизма и огромных усилий, в основном объяснялись недостатками их военной администрации, которая ничего не предвидела и не могла приспособиться к трудностям, присущим войне в далекой и почти неизвестной стране, куда устремляли свои авантурные шаги восторженные толпы людей, носящих крест. Голод, чума, проказа и лихорадка уничтожали христианские армии на пути в Палестину и во время их пребывания там; и эти беды были бы еще больше, если бы не создание различных военных орденов, которые возникли под давлением этих почти неизбежных бедствий и поставляли госпитальеров, капелланов и солдат. Продолжение феодальных войн (рис. 43) в Европе нанесло последний удар по дезорганизации армий Христа.

Рис. 43. Ричард Кер-де-Лион, король Англии и герцог Нормандии, смертельно ранен стрелой, пущенной Бертраном де Гурдоном, при осаде замка Шалус в Лимузене (1199 г.) - "Chroniques de Normandie", рукопись XV в. (библиотека месье Амбруаза Фирмина-Дидо).

Рис. 44. Солдат времен Филиппа ле Беля - миниатюра в рукописи того периода (Национальная библиотека Парижа).

Рис. 45. Вооруженный человек с *горшком де фер* с носовым козырьком, в почтовом плаще поверх кожаной тунки и вооруженный коротким мечом - миниатюра из "Диалогов Сен-Грегуара", рукописи XI века, хранящейся в Парижской национальной библиотеке.

Пока Филипп ле Бель уничтожал рыцарей-тамплиеров, которые, по его мнению, мешали его политическим планам, он в то же время искал всевозможные способы обуздать надменную аристократию, всегда находящуюся под оружием, чья систематическая недисциплинированность представляла опасность как для трона, так и для страны. Как только он добился от представителей нации, собранных в Генеральных штатах, права устанавливать налоги в соответствии с требованиями государя, он приступил к работе над окончательной организацией постоянной платной армии (рис. 44). Он установил восемнадцатилетний возраст для прохождения военной службы и постановил, что никто из его подданных, кроме стариков и больных, не должен освобождаться от нее, если они не внесут определенную сумму в королевскую казну и не поставят, в соответствии со своим званием и средствами, одного или нескольких запасных (указы 1302, 1303, 1306 гг.) для службы под флагом *ост* короля (рис. 46). До этого времени военная служба была обязательной только в течение сорока дней подряд или, самое большее, в течение трех месяцев. Эта служба, правда, часто была менее продолжительной, в зависимости от степени ущемленности того или иного фьефа, и, кроме того, была обставлена таким количеством привилегий и льгот, что если феодальной армии не удавалось довести короткий поход до благополучного завершения, она обычно терпела фатальный крах. В соответствии с этим замыслом Филипп ле Бель при начале фламандской кампании призвал "на четыре месяца в свои штандарты архиепископов, епископов, аббатов, герцогов, графов, баронов и других дворян, подлежащих запрету", каждый из которых мог требовать жалованья в размере

двенадцати денье (около четырех франков) в день, а также сумму в тридцать су (около тридцати франков) на свое снаряжение.

Филипп ле Лонг (1314) и Филипп де Валуа (1337-1340) продолжили и усовершенствовали работу Филиппа ле Бея. С этого момента *уст* или армия короля стала регулярно создаваться; арбалетчики и стрелки стали первыми подразделениями, получившими постоянную организацию и фиксированное жалованье.

Рис. 46. Гонец с письмом в армию короля - из рукописи Национальной библиотеки Парижа (XIII век).

В XIV веке французская пехота, состоявшая лишь из более или менее плохо вооруженных лучников, не внушала своим командирам особого доверия. Ее недостаток и трусость слишком часто ставили под угрозу исход сражения. Чтобы поддержать бойцов, всегда готовых обратиться в бегство, пришлось нанять иностранных наемников, английских, итальянских или немецких, которые хорошо сражались, когда им хорошо платили. Этим наемникам, более опытным в войне и более храбрым, чем солдаты бана, было поручено управление пушками, которые в это время впервые были применены и которые несли лагерные воины. Здесь мы можем повторить то, о чем уже говорили в других местах: несовершенство первых пушек, трудности, связанные с их использованием, и опасность, которой подвергались те, кто их заряжал, стали причиной того, что старое оружие долгое время предпочиталось новому. На самом деле, еще долго после того, как новая артиллерия достигла значительного прогресса, она использовалась одновременно с древним стилем снарядов. Долгий период, в течение которого медленно происходил этот важный переход в снарядном оружии, был одним из самых жалких в летописи военного искусства. Все великие сражения четырнадцатого века являют нам яркие примеры полного отсутствия мастерства в тактике. Мон-ан-Пюэль (1304), где король Филипп ле Бель был застигнут врасплох в своем лагере; Кассель (1328), где Филипп де Валуа бежал полуголым из рук своих врагов; Креси (1346), где англичане впервые применили пушки; Пуатье (1356), где король Иоанн был взят в плен на поле боя; Никополь (1393), где рыцарство покрыло себя позором; Азенкур, где погиб цветок французского дворянства, - все это примеры самого позорного смятения во время борьбы, самой позорной резни после поражения. Не лишним будет сказать, что на

протяжении всей этой эпохи кровавых сражений настоящие рыцари и стойкие солдаты встречались очень редко, а хорошие полководцы - еще реже.

В Италии *кондотьеры*, главным командиром которых был англичанин Джон Хоквуд, а во Франции - вольные роты под командованием знаменитого Арманда де Серволя, и даже банды *рутьеров*, *брабансонов* и *тар-венусов*, которые грабили и разбойничали в королевстве до такой степени, как говорит старый летописец, "что даже петух не слышно было, чтобы вопил", были единственными войсками, которые показали хоть какое-то знакомство с ресурсами военной войны или малейшее знание стратегической науки. Именно в рядах этих неутомимых солдат совершил свой первый поход знаменитый Бертран дю Гесклен (рис. 47).

Рис. 47. Битва при Орее (29 сентября 1364 года) между Иоанном де Монфором и Шарлем де Блуа, в которой Бертран дю Гесклен попал в плен к Чандосу. Факсимиле гравюры на дереве в "Chroniques de Bretagne" Алена Бушара: 4to, Galliot du Pré, 1514.

Платная жандармерия, представлявшая собой смесь тяжелой и легкой кавалерии, в правление Карла VI совершила множество нарушений дисциплины, не испутив их оказанием

какой-либо действительно действенной помощи французскому рыцарству, которое было почти полностью уничтожено в кровавой катастрофе при Азенкуре (25 октября 1415 года). Карл VII, замененный своими дворянами на троне своих предков после того, как он изгнал англичан "с помощью Бога и Жанны Девы", решил распустить жандармерию. Из отобранных людей корпуса он сформировал каркас пятнадцати новых артиллерийских рот, насчитывавших девять тысяч бойцов, в число которых была включена вся регулярная кавалерия королевства. Каждый жандарм, тщательно экипированный, сопровождался двумя лучниками и двумя последователями на лошадях; эта группа из пяти конных людей называлась "*копье в полном снаряжении*". В 1447 году к ней добавили шестого человека и лошадь. Чуть позже Карл VII создал несколько платных отрядов, набранных по добровольному призыву и под командованием ответственных капитанов, которым платили военные казначеи в соответствии с количеством людей в ежемесячном списке. Создание наемных войск еще больше уменьшило значение банов, которые уже не были ничем иным, как плохо оснащенным вторичным ополчением, хотя все еще вооруженным луками и пиками и обязанным носить форму. На поле боя пикинеры всегда располагались в фургоне; за ними шли пешие лучники, одетые в *салады*, или шлемы без щитков, бригадины, или короткие почтовые плащи, и вооруженные арбалетами. Но эта реорганизация войск не оказала никакого стимулирующего воздействия на пехоту коммун, и *франкский лучник* остался типом трусливого солдата.

Рис. 48. Большая печать Карла Смелого, герцога Бургундского. Легенда на латыни перечисляет его титулы и феодальные владения. Национальный архив Франции (XV век).

Смерть Карла Смелого, герцога Бургундского, убитого в битве при Нанси (1477 г.), завершила крушение феодального рыцарства, последним и самым боевым представителем

которого он был (рис. 48). Людовик XI, собравший вокруг себя преданную армию, состоявшую из наемников из всех стран, и полностью полагавшийся на верность своей шотландской гвардии, начал нападать на крупные фьефы, которые в действительности были соперниками его трона, и преуспел в их уничтожении, не имея больше нужды в них и их надменном вассалитете. Постепенно сеньориальные штандарты исчезли, и их боевые клич перестали звучать; *вотчина, находящаяся под обязательством носить оружие*, больше не заставляла вассала, ее занимающего, под страхом уголовного преступления и телесной *конфискации*, снаряжаться и вооружаться по первому призыву своего сюзерена и следовать за королевским *приказом* с определенным количеством боевых людей. Отныне допускался принцип покупки освобождения от военной службы, и все, будь то дворяне или злодеи, были вольны либо служить, либо покупать освобождение. Несколько феодальных *жандармов* еще оставались, но большинство было свободным. *Из оруженосцев* некоторые были феодалами, другие - свободными или даже простыми *варлетами*. Каноники, аббаты и прелаты, которых феодальные законы заставляли нести личную военную службу, уже давно нашли себе замену в лице поверенных или бейлифов, следивших за *запретом* и *arrière-ban* землевладельческой знати. Однако некоторые представители духовенства предпочитали лично присутствовать в войсках своего государя; многие прелаты или аббаты с удовольствием добавляли к своему гербу кирасу, меч, шлем или другую воинскую эмблему. В 1356 году епископы Шалона, Сенса и Мелена отличились подвигами личной храбрости во время кровавой битвы при Пуатье; в 1359 году епископ Реймский несколькими энергичными вылазками спас этот город, когда его осаждали англичане; Архиепископ Сенса, Вильгельм Монтайгу, пал с мечом в руках на поле Азенкура; в 1455 году простой монах успешно защищал Белград; а при осаде Плезанса Филипп Савойский, епископ Валансьенский, был посвящен в рыцари за доблесть, проявленную при самом прорыве. Правда, многие из этих церковных сановников никогда не были торжественно посвящены, но пример, которому они следовали, был весьма возвышенным: несколько пап, Иоанн X., Лев IX., Урбан II., Иннокентий II. и Юлий II. (который впервые проявил себя как умелый полководец под именем Жюльен де ла Ровер) лично командовал войсками Святого престола.

Огненная палка, то есть arquebuse, которую тогда называли *hequebutte*, с трудом заняла место лука, и с еще большим трудом - место арбалета. В 1481 году Людовик XI лишил своих сержантов обоих этих видов оружия, но не для того, чтобы вооружить их огненными палками, а для того, чтобы дать им пику, алебарду и меч, которыми швейцарцы в недавних войнах пользовались столь грозно. Людовик XI, однако, увеличил число своих конных лучников, а затем передал их в подчинение полковнику роты вольноопределяющихся, известной как альбане или скауты. Эти соединения составляли французскую национальную легкую кавалерию, пока Франциск I не заменил их легкой конницей, состоявшей в основном из наемников разных наций. В Англии, начиная с XIII века, конные лучники составляли значительную часть национальных войск. Армия из пятнадцати сотен *полных копий*, насчитывавшая в общей сложности шесть или семь тысяч всадников, требовала в придачу не менее пяти тысяч конных лучников, которые все были искусными стрелками. Во времена Генриха VIII английский лучник мог выпустить двенадцать стрел за минуту, и он считал бы себя опозоренным, если бы выпустил хоть одну стрелу, которая не убила, не ранила или хотя бы не поразила врага.

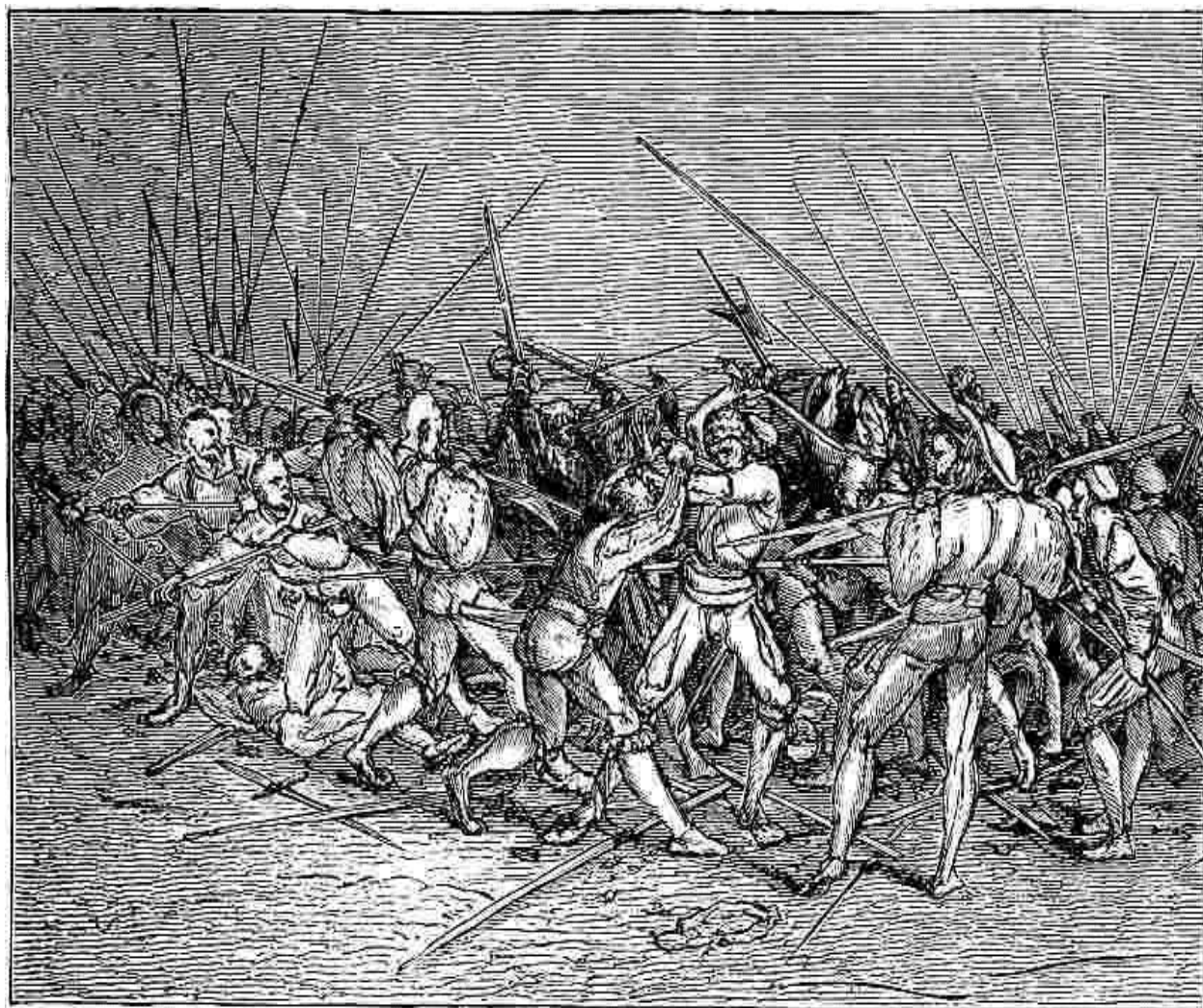

Рис. 49. Сражающиеся немецкие пешие солдаты - по рисунку Гольбейна, хранящемуся в музее в Базеле (XVI век).

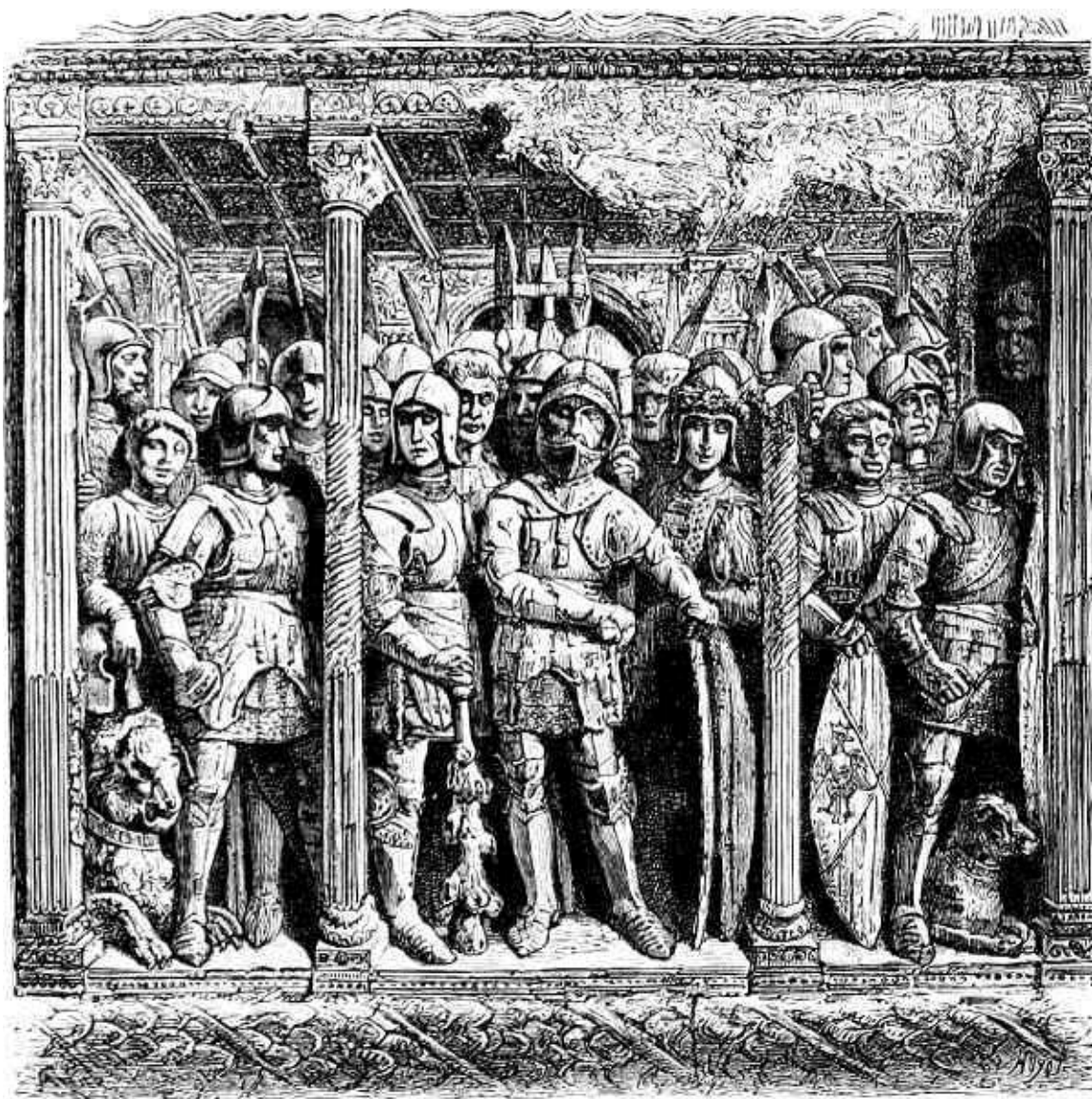

Рис. 50. Итальянские воины XV века - с барельефа на триумфальной арке Капель Нуово в Неаполе, возведенной в 1470 году Фердинандом Арагонским в честь его победы над Иоанном Калабрийским, сыном Рене д'Анжу.

Отчаянная битва при Форнуэ (6 июля 1495 года), заставившая Карла VIII проделать обратный путь после успешной итальянской экспедиции, стала едва ли не последней из запутанных и кровопролитных схваток Средневековья. Меч и лук внесли больший вклад, чем пушки и огнестрельное оружие, в ужасный результат того дня. С этого времени пехота вернула себе былое превосходство над кавалерией, а пушки стали применяться предпочтительнее всех других метательных орудий. Полная революция должна была произойти и в тактике действий армии в поле, а также в атаке и обороне крепостей. Людовик XII и Франциск I в своих итальянских походах, которых они растратили столько ресурсов и сокровищ Франции, вынуждены были сражаться с немецкими и испанскими наемниками, в то время лучшими солдатами в мире; им противостояли корпуса иностранной пехоты, иногда ланскенетов (рис. 49), иногда швейцарцев, которые промышляли войной и, чтобы заработать жалованье, без колебаний сражались против своих соотечественников. Однако был один недостаток в принятии их услуг, и заключался он в том, что они часто меняли сторону накануне боя или отказывались сражаться под малейшим предлогом. Не раз рыцари Франции видели, как их внезапно покидала пехота, чьей обязанностью было поддерживать их, и они позволяли, чтобы их рубили на куски у них на глазах, не мешкая, чтобы помочь им

(рис. 50). Так случилось в роковой битве при Павии, когда король и его вельможи в отчаянии сражались пешими в рукопашной, пока не пали или не попали в плен.

При обычном расположении армии в этот период в открытом поле свободные лучники, стрелки и рыцари располагались либо в центре, либо на флангах, а пехота, как ее правильно называть, разделенная на небольшие группы по пять человек, называемые *cinquains*, была либо выдвинута вперед для стычки, либо отправлена назад для прикрытия арьергарда, либо отряжена через определенные промежутки на фланги для преследования противника и защиты багажа. Во время боя все рыцари, облаченные в доспехи, сходили с коней, чтобы сражаться, а своих лошадей оставляли на попечение пехоты. В те времена лошади использовались только для перевозки всадников на марше, что из-за тяжести доспехов было невозможно сделать пешком.

Всадник, ставший инвалидом в результате долгой службы или по возрасту, больше не служил в кавалерии, а уходил в пехоту, где пользовался, под названием *anspessade* (от итальянского *spezzate* - сломанный), привилегиями, которые в более поздний период были предоставлены ветеранам.

До крестовых походов ни одно войско не имело между собой никаких отличительных знаков, кроме разницы в вооружении, а идея военной формы тогда еще не возникла. Но вместе с гербами, штандартами и вымпелами в обиход вошли шарфы, которые носили в виде балдриков или поясов поверх кирасы, и цвет которых, обычно совпадавший с цветом штандарта феодального сеньора владельца, стал таким же сигналом для сплочения, как и сами штандарты (рис. 51). Необходимость отличать друзей от врагов на расстоянии, естественно, приводила и к более или менее заметным различиям в одежде.

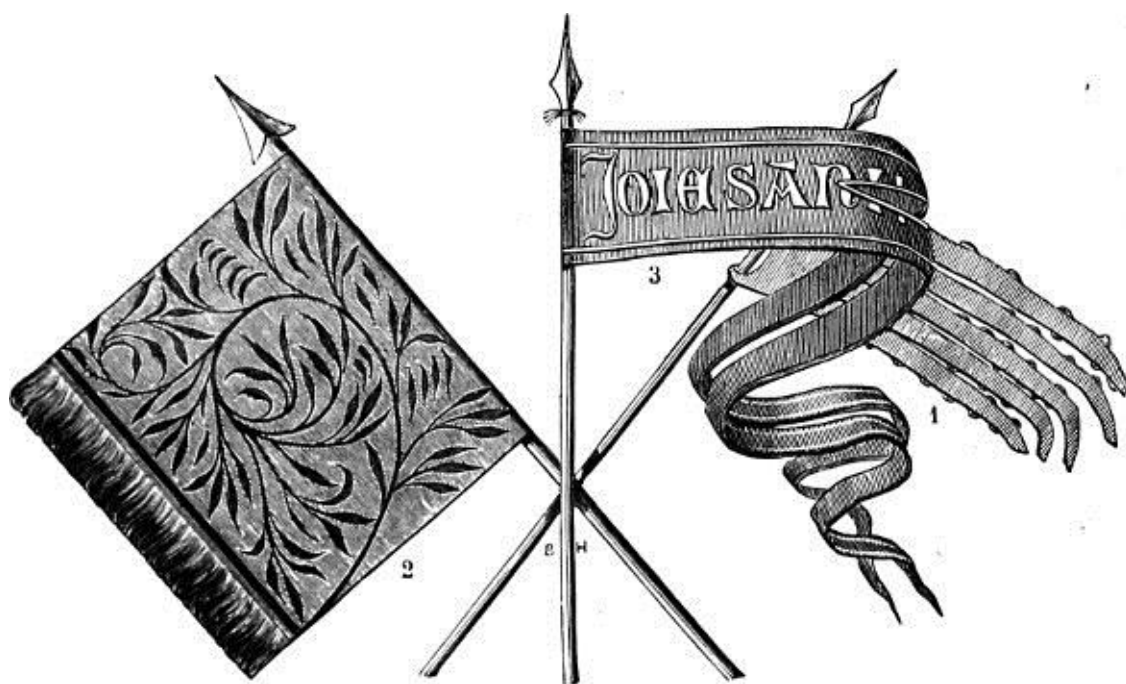

Рис. 51. Изображения знамени Сен-Дени: № 1, самое старое, с окна в Шартрском соборе; № 3, самое позднее, с рукописи Фруассара, № 2644, в Национальной библиотеке (оригинал, который оно изображает, был унесен при поражении Артевельде в Розбеке); № 2, рисунок из библиотеки Селестинцев, хранящийся в Монфоконе; - Из "Парижа и его историков", Мм. Леру де Линси и Л. Тиссерана.

Управление и внутреннее регулирование армии, которые были одной из главных забот готских и ранних франкских королей, были полностью проигнорированы, как и все, относящееся к военному искусству, на протяжении многих веков. Например, в начале XIV

века капитанам различных рот было позволено распределять жалование между своими людьми по своему усмотрению после каждого сбора, и им было доверено только и исключительно управление своими ротами. Таким образом, они были совершенно безответственны и не заботились о том, чтобы предписанные вышестоящей властью правила, касающиеся общей дисциплины армии, были приведены в исполнение. В 1355 году, во время пленения короля Иоанна в Англии, были назначены специальные комиссары с титулом контролеров, в обязанности которых входило наблюдение за внутренним хозяйством армии в целом, с целью положить конец многочисленным злоупотреблениям; но беспокойный и неудачный период, в который была предпринята эта попытка, сделал ее почти неизбежно бесплодной. Когда дофин вступил на престол под именем Карла V, он вернулся к этому проекту, который, в сущности, сам же и заложил, но после его смерти анархия вновь воцарилась более чем на столетие. Гражданские и внешние войны опустошили и истощили Францию, не вызвав к жизни ни одного творческого ума, за исключением, пожалуй, Жана Бюро, великого мастера артиллерии при Карле VIII. Ни в коем случае не будет лишним сказать, что поражения, понесенные в Италии в царствования Карла VIII и Людовика XII, были вызваны не столько рыцарским безрассудством дворянства и незнанием ими первых принципов ведения войны, сколько грубыми недостатками военной администрации страны. Даже во времена Франциска I государственная служба находилась в таком плачевном состоянии, что он никогда не был должным образом информирован о реальной численности своей армии, так как его капитаны, в чьих интересах было преувеличивать численность рядового состава под своими штандартами (рис. 52 и 53), постоянно обманывали генералов и их начальников. Это дошло до такой степени, что накануне битвы при Павии Франциск I был вынужден поверить, что его армия на треть сильнее, чем была на самом деле. Однако наконец в 1517 году из этой хаотической неразберихи появились первые зародыши правильной системы надзора и контроля над всеми вопросами, касающимися войны.

Рис. 52. - Рыцарь в полных доспехах.

По рисунку Чезаре Вечеллио "Старинные и современные жилища", 8vo, 1590.

Рис. 53. - Аркебузир шестнадцатого века.

С Чезаре Вечеллио, "Старинные и современные жилища", 8vo, 1590.

Если тактики Италии были первыми, кто теоретически постиг науку войны, то швейцарцы под руководством маршала Тривульса, испанцы под руководством Гонсальвеса Кордовского и, наконец, фламандцы под руководством герцога Альбы успешно восстановили военные комбинации Древней Греции. Они первыми стали маневрировать плотными массами и батальонами и первыми успешно применили колонное построение войск. Пикинеры Франции последовали их примеру, а войска, вооруженные метательным оружием, сражались как скirmiшеры в фургоне или в линиях по два-три человека в глубину. Однако только во времена Генриха IV было замечено, что значительная часть войск способна продвигаться в тесной колонне, не нарушая своего строя, и только во времена Людовика XIII полк, впервые введенный в предыдущее царствование, стал признанной постоянной военной единицей.

Рис. 54. Жнецы смерти, аллегория войны, с гравюры Ганса-Себальда Бехама (XVI в.) - коллекция М. Амбруаза Фирмина-Дидо.

Рис. 55. Битва при Дрё, 19 декабря 1562 года, выигранная Франсуа де Гизом у протестантов. На переднем плане - маршал Сент-Андре, в которого стреляет солдат. Факсимиле гравюры этого периода работы Торторея и Периссена (коллекция М. Генебо).

К концу XV века французская кавалерия все еще состояла исключительно из тяжелых кавалеристов. Албанцы, наемники, из которых состояла французская легкая кавалерия, продавали свои услуги, *людей и лошадей*, как швейцарцы продавали свои, *людей и алебарды*. Карл VIII набрал восемь тысяч албанцев для своей итальянской экспедиции; но через пятьдесят лет этот иностранный элемент исчез из французской армии, которая к тому времени, помимо тяжелой кавалерии, имела и собственную легкую кавалерию (рис. 55).

До правления Генриха IV, который стал первым монархом, отказавшимся от их опасной и безнравственной помощи, вольные копы повсеместно использовались даже теми государями, которые издавали против них самые строгие указы, но за неимением регулярных солдат были вынуждены принимать их сомнительные услуги. Брантом изобразил их таким образом: "В одежде, с оттопыренным верхом; в набедренной повязке, одна или две, с оттопыренным верхом, в потолке; напевают, чтобы задобрить труд своего поезда".^[3] Этим пешим разведчикам полагалось только *l'étape*, то есть ежедневное довольствие едой и фуражом; но в военное время они пользовались правом грабежа во всех городах и крепостях, взятых штурмом (рис. 56).

Эта система оплаты вспомогательных войск *натурой* была впервые принята во Франции в XIV веке и продолжала использоваться в нерегулярном порядке до правления Генриха II, по приказу которого была составлена шкала рационов, а также шкала провианта, обоза и расквартирования, причитающихся королевским войскам от церквей, монастырей, коммун, дворян и бюргерств, через владения которых и в окрестностях которых пролегал их путь.

Законный возраст, с которого можно было набирать солдат, способ, которым это делалось, и срок службы значительно различались в Средние века и в эпоху Возрождения. Во времена Генриха II было принято нанимать солдата на три месяца; Генрих IV увеличил этот срок, но не без труда, поскольку, цитируя слова Сюлли, "наших солдат теперь можно набрать только силой, и убедить их идти в поход можно только с помощью палки и угрозы виселицы". К этой картине следует добавить тот немаловажный факт, что система обучения была крайне несовершенной, и нередко встречались солдаты, чье пребывание в штандартах было, в конце концов, очень временным, совершенно не умеющие обращаться с оружием, которое им вверяли. Городское ополчение, однако, значительно превосходило этих новобранцев, поскольку со времен правления Карла V было принято каждое воскресенье обучать горожан владению пикой, луком и арбалетом, особенно в пограничных городах. Только во времена Колиньи, в середине XVI века, можно найти следы каких-либо правил, налагающих на командиров обязанности по обучению и обучению своих солдат.

Рис. 56. Солдаты немецких отрядов - с картины маслом Иоахима Букелера (Франкфорт, 1548-1596), хранящейся у месье Поля де Сен-Виктора.

Мы попытались обрисовать общую военную физиономию Средневековья; теперь мы быстро рассмотрим оружие и военные машины, которые были изобретены для нападения и обороны укрепленных мест.

До изобретения пороха, вернее, до изобретения артиллерии (рис. 57) все искусство фортификации, говорит ученый Проспер Мериме, заключалось в более или менее точном следовании традициям, переданным римлянами. Крепость Средневековья имела точно такие же характеристики, как и древний *кастеллум*. Способы нападения, от которых должны были защищаться инженеры, - это штурм эскаладой, внезапный или численный, и прорыв, вызванный либо подрывом, либо минированием, либо таранами осаждающих. Применение машин или *двигателей* такого рода было гораздо менее частым после падения Римской империи, чем до нее, когда военное искусство не знало более высокого полета, чем осада места или поддержание осады.

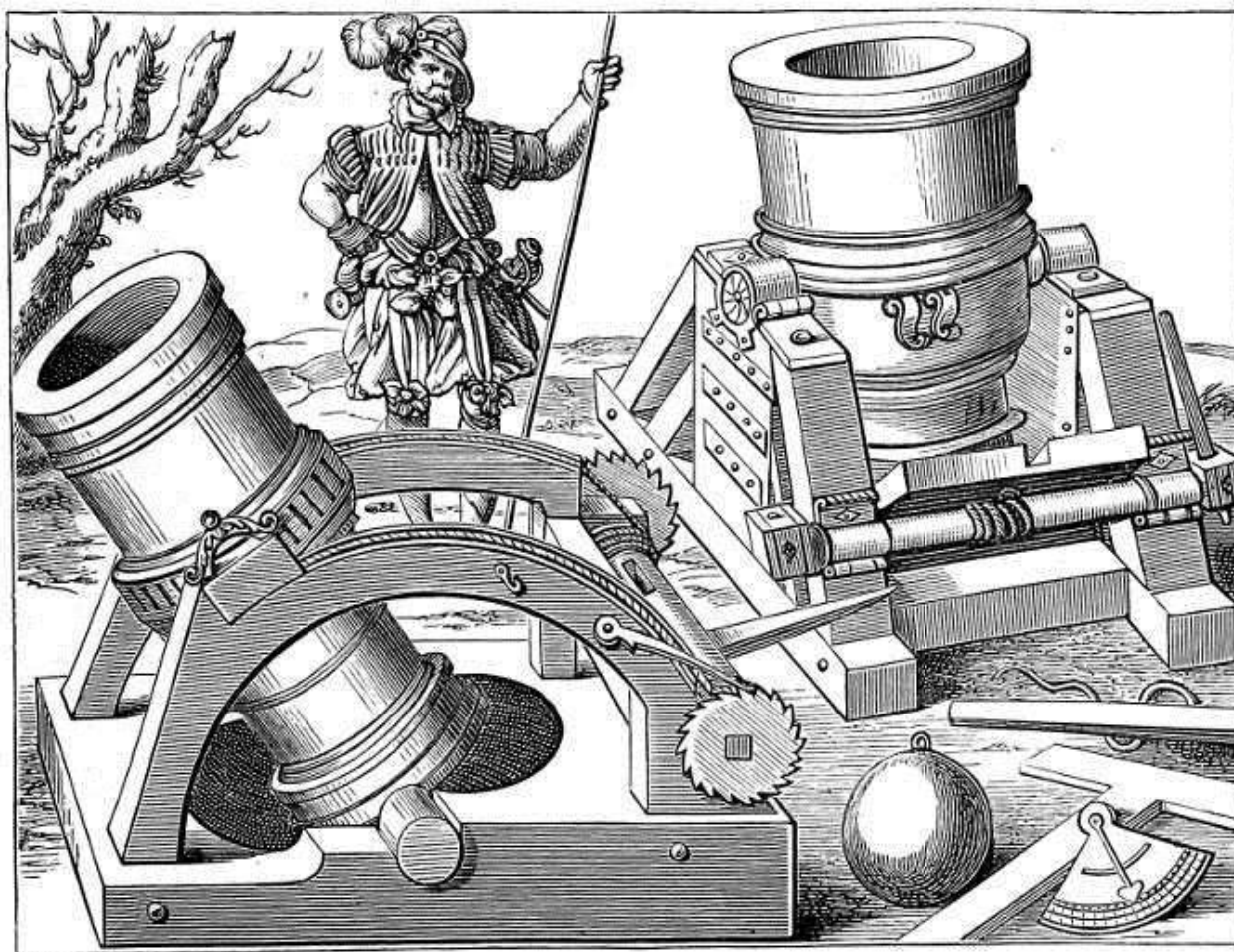

Рис. 57.- Мортиры на подвижных повозках - с гравюры в "Кригсбухе" Фронспергера: in folio, Франкфорт, 1575.

Первой операцией осаждающих было разрушение защитных сооружений осажденного места, таких как постерны, барбикианы, барьеры и т. д. Поскольку большинство этих укреплений были построены из дерева, обычно предпринимались попытки разрубить их на куски топорами или поджечь стрелами, к которым были прикреплены куски горящего полена, смоченного в сере, или какой-либо другой зажигательный состав.

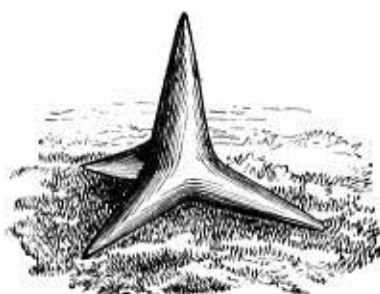

Рис. 58.- Кальтроп, или Воронья лапка (XIV век).

Если основная часть города не была настолько сильно укреплена, чтобы сделать успешный штурм силой невозможным, обычно предпринималась попытка эскалады. С этой целью ров, который, как правило, был буквально усыпан кальтрапами (рис. 58), заполнялся фашинами, по которым на валы поднимались лестницы, а лучники на краю рва, защищенные воткнутыми в землю мантиями, отгоняли стрелами любого из защитников, пытавшегося показаться над парапетами или у бойниц.

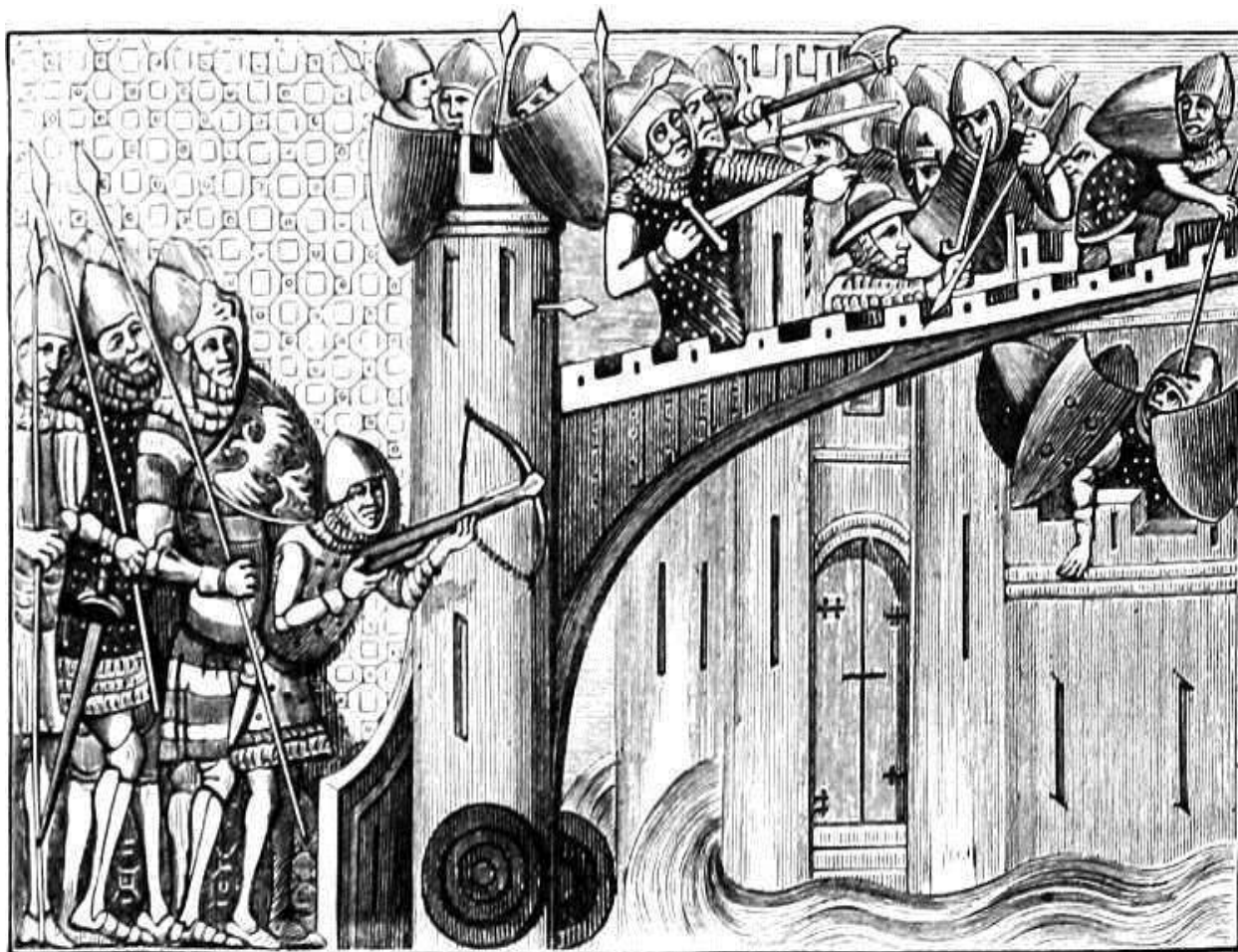

Рис. 59.- Качающаяся башня для возведения стен городов - миниатюра из "Истории мира", рукопись XIV века (библиотека месье Амбруаза Фирмина-Дидо).

Если осада, несмотря на усилия осаждающих, обещала быть долгой, единственным оставшимся средством ее сокращения оставалась блокада, хотя ее трудно осуществить с силами, которые не были постоянными и, как правило, далеко не многочисленными. Поэтому осаждающим приходилось защищать подступы к городу деревянными, земляными или даже каменными укреплениями, возводимыми под покровом ночи, достаточно прочными и высокими, чтобы лучники могли целиться прямо в крепостные стены осажденного места. Также часто использовались деревянные башни высотой в несколько этажей, которые собирались по частям на краю рва или строились из лука, а затем подкатывались на колесах к подножию стен (рис. 59). При осаде Тулузы в 1218 году по приказу Симона де Монфора была построена подобная машина, способная вместить, согласно балладе "Альбигойцы", пятьсот человек.

Рис. 60. Осада города: призыв сложить оружие и открыть ворота - с медной пластины в "Крейгсбухе" Фронспергера.

Когда снаряды, брошенные с верхних этажей этих башен, называемых на юге *chattes*, на севере *chats*, *châteaux*, *bretesches*, сгоняли осажденных с их валов и крепостных стен, через ров опускали подвижный мост, и начиналась рукопашная схватка (рис. 59). Осажденные, чтобы предотвратить или замедлить приближение этих страшных башен, привыкли бросать в них огромные камни и зажженные дротики, подрывать или заливать землю, на которой они стояли, чтобы их собственный вес мог заставить их опрокинуться.

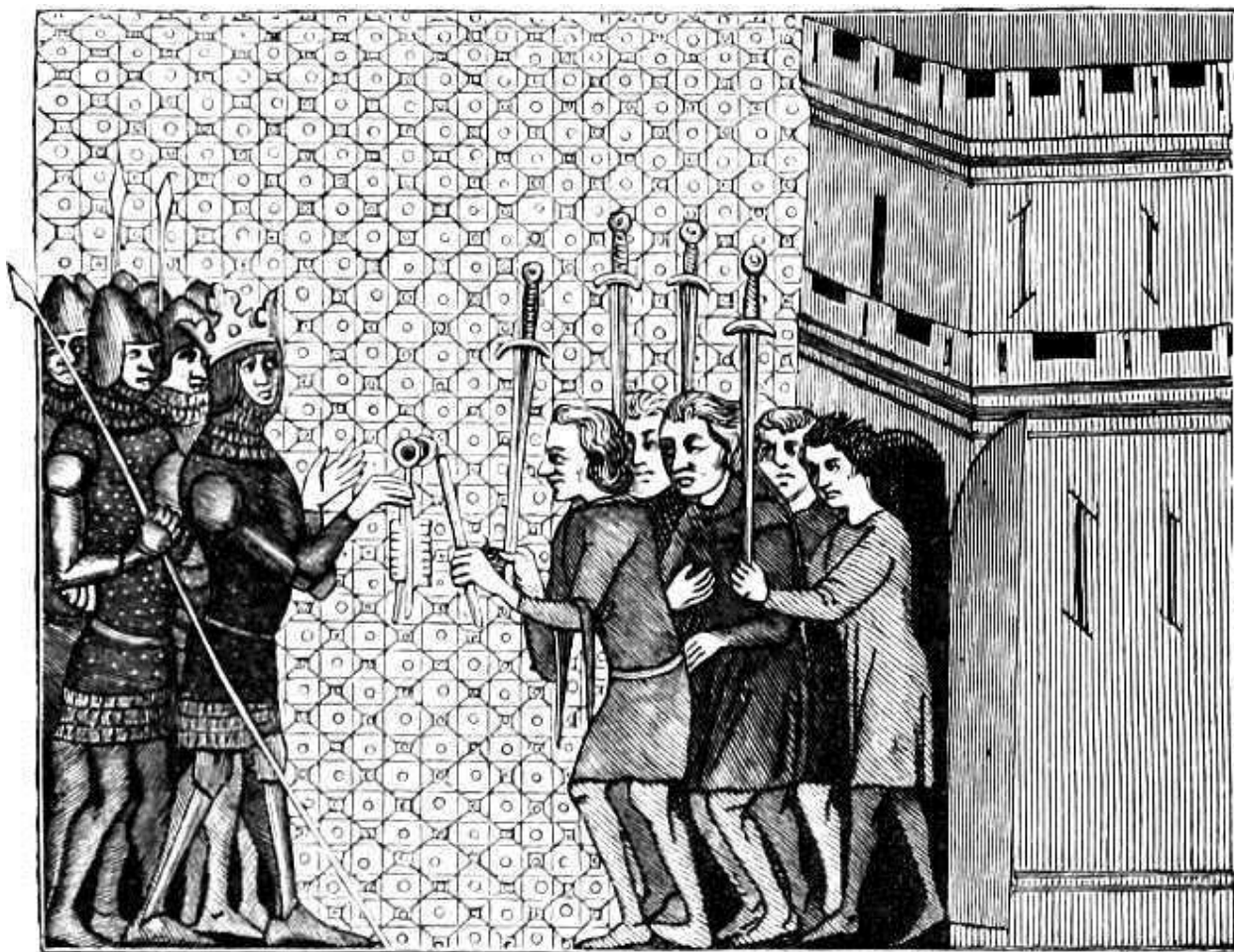

Рис. 61. Захват города: гарнизон сдается и бросается на милость захватчиков. Миниатюра из "Истории мира", рукопись XIV века (библиотека М. Амбруаза Фирмин-Дидо).

Помимо только что описанных средств, оставались еще сапа и шахта. Шахтеры, вооруженные кирками, отправлялись в ров под охраной отряда лучников. Наклонная крыша, покрытая мантией, укрывала их от ракет осажденных. Затем они камень за камнем пробивали стену, пока не проделали отверстие, достаточно большое, чтобы пропустить сразу несколько воинов, а саперы доделывали проем. Осажденный, заметив, в каком направлении ведет свои операции противник, старался сосредоточить все свои средства обороны в этой точке. Иногда он пытался раздавить шахтеров огромными камнями или кусками дерева, иногда обливал их расплавленным свинцом или кипящим маслом, иногда, поспешно возводя новую стену позади той, которую пробивали шахтеры, заставлял последних начинать работу заново, как только они считали ее законченной.

Преимущество шахты перед сапом заключалось в том, что осаждающий, находясь вне поля зрения во время выполнения подземных работ, имел все шансы застать осажденных врасплох. Для этого как можно более бесшумно прорывали подземную галерею и проводили ее под фундаментом крепостных стен. Когда шахта достигала стен, их подпирали кусками дерева, а землю выгребали, пока они не оказывались полностью подпертыми этим искусственным способом. Сухое виноградное дерево и другие горючие материалы складывали вокруг подпорок и поджигали, так что, когда древесина сгорала, стены рушились и открывали осаждающим широкую брешь. Тогда гарнизону ничего не

оставалось, как сдаться, чтобы избежать ужасов штурма и разграбления города (рис. 60 и 61).

Рис. 62. Дозорная башня, освещенная сигнальными огнями и охраняемая собаками - факсимиле миниатюры XV века с рисунка М. Проспера Мериме.

Единственным средством, которым располагал гарнизон против этого последнего способа нападения, была хорошая бдительность и попытка обнаружить местонахождение мины и нейтрализовать ее контрминой. Во время осады Ренна в 1356 году губернатор города приказал расставить по валам медные тазы, в каждом из которых находилось несколько шаров из того же металла; когда было видно, что эти шары вибрируют и дрожат при каждом ударе спрятанной кирки, легко было догадаться, что шахта находится недалеко. Были и ночные дозорные, которые внимательно следили за передвижениями противника и звонили в тревожный колокол при малейшем шуме. Этих дозорных часто заменяли собаки, чей лай в случае неожиданности оповещал гарнизон (рис. 62).

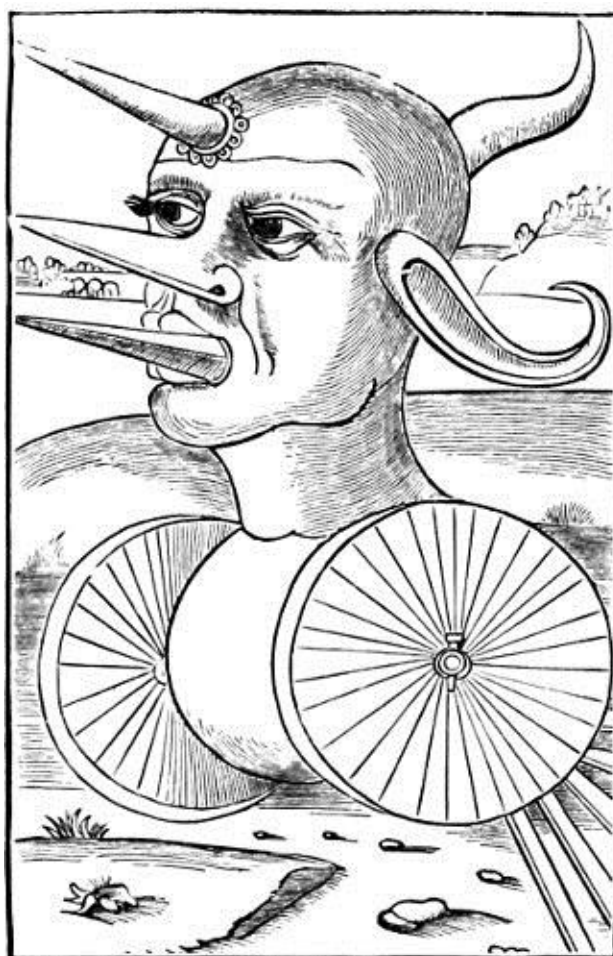

Рис. 63.- Машина, предназначенная для того, чтобы ломать ряды противника и сокрушать его солдат.- Вегес, "Военное искусство", 1532.

Рис. 64.- Машина для стрельбы стрелами и помощи при подходе к осажденному городу.- Роберт Вальтурин, "Военная дисциплина", 1555 год.

Медленная и трудоемкая работа шахтера часто заменялась более мощным действием некоторых машин, которые можно разделить на два разных класса. К первому, предназначенному для использования на близком расстоянии и пробивания бреши в стене, относятся несколько разновидностей древних таранов; ко второму, используемому на расстоянии, относятся *пирриеры*, *мангоны*, *эспрингалы* и т. д. (рис. 63 и 64).

Таран, который, вероятно, был хорошо известен с самых отдаленных времен, описывается в документах Средневековья почти так же, как мы видим его на памятниках Ниневии. "В день Пасхи, - пишет анонимный автор хроники "Альбигойцев", - *боссон* (южное название тарана) был поставлен на место; он длинный, железный, прямой и острый, и им так били, и пробивали, и разбивали, что стена была пробита (рис. 65); но они (осажденные) спустили петлю из веревки, подвешенной к машине, и в этой петле *боссон* был пойман и удержан".

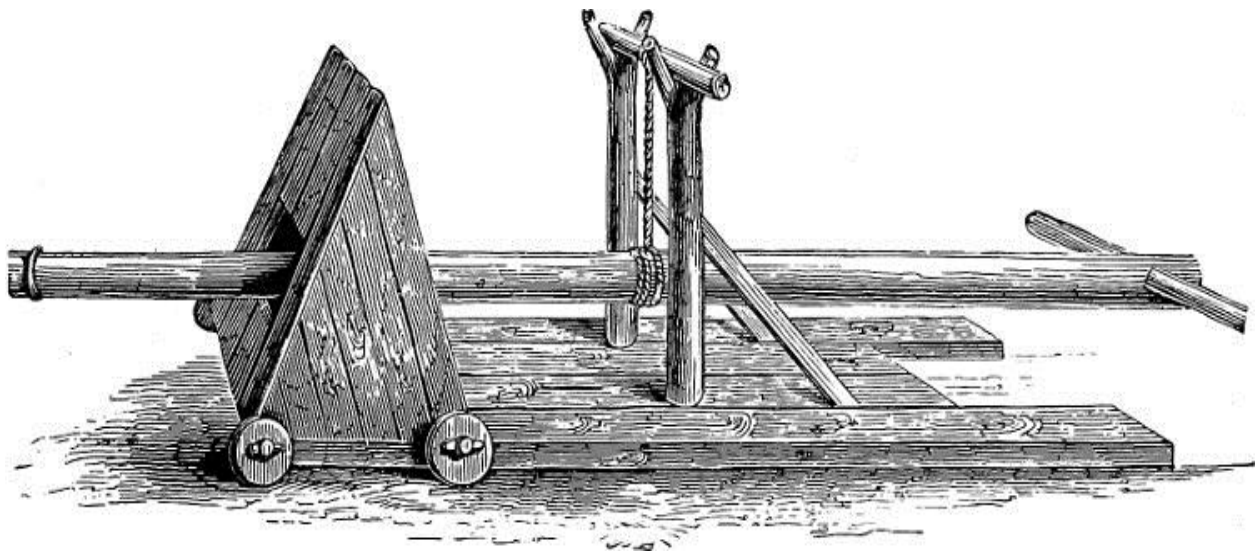

Рис. 65.- Таран. Из миниатюры в рукописи 17 339 в Национальной библиотеке Парижа.

Вообще говоря, таран представлял собой длинную, тяжелую балку, подвешенную в центре к своеобразной массивной эстакаде. Конец, который бил по стене, был либо закрыт железным кожухом, либо заострен латуњью. Осаждающие раскачивали балку вперед-назад, и, ударяя по стене всегда в одно и то же место, часто добивались ее разрушения или низвержения. В других случаях таран, вместо того чтобы быть подвешенным в колеблющемся положении, устанавливался на колеса и с огромной скоростью несясь вперед к стене, которую нужно было побить. В только что процитированной хронике "Альбигойцев" говорится о том, что голова тарана была поймана в петлю; кроме этого маневра, гарнизон бросал в него камни и куски дерева, чтобы сломать его или вывести из строя; или же старался ослабить его удары, прокладывая между ним и каменной кладкой своей крепости толстый матрас из шерсти, обтянутый кожей.

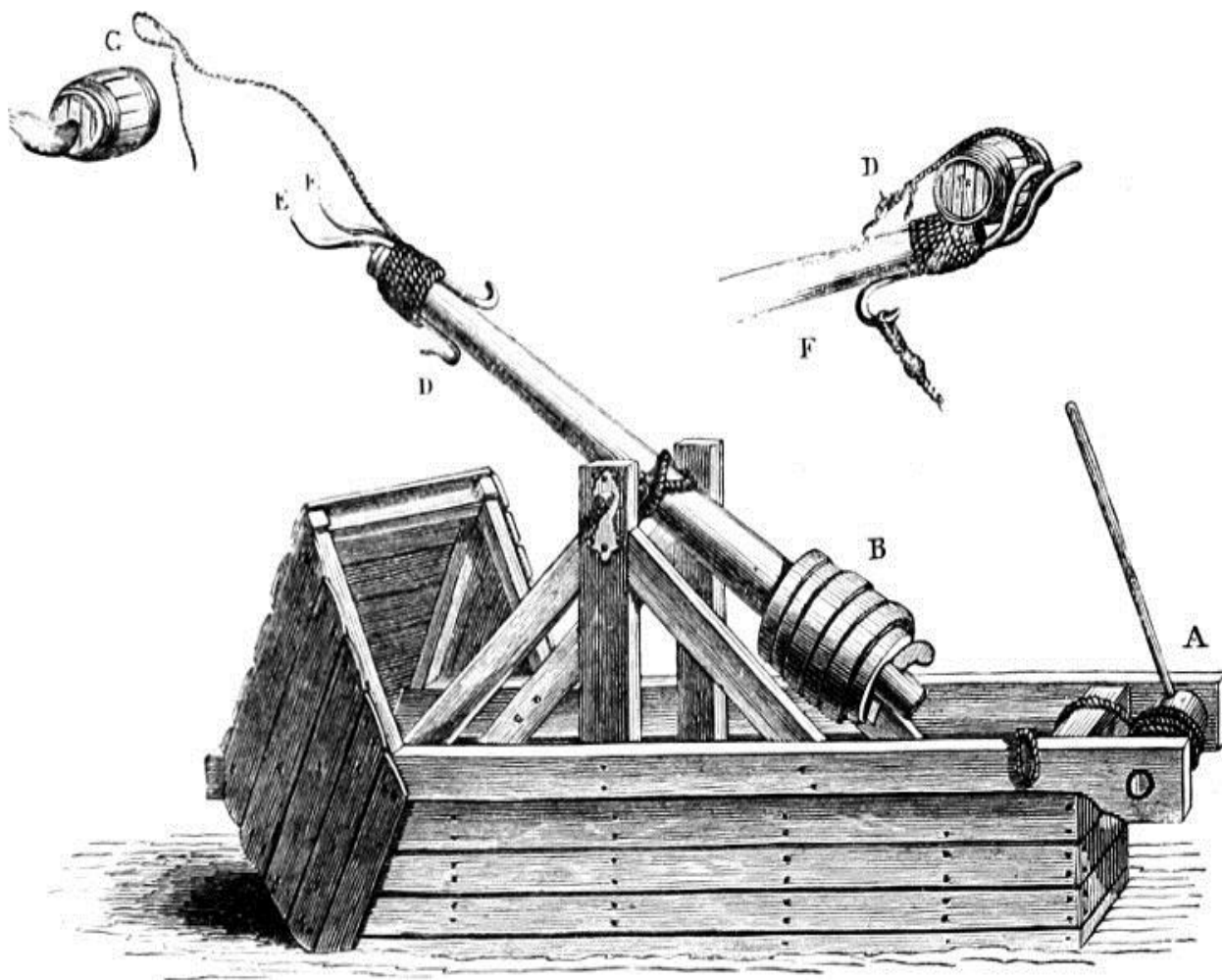

Рис. 66.- Катапульта. Когда рычаг быстро вращается вокруг своей оси, центробежная сила заставляет петлю С соскользнуть с крюка D, при этом ствол, удерживаемый на вилке E E, освобождается и проецируется на расстояние. F представляет собой конец рычага, удерживаемый брашпилем A и нагруженный бочкой с горючим веществом или железом. B - кольца из камня, железа или свинца.

Машины, которые они использовали для метания своих снарядов, похоже, почти во всех отношениях соответствовали катапультам древних. Часто это был просто вид гигантской пращи, за которой работало несколько человек и которая бросала куски скал и круглые каменные массы. *Мангоно*, *бриколь* или *трабух* представляли собой нечто вроде квадратной деревянной платформы, сделанной из толстых досок, уложенных крест-накрест; длинная балка, прикрепленная нижним концом вращающейся оси к платформе, поддерживалась под углом около 45° приподнятой перемычкой, опирающейся на две стойки. Расстояние между вращающейся осью и точкой опоры составляло примерно половину длины балки. Последняя фиксировалась в таком положении длинными шнурами, прикрепленными к передней части платформы. Затем люди, управлявшие *бриколе*, опускали балку назад с помощью лебедки, закрепленной сзади, пока она не образовывала тупой, а не острый угол с платформой, и пока шнур, закрепляющий ее спереди, не натягивался до предела. В таком положении снаряд, который хотели бросить, помещали в ложкообразный конец балки. Затем пружина, называемая *декой*, ослабляла натяжение брашпиля, и балка, повинуясь натяжению шнура, прикрепленного к передней части платформы, стремительно качалась вперед и бросала снаряд на большие расстояния и на значительную высоту (рис. 66). Эти *брички* иногда использовались для метания в осажденные крепости трупов лошадей и других животных, зажигательных шаров и ящиков с горючими веществами; но в основном

они использовались для того, чтобы разбивать крыши зданий внутри стен и сокрушать защитные деревянные навесы, построенные на валах.

Их использование продолжалось еще долго после изобретения пороха. В войнах XIV века, в частности при осаде Таразони, Барселоны и Бургоса, бриколи использовались наряду с пушками, заряжавшимися порохом. Только к концу XV века стремительный прогресс новой артиллерии, позволявшей осаждающим пробивать стену со значительного расстояния и с меньшими затратами времени и людей, привел к тому, что вся атрибутика старомодных баллист перестала использоваться. С этого момента началась новая эра в науке нападения и обороны - эра, огромные результаты которой относятся не только к эпохе Возрождения.

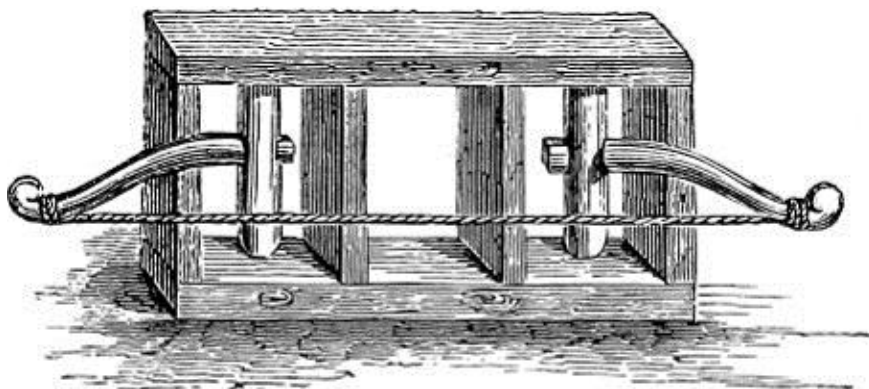

Рис. 67.- Баллиста. Миниатюра из рукописи 17 339, хранящейся в Национальной библиотеке Парижа.

ВОЕННО-МОРСКИЕ ВОПРОСЫ.

Старые традиции: Длинные и широкие суда.- Дромон.- Галеас.- Кок.- Караки и галеоны.- Большой карак Франциска I.- Каравеллы.- Значение флота.- Наемные флоты.- Пуп-гвардия.- Морские законы.- Морские трибуналы.- Навигация в открытых морях.- Буссоль.- Вооружение военных людей.- Башни и баллисты.- Артиллерия.- Морская стратегия.- Украшения и величественные украшения судов.- Паруса и флаги.- Галера Дона Хуана Австрийского.- Суеверия моряков.- Дисциплина и наказания.

Корабли с самых отдаленных времен делились на два класса: длинные суда, приводимые в движение веслом или ветром, иногда двумя этими способами вместе, и суда большей ширины, которые полагались только на паруса. Средневековье соответствовало этим традициям; у них были галеры, которые отвечали длинным судам древности, и корабли, которые соответствовали более крупному классу.

Галеры Средневековья, как и длинные корабли античности, можно разделить на несколько разновидностей. Большая галера (рис. 68), мощная по конструкции и быстрая в плавании, получила от греков многозначительное название *дромон* (бегун). В V веке Теодорих приказал построить тысячу дромонов для обороны итальянских берегов и перевозки кукурузы; в IX император Лев Философ в военных наставлениях, которые он дал своему сыну, рекомендовал строить дромоны с двумя ярусами весел, по пять-двадцать в каждом ярусе с каждой стороны. Для флагмана (если можно так выразиться) командующего флотом он рекомендовал построить гораздо больший дромон с сотней весел в каждом ярусе, похожий те, что строились в Памфилии и которые по этой причине назывались *памфилами*. Флот должны были сопровождать меньшие дромоны с одним ярусом весел для перевозки депеш и в качестве разведчиков. Эти корабли получили особое название - *галеры*. В течение более чем трехсот лет конструкция и оснастка кораблей не претерпевали изменений (рис. 69); в XII веке дромон все еще оставался основным типом класса кораблей, приводимых в движение веслами. Затем появилась галера, меньшая по размеру, чем дромон, но оснащенная, как и он, двумя ярусами весел, и, наконец, *галион* или *гале́йд* (позже названный *галиотом*), гораздо меньшее судно, чем галера.

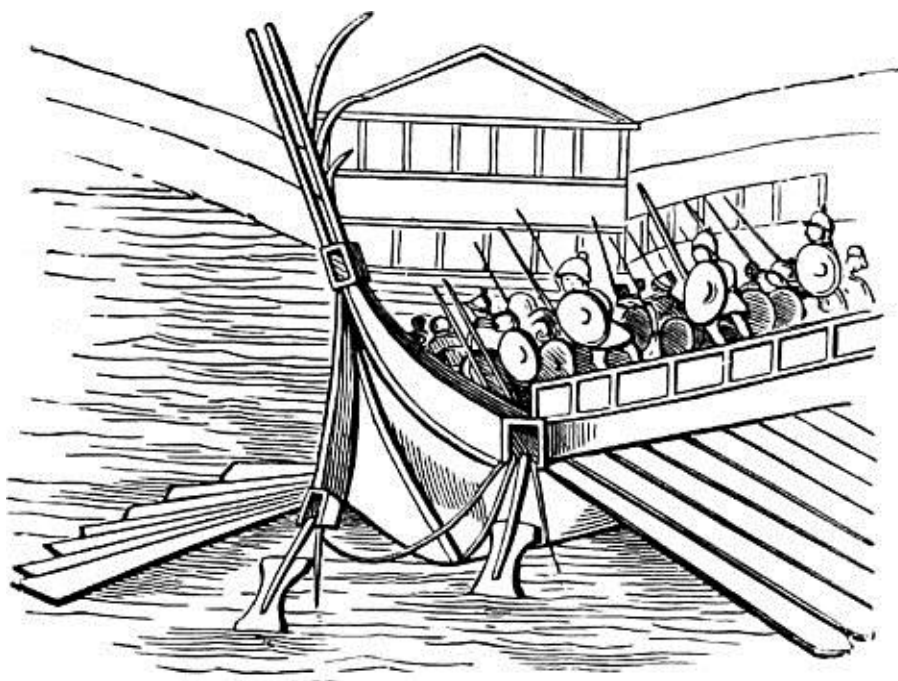

Рис. 68.- Крыша древней галеры - с помпейской росписи, собранной в Музее Бурбонов в Неаполе.

Самой большой и хорошо вооруженной галерой, бороздившей Средиземное море в тот период, была та, с которой, по словам историка Мэтью Париса, столкнулся Ричард Кер де Лев 3 июня 1191 года у берегов Сирии и которая везла большое подкрепление в лагерь неверующих, осаждавших в то время город Акко. Когда моряки английского флота впервые увидели это гигантское судно, чей огромный корпус был выкрашен в самые яркие цвета, на носу возвышалась башня с замком, три мачты разворачивали на ветер необъятное полотно, а длинные весла били по волнам с величественным ритмом, они были удивлены и не знали, как поступить. Однако Ричард приказал своим людям атаковать плавучую крепость. Его легкие галеры окружили ее со всех сторон, несмотря на стрелы и стеклянные вазы, которыми их осыпали с дромона. Эти вазы разбились при соприкосновении с галерами и окутали их греческим огнем. Капитан арабского судна попытался уплыть от нападавших, но ветер стих, а половина гребцов была убита английскими стрелами, и он был вынужден принять бой. Галеры сцепились вокруг дромона, нанося ему многочисленные удары своими медными носами и проделывая большие дыры в его бортах. Наконец, после отчаянного сопротивления, гигант был поглощен водами вместе со всеми своими защитниками.

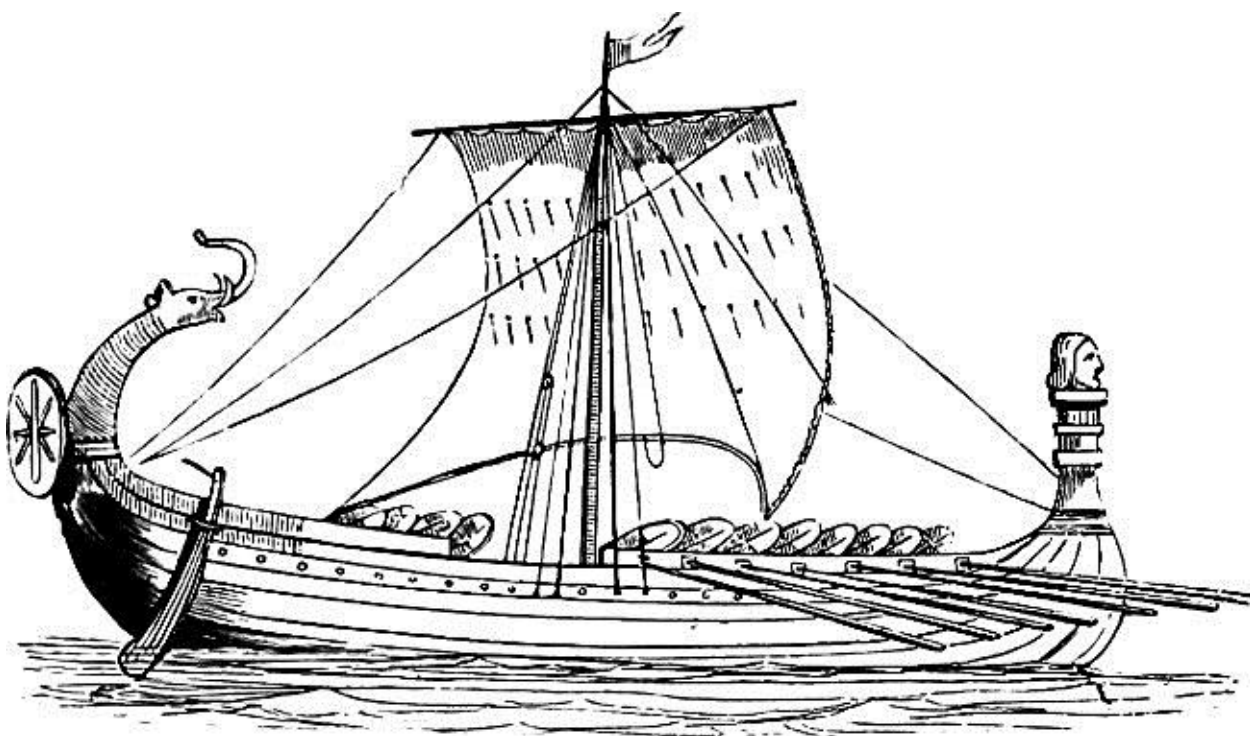

Рис. 69. Нормандское судно (XI век) - реставрация с гобелена из Байе.

Спутником дромона, как уже упоминалось, был *памфил*, который, прежде чем исчезнуть в XV веке, часто менял свою форму и характер. Нельзя забывать и о *шеланде* (рис. 70), или *селандре*, который писатель XI века изображает как корабль необычайной длины, большой скорости, с двумя ярусами весел и командой в сто пятьдесят человек, и который три века спустя превратился в большое плоское парусное судно и стал называться *шаландой*. С памфилом и селандром были связаны *тарид*, разновидность торговой галеры с веслами, и *хуиссьер*, название которого произошло от *хуиса*, или большой двери, открывавшейся в бок перед полуютом для посадки лошадей; а также *чат* или *чатте*, о котором Вильгельм Тирский упоминает в связи с морской войной, произошедшей в 1121 году. Согласно , это было судно с таранным вооружением, большее, чем галера, и несло сто весел, каждым из которых управляли два человека.

Кроме того, существовали *bucentaures* (рис. 71), большие венецианские галеры, и *sagettes*, или *saïties* (стрелы), названия которых обозначают их стройную форму и скорость, и которые, с их двенадцатью или пятнадцатью веслами на каждом борту, играли ту же роль в двенадцатом веке, что и *baliner*, или *barineal*, и *brigantin* в четырнадцатом-семнадцатом.

Рис. 70. Турельное судно, защищавшее Венецианский порт, - с медали, выбитой в честь дожа П. Кандиано I, умершего в 887 году (Венецианский музей).

В XV-XVI веках использовались два вида судов, также относящихся к многочисленному и разнообразному семейству галер: *фусте* и *фрегат*, оба меньшие экземпляры *галеры*. Галера называлась *галеасом* (рис. 72), когда она была больших размеров, мощно вооружена и приводилась в движение такими длинными и тяжелыми веслами, что для работы на одном из них требовалось шесть или семь человек.

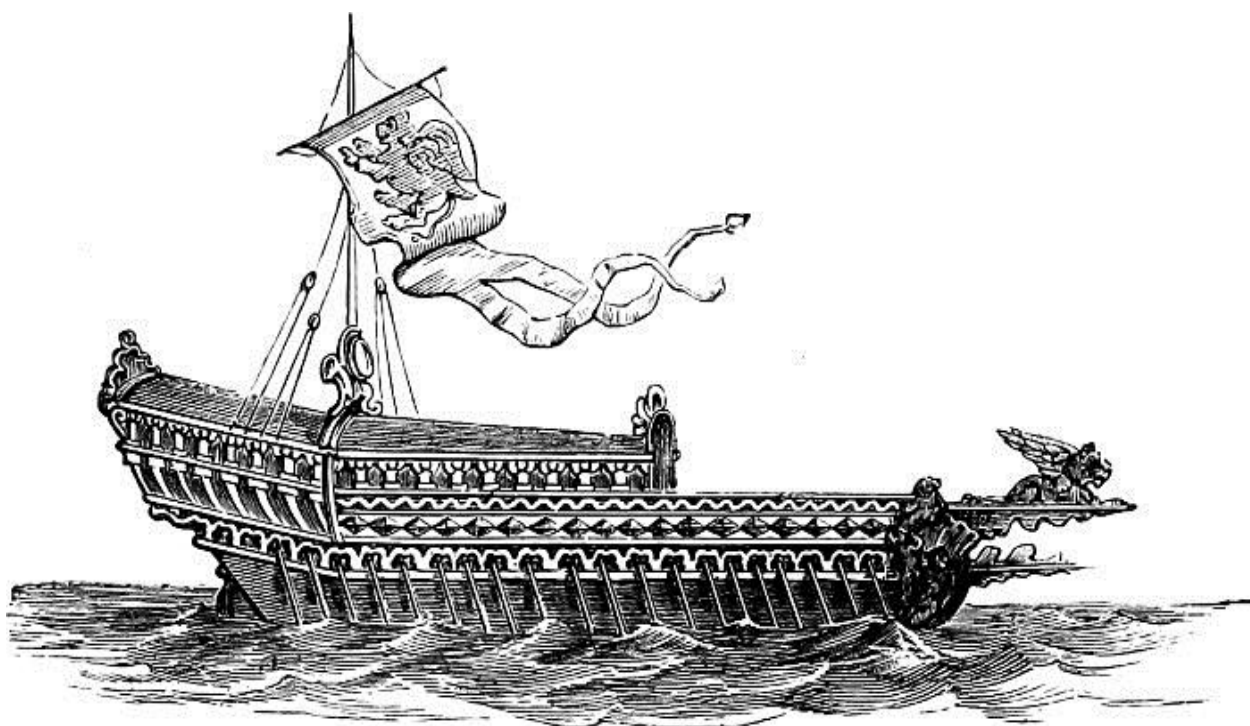

Рис. 71. *Буцентавр*, государственная баржа, использовавшаяся для бракосочетания дожа Венеции с морем, - по модели, хранящейся в Арсенале Венеции.

Мы ни в коем случае не исчерпали количество длинных судов, приводимых в движение веслами, но теперь обратимся к тем, которые использовали только паруса и назывались *нефы*, или круглые суда.

В X веке венецианцы использовали эти большие тяжелые суда, которые они переняли у сарацин и называли *кумбариями* (от латинского *сумба*), или *гомбариями*. К этому же классу принадлежал *соке* (рис. 73), который, по словам старого летописца, имел круглые форштевень и корму, высокий свободный борт и забирал очень мало воды. Суда такого типа, которые из-за своей формы считались непотопляемыми, широко использовались как в военных, так и в торговых целях с XII до конца XV века.

Кок, столь часто используемый в Средние века, несомненно, послужил толчком к созданию другого большого судна того же рода, называемого венецианцами *бузо*, генуэзцами *панзоно*, а провансальцами *буссе* - три слова с похожим значением.^[4] Эти различные названия ясно указывают на характер судна этого типа, а именно: оно было широкофюзеляжным, медленно плывущим, но способным перевозить большие и тяжелые грузы.

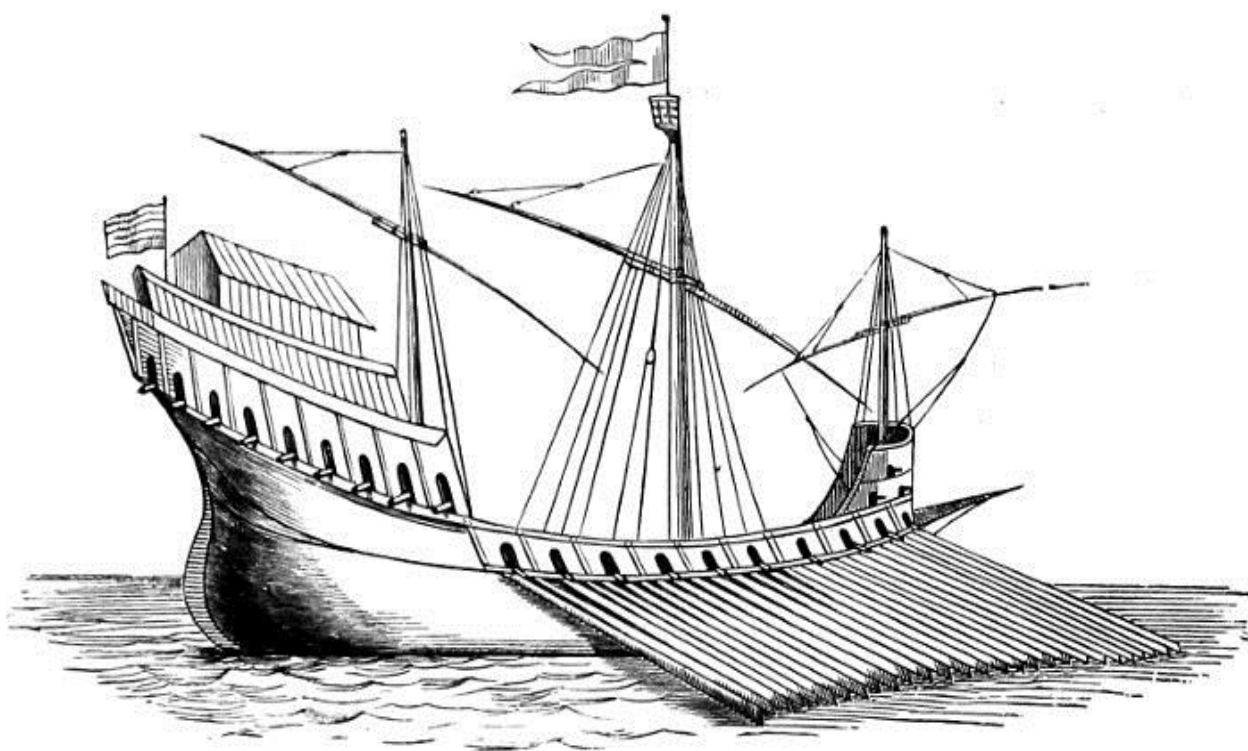

Рис. 72. Эскиз галеры XVI века, нарисованный краской на дверце шкафа, хранящегося во дворце Дория в Генуе.

Однако такие названия, как *gombaries*, *coques* и *busses*, сегодня забыты, как и корабли, к которым они применялись, в то время как такие термины, как *carraque* и *galliot*, по-прежнему несут в себе смысл, понятный каждому. Действительно, они сразу же вызывают в памяти многочисленные испанские галеоны, которые, согласно народной традиции, постоянно возвращались домой, груженные перуанским золотом, и те гигантские караки, которые, выходя из французских портов Атлантики и Средиземноморья, наделили флот Франции в царствования Людовика XII и Франциска I такой великолепной и внушительной славой.

Рис. 73.- Кок - с миниатюры в рукописи Вергилия XV века (Библиотека Риккарди, Флоренция).

В 1545 году Франциск I построил в Нормандии великолепный каракк, так богато украшенный, с такими высокими палубами и башнями, так капитально обставленный, что его называли Великим каракком. Он был поставлен на якорь на рейде Гавр-де-Гранс. Генрих VIII заказал не менее великолепный корабль (рис. 74), на который он намеревался сесть, когда отправится встречать своего брата-государя на знаменитое Поле Золотой Ткани. Французское судно должно было отплыть во главе мощного флота, отправленного навстречу англичанам. Король, желая осмотреть его, поднялся на борт накануне отплытия в сопровождении многочисленного и блестящего двора. Для него и его свиты было приготовлено угощение, играл оркестр, гремели салюты в его честь, и он сам находился в самом разгаре осмотра плавучей цитадели, как вдруг раздались крики тревоги. Между палубами вспыхнул пожар; он разгорался с поразительной быстротой, и, прежде чем удалось оказать действительную помощь, весь такелаж был охвачен пламенем. Через несколько часов от "Великого Карака" остался лишь огромный полуразрушенный корпус, севший на мель у берега, на который море выбрасывало трупы тех членов экипажа, которые были убиты выстрелами из пушек во время пожара.

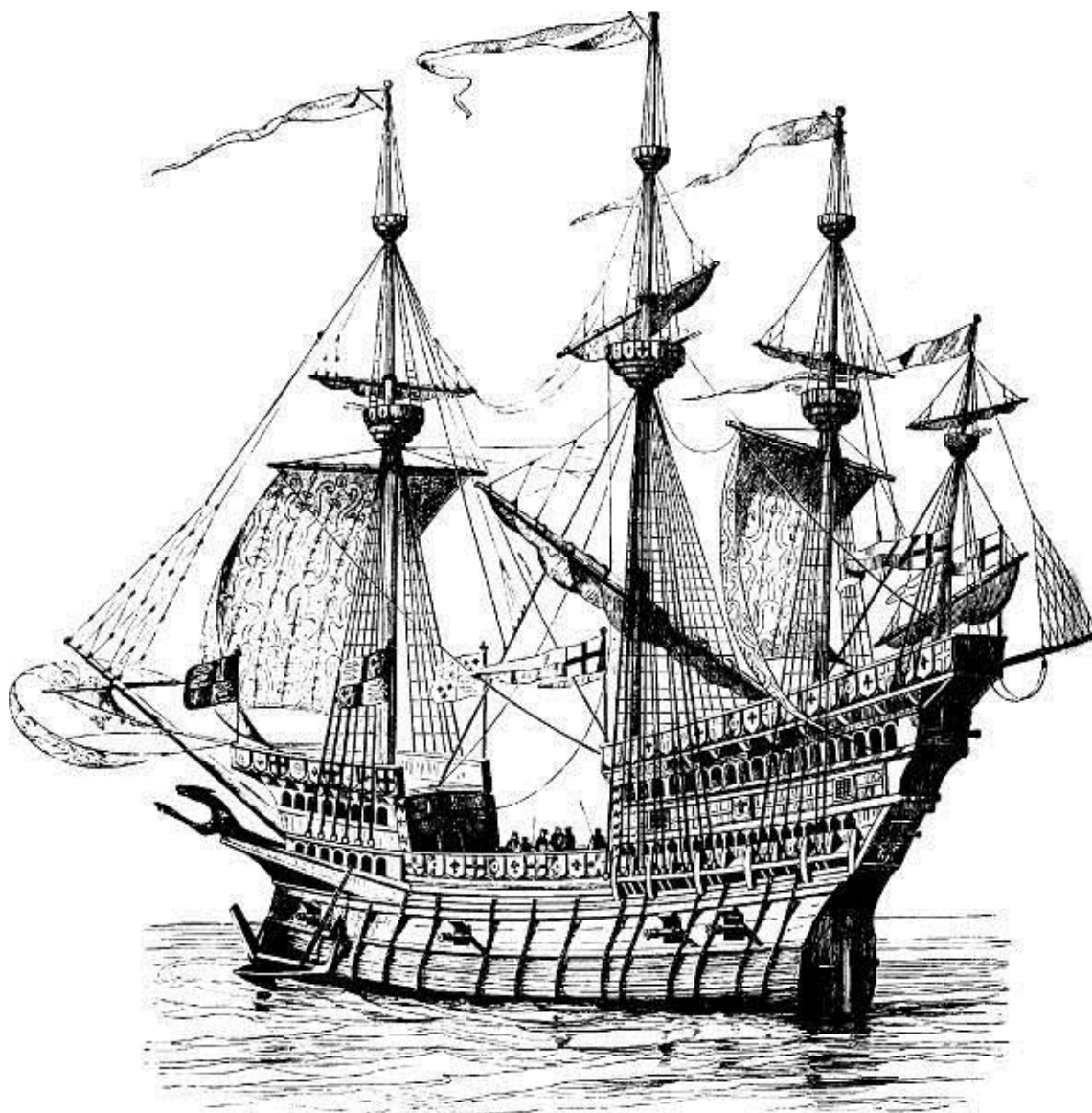

Рис. 74. Военный корабль, на который Генрих VIII, король Англии, сел в 1520 году в Дувре, чтобы отправиться во Францию - по рисунку Гольбейна.

Галиот занимал промежуточное место между кораблем, называемым так, и большой галерой. По сути, это было более легкое судно, более длинное и узкое в балке, чем все остальные виды кораблей. Галлиоты иногда, но не часто, приводились в движение веслами (рис. 76). Обычные галиоты, чей пуп состоял из двух округлых четвертей круга, разделенных стойкой руля, имели две палубы; самые большие из всех имели три. В истории упоминаются два замечательных галиота, один из которых был точной моделью знаменитого Великого Карака. Он был построен в Венеции для перевозки трехсот пушек и пятисот солдат, а также собственной команды матросов, но еще в лагунах попал в сильнейший ураган. Его сильно швыряло ветром и волнами, крены выбросили все его тяжелое вооружение на левый борт, и, не имея возможности выпрямиться, он перевернулся и пошел ко дну в виду города.

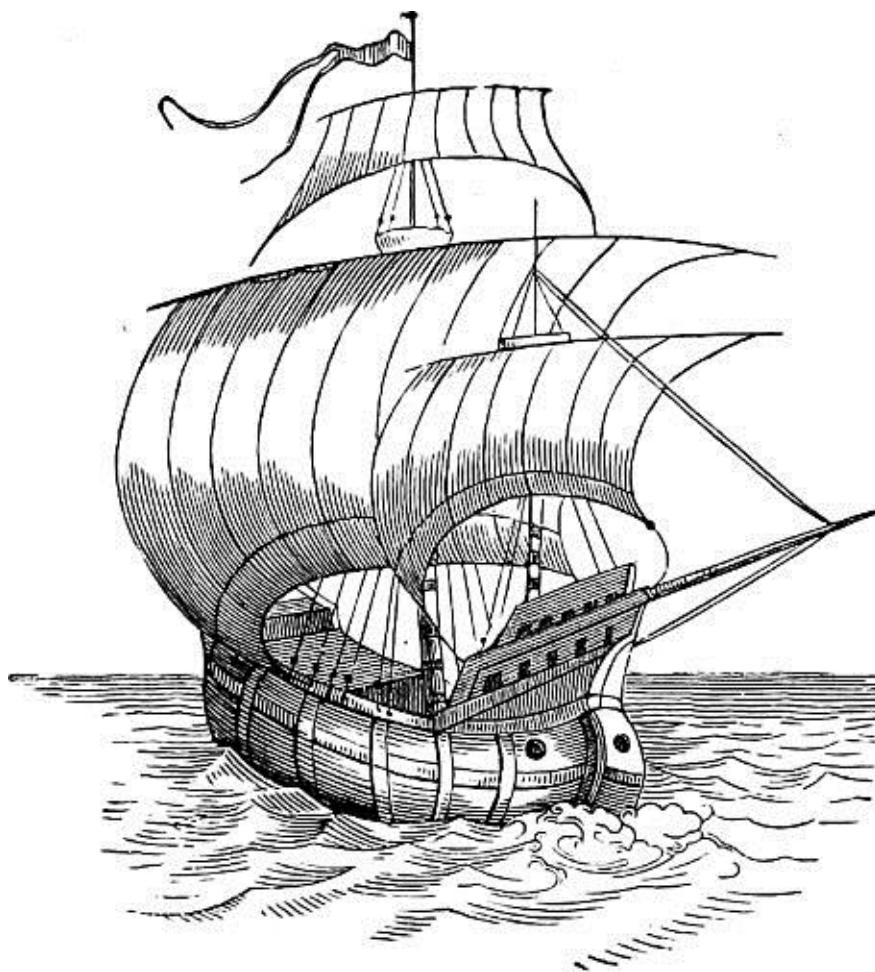

Рис. 75. Испанский корабль конца XV века - с гравюры из "Арте дель Навегар" Петра из Медины.

Упомянув лишь *паландры*, *часки*, *паташи* и *махоны*, которые были меньше галиота, но имели свои преимущества, мы переходим к кораблю, чьи скромные размеры не помешали ему приобрести некую историческую известность благодаря важным событиям конца XV века, в которых он сыграл свою роль. Речь идет о *каравелле* (рис. 77), которой выпала честь доставить Колумба в Новый Свет. Дизайн каравеллы был позаимствован у *караво* - небольшой барки, использовавшейся испанцами. Изящество, легкость, тонкие очертания и скорость каравеллы рекомендовали ее отважным мореплавателям, которые отправлялись в поисках новых континентов через Атлантический океан. Узкая в носу, широкая в носовой части, с двойной башней на корме и одинарной в носовой части, каравелла несла четыре вертикальные мачты и одну наклонную. С фор-мачты сгибались два квадратных паруса, а с трех других - по одному треугольному (рис. 78). Каравелла шла против ветра так же хорошо, как и по ветру, и отчаливала так же легко, как гребная лодка; так, по крайней мере, говорится в журнале первого плавания Колумба.

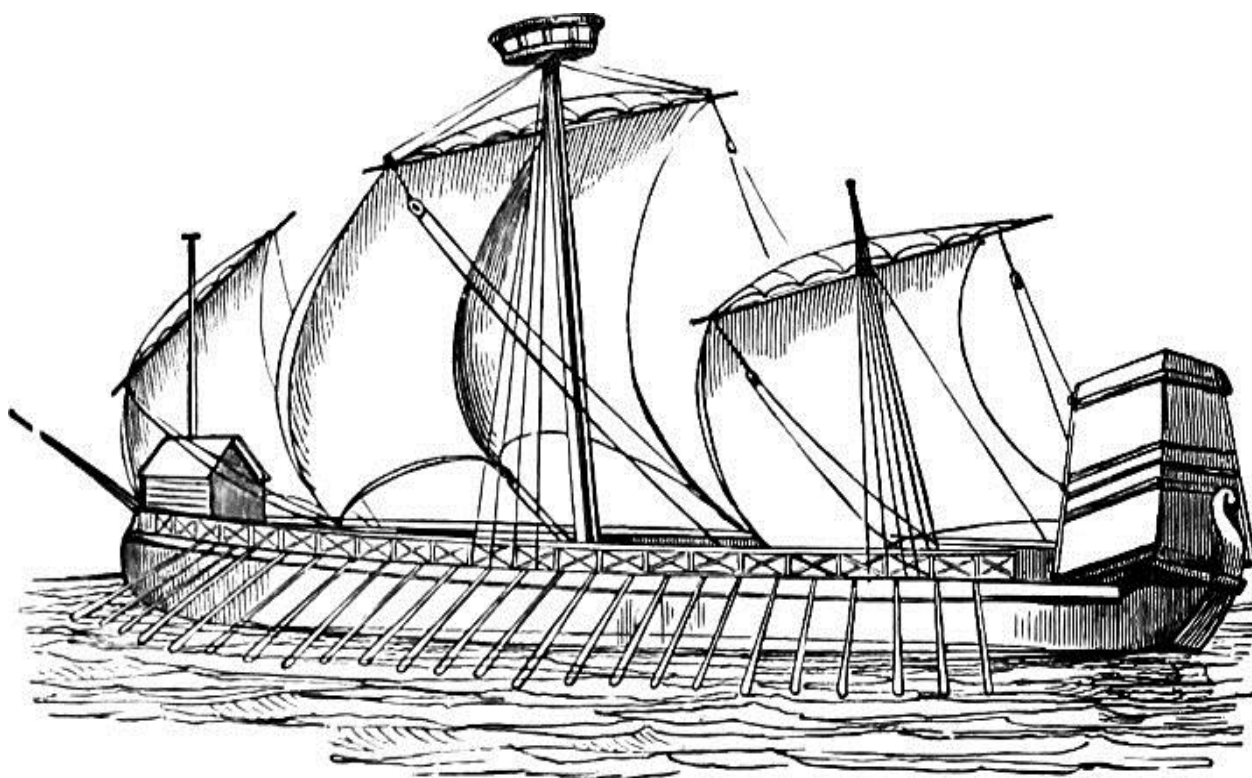

Рис. 76.- Трехмачтовая галера с квадратными парусами XVI века - с картины Рафаэля в Сиенском соборе.

Таким образом, неоспоримым фактом является то, что моряки Средневековья не испытывали недостатка в больших и красивых кораблях, хотя самый смелый мореплаватель не заботился о том, чтобы поместить слишком много соленой воды между своим судном и берегом, и, как правило, самые длинные плавания совершались, следуя очертаниям берега. Кроме того, Средневековье часто могло похвастаться наличием значительных флотов. В 1242 году генуэзцы вышли в море с девятью тремя галерами, тридцатью торговыми и тремя большими кораблями, чтобы побороться за господство на морях со ста десятью пизанскими и императорскими галерами. В начале того же века крестоносцы, отправившись на штурм Константинополя, имели флот, по словам одного автора, из трехсот судов, а по словам другого - из четырехсот восьмидесяти. Среди них было одно, называвшееся "*Mur*", такого большого размера и так прекрасно отделанное, что оно вызывало восхищение во всех портах на побережье Средиземного моря. Жоанвиль, бесхитростный историк крестовых походов Людовика IX, рассказывает, что этот святой король отплыл из порта Эгю-Мортес с флотом из "восемнадцати сотен судов, больших и малых", некоторые из которых перевозили до тысячи пассажиров, а некоторые - до сотни лошадей.

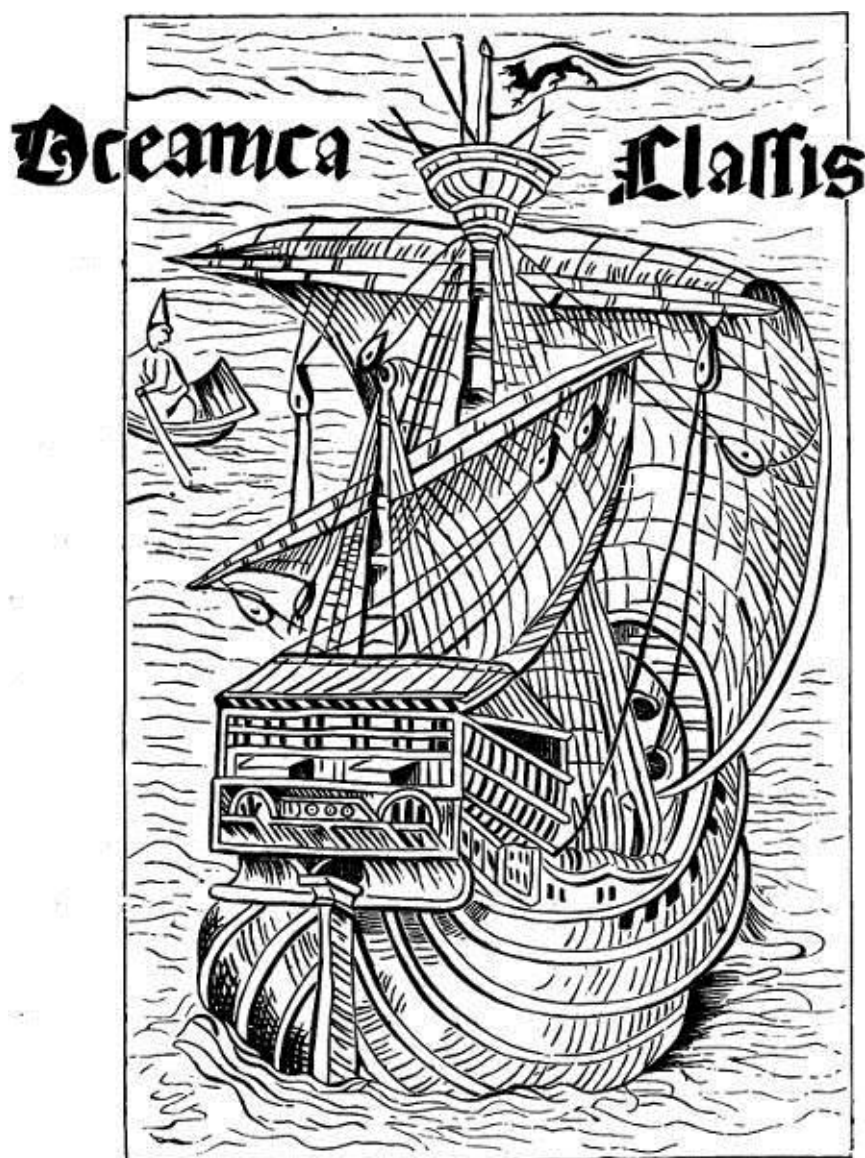

Рис. 77.- Испанская каравелла, на которой Колумб открыл Америку. Рисунок, приписываемый Колумбу и помещенный в "Epistola Christofori Columbi": недатированное издание (1494?), 8vo.

В 1295 году объединенный французский и норвежский флоты, предназначенные для действий против англичан (рис. 79 и 80) в войнах Филиппа ле Бея и Эдуарда I, насчитывали до пятисот судов, двести шестьдесят из которых были галерами, а триста тридцать кораблей разных размеров. Спустя три столетия флоты не стали ни на йоту многочисленнее и мощнее, хотя были лучше оснащены и организованы. В 1570 году султан Селим отправил из Константинополя против острова Родос флот из ста шестнадцати галер, тридцати галиотов, тринадцати *фуст*, шести больших кораблей, одного галеона, восьми *махонов*, сорока *пассешево* (конных транспортов) и большого количества *карамуссатов*, груженых провизией, артиллерией и всеми видами запасов. Христиане под командованием Марко-Антонио Колонны смогли противопоставить этой грозной флотилии лишь сто четыре галеры, двенадцать *галеасов*, один большой галеон и четырнадцать крупных кораблей.

Рис. 78.- Французская каравелла. Из "Premières Œuvres de J. Devaux, Pilot du Havre", рукопись XVI века, хранящаяся в Национальной библиотеке Парижа.

Но на самом деле, и это было одним из последствий феодализма, большие флоты никогда не строились и не содержались правительствами, под чьей властью они выходили в море. Короли и республики обладали, правда, небольшим количеством собственных судов, которые ходили под их флагом, но, в общем, слишком малым, чтобы позволить им напасть на грозного врага или защититься от него. Здесь опять же прослеживается полная аналогия между правами феодалов на море и на суше. Феодализм обладал своими кораблями так же, как и своими замками. Бароны, владевшие поместьями у морского побережья, были обязаны содержать за свой счет одно или несколько судов, приспособленных либо для войны, либо для торговли. Богатые купцы Венеции, Генуи, Марселя, а в более поздние времена - Гавра, Дьеппа и Антверпена (рис. 81), благодаря своим огромным богатствам, либо по отдельности, либо объединившись вместе, содержали флотилии галер и кораблей.

Когда война становилась неизбежной и требовалось подготовить флот для крестоносцев, государь приказывал вельможам, владевшим вотчинами и судовладельцам, готовить свои корабли к выходу в море, снаряжать и вооружать их - приказ, который не требовал много времени и особых усилий для приведения в исполнение, поскольку в тот период все моря были кишат пиратами, и торговые суда всегда были вынуждены вооружаться для самообороны. Каждый матрос из команды мог в любой момент превратиться в солдата; кроме того, всегда имелись арбалетчики и обычные солдаты, в чьи обязанности входило первыми брать на бордаж вражеский корабль или отбивать абордажников пиками и арбалетными стрелами. Таким образом, несколько катапульта и несколько дополнительных

солдат - это все, что обычно требовалось, чтобы превратить мирное торговое судно в военный корабль или галеру.

Рис. 79. Печать города Дувра (1281 г.).

Адмирал, назначенный командовать флотом, опубликовал приказ о вооружении в каждом порту, находящемся под властью его хозяина. В соответствии с этим приказом первым делом выставлялся *картель* - свиток, прикрепленный к верхушке столба или концу копья, - извещавший, что столько-то судов такого-то и такого-то типа должны быть готовы в указанный срок выйти в море против такого-то и такого-то врага или двигаться в таком-то и таком-то направлении. Кроме картечи, которая выставлялась на берегу или в воротах города, окруженная гирляндами и вымпелами, плыл штандарт принца, который предварительно был освящен на торжественной мессе, отслуженной для молитвы за успех начинания. Зазвучали фанфары морских труб, и герольд при оружии громким голосом повторил суть картеля. Клерк с пером в руках регистрировал имена моряков и морских пехотинцев, которые, называя их, оговаривали условия своего соглашения. Затем официальный договор, скрепляющий обе стороны, был подписан и скреплен печатью у нотариуса, и как только собралось достаточное количество желающих, картель был снят, а трубы перестали звучать.

Рис. 80. Печать города Ярмут (XIII век).

Когда кораблей государя, а также дворян и бюргеров, его феодальных вассалов, не хватало для формирования флота, с которым хотелось выйти в море, прибегали к помощи союзников и вообще иностранных флотов. Суда покупались, нанимались и фраговались, но в последнем случае они обычно использовались только в качестве транспортов. Купцы Генуи и Венеции были, таким образом, главными фрагователями крестоносцев. В 1246 году Людовик Святой обратился к ним с просьбой о предоставлении кораблей, одновременно обратившись с аналогичной просьбой к марсельским купцам. Эмиссары короля были отправлены в Прованс и Италию, чтобы заключить контракты на строительство и фрагование судов для перевозки вооруженных паломников, которые должны были сопровождать его в Святую землю. Эти посланники, среди которых был брат Андрей, "настоятель святого дома Иерусалимского", заключили необходимые соглашения с подестатом Генуи, с герцогом Венеции и с синдикатом коммуны Марселя и определили размеры кораблей, количество их команды, место, отведенное для каждого пассажира и каждой лошади, и различные тарифы на койки в носовой и кормовой башнях, на койки в главных салонах (называемых *paradis*), на койки между палубами и на койки под нижней палубой.

Рис. 81.- Вид порта Антверпена в 1520 г. - факсимиле рисунка Альберта Дюрера, хранящегося в галерее эрцгерцога Альберта в Вене.

В 1263 году аналогичным образом были проведены мероприятия по подготовке второго крестового похода Святого Людовика.

Генуэзские суда вновь появляются в "морском войске, подготовленном в год благодати 1295" Филиппом ле Белем против Эдуарда I Английского; во флоте, снаряженном в 1337 году Филиппом де Валуа против Эдуарда III; и в великолепной флотилии, потерянной Николаем Бехуше, французским адмиралом, при Эклюзе в 1340 году. Два века спустя генуэзцы снова предоставили десять караванов для армады, подготовленной по приказу Франциска I на побережье Нормандии, хотя большинство из них, к сожалению, затонуло в устье Сены из-за невежества их лоцманов. История также сообщает, что генуэзец Андрей Дория (рис. 82) был одним из адмиралов Франциска, несколько месяцев командовавшим средиземноморским флотом этого государя.

Рис. 82. Эндрю Дориа (1468-1560). С портрета того периода из коллекции дожей Генуи. Национальная библиотека Парижа.

Авантюристы, служившие на судах, зафрахтованных государем или иностранным государством, обычно были сыновьями, братьями, родственниками, друзьями или иждивенцами капитанов, которые ими командовали. Более того, отборная группа, которой под названием *retenue de poupe*^[5] (рис. 83) поручалось защищать капитанский флаг, набиралась исключительно из числа этих авантюристов. Их основной обязанностью была защита этого флага, который развевался по правому борту недалеко от входа в полую часть судна, и они должны были никогда не покидать свой пост, кроме как по прямому приказу капитана. Даже когда галера была взята на абордаж с кормы, а ее палуба вплоть до гот-мачты кишела врагами, все было потеряно, так как полуюта оставалась в руках ее храбрых защитников, которые скорее погибли на своем посту, чем сдались. Среди великолепных подвигов, украсивших морскую историю, можно привести множество примеров, когда безопасность корабля была обеспечена отчаянным сопротивлением его защиты. Морские воины (рис. 84 и 85) всегда отличались чрезвычайной смелостью и отвагой, и легко поверить, что именно от них произошла система подводной войны (рис. 86 и 87), которая в XV веке дала начало целому ряду необычайных изобретений в области морского оружия.

Рис. 83. Печать города Сэндвич, изображающая стражу на шлюпке (XIII век).

Надо отдать должное этим недобрым временам, которые слишком часто обвиняют в варварстве и социальной анархии, в большинстве средиземноморских портов были назначены надсмотрщики, в обязанности которых входило проверять и исследовать все, что связано с *морскими путешествиями*, то есть с путешествиями в Святую землю. Этот дружественный трибунал разрешал все разногласия между пассажирами или паломниками и судовладельцами или капитанами в соответствии с условиями взаимных договоров. В их обязанности входило тщательно измерять пространство, отведенное каждому пассажиру, и следить за тем, чтобы каждый человек имел свой участок, чтобы всем было максимально комфортно во время путешествия, которое обычно длилось двадцать пять или тридцать дней.

Рис. 84.- Галльский солдат (XVI век).

Рис. 85.- Раб на галерах (XVI век).

Из Cesare Vecellio, "Degli Habiti Antichi:" 8vo, 1590.

В сущности, был составлен совершенный морской кодекс, регулирующий во время плавания взаимоотношения различных обитателей одного судна и устанавливающий взаимность между кораблями дружественных наций. Например, к купцу, который проводил в море большую часть своей жизни, на корабле относились с большим почтением, чем к солдату, который находился там лишь короткое время. Если несколько купцов фрахтовали общее судно для перевозки своих товаров и сами выходили на нем в море, капитан обязан был советоваться с ними и следовать их советам во всех опасностях, когда грозили штормы или когда из страха перед пиратами казалось целесообразным зайти в ближайший порт. Перед отплытием капитан и команда клялись на Евангелии защищать корабль и его пассажиров от стихии и от человека. В последнем случае, однако, сами купцы на время становились солдатами и были готовы помочь в защите своего плавучего дома.

Рис. 86. Водолаз.

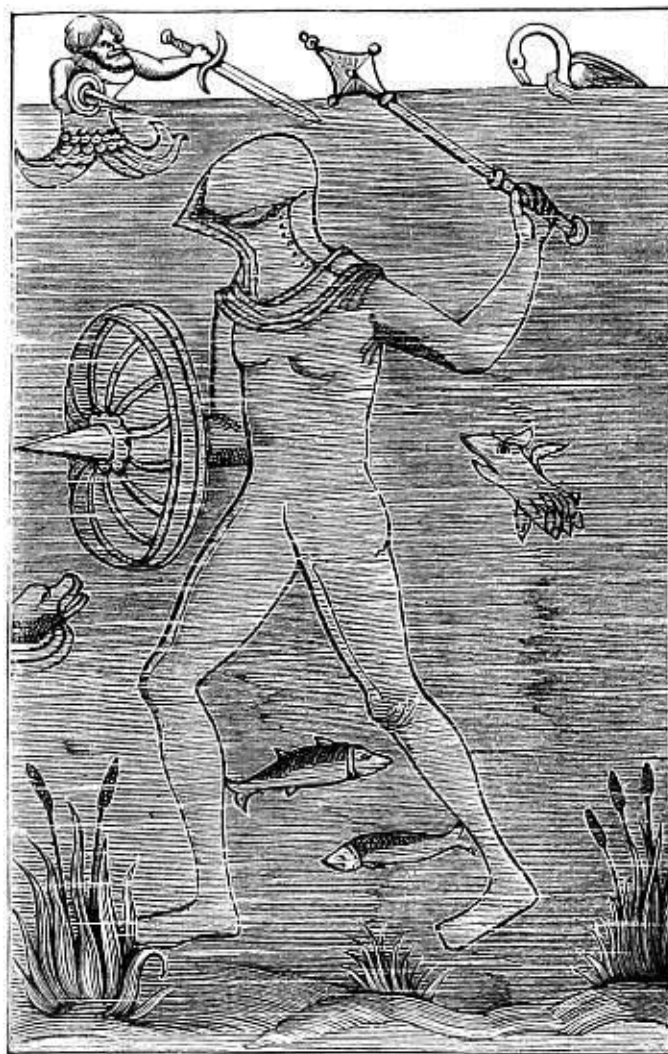

Рис. 87. Человек при оружии.

С гравюры Вегеза "Военное искусство". Paris, Christian Wechel, 1532, small 4to.

Обычно, чтобы дать и кораблям, и купцам как можно больше шансов, суда, недостаточно сильные по отдельности, чтобы противостоять пиратам, отплывали вдвоем и втроем, а если возможно, то и в большем количестве. Когда большой мощный корабль сталкивался с меньшим судном, претендующим на его защиту, он обязан был бросить ему якорный канат, чтобы скрепить оба судна и дать им возможность помогать друг другу в случае необходимости. Капитан корабля, отказавшийся оказать такую услугу судну меньшего размера, чем его собственное, рисковал подвергнуться очень суровому наказанию. Морской кодекс, правила которого определялись надсмотрщиками, предписывал, чтобы все товары, доверенные капитану корабля, хранились в трюме, а не оставались на палубе, на которой должны были находиться только такелаж, инструменты плотников и конопатчиков, оружейные ящики и бочки с водой. Аналогичным образом, любой ущерб, причиненный грузу во время плавания вследствие плохой укладки или плохой балластировки, должен был быть возмещен судовладельцем, который обязан был содержать свое судно в наилучшем состоянии и отвечать за надлежащую сохранность груза.

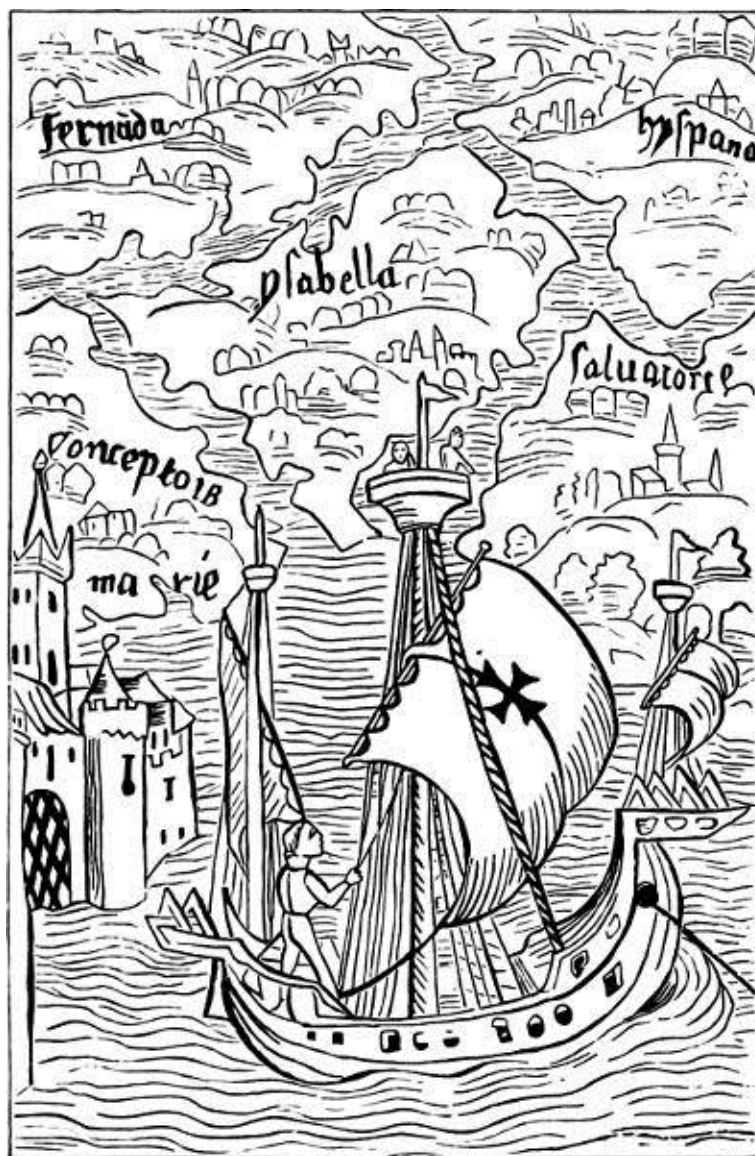

Рис. 88.- Открытие Антильских островов Колумбом - с рисунка, приписываемого ему в "Epistola Christofori Columbi": недатированный (1494?), 8vo.

В XV веке стали предприниматься более длительные путешествия, поскольку навигация стала менее опасной благодаря усовершенствованию компаса мореплавателя, квадранта и других морских инструментов. Корабли доходили до Азорских и Канарских островов, до побережья Гвинеи и Ост-Индии, а один даже коснулся нового континента, открытого Колумбом (рис. 88) и названного Америкой Веспасиусом. Определенные сезоны года, однако, считались опасными, во время которых любое мореплавание было категорически запрещено законом. Уже в IV веке магистраты, ведавшие морскими делами, *закрывали* море с третьего дня ид ноября по шестнадцатое число ид марта; в XIII веке сезон открывался в апреле и закрывался в октябре. В XVI веке ни одно судно не могло законно вернуться в Венецию из Константинополя, Александрии или побережья Сирии с 15 ноября по 20 января. Хотя это постановление, целью которого была защита мореплавателей, часто нарушалось, были и другие, исходящие из того же источника и изданные в том же духе, которые были более обязательными. Например, галеры (галеры часто использовались в торговых предприятиях), как только их спускали на воду, подвергались минутному осмотру надсмотрщиками, которые, убедившись в прочности их конструкции, измеряли их вместимость и отмечали на их бортах ватерлинию, за которую погружать их было запрещено.

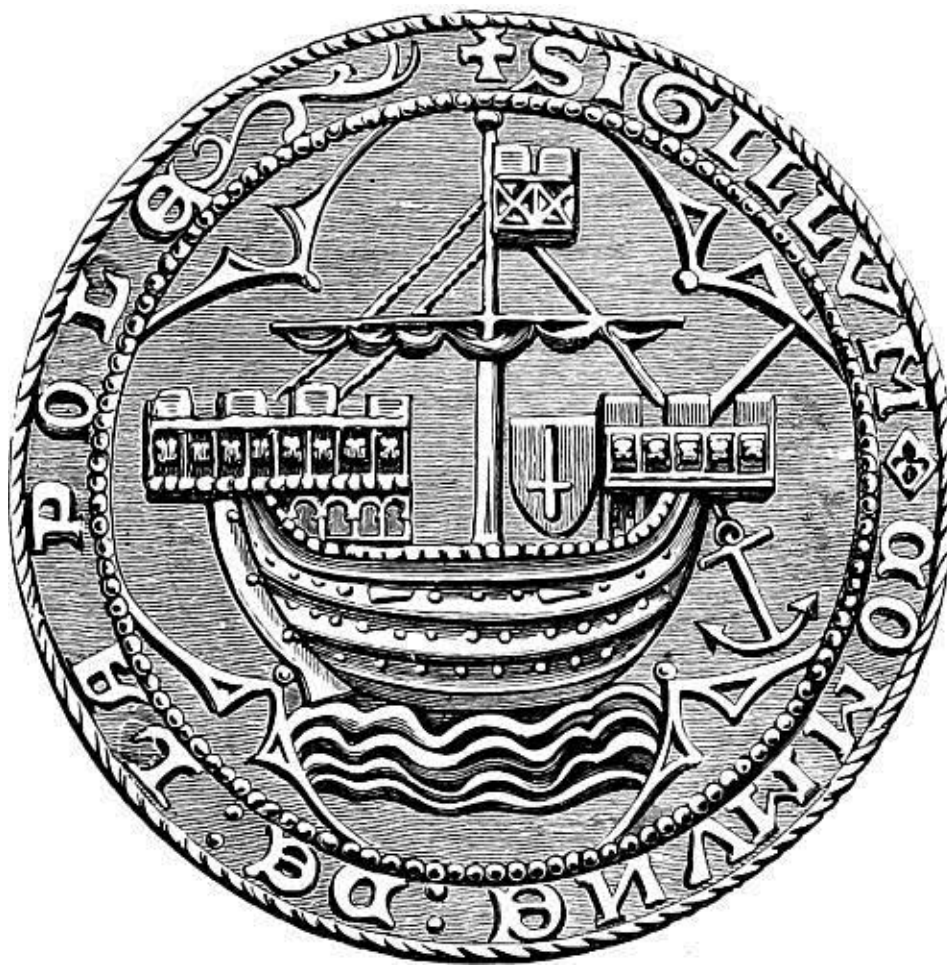

Рис. 89. Уплотнение города Пул (XIII век).

Но оставим эту тему, сложные детали которой завели бы нас слишком далеко, и вернемся к собственно оборудованию судов. Еще в десятом веке император Лев заложил практику строительства башен для атаки и обороны на палубе дромонев; эти башни, из центра которых выходил грот-мачта, достигали половины высоты мачты. Этот обычай все еще соблюдался в XIII веке и, несомненно, был передан с очень древних времен, когда на палубах трирем было принято строить башни и цитадели. Круглые суда также оснащались башнями, одной на носу и другой на корме. На малых судах эти башни были просто платформами, окруженными кренгуляционным парапетом и поднятыми на столбах (рис. 89); на больших судах башни были построены из нескольких этажей, добавленных к нормальной высоте носа и крыла. На этих башнях и платформах размещались мангонели, катапульты и другие снарядные машины. Особенно большие корабли несли на себе ужасные двигатели разрушения, иногда тяжелую балку, которая горизонтально, как древний таран, была по бортам вражеского судна, иногда огромную деревянную глыбу, которая вертикально была с верхушки мачты, чтобы разбить и потопить меньшее судно. Вокруг мачт, почти на их верхушках, были подвешены *шатлеты* или платформы, на которых за низким парапетом прятались пращники, лучники и метатели камней. В XVI веке такие шатлеты на судах Средиземноморья называли *клетками* или *габиями*, а на Севере моряки обозначали их исландским термином *hunes* (рис. 90).

Рис. 90. Печать города Бостона (1575 г.), на которой гунн изображен на оконечности мачты.

Введение пороха на борту корабля произошло намного позже изобретения огнестрельного оружия и очень медленно внедрялось в большинстве флотов. Из того факта, что в середине пятнадцатого века судно весом в семьсот пятьдесят тонн имело только одно артиллерийское орудие, а пятнадцатисоттонное - только восемь, и что за четыре месяца - обычный срок службы корабля в средние века - каждое артиллерийское орудие было снабжено всего пятью-двадцатью-тридцатью снарядами, мы видим, с каким трудом и как медленно новый стиль оружия вытеснял старый. В корабельных описях 1441 года рядом с *бомбардами* неизменно фигурируют большие арбалеты, *виретоны*, дротики, длинные копья и полные комплекты доспехов для матросов. В 1379 году во время знаменитого морского сражения при Кьоджии, в котором венецианцы использовали против генуэзцев пушки, сделанные из кусков металла, сваренных вместе и покрытых кожухом из деревянных шестов, обвязанных прочными железными полосами и веревками, дело обстояло не намного сложнее. Некоторые из этих примитивных пушек взорвались при первом же выстреле; сохранилась лишь одна, которую сейчас можно увидеть в арсенале Венеции - единственный образец первой попытки выпустить железную и каменную дробь из трубы путем воспламенения селитры, серы и древесного угля.

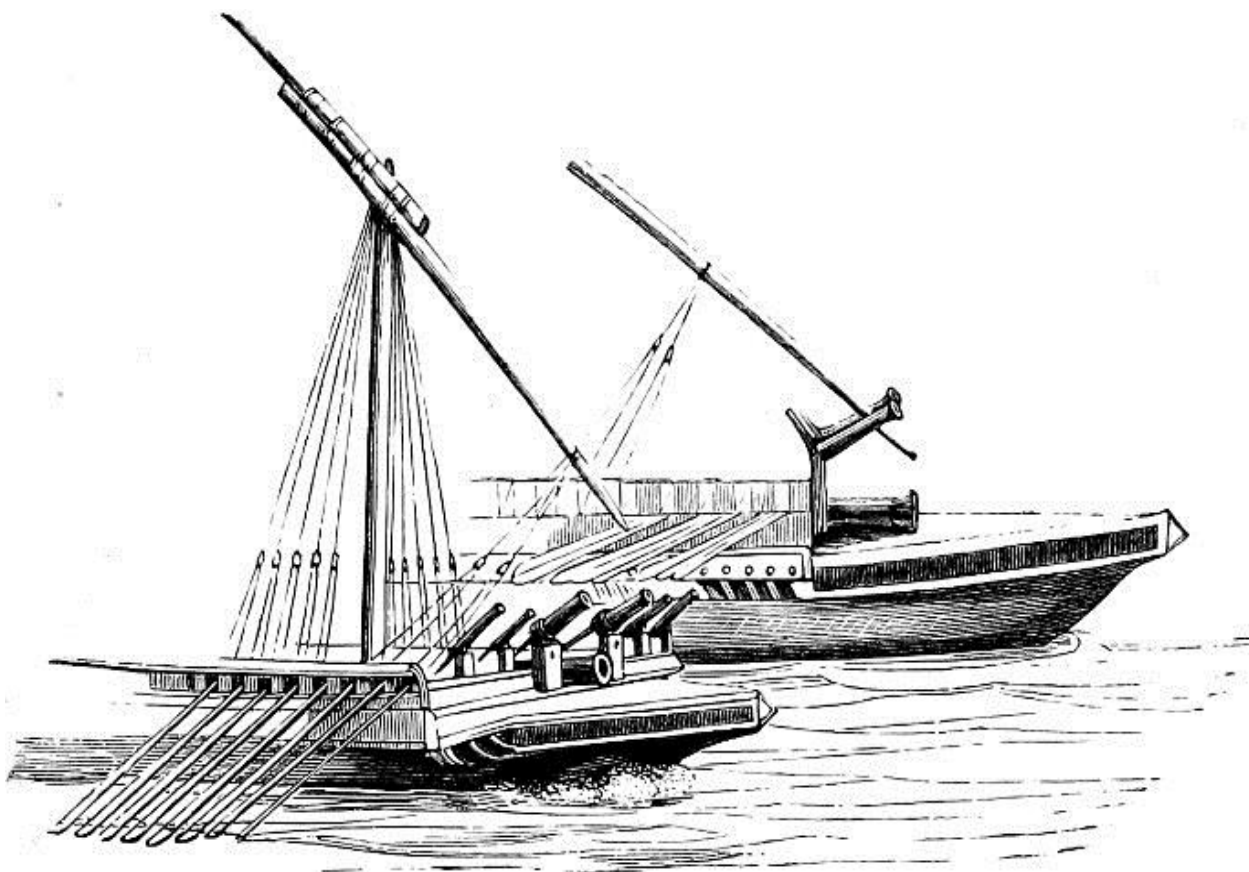

Рис. 91.- Стрелы галер, вооруженных шпорами - по рисункам Брейгеля Старшего, гравированным Фр. Гюйсом (1550).

Прошло более ста лет, прежде чем морская артиллерия приобрела какое-либо значение; только в конце XVI века Брантом смог записать, что видел в Средиземном море галиот, вооруженный двумя сотнями артиллерийских орудий, принадлежавший Космо I Медичи, великому герцогу Тосканскому.

Галеры Средневековья и XVI века, вооруженные на сайте сначала железной шпорой, а затем четырьмя или пятью пушками, установленными в носовой части, всегда вступали в бой с противником сначала на носу, а затем в боевом порядке, бок о бок, по прямой или изогнутой линии. Полулунный строй, который практиковали древние, предназначался только для самых крупных флотов. Например, при Лепанто (рис. 92) христианский флот был выстроен в форме полумесяца и разделен на четыре эскадры: одна в центре, две на флангах и одна в резерве. Перед каждой эскадрой было выставлено по шесть *галеасов*, которые должны были открыть бой; все они имели сто шестьдесят футов в длину, двадцать семь в ширину и пятнадцать над ватерлинией, и своей мощной артиллерией наносили большой урон турецкому флоту. До постройки этих гигантских галер в авангарде размещалась линия круглых судов, которые принимали на себя основную тяжесть боя. Иногда, помимо этого авангарда парусных судов, корабли размещались на флангах, причем самые мощные - в той четверти, где, как предполагалось, борьба будет наиболее жаркой. Меньшие суда составляли резервную линию, всегда готовую грести на помощь тяжело нагруженной галере.

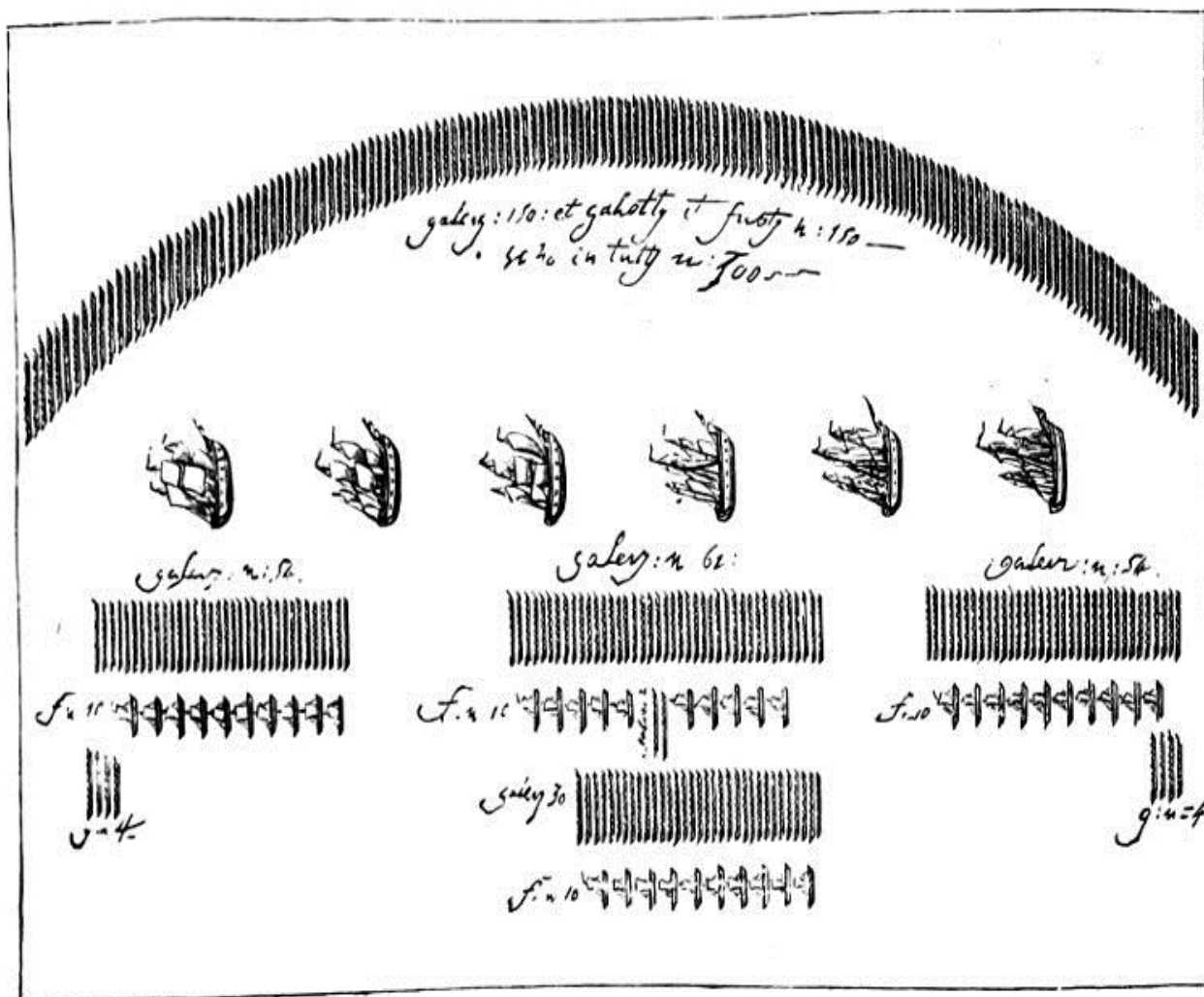

Рис. 92.- План морского сражения при Лепанто - по рисунку дон Хуана, хранящемуся в архиве Симанкаса, Испания.

В XI веке в битве при Дураццо венецианские корабли, будучи сильно потеснены итало-норманнским флотом Роберта Гискара, герцога Апулии и Калабрии, и не имея возможности уйти на сушу из-за ослабления ветра, выстроились в линию и связали себя, оставив лишь небольшой интервал между каждым кораблем, достаточный для того, чтобы их меньшие суда могли выплыть, преследовать врага и поспешить обратно. Этот стиль боя не был новым, он воспроизводил маневр, впервые изобретенный или примененный Сципионом во времена Древнего Рима. Когда время развило прогресс морской артиллерии, флот, состоящий из больших кораблей, вступая в бой с флотом, состоящим из галер, всегда выставлял свои широкие борта к противнику, поскольку в таком положении огонь из двойного ряда пушек мог нанести галеры наибольший вред. Однако такой порядок боя соблюдался не всегда, особенно когда пушки из-за их большого веса располагались в носовой части (рис. 93).

Сначала, чтобы сохранить древесину, кораблестроители покрывали все части судна, подверженные воздействию воздуха или воды, смолой, но этот мрачный и однообразный оттенок вскоре надоел глазу. Поверх смолы наносилась более яркая краска, приготовленная из воска; более дорогие корабли сверкали во всем великолепии белого, ультрамарина и вермилиона, а пираты, а иногда и военные моряки покрывались слоем зеленой краски, которая, сливаясь с цветом моря, не позволяла различить их на любом расстоянии. Позолота блестела на судах богачей, а резец скульптора добавлял бюсты и фигуры к украшению их

носов и кормы. Даже в этом отношении Средневековые продолжало следовать традициям античности.

Украшения кораблей варьировались в зависимости от капризов владельцев и моды того времени. У сарацинского дромона, взятого на abordage Ричардом Кёр-де-Лионом, один борт был окрашен в зеленый, а другой - в желтый цвет. Генуэзцы сначала красили свои корабли в зеленый цвет, но в 1242 году, когда они воевали с пизанцами, они окрасили их в белый цвет, украсив крестами из лазури, то есть "красными крестами на серебряной земле", что напоминало герб "месье Сен-Жоржа". В XVI веке корпуса кораблей обычно окрашивали в красный цвет, хотя иногда добавляли черно-белый узор, а иногда грунт окрашивали в черный цвет, а узор - только в пурпурный.

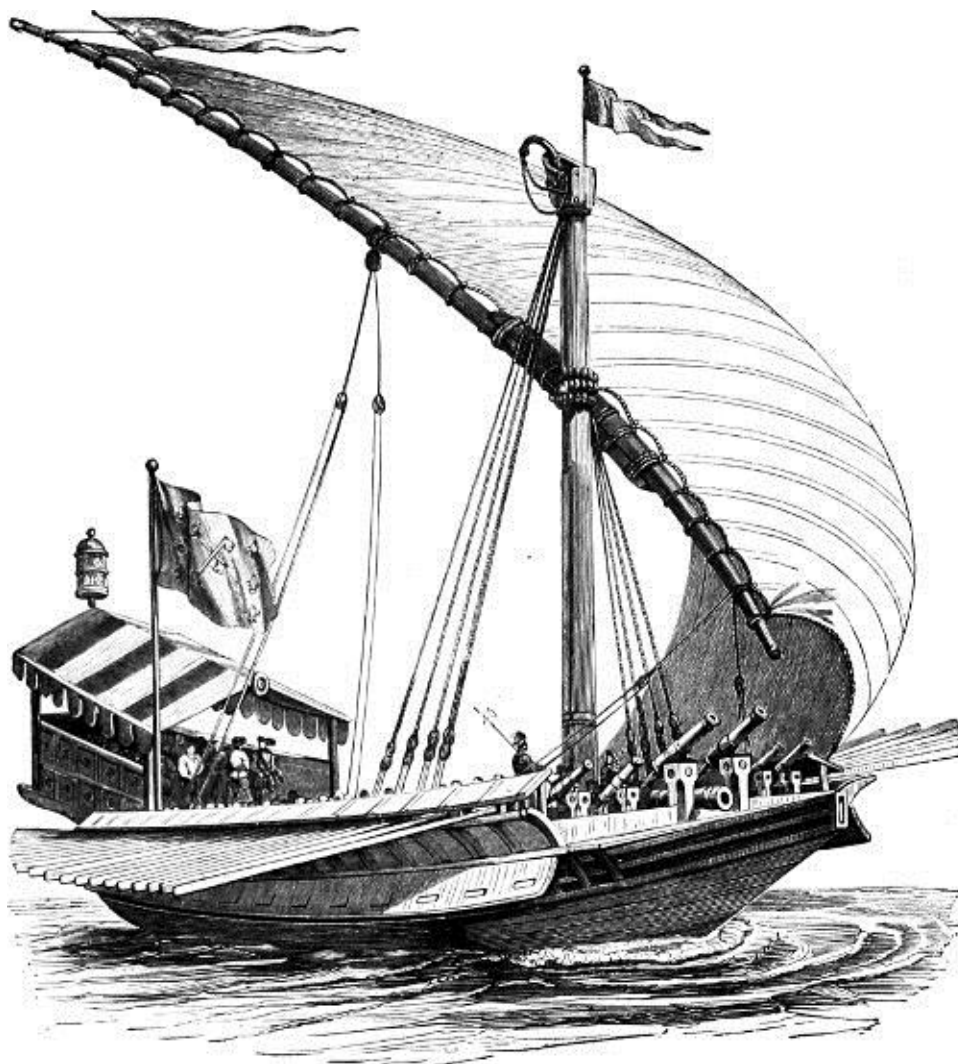

Рис. 93. Папская галера с парусами и веслами, снабженная тяжелой артиллерией - рисунок Брейгеля Старшего, гравюра Фр. Гюйса (1550).

В 1525 году, когда Франциск I, попавший в плен в битве при Павии, был доставлен в Барселону, шесть галер, перевозивших пленного государя и его свиту, были полностью выкрашены в черный цвет от верхушек мачт до ватерлинии. Однако это был не первый случай, когда корабли надевали траур: например, рыцари Св. Стефана в XV веке скрыли яркие краски своего *капитана* ^[6] и выкрасили его паруса, вымпелы, тенты, весла и корпус в черный цвет, поклявшись никогда не менять мрачный оттенок, пока их орден не отвоюет у турок галеру, потерянную пизанцами в бою, который, однако, не был совсем бесславленным для побежденных.

Рис. 94.- Печать Эдуарда, графа Ратленда (1395 г.).

В Средние века, как и в древности, на кораблях часто ставили паруса золотого и пурпурного цвета. На парусах сеньориальных кораблей обычно красовался герб сеньора (рис. 94), на парусах торговых и рыбацких судов - изображение святого, покровителя Девы Марии, благочестивая легенда, таинственное слово или священный знак, предназначенный для изгнания злых духов, которые играли немаловажную роль в суевериях тружеников морских глубин. Изначально для подачи сигналов на море использовались различные виды парусов, но вскоре для этой цели стали применять флаги. Одного флага, имеющего разное значение в зависимости от его положения, обычно хватало для передачи всех необходимых приказов в дневное время. Ночью его место занимали световые маяки. Эти флаги, знамена, штандарты и вымпелы, большинство из которых украшались гербом города, государя или адмирала, изготавливались из легкой ткани, тафты или атласа. Иногда квадратные, иногда треугольные, иногда вильчатые, каждый из них имел свое назначение и значение, либо для украшения внешнего вида судна, либо для помощи в его маневрировании. На галерах имелись вымпелы меньшего размера, которые вывешивались на носу или крепились к рукоятке каждого весла: они служили исключительно для украшения и часто были отделаны золотой или шелковой бахромой.

Среди самых знаменитых флагов и штандартов французского флота нельзя не упомянуть *бауценты* - название, напоминающее о *баусеанте*, знамени рыцарей-тамплиеров. Эти флаги, сделанные из красной тафты и иногда "осыпанные золотом", использовались только в самых беспощадных войнах, поскольку, как говорится в документе от 1292 года, "они

означали верную смерть и смертельную распрю для всех моряков повсюду". В 1570 году Марко-Антонио Колонна поднял на своей галере вымпел из малинового дамаста, на котором с обеих сторон был изображен Христос на кресте между святыми Петром и Павлом, с девизом императора Константина *"In hoc signo vinces"*. Знамя, которое Дон Жуан Австрийский получил в Неаполе 14 апреля 1571 года вместе с посохом верховного командования над христианской лигой, было сделано из малинового дамаста, окаймленного золотом, на котором, кроме герба принца, было вышито распятие с гербами папы, католического короля и Венецианской республики, соединенных цепью, символизирующей союз трех держав "против турок".

Норманны, или люди севера, любили эти блестящие штандарты не меньше, чем народы Средиземноморья. Когда они отправлялись в военный поход или праздновали победу над пиратами, они покрывали свои суда флагами. Поэт Бенуа де Сент-Мор рассказывает, что именно в таком виде, покрытый семью сотнями знамен разных цветов, Ролло привел свой флот обратно по Сене в Мелан. Средние века использовали всевозможные причудливые украшения для своих судов; в эпоху Возрождения этот вкус возобновился и был усовершенствован как обычаями античности, в которых она черпала вдохновение, так и обычаями XIII века, которые она, казалось, стремилась забыть (рис. 95). "Галера, - говорит ученый М. Жаль, - была в те времена разновидностью драгоценности и передавалась для украшения в руки гения, как кусок металла в руки Бенвенуто Челлини". Скульпторы, художники и поэты объединили свои таланты, чтобы украсить корму корабля. Нет более яркого примера художественной утонченности морских украшений, чем испанская галера, построенная в 1568 году по приказу Филиппа II для его брата, дона Хуана Австрийского, которому он доверил командование флотом, предназначенным для борьбы с варварскими мавританскими государствами Африки. Рубка судна была выкрашена в белый цвет и украшена королевскими гербами Испании и личными гербами Дон Жуана. Принц был рыцарем Золотого руна, а авантюрная экспедиция, в которую он отправлялся, была сопряжена со многими опасностями, как и путешествие аргонавтов, поэтому история Ясона и доброго корабля "Арго" была представлена в виде цветной скульптуры на корме над рулем. Эта живописная поэма сопровождалась четырьмя символическими статуями - Благоразумия, Воздержания, Силы и Справедливости, над которыми парили ангелы, несущие символы теологических добродетелей. По одну сторону от крыльца можно было увидеть Марса-мстителя, Меркурия красноречивого и Улисса, затыкающего уши от соблазнов сирен; по другую - Палласа, Александра Македонского, Аргуса и Диану. Между ними были вставлены изображения, которые передавали либо моральный урок на пользу молодому адмиралу, либо нежную хвалебную речь о Карле V, его отце, или Филиппе II, его брате. Все эти эмблемы *были шедеврами* рисунка и скульптуры, что подчеркивал блеск их золотых, лазурных и вермилиевых оправок.

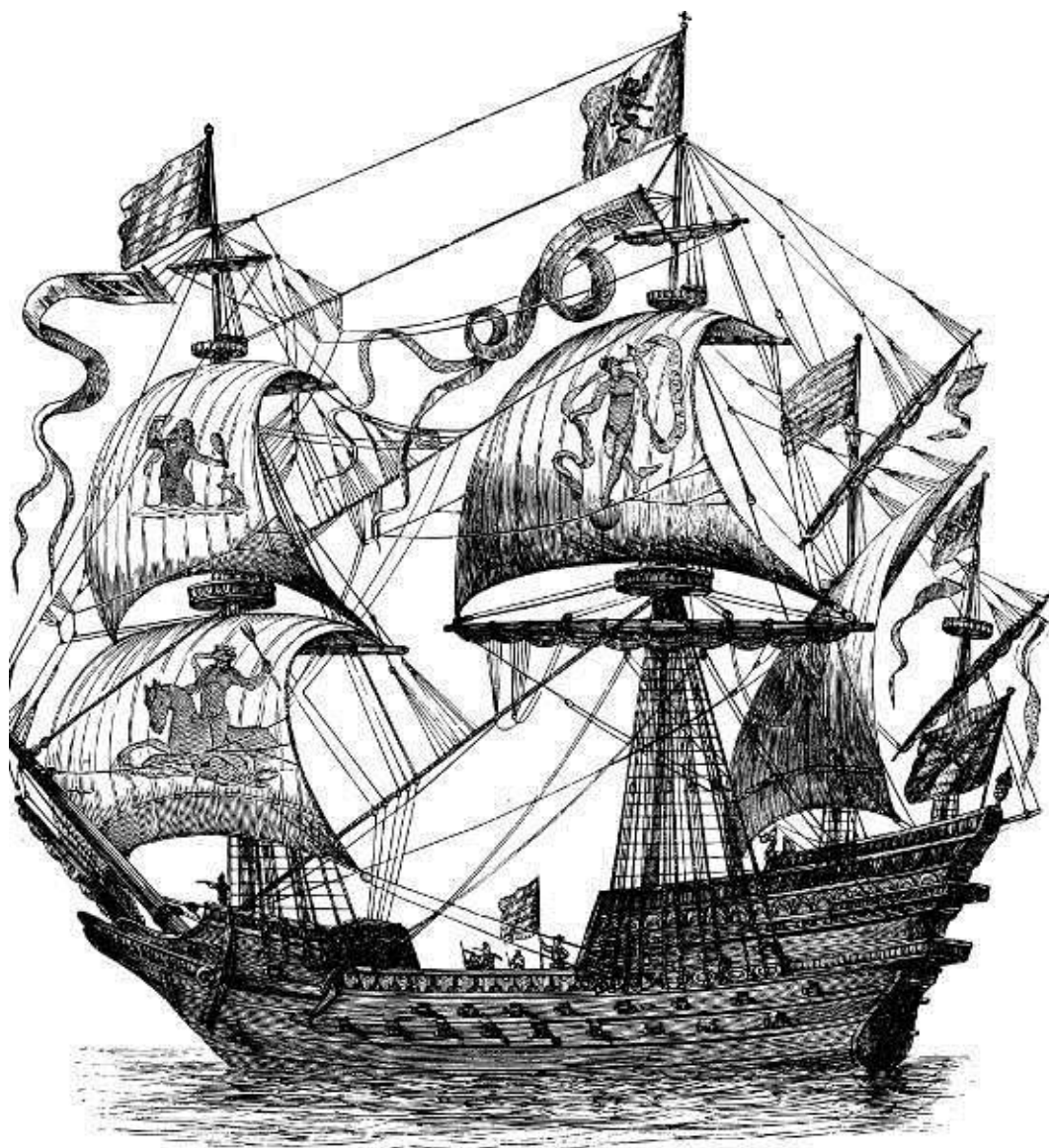

Рис. 95. Военный человек XVI века - рисунок Уильяма Барендса и гравюра Вишера из коллекции гравюр Парижской национальной библиотеки.

Заметным моментом в приведенном выше описании является несочетаемое смешение христианских и языческих аллегорий. Оно свидетельствует об антирелигиозной направленности школы мысли эпохи Возрождения и является верным отражением изменений в обычаях и верованиях. В Средние века моряки, да и все слои общества, были проникнуты сильным духом веры, который, однако, был окрашен большим количеством суеверий. Как и в наши дни, они искренне верили в Провидение и исповедовали великую преданность Деве Марии; в минуты опасности они обращались к тем святым, которые, как считалось, проявляли особый интерес к кораблям и морякам; но, несмотря на свое естественное благоговение перед религией, они позволяли себе поддаваться влиянию детского суеверия и путать побуждения своей ортодоксальной веры со всевозможными суетными фантазиями. Моряки всегда были суеверны; их доверчивые мозги - родители всех фантастических существ и животных, которых, как они убеждают себя, они видели в своих странствиях и которыми они населяют таинственные глубины океана. Античные сирены, чудовища Сциллы и Харибды были намного превзойдены современными легендарными творениями, такими как *кракен*, гигантская масса мякоти, которая нападала на самые большие корабли и утаскивала их вниз; *рыба-епископ*, которая с митрой на голове

благословляла, а затем пожирала потерпевших кораблекрушение мореплавателей; *черная рука*, которая еще во времена Колумба была изображена на карте как обозначение входа в *бессолнечный океан*; многочисленные отряды отвратительных демонов, один из которых, попавшийся на глаза всему французскому флоту крестоносцев, направлявшемуся на остров Митилен, в царствование Людовика XII., схватил и проглотил распутного моряка, который за игрой в кости "богохульствовал и бросал вызов Святой Деве".

Богохульство отнюдь не было редкостью среди моряков; несмотря на законы церкви и предписания Адмиралтейства, они настаивали использовании самых страшных клятв; они постоянно клялись хлебом, вином и солью, подразумевая тем самым сами принципы жизни и свою душу - клятва, которая была запрещена под страхом самого сурового наказания. Однако у мореплавателей Средневековья были веские причины избегать открытого богохульства, ведь преступление против Небес считалось куда более преступным, чем любое нанесение вреда человечеству, и богохульник наказывался штрафом, кошкой и самой смертью. Даже в XIII веке датский кодекс налагал на вора сравнительно умеренное наказание: ему брили голову, мазали дегтем и перьями, заставляли пройти по перчаткам всей команды, после чего довольствовались увольнением с корабля.

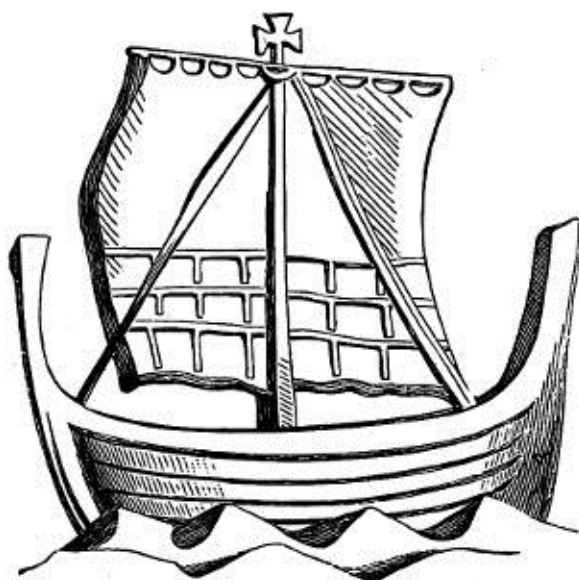

Рис. 96. Печать Ла-Рошели (1437 г.).

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ.

Арабское завоевание Святой земли. - Наплыв паломников в 1000 году. - Вторжение турок в Иудею. - Преследование христиан. - Папа Сильвестр II. - Экспедиция пизанцев и генуэзцев. - Петр Отшельник.-Письмо Симеона Патриарха папе Урбану II.-Первый крестовый поход.-Экспедиция "Готье без Авуара".-Годефруа де Буйон.-Иерусалимское королевство.- Второй крестовый поход.-Святой Бернард.-Третий крестовый поход: Филипп Август и Ричард Кер де Лев.- Четвертый крестовый поход.- Пятый и Шестой крестовые походы.- Людовик IX становится крестоносцем.- Седьмой крестовый поход.- Людовик Святой взят в плен.- Восьмой и последний крестовый поход.- Смерть Людовика Святого.- Итоги крестовых походов.

Иерусалим, - говорит Жак де Витри, епископ Птолемаиса в XIII веке и один из самых красноречивых историков крестовых походов, - Иерусалим - город городов, святая святых, королева народов и принцесса провинций. Он расположен в центре мира, в середине земли, так что все люди могут направить к нему свои шаги; он - вотчина патриархов, муза пророков, госпожа апостолов, колыбель нашего спасения, дом нашего Господа и мать веры, как Рим - мать верующих. Она избрана и освящена Всевышним, который поставил на нее свои ноги, почитаема ангелами и посещается всеми народами земли". Поэт того же периода в порыве горячего вдохновения заявляет: "Она притягивает верных, как магнит притягивает сталь, как овца притягивает ягненка молоком своих сосков, как море притягивает реку, которую оно породило".

Под влиянием этого убеждения легко понять тот сильный интерес, который в глазах всего христианского мира был прикован к уголку земного шара, отмеченному отпечатком Всемогущего и являвшемуся объектом столь сильного почитания.

Со времени обращения Константина I, которое так славно ознаменовало триумф креста, и в то время, когда показные, но слабые преемники этого великого императора готовили упадок Византийской империи, Иерусалим часто был вынужден подчиняться неверным профанациям, и западные христиане, посещая святые места, не раз наталкивались на болезненные и почти непреодолимые препятствия.

В седьмом веке завоевание Палестины арабами или сарацинами, привлеченными фанатизмом под знамена ближайших преемников Магомета, стало самым болезненным, если не первым из этих ужасных испытаний для христианства. Уже паломники, возвращаясь из Святой земли, рассказывали встревоженному Западу о святотатствах, свидетелями которых они были, и о досадах, жертвами которых они сами стали. В их печальных рассказах христианское население Иудеи было низведено до рабства, стонало от непосильной дани, одето в унижительные одежды, ему запрещалось говорить на языке своих завоевателей, оно было изгнано из своих храмов, превращенных теперь в мечети, и вынуждено было скрывать все внешние признаки своей религии, которую им больше не разрешалось публично исповедовать.

Но эти тяготы сменились более мягким правлением благодаря внутренним разногласиям мусульманов, которые в разгар братоубийственной борьбы забывали преследовать христиан; благодаря политике знаменитого Харун-аль-Расхида и его детей, которые, находясь в постоянной войне с константинопольскими императорами, боялись, как бы восточные христиане не призвали на помощь западных, и поэтому постоянно оказывали последним все возможные знаки почтения, доброты и внимания.

Позже, когда империя Харун-аль-Рашида пришла в упадок, один из преемников Константина, Иоанн I, по имени Зимисхий (970), попытался добиться свободы Святой земли и уже почти добился успеха, когда смерть сразила предводителя христианской армии в битве с арабами, а вместе с ним погибла последняя надежда верующих, которые вскоре оказались преданы ужасам страшного гонения. "Невозможно описать все зло, которое они претерпели, - говорит Вильгельм Тирский в своей великой истории священной войны.

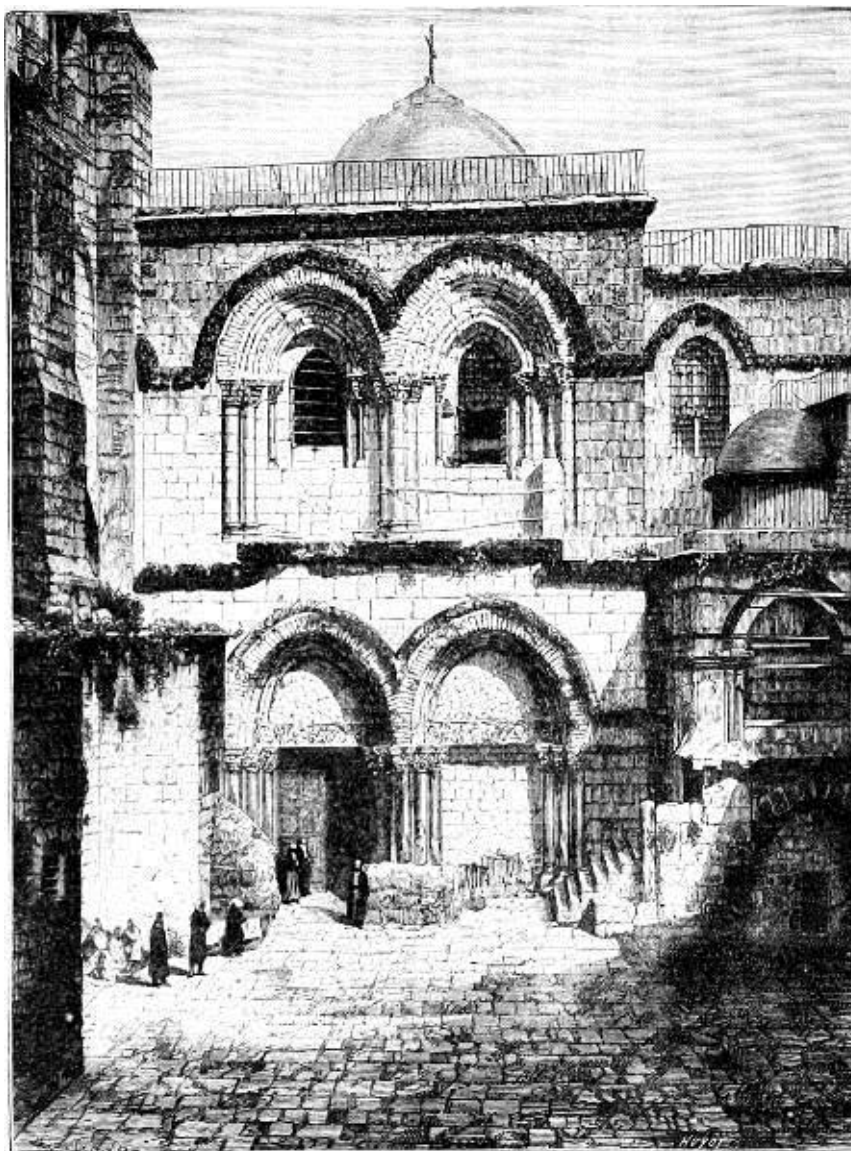

Рис. 97.- Фасад церкви Гроба Господня в Иерусалиме, основанной в 326 году императором Константином и восстановленной крестоносцами в 1099 году (современное состояние, по фотографии).

Ближе к концу X века ложное толкование одного из отрывков Евангелий, согласно которому конец света и второе пришествие Иисуса Христа в Иудею были назначены на тысячу первый год, поразило все христианство оцепенением и ужасом. "Конец света близок", - гласили все дела и договоры, и, забыв о суете мира в преддверии "высшей и неизбежной катастрофы", каждый стремился отправиться в Святую землю в надежде присутствовать при пришествии Спасителя, найти там прощение грехов, мирную смерть и спасение своей души. Огромная толпа паломников, согласно другого историка крестовых походов, монаха Глабера, была намного больше, чем могла объяснить одна лишь

религиозная набожность. Первыми пришли бедняки и рабочие, а затем графы, бароны и принцы, которые уже не придавали никакого значения владениям этого мира. И далее, как будто чудесное влияние этого грандиозного религиозного явления внушило самим неверным восхищение и благоговение, жестокости и гонения, которым подвергались христиане в Палестине, внезапно прекратились. Когда страшная эпоха миновала, а в законах мироздания не произошло никаких ощутимых нарушений, когда каждый последующий день уменьшал страхи и увеличивал мужество Западной Церкви, Святая Земля оставалась открытой для паломников, которые толпами приходили поблагодарить Господа Иисуса Христа за то, что он во второй раз спас мир.

Но все это было лишь неким молчаливым перемирием, предоставленным детям Христа неверующими, которые поклялись уничтожить религию креста и установить на ее месте вероучение Магомета. Кроме того, Восток собирался сменить хозяина. Турки, азиатский кочевой народ, родом из стран за Оксусом, завоевали Персию, а затем с победоносным оружием направились в Сирию и к берегам Нила. Это стремительное завоевание охватило и Иудею и ознаменовалось ужасными эксцессами. Ни последователям Моисея, ни последователям Иисуса, ни ученикам пророка не было дано ни четверти. Один и тот же удар обрушился на иудейские синагоги, мусульманские мечети и католические церкви. Иерусалим был залит кровью. Лишенные своего имущества, стонущие под горьким и унижительным игом, говорит современный историк, христиане страдали так, как не страдали никогда прежде.

Малая Азия, через которую обычно проходили паломники на пути в Иерусалим, также находилась во власти турок. В главных городах - Никее, Тарсе, Антиохии, Эдессе и других, чьи названия неотделимы от славных воспоминаний о первых веках существования Церкви, - нельзя было публично совершать ни греческий, ни римско-католический ритуал. Предписания Корана были единственными, которые неукоснительно соблюдались; и христиане повсюду испытывали от магометан одну и ту же несправедливость, одни и те же досады и лишения.

Рассказы об этих гонениях, которые, казалось, должны были полностью уничтожить веру в крест, наполняли сердца верующих мраком и гневом. Уже приближался день, когда стоны и жалобы, доносившиеся до них из Святой земли, должны были пробудить и вооружить народы Запада для освобождения гроба Христова, и грозная борьба, которая вскоре должна была произойти между христианами и мусульманами - борьба, которой суждено было длиться двести лет с переменными успехами и поражениями с обеих сторон, - должна была решить будущее европейской цивилизации.

Еще в начале XI века Герберт, французский монах, один из самых выдающихся людей своего времени, который стал преемником папы Сильвестра II, под влиянием впечатлений, привезенных им из паломничества в Иерусалим, попытался вновь воззвать к христианству против гонений, свидетелем которых он был на Востоке. По его призыву экспедиция пизанцев, генуэзцев и подданных короля Арля вышла в море и высадилась у берегов Сирии, где нанесла определенный урон жестоким приверженцам исламизма, не сумев, однако, проникнуть далеко вглубь страны, но не повлияв в какой-то степени на судьбу жителей Палестины.

На самом деле преследования на время прекратились или, во всяком случае, заметно ослабли, и только спустя полвека по христианству пронесся новый крестоносный призыв. На этот раз вопль скорби и негодования был произнесен папой Григорием VII, тем самым прославленным понтификом, чья пылкая и решительная натура посреди всеобщего беспорядка и дезорганизации власти и общества, казалось, должна была выполнить

божественную миссию, утвердив на нерушимой основе верховную власть Церкви. "Страдания, выпавшие на долю восточных христиан, - писал он, - так взволновали мое сердце, что я почти жажду смерти, и я предпочел бы скорее подвергнуть свою жизнь освобождению святых мест, чем царствовать над вселенной. Придите, сыны Христовы, и вы найдете меня во главе вас!"

Такие слова, сказанные в такую эпоху, непременно возрождали веру и надежду в каждом сердце, принявшем их. Пятьдесят тысяч христиан связали себя клятвой следовать за преемником Святого Петра в Константинополь, когда император Михаил Дукас обещал положить конец раздорам, так долго разделявшим греческую и латинскую церкви, и в Иерусалим, где штандарт Христа, поддерживаемый героическими руками и сердцами, не мог не сменить вскоре штандарт пророка. В Европе ходили слухи, что часть Азии уже христианизирована и что Престер-Джон, могущественный правитель Тартарии (рис. 98 и 99), заставил своих подданных принять евангельские заповеди.

Рис. 98. Престер-Джон, вождь христианского племени в Тартарии.

Рис. 99.- Страница Престера-Джона.

Из книги Чезаре Вечелли "Degli Habiti Antichi e Moderni": 8vo, Venice, 1560.

Но политическая борьба, которую Григорию VII пришлось вести с князьями Запада, и отказ короля Германии Генриха IV оказать ему требуемую помощь не позволили ему предпринять священную экспедицию, которая должна была увенчать его апостольскую деятельность. Виктор III, его преемник, вдохновленный его примером, продолжал проповедовать Священную войну против неверных. Последние не только демонстрировали на всем Востоке свою непримиримую ненависть к христианской расе, но, основав крупные поселения на берегах Африки, они заполнили моря, поставили под угрозу безопасность всей морской торговли, беспрестанно грабили берега Италии, опустошили большую часть Испании и, казалось, были совсем близки к тому, чтобы сделать Европу данником ислама. Но если Виктору III не удалось зародить настоящий крестовый поход, то ему, по крайней мере, удалось убедить итальянцев взяться за оружие. Армия пизанцев и генуэзцев высадилась в Африке (1087), дала бой сарацинам, убила более ста тысяч из них, взяла и разграбила два их города и вернулась победителем с огромной добычей, которую они потратили на украшение церквей Генуи и Пизы. Но это дерзкое предприятие, несмотря на его важные результаты, не упоминается ни одним из историков крестовых походов, хотя во всех отношениях оно имело черты священной войны. Это, по-видимому, доказывает, что ее руководящий принцип отнюдь не был исключительно религиозным, а был связан со многими более материальными

интересами, особенно с интересами итальянской торговли, которая так сильно страдала от африканского пиратства, что, естественно, желала любой ценой наказать проклятую расу, от которой оно произошло.

Преемником Виктора III стал Урбан II, понтифик французского происхождения, который, продолжая политику своих предшественников, пытался всем своим влиянием поднять христиан против неверных. Но Всевышний часто доверяет исполнение своих важнейших замыслов самым скромным, и честь инициировать крестовые походы была уготована отнюдь не обитателю кафедры Святого Петра. Она должна была выпасть на долю скромного паломника, который, как рассказывает ученый историк этих событий, был вдохновлен только своим рвением, и единственным влиянием которого была сила его характера и гения. Этим скромным паломником был Петр из Ахериса, более известный как Петр Отшельник. Происходивший из знатного рода Пикардии, но нескладный телом и невысокий ростом, он тщетно искал счастья и покоя в самых противоположных условиях общества. Сначала он занялся военным делом, потом отдался литературе, потом женился, а вскоре, оставшись вдовцом, принял священный сан. Однако везде он встречал лишь горечь и обман. Став наконец, по выражению Вильгельма Тирского, "отшельником и на деле, и во имя", он стремился в уединении, в посте и молитве забыть о пустой суете мира, и, несомненно, с последней надеждой на практическое воплощение своей пылкой, но бесплодной набожности он предпринял свое благочестивое паломничество в Иерусалим.

Привычка к размышлениям и молитвам вселила в его душу горячий пыл и просветление. Когда он очутился на той самой земле, по которой ступали ноги Спасителя, когда стал свидетелем тягот и унижений, которым подвергались поклонники Христа со стороны неверных, когда, прежде всего, услышал сетования преподобного Симеона, патриарха Иерусалимского, и вместе с ним оплакивал страшные испытания Восточной Церкви, негодование, скорбь, благочестие и вера пробудили в его сердце чувство, что он должен во что бы то ни стало посвятить свою жизнь особому призванию. Он решил посвятить себя защите своих братьев во Христе и освобождению святых мест.

Однажды, когда он тайно молился перед Гробом Господним, он услышал голос, говорящий: "Петр, встань! иди и возвести скорбь народа Моего; настало время, чтобы рабы Мои были спасены и святые места Мои освобождены". Под влиянием этого небесного повеления бедный паломник, убежденный в том, что отныне он избран Божественной волей, решил не давать себе покоя, пока святая миссия, которую возложил на него Сам Христос, не будет полностью и верно исполнена. Он покинул Палестину с письмами патриарха Симеона к папе; переправился через море, поспешил в Рим и бросился к ногам Урбана II, который, слушая патетические и красноречивые речи бедного пилигрима, вообразил, что к нему обращается вдохновенный пророк, и возложил на него миссию призыва народов к священной войне (рис. 100).

Петр Отшельник, говорит историк, чей рассказ мы приводим, покинул Италию, перешел через Альпы, странствовал по Франции и большей части Европы, вливая во всех горячее рвение, которым он был исполнен. Он путешествовал на муле, с распятием в руке, с босыми ногами, непокрытой головой, подпоясанным толстым шнуром телом и облаченным в длинную рясу и мантию из самого обычного и грубого материала. Его своеобразная одежда вызывала любопытство у людей, а аскетизм его жизни, благотворительность и мораль, которую он насаждал, заставляли их почитать его как святого. В таком обличье он странствовал из города в город, из провинции в провинцию, возбуждая мужество одних и благочестие других; иногда он обращался к ним с церковных кафедр, иногда на дорогах и в общественных местах. Его красноречие было острым и энергичным, полным горячих призывов, которые увлекали толпы людей, слушавших его. Он вспоминал осквернение

святых мест и христианскую кровь, которая реками лилась по улицам Иерусалима; он взывал к Небу, святым и ангелам, чьим свидетельством он подтверждал истинность своих утверждений; он взывал к ним через святой холм Сион, высоты Голгофы и Елеонскую гору, склоны которой, по его словам, звенели от стонов и стенаний. Когда слов не хватало для дальнейшего описания страданий верующих на далеком Востоке, он показывал им распятие, которое всегда носил с собой, и, бия себя по груди, разражался страстными слезами.

Рис. 100. Петр Отшельник передает послание Симеона, патриарха Иерусалимского, папе Урбану II - по цветному рисунку Жермена Пикаве в "Истории Крестяда", рукописи XV века (Бургундская библиотека, Брюссель).

Повсюду вокруг него толпилось население. Проповедника священной войны принимали как особого посланника Всевышнего. Разрешение прикоснуться к его одежде считалось неоценимой привилегией, даже волосы мула, на котором он ехал, ценились и хранились как реликвия. Тон его голоса утишал домашние раздоры, заставлял богатых помогать нуждающимся, а распутников - стыдливо уклоняться. Его аскезы и чудеса, его речи и увещания повторялись для тех, кому не посчастливилось стать свидетелем первых или услышать вторые. Когда слушатели осознавали, что Иерусалим, святой Иерусалим, находится во власти неверных, в них разгорались чувства жалости и жажда мести. Каждый голос возвышал голос, умоляя Бога вернуть Ему некогда любимый город. Одни предлагали свои богатства, другие - молитвы и всю свою жизнь, чтобы освободить святые места.

Все в Европе было готово к великой экспедиции; каждое сердце билось в такт, каждый голос повторял торжественную надежду, столь горячо и настойчиво внушаемую Петром Отшельником. Теперь не требовалось ничего, кроме венца уже проделанной работы и

какого-то слова, которое поразило бы каждое сердце и подняло бы среди благочестивого и бесчисленного воинства крестоносцев какое-то одно центральное знамя, вокруг которого все они могли бы объединиться и сплотиться. С этой целью Урбан созвал совет на том самом месте в земле франков, где он родился, - земле, которая всегда была передовой, чтобы подавать благородный пример окружающим народам.

Совет собрался в Клермоне, городе в Оверни, едва ли достаточно большом, чтобы вместить толпу знаменитостей, которые вскоре стекались туда, "в таком количестве, - говорит французский хронист Уильям Обер, - что к середине ноября 1096 года окрестные города и деревни были настолько полны чужестранцев, что многие были вынуждены ставить свои палатки посреди полей и лугов, хотя время года было очень холодным".

Первые заседания этого собора, собиравшегося объявить войну против врагов креста, были посвящены заключению Божьего перемирия между всеми христианами. Затем встал вопрос времени. Первым выступил апостол крестового похода Петр Отшельник, который слезливым голосом, с горячим чувством, снискавшим ему столько приверженцев, поведал о бедствиях Восточной церкви. После него к собранию обратился Папа, и при столь знатной и аристократической аудитории можно легко понять, что его искусное и ученое красноречие имело по крайней мере такое же влияние, как простая и грубая речь бедного отшельника, имевшего такую власть над умами масс.

Совет поднялся как один человек, и из каждой груди одновременно вырвался один крик: "*Боже, что ты делаешь! Dieu le veut! (Diex li volt).*"^[7] Понтифик повторил строгим голосом эти слова, *Diex li volt*, слова, которым на два столетия суждено было стать боевым кличем крестоносцев, и показал возбужденной толпе эмблему Искупления. "Пусть крест, - сказал он, - сверкает на ваших руках и на ваших штандартах! Носите его на плечах и на груди, и он станет для вас эмблемой победы или пальмой мученичества; он всегда будет напоминать вам, что Иисус Христос умер за вас и что ваше дело - умереть за Него". При этих словах все князья, бароны, рыцари, прелаты и духовенство, ремесленники и рабочие поклялись посвятить свою жизнь отмщению за оскорбления, нанесенные Христу и его последователям. Клятву скрепили заявлением о забвении всех личных неприязней и ссор, и каждый из огромной толпы прикрепил к своей одежде красный крест. Отсюда произошло название "*крестоносцы*" - титул, которым наделялись верующие, вставшие под знамя Христа, а также "*крестовый поход*" - название священной войны. Собор, прежде чем разойтись, подтвердил и распределил временные и духовные привилегии, которыми должны были быть наделены крестоносцы.

Невозможно передать достаточно яркими красками то всеобщее и стихийное движение, которое произошло в западном христианстве, когда верующие, принимавшие участие в Клермонском соборе, повсюду, как прежде апостолы Христа, повторяли происшедшее и провозглашали принятые на нем постановления. В дальнейшем все, независимо от возраста, пола и социального положения, были увлечены одним и тем же энтузиазмом. Семейные узы были разорваны, богатство больше не имело никакого значения. Вопрос был не в том, кто взял на себя крест, а в том, кто медлил с этим. Один из поэтов того времени сказал: "Я не считаю истинным рыцарем того, кто отказывается добровольно, всем сердцем и всеми доступными ему средствами отправиться на помощь Богу, который так сильно в ней нуждается". Женщины всех сословий пришивали крест к своей одежде, дети всех возрастов отмечали его на своих невинных телах. Монахи покидали убежища, где надеялись мирно закончить свое существование, отшельники выходили из своих пещер и лесов, и даже самые разбойники с большой дороги выходили вперед, признавались в своих преступлениях и клялись искупить их в рядах святого воинства. Поезд был заложен, спичка зажжена, и в течение двух столетий крестовые походы велись непрерывно, с небольшими перерывами на

отдых, вызванными огромными человеческими и денежными жертвами, связанными с этим гигантским предприятием, которое, вдохновляемое и управляемое пламенной верой, упорно продолжалось, несмотря на все неудачи и бедствия.

Рис. 101.- Прием Готье-сан-Авуара королем Венгрии, который разрешает ему пройти через свою территорию с крестоносцами. Миниатюра из "Истории императоров", рукописи XV века (Библиотека Арсенала, Париж).

Весной 1096 года крестоносцы впервые отправились в путь двумя многочисленными отрядами под командованием самого Петра Отшельника и бедного, но доблестного воина Готье-сан-Авуара (рис. 101). Но эти недисциплинированные массы, вынужденные поддерживать себя в пути грабежами, были рассеяны и почти уничтожены народами, через страны которых им пришлось пройти, и которые были разорены их приходом, как, возможно, армией саранчи. Лишь несколько тысяч человек достигли Константинополя, когда император Алексей I, призвавший западных христиан на помощь туркам, оказал им поддержку и позволил дожидаться прибытия более регулярных экспедиций, которые стартовали тремя месяцами позже под началом Годфруа де Буйона.

Рис. 102. - Взятие Никеи крестоносцами в 1097 году; с окна, заказанного аббатом Сугером для церкви аббатства Сен-Дени и ныне разрушенного - из "Памятников монархической Франции" Монфокона (XII век).

Только тогда начался настоящий Крестовый поход, то есть настоящая война против неверующих. В марте 1097 года христианское войско переправилось через Босфор из Фракии, захватило Никею (рис. 102), проникло в Сирию и осадило важный город Антиохию, который в результате вероломного акта был вынужден сдаться в июне 1098 года. Весной следующего года воины Христа вошли в Палестину, но только 15 июля 1099 года святой город оказался в их руках, и Годфруа де Буйон (рис. 103 и 104), избранный королем главными вождями победоносной армии, под скромным титулом барона Гроба Господня, основал христианское королевство Иерусалим.

Рис. 103. Годфруа де Буйон, увенчанный орудиями Страстей Господних - с гравюры на дереве конца XV века, хранящейся в Бургундской библиотеке в Брюсселе.

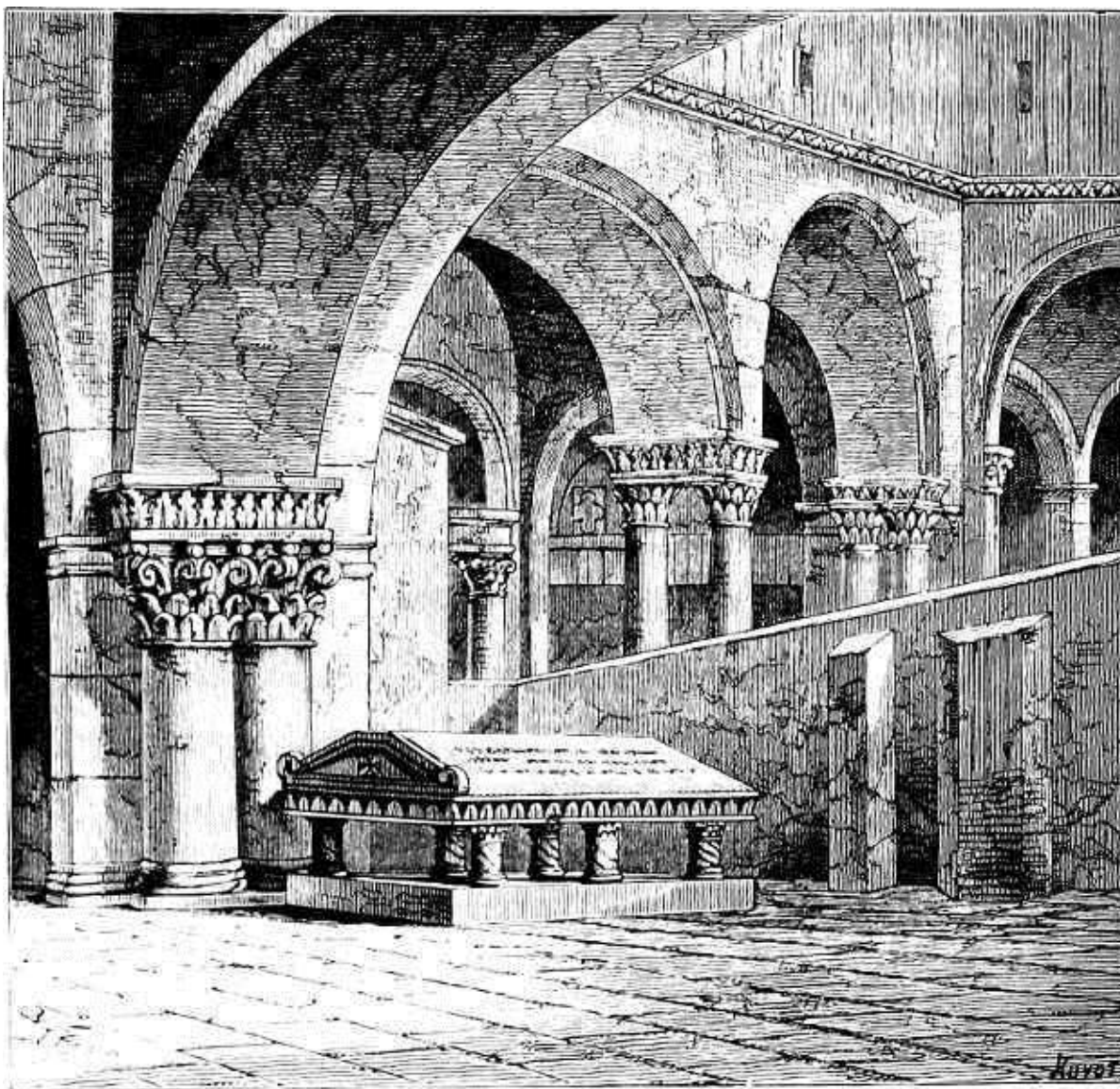

Рис. 104.- Гробница Годфруа де Буйона, как она существовала в церкви Гроба Господня в Иерусалиме, с надписью: "Hic jacet inclitus Godfridus de Bulion, qui totam istam terram acquisivit cultui Christiano, cujus anima cum Christo requiescat. Аминь." ("Здесь покоится прославленный Годфруа де Бульон, который завоевал всю эту Святую землю для поклонения Христу. Да упокоится душа его с Иисусом". Памятник начала XII века, ныне разрушенный, по рисунку, сделанному на этом месте в 1828 году и хранящемуся у мсье Амбр. Фирмин-Дидо.

Прошло полвека, в течение которых христианство отправляло экспедицию за экспедицией, чтобы защитить Святую землю и укрепить свои завоевания, но без особого успеха, так как сарацины не прекращали своих нападений на крестоносцев и упорно оспаривали у них владение Палестиной. Кроме того, пыл паломников постепенно ослабевал, рвение к крестовым походам в Европе стало стихать, а на смену ему пришли безразличие и апатия. Когда трон Годфруа де Буйона начал шататься на своем ненадежном фундаменте, дорога в Иерусалим стала пустынной, и цивилизованный мир, поглощенный и отвлеченный более близкой и острой борьбой, постоянно ведущейся между его папами и государями, вскоре, сохранил лишь смутное воспоминание о славных предприятиях своих отцов.

Однако внезапно на Западе распространился слух, что город Эдесса, столица первого христианского княжества, основанного крестоносцами на Востоке и считавшегося оплотом Иерусалимского королевства, был вновь захвачен сарацинами, которые залили улицы кровью. Эта печальная весть была воспринята с глубоким негодованием; но нашелся

гениальный человек, который забил тревогу и месть, и голос святого Бернарда, аббата из Клерво, вновь зажег угасающий факел крестоносного энтузиазма.

Именно в Везелае (рис. 105), где Людовик VII держал свой двор, прославленный аббат, "укрепленный апостольским авторитетом и собственной святостью", впервые обратился к дворянам и населению (1146 г.). "Поскольку в замке не было места, - пишет очевидец Эудес де Дойль в своих латинских хрониках, - кафедра была построена под открытым небом на равнине, лежащей у подножия холма Везелай, на которую Бернард взошел в сопровождении короля, надев крест, присланный ему папой". Когда небеснорожденный оратор пробудил слушателей божественным огнем своего красноречия, раздался всеобщий крик "Кресты! Кресты!". Кресты, которые аббат приготовил заранее, вскоре закончились, и, разорвав свою одежду на полоски, он раздал их собравшимся, которые крестообразно прикрепили их к своим одеждам. Он продолжал свои увещевания в течение всего своего пребывания в Везелае, доказывая святость своей миссии многочисленными чудесами, которые он совершал.

Благочестивые и трогательные призывы святого Бернарда достигли желаемого успеха. Король Людовик, его супруга Элеонора, высшее дворянство и духовенство, многие тысячи рыцарей и огромное количество представителей низших сословий встали под знамя креста. "Как только было решено, что они отправятся в путь по истечении года, - рассказывает другой летописец, - все радостно вернулись домой. Но аббат Клервоский переходил с проповедью с места на место, и вскоре число крестоносцев стало невозможно сосчитать". Из Франции Бернар переправился в Германию, где влияние его вдохновенных слов проявилось в полной мере: целые народы, даже не понимавшие языка, на котором он к ним обращался, увлеклись чудесным обаянием его манеры, били себя в грудь и восклицали: "Боже, будь милостив к нам! Святые да пребудут с нами!"

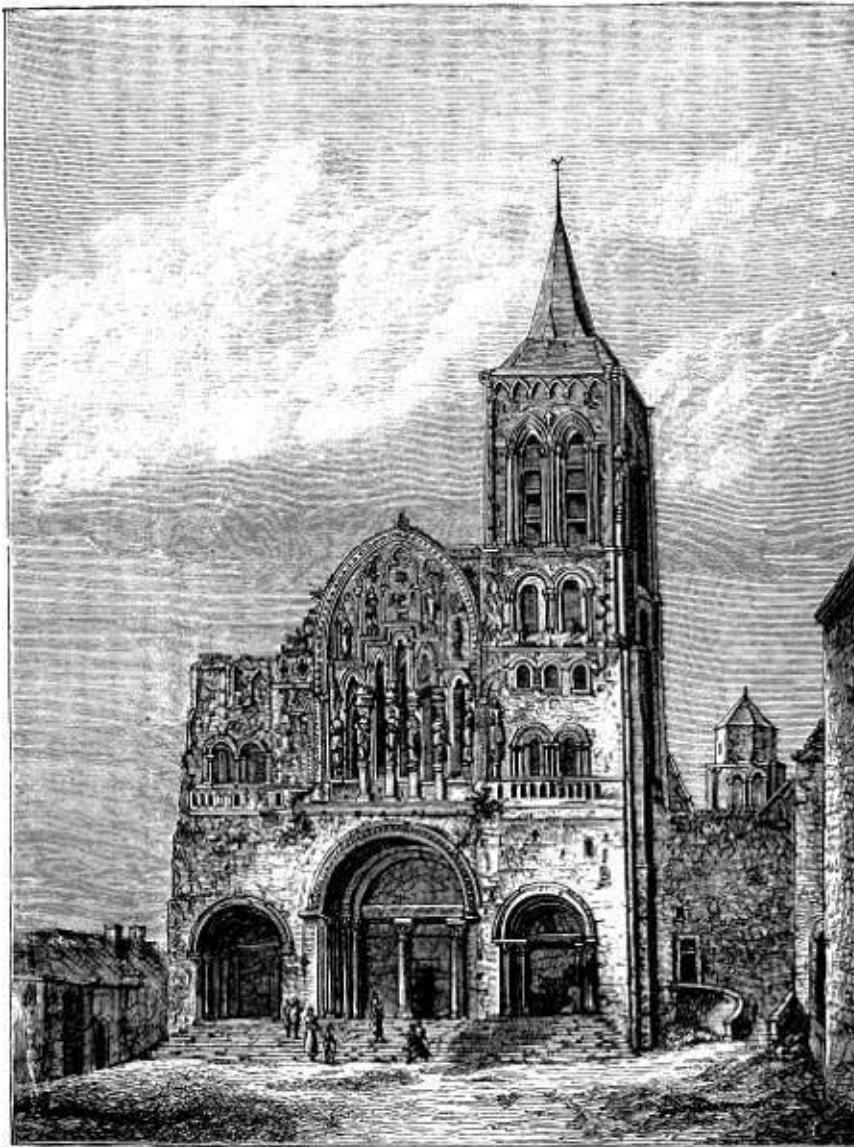

Рис. 105.- Фасад церкви аббатства Магдалины, как она сейчас стоит в Везелаи, где в 1146 году святой Бернард проповедовал Второй крестовый поход (Двенадцатый век).

Император Конрад, которого аббат пытался убедить присоединиться к королю Франции в новом крестовом походе, сначала оказывал этому предприятию значительное сопротивление; но в конце концов на собрании, состоявшемся в Шпире 28 декабря 1146 года, необыкновенное красноречие Бернарда произвело на него такой эффект, что он на месте поклялся принять крест. Его примеру немедленно последовали несколько немецких принцев, среди которых был и его родной племянник, юный Фридрих Суабский, впоследствии прославившийся под именем Фридриха Барбароссы.

Через несколько месяцев французская и немецкая армии, каждая из которых насчитывала более ста тысяч бойцов, не считая сопровождавших их паломников, отправились на Восток, хорошо вооруженные, экипированные и полные уверенности. В обеих армиях находилась рыцарская *элита* обеих стран. "В Европе, - пишет святой Бернард в одном из своих писем, - не было ничего, кроме пустынных городов и замков, ничего, кроме вдов и сирот, чьи мужья и отцы были еще живы".

Но, увы, этому энтузиазму, этому рвению, этому героизму, проявленному всеми слоями европейского общества, суждено было закончиться плачевной катастрофой.

Неповиновение войск, непредусмотрительность и нежелание сотрудничать со своими предводителями, а также вероломство греческого императора Мануила подготовили фатальный конец этому злосчастному предприятию, в результате которого его участники растаяли задолго до прибытия в Святую землю. После более чем года огромных усилий и кровопролитных поражений его остатки с мучительным трудом вернулись на Запад, оставив Иерусалимское королевство в гораздо более шатком положении, чем до прибытия объединенных сил. "Со всех сторон, - пишет летописец, - раздавались жалобы и упреки в адрес аббата Клервоского, чьи обещания победы были так мало реализованы, кто, как говорили, отправил столько храбрецов на бесполезную смерть и вверг в траур столько знатных семей. Святой человек был убит до глубины души, но вместо того, чтобы усомниться в благодетельной мудрости Всевышнего, он воскликнул: "Если они должны роптать, то лучше пусть ропщут на меня, чем на Бога. Я радуюсь, что Господь соблаговолил использовать меня в качестве щита. Я готов быть униженным, лишь бы Его слава не пострадала".

Сорок лет спустя, после ужасной битвы при Тиберии (1187), где пролилось столько щедрой крови Ги де Лузиньяна, последнего короля Иерусалима, султан Саладин, один из самых замечательных персонажей мусульманской истории, захватил святой город, которому отныне было суждено лишь однажды, и то ненадолго, вновь оказаться в руках христиан.

В 1181 году был предпринят Третий крестовый поход, во главе которого встали Филипп Август, король Франции, и Ричард, король Англии, чьи великие деяния в этой священной войне принесли ему фамилию Кёр де Лев, забыв о своих личных распрях. Впоследствии Фридрих Барбаросса, император Германии, ранее принимавший участие во Втором крестовом походе, присоединился к этому предприятию, в котором ему суждено было встретить свою смерть.

Пролив больше крови и проявив больше храбрости, чем хватило бы для завоевания всей Азии, после долгой и памятной осады города Птолемаиса, после многих значительных успехов, христианские армии, обескураженные и уменьшившиеся более чем наполовину, вернулись в Европу, принеся с собой "moult de gloire"^[8], говорит один хронист, но не получив в действительности никакого материального или прочного преимущества над неверующими, которые, правда, потеряли St. Жан д'Акр, но сохранили за собой Иерусалим.

Четвертый крестовый поход (1198-1204), который некоторые историки называют пятым, был санкционирован папой Иннокентием III, а проповедовал его во Франции знаменитый Фульк де Нейи. Этот крестовый поход был примечателен в одном отношении. Сначала его усилия были направлены против гонителей христианства, но события, по мере их развития, изменили его цель, и вопрос о святых местах был оставлен, он закончился, после взятия Константинополя (рис. 106), свержением династии преемников Константина и заменой ее французской династией, основателями Латинской империи Византии. По примеру Бодуэна, графа Фландрии, главные дворяне крестоносной армии поделили между собой трофеи греческой империи и перестали думать о священной войне.

В 1217 году Андрей, король Венгрии, в компании с несколькими дворянами Германии и Франции принял крест. Эта экспедиция отплыла в Египет и осадила Дамьетту, которая капитулировала только после потери восьмидесяти тысяч жителей. Оттуда она двинулась к Каиру, но, уничтоженная чумой, была вынуждена отступить и вернуться в Европу. Это был действительно пятый крестовый поход.

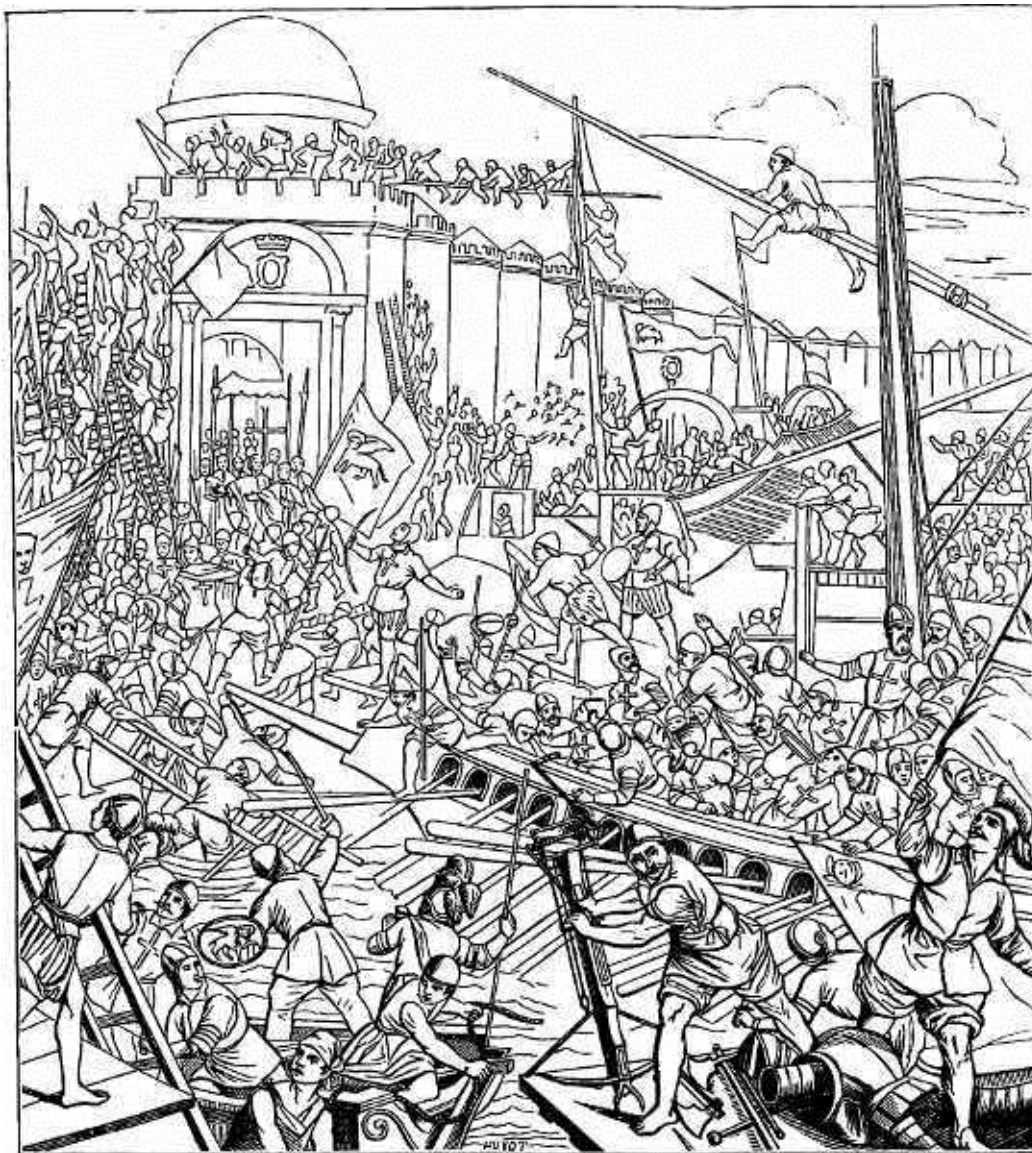

Рис. 106.- Второе взятие Константинополя в 1204 г. - с фрески Тинторетто во Дворце дожей в Венеции (XVI в.).

В 1228 году Фридрих II, король Неаполя и Сицилии, будучи избранным императором Германии, задумал, скорее из политических, чем из религиозных побуждений, вновь завоевать Святой город во имя христианства. Он отправился в путь в сопровождении нескольких сотен солдат и, высадившись в Египте, имел беседу с султаном, которого под каким-то неведомым влиянием убедил подписать договор, по которому Назарет, Вифлеем и Иерусалим должны были быть возвращены христианам при явном условии, что мусульманам будет позволено сохранить Храм и возвести мечеть в городе Иисуса Христа. Это был в лучшем случае кощунственный договор. Его не одобрили и не соблюдали ни христиане, ни сарацины, и вскоре сам Фридрих счел его бесполезным компромиссом, хотя он лично въехал в Иерусалим и короновался там собственными руками. Эта необычная экспедиция была названа Шестым крестовым походом.

Но приближался час, когда энергичная и искренняя вера, вдохновившая апостолов Первого крестового похода, должна была вновь возродиться и засиять во всем своем первозданном блеске; и именно во Франции вновь должно было разгореться пламя христианской преданности под крик, который до сих пор находит отклик в каждом сердце, - крик "*Dieu le veut!*". Французская нация, старшая дочь Церкви, имела тогда во главе одного из тех чистых и простодушных людей, которых Провидение слишком редко возвышает для

честь и благосостояния человечества. Людовик IX, сын Бланш Кастильской и внук короля Филиппа Августа, соединил в своей чистой и великодушной душе все нежные добродетели своей матери с великодушными и рыцарскими чувствами своего деда.

Усердно и разумно заботясь об управлении и, можно сказать, о возрождении своего королевства, используя влияние своего морального авторитета для умиротворения политических разногласий, будораживших и опустошавших Европу, святой король не мог забыть, что его восточные братья стонут под рабством и гонениями. Предметом его мечтаний в тот будущий день, когда его царская задача будет близка к завершению, когда мир воцарится в его владениях и во владениях его соседей, было освобождение Иерусалима и изгнание сарацин из Святой земли. Он был вынужден отложить это благородное начинание, но лишь для того, чтобы дожидаться более благоприятной возможности осуществить его с максимальной эффективностью.

"Или советуют, - пишет сир де Жоанвиль в своих "Мемуарах", - что король заболел сильной болезнью, и он находился в самом низу, так что одна из дам, которые лежали рядом, заботясь о том, чтобы он не упал, укрыла визави одним линзелем, а в другой части света была другая дама, которая не могла утихомириться". Или Нотр-Сеньор заглянул к ней и повторил ее слова; и потребовал от короля, чтобы он подарил ему корону; что и было сделано. И когда благородная дама, ее мать, сказала, что он выслушал приговор, в ней проснулась столь великая радость, что больше не было сил, но когда она выслушала, она была столь же скорбна, как если бы умерла (1244)^[9].

Однако, несмотря на огорчение королевы-матери, которая, несмотря на свою преданность святому делу, опасалась, что отсутствие короля может оказаться невыгодным для Франции, Людовик IX, однажды дав обет, был полон решимости неукоснительно его исполнить. Более того, его ободрило то, что один его пример имел большее влияние, чем самые горячие увещевания его проповедников, ибо, как только стало известно, что их почитаемый государь принял крест, рвение оживилось среди всех сословий, вера вновь обрела силу, и нетерпение отправиться в крестовый поход проявилось со всех сторон.

Но король, несмотря на свою пылкость и благоразумие, предупрежденный ошибками своих предшественников, не желал давать сигнал, пока не примет все меры предосторожности и не сделает все необходимые приготовления. Прошло три года, в течение которых Людовик IX продолжал свои приготовления и собирал всевозможную провизию, которая была доставлена на Кипр, место, выбранное для общей стоянки крестоносцев; тем временем он занялся подготовкой в интересах своего королевства к событиям, которые могли произойти в его отсутствие. В конце концов, назначив свою мать регентшей, он отплыл из порта Эгю-Мортес 15 августа 1248 года с женой, братом и главными приверженцами. На Кипре к нему по очереди присоединились все дворяне Франции с их вооруженными людьми и вассалами. Зиму он провел в организации экспедиции, которая сначала была направлена в Египет; ведь из всех магометанских вождей, которые в то время боролись за обладание Палестиной, султан Каира, который уже стал хозяином Сирии, считался самым могущественным, и, по мнению самых компетентных солдат, завоевание Святой земли должно начаться на берегах Нила.

Казалось, все обещало счастливый исход. Значительный флот, многочисленная и хорошо дисциплинированная армия, обильные запасы провизии, оружия и военных запасов, верховное командование, сосредоточенное в одних руках, и, прежде всего, настоящее чувство преданности святому делу - чувство, вдохновленное увещеваниями и примером короля, - вот те элементы, благодаря которым Седьмой крестовый поход мог рассчитывать на успех.

Весной восемнадцать сотен судов отплыли с Кипра, где они были оборудованы, и доставили крестоносную армию в Дамиемту. Король, вооруженный с ног до головы, одним из первых сошел на берег. За ним последовали несколько его рыцарей и воинов, которые подливнем дротиков рассеяли сарацинов, покрывавших берег, и в беспорядке оттеснили их в город (рис. 107). Нападение было столь дерзким и непредвиденным, что неверные, пораженные ужасом, перестали считать себя в безопасности за стенами, которые тридцать лет назад выдержали восемнадцатимесячную осаду, и оставили Дамиемту, не нанеся ни одного удара в ее защиту.

Овладение этой крепостью, расположенной на морском побережье в устье Нила, не имело бы большого значения для крестоносцев, но ее завоевание было столь быстрым и легким, что под влиянием опьянения успехом они пренебрегли первыми элементами благоразумия и дисциплины. Их вступление в город стало сигналом к его разграблению, несмотря на приказы и уговоры короля, чей гуманный и великодушный характер был противен этому акту варварства.

Христианское войско должно было извлечь выгоду из поражения врага и немедленно проникнуть вглубь страны, а не оставаться неподвижным в течение пяти месяцев из-за периодических разливов реки или в ожидании подкреплений, которые должны были прийти из Европы. Эта долгая задержка, способствовавшая безделью, рассеянности и неповиновению, стала роковой для экспедиции. Когда король, наконец, отдал приказ наступать, под его началом оказались лишь безвольные, изнеженные войска, лишенные послушания и дисциплины; и сарацины, у которых было достаточно времени, чтобы забыть о своей панике и преодолеть уныние, нашли в деморализации своих врагов еще одну почву для успокоения и новый мотив для уверенности.

Рис. 107.- Высадка крестоносцев в Дамiette - факсимиле гравюры на дереве из "Большого путешествия в Хиерусалем", напечатанного в Париже в 1522 году Франсуа Регно, в библиотеке мсье Амбр. Фирмин-Дидо.

В дальнейшем дела христиан шли все хуже и хуже. После нескольких столкновений, в которых они потерпели поражение, после нескольких битв, результатом которых были лишь человеческие жертвы, особенно после битвы при Мансуре, в которой был убит Роберт Артуа, брат короля, вместе с цветком дворянства, крестоносцы оказались окружены в своем лагере, став жертвой эпидемии моровой язвы, вызванной нуждой, которая ежедневно наносила значительный урон их рядам. Однако французскую доблесть было не остановить, и раз за разом солдаты, хотя и изнемогали от усталости и болезней и умирали от голода, прилагали новые усилия и побеждали сарацинов; правда, ценой того, что с каждой победой они становились все менее выносливыми. Наконец они были вынуждены отступить к Дамiette, где их ждала королева с некоторыми резервными войсками, и где они надеялись реорганизоваться.

После трех или четырех дней марша, в течение которых это изможденное воинство больных и раненых непрерывно преследовалось врагом, король, который сам был серьезно болен, но всегда ехал и сражался в тылу, чтобы защитить остатки своего *войска*, безопасность которого, по его словам, он ценил гораздо больше, чем собственную жизнь, был вынужден остановиться в деревне, которую сарацины окружили и атаковали со всех сторон, а самые храбрые и преданные рыцари Людовика позволили изрубить себя на куски, чтобы их *добрый государь* не попал в руки неверных.

Людовик лежал на поле в предсмертном состоянии, совершенно неспособный отдавать какие-либо команды, когда какой-то предатель закричал в разгар боя: "Уступите, сеньоры рыцари, уступите все, король приказывает; не заставляйте его быть убитым!" Бой немедленно прекратился, рыцари бросили оружие и попросили четвертовать их. Сарацины безжалостно расправились не только с больными, от которых они боялись заразиться, но и со всеми христианами ниже рыцарского звания. Король был взят в плен вместе с двумя своими братьями (рис. 108), главными баронами и домашними слугами. Это произошло 6 апреля 1250 года.

История зафиксировала самые трогательные случаи пленения благочестивого монарха. Никогда Людовик IX не был столь благороден, столь героичен, как в эти тридцать дней испытаний, страданий и опасностей. Находясь в плену у неверных, подвергаясь грубейшим издевательствам, обремененный цепями и под угрозой смерти, он в мягкости своего нрава и спокойствии души проявлял высокие добродетели христианской веры и благородство, присущее его королевскому достоинству. Сарацины очень восхищались этим великодушием в несчастье, и их главный предводитель, ужасный султан Дамаска, вступил в переговоры со своим августейшим пленником, который был готов скорее умереть, чем подчиниться некоторым требованиям своих завоевателей. Миллион золотых *безантов* (около полумиллиона французских ливров) за выкуп франков, возвращение Дамьетты их королю и десятилетнее перемирие между христианами и мусульманами Египта и Сирии - таковы были условия, которые Людовик был вынужден принять. Жуанвиль рассказывает, что эмиры султана были довольны тем, что приняли в качестве единственной гарантии только слово этого франкского принца, самого благородного христианина, которого, по их словам, они когда-либо видели на Востоке. Некоторые сарацины, по словам того же летописца, задумали предложить королю Людовику трон Египта (рис. 109), настолько большое уважение и почтение он им внушал.

Рис. 108. Святой Людовик и два его брата, Альфонс, граф Пуатье, и Карл, граф Анжуйский, взятые в плен сарацинами. Факсимиле гравюры на дереве в "Большом путешествии по Хиерусалему", напечатанном в Париже Франсуа Регно в 1522 году; лист. Библиотека М. Амбр. Фирмин-Дидо.

Людовик, вернув себе свободу, не хотел возвращаться во Францию, не испробовав все возможные средства, чтобы облегчить страдания Палестины или хотя бы освободить христианских пленников, которых неверные все еще удерживали. Он отправился с семьей сотнями рыцарей, которые все еще оставались под его началом, в Святую землю, и там, скорее путем примирения, чем силой, и проявив удивительную проницательность, ему удалось в некоторой степени восстановить престиж защитников креста. Он посвятил этому благому делу четыре года и согласился вернуться во Францию только после того, как узнал о смерти своей любимой матери. Он вернулся в Париж после шестилетнего отсутствия (1254 г.) с израненным и сломленным духом, "потому что, - говорит английский хронист Мэтью Парис, - через него беспорядки охватили христианство".

Рис. 109. Посланцы султана во главе с маленьким старичком, идущим на костылях, пришли обсудить условия выкупа с пленными христианами - миниатюра из "Кредо де Жоанвиля", рукописи конца XIII века, ранее хранившейся в Парижской национальной библиотеке, а теперь находящейся в Англии.

Палестина в 1268 году погрузилась в глубочайшее бедствие и запустение; те немногие города и крепости, которые оставались в руках восточных христиан, были разграблены и разбомблены мамлюками, которые в конце концов взяли Антиохию, где перебили семнадцать тысяч жителей, а еще сто тысяч продали в рабство (рис. 110). Эти страшные вести, которые двумя столетиями ранее вызвали бы всеобщее возмущение в христианстве, достигли Запада без особого волнения, в разгар политических неурядиц, будораживших большинство государств Европы. Но со времени своего возвращения во Францию Людовик Святой носил крест если не на одежде, то, по крайней мере, в сердце, и всегда лелеял надежду на осуществление мечты своей юности. "Плач несчастных восточных христиан, - говорится в старой хронике, - лишал его покоя, и он ощущал в себе глубокую душевную боль и страстное желание мученичества".

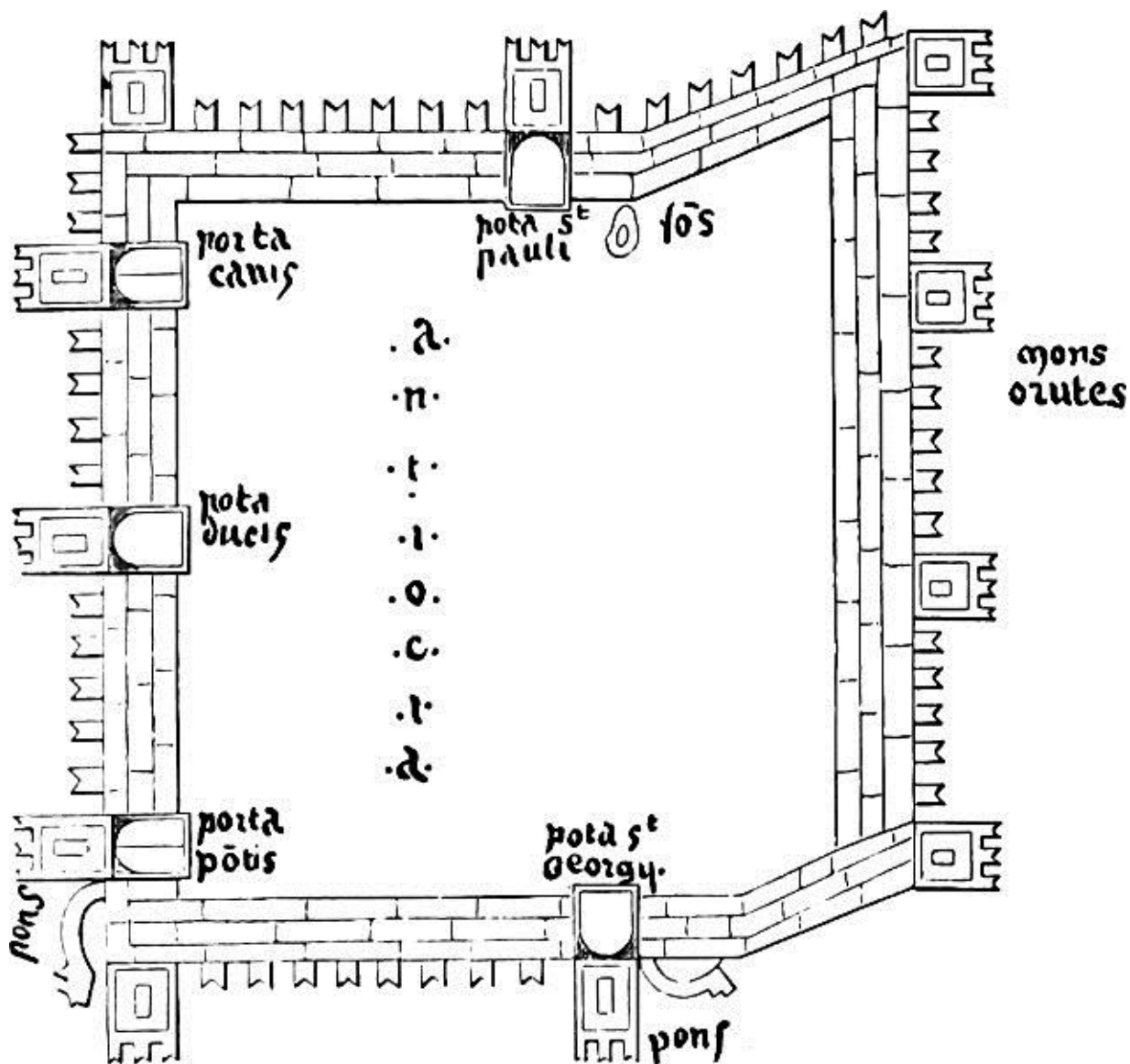

Рис. 110. План Антиохии XIII века с пятью воротами - Святого Павла, Пса, Герцога, Моста и Святого Георгия. Справа - гора Оронт; на переднем плане - море. Из рукописи XIII века, № 4 939, хранящейся в Парижской национальной библиотеке.

В связи с этим он созвал торжественный парламент, на котором объявил собравшимся вельможам о своем намерении предпринять новый крестовый поход. Поначалу многие были сильно удивлены и огорчены, думая, пишет сир де Жуанвиль, "что те, кто советовал это предприятие, совершили злое дело и смертный грех". Некоторые, правда, самые верные слуги короля открыто отказались присоединиться к его крестовому походу, но не из страха, а из благоразумия и с намерением, возможно, убедить его отказаться от рокового проекта; но большинство баронов и феодалов сочли невозможным противиться воле своего государя, а пример короля имел еще большую силу, чем его приказы. Крест приняли три его сына, графы Тулузский, Шампанский и Фландрский, а также его брат Карл Анжуйский, недавно возведенный на сицилийский престол, и многие другие принцы королевского дома Франции.

Подготовка к крестовому походу заняла три года, в течение которых Людовик Святой, надеясь убедить каждое христианское государство послать свои войска против неверных, делал все возможное, но безуспешно, чтобы положить конец политическим распрям, разделявшим королей и их подданных. В 1270 году он вместе со своими сыновьями и главными вельможами отправился в Сардинию, которая была определена как место встречи

крестоносцев. По прибытии туда было решено, что сначала следует атаковать Тунис. Французский хронист упоминает, что королю дали понять, что "Тунис оказывал большую помощь султану Каира, который очень вредил Святой земле, и бароны считали, что если этот корень зла, город Тунис, будет разрушен, то это принесет большую пользу христианству". Другие летописцы, и среди них Матвей Парижский, напротив, приводят более правдоподобный мотив экспедиции, а именно: король слышал, что мавританский правитель этой части побережья проявил склонность принять христианство и присоединиться к западным державам в их попытке завоевать Египет.

Рис. 111.- Высадка Святого Людовика в Карфагене - факсимиле гравюры на дереве в "Passaiges d'outremer:" small folio, Paris, 1518.

Как бы то ни было, крестоносный флот отплыл в Тунис, ведя за собой армию, измученную болезнями, пыл которой странным образом уже начал остывать. Мавры позволили христианам почти без сопротивления высадиться и овладеть Карфагеном (рис. 111), который превратился в простую деревню. Часть крестоносцев разместилась в руинах древнего карфагенского города, остальные расположились под палящим солнцем Африки, окруженные и преследуемые неверными, чья легкая кавалерия постоянно перестреливалась с ними. Вскоре в христианской армии, ожидавшей прибытия короля Сицилии и его войск, вспыхнула чума, и Людовик IX, и без того слабый здоровьем, сгорбленный преждевременной старостью и убитый горем из-за смерти одного из своих сыновей, подвергся нападению чумы.

Рис. 112. Святой Иоанн Капистранский, монах-францисканец, защищавший Белград от турок - с картины Бартоломмео Виварини, хранящейся в Лувре. Пятнадцатый век.

Как только в лагере стало известно об этом кульминационном несчастье, в нем воцарилось необычайное смятение и уныние, ведь все знали, что король был душой и жизнью экспедиции. Со своего больничного ложа, где он испытывал жесточайшие страдания, он все еще продолжал отдавать приказы с привычным для него спокойствием и мягкостью, но каждый час усиливал его слабость, каждый миг приближал его к концу. Как только он понял, что его смерть близка, он спокойно продиктовал сыну Филиппу свои последние наставления - наставления, которые справедливо назвали небесными; потом, стоя на коленях у постели, он принял крайнее елеосвящение, после чего, растянувшись на пепельном ложе в знак покаяния и смирения, с умоляющим взором, обращенным к небу, и со словами псалмопевца на устах "Господи, войду в храм Твой и прославлю имя Твое", он тихо испустил последний вздох (25 августа 1270 года).

Рис. 113.- Дон Жуан Австрийский, держащий абордажный топор в память о битве при Лепанто. С картины, приписываемой португальскому художнику Алонсо Санчесу Коэльо, хранящейся у М. Кардереры из Мадрида. Конец шестнадцатого века.

И с последним ударом этого великого и благородного сердца завершился восьмой крестовый поход, последний в героическом списке этих авантурных экспедиций, в которых так ярко проявились сила и влияние христианской веры. Потребовалось все личное влияние почитаемого монарха, чтобы вновь пробудить религиозный энтузиазм, оживить рвение и веру в обществе, которое становилось все более скептическим, если не более развращенным, по мере того как оно становилось все более цивилизованным, и которое меньше занималось духовными утешениями души, чем материальными удовольствиями тела. Никогда больше скипетр Франции не переходил в такие святые руки, никогда больше ореол мученической славы не озарял ее корону. Правда, не раз после смерти Людовика Святого призыв к крестовому походу звучал с папской кафедры и с помоста зала совета, но никогда не находил отклика в сердце ни принца, ни крестьянина. Тем не менее в двух последующих случаях голоса, столь же убедительные, как у Петра Отшельника и монаха из Клерво, попытались вновь пробудить народный энтузиазм. В середине XV века, когда Магомет II, владыка Константинополя, уверенно продвигался вперед, чтобы завоевать Запад, Иоанн Корвин, вайвод Трансильвании, более известный под именем Гуниадес, поставил себя во главе крестоносцев, которых собрали красноречивые призывы святого Иоанна Капистрана (рис. 112). Увлеченные энтузиазмом этого человека Божьего, который с распятием в руках проникал в ряды в самый горячий момент схватки, крестоносцы показали

себя достойными своего героического вождя Гуниадеса. В конце напряженной борьбы турки были обращены в бегство, Белград остался в руках христиан, а надменный Магомет II был ранен и поспешно покинут своими сторонниками.

Ближе к концу XVI века король Испании и итальянские князья договорились с папой Пием V и венецианцами о крестовом походе для защиты христианской Европы от турок. Дон Хуан Австрийский (рис. 113), назначенный Пием V главнокомандующим войсками, одержал 7 октября 1571 года ту грандиозную победу, в которой турки потеряли тридцать тысяч человек и двести двадцать четыре корабля, что уничтожило их военно-морское превосходство и спасло Европу. Но тем временем Святая Земля снова попала под иго неверных, и вскоре не осталось и следа от тех заморских княжеств, которые дворяне-крестоносцы основали в Архипелаге и Малой Азии и которые на короткое, очень короткое время казались такими процветающими; вскоре не осталось даже названия эфемерного Иерусалимского королевства, ради создания которого народы Европы на протяжении почти двух веков пролили столько крови, отдали столько богатства и проявили столько героизма.

Тем не менее, результатом крестовых походов стал полный переворот в нравах и обычаях западных народов; подавление рабства, основание свободных городов, отчуждение и раздел феодальных земель, развитие общинного строя - таковы были непосредственные последствия огромной эмиграции людей, отправившихся сражаться и умирать в Палестину. Дворяне перестали вести вечные частные распри, рыцарство приобрело регулярный и торжественный характер, уменьшились судебные поединки, умножились религиозные ордена, со всех сторон стали появляться благотворительные учреждения. Умы людей становились все более просвещенными, а их манеры смягчались под влиянием растущего распространения науки, искусства и литературы. Право, естественная история, философия и математика пришли к ним по прямой линии от греков и арабов; новая литература, изобилующая поэтическими жемчужинами, возникла одновременно благодаря воображению трубадуров, менестрелей и миннезингеров; Искусство, особенно изящные искусства, архитектура, живопись, скульптура и вышивка, начали раскрывать свои тысячи чудес; промышленность и торговля умножили во сто крат общественное богатство, которое в свое время казалось почти поглощенным разорительными экспедициями; военное искусство, так же как и искусство навигации, сделало огромные шаги в направлении прогресса.

Рис. 114.- Штурм укрепленного места - из миниатюры в "Истории круассадов" Гийома де Тира, рукопись XIII века, хранящаяся в библиотеке мсье Амбр. Фирмин-Дидо.

РЫЦАРСТВО.

ДУЭЛИ И ТУРНИРЫ.

Происхождение рыцарства.- Его различные характеристики.- Рыцарская галантность.- Рыцарство и дворянство.- Его отношения с церковью.- Воспитание дворянских детей.- Поединки.- Рыцарские упражнения.- Преследователи по оружию.- Суды и трибуналы любви.- Воспитание рыцарей.-Деграция рыцарей.-Судебные поединки.-Судебные испытания.-Феодалы чемпионы.-Места сражений.-Церковь запрещает поединки.-Турниры, изобретенные сиром де Прей в X веке.-Оружие, необходимое на турнире.-Тилт.-Списки.-Участие дам.-Книга короля Рене.

Слово "рыцарство", по мнению мсье Филарета Шасле, чьи гениальные суждения мы часто заимствуем, выражает смесь манер, идей и обычаев, свойственных Средним векам Европы, аналогов которым не найти в летописях человечества.

Рис. 115.- Король Артур под защитой Девы сражается с великаном. Факсимиле гравюры на дереве в "Chroniques de Bretagne" Алена Бушара; 4to, Paris, Galliot du Pré, 1514.

Эдды, Тацит и дано-англосаксонские поэмы Беовульфа содержат единственные положительные документы, касающиеся происхождения рыцарства. Оно достигло своего апогея вскоре после возникновения и постепенно сошло на нет к концу тринадцатого века. В этот период дамы заняли очень видное положение; они вооружали рыцарей, вручали рыцарские ордена и почетные награды. Именно под влиянием идей, свойственных этой эпохе, Данте написал свою великую поэму, "с единственной целью, - по его словам, - прославить Беатриче Портинари", ребенка одиннадцати лет, которого он случайно увидел в церкви. Именно в это время суабские рыцари, захваченные варварскими венграми, которые имели привычку убивать своих врагов огромными луками и стрелами, обратились к ним с просьбой "во имя дам" взять в руки меч, чтобы сражаться "более цивилизованным способом". Но вскоре рыцарство стало приходить в упадок и как институт, и как доктрина. Фруассар с живописной живостью характеризует и описывает эту тенденцию к упадку, которая с течением времени постепенно привела к полному преобразованию, так что рыцарский идеал был утрачен, и независимость солдата, некогда раба только своего Бога и своей дамы, уступила место покорности придворного, и, наконец, превратилась в эгоистичное и жалкое раболепие.

В эти разные эпохи органической трансформации рыцарство постоянно видоизменялось в соответствии с особыми тенденциями каждого народа. В Тюрингии и Саксонии, в Ирландии и Норвегии оно дольше, чем где-либо еще, сопротивлялось растущему влиянию христианства. Полуязычество проявляется в некоторых отрывках "Нибелунгов", немецкой эпической поэмы XIII века, в которой грубый отпечаток древнего тевтонизма все еще ясен и отчетлив. Между седьмым и одиннадцатым веками следы этого грубого происхождения все еще сильно проявлялись у франков, чья храбрость заключалась в том, чтобы проливать свою кровь, ничего не бояться и никого не щадить. Жажда крови была неведома на юге Европы; там нравы людей были приветливы и мягки, и уже в XI веке рыцарская галантность регулировалась установленными законами и породила утонченную и изысканную поэтическую школу. Из Прованса этот дух галантности и поэзии проник в Италию и Сицилию, где варварские тевтонские рыцари так часто становились объектом насмешек. Постепенно, однако, немецкое рыцарство подверглось южному влиянию. Миннезингеры по мере сил смягчали тевтонский язык, чтобы он мог повторять более мягкие песни провансальской музыки, а легкие, но живые фантазии трубадуров обретали в немецких стихах нежную меланхолию и зачастую метафизическое изящество. В Великобритании, где реальное всегда затмевало идеальное, рыцарство оставалось холодным, феодальным и аристократическим, в то время как ему страстно поклонялись испанцы, эти благородные и рыцарственные потомки готов и иберов, чья борьба с арабами была одним длинным турниром, продолжавшимся более семи веков (рис. 116). В религиозных странах рыцарство приобрело черты монашества; у народов с веселым и жизнерадостным нравом оно граничило со сладострастием и развратом. Альфонсо X., король Леона и Кастилии, заставил своих подданных подчиниться монашескому уставу, предписал им форму одежды, а также способ проведения времени. В Провансе рыцарство снисходительно относилось к незаконной любви и высмеивало брак.

По сути, рыцарство было братским союзом или, скорее, восторженным союзом людей, обладающих чувством и мужеством, деликатностью и преданностью; такова, по крайней мере, была благородная цель, которую оно преследовало и к которой постоянно стремилось (рис. 117).

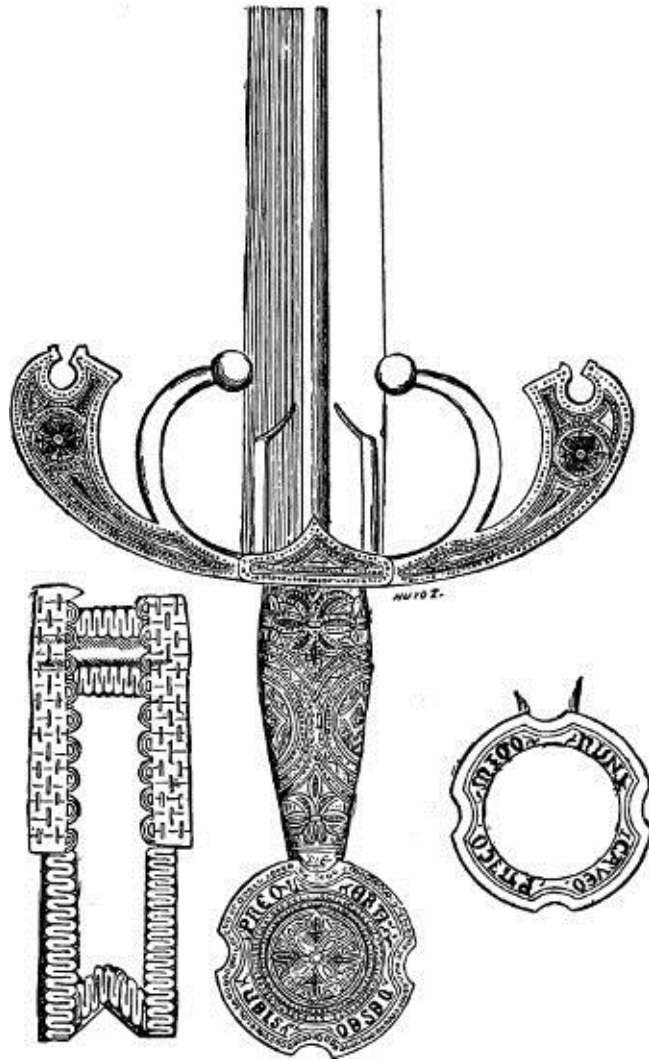

Рис. 116. Меч Изабеллы Католической. На эфесе имеется следующая надпись, частично на испанском и частично на латыни: "Я всегда желаю чести; теперь я наблюдаю, мир со мной" ("Deseo sienpre onera; nunc caveo, pax con migo").- Из "Мадридской реальной армии", издание М. Ach. Хубинала.

Как бы ни были похвальны его мотивы и намерения, рыцарство не было благосклонно воспринято всеми. В своем феодальном аспекте оно было неприятно государям, которые постоянно пытались создать рядом с ним, а иногда и выше него, дворянство меча, индивидуальное и личное звание, которое не могло передаваться от отца к сыну (рис. 118). Так, Филипп ле Бель, нуждаясь в солдатах после того, как фламандцы уничтожили его рыцарство, то есть дворянство, попытался немедленно заменить его, приказав принимать в рыцарский орден старшего из двух сыновей злодея и двух старших из трех сыновей. Таким образом Фридрих Барбаросса посвящал в рыцари крестьян, проявивших личную храбрость на поле боя.

Рис. 117.- Рыцарство, представленное аллегорическими фигурами. Факсимиле медной пластины в испанском переводе "Делиберативного шевалье" Оливье де ла Марша: 4to, Salamanca, 1573.

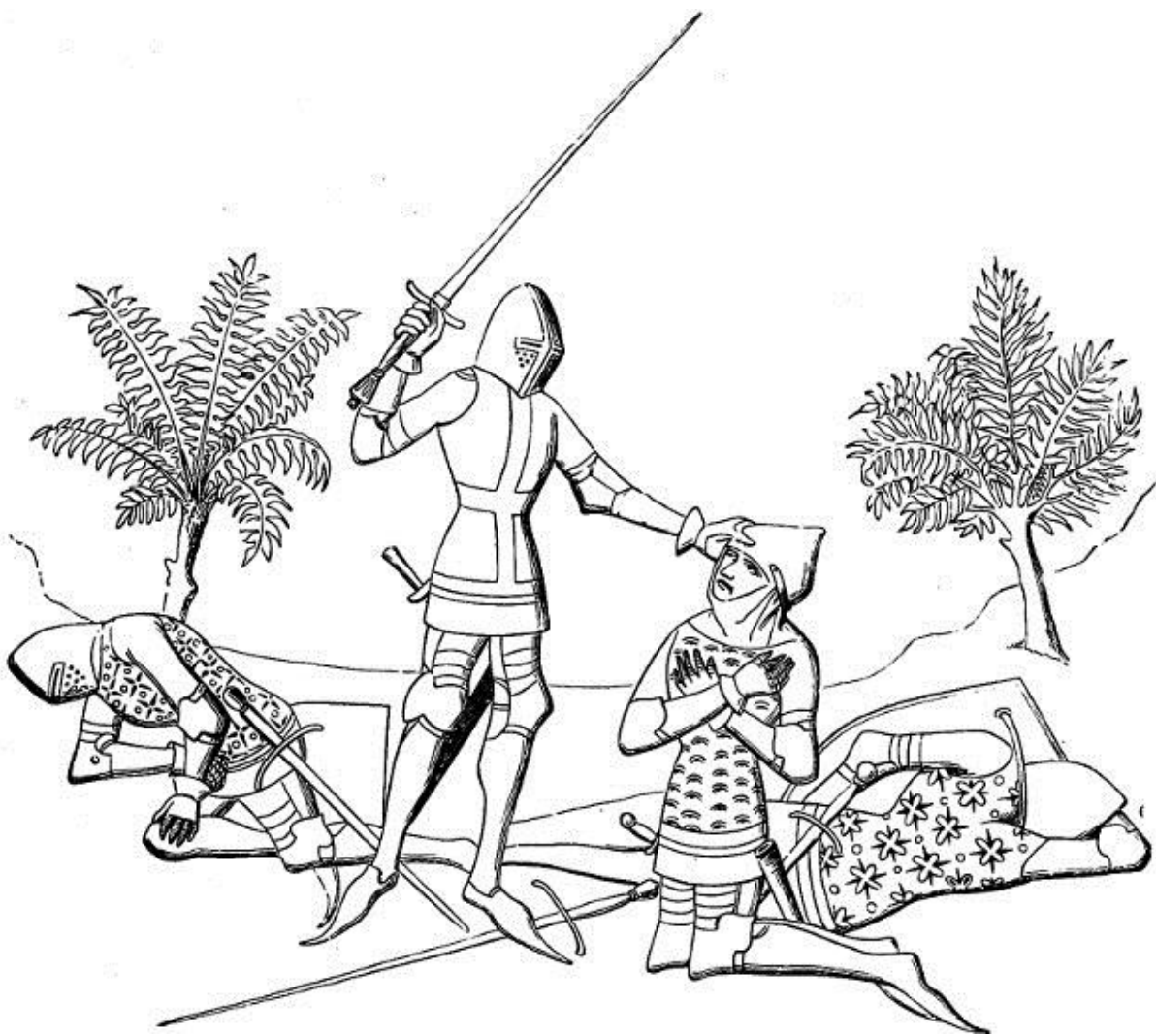

Рис. 118.- Присвоение рыцарства на поле боя - роман "Ланселот дю Лак", рукопись из Национальной библиотеки Парижа (XIII в.).

Что касается церкви, то она довольствовалась тем, что предостерегала рыцарей от слишком воинственного духа и по мере возможности прививала им чувства христианского милосердия; фактически, рыцари часто считались разновидностью левитов. "Между обязанностями рыцаря и священника было большое сходство", - говорится в "Кавалерском ордене"^[10]. Отсюда следует, что священник был "героем веры", а рыцарь - "пontiфиком истинной чести". Отсюда и название *орден*, или *посвящение*, которое дается рыцарскому посвящению. В XVI веке испанский рыцарь дон Игнатио де Лойола, прославившийся как основатель ордена иезуитов, стал рыцарем Девы Марии и торжественно вступил на службу Богу, согласно древнему обычаю, держа *veillée des armes*^[11] перед священным образом Матери Христовой.

Церковь, хотя и стремится к сохранению мира и испытывает ужас перед кровопролитием, никогда не запрещала законные войны, и поэтому добрый король Людовик Святой никогда не боялся на поле боя вонзить меч по самую рукоять в сердце своего врага. А церковь, одобряя как благородный характер, так и энтузиазм рыцарства, всегда старалась сдерживать его более романтические и воинственные наклонности. Ее мирный и милосердный дух выражен в торжественном благословении на рыцарский меч, которое мы берем из "Понтификала": "Святейший Господь, - сказал прелат, - всемогущий Отец, вечный Бог, который один предписывает и распоряжается всеми вещами; который, чтобы сдержать

злобу нечестивых и защитить справедливость, по мудрому решению разрешил людям на этой земле пользоваться мечом и завещал учредить военный орден для защиты Твоего народа; Ты, который устами трижды благословенного Иоанна сказал воинам, пришедшим искать его в пустыню, чтобы они никого не притесняли, но довольствовались своим жалованьем, - мы смиренно умоляем Тебя, Господи, о милости. Это Ты дал рабу Твоему Давиду победить Голиафа, а Иуде Маккавею - одержать победу над народами, не поклонявшимися Тебе; так и этому рабу Твоему, пришедшему склонить голову под военное иго, даруй силу и мужество для защиты веры и справедливости; даруй ему возрастание веры, надежды и милосердия; внуши ему страх и любовь Твою; дай ему смирение, настойчивость, послушание и терпение; сделай его расположение во всем таким, чтобы он не мог ранить никого несправедливо ни этим мечом, ни каким-либо другим, но чтобы он использовал его для защиты всего справедливого и всего правильного."

Епископ передал обнаженный меч новому рыцарю со словами: "Прими этот клинок во имя Отца, и Сына, и Святого Духа и используй его для своей защиты и для защиты Святой Божьей Церкви, а также для посрамления врагов Креста Христова и христианской веры; и насколько позволяет человеческая слабость, не рани им никого несправедливо". Новоиспеченный рыцарь поднялся, взмахнул мечом, вытер его о левую руку и вложил в ножны. Затем прелат дал ему поцелуй мира, сказав: "Мир тебе". Затем обнаженным мечом в правой руке он трижды ударил рыцаря по плечам, сказав: "Будь мирным, храбрым и верным воином". После этого остальные присутствующие рыцари надели ему шпоры (рис. 119), а епископ сказал: "Доблестный воин, ты, превосходящий красотой сынов человеческих, опоясался мечом по бедру твоему".

Рис. 119.- Вооружение рыцаря; пока ему надевают шпоры, принц пристегивает меч к боку - из рукописи XIII века, хранящейся в Британском музее.

Сын знатного или даже простолюдина, предназначенный для рыцарского звания, в семь лет забирался из-под опеки женщин, которые, однако, никогда не позволяли ему достичь этого возраста, не внушив ему таких чувств добра и доблести, которые должны были управлять его поведением всю оставшуюся жизнь. Затем его вверяли мужчинам, для которых он становился не только учеником, но и слугой, ибо, как говорится в "Кавалерском ордене", "прежде чем управлять, ему следует научиться повиноваться, ибо в противном случае он не оценит благородства своего звания, когда станет рыцарем". Более того, рыцарский кодекс, не доверявший предрассудкам и слабостям отцовской привязанности, требовал, чтобы "каждый рыцарь отдавал своего сына на службу какому-нибудь другому рыцарю". Эти юные послушники, особенно если они принадлежали к знатной и почтенной семье, всегда находили множество княжеских дворов, сеньориальных домов, поместий и замков, чтобы принять их, которые были, так сказать, общественными школами рыцарства. Кроме того, существовали госпитали, основанные и содержащиеся богатыми и щедрыми дворянами, подобно колледжам Парижского университета; этими госпитальями управляли старые рыцари без семьи и состояния, которые не считали зазорным принимать не денежное жалованье, а пенсию в виде дома с пансионом, в котором можно было содержать своего рода рыцарскую школу для юношей, обещавших в будущем оказать услугу этому заведению.

Этих юношей называли пажами, варлетами и дамуазо, и они выполняли при своих господах и госпожах самые скромные и самые домашние обязанности: они следовали за ними в их путешествиях и в погонях; они составляли часть их свиты в торжественных случаях; они писали их письма и разносили их послания; они ждали их во время трапезы, резали их блюда и наливали их напитки.

В глазах даже тех дворян, которые очень ревностно относились к своему рождению и имени, в этом временном и случайном рабстве не было ничего унижительного или оскорбительного, и единственным его следствием было еще более тесное скрепление уз уважения, послушания и симпатии, которые связывали юношу с его приемными родителями, а претендента на рыцарство - с его господином и учителем. Последний ни в коем случае не пренебрегал нравственным и религиозным воспитанием неофита; первые же уроки, которые он получил, научили его не только любить Бога, но и уважать женщин.

Как только молодой паж приобрел достаточно опыта и проницательности, чтобы самостоятельно ориентироваться в хитросплетениях рыцарской жизни, ему было велено выбрать себе идеальную государыню из числа знатных и прекрасных дам аристократического мира, который он часто посещал, своего рода земное божество, которому он должен был поклясться служить и перед которым отныне должен был отчитываться за все свои мысли и поступки, относясь к ней при этом со всей деликатностью и преданностью, которые, как показывал пример окружающих его людей, ей причитаются.

Прежде всего, его научили почитать благородный характер рыцарства и уважать в лицах рыцарей, составлявших этот институт, достоинство, к которому стремился он сам. Поэтому, ведомые свойственным молодым инстинктом подражания, пажи по привычке играли в то, что делали рыцари. Они упражнялись в обращении с копьем и мечом, играли в поединки, нападения и дуэли между собой. Возбужденные подражанием, они жаждали чести прослужить храбрецами, надеясь, что, если они достигнут своего желания, это приведет к тому, что они поступят на службу к какому-нибудь знатному человеку или будут возведены в ранг эсквайра.

Когда молодые люди отказывались от положения пажей, чтобы стать эсквайрами, а это событие никогда не происходило до четырнадцати лет, их смена социального положения отмечалась религиозной церемонией, которую церковь назначила для того, чтобы освятить

их рыцарское призвание и освятить использование оружия, которое им отныне суждено было носить. Стоя у алтаря и окруженный ближайшими родственниками, юный послушник принимал из рук священника освященный меч, обещая всегда использовать его в интересах религии и чести. Затем новоиспеченному эскавиру отводилось более высокое положение в семье его господина или госпожи. Его допускали на частные собрания, он принимал участие во всех ассамблеях и государственных церемониях, и теперь в его обязанности входило руководить приемом, то есть регулировать законы этикета, касающиеся иностранных вельмож, посещавших двор его господина.

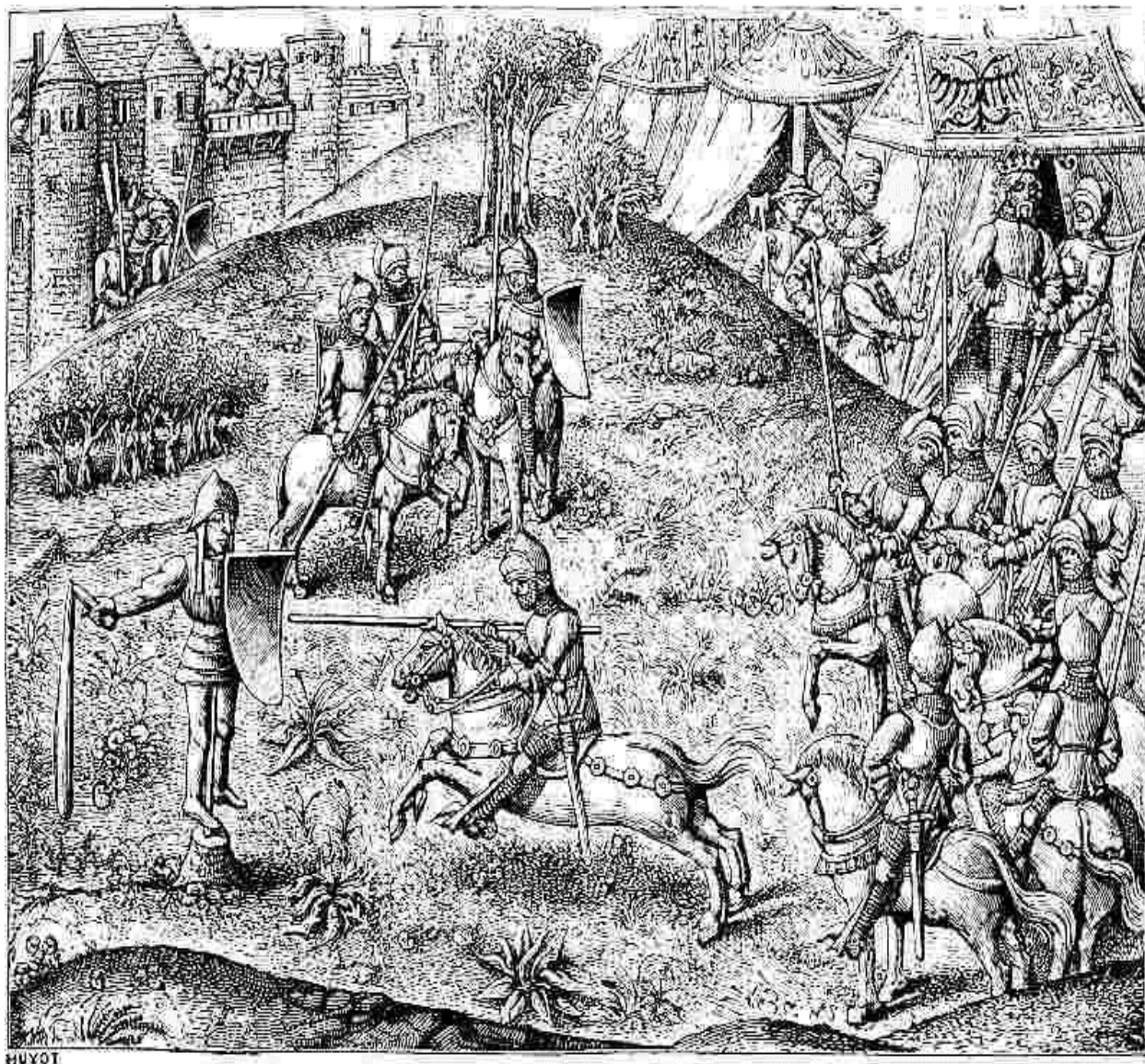

Рис. 120. Игра в квинтайн: наклон к квинтайну (вращающемуся чучелу рыцаря) - факсимиле миниатюры в "Хрониках Карла Великого" (XV век). Бургундская библиотека, Брюссель.

Отрывок из истории Бусико, маршала Франции времен правления Карла VI, даст представление о трудоемком и тяжелом существовании молодого оруженосца, стремившегося стать достойным рыцарем: "Облачившись в доспехи, он упражнялся в прыжках на спину лошади; затем, чтобы приучить себя к долголетию и выносливости, он ходил и пробегал большие расстояния пешком, или упражнялся в нанесении многочисленных и сильных ударов боевым топором или молотом. Чтобы приучить себя к тяжести доспехов, он делал кувырки, будучи облаченным в полный почтовый костюм, за исключением шлема, или энергично танцевал в стальной рубашке; он клал одну руку на лук

седла высокого возницы, а другую - на его шею, и перепрыгивал через него..... Он взбирался между двумя перпендикулярными стенами, отстоящими друг от друга на четыре или пять футов, одним лишь давлением рук и ног, и таким образом достигал вершины, даже если она была высотой с башню, не отдыхая ни при подъеме, ни при спуске..... Когда он был дома, то вместе с другими молодыми эсквайрами упражнялся в метании копий и других воинских упражнениях, и так постоянно".

Помимо всего этого, эсквайр, желающий должным образом выполнять свои обязанности, должен был обладать рядом физических качеств, большим разнообразием талантов и способностей, а также не ослабевающим рвением. При дворе, как и в крупных сеньориальных домах, существовали различные классы или категории эсквайров, выполнявших совершенно разные обязанности, которые в менее важных семьях возлагались на одного и того же человека. Первым по значимости был телесный эсквайр, или почетный эсквайр; затем камер-эсквайр, или камергер; резной эсквайр, конюший эсквайр, чашечный эсквайр и т. д. - все это отдельные персоны, имена которых достаточно точно указывают на их обязанности.

Нет необходимости напоминать, что эсквайры, помимо домашних обязанностей, ожидаемых от них в доме хозяина, должны были особенно демонстрировать свою бдительность и мастерство в работе на конюшне - обязанности, которые, как метко замечает один историк, должны были быть благородными, поскольку военная аристократия никогда не сражалась иначе, как верхом. В обязанности всех первых эсквайров входило запрягать лошадей своего господина и обучать младших эсквайров порядку работы в конюшне. Обязанности по уходу за оружием и доспехами возлагались на другой класс эсквайров. Можно добавить, что, поскольку каждый сеньориальный замок был одновременно и крепостью, большинство эсквайров в дополнение к другим своим обязанностям должны были выполнять некоторые военные функции, аналогичные тем, что практикуются в регулярных крепостях, такие как обход, караулы, дозоры и т. д. (рис. 121).

Когда их господин садился на лошадь, его оруженосцы делили между собой честь помогать ему; одни держали стремя, другие несли различные части его доспехов, такие как наручи, шлем, щит, перчатки и т. д. Когда рыцарь просто отправлялся на прогулку или в путешествие, он обычно ехал на трезвом коне, который назывался *palfrey*, но когда он собирался выйти в поле, один из его оруженосцев вел по правую руку от него (откуда и название *destrier*, данное этому виду коня) зарядный ящик или высокую лошадь, на которую рыцарь садился только в последний момент. Отсюда выражение "сесть на высокого коня", ставшее пословицей.

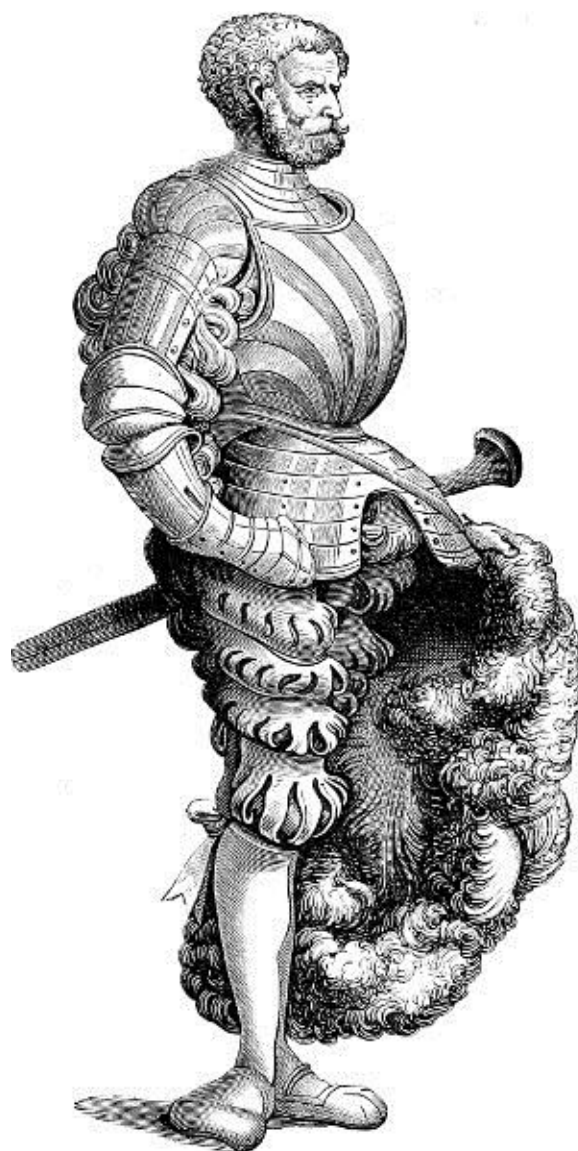

Рис. 121. Немецкий рыцарь, гравюра Бургмайера по эскизам Альберта Дюрера, взята из сборника "Vita Imperatoris Maximiliani" (XV век).

Как только рыцарь решался сесть на своего возницу, его оруженосцы приступали к его вооружению, то есть прочно скрепляли все различные части доспехов на его теле с помощью ремней, прикрепленных к металлическим пряжкам для этой цели; и можно хорошо представить себе, что не требовалось ни малейшего внимания, чтобы правильно отрегулировать столь громоздкий и сложный стальной или железный корпус; небрежность оруженосца, действительно, часто становилась причиной смерти его господина.

Когда происходила одиночная схватка, эскавайры, встав позади своего лорда, несколько мгновений оставались безучастными зрителями поединка, но как только он начинался, они принимали участие в схватке. Следя за малейшим движением, малейшими сигналами своего господина, они были готовы оказать ему косвенную, но действенную помощь, если он достигнет какого-либо преимущества, не становясь при этом сами агрессорами, чтобы обеспечить его победу; если рыцаря сбрасывали с коня, они помогали ему снова сесть, приводили ему свежую лошадь, отражали удары, направленные на него; если он был ранен и находился без сознания, они делали все возможное, рискуя собственной жизнью, чтобы унести его, пока он не был зарублен на месте. Кроме того, именно своим эскавайрам удачливый рыцарь доверял заботу о пленниках, взятых им на поле боя. Иными словами,

эскавайры, не участвуя сами в сражениях, что запрещено рыцарским кодексом, должны были проявлять величайшее рвение, величайшее мастерство и величайшую храбрость, а значит, в их силах было внести существенный вклад в успех своего господина.

Однако долгого послушничества и осознания склонности к военной карьере не всегда было достаточно, чтобы эскавайр получил звание рыцаря. В промежуточном звании *преследователя при оружии* ему часто приходилось путешествовать по чужим странам либо в качестве признанного посланника какого-нибудь принца или знатного вельможи, либо просто в качестве обычного путешественника, присутствовать на рыцарских играх и турнирах, не принимая в них участия; таким образом он приобретал, постоянно общаясь с выдающимися воинами и высокородными дамами, глубокие технические знания военного дела и близкое знакомство со всеми изящными тонкостями вежливости.

Таким образом, преследователи-оруженосцы разъезжали повсюду: в один день их торжественно принимали при дворе могущественного вельможи, в другой - просто развлекали в скромной усадьбе бедного джентльмена; где бы они ни находились, они вели себя благородно и словом, и делом, неукоснительно соблюдая заповеди чести и добродетели, показывая себя благородными, храбрыми и преданными, и искали любую возможность доказать, что они достойны занять место среди благородных рыцарей, чьи деяния и имена были предметом постоянной и всеобщей похвалы.

Случай не позволял им направлять свои странствия и авантюры, они стремились к самым известным княжеским и сеньориальным дворам, где непременно встречались с самыми высокими традициями рыцарства; они считали себя счастливыми, когда им удавалось поклониться какому-нибудь герою, прославившемуся своими ратными подвигами, или вызвать улыбку у какой-нибудь дамы, прославленной своей красотой и достоинством.

Рис. 122. Граф Артуа, приехавший из Арраса, чтобы принять участие в турнире в Булони, представляется в замке графа Булонского и принимается графиней и ее дочерью - факсимиле миниатюры в "Livre du très-chevalereux Comte d'Artois et de sa Femme", рукопись Барруа (XV век).

Рис. 123. Рыцарь отправляется на войну. "Il prist le dur congïé de sa bonne et belle femme, en si grans pleurs et gémissemens qu'elle demoura toute pasmée" ("Он прощался со своей доброй и прекрасной женой с такими слезами и стонами, что она готова была упасть в обморок").-Факсимиле миниатюры в "Livre du très-chevalereux Comte d'Artois et de sa Femme", рукопись Барруа (XV век).

И хотя первыми обязанностями, прививаемыми каждой юной претендентке, были совершеннейшее уважение и учтивость по отношению к дамам, следует признать, что образование, получаемое первыми, было рассчитано на то, чтобы сделать их во всех отношениях достойными такого почтения. Чтобы подготовить дам к той королевской роли, которую им было суждено сыграть в рыцарском мире, их с детства учили практиковать все добродетели, лелеять все благородные чувства и вообще подражать достоинству, которого требовали социальные привилегии их ранга. Они были щедры на проявления доброты и любезности по отношению к рыцарям, друзьям или незнакомцам, которые входили в ворота их замков (рис. 122 и 123); по возвращении рыцаря с турнира или сражения они своими руками расстегивали его доспехи, готовили духи и чистое белье для его ношения, одевали его в парадное платье, в мантию и шарф, которые сами вышивали, готовили ему ванну и ждали его за столом. Предназначенные стать женами тех же рыцарей, которые часто посещали их дома, они делали все возможное, чтобы привлечь к себе их внимание своим скромным поведением и сделать себя любимыми благодаря любезности и вниманию,

которые они им оказывали. Они с восхищением и нежностью реагировали на смелость и отвагу рыцарей, которые искали славы только для того, чтобы положить ее к ногам своих господ, и не просили ничего лучшего, чем быть подвластными нежному влиянию красоты, грации и добродетели.

Так, например, в Провансе с XI по XIV век самые могущественные дворяне смиренно подчинялись во всем, что касалось сердца, постановлениям судов или *трибуналов любви*, своего рода женских ареопагов, которые проводились с большой церемонией в определенные дни и на которых дамы, наиболее выдающиеся по рождению, красоте, уму и знаниям, собирались, чтобы обсудить, публично или при закрытых дверях, с должной серьезностью и торжественностью, деликатные вопросы галантности, которые в те дни считались очень важными. Эти суды любви, которые, по-видимому, были регулярными и постоянными учреждениями в двенадцатом веке, имели особый кодекс, в соответствии с которым выносили более или менее строгие приговоры; но этот кодекс не дошел до наших дней, и мы располагаем лишь его набросками, переданными в комментариях юридических писателей пятнадцатого века. Дела в этих судах иногда решались на основе письменных доказательств, иногда сторонам разрешалось лично присутствовать на заседании. Среди знаменитых женщин, которые в разные эпохи и в разных местах председательствовали на этих романтических заседаниях, можно назвать прекрасную Элеонору Аквитанскую, королеву Франции, а затем Англии; Сибиллу Анжуйскую, которая вышла замуж за Тьерри, графа Фландрии; графиню Ди, прозванную Сафо Франции; и знаменитую Лауру или Лауретту Садскую, которую Петрарка, выбравший ее в качестве дамы своей любви, увековечил в своих стихах.

Но вернемся к эсквайру, который остался проходить свое трудоемкое послушничество. Когда он, наконец, выполнил все многочисленные требования, ему была вручена рыцарская инвеститура - символическая церемония, как и все, что составляло рыцарский сан, но более серьезная и торжественная, чем остальные.

Мы уже говорили, что слово "ординация" (*ordène*) подразумевает, что вооружение рыцаря было своего рода священной церемонией. Сохранилось очень любопытное стихотворение под названием "Кавалерский орден" (*L'Ordène de Chevalerie*). Ее автор, Гюг де Табари или де Тибериад, взял на себя труд объяснить все формы инвеституры. Чтобы сделать свои объяснения более понятными, Гюг де Тибериад представляет себя перед претендентом, совершенно не знающим всех рыцарских обычаев: он притворяется, что султан Саладин, чьим пленником он является, заставил его вручить ему рыцарский орден. Первое, что делает Гюг, - приказывает ему расчесать волосы и бороду и тщательно вымыть лицо.

ТЕКСТ.

Caviaus et barbe, et li viaire
Li fist appareiller moult bel;
Ch'est droit à chevalier nouvel.
Puis le fist en un baing entrer.
Lors li comenche à demander
Le soudan, que che senifie.

ПЕРЕВОД.

Его волосы, бороду и лицо
Он заставил его тщательно привести в порядок;
Это обязанность нового рыцаря.
Затем он заставил его войти в ванну.
Тогда султан стал спрашивать.
Что все это значит.

"Сир, - отвечает Гюг, - подобно младенцу, который выходит из купели очищенным от первородного греха...

"Сир, все, что вы хотите.
Issir, sanz nule vilounie
De ce baing, car chevalerie
Si doit baingnier en honesté,
En courtoisie et en bonté
Et fere amer à toutes gens."

"Сир, именно так вы должны
Выйти без единого пятнышка
Из этой ванны; ибо рыцарство
Должно быть облечено в честность,
вежливостью и добротой,
И сделать себя любимым всеми".

"Клянусь великим Богом, - говорит Саладин, - это прекрасное начало!" "А теперь, - отвечает Гуго, - выйди из ванны и откинься на эту большую кровать. Это эмблема того, что ты получишь в раю, ложе покоя, которое Бог дарует своим последователям, храбрым рыцарям". Вскоре после этого, одевая его с головы до ног, он говорит: "Белоснежная льняная рубашка, в которую я тебя одеваю и которая касается твоей кожи, призвана научить тебя, что ты должен беречь свою плоть от всяких пятен, если хочешь достичь небес. Эта пунцовая мантия указывает...

"Que votre sanc devez épancre
Pour Dieu servir et hounorer;
Et pour défendre Sainte Eglise;
Car tout chou doit chevalier faire,
S'il veust à Dieu de noient plaire;
Ch'est entendu par le vermeil.

"Что ты должен пролить свою кровь
Чтоб служить и чтить Бога;
И защищать святую Церковь;
Ибо все это должен делать рыцарь.
Если он хочет угодить Богу";
Таково значение пунцового цвета.

"Эти колготки из коричневого шелка своим мрачным оттенком призваны напомнить вам
О...

(ТЕКСТ.)

"La mort, et la terre où gisrez,
Dont venistes, et où irez.
A chou doivent garder votre œil;
Si n'enkerret pas en orguel,
Car orgueus ne doit pas régner
En chevalier, ni demorer.
A simpleche doit toujours tendre.

(ПЕРЕВОД.)

"Смерть и земля, где ты упокоишься,
Откуда ты пришел и куда вернешься;
Вот что вы должны держать перед глазами;
Так вы не впадете в гордыню,
Ибо гордость никогда не должна управлять
рыцарем и не должна царить в нем.
Смирение всегда должно быть его целью.

"Этот белый пояс, который я надеваю на твои чресла, должен научить тебя хранить свое тело в чистоте и избегать роскоши. Эти две золотые шпоры должны подстегнуть твоего коня; подражай его пылкости и покорности, и как он повинуется тебе, так и ты будь послушен Господу. Теперь я прикрепляю твой меч к твоему боку; поражай врагов своих острием, не давай бедным быть раздавленными богатыми, слабым - угнетенными сильными. Я надеваю на твою голову чистый белый *платок*, чтобы показать, что и душа твоя должна быть чистой".

Каждый преследователь прекрасно понимал смысл рыцарского посвящения. Бдение с оружием, строгие посты, три ночи, проведенные в молитве в одинокой часовне, белые одежды неопита, освящение его меча перед алтарем - всего этого было достаточно, чтобы доказать новичку всю серьезность обязательства, которое он заключал под эгидой религии. Наконец был назначен день великой церемонии, и неопит, прослушав мессу на согнутых коленях и с мечом, который он еще не получил права пристегивать к боку, подвешенным к

шее, получал из рук какого-нибудь знатного человека или знатной дамы шпоры, шлем, кирасу, перчатки и меч. Церемония завершалась *коленом*, то есть, прежде чем вручить рыцарю меч, он ударял его по плечу его плоской стороной, а затем давал ему эту *похвалу* в знак братского усыновления. Затем новоиспеченному рыцарю подносили его щит, копье и колесницу, и он был свободен начать карьеру славы, преданности и борьбы, к которой он стремился столько лет.

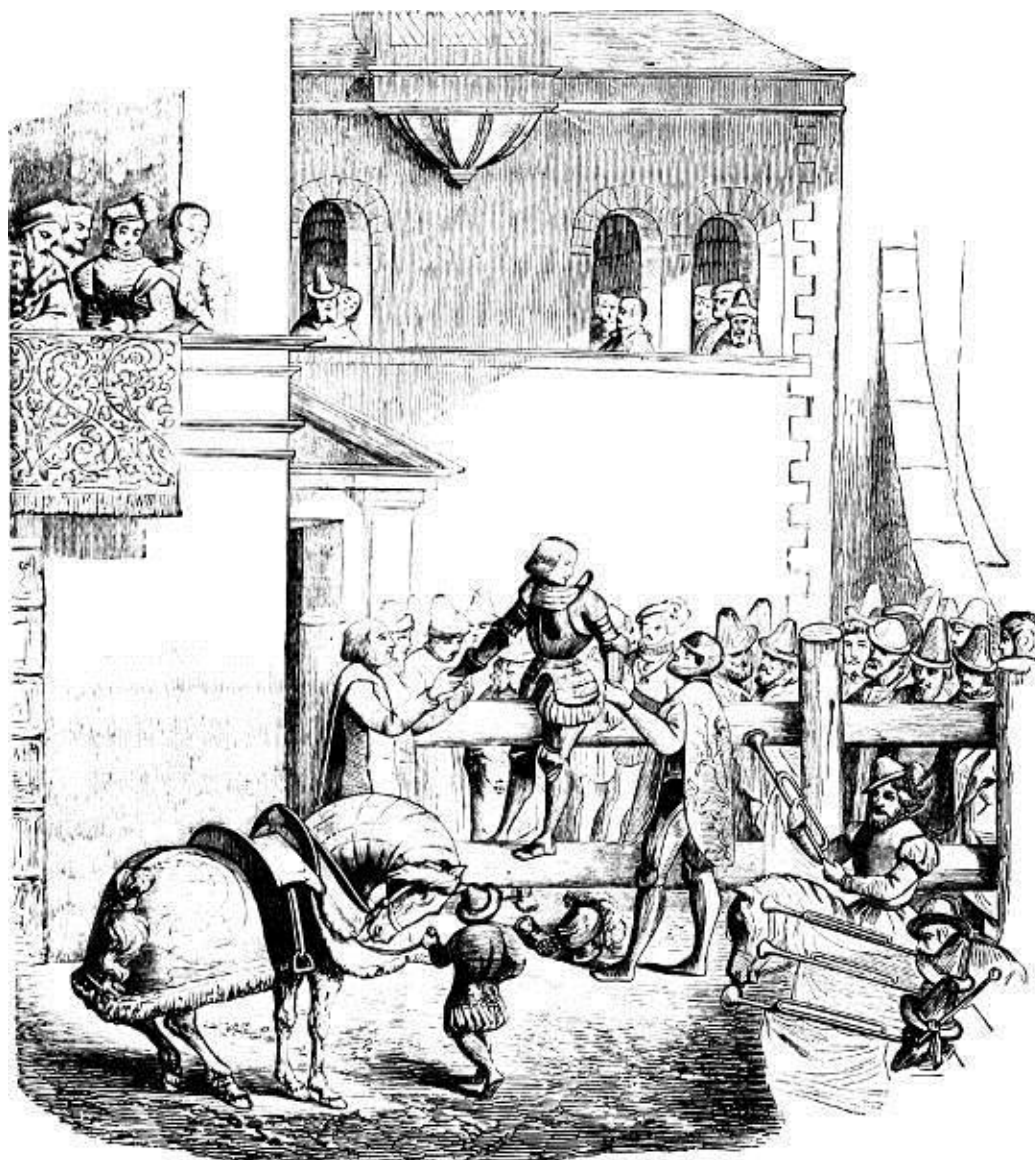

Рис. 124.- Развращение рыцаря - фрагмент гравюры на дереве, приписываемой Йосту Амману, с датой 1565 и монограммой А. J. (коллекция М. Генебо, Париж).

Христианская символика, сопровождавшая первые шаги послушника, так или иначе следовала и окружала его на протяжении всей жизни.

рыцарской карьеры. В самом деле, она принимала участие в его наказании и унижении, если он нарушал обещанную веру или лишался чести. Выставленный на эшафот в одних рубашках, он лишался доспехов, которые на его глазах разбивали на куски и бросали к его ногам, а шпоры бросали на мусорный холм. Его щит прикрепили к крупу тележной лошади и протаскивали по пыли, а у его возницы отрубили хвост. Оруженосец трижды спрашивал: "Кто там?". Трижды был дан ответ, в котором назывался рыцарь, которого собирались

разжаловать, и трижды герольд отвечал: "Нет, это не так; я не вижу здесь рыцаря, я вижу только труса, который изменил своей клятве веры". После этого преступника несли в церковь на подстилке, как труп, и заставляли слушать, пока над ним читали погребальную службу, ибо он потерял свою честь, и теперь на него смотрели только как на труп (рис. 124).

Хотя церковь была покровительницей рыцарства и даже наделила его почти священным достоинством, она всегда отказывалась распространять свою защиту на турниры, поединки и рукопашные схватки, блестящие, но часто опасные проявления рыцарского духа, и особенно на судебные дуэли, которые были германского происхождения и относились к периоду, задолго до возникновения христианского рыцарства. Когда церковь оказывалась вынуждена проявить снисхождение к этим древним традициям, которые обычай переплел с привычками Средневековья, она делала это в максимально сдержанной манере. Она всегда с негодованием протестовала против варварского обычая, который заставлял или позволял женщинам, детям, церквям и монастырям выбирать из числа рыцарей особого поборника (*campeador*), готового всегда и во всем поддерживать дело своего покровителя. Церковь, одобряя великодушную защиту, которую рыцарство оказывало слабым и угнетенным, всегда старалась уничтожить дикую доктрину язычества, смешивавшую силу с правом; но напрасно она противопоставила все свое влияние и власть обычаю дуэли; она вынуждена была ограничиться ослаблением дурного влияния мнений, которые обычно преобладали, не надеясь уничтожить сами эти мнения.

В груди воинов древности не существовало *понятия чести*. Они приносили себя в жертву своей стране и содружеству, и они любили славу - чувство, которое для них было коллективным, а не индивидуальным, поскольку для них общество как целое было всем, а его единицы - ничем. Современная дуэль, независимо от того, считается ли она грубым и быстрым методом разрешения частных ссор или надлежащим актом подчинения божественной воле, которая не может не увенчать правоту успехом, проистекает из сильной индивидуальности варварства и из личной тенденции дикарского достоинства и независимости.

Рис. 125.- Бой между Раймбо де Моруэлем и Гийоном де Лозенном. Аббат Сен-Дени у ног архиепископа Парижского, приносящий клятву, что его дело, защищаемое Раймбо, справедливо. Рукопись XV века, хранится в Бургундской библиотеке, Брюссель.

Это странное смешение представлений о победе и невиновности, о силе и праве сначала породило *испытание мытарствами*, или *Божий суд*, который включал в себя испытания огнем, кипятком, крестом и мечом, которым подвергались женщины и даже принцессы. Человечество, в простоте своей веры, взывало к Богу, верховному судье, и умоляло Его дать силу и победу справедливому делу. *Судебное разбирательство* стало дискредитировать себя примерно во времена Карла Великого, а во второй половине XII века его заменил судебный поединок. Институт рыцарства благоприятствовал этому поспешному методу принятия решений, который соответствовал нравам и представлениям того времени. Вопросы, которые в противном случае было бы трудно решить, решались таким образом внезапно, и эти кровавые решения не подлежали обжалованию. В некоторых странах судья, принявший решение между двумя противниками, должен был сам предстать перед судом Божьим, как это было представлено в судебной дуэли, и был вынужден сойти со своего судейского кресла и с оружием в руках сразиться с преступником, которого он только что осудил. Однако, с другой стороны, следует сказать, что судья, в свою очередь, обладал привилегией бросить вызов заключенному, который отказывался подчиниться его решению.

Рис. 126.- Дуэль по поводу дамской чести - факсимиле миниатюры из "Истории Жерара де Невера", рукописи XV века, хранящейся в Парижской национальной библиотеке.

Если однажды признать принцип этого грубого бойцовского правосудия, то следует признать, что дух мудрости диктовал все возможные меры предосторожности, чтобы сделать его неудобства как можно меньше. Дуэль, по сути, проводилась только в случае совершения преступления, караемого смертью, и то лишь тогда, когда не было свидетелей преступления, а лишь серьезные подозрения против предполагаемого преступника. От участия в поединках освобождались все лица моложе двадцати одного года и старше шестидесяти лет, жрецы (рис. 125), инвалиды и женщины (рис. 126), которых разрешалось представлять чемпионами. Если обе стороны спора были разного жизненного ранга, то в пользу истца составлялись определенные правила. Рыцарь, бросивший вызов крепостному, был вынужден сражаться крепостным оружием, то есть щитом и посохом, и носить кожаный камзол; если же вызов исходил от крепостного, то рыцарю разрешалось сражаться как рыцарю, то есть верхом и в доспехах. В судебном поединке было принято, чтобы обе стороны предстали перед своим графом или лордом; после изложения своих обид истец бросал свою перчатку или перчатку, которую его противник затем менял на свою в знак того, что он принимает вызов. Затем обоих вели в тюрьму сеньора, где они содержались до назначенного для боя дня, если только не получали существенных поручителей, которые брали на себя ответственность за их

сохранность и обязывались, в случае неявки их подельника в назначенное время, понести наказание за совершение деяния, вызвавшего необходимость обращения к оружию. Это называлось *тюрьмой порока*.

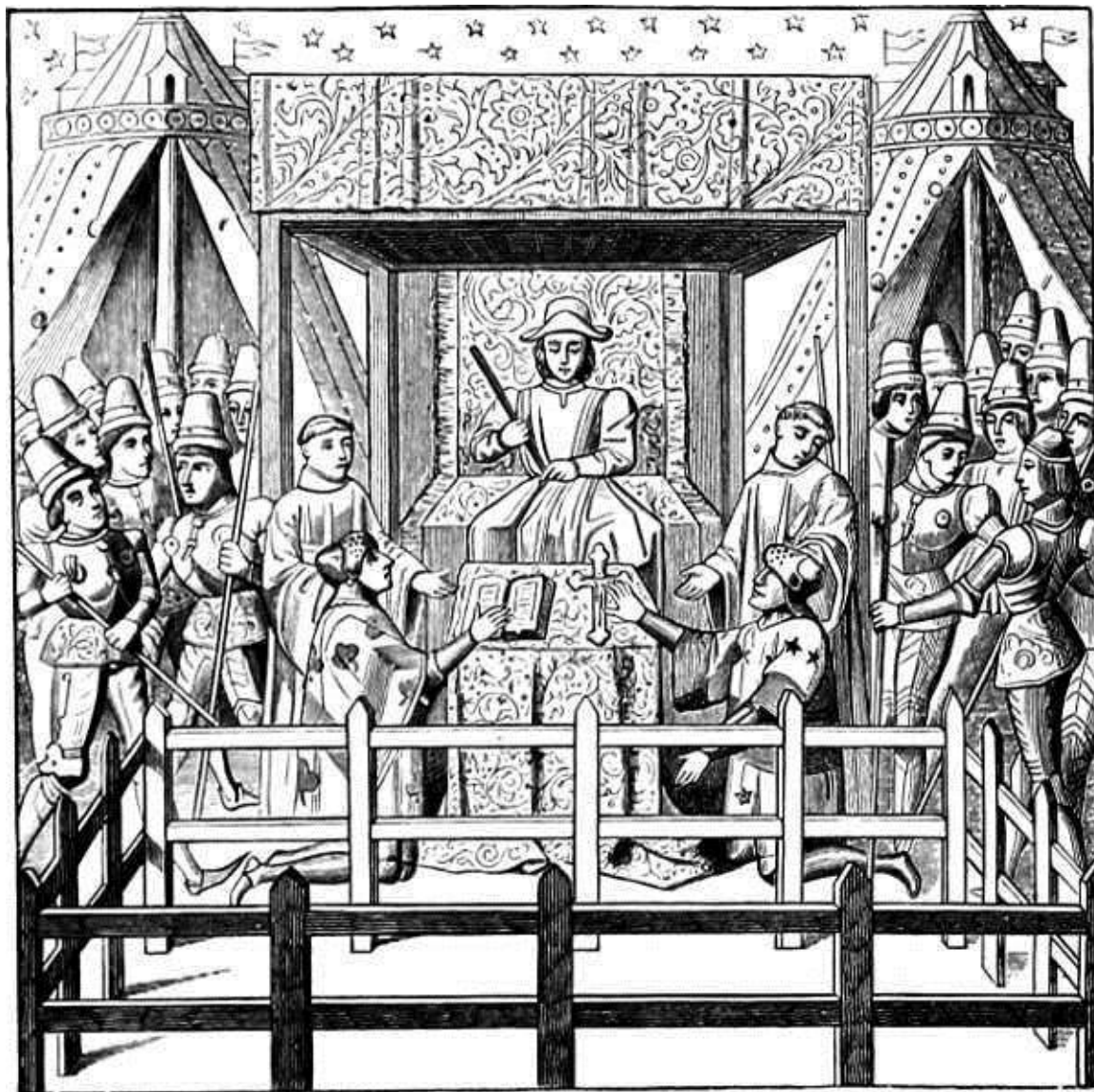

Рис. 127. "Как истец и ответчик приносят последнюю клятву перед судьей" - факсимиле миниатюры из "Cérémonies des Gages de Bataille", рукописи XV века, хранящейся в Парижской национальной библиотеке.

В день, назначенный для поединка, оба противника в сопровождении секундантов и священника появлялись в списках, конные и вооруженные до зубов, с оружием в руках, пристегнутыми мечами и кинжалами. Они опускались на колени друг напротив друга, сцепив руки, и каждый в свою очередь торжественно клялся на кресте и на Священном писании (рис. 127), что только он прав, а его противник лжив и нелоялен; кроме того, он добавлял, что не носит при себе никаких амулетов или талисманов. Затем герольдмейстер в каждом из четырех углов списков публично объявил зрителям боя, чтобы они оставались совершенно пассивными, не делали никаких движений и не произносили никаких криков, которые могли бы ободрить или раздражить сражающихся, под страхом лишения конечностей или даже самой жизни. Секунданты удалялись, а маршал лагеря, убедившись, что оба противника

расположены правильно и имеют свою долю ветра и солнца, трижды кричал "*Laissez-les aller!*", и бой начинался (рис. 128).

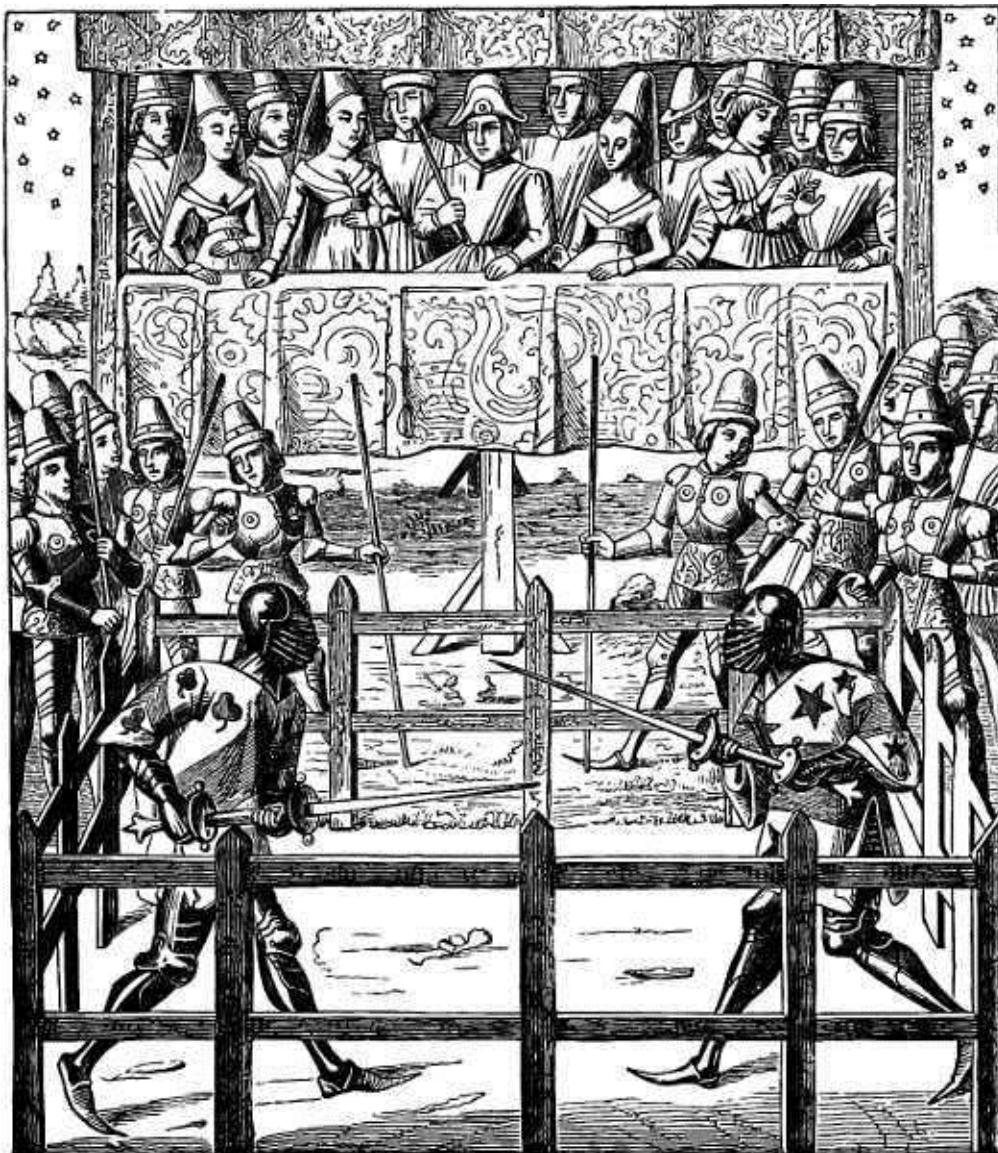

Рис. 128. "Как обе стороны выходят из своих палаток, вооруженные и готовые выполнить свой долг по сигналу маршала, бросившего перчатку" - из миниатюры в "*Cérémonies des Gages de Bataille*", рукописи XV века, хранящейся в Парижской национальной библиотеке.

Судебная дуэль никогда не начиналась до полудня и продолжалась только до появления звезд на небе. Если ответчик продержался до , то считалось, что он выиграл дело. Победенного рыцаря, убитого или просто раненого, стаскивали с земли за ноги, разрезали крепления его кирасы, бросали доспехи по частям в списки, а его коня и оружие делили между маршалом и судьями поединка. Иногда, как, например, в Нормандии и Скандинавии, согласно древнему обычаю, побежденного чемпиона вешали или сжигали заживо, в зависимости от характера преступления; если же он сражался в качестве чемпиона другого человека, то его обычно предавали смерти вместе с ним.

Церковь, хотя и разрешала священнику присутствовать на поединках, никогда не давала даже молчаливого согласия на эти судебные дуэли; она отлучала победившего дуэлянта и отказывала в обряде погребения его жертвы; и она одна осуждала этот варварский обычай; светские власти делали все возможное, но без особого успеха, чтобы ограничить число этих

кровопролитных призывов. Святой Людовик в знаменитом указе 1260 года заменил судебный поединок доказательным судом, но он оказался в состоянии провести эту реформу только в пределах своих владений, да и то с трудом, поскольку уже после его правления Парижский парламент постановил, что некоторые уголовные дела должны решаться в личном поединке.

Когда, наконец, в XV веке обычай судебной дуэли вышел из употребления, дворяне все еще сохраняли и практиковали одиночный бой (рис. 129). Личная обида, часто очень незначительная, ссора, обида, за которую нужно было отомстить, были достаточны для того, чтобы свести двух соперников или двух врагов в поединке. Этот боевой обычай, в соответствии с которым сила и личное мастерство мужчины становились гарантом его чести, поддерживался и поощрялся рыцарским духом и духом германского феодализма. Однако иногда эта практика считалась оправданной и по другим причинам. Так, например, история с честью запечатлела "Битву тридцати", состоявшуюся в 1351 году между тридцатью рыцарями Бретани под командованием сира де Бомануара и тридцатью английскими рыцарями; а также другую, не менее кровавую схватку того же рода между Баярдом и десятью другими французскими рыцарями и одиннадцатью испанцами перед стенами Транни. Только национальная честь была мотивом этих двух знаменитых дуэлей; но они были лишь исключением из правил. Создается впечатление, что дворяне, пытаясь сохранить тень и память о быстро угасающих традициях рыцарства, стали еще более яркими приверженцами жестокой системы дуэлей. В XVI веке, при последних монархах из дома Валуа, Королевская площадь и Прэ-о-Клерк часто поливались кровью лучших семей Франции. Напрасно Генрих IV и Людовик XIII издавали самые строгие эдикты против этого варварского обычая; напрасно декрет, называемый Блуаским, признавал недействительными все письма о помиловании, выданные дуэлянтам, "даже если они были подписаны самим королем". Несмотря ни на что, дворяне, на привилегии которых монархия ежедневно совершала новые посягательства, прибегали к дуэли, как бы подтверждая свою связь с рыцарским и авантюрным прошлым, и самые ничтожные, смешные и постыдные мотивы служили предлогами для возобновления кровопролитной борьбы, которая изначально была вдохновлена великодушным мужеством и верным сочувствием к справедливости.

Рис. 129. Одиночная битва, которую должен решить суд Божий. Миниатюра из "Завоеваний Карла Великого", рукописи XV века, хранящейся в Парижской национальной библиотеке.

Но мы должны вернуться ко времени зенита Средневековья, чтобы увидеть его турниры, его наклоны и его переходы оружия. В благодатный период рыцарства бутафорские поединки, учтивые турниры и воинственные выставки стали причиной многих несчастных случаев и привели ко многим смертельным исходам. История упоминает о турнире в Германии, где шестьдесят человек погибли в борьбе, которая велась оружием, лишенным острия. В самых древних турнирах (впервые турнир упоминается в хрониках времен правления Карла Лысого) не было ни галантности, ни чести; их не украшали ни пышность драпировок, ни блеск знамен. Ни принцессы, ни знатные дамы не показывались во всей своей гордой красоте и нарядах в этих древних списках. Турнир (на старофранцузском *tournoiement*) тех дней был всего лишь жестоким атлетическим развлечением, в котором железные люди того времени мерялись силами друг с другом ударами меча, копьем и булавой. Но по мере того, как рыцарские обычаи постепенно смягчали нравы знати, первобытная грубость и жестокость этих силовых состязаний становилась все более привычной и регулируемой. Традиция утверждает, что турнир, как его еще называют, впервые был открыт в Бретани в X веке Джеффри, сиром де Прейи.

Рис. 130.- "Здесь показано, как король-оруженосец, держа на плече золотую ткань с двумя лидерами, нарисованными на пергаменте, и в четырех углах - оружие упомянутых судей, объявляет турнир, и как герольды предлагают оружие упомянутых судей тому, кто его возьмет" - факсимиле миниатюры из "Турниров короля Рене", рукописи XV века, хранящейся в Национальной библиотеке в Париже.

Как правило, турниры объявлялись, то есть публиковались, *à cor et à cri* (рис. 130 и 131), либо когда происходило повышение рыцарей, либо королевский брак, либо торжественный въезд государя в город; и характер этих рыцарских празднеств менялся в зависимости от времени и места, в котором и когда они происходили. Аналогичным образом менялось и оружие, используемое в этих случаях. Во Франции турнирное копье делалось из самого легкого и прямого дерева, ели, осины или платана, заострялось сталью, а с конца свисал вымпел; в то время как в Германии и Шотландии они делались из самого тяжелого и прочного дерева, с длинным железным грушевидным острием. Турнир не следует путать с *тильт*ом или *поединком* (от латинского *juxta*), который представлял собой одиночный рукопашный бой, а также с *переходом оружия*, в котором участвовали несколько пеших и конных бойцов, имитировавших атаку и оборону какой-либо военной позиции, какого-либо перевала или узкого горного дефиле. Тильты обычно составляли часть турнира и знаменовали его завершение; но были и более сложные тильты, открытые для всех желающих, которые продолжались несколько дней и назывались *joutes plénières*. Поскольку дамы были жизнью

и душой этих турниров, рыцари всегда завершали их особым пассажем, который назывался *lance des dames*; они всегда были готовы отдать дань очарованию прекрасного пола и часто сражались за него мечом, топором и кинжалом.

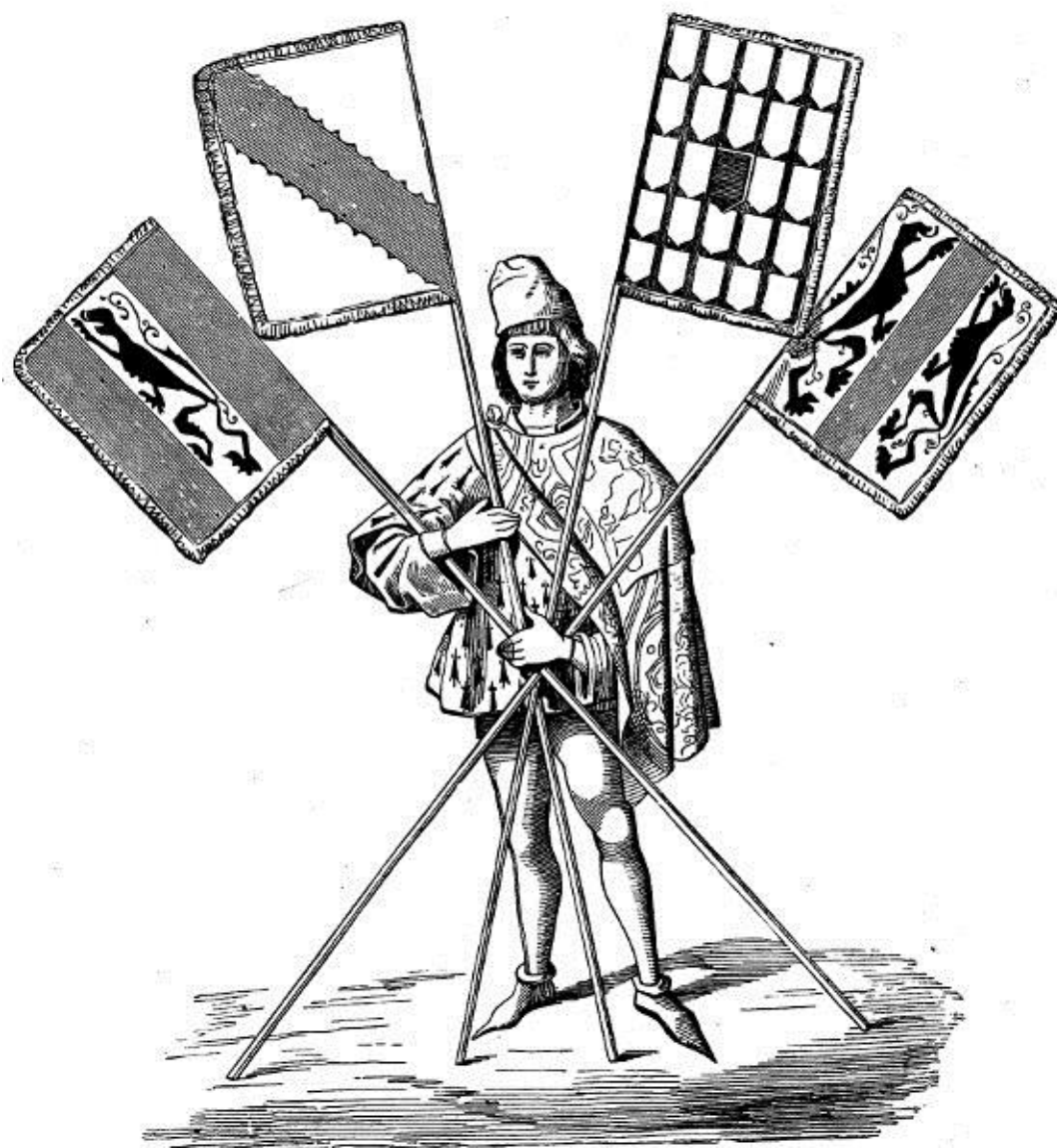

Рис. 131.- Здесь изображен герольд, держащий знамена четырех судей. Факсимиле миниатюры из "Турниров короля Рене" (XV век).

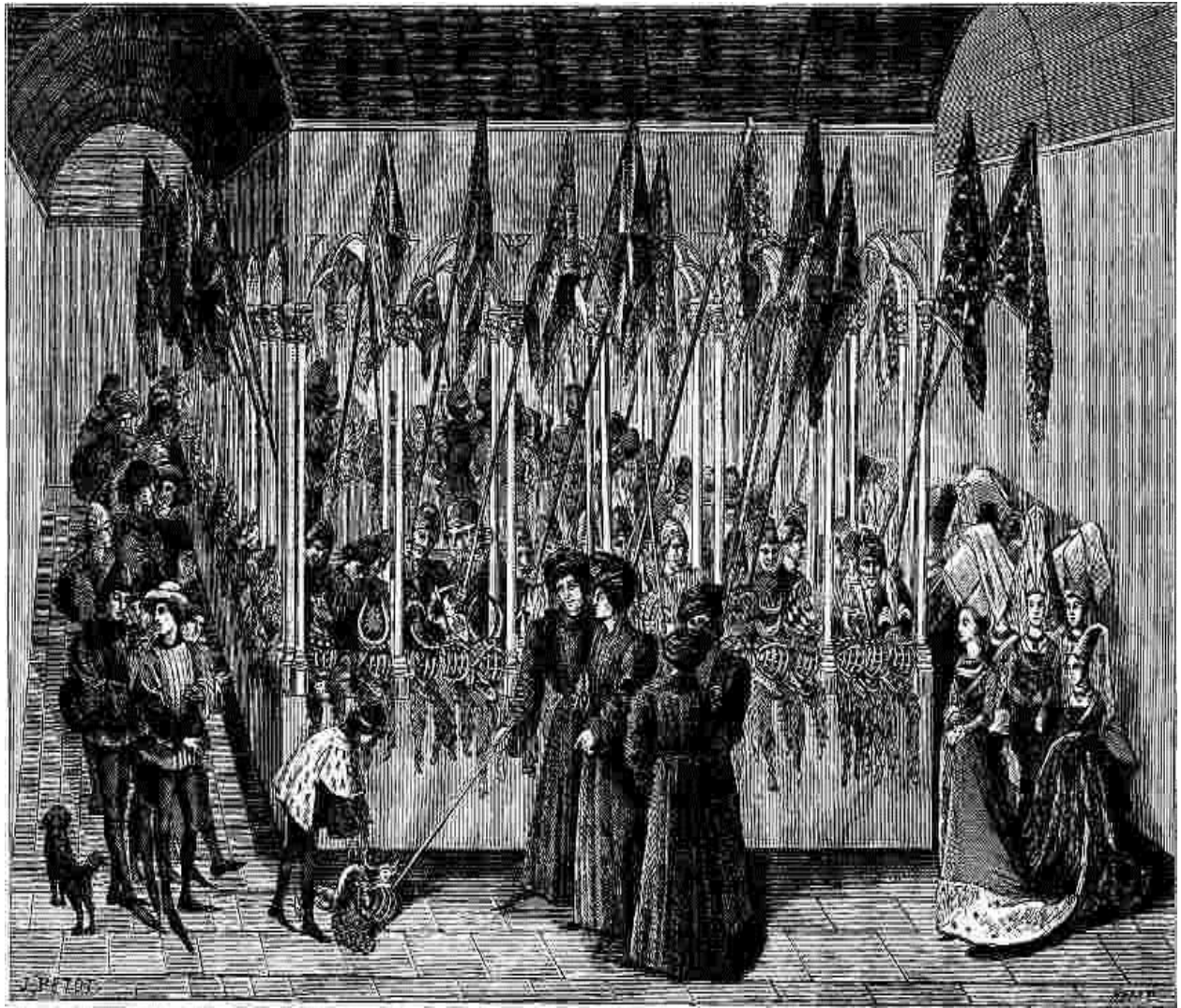

Рис. 132. Знамена и шлемы располагаются вокруг монастыря, а затем распределяются судьями в присутствии дам и тех, кто участвует в турнире. Миниатюра из "Турниров короля Рене", MS. XV века, хранится в Национальной библиотеке в Париже.

Подготовка к турниру представляет собой оживленную и интересную картину. Списки, которые сначала имели круглую форму, как амфитеатры древности, позже были построены в квадратной, а еще позже - в продолговатой форме; они были позолочены, расписаны эмблемами и геральдическими устройствами, украшены богатыми висюльками и историческими гобеленами. Пока готовились списки, рыцари, которым предстояло участвовать в турнире, так же как и те, кто должен был быть только его зрителем, вывешивали свои гербовые знамена из окон домов, в которых они размещались, и прикрепляли свои гербы к внешним стенам соседних замков, монастырей и обителей. Когда это было сделано, дворяне и дамы обходили и осматривали их (рис. 132); герольд или погонщик называли их владельцев, а если дама узнавала рыцаря, на которого у нее были основания жаловаться, она прикасалась к его знамени или щиту, чтобы поставить его в известность лагерных судей, и если после расследования его признавали виновным, ему запрещалось выступать на турнире.

Гербы, которые были яркой характеристикой рыцарства и которые были приняты дворянством как один из его наиболее ярких атрибутов, несомненно, имели современное происхождение с институтом, чьей эмблемой они стали. Предполагается, что именно в 1600 одиннадцатом веке, во время Первого крестового похода, необходимость различать

множество дворян и рыцарей, стекавшихся в Святую землю, привела к изобретению различных геральдических цветов и приспособлений. Каждый крестоносец выбирал и хранил свою особую эмблему; эти эмблемы стали внешними знаками благородства, их можно было увидеть повсюду - на военных шатрах, на знаменах, на ливреях, на одежде и на каждом предмете, принадлежащем знатной семье. Отсюда и язык геральдики, этот образный и иероглифический жаргон, непонятный в тот период всем, кроме профессиональных герольдов-оруженосцев.

Рис. 133.- Чемпион турнира, из коллекции под названием "Vita Imperatoris Maximiliani", гравированная Бургмайером с рисунков Альберта Дюрера (XV век).

Накануне турнира юные эскавайры упражнялись между собой в перечислениях с менее тяжелым и менее опасным оружием, чем то, которым владели рыцари. Эти прелюдии, которые часто украшались присутствием дам, назывались *épreuves* (испытания), *vêpres du tournoi* (турнирные вечера) или *escremie* (фехтовальные поединки). Эскавайры, наиболее отличившиеся в этих испытаниях, часто сразу же принимались в рыцарское сословие и допускались к участию в последующих подвигах. Подобно Олимпийским играм в Греции, турниры, которые были настоящими народными праздниками, возбуждали честолюбие и учащали пульс всех. На концах списков возводились трибуны, обычно крытые и закрытые, чтобы обеспечить укрытие для знатных особ в случае непогоды. Эти трибуны, иногда

построенные в форме башни, были разделены на ложи и более или менее великолепно украшены гобеленами, висюльками, вымпелами, щитами с оружием и знаменами. Там размещались короли, королевы, принцы, дамы, дамуазели и старшие рыцари, естественные судьи поединков, в которых они уже не могли принимать личного участия. Там же располагались маршалы лагеря и секунданты или советники рыцарей, чьей обязанностью было следить за соблюдением законов христианского рыцарства, а также давать советы и помогать всем, кто мог в этом нуждаться. Короли-оруженосцы, герольды и преследователи-оруженосцы стояли на арене или чуть в стороне от нее и должны были внимательно наблюдать за сражающимися и составлять точный и подробный отчет о различных происшествиях боя, не забывая ни одного удара. Время от времени они возвышали голос, чтобы подбодрить молодых рыцарей, которые впервые появлялись в списках: "Вспомни, чей ты сын! Будь достоин своей родословной!" - кричали они громким голосом. Кроме того, повсюду в списках и около них были расставлены варлеты и сержанты, на которых была возложена особая обязанность следить за порядком, подбирать и заменять сломанное оружие, поднимать с седла рыцарей; а музыканты на отдельных трибунах были готовы шумно прославлять каждый великий подвиг, каждый удачный и блестящий удар. Звуки кларионов возвещали о вступлении рыцарей в списки, которые шли медленным и торжественным шагом, великолепно вооруженные и экипированные, а за ними следовали их оруженосцы на лошадях. Иногда дамы выходили первыми, ведя за собой на золотых или серебряных цепях рыцарей, своих рабов, которых они отпускали на свободу только после сигнала к началу боя. Дамы почти всегда дарили любимому рыцарю или слуге какую-нибудь вещь, как правило, шарф, вуаль, головной убор, мантию, браслет или даже простой бант из ленты, который был частью их собственного платья. Такой знак назывался *энсином* или *ноблоем* (отличительным знаком) и помещался на щит, копье или шлем рыцаря, чтобы его дама могла узнать его в *поединке*, особенно если его оружие было сломано или если он потерял какую-то важную часть своих доспехов. Пока длился бой, глашатаи издавали громкие крики поощрения, а музыканты - громкие звуки при каждом решающем ударе копьем или мечом; между каждым наклоном вельможи и дамы раздавали множество мелких монет толпе, которая принимала их с громкими и радостными криками "*largesse!*" и "*noël!*".

Рис. 134.- Приз турнира.- С крышки зазеркалья из резной слоновой кости. Конец XIII века.

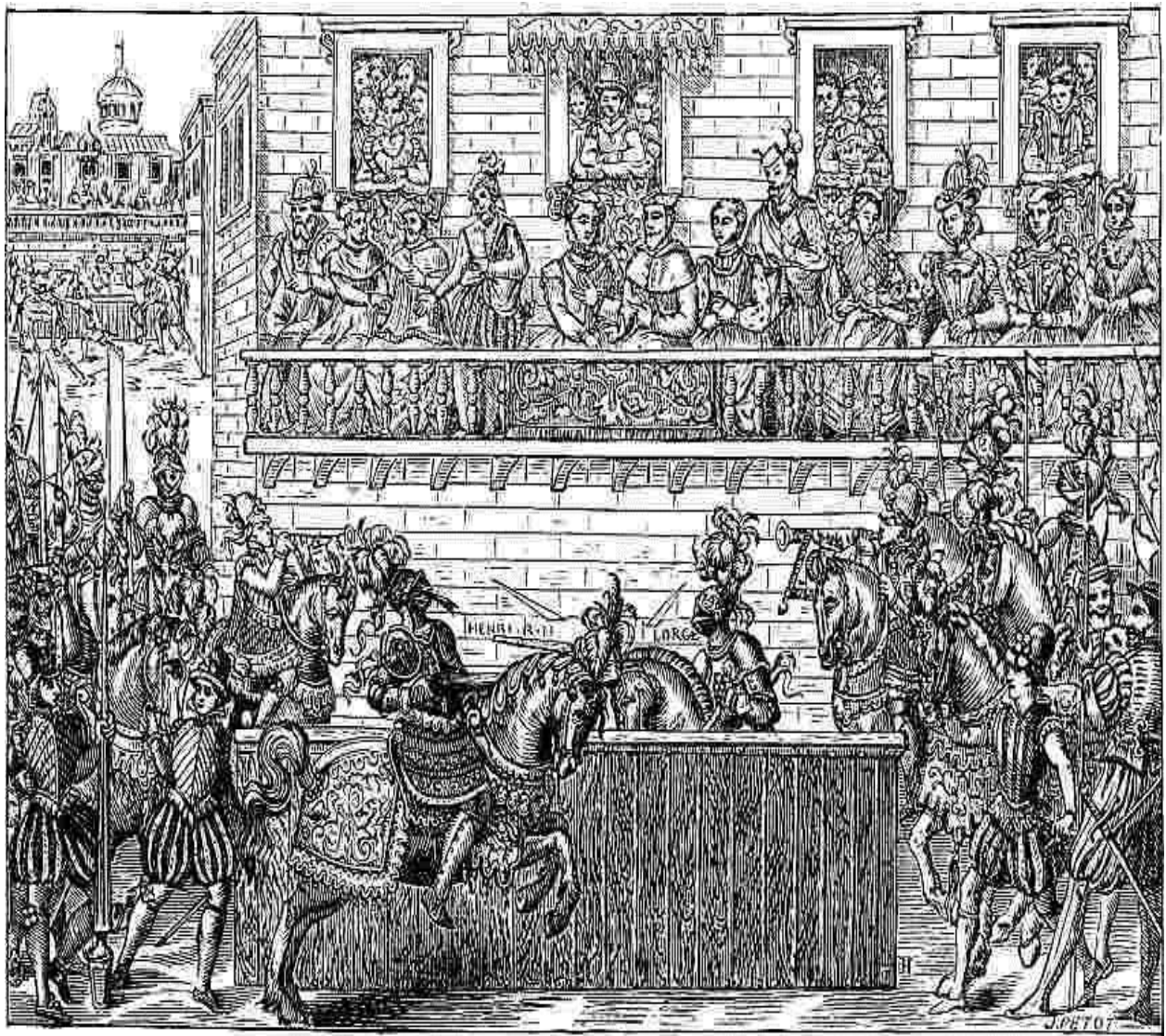

Рис. 135.- Король Анри II, раненный Монтгомери на турнире (1559 г.). Гравюра XVI века, хранящаяся у М. Амбр. Фирмин-Дидо.

После окончания боя и объявления победителя по докладам герольдов и преследователей приз со всей подобающей торжественностью передавался старшим рыцарям, а иногда и дамам (рис. 134). Последние с большой помпой и триумфом проводили победителя на великолепный банкет, который следовал за турниром. Почетное место, которое занимал победивший рыцарь, великолепные одежды, в которые он был одет, поцелуй, который он имел честь подарить самым прекрасным дамам, стихи и песни, в которых прославлялась его доблесть, были последними элементами этого рыцарского представления, которое обычно сопровождалось кровопролитием, а часто и смертью некоторых из его участников. Как мы уже говорили, обычаи турниров часто менялись; ничто, например, не могло быть более непохожим на воинственные состязания Германии XIII века, о которых рассказывается в "Нибелунгах", ничто не могло быть более непохожим на эти кровопролитные и свирепые схватки, чем провансальские и сицилийские турниры XV века, описанные столь пылким языком добрым королем Рене в великолепной рукописи, которую он потратил свой досуг на иллюстрирование миниатюрами. Этот король-поэт, утонченный в манерах, щедрый в нравах и культурный в своих вкусах, попытался под влиянием романтического и религиозного очарования, которое все еще пронизывало рыцарский спорт этой эпохи, увековечить пером и карандашом, в прозе и в стихах, память о

великолепном празднике, которым он руководил и который можно считать непревзойденным образцом церемоний того времени. Всем, кто интересуется этой темой, стоит прочесть этот любопытный манускрипт, в котором, помимо прочего, описывается знаменитая борьба между герцогом Бретани и герцогом Бурбоном. В ней до мельчайших подробностей описана вся церемония грандиозного турнира, ее формы, ход и происшествия; в ней можно найти тщательные комментарии к каждой мелочи, которая увеличивала блеск или усиливала эффект этого придворного праздника, а также все, что бросало свет на дух, в котором он проводился, или на обычаи, которые регулировали каждую деталь, от доспехов рыцарей до мельчайших инцидентов церемонии. На его страницах иллюстрации с точной достоверностью воспроизводят шлемы рыцарей с зарешеченными визорами и кожаными щитами, их булавы, мечи и хурты, предназначенные для защиты крупы и задних ног возниц (рис. 136). В его тексте, написанном с большой тщательностью и изящным почерком, записаны правила, которые должны соблюдаться, в соответствии с истинным духом рыцарства, на различных этапах поединка и турнира, и подробно описаны все их предварительные действия и аксессуары, подача и принятие вызова, взаимный обмен мерилами, вручение королями-оруженосцами орденов на дворянство, раздача гербов или знаков отличия обеих сторон поединка, въезд дворян и вручение призов победителям королевской турнирной.

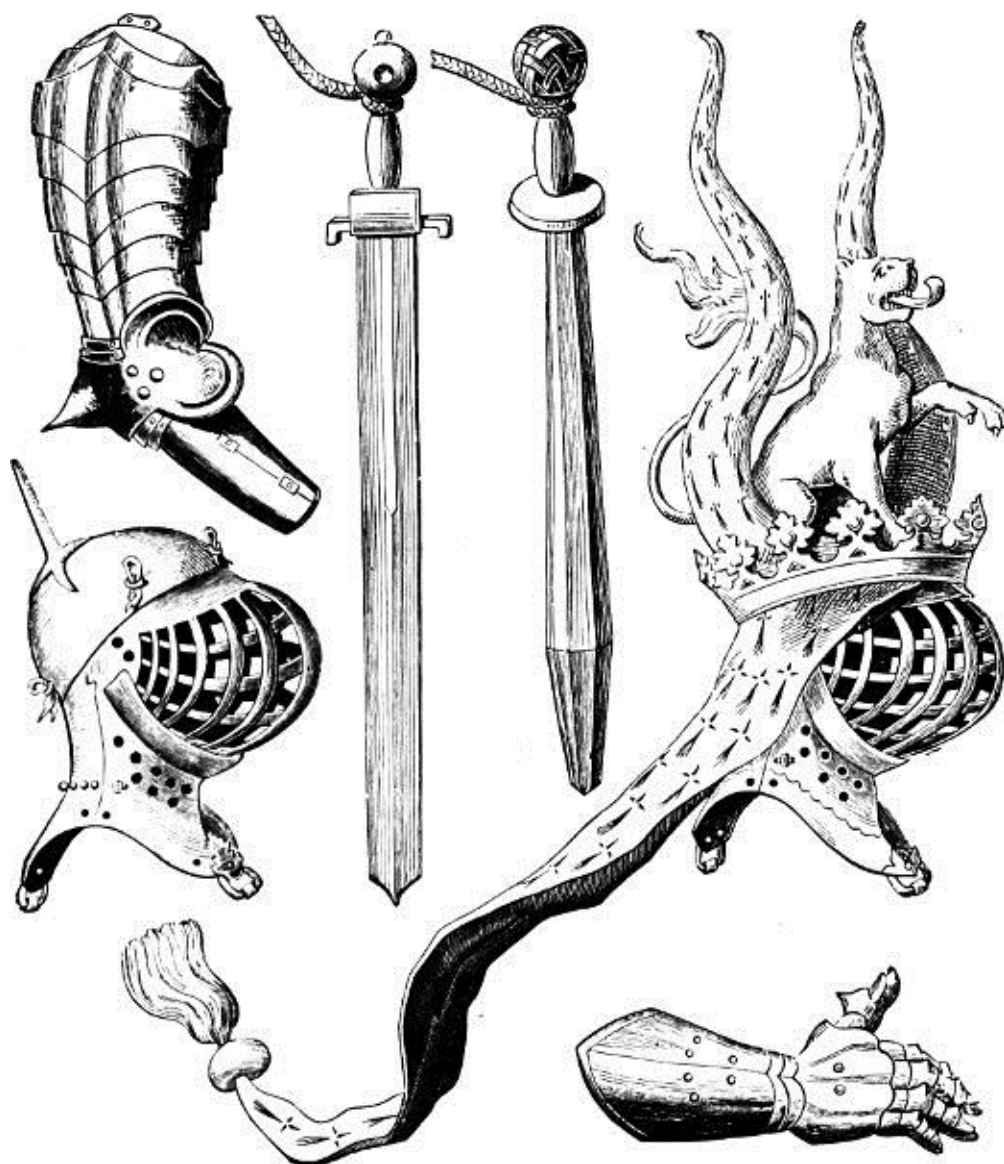

Рис. 136.- "Эскизы доспехов для головы, тела и рук, шлемов и рубак (называемых во Фландрии и Брабанте *hacheures* или *hachements*), гербов и мечей для турниров" - из миниатюр в "Турнирах короля Рене" (XV в.).

Книга короля Рене - документ, тем более ценный для историка рыцарских обычаев, что он был написан в ту эпоху, когда они еще существовали во всем своем великолепии, хотя признаки их упадка уже проявлялись. Пунктуальный государь Филипп ле Бель со своим двором юристов и ростовщиков уже нанес рыцарству сокрушительный удар правилами, разработанными для лучшего управления одиночными боями и поединками. В период между его правлением и правлением Карла VII этот упадок стал еще более заметным. Торговля достигла значительного прогресса, богатство средних классов значительно возросло, монархия приобрела преобладающее влияние, в ущерб феодализму и рыцарству, которые начали одновременно приходить в упадок; правление Людовика XI, правление шпионажа и хитрости, стало для них роковым, после чего их небольшой оставшийся престиж быстро ослабел и вскоре полностью исчез. Франсуа I. предпринял несколько бесплодных попыток разжечь умирающие угли рыцарства, а в более поздний период Анри IV. и Людовик XIV. тщетно пытались, с помощью множества блестящих зрелищ и пассажей, вновь оживить фантом благородного института, который появился вместе со Средними веками и вместе с

ними канул в Лету.

ВОЕННЫЕ ОРДЕНА.

Пьер Жерар основывает орден Святого Иоанна Иерусалимского.- История этого ордена.- Осада Родоса.- История ордена рыцарей-тамплиеров.- Орден рыцарей Калатравы.- Орден тевтонских рыцарей.- Орден рыцарей Золотого руна.- Орден Святого Маврикия и Святого Лазаря.- Ордена Звезды, Козы де Генесте, Корабля, Святого Михаила и Святого Духа.

Один из наших великих современных историков замечает: "Связь церкви и рыцарства, войны и религии достигла кульминации в основании института, доселе совершенно неизвестного и обязанного своим происхождением главным образом крестовым походам, а именно института религиозных военных орденов.....

"Ни в чем рыцарство не проявляет себя более достойным восхищения, чем в своем религиозном военном аспекте; на этом этапе оно принимало жертву всех привязанностей, отказывалось от славы солдата и покоя монастыря и подвергало своего приверженца тяготам того и другого, посвящая его поочередно опасностям поля боя и трудам, связанным с оказанием помощи страждущим. Другие рыцари шли на приключения ради своей чести и любимой дамы; эти - чтобы помочь несчастным и оказать помощь бедным. Великий магистр рыцарей-госпитальеров гордился титулом *Хранителя бедных Искупителя*; представитель ордена святого Лазаря по необходимости всегда был прокаженным; а рыцари-компаньоны называли бедняков "нашими господами". Таково было восхитительное воздействие религии, которая в период, когда меч решал все вопросы, знала, как покарать недостатки доблести и заставить ее забыть о гордыне, которая обычно сопровождает ее".

Еще в середине XI века некоторые купцы из Амальфи получили от халифа Египта разрешение построить в Иерусалиме госпиталь, который они посвятили святому Иоанну и в котором принимали и укрывали бедных паломников, посещавших Святую землю. Годфруа де Буйон и его преемники поощряли это благотворительное учреждение и передали ему несколько крупных пожертвований. Пьер Жерар, уроженец острова Мартигес в Провансе, предложил братьям, управлявшим госпиталем, отречься от мира, облачиться в обычную одежду и создать монашеский орден без пострига под именем *Госпитальеров*. Папа Паскаль II назначил Жерара директором нового учреждения, которое он официально утвердил, взял госпитальеров под свою защиту и предоставил им множество привилегий.

Рис. 137.- Рыцарь ордена Гроба Господня, впоследствии названного орденом Святого Иоанна Иерусалимского.

Рис. 138.- Рыцарь ордена Родоса.

Факсимиле гравюр Йоста Аммана в работе под названием "Cleri totius Romanæ ecclesiæ ... habitus": 4to., Frankfort, 1585.

Правила ордена Святого Иоанна Иерусалимского не только налагали на братьев тройной обет целомудрия, бедности и послушания; они предписывали им, помимо обязанностей гостеприимства, заниматься оружием, чтобы они могли защищать Иерусалимское королевство от нападений неверующих. Вскоре им представилась возможность отбросить чисто благотворительный характер и стать военными людьми (рис. 139).

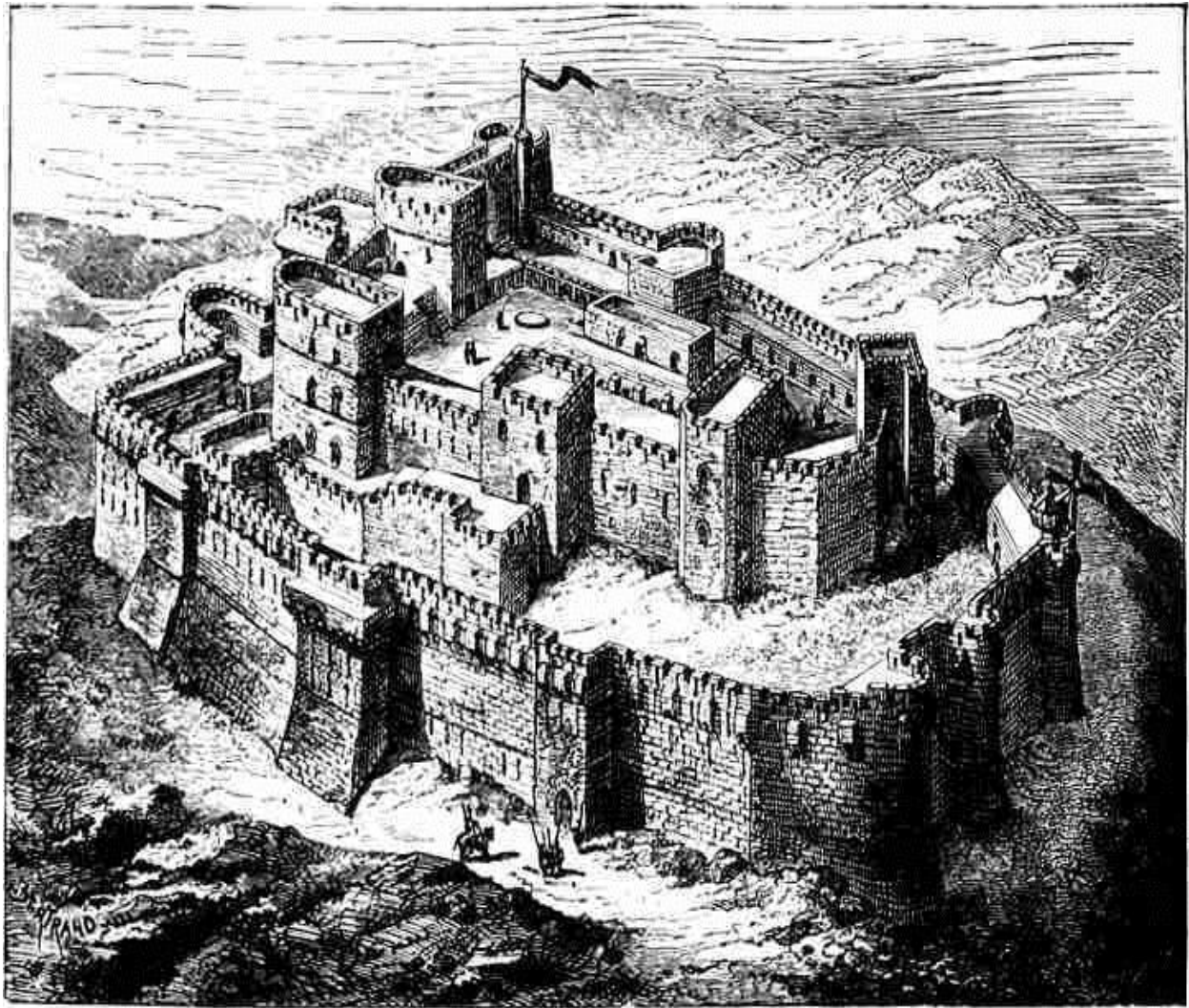

Рис. 139.- Крепость рыцарей-госпитальеров в Сирии, отнятая франками у курдов около 1125 года и восстановленная в 1202 году. Гравюра из "Памятников архитектуры крестоносцев в Сирии" М. Г. Рея.

Изгнанные из Иерусалима победоносным Саладином, который вновь захватил город 19 октября 1191 года, госпитальеры последними покинули Святую землю и перенесли свой госпиталь в Маргат, выкупив у сарацин более тысячи пленных крестоносцев; они оставались там до окончания осады Акко христианами, в которой приняли активное и славное участие; затем они обосновались в отвоеванном городе и приняли имя рыцарей святого Иоанна Аккского. Вновь изгнанные неверными из своего нового места жительства, госпитальеры обратились к королю Кипра с просьбой разрешить им поселиться в его владениях и вновь основать центральный дом своего ордена в городе Лимиссо, куда они прибыли небольшими узлами, так быстро, как только смогли скрыться от крейсеров мусульманского флота. Когда они высадились на берег, изможденные усталостью войны, покрытые ранами и не в силах утешиться тем, что пережили потерю Палестины, они представили собой поистине трогательное зрелище.

Великий магистр рыцарей Святого Иоанна Акрского Жан де Вильерс собрал на Кипре генеральную капитулу, чтобы обсудить, какую политику лучше проводить после последних бедствий крестового похода, и принять меры, чтобы предотвратить полное исчезновение ордена, который был уничтожен в войне с неверными. Госпитальеры всех наций откликнулись на призыв Жана де Вилье. Никогда еще со времен основания ордена не было столь многочисленного собрания; присутствующие рыцари, увлеченные красноречивым

призывом своего великого магистра, поклялись, что прольют свою последнюю кровь, чтобы вернуть себе владение Гробом Господним.

Несмотря на мудрые меры, рекомендованные Жаном де Вилье, госпитальеры больше не были в безопасности в Лимиссо. Им пришлось защищаться от двух одинаково грозных врагов: от сарацинов, которые постоянно угрожали их военно-морской организации, и от короля Кипра, который, казалось, желал разорения ордена, на который он только что наложил тяжелый налог. Новый великий магистр Вилларет предложил своим братьям по оружию удалиться на остров Родос, укрепиться там и ждать, когда наступит более благоприятный момент для возвращения в Палестину. К сожалению, сил ордена Святого Иоанна было недостаточно для столь дерзкого предприятия, и великий магистр предложил западным христианам предпринять новый крестовый поход, держа в секрете истинные мотивы экспедиции. Крестоносцы в большом количестве собрались в итальянском порту Бриндизи, и великий магистр, отобрав самых благородных и хорошо оснащенных, отплыл на Родос. Там он успешно высадил свою небольшую армию с провизией и военными материалами и осадил столицу, которая была хорошо укреплена и полна защитников. После четырехлетней осады город был взят штурмом, другие крепости постигла та же участь, и в 1310 году весь остров перешел под власть госпитальеров. Но еще более двух столетий им пришлось защищать его от постоянных нападений неверных.

Под предводительством Жубера или Жака де Милли, великого приора Оверни, рыцари Родоса (госпитальеры взяли это название в память о победе, которая так прославила орден Святого Иоанна) в 1455 году нанесли первое поражение османам. Однако опасность не была изгнана. Казалось, что разрыв с султаном Египта, столь же грозным противником, как и Магомет II, султан Константинополя, неминуем; кроме того, рыцари должны были выступить против венецианцев, которые высадились на острове и были виновны в большей жестокости и насилии, чем сарацины и турки. Раймонд Закоста, преемник Жака де Милли на посту великого магистра, воспользовался перерывом между перемириями, чтобы построить новый форт, предназначенный для защиты города и порта Родоса. Эта неприступная крепость, возведенная на скалистом мысе, получила название Святого Николая, благодаря стоящей в ее стенах часовне, посвященной этому святому (рис. 140).

Поскольку, несмотря на перемирие, турецкие корсары постоянно нападали на остров, великий магистр направил свои галеры к османским берегам и нанес ряд репрессий. Это настолько разозлило Магомета II, что он поклялся изгнать родосских рыцарей с острова. С этой целью он организовал экспедицию и поручил командование ею Мисаху Палеологу, греческому отступнику из императорского дома, который был назначен султаном великим визирем и постоянно убеждал своего господина овладеть Родосом.

Сто шестьдесят военных судов и стотысячная армия прибыли к Родосу 23 мая 1480 года. Турецкий флот пытался под огнем своей артиллерии развести войска, а рыцари ордена, поддерживаемые пушками города и фортов, заходили по пояс в море и атаковали османские суда с мечом в руках.

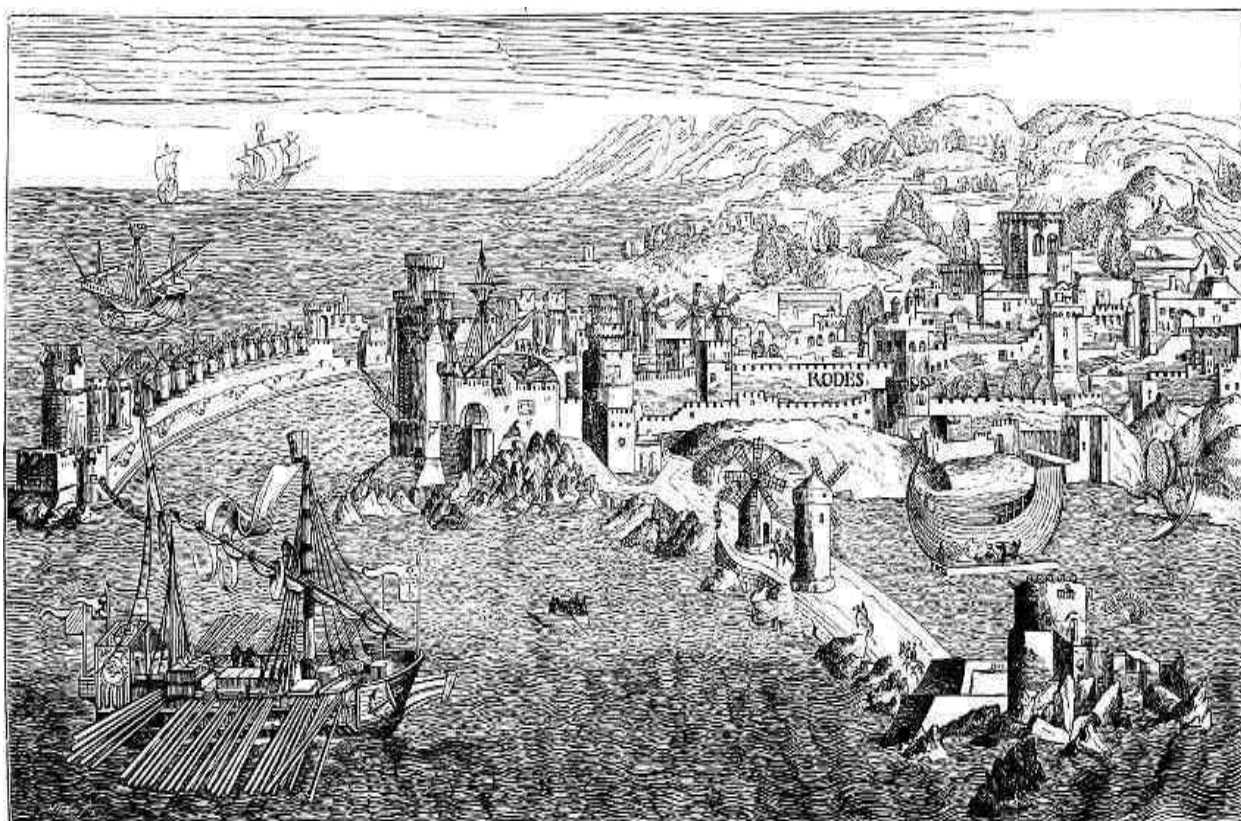

Рис. 140.- План острова Родос. Уменьшенное факсимиле одного из больших топографических планов в "Святых путешествиях из Хиерусалема" Брейденхаха; в фолианте, с медными рисунками: Лион, 1488. (Библиотека мсье Амбр. Фирмина-Дидо).

Наконец неверным удалось высадиться и закрепиться на горе Святого Стефана. После того как рыцарей тщетно призывали сдаться, немецкий инженер, сопровождавший Палеолога и руководивший осадными работами, посоветовал ему сосредоточить атаку на башне Святого Николая, захват которой наверняка сделает его хозяином города. После более чем трехсот выстрелов из пушек пролом был пробит, и турки бросились на штурм. Пьер д'Обюссон, великий приор Оверни, недавно избранный великим магистром, встал в проломе и поддал пример высочайшего мужества своим рыцарям: "Здесь, - сказал он, - находится единственный почетный пост, достойный вашего великого магистра".

Раздраженный столь энергичным сопротивлением, визирь решил избавиться от Пьера д'Обюссона нечестным путем; но инженер, взявший на себя вероломное поручение, был обнаружен и разорван на куски жителями Родоса по пути на эшафот.

Мисах Палеолог предложил провести конференцию для обсуждения условий капитуляции. Великий магистр дал на это согласие, имея в виду, что его целью было выиграть время для строительства новых оборонительных сооружений взамен разрушенных врагом; беседа между одним из главных офицеров турецкой армии и кастеляном Родоса состоялась на краю рва. Посланник визиря убеждал, что в том крайнем положении, в котором оказался город, с его стенами, разрушенными башнями и засыпанными рвами, его вполне можно взять штурмом за пару часов; и что рыцари-компаньоны должны были предотвратить, путем почетной капитуляции, всеобщую резню жителей. Д'Обюссон, притаившийся неподалеку, подслушал эти нелепые предложения: выполняя его приказ, кастелян ответил османскому офицеру, что его шпионы дезинформировали его; что за рвом построены оборонительные сооружения, взятие которых будет стоить многих жизней; что город защищают христиане,

воодушевленные одним духом и готовые пожертвовать жизнью за свою религию; и что орден не примет никаких предложений, противоречащих его чести или интересам его веры.

Надменный визирь, раздраженный таким благородным ответом, поклялся предать мечу каждого рыцаря; он даже приказал заточить большое количество кольев, чтобы насадить на них жителей, и, прикрываясь еще более жарким огнем из своих пушек, дал сигнал к штурму.

Туркам удалось на мгновение водрузить свой штандарт на валах, но вскоре они были отбиты защитниками во главе со своим великим магистром: пять раз раненый и весь в крови, Пьер д'Обюссон отказался покинуть место схватки, которую он оживлял своим примером. Его возвышенный героизм вдохнул новую энергию в рыцарей, которые с отчаянным мужеством бросились на турок и полностью их разгромили. Но как бы ни была велика победа, она не была достаточно окончательной и решающей, чтобы закрепить за орденом спокойное владение островом и оставить его на будущее свободным от турецкой агрессии. Со времени смерти Магомета II в их власти находился ценный заложник Зизим, брат султана Баязета и его самый грозный соперник за трон (рис. 141 и 142).

Рис. 141. Смерть Магомета II. (Два его сына, Баязет и Зизим, оспаривали трон, и последний потерпел поражение.

Рис. 142.- Зизим, содержащийся в плену на Родосе, куда он бежал после поражения, а затем перевезенный в Рим, передается Карлу VIII, королю Франции.

"Описание осады острова Родос" Г. Курсина (Ульм, 1496: готический фолиант). Библиотека М. Амбр. Фирмин-Дидо.

В 1522 году султан Солиман II, прозванный Великолепным, обнаружил в архивах своего отца точные сведения об острове Родос и решил напасть на него. В качестве предлога он выдвинул желание наказать рыцарей ордена за потери, которые они ежедневно наносили турецкому флоту, и надежду парализовать их усилия в пользу Святой земли. Вероломство Андре Амарала, канцлера ордена и великого приора Кастилии, желавшего отомстить своим братьям-рыцарям за то, что они предпочли себе в качестве великого магистра Филиппа де Вилье де Иль-Адам, дало Солиману понять скудость материальных ресурсов острова и убедило его предпринять роковую осаду, в которой вероломство и обман были его самыми могущественными союзниками. Напрасно он собирал флот из четырехсот парусов, армию из ста сорока тысяч человек и шестидесяти тысяч пионеров; напрасно громил валы огнем своих пушек, напрасно рыл ров за рвом, мину за миной, пытаясь измотать осажденных своими изнурительными и беспрерывными атаками. Безуспешные попытки истощили его терпение,

и он, вероятно, снял бы осаду, если бы предатель Амарал не открыл ему слабое состояние города и его гарнизона. Наконец, 30 ноября турки предприняли, как предполагалось, последнюю попытку. Они проникли вплоть до внутренних оборонительных сооружений, и борьба была ужасной. Поднятые набатом, великий магистр, рыцари и жители города высыпали на валы, бросились на врага, который уже считал себя успешным, и заставили его отступить.

Огорченный и обескураженный этой последней удачей, Солиман предложил капитуляцию. Он разбросал по городу письма, в которых увещевал жителей сдаться и угрожал им жесточайшими расправами, если они будут продолжать бесполезное сопротивление. Сначала Вилье де Иль-Адам отвечал, что с неверными он общается только мечом, но ему пришлось уступить настоятельным уговорам главных жителей, которые продемонстрировали решимость во что бы то ни стало принять меры для сохранения чести и жизни своих жен и детей. Султан вывесил белый флаг, великий магистр сделал то же самое и потребовал трехдневного перемирия для составления капитуляции. Но Солиман, опасаясь, что за это время может подойти помощь, отклонил это предложение и приказал начать новый штурм. Рыцари Родоса, сократившись до небольшой горстки и имея для защиты только барбакан испанского бастиона, вынудили врага вновь отступить. Однако на следующий день очередная атака турок отбросила защитников бастиона обратно в город, и охваченные ужасом жители умоляли великого магистра возобновить переговоры. Ахмет, министр Солимана, знавший, с каким нетерпением его господин желает окончания войны, добился, наконец, сдачи Родоса на столь почетных и выгодных для его защитников условиях, что они говорили о том уважении, которое покоренные внушали своим завоевателям. Рыцари в количестве четырех тысяч человек покинули остров под руководством своего великого магистра Вильерса; побывав в Кандии и на Сицилии, они наконец обосновались на Мальте, которую уступил им Карл V. и которая стала окончательной резиденцией ордена. Это произошло в 1530 году.

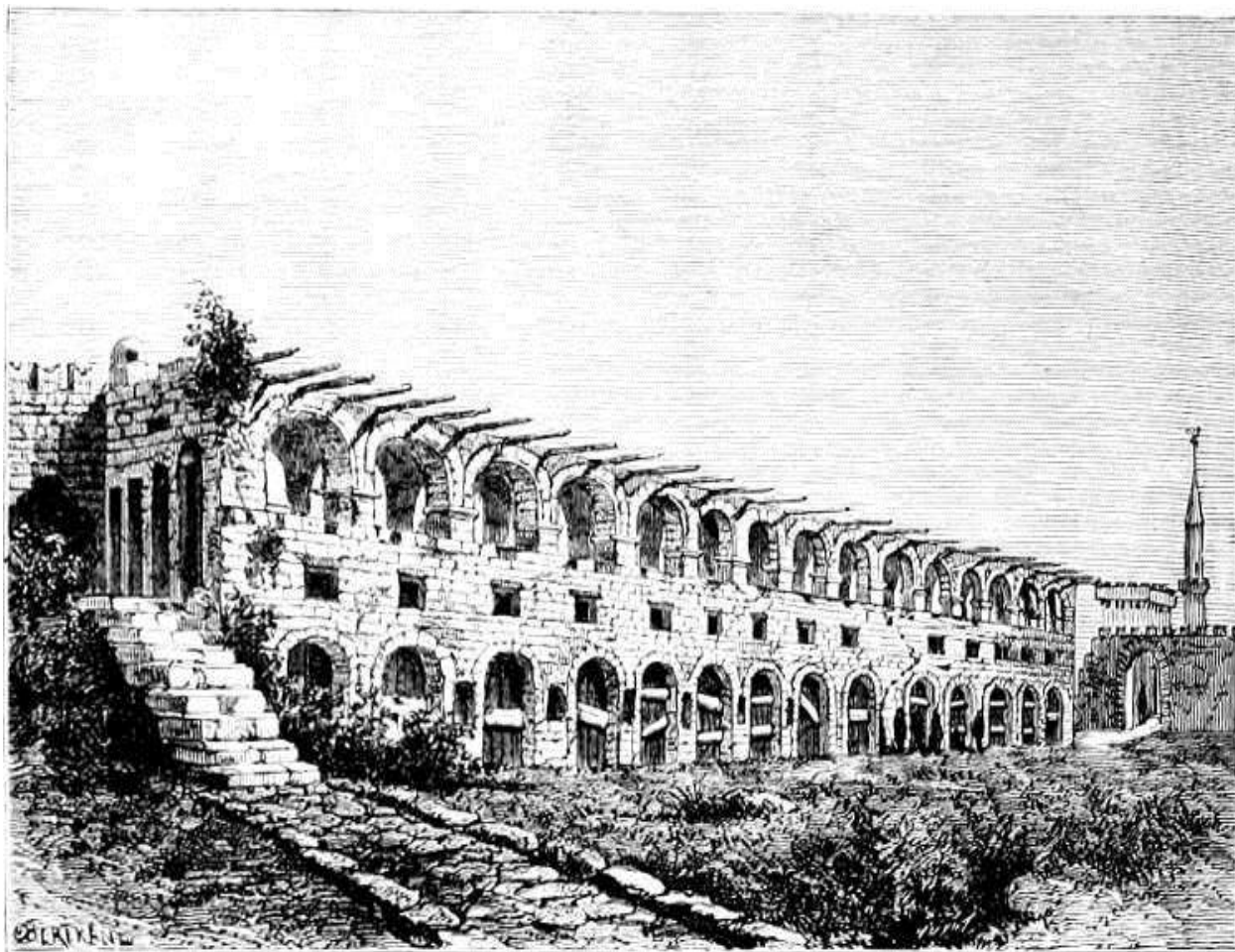

Рис. 143.- Казармы рыцарей Родоса. Состояние руин в 1828 году. Из "Памятников Родоса".

Тридцать пять лет спустя, в конце правления Солимана II, турки вновь напали на орден под предлогом мести за захват галиота с дорогими товарами, принадлежавшего султане, и 18 мая 1565 года Мустафа, паша Буды, храбрый офицер, генерал османской армии, высадился на острове. После нескольких стычек турки предприняли яростную атаку на форт Святого Эльма и захватили его, несмотря на храбрую оборону рыцарей Мальты (новый титул членов ордена Святого Иоанна Иерусалимского) - оборону, которая продолжалась двадцать четыре дня и стоила жизни четырем тысячам нападавших, среди которых был знаменитый пират Драгут, вице-султан Триполи. Форт Святого Михаила и пригород с таким названием были снесены в пепел огнем противника, и только непобедимое мужество великого магистра Жана де ла Валетта и небольшого числа его рыцарей, до последнего человека готовых умереть за свою веру - даже после того, как более двух тысяч из них уже погибли, - позволило Мальте устоять.

К счастью, дон Гарсиас де Толедо, вице-король Сицилии, пришел на помощь с шестьюдесятью галерами. За четыре месяца осады турецкие войска выпустили семьдесят восемь тысяч артиллерийских снарядов и потеряли пятнадцать тысяч солдат и восемь тысяч моряков.

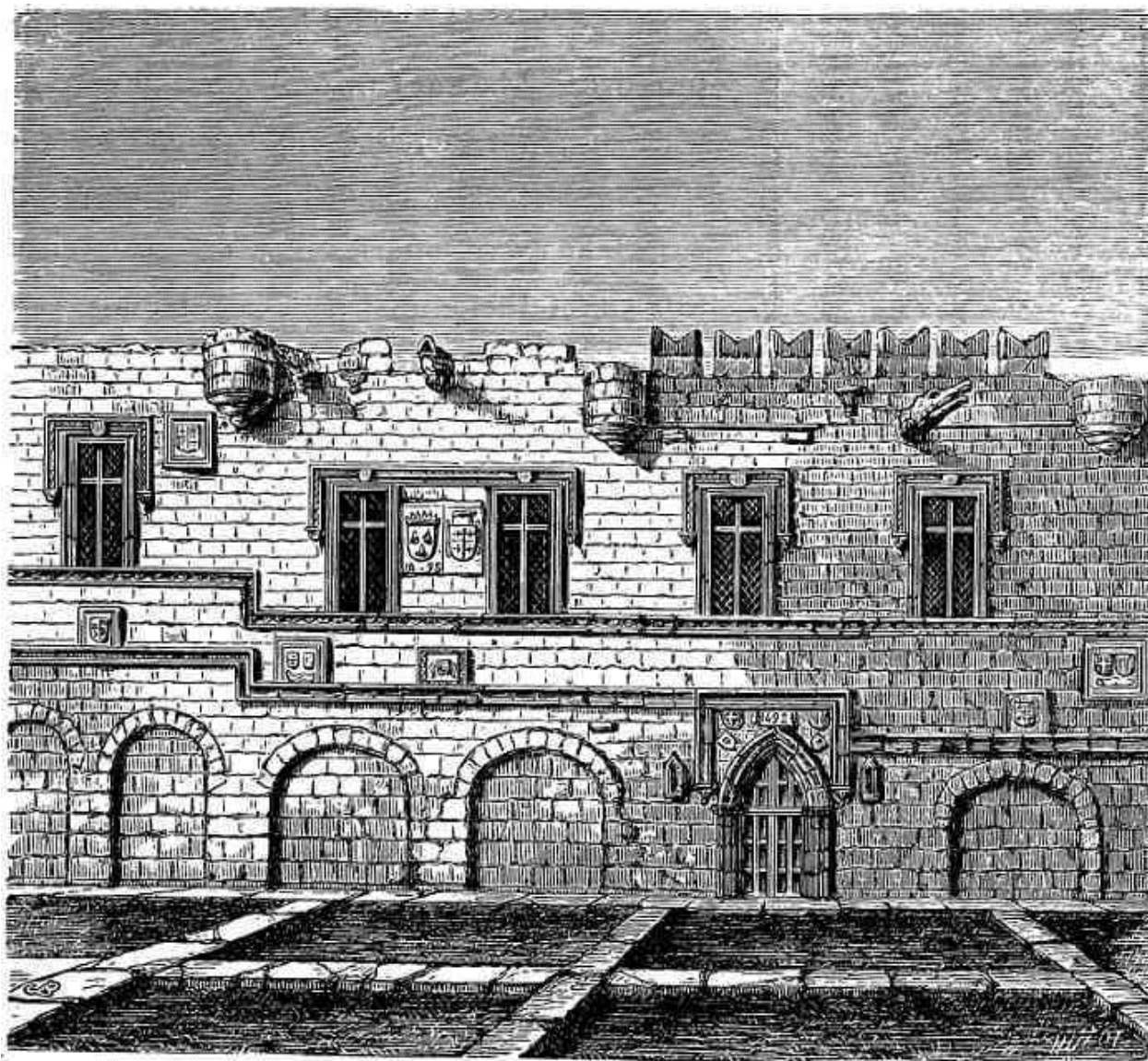

Рис. 144.- Французский приорство на Родосе (XV век). Состояние руин в 1828 году.

Рыцари ордена сожалели о потере более трех тысяч своих собратьев. Их великий магистр постановил, чтобы ежегодно, накануне праздника Богоматери в сентябре, во всех церквях ордена возносились молитвы, возносящие благодарность Богу за providенциальную помощь, избавившую осажденных, а в предшествующий день совершалась поминальная служба в честь тех, кто пал, защищая веру.

Отныне ни город, ни остров, который оставался главной резиденцией ордена, больше не тревожили турки, а Жан де ла Валетт построил на Мальте новый город, который в его честь был назван Валеттой.

Члены Мальтийского ордена делились на три сословия: рыцари, капелланы и служивые братья. К первому относились те, чье благородное происхождение и предыдущие звания в других армиях позволяли им служить в армии. Ко второму относились священники и церковнослужители, выполнявшие все обычные религиозные обязанности и выступавшие в роли алмонеров во время войны. Последние не были ни дворянами, ни церковниками, и все, что было необходимо для принятия человека в это сословие, это доказать, что он родился от уважаемых родителей, которые никогда не занимались никаким ремеслом. В более поздний

период служилые братья отличались гербом другого цвета, нежели рыцари. Соискателей называли *douats* или *demi-croix*. Орден Святого Иоанна Иерусалимского имел лишь номинальное существование в статутах Мальтийского ордена, хотя рыцари последнего при приеме в орден по-прежнему назывались "служителями больных и нуждающихся". Долгое время в Испании существовали леди-госпитальеры святого Иоанна Иерусалимского, посвятившие себя госпитальной работе и делам милосердия (рис. 145). Каждая страна Европы вносила свою лепту в Мальтийский орден, который полностью заменил орден Святого Иоанна и был разделен на восемь языков или наций, каждая из которых находилась под руководством великого приора: Прованс, Овернь, Франция, Италия, Арагон, Германия, Кастилия и Англия. Эти национальные великие приоры назывались *пилирами*, или *монастырскими приставами*. Каждая нация подразделялась на ряд меньших команд, занятие одной из которых приравнялось к занятию церковной благотворительностью и подчинялось только своему великому приору.

Рис. 145.- Гробница Беатрикс Корнель, настоятельницы дамы-госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского, в монастыре Сигена в Арагоне (XV век) - из "Испанской иконографии" М.] Кардерера.

Обычная одежда ордена состояла, в каждом народе, из черной мантии и остроконечной накидки того же цвета; на левом рукаве каждой мантии был крест из белого льна с восемью точками, типичный для восьми блаженств, которыми они всегда должны были обладать, и который, согласно MS. Сохранившийся в библиотеке Арсенала, гласил: 1) духовное довольство; 2) жизнь без злобы; 3) покаяние в грехах; 4) кротость в страданиях; 5) любовь к справедливости; 6) милосердный нрав; 7) искренность и прямота сердца; 8) способность переносить гонения. В более поздний период правила стали менее строгими, и разрешили

рыцарям носить восьмиугольный золотой крест, инкрустированный белой эмалью и подвешенный к груди на черной ленте.

Кандидат на облачение святого Иоанна Иерусалимского должен был предстать перед главным алтарем в длинной мантии без пояса, чтобы обозначить, что он свободен от всех других обетов, и с котелком в руке. Затем рыцарь-ассессор вручал ему позолоченный меч со словами: "Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа", чтобы напомнить, что отныне его долг - посвятить свою жизнь защите религии. Затем вокруг его талии завязывался пояс в знак того, что он на будущее связан клятвой ордена. После этого исповедующий рыцарь размахивал мечом над головой в знак неповиновения неверующим и возвращал его в ножны, предварительно проведя им под мышкой, как бы вытирая, в знак того, что он намерен сохранить его без пятен. Затем рыцарь, принявший обет, положил руку ему на плечо и увещевал его помогать бедным Иисуса Христа, совершать дела милосердия и посвятить себя процветанию веры. Новоиспеченному рыцарю, пообещавшему соблюдать эти наставления, надели на пятки золотые шпоры в знак того, что он обязан лететь туда, куда позовет его честь, и попираť ногами богатства этого мира. Затем ему зажгли факел, и он продолжал держать его во время празднования мессы, а проповедник рассказывал о правилах, которые должны связывать, и обязанностях, которые должен исполнять истинный рыцарь. Затем его спрашивали, нет ли у него долгов, женат ли он или обручен, принадлежит ли он уже к какому-либо другому религиозному ордену и, наконец, желает ли он действительно и искренне принадлежать к ордену Святого Иоанна. Если он отвечал на эти вопросы удовлетворительно, его принимали в братство и вели к главному алтарю. Там он произносил клятву на миссале, и ему объявляли, что он официально наделен привилегиями, дарованными ордену понтификатом. Ему было сказано, что отныне он должен ежедневно читать пятьдесят патер, пятьдесят авв, службу Богородице, погребальную службу и несколько молитв за упокой душ усопших соратников-рыцарей. Пока он облачался в орденскую одежду, его еще раз проинструктировали о его обязанностях. Когда он продевал руки в рукава, ему напоминали о послушании, которое он должен оказывать своим начальникам; когда белый крест прилаживали к его сердцу, ему говорили, что он должен быть всегда готов пролить свою кровь за Христа, который своей смертью искупил человечество. Все знаки отличия Мальтийского ордена были символами. Остроконечная черная мантия с пикой, надеваемая только в торжественных случаях, была типичной мантией из верблюжьей шерсти, которую носил Иоанн Креститель, покровитель ордена. Шнуры, скреплявшие мантию на шее и ниспадавшие через плечо, символизировали страсти, которые наш Спаситель перенес с таким спокойствием и покорностью. Во время сражений члены ордена надевали красный дублет, расшитый восьмиконечным крестом.

Примерно через двадцать лет после первого основания госпитальеров Гуг де Пайенс и Джеффри де Сент-Альдемар, пересекшие моря вместе с девятью другими дворянами, все французского происхождения, получили от патриарха Гуаримонда и Балдуина II, короля Иерусалима, разрешение на создание ассоциации, целями которой были совместные действия с госпитальерами против неверных, защита паломников и оборона Храма Соломона. Болдуин предоставил им жилище в стенах Храма, и это обстоятельство дало им название *тамплиеров*, или *рыцарей Храма*. Поначалу они вели простую и обычную жизнь, довольствуясь скромным званием *бедных воинов Иисуса Христа*. Их благотворительность и набожность снискали им симпатии королей Иерусалима и восточных христиан, которые делали им частые и значительные пожертвования.

В первые девять лет своего существования, с 1118 по 1127 год, тамплиеры не принимали в свои ряды чужаков; но, несмотря на это, их число значительно возросло, и вскоре они обратились к Святому Престолу с просьбой ратифицировать учреждение их ордена. На

Соборе в Труа в 1228 году Гуго де Пайенс в сопровождении пяти своих соратников представил письма, которые братство получило от папы и патриарха Иерусалимского, а также свидетельство об основании своего ордена. Кардинал Матфей, епископ Альбы, председательствовавший на совете в качестве легата папы, дал им подлинное подтверждение их ордена, и для них был составлен специальный кодекс под руководством святого Бернарда.

Тамплиеры были обязаны посещать мессу три раза в неделю и причащаться трижды в год; они носили белую мантию, символизирующую чистоту, к которой папа Евгений III добавил красный крест, чтобы напомнить им об их клятве всегда быть готовыми пролить свою кровь в защиту христианской религии. Их правила были очень строгими; они предписывали вечное изгнание и войну за святые места до смерти. Рыцари должны были принимать любой бой, каким бы числом их ни превосходили, не просить четверти и не давать выкупа. Каким бы тягостным ни было соблюдение этих предписаний, им не позволялось избежать их, вступив в ряды менее строгого ордена.

Рис. 146.- Мальтийский рыцарь.

Рис. 147.- Темплар в дорожном костюме.

Факсимиле гравюр Йоста Аммана в его работе под названием "Cleri totius Romanæ ecclesiæ ... habitus"; 4to., Frankfort, 1585.

Ни одного врага неверующие не боялись так сильно, как этих бедных воинов Христа, о которых говорили, что они обладают кротостью ягненка и терпением отшельника, соединенными с мужеством героя и силой льва. Их штандарт, называемый *Босеан*, был наполовину черным, наполовину белым, и на нем были начертаны следующие слова: *Non nobis, Domine, non nobis, sed nomini tuo da gloriam.*¹¹²¹

Согласно правилам святого Бернарда, орден Храма состоял из *milites*, или рыцарей-командиров, служилых братьев, называемых *armigeri*, или людьми с оружием, и *clientes*, или клиентов, в чьи обязанности входило заниматься домашними делами. Их клятвы были похожи на клятву святого Иоанна Иерусалимского. Они клялись жить в целомудрии, бедности и послушании. Некоторые из них получили разрешение на брак, но при условии, что они больше не будут носить белое платье и завещают часть своего имущества ордену. Отличительным знаком тамплиеров был, по мнению одних, широкий красный патриарший крест, по мнению других - красный мальтийский крест, расшитый золотом. Поскольку все они публично исповедовали крайнюю бедность, им запрещалось пользоваться ценными предметами мебели, золотой и серебряной посудой, носить бархатные атрибуты в поле,

шлемы с гербами , шелковые пояса и другие лишние предметы одежды; им разрешалось носить только нижний дублет из белой шерсти.

Орден Храма просуществовал всего пятьдесят лет, когда его рыцари провели в Иерусалиме свой первый генеральный капитул, на котором присутствовали триста джентльменов и столько же служилых братьев, большинство из которых были французами. Капитул избрал великого магистра, Жерара де Редерфора, и тем самым освободился от юрисдикции иерусалимского патриарха. Новый великий магистр перенес резиденцию ордена в Сен-Жан-д'Акр и неоднократно демонстрировал доблесть своих рыцарей в боях с войсками Саладина, который вскоре после этого попытался захватить город, но был вынужден отказаться от этой задачи.

За очень короткий срок средства рыцарей-тамплиеров увеличились настолько, что некоторые историки утверждают, что доходы ордена составили четыре с половиной миллиона стерлингов; другие лишь отмечают, что тамплиеры обладали огромным богатством в христианском мире: по одним данным, речь идет о девяти тысячах домов. В 1129 году у них уже было несколько учреждений в Низких странах; шесть лет спустя король Наварры и Арагона Альфонсо I завещал свои государства ордену, но рыцарям с большим трудом удалось завладеть даже несколькими его городами. Однако на тот момент они владели семнадцатью крепостями в королевстве Валенсия. В их лондонских покоях хранилась большая часть сокровищ английской короны, а король Филипп Август, накануне своего отъезда в Святую землю, поручил им заботу о своих драгоценностях и архивах.

Рис. 148. Глиняная ваза, на одной стороне которой между двумя флердоранжами изображена фигура святого Павла, укушенного змеей, с латинской надписью: "Во имя святого Павла и с помощью этого камня ты изгонишь яд". На другой стороне рельефно выгравирован крест Храма, между мечом и змеей. На другой вазе изображена голова святого с мечом, окруженная ядовитыми животными и травами. На медали изображен дракон с итальянской легендой, означающей: "Благодать святого Павла защищает от любого яда". Эти предметы были найдены в 1863 году во Флоренции, на месте старой церкви тамплиеров, посвященной Святому Павлу.- Коллекция М. Ганча.

Тамплиеры были великолепными воинами, и летописи крестовых походов полны их ратных подвигов. Немногие рыцари приобрели такую славу, как они, в своих походах за моря; хотя они всегда уступали в численности неверным, которые держали их в большем страхе, чем крестоносцы, они почти всегда побеждали их. Оборона Газы, битва при Тиберии, взятие Дамьетты и Египетский крестовый поход - все это великолепные свидетельства их мужества и доблести.

Со временем тамплиеры достигли вершины своего состояния, пика процветания и славы, и им не оставалось ничего другого, как прийти в упадок. Раздутые от богатства, обремененные привилегиями, дававшими им почти суверенную власть, единственными судьями, которых они признавали, были папа и они сами. В конце концов орден настолько деморализовался от роскоши и безделья, что забыл о цели, ради которой был основан, перестал подчиняться своим собственным правилам и предался любви к наживе и жажде удовольствий. Его жадность и гордыня вскоре стали безграничными. Рыцари притворялись, что они выше даже коронованных особ: они захватывали и грабили имущество как неверных, так и христиан.

Ревность к рыцарям-госпитальерам побудила их вмешаться в дела одного из вассалов ордена Святого Иоанна, занимавшего высокое положение, и изгнать его из замка, которым он владел по соседству с их учреждением в Маргате. Это вызвало жестокую ссору между двумя орденами, которая вскоре превратилась в постоянную борьбу за главенство. Папа написал великим магистрам обоих орденов, призывая их восстановить мир и добрую волю и забыть взаимную вражду, столь опасную для христианства и губительную для интересов Святой земли. Между ними установилось кажущееся перемирие, но тамплиеры не забыли о своей ненависти и не упустили случая продемонстрировать ее рыцарям Святого Иоанна. Более того, они больше не заботились о том, чтобы поддерживать святое дело, которое привело к рождению их ордена. Они заключили союзный договор со Стариком Горы, предводителем секты ассасинов или исмаилитов, самых непримиримых врагов креста; позволили ему, под условием выплаты дани, укрепиться в Ливане; вели войну против короля Кипра и князя Антиохии; разоряли Фракию и Грецию, где христианская знать основывала княжества, маркизаты и баронства; взяли штурмом Афины и расправились с Робером де Бриенном, их герцогом.

Короче говоря, сознание своей силы, богатства и власти вдохновляло тамплиеров на дерзость, которую ничто не могло сдержать. Их гордыня, ставшая уже поговоркой, была особенно оскорбительна. Их вера и мораль были очень далеки от ортодоксальных, и еще в 1273 году папа Григорий X. подумывал о том, чтобы объединить их орден с орденом госпитальеров. В начале следующего века Филипп ле Бель, король Франции, получил весомые обвинения против них в самых серьезных преступлениях, обвинения, которые, по общему мнению, были правдой, и посоветовался по этому поводу с папой Климентом V. Климент сначала заявил, что преступления, в которых их обвиняли, совершенно неправдоподобны, но великий магистр настоял на тщательном расследовании, и папа написал королю, чтобы тот подробно изложил свои сведения. Филипп ле Бель пожелал сам решить этот вопрос и приступил к аресту всех тамплиеров, находящихся под его

юрисдикцией, в том числе и их великого магистра Жака де Моле, который только что вернулся с Кипра.

Рис. 149.- Печать рыцарей Христа (XIII век).- Ранний знак ордена тамплиеров, изображающий двух рыцарей на одной лошади.

Сто сорок рыцарей были допрошены в Париже, и все, кроме трех, признались, что орден практикует тайное посвящение, в ходе которого желающие обязаны отречься от Христа и плюнуть на крест; кроме того, среди них практикуются безнравственные обычаи. Многие из них также признавались, что совершали акты идолопоклонства. Современный ученый писатель де Вильке, немецкий протестантский священник, охарактеризовал исследования двух своих единомышленников - Мольденхауэра, который обнаружил в Национальной библиотеке в Париже оригинальные записи экзамена, и Мюнстера, который нашел в библиотеке Ватикана оригинальные записи заседаний, проходивших в Англии. Вот заключение де Вильке: "Два факта - отречение от Христа и плювок на крест - подтверждены всеми свидетелями, которые были допрошены, за одним или двумя исключениями".

Несмотря на скандал, вызванный этими признаниями, папа Климент V настоятельно протестовал против действий Филиппа и заявил ему, что тамплиеры - религиозная организация, находящаяся под контролем только Святого престола, что король не вправе ставить себя их судьей и что он не имеет власти ни над их имуществом, ни над их лицами.

Филипп неохотно поддался на уговоры Папы, и понтифик сам допросил семьдесят двух тамплиеров, чьи признания совпали с клятвами, данными в первой инстанции в Париже.

Расследование было проведено в Англии, в Италии, в Испании и в Германии. Ответы, полученные в ходе различных экспертиз, не совсем совпадали, но признания в нечестии и безнравственности были очень многочисленны, за исключением Испании. Арагонские тамплиеры взяли в руки оружие и держали оборону в своих крепостях; однако они были

завоеваны королем Яковом II и брошены в тюрьму как мятежники. Тамплиеры Кастилии были арестованы, предстали перед церковным трибуналом и были объявлены невиновными.

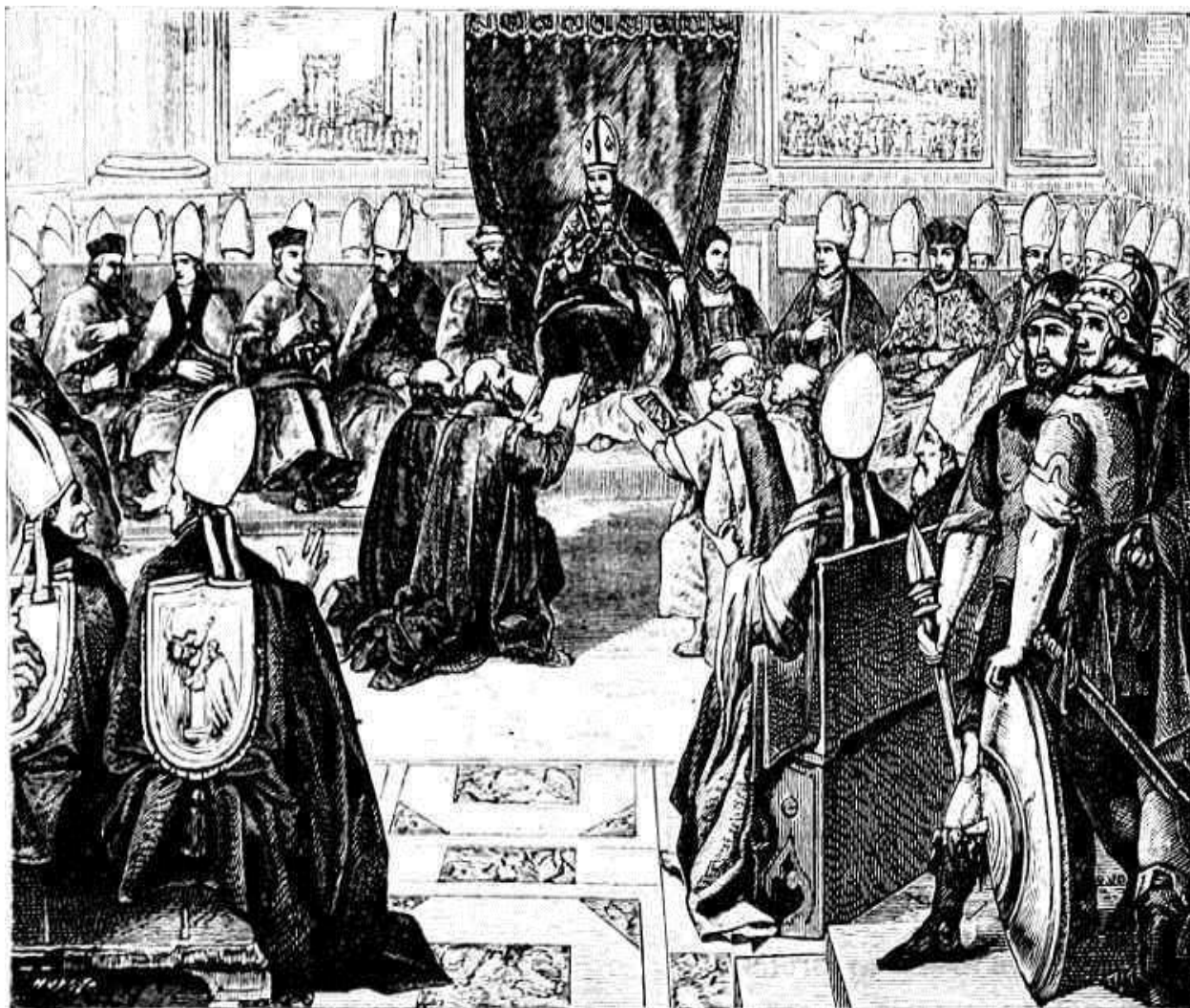

Рис. 150.- Вьеннский собор.- Фреска, выполненная в Ватиканской библиотеке по приказу папы Пия V (XVI век).

Папа признал существование серьезных нарушений среди рыцарей ордена, но упорно оставлял за собой право вынести окончательное решение. Однако он поручил каждому епископу христианского мира расследовать дела в пределах своей епархии, отпустить невиновных и осудить виновных тамплиеров по всей строгости закона.

Провинциальный совет Парижа передал пререкания светским властям; пятьдесят девять провинившихся рыцарей были сожжены в этом городе на задворках аббатства Святого Антуана. Второй собор, в Сенлисе, аналогичным образом передал девять тамплиеров на милость светского судьи, который приговорил их к сожжению на костре. Говорят, что преступники отказались от своих признаний на эшафоте и умерли, заявив о своей невиновности. Как только комиссарам, назначенным папой, сообщили об этих казнях, они приостановили свои заседания, заявив, что ужас, внушенный этими смертными приговорами, лишил заключенных спокойствия духа, необходимого для их защиты. Они также попросили Парижский совет действовать более обдуманно.

Получив все необходимые сведения, папа Климент V созвал Вьеннский собор (рис. 150) и 22 марта 1312 года огласил свое решение, которое скорее оправдывало, чем осуждало

орден, и передавало их лица и имущество в его распоряжение и в распоряжение церкви. В Испании и Португалии это имущество было использовано для защиты христиан от постоянных нападений сарацин и мавров (рис. 151); но большая часть владений тамплиеров, особенно во Франции, была передана на хранение госпитальерам Святого Иоанна Иерусалимского, которые продолжали посвящать себя делу защиты святых мест и продолжать добрые дела, на которые тамплиеры получали столь многочисленные и дорогостоящие пожертвования.

Серьезные злоупотребления и преступления, ставшие причиной пресечения деятельности ордена, к счастью, не погубили всех его членов: большинство тамплиеров были отпущены на свободу, многие из них, сохранив свой прежний сан, записались в орден Святого Иоанна. Таким образом, как отмечает Вильке, Альберт де Блакас, настоятель Экса, получил командорство в Сен-Морисе как настоятель госпитальеров; а Фредерик, великий настоятель Нижней Германии, сохранил этот титул в ордене Святого Иоанна Иерусалимского.

Рис. 151. Богоматерь Милостивая укрывает под складками своей мантии первых Великих магистров Военного ордена Монтессы. Этот орден был учрежден в Испании в 1317 году Яковом II, королем Арагона, с одобрения Иоанна XXII, как замена ордена Храма, владениями которого он был наделен. С картины на дереве XV века, хранящейся в церкви Храма в Валенсии, и из "Иконографии Испании" М. Кардереры.

Папа специально зарезервировал свое решение по делу великого магистра Жака де Моле, по делу визиря Франции, а также по делу командующих Гиенью и Нормандией. Несколько

кардиналов-легатов, а также некоторые французские епископы и доктора Парижского университета составили трибунал, который должен был вынести приговор от имени понтифика. Убедившись, что эти четыре выдающихся рыцаря повторили свои клятвы перед второй комиссией, члены трибунала, убежденные в их виновности, возвели эшафот перед Нотр-Дам, и там, в понедельник, 18 марта 1314 года, четыре тамплиера были публично приговорены к пожизненному заключению. На эшафоте великий магистр и один из остальных отказались от признания своей вины и заявили о своей невиновности. Кардиналы, удивленные этим отказом, передали узников на попечение парижского прокурора с приказом доставить их к ним на следующий день, когда у трибунала будет время обсудить это новое происшествие. Но Филипп ле Бель, узнав о происходящем, поспешно собрал свой совет и приказал в ту же ночь сжечь живьем великого магистра и других тамплиеров, которые так же упорно отрицали свою дважды оговоренную вину. Они подверглись этой ужасной пытке, до последнего протестуя против своей невиновности. Двух оставшихся рыцарей, признавших свою вину, некоторое время держали в тюрьме, но затем отпустили на свободу.

Рис. 152.- Сдача города Монтефрио, близ Гранады, в 1486 году. Альсиды и мавританские вожди после осады передают ключи от города Фердинанду Католическому и королеве Изабелле. Барельеф на стенах хора главного алтаря собора, вырезанный из дерева в XVI веке.

В Средние века или в эпоху Возрождения были основаны и другие рыцарские ордена, имевшие более или менее религиозный характер: главные из них - рыцарский орден Калатравы в Испании; рыцарский орден Тевтона в Германии; орден Золотого руна в Низких

странах, в Испании и в Австрии; орден св. Лазаря в Савойе, Святого Стефана в Тоскане, а во Франции - Святого Михаила и Святого Духа, которые были просто почетными орденами, хотя первый орден Святого Духа, основанный в 1352 году Людовиком д'Анжу, королем Иерусалима и Сицилии, ставил своей целью восстановление по сути военного рыцарства, как средства для осуществления нового крестового похода.

Рыцари Калатравы, которым их основатель, дон Раймонд, аббат Сито, навязал устав своего монастыря, отличились многими блестящими подвигами, особенно против мавров Испании и Африки (рис. 152); и князья, за которых они сражались в этих войнах, названных, как и крестовые походы на Востоке, святыми, даровали им большие владения и значительные привилегии. Они были связаны тройным обетом бедности, послушания и целомудрия и, подобно тамплиерам, носили красный крест, вышитый на белой мантии. Со времен Фердинанда Католика и Изабеллы государи Испании всегда были великими магистрами этого ордена, который приобрел и долгое время сохранял значительное значение, даже когда перестал означать что-либо, кроме признака знатности. Орден Алькантары, имевший схожее с Калатравой происхождение, сделал аналогичную карьеру и так же был обречен на упадок. Испания также была единственной страной, в которой существовал дамский военный орден. После героической обороны Плаценции от англичан женщинами этого города в 1390 году Иоанн I, правитель Кастилии, создал в их честь орден Дам с поясом, который впоследствии был объединен с орденом Пояса, основанным в XIV веке для борьбы с маврами.

Тевтонские рыцари, чей орден был основан в 1128 году в Иерусалиме немецкими крестоносцами, подчинялись правилам святого Августина. Кроме того, они подчинялись специальным уставам, несколько схожим с уставами рыцарей Святого Иоанна и Храма, привилегиями которых они также пользовались. Их первый великий магистр, Анри Вальпот, основал свою резиденцию недалеко от Сен-Жан-д'Акр.

Этот орден, как и орден Святого Иоанна, делился на рыцарей, капелланов и служащих братьев. Его члены носили белую мантию с довольно широким черным крестом, украшенным серебром, на левом рукаве. Для принятия в орден необходимо было, чтобы кандидат был старше пятнадцати лет и обладал крепким, выносливым телосложением, чтобы выдержать тяготы войны. Рыцари, связанные обетом целомудрия, должны были избегать любых сношений с женщинами; им не разрешалось даже сыновне целовать собственных матерей, когда они приветствовали их. У них не было никакой личной собственности; они всегда оставляли двери своих келий открытыми, чтобы все могли видеть, чем они занимаются. На их руках не было ни золотых, ни серебряных украшений, и в течение долгого времени они проводили свою жизнь в великом смирении. Их самый знаменитый великий магистр, Герман де Сальса, получил в 1210 году от папы Гонория III и императора Фридриха II, которого он примирил, большие владения и высокие почести.

Тевтонские рыцари завоевали Пруссию, Ливонию и Курляндию, а в 1283 году стали хозяевами всей территории между Вислой и Неманом. В 1309 году они покинули Венецию, где за двадцать лет до этого их великий магистр основал свою резиденцию, и выбрали Мариенбург в качестве штаб-квартиры. К этому времени орден достиг кульминационной точки своего процветания, а его господство в Германии имело самые благоприятные результаты для Пруссии. Но роскошь вскоре начала подрывать религиозную веру рыцарей, а внутренняя борьба, вызванная выборами великих магистров, внесла новые элементы упадка в их организацию.

Рис. 153. Санча де Роксас, умерший в 1437 году, в шарфе, который был знаком отличия военного ордена, носившего его имя (XV век). Из "Иконографии Испании" М. Кардереры.

Втянутый в бесконечные конфликты с Литвой и Польшей, орден потерял свои знамена, сокровища и главных защитников в катастрофической битве при Грюнвальде в 1410 году и был бы полностью уничтожен, если бы не Генрих фон Плауэн. После смерти этого прославленного великого магистра рыцари, которым Торнский договор вернул их территориальные владения, теряли их один за другим в течение нескольких лет, прошедших между 1422 и 1436 годами. В течение тринадцати лет Казимир IV, король Польши, призванный в Пруссию жителями, восставшими против деспотического правления рыцарей, опустошал страну, которую взялся защищать. Орден, изгнанный из Мариенбурга и Коница, сохранил за собой только Восточную Пруссию, да и та находилась под властью Польши; его великий магистр, штаб-квартира которого теперь находилась в Кенигсберге, фактически был князем и советником Польши. Поскольку Пруссия была вотчиной Церкви, великий магистр Тевтонского ордена был связан клятвой сохранить ее для Церкви и своего собственного ордена. Альберт Бранденбургский, его последний великий магистр, был связан этой клятвой, а также тройным обетом бедности, послушания и целомудрия, который он дал при вступлении в орден. Чтобы избавиться от оков этих клятв, он присоединился к лютеранской церкви и разделил владения своего ордена со своим дядей, престарелым Сигизмундом, королем Польши, который из этих соображений пожаловал ему титул наследственного герцога Пруссии. Так было положено начало королевской семье Пруссии. После такого легкого приобретения титула и территории Альберт Бранденбургский женился на дочери короля Дании. Орден тевтонских рыцарей, разумеется, прекратил свое существование.

Рис. 154.- Тевтонский рыцарь. Факсимиле гравюры Йоста Аммана в его работе под названием "Cleri totius Romanæ ecclesiæ ... habitus:" 4to, Frankfort, 1585.

Рис. 155.- Глава Золотого руна, хранившаяся у Карла Смелого. Рукопись XV века, хранящаяся в Бургундской библиотеке, Брюссель.

Орден рыцарей Золотого руна был основан только в 1449 году. Его учредил Филипп Добрый, герцог Бургундии и граф Фландрии, чтобы побудить вельмож своего двора присоединиться к нему в войне против турок и привязать своих подданных более тесными узами к службе государству. Крестовый поход так и не состоялся, но орден сохранился и до сих пор существует в качестве геральдического отличия.

Этот орден, находящийся под покровительством святого Андрея, первоначально состоял из двадцати четырех рыцарей высокого ранга и с прекрасным характером; их число было увеличено герцогом Бургундским до тридцати одного, а затем Карлом V - до пятидесяти одного. Выборы рыцарей проходили на капитулах ордена и решались большинством голосов. Отличительным знаком ордена был золотой ошейник, украшенный герцогским знаком, который состоял из двух сталеи и двух кремней, переплетенных между собой, с девизом: "*Ante ferit quam micat*" ("Прежде бьет, чем зажигает"). К воротнику была подвешена золотая овца или овечье руно с надписью *Pretium non vile laborum* (Справедливая награда за труд) (рис. 155). После брака Филиппа ле Бо, сына императора Максимилиана и Марии Бургундской, с Джейн Арагонской в 1496 году, король Испании и император Австрии являются в своих странах суверенными шефами ордена Золотого руна.

В Савойе также существовал военно-рыцарский орден, сохранившийся до наших дней. Когда Амадей VIII, при котором Савойя была возведена императором Сигизмундом в ранг герцогства, решил жить затворником, он пожелал создать светский рыцарский орден с самим собой в качестве его главы. В качестве резиденции для нового ордена он построил уединение в Рипайе, недалеко от Женевского озера, и передал его под покровительство святого Маврикия, покровителя Савойи. Первые рыцари, которых было всего шесть человек, отличались крестом из белой тафты, нашитым на их платье. Однако преемники Амадея VIII так пренебрегали орденом, что он уже был на грани исчезновения, когда герцог Эмануэль Филиберт в 1572 году добился от Григория XIII буллы о его восстановлении; вскоре после этого второй буллой рыцари Святого Лазаря и Святого Маврикия были объединены.

Рыцари дали ту же тройную клятву, что и тамплиеры; они поклялись в верности герцогам Савойским и обязались вести войну против еретиков, которые из Женевы постоянно угрожали границам герцогства. Орден обладал значительной собственностью, а его штаб-квартиры находились в Ницце и Турине.

Знак ордена представлял собой белый крест с соцветиями, под которым находился второй крест, окруженный зеленью, с изображением двух святых покровителей.

Рыцари Святого Стефана, орден, основанный в 1562 году Космо Медичи, великим герцогом Тосканским, принимали активное участие в морских сражениях на Средиземном море, где постоянно преследовали османские галеры или высаживались на берега окрестных варварских государств. В середине семнадцатого века они хвастались, что с момента создания ордена освободили до пяти тысяч шестисот христианских пленников и пятнадцать тысяч рабов.

Этот орден по своим обычаям и церемониям был поразительно похож на Мальтийский; как и он, он делился на военных и церковных рыцарей.

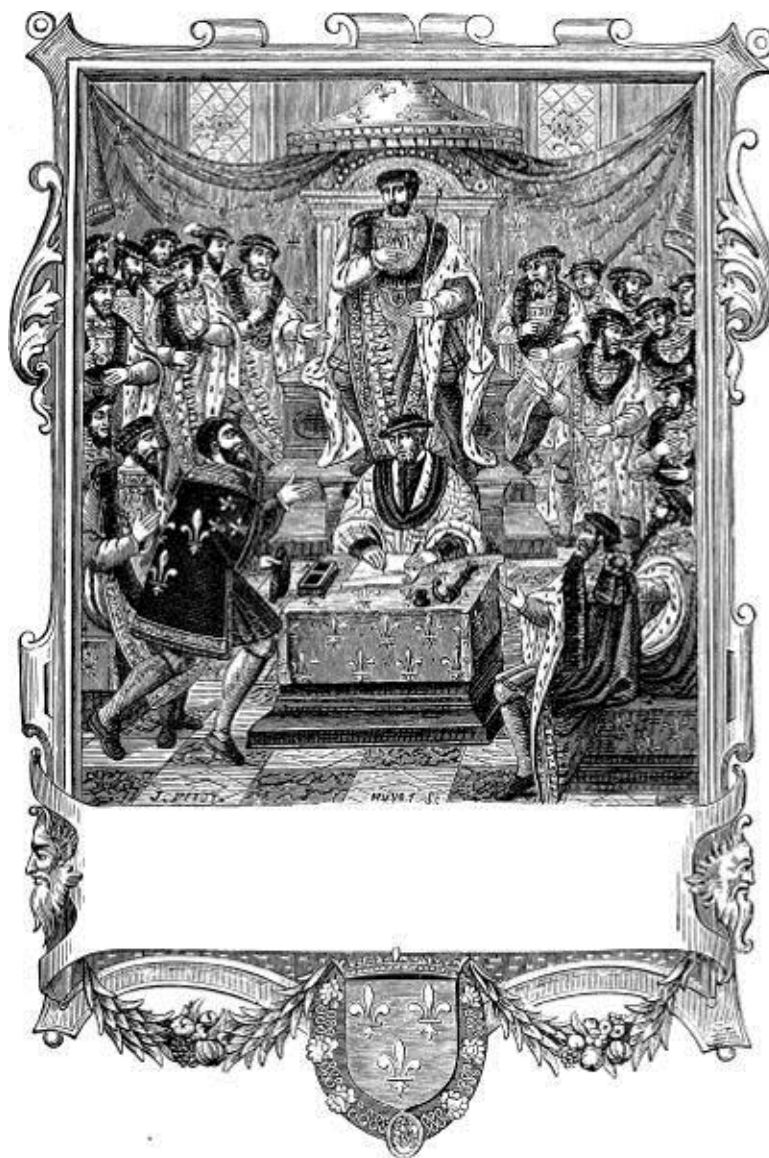

Рис. 156.- Прием кавалера ордена Святого Михаила, который был учрежден 1 августа 1469 года Людовиком XI в замке Амбуаз. Факсимиле миниатюры из "Статуты ордена", датируемой Плесси-ле-Тур. Рукопись XVI века, хранящаяся в библиотеке месье Амбра. Фирмин-Дидо.

Во Франции существовало несколько военно-рыцарских орденов, учрежденных государями, но их почетный характер заставлял рассматривать их скорее как награды за хорошую службу, оказанную монархии, чем как торжественное обязательство взять в руки оружие для какого-либо определенного дела. Вряд ли стоит упоминать об Ордене Звезды, который пытались проследить до короля Роберта и 1022 года, но реальное происхождение которого датируется только королем Иоанном. Старейшими королевскими рыцарскими орденами являются те, которые Людовик IX основал, чтобы побудить своих дворян присоединиться к нему в его экспедициях за моря и принять участие в крестовых походах. Орден Козы де Женесте, учрежденный в 1254 году, был пожалован в более поздний период сержантам короля, телохранителям из ста джентльменов, на которых была возложена особая обязанность защищать особу государя от убийц, подосланных Горным Стариком. Орден Корабля, учрежденный в 1269 году, прекратил свое существование вскоре после второго крестового похода Людовика Святого, который перед отъездом наградил им некоторых из своих самых прославленных последователей.

Орден Святого Михаила был основан в 1469 году Людовиком XI во исполнение обета, данного его отцом, который питал особое почтение к этому святому, ангелу-хранителю и покровителю Франции (рис. 156). Образ святого Михаила уже был вышит золотом на знамени короля, который учредил новый рыцарский орден "в честь, - говорится в уставе, - первого рыцаря, который в божьей брани сразился с древним врагом рода человеческого и заставил его пасть с небес". В состав ордена входили тридцать шесть рыцарей, обладающих прекрасным именем и оружием, во главе которых стоял назначивший их государь. Воротник ордена состоял из золотых раковин, инкрустированных фигурой святого Михаила, низвергающего сатану. Кроме этого воротника, рыцари носили в торжественных случаях белую мантию с капюшоном из малинового бархата.

А, дверь, из которой выходили рыцари, а затем шли по террасе, отмеченной буквой В, выходили в дверь, отмеченную буквой С, и так до места, где посвящали новых рыцарей.

Д, трубы.

Е, барабаны.

Г, фифы и хаутбои.

G, четыре герольда, идущие по двое.

H, король-оруженосец Франции, идет один.

I, сеньор де Бургнеф, ординарец, идет один.

K, сьер дю Пон, герольд ордена, идет один.

L, три офицера ордена, идущие рядом: мсье д'Ашер, проректор и церемониймейстер; Бутилье, великий казначей; Дюре-Шеври, секретарь.

M, мсье де Бульон, хранитель печатей ордена, идет один.

N, рыцари-послушники, идут по двое, каждый в соответствии со своим званием.

O, командоры, идут также по двое и по двое, каждый в соответствии со своим званием.

P, король, идет сам, его поезд несет маркиз де Жевр; за его величеством идет кардинал герцог де Ришелье, сам, его поезд несет алмонер.

Рис. 157. Процессия рыцарей ордена Святого Духа пересекает двор дворца Фонтенбло по пути в часовню для церемонии посвящения новых рыцарей.

Рис. 158.- Государственные перчатки из вышитого шелка, золота и серебра, с монограммой Христа, ранее принадлежавшие Людовику XIII. Оригиналы находятся в коллекции М. Жюбиналя.

Орден Святого Духа был последним военным орденом, который сами государи Франции вручили к концу XVI века. И он, и орден Святого Михаила назывались орденами короля. Генрих III в 1579 году учредил орден в честь Бога, в частности Святого Духа, под чьим вдохновением он совершил "свои лучшие и удачнейшие подвиги", по выражению статута ордена. Со дня своего восшествия на престол он всегда намеревался основать этот орден, идея которого возникла у него еще в детстве после ознакомления с уставом первого ордена Святого Духа, учрежденного в Неаполе в 1352 году одним из его предков, Людовиком

Анжуйским, королем Иерусалима и Сицилии. Эти уставы бережно хранились в драгоценном манускрипте, миниатюра которого с изумительным искусством изображала все церемонии ордена. Манускрипт был подарен дворянами Венеции Генриху III по возвращении из Польши. Этот принц, однако, мало что позаимствовал из древнего устава, который был составлен с учетом военных заслуг, которые рыцари ордена, числом три, могли бы оказать в крестовых походах в Палестину. Новый орден Святого Духа, хотя и был военным, должен был собрать вокруг короля, который был его верховным главой, тело из ста рыцарей, отобранных из числа самых выдающихся и самых прославленных персон двора, церкви и дворянства. Знаками отличия ордена были воротник, состоящий из золотых флер-де-лис, увенчанный эмалированным пламенем, образующим инициалы короля и его супруги Луизы Лотарингской, и крест с серебряным голубем, эмблемой Святого Духа. На собраниях своего ордена рыцари облачались в дорогие круглые мантии из синего бархата, украшенные золотыми флер-де-лис (рис. 157). Эти собрания, которые сначала проводились в церкви Августинцев в Париже, где проходили торжественные приемы новых членов, затем были перенесены в Лувр, где их отмечали с необычайной пышностью. Правда, статуты предписывали каждому светскому рыцарю брать оружие для своего государя, когда тот готовился к войне для защиты своих владений или в интересах своей короны; но они никогда не соблюдались неукоснительно в этом отношении, и орден Святого Духа, сохраняя свой военный и религиозный характер во всех торжественных случаях, никогда не играл никакой другой роли, кроме демонстрации и геральдической претензии. Однако государи во все времена крайне ревностно относились к привилегии назначать его рыцарей, и последние на протяжении более чем трех столетий составляли фактический почетный караул королевского дома Франции.

Рис. 159.- Святой Георгий, покровитель воинов, побеждающий дракона. Из гробницы кардинала Жоржа д'Амбуаза в Руане (XVI век).

ЛИТУРГИЯ И ЦЕРЕМОНИИ.

Молитва.- Литургия святого Иакова, святого Василия и святого Иоанна-Златоуста.- Апостольские конституции.- Жертвоприношение мессы.- Совершение крещения.- Канонические покаяния.- План и устройство церквей.- Церковная иерархия.- Церемония рукоположения.- Церковные колокола.-Токсин.-Поэзия готических церквей.-Бревиарий и Миссал Пия V.-Церемонии, используемые в семи таинствах.-Экскоммуникация.-Булла *In Cœnâ Domini*.-Процессии и мистерии на пасхальных торжествах.-Инструмент мира.-Освященный хлеб.-Пикс.-Голубь.

Именно первый Собор в Ницце в 325 году придал обычаю молитвы на коленях достоинство канонического права, и удивительно, что ни на одной из картин катакомб не изображен верующий, стоящий на коленях. Однако из Деяний апостолов мы знаем, что с первых дней христианства было принято преклонять колени во время молитвы. Что касается публичных молитв первых христиан, то текст основных из них дошел до наших дней в неизменном виде. Еще в конце I века младший Плиний, писавший Траяну, рассказывал, что христиане имели обыкновение собираться на рассвете и петь гимн в честь Христа, которому они поклонялись как Богу. Это ценное свидетельство, к тому же подтвержденное известным обычаем, господствовавшим в ту же эпоху в Антиохийской церкви, праздновать Святую Троицу (рис. 160 и 161) пением гимнов и прославлять Христа, Слово Божье, пением кантиков и псалмов. Святой Ирений, писавший в середине второго века, также упоминает в своем труде против ереси своего рода *Gloria in excelsis*, которая пелась на греческом языке в христианских собраниях во время освящения воинства, и которую можно перевести следующим образом: "Тебе вся слава, почитание и благодарение; честь и поклонение Отцу, Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков в бесконечной вечности!" Народ ответил: "Амины!". В догматических трактатах, написанных Тертуллианом в конце II века, этот великий языческий философ, перешедший в христианство, не раз упоминает о первых попытках создания литургии, которую Церковь использовала при совершении таинств. Он рассказывает о тайных собраниях, на которых пели псалмы, читали Писание и произносили назидательные речи; упоминает о публичных молитвах от имени царствующего государя, его министров и крупных государственных чиновников; описывает церемонии, формы молитв и религиозные песнопения, которые использовались в соответствии с определенными обрядами, разрешенными в латинской церкви, среди которых можно выделить *Патер* Нового Завета, этот простой, но возвышенный и трогательный призыв слабого человечества, распростертого перед Всевышним.

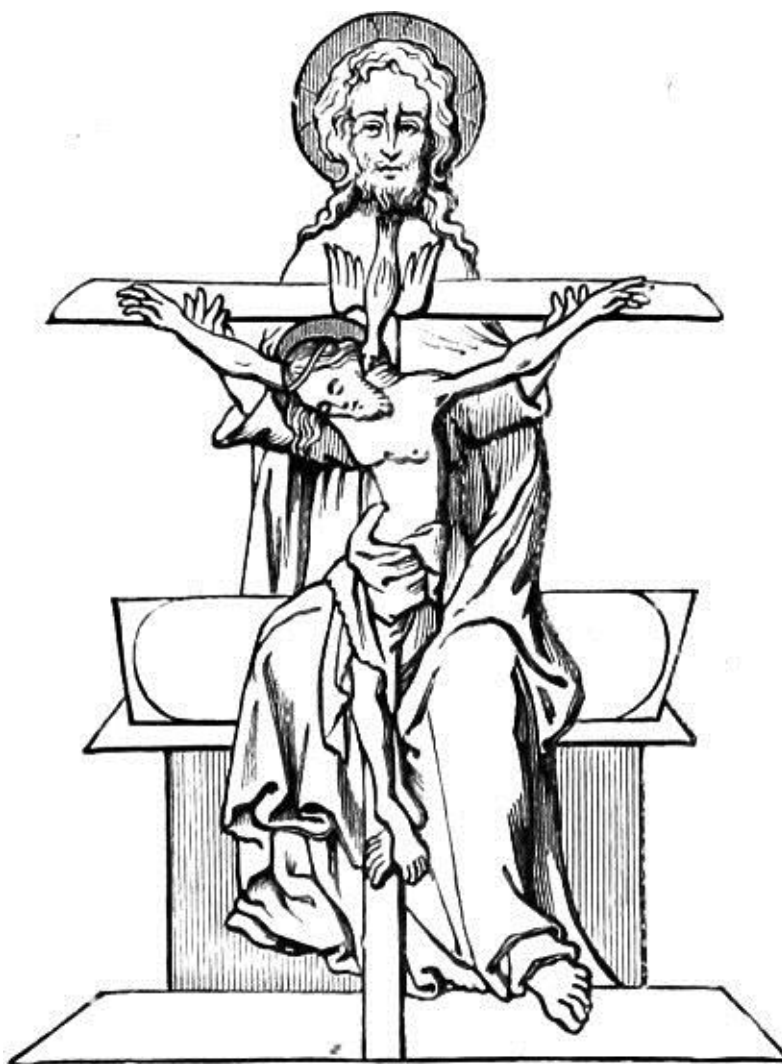

Рис. 160. Символ Троицы, расположенный вертикально: Сын внизу, Отец сверху, а Святой Дух в центре. Святой Дух нисходит из уст Отца, оседает на голове Сына и исходит из обоих. Скопировано с французской миниатюры графа Горация де Вьелькастеля (XIV век).

Рис. 161. Три лица Троицы на одной голове и теле. С первого взгляда читается: "Отец не есть Сын; Отец не есть Святой Дух; Святой Дух не есть Сын". Но от углов к центру также читается: "Отец есть Бог; Сын есть Бог; Святой Дух есть Бог". Напечатано Симоном Востре в 1524 году.

Церковь Неокесарии с самого начала использовала литургию святого Иакова, самую раннюю из восточных литургий, пока святой Василий, справедливо прозванный Великим, поскольку он был одним из самых прославленных Отцов Греческой Церкви в четвертом веке, не изменил и не сократил ее. Немного позже она стала известна как литургия святого Златоуста, из-за важных изменений, внесенных в нее этим отцом Церкви.

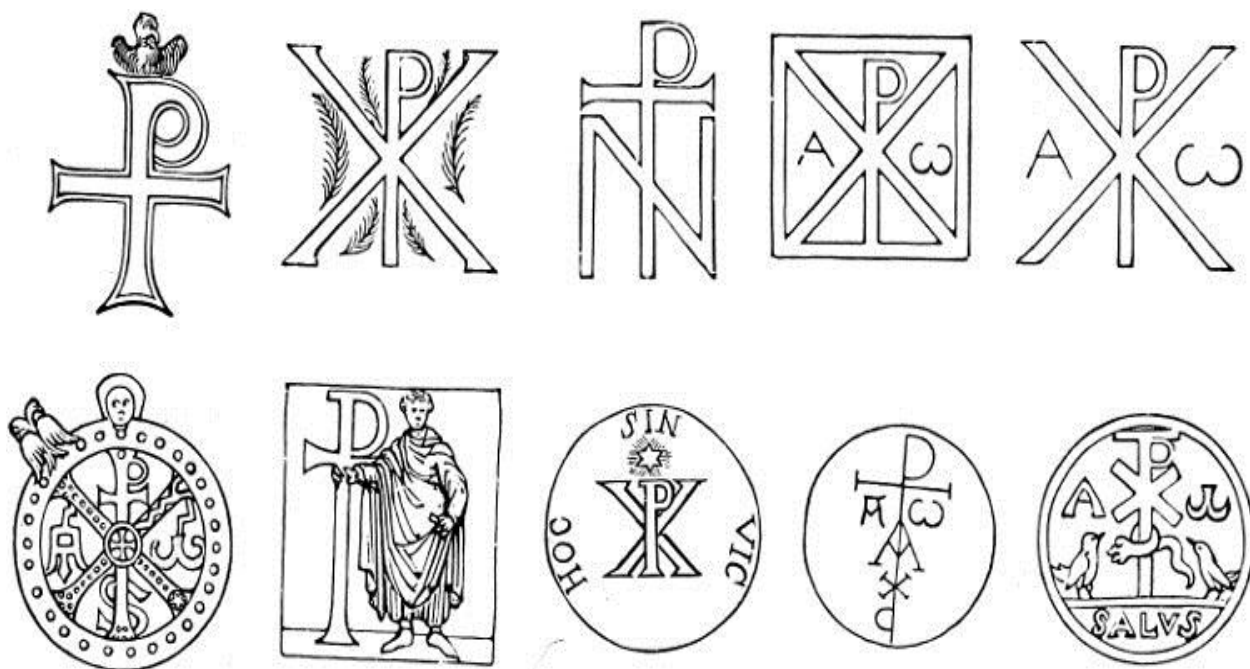

Рис. 162-171.- Монограммы Христа, относящиеся к первым векам Церкви, за исключением двух последних. В основном они состоят из переплетенных букв Х и Р, с которых начинается слово Христос (ΧΡΙΣΤΟΣ); одна сопровождается буквой Ν [Nazarenes]; несколько имеют по обе стороны буквы α и ω, в аллюзии к тексту "Я - начало и конец". Две из этих монограмм из катакомб напоминают *лабарум* Константина, особенно та, на которой имеется знаменитая надпись "In hoc signo vinces"; но нет уверенности, что они правильно приписаны. Две последние - из церквей Сен-Мартен де Лескас (Жиронда) и Сен-Экзюпер д'Арро (Верхние Пиренеи), построенных в XI и XII веках.

Каноны Лаодикийского собора, состоявшегося в 364 году, содержат множество правил чтения псалмов и уроков, которые, согласно Тертуллиану, уже во втором веке читались на *Турсе*, *Сексте* и *Ноне*, то есть в третий, шестой и девятый час дня - на вечерне или вечерней молитве, а также на молитвах, возносимых епископами, будь то во время церемоний крещения и евхаристии или над катехуменами и кающимися. Только после обращения Константина публичные молитвы стали общепринятыми в Константинополе даже среди войск. Константин построил в своем дворце ораторию, где вместе с ним молился весь его двор. Он пожелал, чтобы его солдаты, будь то христиане или язычники, каждое воскресенье повторяли вслух определенные молитвы, относящиеся к религии Иисуса Христа. Историк Евсевий рассказывает об этом факте. Сохранилась запись о молитве, которую, по словам императора Максиминия, он получил из рук ангела и которую он зачитал своим солдатам в 313 году, перед тем как дать бой Лицинию, своему сопернику за императорский трон.

Рис. 172.- Греческая карикатура, нарисованная на стене Палатината в третьем веке и хранящаяся в музее Кирхера в Риме.

Объект почитания христиан представлен распятой фигурой с ослиной головой, смотрящей вниз на маленькую фигурку человека: она сопровождается греческой надписью, означающей "Алексамен, поклоняющийся своему Богу". Уменьшен до четверти размера оригинала.

В IV веке почти повсеместно, как на Западе, так и на Востоке, было принято после воспевания хвалы Богу возносить молитвы за царствующего государя и ведущих властителей цивилизованного мира. Например, когда святой Афанасий воскликнул в присутствии верующих, собравшихся в великолепной базилике Цезарей: "Помолимся о безопасности благочестивейшего императора Константина", все собрание ответило единым гулким голосом: "Christe, auxiliare Constantio!" ("Помоги Константину, о Христос!") Приведенные выше примеры и многие другие, которые легко почерпнуть из истории раннего христианства, доказывают, что в четвертом веке во Франции, в Италии, в Испании, а также в церквях Востока и Африки христианские верующие имели обыкновение читать вслух или низким тоном установленную форму молитв, петь, или скорее медленно интонировать псалмы, и петь гимны. Разве святой Паком не приказывал своим монахам дважды в день читать псалмодию, состоящую из псалмов, перемежающихся с молитвами? Разве не святой Иларий из Пуатье заложил основы галликанской литургии, как святой Амвросий - основы ломбардской литургии, в то время, когда святой Златоуст и святой Августин пересматривали литургии Восточной и Африканской церквей?

Рис. 173.- Картина, символизирующая катакомбы Рима: Иисус Христос, изображенный в виде Орфея, очаровывает звуками своей лиры диких и домашних животных, а также деревья, которые склоняются к нему, чтобы послушать. Фреска I или II века, с кладбища Домитилла.

Обычно было принято следовать предписаниям так называемых "Апостольских конституций", примитивного труда, датированного вторым веком. Эти конституции предписывали читать псалмы общине утром, в третьем, шестом и девятом часу дня, на вечерне и на петухах, то есть на рассвете. Но верующие, которым гонения долгое время не позволяли открыто собираться в священных зданиях, сначала возносили свои молитвы наедине или, возможно, в окружении только своих семей и нескольких близких друзей. Тертуллиан рассказывает, что каждый стремился проявить наибольшее усердие в пении хвалы Богу. В четвертом веке христиане как Востока, так и Запада были так ревностно привязаны к псалмопению, что никто не хотел пропустить его в назначенный час, где бы он ни находился. "Вместо любовных песен, которые раньше звучали в любое время и в любом месте, - пишет святой Иероним в письме к своему другу Марцеллину, - труженик за плугом напевает *"Аллилуйя"*, жнец, обливаясь потом, повторяет псалмодию, отдыхая от трудов, а работник в винограднике воспевает благодарственный стих Давида, работая своим кривым серпом".

Рис. 174.- Серебряная позолоченная кружка, показывающая ее разные стороны; на одной стороне изображена голова Христа с нимбом, на другой - Святого Петра. (Первый или Второй век.)-Музей Ватикана.

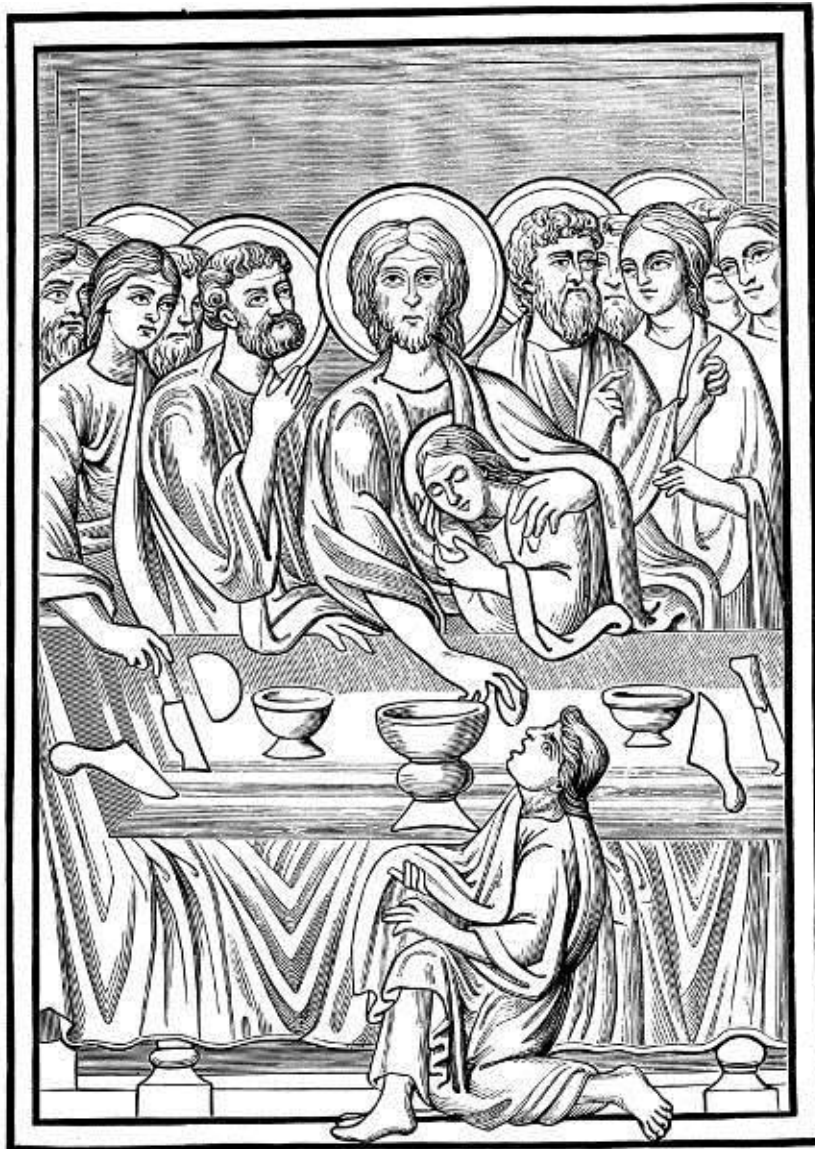

Рис. 175. Тайная вечеря, символически представленная как первая евхаристическая жертва. Иисус, окруженный своими учениками, с Иоанном, своим любимым учеником, опирающимся на его грудь, преподносит свое тело и кровь в виде хлеба и вина другому ученику, стоящему на коленях перед столом - с миниатюры XI века в Бургундской библиотеке, Брюссель.

Задолго до появления церквей, открытых для публики, апостолы "преломляли хлеб с верными" в гостевых покоях частных домов; их ученики последовали их примеру в подземных кладбищах, называемых катакомбами, где ранние христиане собирались для празднования Вечери Господней (рис. 175). Это таинство, примитивная форма которого нам неизвестна, не называлось *мессой* (*missa*) до середины четвертого века. "Именно в воскресенье, - говорит святой Амвросий, родоначальник амвросианского обряда, - я впервые совершил мессу". Название мессы, о значении и происхождении которого самые ученые христианские археологи отнюдь не согласны, по-видимому, произошло от древнееврейского слова, обозначающего жертвоприношение или жертву; или, возможно, от латинского *missa*, от *mittere*, отсылать или уходить. Апостольская дисциплина требовала, чтобы таинству предшествовала проповедь, а перед ее началом катехумены, те, кто еще не был крещен, должны были покинуть святилище. "После проповеди, - говорит святой Августин, - катехумены отсылаются" (*fit missa*).

Рис. 176. Чудесная месса св. Григория Великого (VI в.), изображающая реальное присутствие Иисуса Христа в евхаристии. Миниатюра из требника XV в., хранящегося в коллекции мсье Амбр. Фирмин-Дидо.

Однако существовала месса для катехуменов, которая состояла из вступительных молитв, уроков из Ветхого и Нового Заветов и проповеди епископа. Настоящая месса, совершаемая только для верующих, называлась евхаристией. "Это мессы, - говорит святой Цезарий Арльский, - когда тело и кровь Христа приносятся в жертву" (рис. 176).

Сначала месса совершалась раз в неделю и всегда в воскресенье. Во втором веке таинство или евхаристическая жертва совершалась три раза в неделю: в воскресенье, в среду и в пятницу. В следующем веке Восточная церковь постановила, что оно должно совершаться и в субботу. На Западе месса совершалась только по воскресеньям, за исключением исключительных случаев; в то время как во времена святого Августина в епархиях Африки, Испании и Константинополя она совершалась каждый день. Только в шестом веке в латинской церкви стало принято совершать мессу каждый день.

С течением времени и увеличением числа верующих количество месс было значительно увеличено, особенно в дни великих праздников и на Страстной неделе. Один и тот же священник имел право совершить несколько, но после каждой он обязательно очищал

пальцы в потире, содержимое которого затем переливалось в подходящий сосуд и употреблялось на последней мессе либо самим священником, либо дьяконами и клириками, либо теми из мирян, кто находился в состоянии благодати. Сначала все мессы пелись или, скорее, распевались; все они были публичными и могли совершаться только в епархиальных или приходских церквях. Однако необходимость вскоре ввела низшие или *частные* мессы, названные так потому, что они совершались в одной из малых святынь или часовен, в обычный день или перед небольшой общиной.

Епископы, преемники апостолов, в течение первых двух веков имели право совершать торжественные обряды крещения. Священники, подчиняясь епископу, были помощниками в совершении этого таинства. Дьяконы могли совершать его только с особой санкции епископа. В случаях крайней необходимости к крещению допускались миряне, если они обладали безупречной нравственностью и были конфирмованы. В Латинской церкви, как и на Востоке, публичное крещение совершалось только на бдениях Пасхи и Пятидесятницы; в Галликанской церкви - на Рождество, как в случае с королем Хлодвигом. Частное крещение могло совершаться в любое время, когда это считалось необходимым.

В день, отведенный для крещения, избранные катехумены собирались в церкви в полдень, чтобы пройти окончательный экзамен (рис. 177); в полночь они снова собирались там, пасхальный тапер и вода освящались, и священник спрашивал катехуменов, отрекаются ли они от *дьявола, мира* и его *приблуд*. Они ответили: "Да". Затем священник потребовал от них исповедания христианской веры, тщательно подготовленного заранее, после чего они подверглись краткому экзамену по статьям Символа веры. Когда эти предварительные процедуры были завершены, дьякон представил священнику катехуменов, раздетых донага, но покрытых вуалью. Затем каждый из них входил в большой сосуд с водой и трижды погружался в воду (рис. 178); при каждом погружении епископ вызывал одно из лиц Святой Троицы - обычай, который преобладал до шестого века в Западной Церкви и до восьмого - в Восточной. После погружения помогающий дьякон помазывал лоб катехумена святым елеем, а священник надевал на него *хрисмаль* - струящееся белое одеяние, которое он носил восемь дней. В таком облачении, держа в руках зажженные светильники, новые христиане шли процессией от места крещения к базилике. Перед мессой они принимали таинство конфирмации; затем им давали смесь меда и молока - символ их вступления в землю обетованную, то есть на путь евангельских привилегий. Независимо от возраста новокрещенных называли детьми (*pueri, infantes*).

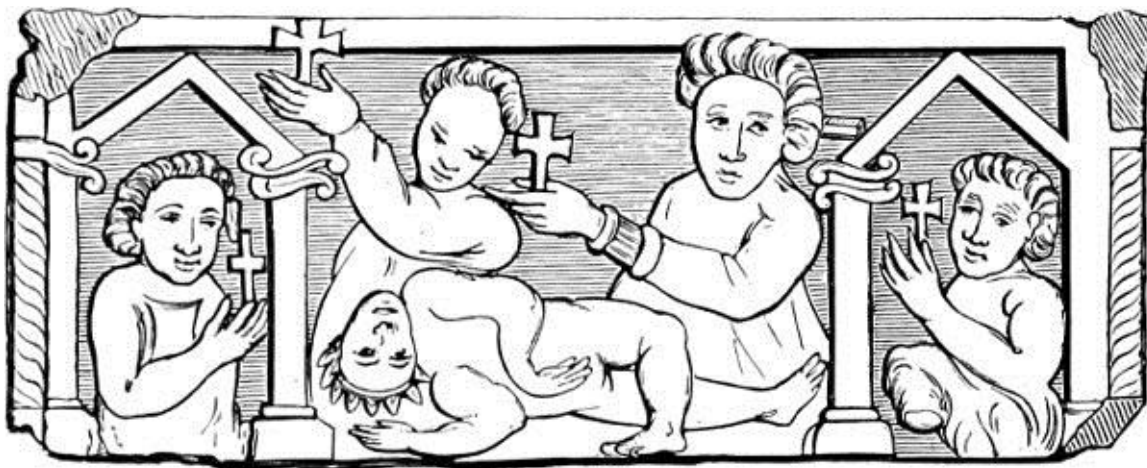

Рис. 177.- Экзорцизм катехумена четырьмя священнослужителями, которые прикладывают к нему крест, чтобы изгнать дьявола из его тела, перед его крещением - с барельефа IV или V века, найденного в Перозе. Paciaudi, "De Sacris Christianorum Balneis:" Venitiis, 1750, 4to.

Крещение окроплением, как это практикуется сейчас, не было неизвестно первобытной церкви, но оно принималось только в экстренных случаях, когда погружение могло быть опасным для катехумена, или когда было целесообразно крестить многих за один раз. В девятом веке крещение окроплением вошло в обычай, и вскоре оно стало единственным используемым методом.

Рис. 178.- Крещение саксов, завоеванных Карлом Великим. Миниатюра из рукописи № 9 066 в Бургундской библиотеке, Брюссель (XV век).

Догмы христианства были бы мертвой буквой для большинства неофитов, если бы они не сопровождалась строгой и постоянной дисциплиной. Церковь предвидела это и проявила свою суровость, хотя в то же время давала поблажки кающимся. Она установила своеобразную шкалу наказаний, строгость которых была пропорциональна тяжести совершенных преступлений. У меньших преступников отбиралась привилегия приношения, то есть им не разрешалось ни возлагать жертвы на алтари, ни принимать евхаристию; более закоренелые и мятежные грешники исключались из общения верующих и не допускались к

участию в общественных богослужениях; те, кто был виновен в реальном преступлении или показал себя неисправимым, изгонялись из святилища, а их имена исключались из списка христиан.

Эти более строгие меры, однако, могли быть изменены в зависимости от раскаяния преступника или по усмотрению епископа, единственного и верховного судьи во всех подобных вопросах. *Каноническое покаяние* обычно применялось только за большие общественные преступления, такие как идолопоклонство, прелюбодеяние и убийство; кроме того, определенные категории людей - дети, молодые девушки, замужние женщины, старики, священники, клирики и монархи - подлежали ему только при самых тщательных ограничениях; в каждом случае необходимо было предоставить законное и точное доказательство предполагаемого преступления. По истечении срока канонического покаяния, если преступник проявлял признаки раскаяния, епископ или даже обычный священник в случае крайней необходимости был уполномочен примирить его с Церковью.

Как общественное богослужение в ранней Церкви медленно проявляло себя как устоявшееся учреждение, так тем торжественнее и внушительнее оно становилось с того момента, как заняло свое высокое положение под протекторатом Константина Великого. Тогда внезапно возникло множество христианских культовых сооружений и величественных церквей, среди которых можно упомянуть Тирскую базилику, восстановленную и торжественно открытую в 315 году; храм Святого Иоанна Латеранского, построенный в Риме в 324 году, с остатками храмов, некогда воздвигнутых ложным богам язычества; и другие святыни в том же городе, освященные папой Святым Дамасием. Обряды, использовавшиеся при освящении ранних церквей, нам неизвестны, но каждое открытие имело свой торжественный юбилей.

Расположение, форма и устройство ранних церквей не зависели от прихотей их основателей и архитекторов, даже если эти церкви были небольшими и большей частью скрывались в катакомбах, лесах и пустынях. Во второй книге "Конституций" папы Климента (гл. 55 и 61) мы читаем следующие указания: "Пусть церковь будет длинной формы, как корабль, и обращена на восток". Таким образом, здесь, в первом веке существования церкви, содержится достоверное доказательство ориентации раннехристианских священных сооружений.

Однако способ строительства первобытных церквей в соответствии с литургическими предписаниями того периода до сих пор остается неясным и неясным вопросом. С большой долей вероятности предполагается, что подземные часовни в катакомбах Рима были образцами первых церквей; таково мнение наиболее сведущих археологов. Именно из глубин этих погребальных пещер христианское искусство, вырвавшееся на волю после долгих гонений, построило свои склепы и церкви по образцу своих скрытых святынь, сначала на трансмуральных кладбищах, а затем, к концу третьего века, среди христианизированного населения и в самом центре своих городов. В 303 году, когда был издан указ Диоклетиана о закрытии христианских культовых сооружений, в Риме насчитывалось уже сорок церквей и часовен. Форма этих первобытных святилищ не очень хорошо известна; вероятно, в целом они имели единую форму, специально приспособленную к литургическим церемониям дня, хотя соображения безопасности, возможности места и другие настоятельные необходимости, несомненно, часто заставляли их архитекторов отступать от прецедента и изменять характер строительства. Только в царствование Константина христианские здания стали приобретать атрибуты величины, великолепия и величественной смелости очертаний. Именно тогда император впервые возвел базилики в интерьере своих Латеранского и

Ватиканского дворцов и посвятил поклонению истинному Богу эти огромные сооружения, в которых искусство было покорной служанкой религии и купалось в неизреченном великолепии веры.

Крипты или камеры (*cubicula*) катакомб были воспроизведены при свете дня в ранних церквях; они имели четырехугольную форму, три арочных нефа и три сводчатые ниши (*arcosolia*), которые служили одновременно гробницами для святых исповедников и святилищами для празднования евхаристии. Длина этих святилищ обычно превышала ширину, по аналогии с кораблем или судном (*navis*), и этот таинственный символизм пришелся по душе ранним христианам.

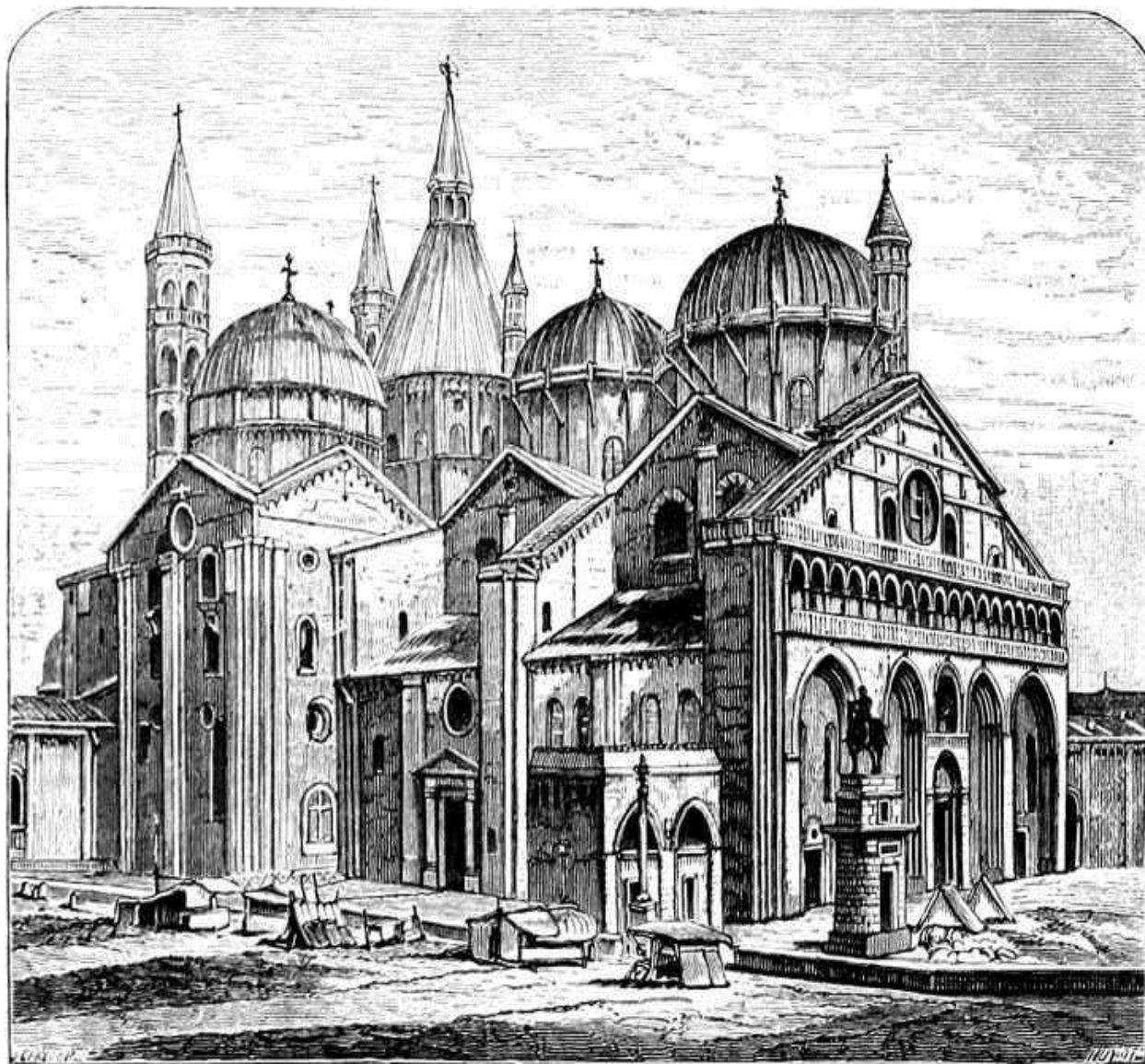

Рис. 179.- Церковь Святого Антония в Падуе, построенная в 1307 году; семь куполов были добавлены в XV веке. Бронзовая конная статуя, стоящая перед церковью, была выполнена Донателло в 1453 году и изображает знаменитого капитана Гаттемалату.

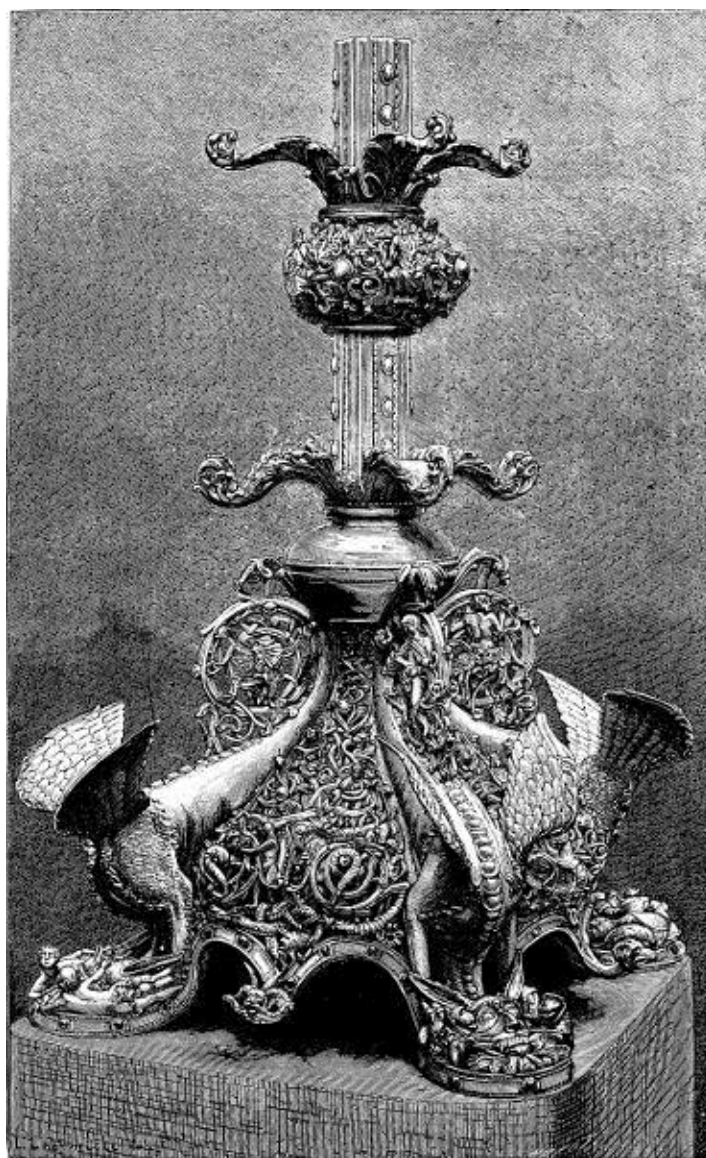

Рис. 180.- Ножка большого хорового канделябра из позолоченной бронзы с семью ветвями, высотой девятнадцать футов, известного как "Древо Богородицы", поскольку одно из его украшений изображает Младенца Иисуса, которому поклоняются волхвы, на руках у Богородицы.- Работа XIII века в Миланском соборе.

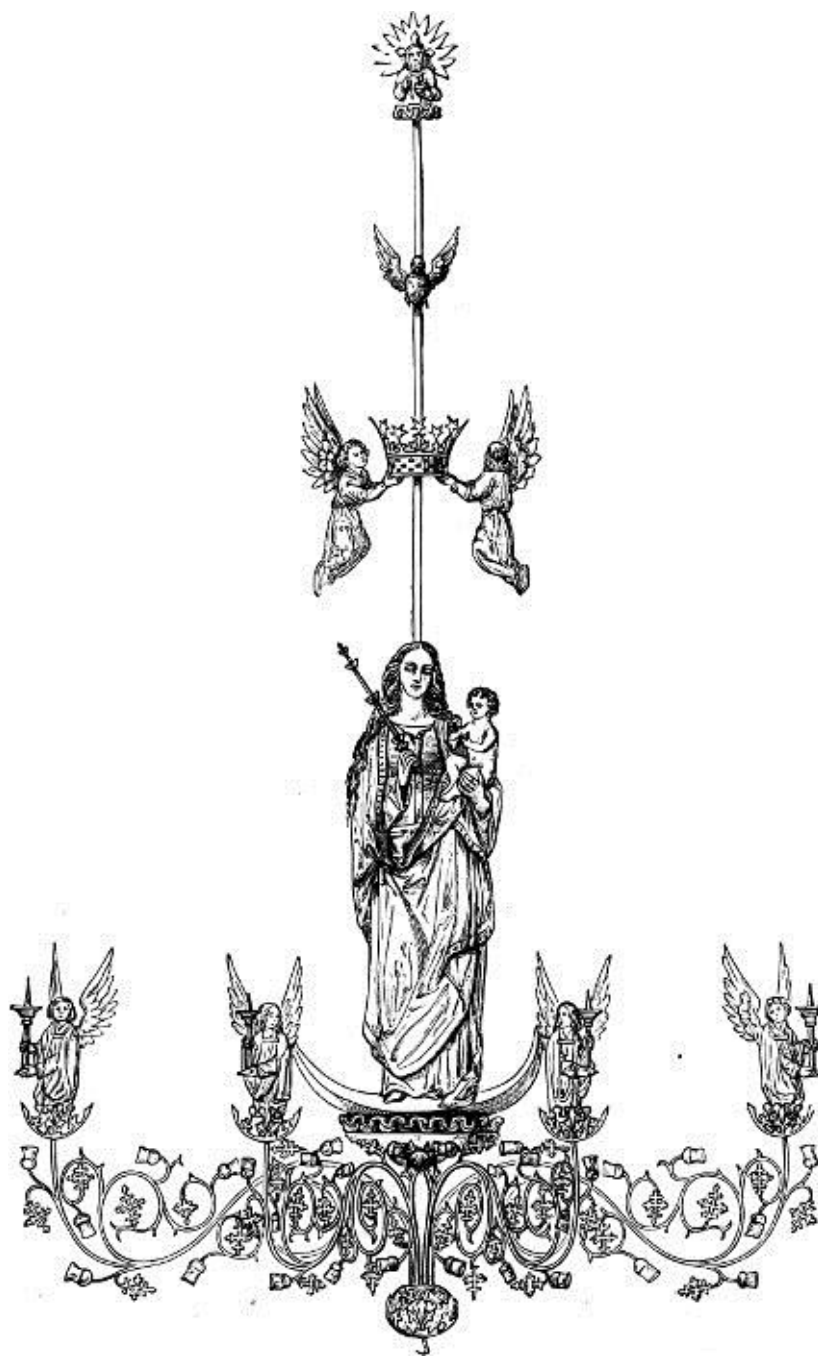

Рис. 181.- Люстра, называемая "Люстра Богородицы"; ветви из бронзы, а фигура из резного дерева. (Церковь в Кемпене, Рейнская Пруссия). Из книги Веерта "Памятники христианского искусства".

Крестовые церкви, то есть церкви в форме креста, были, однако, не редкостью, так же как и круглые, пятиугольные, шестиугольные и восьмиугольные здания. Но какой бы ни была их форма, они существенно отличались от языческих храмов, как по общему внутреннему устройству, так и по размеру, который продолжал увеличиваться пропорционально по мере роста масштабов и влияния христианства. Базилики состояли из трех основных частей: притвора, или портика (по-гречески *пронаон*), центральной части (по-гречески *наос* - полатыни *навис*, откуда и термин неф) и апсиды или хора (по-гречески *иератрион*), предназначенного для священнослужителей. Портик поддерживался двумя, пятью или семью колоннами и выступал из передней стены. Через колонны проходил железный стержень с кольцами, на котором висели занавесы из ткани или гобелены, которые можно было задерживать или закрывать по желанию. Под этим портиком кающиеся, называемые

strati (простертые), имели обыкновение стоять на коленях, и из этого положения они могли слышать псалмодию и проповедь, не являясь при этом свидетелями церемонии. В больших базиликах часто было три портика вместо одного (рис. 179), центральный выходил на запад, а два боковых - на север и юг. В центре портика ставили большой сосуд (*malluvium*), наполненный водой, в котором каждый прихожанин перед входом в церковь очищал лицо и руки. Духовенство входило только через средний вход (*aula*), а верующие - через два боковых портала, мужчины - через правый, а женщины - через левый; такое разделение полов сохранялось и внутри здания. Внутреннее основное пространство было разделено на три или пять нефов. Центральный неф всегда оставался открытым и свободным, но в остальных перегородки высотой в шесть футов полностью отделяли катехуменов, кающихся, девственников, посвященных Богу, монахов и массу прихожан. В конце нефа находился хор (по-гречески *bêta*), перед которым стояла *solea* (погреб или винный пресс, в знак того, что он назывался виноградником Господа), окруженная алтарем, ажурной перегородкой, в центре которой находились одни или несколько ворот, открывавшихся во внутреннее помещение. Перед воротами хора воздвигалась одна, а иногда и две трибуны (*pulpitum*, кафедра), предназначенные для публичного чтения Посланий, Писания и священных книг. В Риме, а также, вероятно, в Константинополе, Милане, Треве и во всех крупных имперских городах, перед хором, между лавками светского духовенства и лавками святых дев и монахов, находилось пространство (*senatorium*), предназначенное для сановников и знатных семей этого места. *Солею* занимали иподиаконы и мелкие клерки, в обязанности которых входило пение псалмов. По бокам от *солеи* располагались одна или две ризницы (*secretaria*). Святилище (рис. 180 и 181), в котором совершалось священное жертвоприношение, было окружено железными или деревянными перилами и сообщалось через одну или три двери с нефами. Дальний конец хора имел полукруглую форму и теперь называется апсидой (по-гречески *kongche* - мышца или раковина петуха; по-латыни *absida*; по-французски *chevet*); вокруг нее располагались сиденья, среди них место епископа, которое возвышалось над алтарем и было видно всей общине. Алтарь, задрапированный и увенчанный *киворием* (куполообразным *балдахин*ом, по-итальянски *baldacchino*), всегда располагался в центре апсиды (рис. 182 и 183). Такова была материальная основа, нормальное устройство греческой и латинской литургии к концу шестого века.

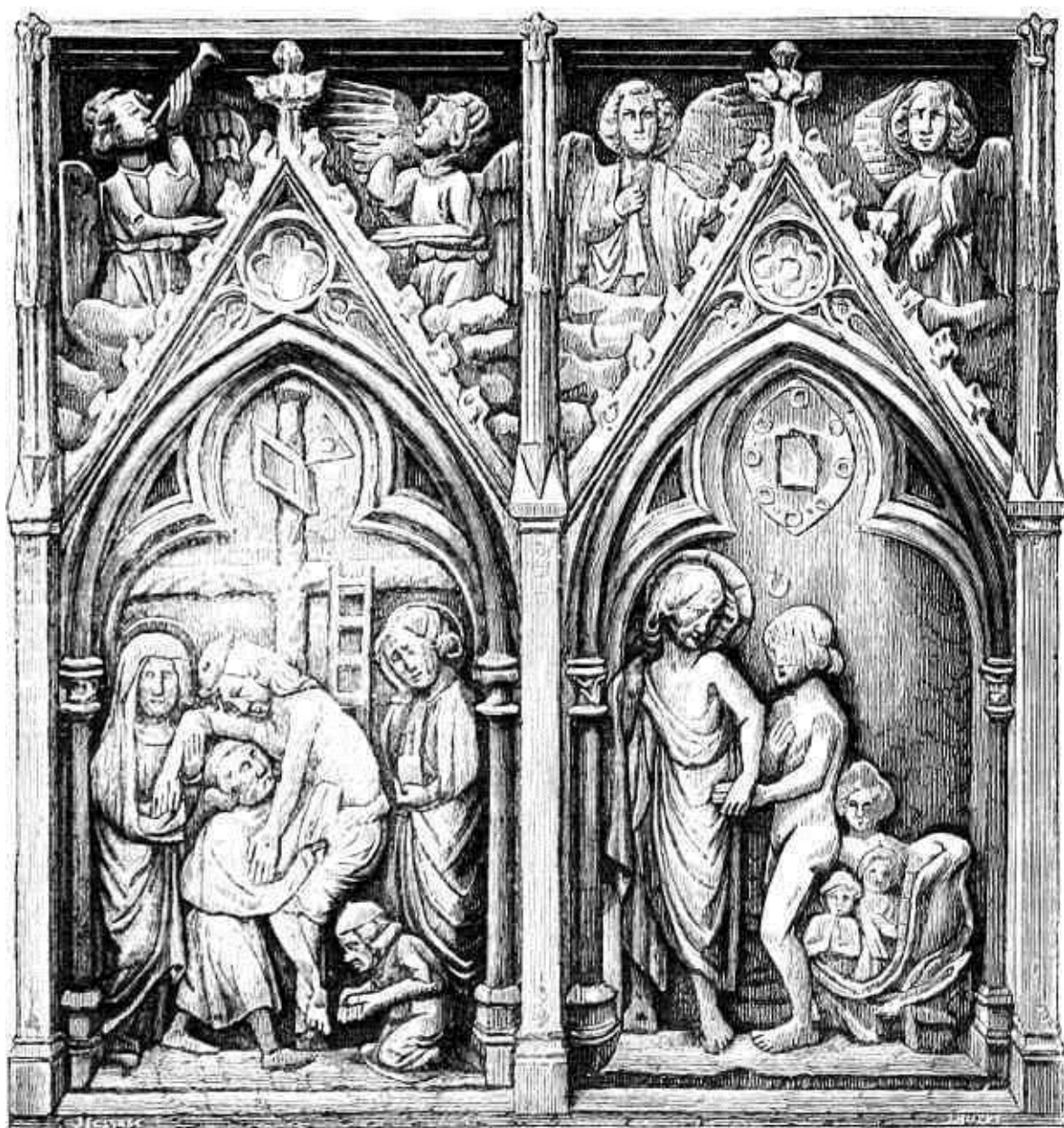

Рис. 182. - Алтарная часть в Марей-ан-Бри.

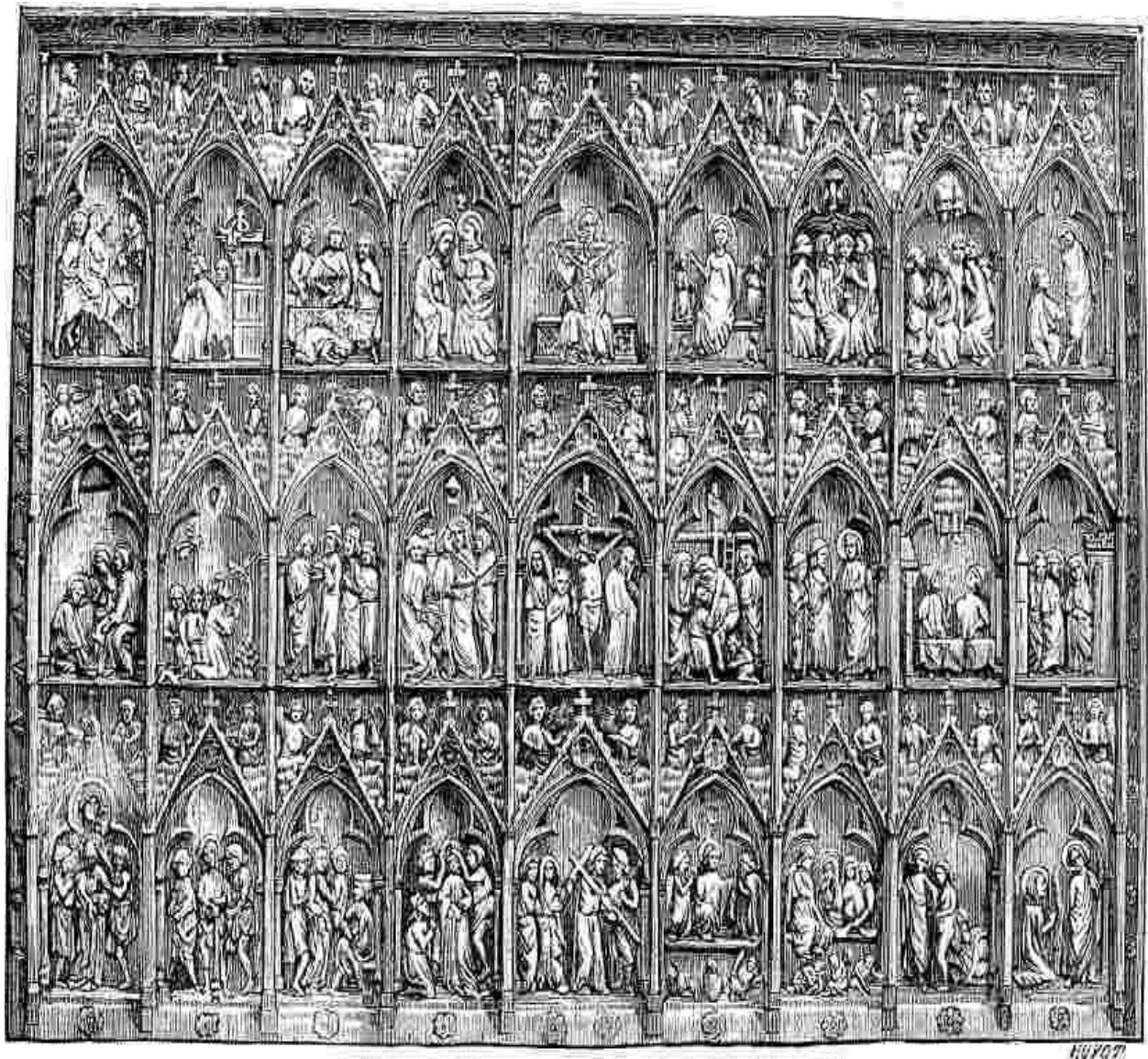

Рис. 183. Алтарная часть церкви Марей-ан-Бри (Марна). Последняя половина XIII века.

Ни один папа не был более способен, чем Григорий Великий (590-604), объединить различные и разрозненные элементы, из которых состояла литургия. Ему принадлежит заслуга в том, что он первым выпустил пересмотренное издание богослужебных книг и наложил печать своего гения на римско-католический церемониал. До него, однако, папа Геласий собрал молитвы, используемые при совершении таинств, и подготовил первый миссал или книгу месс. Последний был переделан и исправлен Григорием. Тот же папа придал более ортодоксальную и популярную форму Антифонарию (*Antiphonarium*), иногда называемому *Cantatorium* и *Graduale*, - сборнику гимнов для каждой мессы в году; он самым искусным и искусным образом исправил и переделал гимны, которые были плохо подобраны и плохо оценены, стремясь, по примеру Соломона, придать священной музыке гармоничный и достойный характер, которого она раньше не имела. Можно с уверенностью сказать, что церковное песнопение возникло именно в этот период, а нотация *невм* - непонятный для нашего времени способ обозначения ритма и модуляций голоса - не может быть отнесена дальше понтификата Григория Великого. Джон Диакр, написавший житие этого прославленного папы, рассказывает, что он видел, как школа хористов, основанная в Риме святым Григорием, работала в полном блеске. Основатель этой знаменитой школы

продолжал давать уроки ученикам, несмотря на свой преклонный возраст, приступы подагры и другие недуги, даже когда уже не мог ни стоять, ни сидеть прямо. Лежа на узком и очень жестком ложе, он вселял подражание в умы праздных и обличал непослушных.

С V века священные обязанности и канонические молитвы, которыми литургия посвящала различные часы дня, стали известны под названием *офисов*, или *канонических часов* (рис. 184), и *бreviариев*. У Тертуллиана мы уже встречаем слова *Tierce*, *Sexte* и *None*. Святой Киприан, святой Климент Александрийский, святой Иероним и многие другие отцы Церкви назначали определенные часы, в которые следует читать различные службы, таким образом, что до конца четвертого века псалмодия, похоже, уже была регламентирована в главных церквях Востока. Практика западных церквей, правда, отличалась от практики восточных церквей; многие различия можно было обнаружить даже в епархиях одной и той же страны. Но в первые века повсеместно было принято совершать главные службы ночью, которая делилась на четыре часа по три часа каждый: эти часы измерялись водяными часами, называемыми *clepsydra*. Первая вахта начиналась на закате (*ad vespertas*), вторая - в полночь, третья - в час петуха, четвертая - на рассвете. К пятому веку благочестие первых христиан несколько ослабло, и вскоре стало принято не ходить в церковь до четвертой стражи, когда вся псалмодия, то есть двенадцать псалмов, поскольку в каждой страже было по три псалма, исполнялась за одно повторение. Отсюда и название утрени (*matutinæ*). Похоже, что сами монахи, более консервативные в отношении древних обрядов, чем светские священники, начали примерно в этот период петь на утрени *ноктюрн* и *лауд*. Только в Риме строго соблюдалось различие между дневными и ночными службами.

Рис. 184.- Древняя легенда о Рождестве со словами старофранцузского простеца. На гравюрах изображены Сибилла, предсказывающая рождение Христа; Иисус в хлеву в Вифлееме; один из волхвов; Иоанн Креститель, возвещающий о рождении Христа. Факсимиле из книги часов, напечатанной с иллюстрациями в Париже Антуаном Вераром в конце XV века.

Маленькие часы были известны как *Tierce*, *Sexte* и *None*; *Prime*, первый из канонических часов, был введен только в двенадцатом веке, но остальные три, похоже, датируются самым ранним учреждением христианства. Святой Киприан, живший в третьем веке, говорит, что молитвы произносились в *Tierce* в честь сошествия Святого Духа, в *Sexte* в память о Распятии, а в *None* в память о смерти Христа. За полвека до этого Тертуллиан писал, что, независимо от мистических традиций, освященных молитвой, Церковь, устанавливая канонические часы, желала соответствовать светскому делению дня.

Вечерня (*Vespera*), названная так от звезды *Веспер*, которая восходит на закате солнца, также относится к периоду зарождения литургии. Час вечерни назывался *люцернарием*, поскольку при совершении этого богослужения необходимо было зажигать светильники. Существует гимн, озаглавленный "*Ad incensum lucernæ*", то есть "На зажжение лампад".

Латиняне, как и греки, до VIII века совершали вечерню после захода солнца, но с этого времени возобладала и стала всеобщей римская практика, когда вечерня совершалась сразу после *Нонеса*. Милан, однако, по-прежнему придерживался примитивной формы обряда; вечерня начиналась, как только вечерняя звезда появлялась над горизонтом, и заканчивалась при свете факелов. До пятого века вечерня была последней молитвой дня и включала в себя псалмы, которые в следующем веке стали произноситься отдельно, как последняя служба, называемая *Комплином*, и которая сначала содержала только три псалма - только в девятом веке был добавлен тридцатый псалом.

В главных библиотеках Европы хранится несколько больших рукописных томов, написанных на пергаменте и отличающихся как иллюстрациями (рис. 185), так и красотой каллиграфии; они называются *Evangeliarium*, *Llectionarium* и *Liber Benedictionis* и часто были переплетены с большим великолепием. Они принадлежали различным церквям и епархиям, которые, в целом следуя правилам догматической литургии, установленным соборами, использовали несколько модификаций собственного изобретения. Некоторые из этих модификаций были важными и объяснялись либо местным чувством и особенностями общины, либо возникали в дни юбилеев, памятных праздников епархиального ритуала. Использование *евангелиария* берет свое начало от святого Иеронима. До него каждое из четырех Евангелий составляло отдельную книгу, и все они имели разное литургическое значение. Святой Иероним собрал их, расположил в нужном порядке и добавил маргинальные заметки о ежедневных службах.

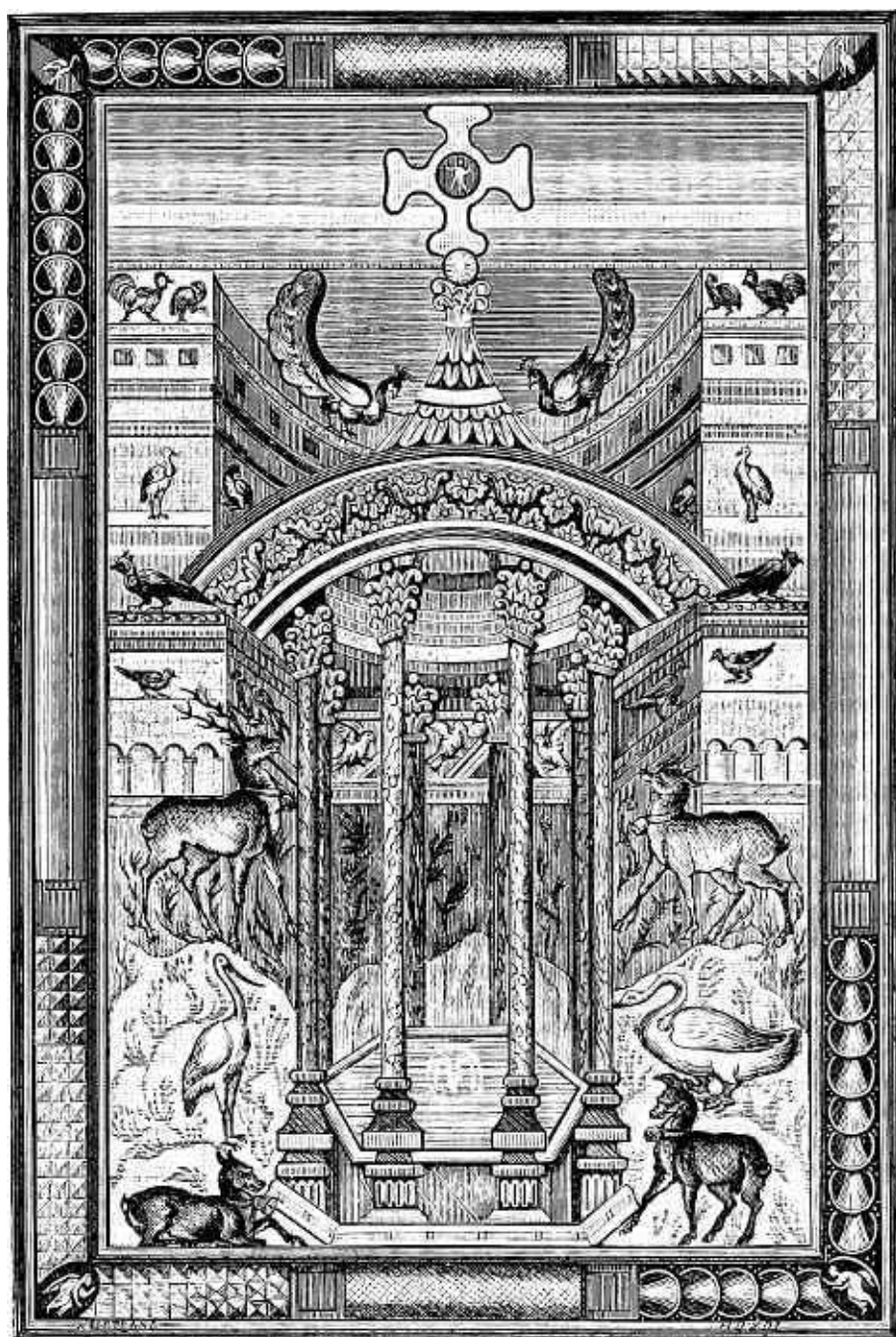

Рис. 185.- Мистический фонтан, из *Евангелиария* Карла Великого (VIII век), хранящегося в Парижской национальной библиотеке. Струя воды представляет Церковь, источник истины; внутренние птицы - души избранных, а внешние, похоже, олицетворяют души, привлеченные к крещению божественной благодатью - из большой работы графа де Бастара.

Иерархический порядок с определенными полномочиями и привилегиями существовал с момента первого утверждения христианства. В шестом послании к магнезийцам святой Игнатий, который был учеником святого Петра, говорит: "Я увещаю вас вести себя во всем с тем духом согласия, который исходит от Бога, и смотреть на епископа как на представителя Самого Бога в вашей среде, на священников как на образующих августейший сенат апостолов, а на диаконов как на тех, кому вверено служение Иисуса Христа". Верующие склоняли голову не перед кем иным, как перед епископом, чтобы испросить его благословения; в церкви епископ занимал место, возвышавшееся над священниками. Епископы носили тунику и *паллиум*, или длинную мантию, чашу или далматик, а на голове -

циркуль из золота или полированного металла. Последний впоследствии был заменен митрой, которая некоторое время изготавливалась из ткани, и представляла собой круглый остроконечный колпак, раздвоенный в верхней части (рис. 186). Примитивными знаками отличия, которые носили епископы, были епископское кольцо и пастырский посох, сделанные из дерева, слоновой кости или металла. Упоминания о том, что они впервые надели сандалии, относятся к девятому веку, а перчатки - к двенадцатому. Епископ Рима, первый среди своих собратьев (*primus inter pares*), обладал верховенством над всей Церковью, формально провозглашенным святым Иренеем, учеником святого Поликарпа, современника апостолов. Первоначально, однако, он не носил никаких отличительных знаков своего первенствующего положения; но ближе к пятому веку термин "папа" стал применяться исключительно к нему.

После реформации его клириков (*clerici*), проведенной знаменитым епископом Гиппоны, первые стали называться *канониками* (*canonici*), откуда и появился термин *chanoines*, поскольку они вели жизнь в соответствии с канонами Церкви. В Африке, Испании и Галлии эти канонические клирики жили вместе с епископом и посвящали себя наукам, литературе, искусству, музыке и особенно каллиграфии. Таким образом, они образовывали своего рода религиозную школу, откуда и пошло их название "схоласты" (*scholastici*) - титул, который они вполне заслужили во времена Карла Великого, но который перестали заслуживать во времена Карла Смелого. Священники при каждой церкви составляли так называемое собрание пресвитерия (*presbyterium*), или церковный сенат епископа диоцеза (*senatus ecclesiae episcopi*). Клирикам разрешалось в раннем возрасте вступать в малые степени своего призвания, такие как носильщик, экзорцист, чтец и аколит; но им не разрешалось принимать высшие степени, пока они не достигали зрелого возраста. Минимальный возраст для диакона составлял тридцать лет, для священства - тридцать пять; рукоположение, начиная с IV века, происходило четыре раза в год. От святого Киприана, жившего в третьем веке, мы узнаем, что с этого времени было постановлено, что эта церемония должна проводиться только в церквях, публично, на мессе.

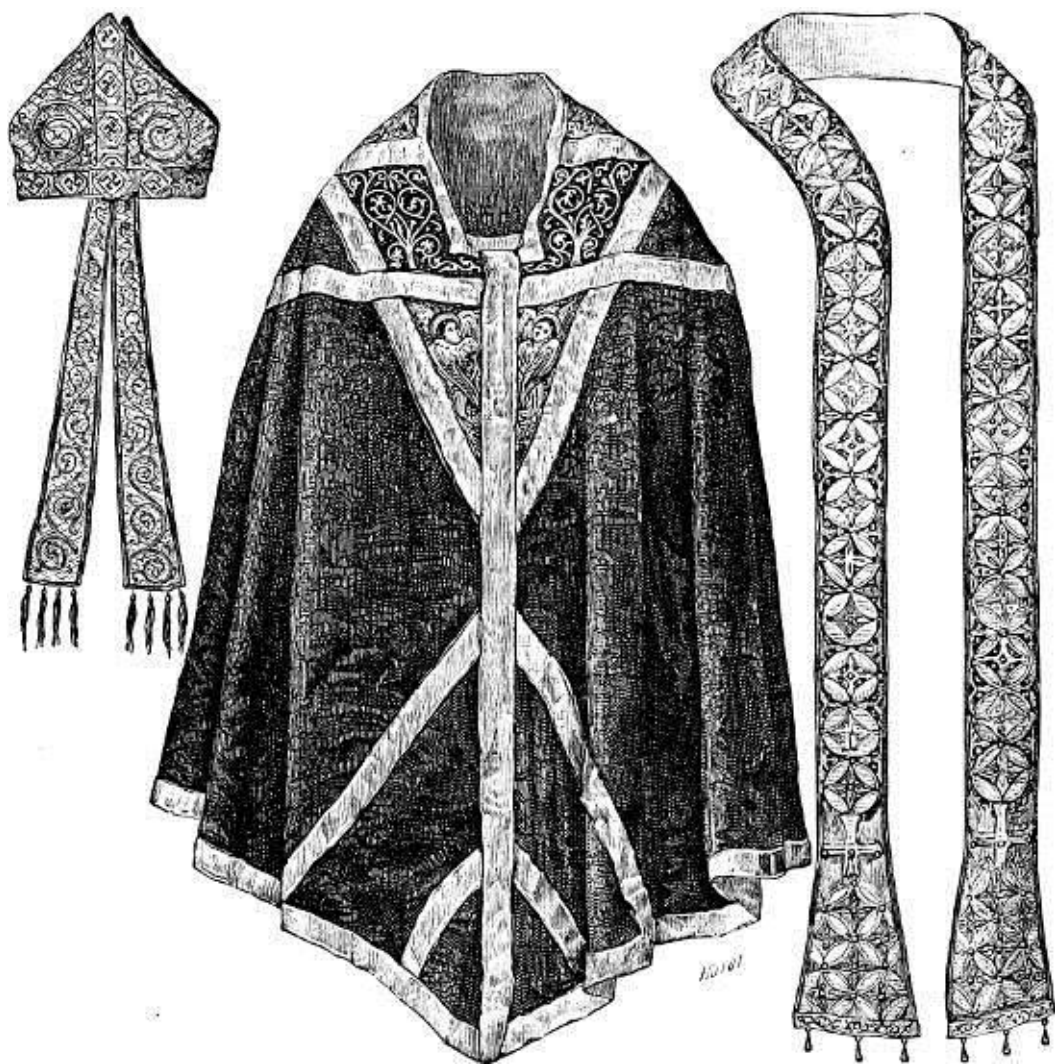

Рис. 186.- Часовня, митра и посох святого Фомы Бекета, архиепископа Кентерберийского (1117-1170); хранятся в соборе Сен-Санса.- Ткань и вышивка двенадцатого века.

До появления хористов во многих церквях были *псаломщики*, которые составляли отдельный малый орден. Этих псаломщиков сменили певчие клироса. В царствование императора Юстиниана в Константинопольской митрополии было двадцать шесть хористов и сто десять чтецов. В пятнадцатом каноне Лаодикийского собора мы читаем, что "никому, кроме канонических хористов, не дозволяется петь в церкви". Однако прихожане по-прежнему придерживались обычая присоединять свои голоса к голосам хористов.

Сначала, несомненно, существовала специальная одежда, которую носили в часы службы, но предполагается, что она отличалась от повседневной одежды дьяконов и священников только своим цветом, который был белым. Манипула (*manipulum*) и посох (*stola*), аксессуары к альбе, которая была первоначальным облачением священника, были приняты и освящены литургией только в III или IV веке. Дьяконы носили посох только во время причастия, но священники носили его постоянно, как знак их священнического достоинства. Потир стал использоваться после потира, альбы и далматика. Впервые о мантии упоминается в двадцать седьмом каноне Четвертого Толедского собора (527 г. н.э.).

До V века духовенство не должно было носить никакой отличительной одежды в частной жизни. Как и во времена апостолов, епископы, священники, клирики, дьяконы и хористы

носили туники и сандалии, как предписано Спасителем в Евангелии от Марка (vi. 9). Они покрывали себя квадратным куском черной или коричневой ткани, который драпировался вокруг фигуры и не застегивался ни на крючок, ни на завязку; под ним была простая туника темного цвета. В V веке папа Целестин не одобрял этот костюм, из-за которого последователей Христа путали со стоическими философами. В VI веке миряне отказались от римского стиля костюма и стали носить короткие платья, скопированные с платьев варваров, ставших правителями Галлии; но Церковь, заботясь о достоинстве своих служителей, отказалась принять эту дорогостоящую переделку. Отныне между одеждой духовенства и мирян было установлено широкое различие. Агдский собор (506 г. н. э.) предписал всем священнослужителям носить одежду и обувь особого покроя, соответствующего их религиозной профессии. Два последующих собора запретили им использовать римский военный плащ (*сагум*) и ткани пурпурного цвета. Григорий Великий запретил своим домашним носить любую одежду, кроме длинной тоги, как наиболее подходящей для людей Церкви. Этот костюм, почти без изменений, носили все ортодоксальные церковники во время всех перемен Средневековья, вплоть до XVII века.

Священник, исполняющий свои священные обязанности, не должен был менять свою одежду. Тем не менее, с четвертого по девятый век все свидетельствует о том, что его одежда всегда была белой, или, по крайней мере, таковой она была во время проведения самых высоких церемоний. Святой Златоуст, чувствуя приближение смерти и желая причаститься святого таинства, призвал свои белые одеяния и раздал их, вплоть до обуви, своим помощникам. В этом обычаи и традиции Запада соответствовали восточным. С неофита снимали мирские одежды, облачали его в белое или религиозное одеяние (*habitus religionis*), после чего он считался пригодным для выполнения своих обязанностей. Иногда, однако, белое одеяние верховного понтифика украшалось полосами золота или пурпура. Белый цвет не смешивался с другими оттенками в одежде духовенства вплоть до девятого века; пять оттенков, допускаемых религиозной символикой, появились только в двенадцатом веке.

Рис. 187. Романский перфорированный колокольчик, изображающий символы четырех евангелистов (XII век) - из Археологического музея в Реймсе.

Карл Великий, гордившийся своим глубоким знакомством с литургией, считавший честью носить в торжественных случаях зеленую мантию, расшитую золотом, и читать Послания перед собравшимися общинами, с величайшим тщанием относился ко всем церковным церемониям; несомненно, что пышность, с которой они впоследствии отмечались, была заложена им.

Однако Карл Великий и его преемники, Людовик Благородный и Карл Лысый, не ограничились лишь церемониальной пышностью; они сделали все возможное, чтобы ввести принцип единства в соответствии с римской литургией. В начале VIII века папа Адриан I, отправив Карлу Великому антифонарий, написанный самим святым Григорием, приказал всем церквям в своих владениях принять григорианское пение. С тех пор древняя галликанская литургия почти исчезла, и когда Карл Лысый захотел сравнить греческую, римскую и галликанскую литургии, он был вынужден призвать церковников из Толедо, чтобы они служили в его присутствии по галликанскому обряду. Карл предпочел римский ритуал, но, несмотря на это, каждый епархиальный собор, каждое отдельное аббатство вводили в галло-римскую литургию различные дополнительные формы, отличающиеся друг от друга в большей или меньшей степени.

Первое использование церковных колоколов можно отнести к шестому веку, но их общее внедрение в западную церковь датируется восьмым веком. Их называли *сингами* (по-латыни *signa*); в них не звонили, а просто ударяли деревянными или металлическими молотками (рис. 187), как это до сих пор делается к югу от Пиренеев. От этой практики происходит слово *toc-seing* или *tocsin*, применяемое к муниципальным пениям в Средние века и в более поздние времена. Орган (*organum*) также датируется восьмым веком. Каким бы несовершенным ни был этот инструмент, он вызывал огромный энтузиазм у слушателей.

Действительно, можно сказать, что органы и церковные колокола в равной степени способствовали повышению престижа торжественной литургии, которая очаровывала и пленяла как чувства, так и души слушателей, благодаря многочисленному духовенству, торжественной серьезности песнопений, благородной простоте облачений, целомудренному и величественному устройству ритуала.

Рис. 188.- Триумф Агнца.- Христос, изображенный в виде непорочного агнца, со славой вокруг головы и держащий крест, находится у ног Бога Отца; вокруг него четыре евангелиста, представленные в своих типичных атрибутах и опирающиеся на огненные колеса. Архангелы приносят ему свои жертвы. Твердь поддерживают четыре ангела. Внизу - святой Иоанн, объясняющий Апокалипсис своему комментатору.- Из миниатюры в "Комментарии к Апокалипсису" Беатуса; рукопись XII века, хранящаяся в коллекции месье Амбруаза Firmina-Dido.

При последних Карловингах литургия постепенно приходила в упадок; возможно, меньше на Востоке, чем на Западе, возможно, меньше в Риме и Милане, чем в других местах, но везде проявлялись признаки плачевного расслабления и отпадения. Хористы пытались присвоить себе привилегии клириков; диаконы присваивали себе невозможные права независимости; священники презирали епископов, и слишком часто епископы, полагаясь на свою власть, имели дерзость не подчиняться папским указам. Эти изменения и ухудшения в основном проявились в псалмодии, песнопениях, в украшении святилища и в одежде церковников. Византийские методы обработки архитектурных памятников и различных форм христианского искусства кое-что сделали для сохранения традиций литургии, но с конца десятого века до двенадцатого в латинской церкви царила большая неразбериха. Крестовые походы, после полутора веков авантюрных экспедиций, привели из стран за морем, из Антиохии, Константинополя и Иерусалима элементы и принципы неогреческой литургии, в

которой вырождающаяся галло-римская была как бы насыщена, а весь ее характер переделан.

Таким образом, католическая литургия претерпела трогательную и чудесную трансформацию; эта трансформация началась со строительства новых церквей, в которых романский стиль уступил место огивскому или готическому; с возведения стройных колоколен, напоминающих минареты магометанских мечетей; введением прозрачных изображений на расписном стекле; целомудренным, но великолепным убранством капелл; ослепительными украшениями алтарей; мелодией церковных колоколов, звучных вестников религии, призывающих верующих к молитве; гармонией человеческого голоса с органом и другими музыкальными инструментами. В этом всеобъемлющем аллегорическом ритуале заключался полный и гениальный символизм, превращавший литургию в настоящее святилище христианского учения и священной традиции, каждое таинство (рис. 188), каждое предписание которой проникало в душу как бы через посредство органов чувств.

В XIII веке, когда прославленный Уильям Дюран, епископ Менде, написал свое "Обоснование богослужения", полное собрание литургии того времени, этот вид канонического законодательства стал настолько устоявшимся, насколько это вообще возможно, в который епископы и даже простые священники постоянно вносили изменения. Уильям Дюран, следуя примеру своих предшественников, включил в него множество нововведений, достойных сожаления, множество эксцентричных обрядов, чуждых традициям первобытной церкви и умаляющих достоинство богослужения. Просвещенные умы почувствовали истинность этого, и Тридентский собор счел необходимым потребовать литургической реформы. Вследствие этого требования папа Пий V. в 1568 году издал исправленную форму *Римского breviария*, а в 1570 году - новый *Миссал*. Поскольку главной целью было исправление ошибок, вкравшихся в более поздние времена, епархии, имевшие ритуалы по крайней мере двухсотлетней давности, могли либо сохранить свои собственные обычаи, либо принять Бrevиарий и Миссал Пия V.

Церковь как можно меньше отклонялась от своего древнего церемониала, особенно в том, что касается совершения таинств. Тем не менее, семь таинств, которые мы быстро рассмотрим в том порядке, в котором они перечислены Трентским собором, раньше сопровождались определенными церемониями, которые с изменением нравов и обычаев вышли из употребления, и которые мы упомянем лишь как доказательство их древности.

Рис. 189.- Три таинства: *Крещение*, открывающее жизнь, *Конфирмация*, укрепляющая детство, и *Покаяние*, примиряющее с мужеством.

Левая часть триптиха, написанного на панели Рогером Ван дер Вейденом (Рогир дель Пастурле). Из Антверпенского музея (XV век)].

1. *Крещение*, которое святой Петр совершил *погружением* трех тысяч человек, обращенных его первой проповедью, в первобытные времена также совершалось *погружением*; в конце концов, *погружение* (от латинского глагола *infundere* - кропить) было принято в том виде, в котором оно практикуется в наши дни (рис. 189 и 190).

2. *Подтверждение* совершалось сразу после крещения, когда к последнему таинству допускались только взрослые; но когда крещение совершалось над новорожденными младенцами, подтверждение приходилось откладывать до тех пор, пока принимающие обряд не становились достаточно взрослыми, чтобы отвечать за себя, то есть пока они не были способны различать добро и зло (рис. 189).

3. *Евхаристия* с древнейших времен совершалась под именем *причастия* для здоровых людей и под именем *виатикума* для тех, кто находился на пороге смерти (рис. 192 и 193).

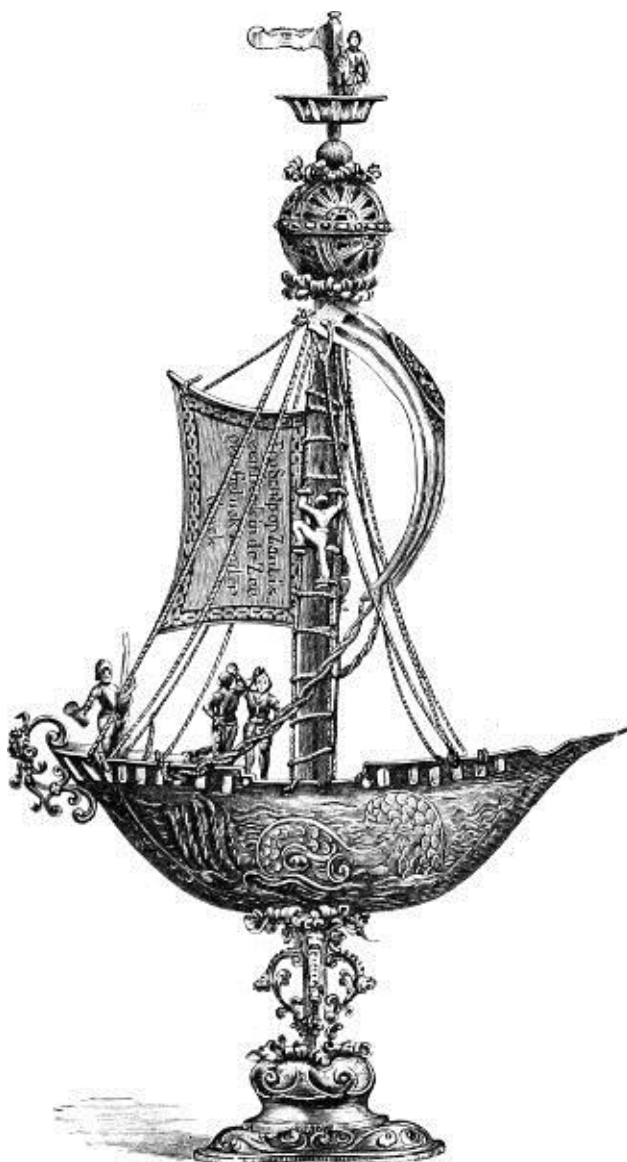

Рис. 190. Корабль крещения, фламандская работа XVI века из чеканного золота и серебра; из коллекции М. Онгена в Генте.

Когда крестили ребенка, в Низких странах существовал обычай пить здоровье младенца в чаше с вином со специями. Кубок, выполненный в форме лодки, представляет собой типичный образ жизненного путешествия: пожилой рыцарь стоит у штурвала, двое других фехтуют, матрос регулирует такелаж, ветер наполняет парус, а на верхушке мачты соглядатай осматривает горизонт. Фламандское устройство выглядит следующим образом: "Счастливого плавания новорожденному".

Причастие, то есть хозяин, принимался в руку, и осуществлял его сам причащающийся. После VI века женщинам было предписано принимать его в белом покрывале, называемом *доминиканским*, с помощью которого они поднимали ко рту, не касаясь его руками. В 880 году Руанский собор постановил, что впредь причастие должно приниматься только из рук священника, совершающего обряд. До XIII века причащению всегда предшествовал поцелуй любви; мужчины обнимали мужчин, а женщины - женщин. После раздачи хлеба дьяконы выходили вперед с двуручными чашами больших размеров, содержащими вино для причащающихся, которое каждый вкушал через золотую трубочку (рис. 191).

Рис. 191. Сакраментальный кубок; работа двенадцатого века, позолоченное серебро, из аббатства бенедиктинцев Виттен, близ Инспрука.

Рис. 192.- Таинство Евхаристии, хранящее святость молодости; центральная часть триптиха работы Роджера Ван дер Вейдена, хранящегося в Антверпенском музее (XV век).

4. **Покаяние**, обязательная практика которого была сокращена до одного раза в год на четвертом Латеранском соборе, всегда имело своей целью освобождение от греха, вытекающее из исповеди.

Отлучение от церкви, крайняя мера наказания, применявшаяся к великим грешникам, произносилась при слабом свете восковой лампы, которую священник затем гасил и топтал ногами. В некоторых странах население приносило к дверям отлученного от церкви человека телегу; в его жилище бросали камни и осыпали его всевозможными нецензурными оскорблениями. Еще более торжественным было отлучение, произнесенное самим папой в Святой четверг на основании буллы *In Coena Domini* против всех, кто апеллировал к генеральному собору против декретов и постановлений понтификов; против князей, которые вносили несправедливую дань с церковников; против еретиков, пиратов и т. д. Дьякон зачитал буллу с балкона (лоджии, открытой трибуны) собора Святого Петра в присутствии папы, который в знак анафемы бросил в открытый двор Ватикана зажженный факел из

желтого воска, который помощники поспешили погасить, растопав его. Также именно в Страстной четверг состоялось *примирение* кающихся, то есть их общее отпущение грехов, чтобы они могли принять участие в пасхальных таинствах.

Рис. 193.- Легенда о прохождении виатикума по деревянному мосту в Утрехте в 1277 году. Некоторые танцоры позволили хозяину пройти, не прекращая танцев, мост внезапно провалился, и двести человек утонули в реке. Факсимиле гравюры на дереве П. Вольгемута в "Liber Chronicarum Mundi": Нюрнберг, 1493, in folio.

5. *Чрезвычайное елеосвящение* всегда совершалось над больными, которым грозила смертельная опасность, согласно рекомендации апостола Иакова. Материалом для этого таинства служит *масло немощных*, но из старых ритуалов видно, что в разные времена при совершении этого таинства менялись место и количество унций (рис. 194).

6. *Ордена*. Помимо высших орденов, которые вручались, как и в наши дни, Церковь с древнейших времен включала четыре малых ордена, которые даровались, как и сейчас, постриженным в монашество клирикам; это ордена *носильщика*, *чтеца*, *экзорциста* и *аколита*.

Рис. 194. - Три таинства: *Брак* - в зрелом возрасте; *ордена* - в старости; и *крайнее воздержание* - после смерти. Правая часть триптиха, написанного на панели Рогером Ван дер Вейденом. Антверпенский музей. Пятнадцатый век.

Посвящение аббатов и аббатис, хотя и совершалось с большим количеством церемоний, не считалось рукоположением, а только благословением. Епископ, дав аббату причастие в виде хлеба, благословлял его, возлагал на его голову митру и вручал ему перчатки, символы его сана, с обычными молитвами. Посох и перстень настоятеля были вручены ему перед причастием. Александр II, избранный папой в 1061 году, был первым, кто предоставил аббатам привилегию носить митру. Аббатисы также пользовались правом ношения посоха; они получали его из рук епископа, вместе с пастырским крестом и кольцом. На синодах и соборах аббатам разрешалось носить только митру, украшенную *орфрой* (золотой бахромой), но лишенную жемчуга и драгоценных камней; епископы носили драгоценную митру, то есть украшенную жемчугом и драгоценными камнями.

7. Церемония *бракосочетания* претерпела незначительные изменения. В старые времена, однако, он совершался у дверей, а не в интерьере церкви. В девятом веке

священник возлагал на головы мужа и жены драгоценные короны; эти короны были сделаны в форме башни и впоследствии хранились возле алтаря.

Большинство религиозных церемоний сопровождалось процессиями, но кроме них существовали и большие публичные шествия, варьиовавшиеся в зависимости от страны и епархии, в которой они происходили. Они регулировались специальными литургиями, которые составляли отдельный ритуал, называемый *процессией*. Шествие с пальмовыми ветвями, совершаемое в воскресенье перед Пасхой в память о входе Христа в Иерусалим, долгое время было принято на Востоке, а ближе к шестому или седьмому веку его переняла латинская церковь, которая часто добавляла живописные аксессуары, призванные произвести еще более глубокое впечатление на умы зрителей. Этот древний праздник носил множество названий: одни называли его *Осанна*, в память об аплодисментах, с которыми Иисус был принят в Иерусалиме; другие - *Воскресенье индульгенций*, в связи с индульгенциями, которые раздавала церковь в этот святой день. В старину в этой процессии несли стихи из Евангелий, начертанные на богато украшенном знамени, окруженном пальмовыми листьями, а также часто сопровождали потир, в котором находился причащаемый, среди освященных ветвей. Как правило, для церемонии Пепельной среды использовался пепел от веток, которые несли в процессии предыдущего года и которые бережно хранились из года в год, а сжигались, когда тщательно высыхали.

В 1262 году папа Урбан IV подтвердил и распространил на все христианство постановление Роберта, епископа Льежского, который, считая, что церемония евхаристии должна совершаться более торжественно, чем это возможно в Страстной четверг, день, отведенный для примирения кающихся, постановил, чтобы каждый год, в первый четверг после Пятидесятницы, проводился праздник Corpus Christi, или *Fête-Dieu* (рис. 195); служба для которой, та же, что используется в наши дни, была составлена святым Фомой Аквинским.

Рис. 195.- Шествие хозяев в Париже: "Процессия идет от Дома Пильер, старинного отеля де Виль, к площади де Грев. Слева виден Жан Жювеналь де Урсен, стоящий на коленях перед священником, которого несут на подстилке несколько монахов из Сент-Шапель, в окружении клерков братства, увенчанных венками из роз и несущих большие зажженные таперы..... Справа, на берегу Сены, перед плавающими гудами дров, находится большая Круа де Грев. На другом берегу Сены виден собор Нотр-Дам". Миниатюра из рукописи "Часов Жювеналья де Урсина", подаренной месье Амбруазом Фирмин-Дидо городу Парижу и сгоревшей в 1871 году во время пожара в здании Вилльского дворца.

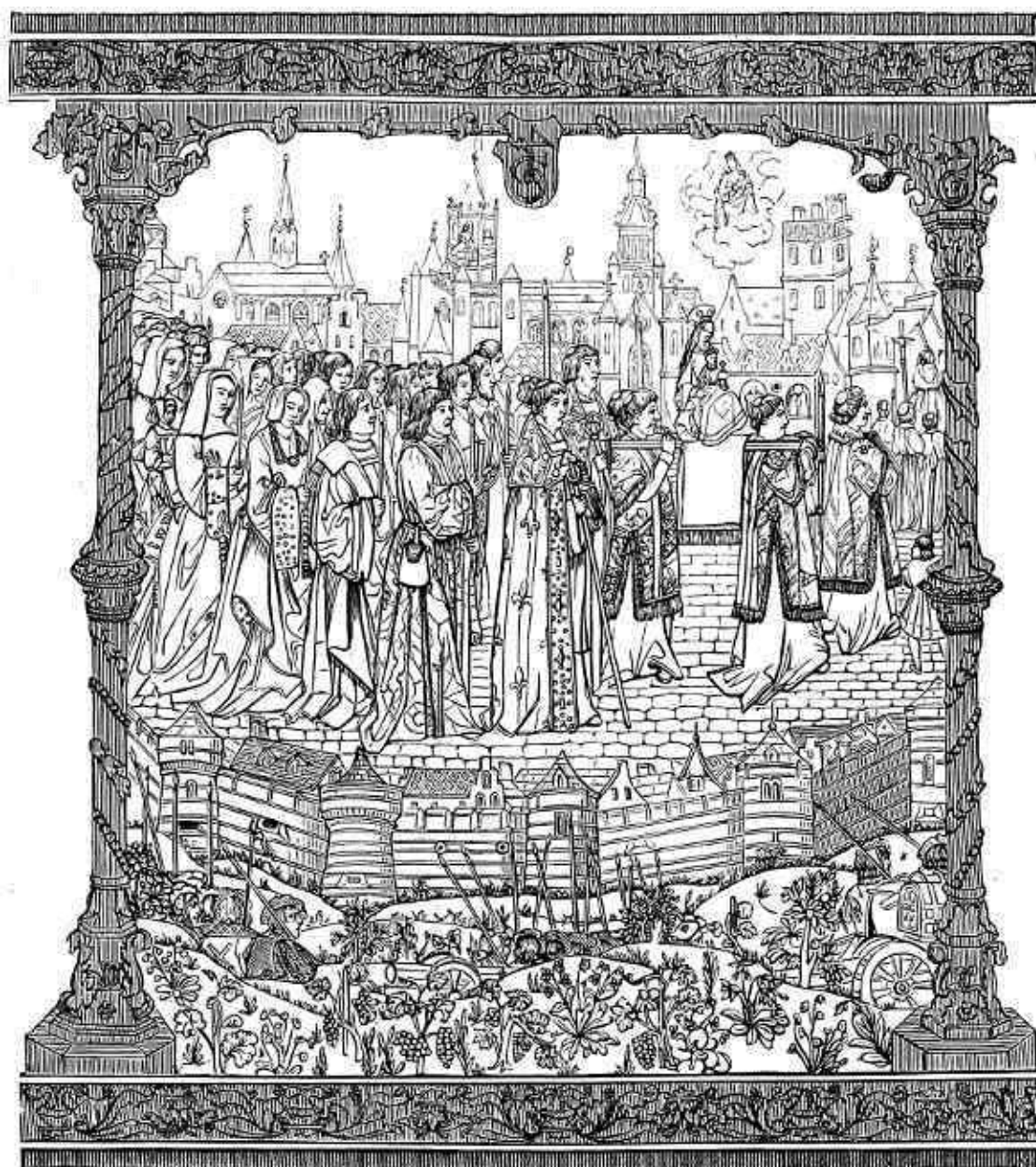

Рис. 196. Торжественное шествие, совершенное 7 сентября 1513 года духовенством и жителями Дижона, чтобы получить от Богоматери помощь городу, осажденному в то время швейцарцами. Впоследствии церемония повторялась каждый год в ту же эпоху; она получила название "Праздник Богоматери Швейцарской". Гобелен XVI века, хранящийся в Дижонском музее. Жюбиналь.

Процессия, называемая *Litanies majeures*, впервые учрежденная в 589 году папой Пелагием II, обязана своим происхождением чуме, которая опустошила Рим после наводнения Тибра.

В 474 году святой Мамерт, архиепископ Вьенны в Дофине, чтобы возблагодарить Бога за избавление его епархии от опустошавших ее бедствий и диких зверей, которые ее разоряли, основал процессию *Pogаций*, которая совершалась в течение трех дней, предшествующих празднику Вознесения. Этот крестный ход был предписан для всей Франции Орлеанским собором в 511 году, но в Риме он вошел в обиход только к концу восьмого века, при папе Льве III.

Рис. 197.- Пятидесятница. Факсимиле миниатюры из "Псалмодии святого Людовика" - рукописи XIII века, хранящейся в Национальной библиотеке в Париже.

Процессия, которая предшествует литургии в четверг Вознесения, имеет глубокую древность; но нигде она не проходила с большей церемонией и не собирала большее число паломников, чем в церкви, построенной в Палестине святой Еленой, матерью Константина, на том самом месте, где произошло вознесение, и где до сих пор можно увидеть на камне последние следы нашего Спасителя, когда Он покидал землю и возносился на небо.

Рис. 198. Поклонение волхвов - из пакса, приписываемого Мазо Финигуэрра (XV век), хранящегося во Флоренции. Один из королей стоит на коленях, сняв корону, чтобы поднести ладан и мирру Младенцу Иисусу; остальные едут к яслям в сопровождении своих варлетов и пажей, за ними следует длинный караван; на крыше стоят ангелы, играющие на скрипке и лютне.

На самом деле в Средние века существовало огромное количество праздников, которые давали повод для шествий (рис. 196) и других религиозных церемоний. Не стоит забывать, что все великие праздники назывались пасхалиями. Годовщина воскресения Иисуса Христа была великой Пасхой, и чтобы достойно подготовиться к ней, тело очищали банями, а волосы и бороду стригли в знак того, что христианин должен хранить чистоту своей души и избавляться от пороков, которыми заражен не возрожденный человек. Рождество Христово, Богоявление, Вознесение и Пятидесятница также назывались Пасхой. В некоторых церквях на Великую Пасху устраивались драматические представления таинств, которые отмечались в этот праздник. Крестный ход совершался к гробнице, вырубленной в скале. Три женщины и

двое мужчин в израильских одеждах представляли трех Марий и учеников Иоанна и Петра, а другие, одетые в белое, с коронами на головах и крыльями на плечах, играли роль ангелов, которые общались с ними.

Пятидесятница (рис. 197), или Пасха роз, сопровождалась теми же драматическими и религиозными аксессуарами. Во многих церквях во время мессы на словах *Veni, Sancte Spiritus* раздавался внезапный взрыв трубы, чтобы напомнить о великом шуме, среди которого Святой Дух сошел на апостолов. Иногда, чтобы дополнить живописную имитацию таинства, с крыши падали огненные языки или сыпались красные листья роз, а голубям, эмблемам Святого Духа, позволялось порхать по церкви.

Рис. 199.- Нож, которым разрезали освященный хлеб; на лезвии с одной стороны читается молитва о благословении пищи, с другой - благодарение, обе с музыкой (XVI век).- Коллекция М. Ach. Жюбиналь, Париж.

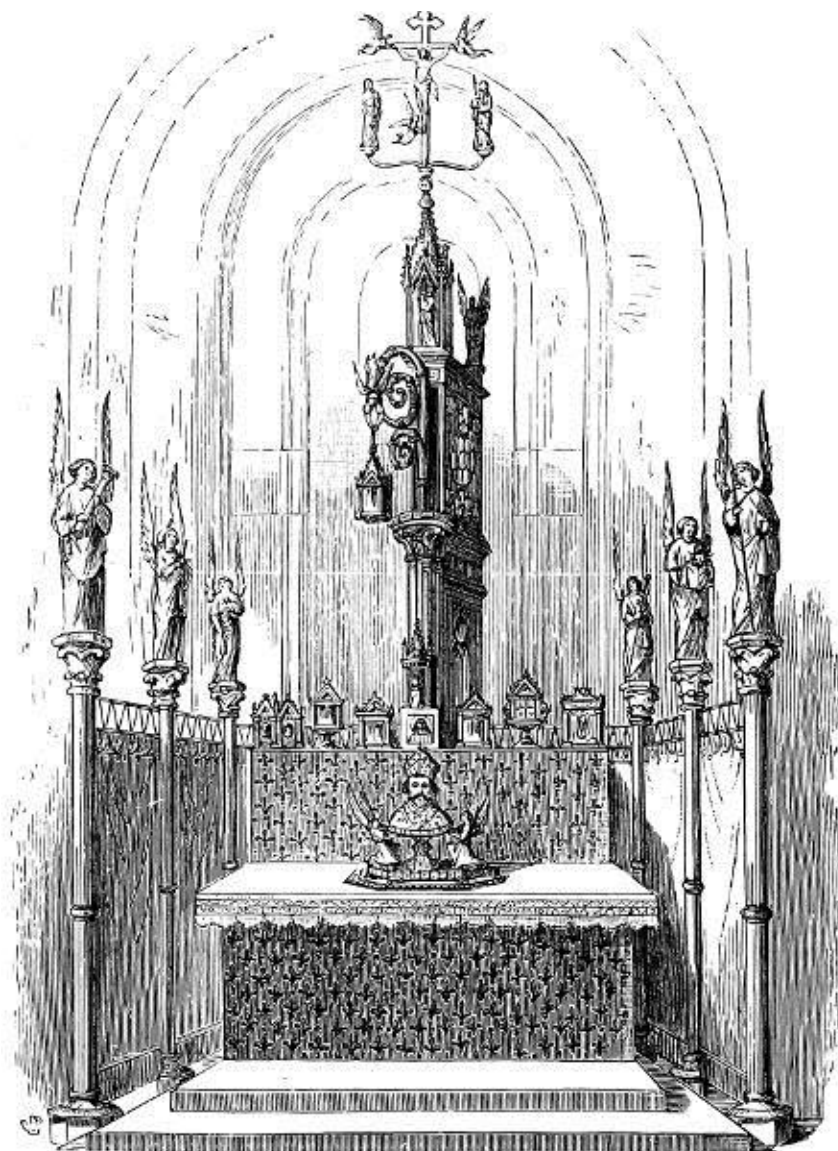

Рис. 200. Алтарь древнего Аррасского собора (XIII в.), ныне разрушенного; с картины XVI в., хранящейся в ризнице Аррасского собора. Ангелы на вершине колонн несут орудия Страстей. Вдоль вершины экрана размещены шесть реликвариев с мощами разных святых; они составляют свиту Иисуса, главного из всех мучеников. Скиния - это не тяжелый квадратный ящик, а подвешенный ларец, который несет ангел, спускающийся с небес. Еще выше три ангела собирают в таинственную чашу Грааля кровь, стекающую с ног и рук распятого Иисуса.

На высоких праздниках за мессой следовала церемония подношения, во время которой все присутствующие должны были положить монету в тарелку и поцеловать представленную им эмблему доброй воли (рис. 198). Это подношение было совершено в память о древнем обычае. Приношения, которые в первобытной Церкви верующие имели обыкновение совершать каждый день, состояли из хлеба и вина. Их клали перед алтарем в начале второй части мессы, после чтения Евангелия и Апостольского Символа веры. Капитулярии первых франкских королей предписывали неофитам приносить хлеб и вино по крайней мере каждое воскресенье. До VIII или IX века, как утверждают некоторые авторы, для жертвоприношения на мессе безразлично использовался либо квасной, либо пресный хлеб; но с этого времени квасной хлеб используется только в Восточной Церкви. С этой эпохи предложенный хлеб также больше не использовался, кроме как для раздачи народу, как символ причастия, и тогда он получил название *евлогий* или *освященный хлеб* (рис. 199). Эти кусочки хлеба,

которые помогающие священники и дьяконы последовательно предлагали в алтаре на белых салфетках, были круглой формы. Их называли *обручами*, *венцами* и *колесами*. Обычай предлагать хлеб и вино, держа в руке зажженный светильник, передавался по наследству и до сих пор существует при погребении во многих епархиях.

Над алтарем, где совершались жертвоприношения, возвышался купол (так называемый *киворий*), поддерживаемый четырьмя колоннами, между которыми находились занавеси, закрывавшиеся во время части службы, чтобы скрыть предстоящие священные таинства (рис. 200). В середине купола, над алтарем, подвешивался полый голубь, сделанный из золота или серебра (рис. 201); в нем хранилась евхаристия для больных. Позднее серебряный голубь был заменен скинией.

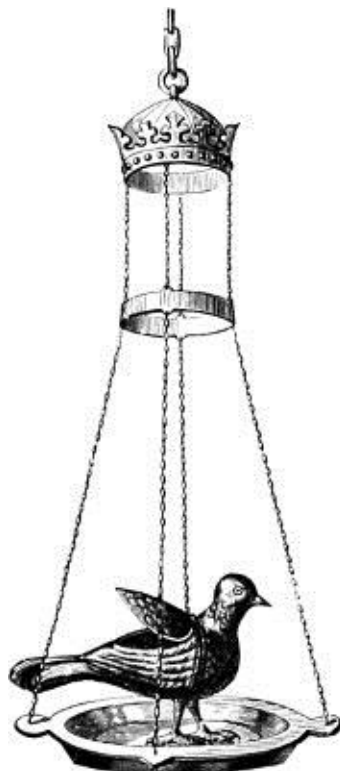

Рис. 201. Подвешенный над алтарем голубь, содержащий евхаристический ящик (XIII век) - "Исследования по археологии алтаря" Лайба и Шварца.

Итак, мы убедились, что время внесло лишь незначительные изменения в литургию Церкви; с другой стороны, мы можем убедиться, что ничего не остается для догадок и гипотез; самая тщательная критика лишь подтверждает истины традиции. Месье Поль Аллар, выдающийся писатель, очень удачно выразил это в своей работе "Подземный Рим". "В течение двух столетий, - говорит он, - почва Рима с неутомимым рвением исследовалась и раскапывалась в надежде обнаружить источник первых христианских институтов, само происхождение Церкви; катакомбы были открыты до наших дней, тысячи надписей были обнажены, а редкие и драгоценные картины были скопированы или все еще видны. Из этих подземных трудов, не оставляющих никаких предположений, возникла история происхождения христианства, полная и обновленная, но ни в чем не отличающаяся от той, которую передала нам традиция и которая, подтвержденная по многим пунктам, не была поколеблена ни в одном."

ПАПЫ.

Влияние папства на реформацию раннего общества.- Святой Лев Великий.- Происхождение временной власти пап.- Григорий Великий.- Императоры-иконоборцы.- Стефан III. доставлен Францией.- Карл Великий коронован императором Запада.- Фотий.- Вормская диета.- Григорий VII.; его план христианской республики.-Урбан II.-Крестовые походы.- Каликст II; прекращение спора об инвеституре.-Иннокентий III.-Борьба Бонифация VIII с Филиппом ле Белем.-Великий западный раскол.-Флорентийский собор.-Битва при Лепанто.-Трентский собор.

В Средние века папы оказывали заметное влияние на общество, олицетворяя собой христианский элемент, которому суждено было возродить старый мир. "Учение, исходящее из Азии, должно было не покорить, а обратить Европу, соединить политическую и религиозную истину и, силой совести против идолопоклонства и покорности против тирании, восстановить человеческий род во всем его достоинстве под властью единого истинного Бога. Вместе с силой меча возникло и мнение, которое, независимо от своего соперника, поддерживало дело прогресса в его борьбе с этой же силой меча и не давало ему быть низвергнутым. Церковь, представляя народ и открывая путь к освобождению всех, кто был обременен завоеваниями и силой, не смогла одним ударом уничтожить рабство, узаконенное насилие и грабеж, но она встретила их с обличающим учением и осуждающим Богом.

"Нерон и Домициан вскоре оказались лицом к лицу с Петром и Линусом; первые, вооруженные хозяева мира, на их стороне законность, , которая так отличается от справедливости, представители старого мира, который кричал в цирке: "На львов с христианами!Вторые, бедные, слабые, непонятые и оклеветанные, распространяли Царство Божие авторитетом, воспитанием, обрядами и примером; провозглашая, что Сезарю должно быть отдано то, что принадлежит Сезарю, и ничего более, ни поклонения, ни жертвования своими чувствами и убеждениями" (Канту.).

Рис. 202. Иудейская религия, помогающая при смерти Иисуса Христа. У фигуры повязка на глазах, Декалог падает из рук, а копье разбито на куски. Скульптура в Страсбургском соборе (XIII век). По фотографии Шарля де Винтера из Страсбурга.

Эта борьба, начатая святым Петром, первым епископом Рима и первым папой, и продолженная его преемником святым Линусом, продолжалась в течение трех веков. Тем не менее папы, не сдерживаемые гонениями, осуществили моральное завоевание римского мира, и даже дворец кесарей был полон христиан, когда Константин признал их законное существование. Местопребывание империи было перенесено в Византию; роскошь и женолюбие Востока одурманили выродившуюся расу кесарей, в то время как под влиянием епископов Рима, официально признанных в тот момент суверенными понтификами христиан, Запад продолжал быстро продвигаться по пути современной цивилизации.

Рис. 203.- Христианская религия, помогающая после смерти Иисуса Христа. Коронованная и торжествующая фигура держит в одной руке штандарт креста, а в другой - потир евхаристии. Скульптура в Страсбургском соборе (XIII век). По фотографии Шарля де Винтера из Страсбурга.

Императоры, обращенные в христианство, вскоре стали противниками пап; "отложив защитный меч для богословских диспутов". Их слабость передала Запад германским расам; первобытное общество, чья организация все еще оставалась языческой, несмотря на смену религиозных верований, было поглощено вторжением этих северян, чьи институты способствовали торжеству идей политической свободы и равенства, зародыш которых был заложен в Евангелии.

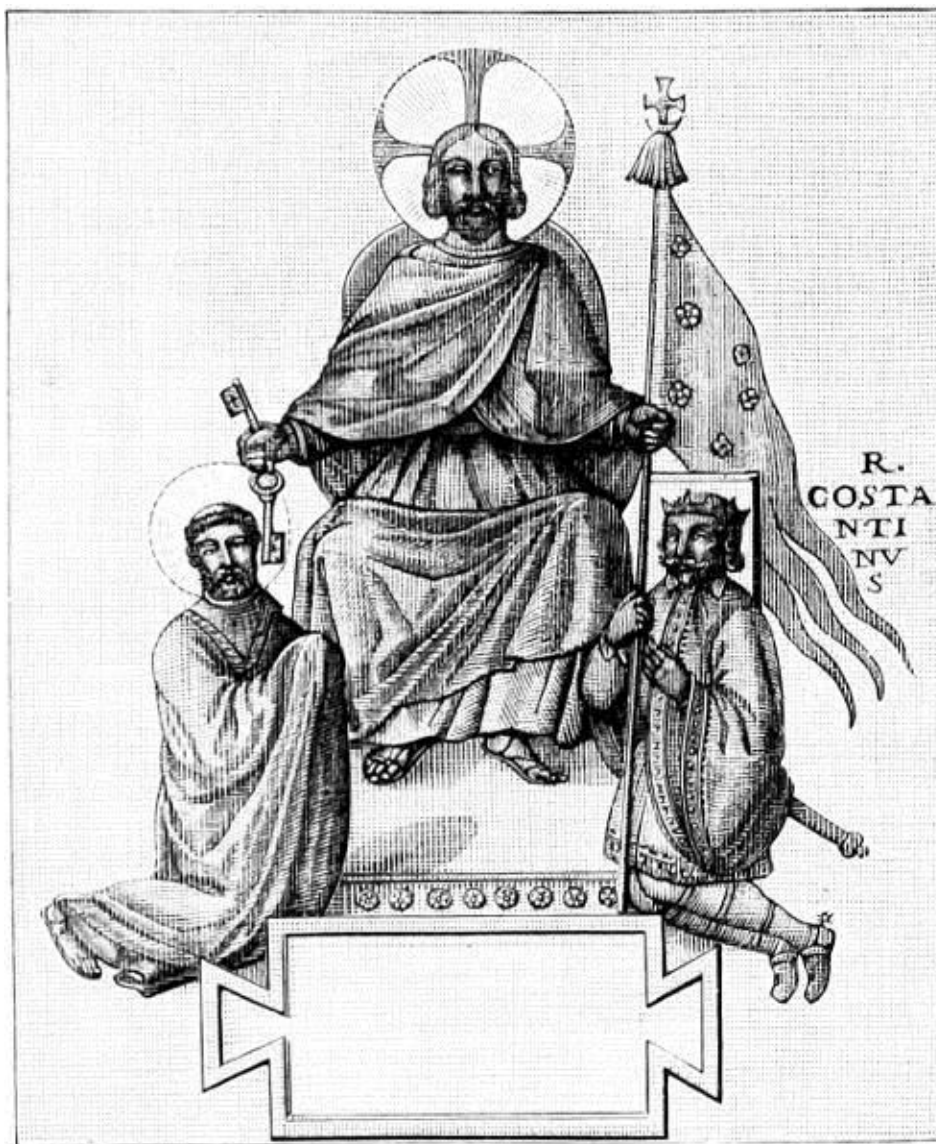

Рис. 204.- Духовная и мирская власть, зависящая от Иисуса Христа, который вручает Святому Петру ключи, а Константину - штандарт, увенчанный крестом. Мозаика X века в базилике Святого Иоанна Латеранского в Риме.

Папство Средневековья впервые прославил Лев I, прозванный Великим. Призванный народом и духовенством в 440 году в возрасте двадцати лет епископом Рима, он оказал величайшие услуги цивилизации в течение двадцати двух лет своего правления. Его проповеди, труды, указы были направлены главным образом на образование духовенства и паствы, на поддержание Никейского Символа веры (рис. 206), на нравственное совершенствование духовенства и на поддержание дисциплины. Он с одинаковой энергией и авторитетом боролся с еретиками, продолжал борьбу ортодоксального вероучения с заблуждениями, посягавшими на догмат Воплощения, лежащий в основе христианства, и с бдительным упорством отстаивал первобытное учение Церкви, столь ясно сформулированное и провозглашенное в правление одного из его предшественников на Эфесском соборе 431 года. Он был, прежде всего, искусным дипломатом и великим политиком. Он твердо отстаивал апостольское первенство Рима над Константинополем - первенство, признанное, кроме того, Халкидонским собором.

Рис. 205.- Святой Петр - факсимиле гравюры на дереве, выполненной в стиле старых мастеров Хансом Бальдунгом, иначе Грумом (1470-1550), в Национальной библиотеке, Париж.

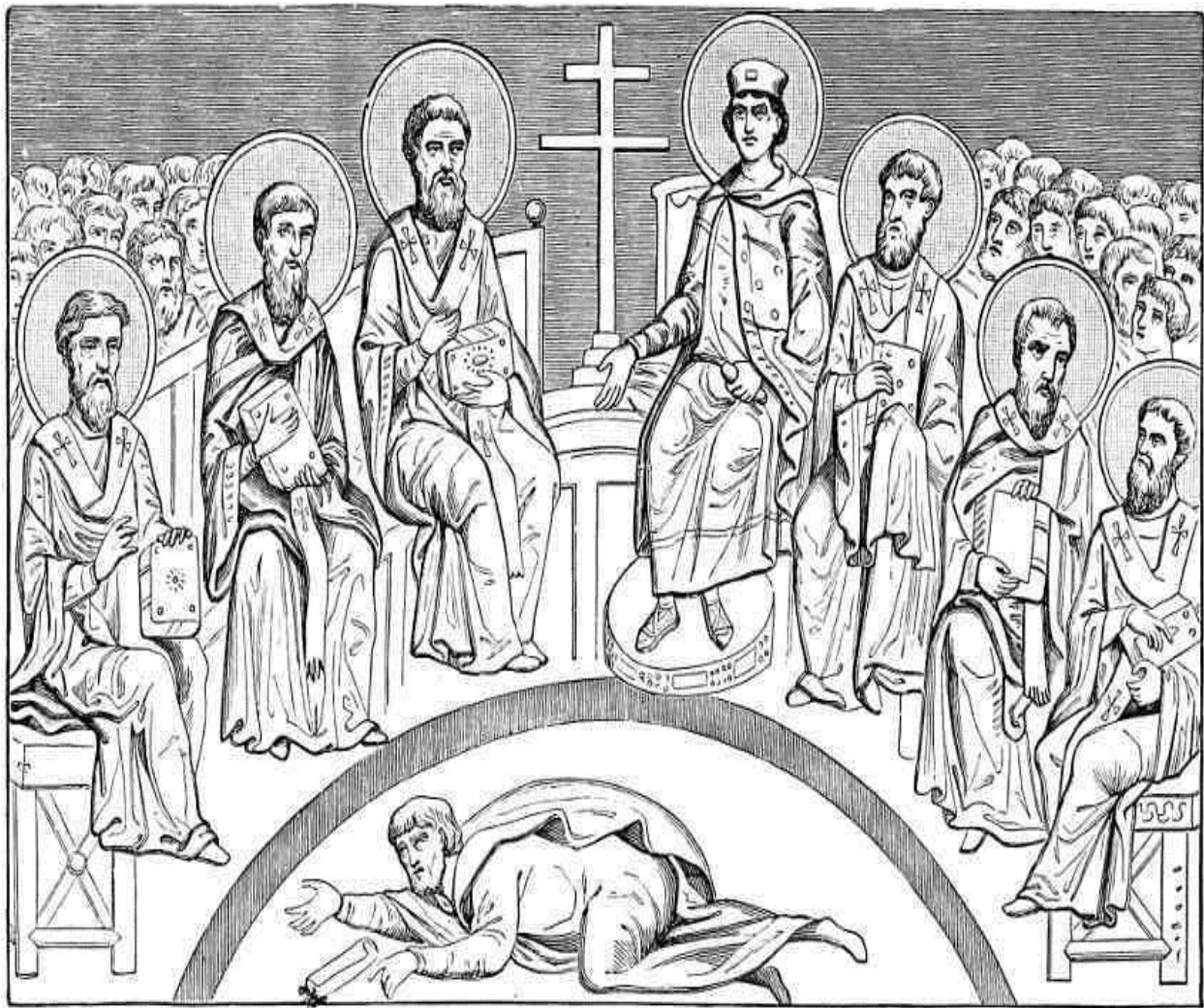

Рис. 206. Собор, состоявшийся в девятом или десятом веке в память о втором Ниццком соборе. Миниатюра *менолога* в Ватиканской библиотеке (рукопись десятого века).

Империя, как и Церковь, нуждалась в таком человеке, как Святой Лев, в дни испытаний. Нашествие варваров торжествовало на Западе, и почти все завоеватели были либо арианами, отрицавшими божественность Христа, либо идолопоклонниками. Лев одержал победу над всеми этими бедствиями. Рим уже был razoren Аларихом в 410 году, но даже он с уважением относился к церквям, из которых жители бежали в поисках убежища. Атила во главе семисот тысяч человек двинулся на Рим, чтобы опустошить его огнем и мечом; о сопротивлении не могло быть и речи, и император готовился к бегству. На фоне всеобщей паники папа Лев в сопровождении консула вышел навстречу грозному вождю и убедил его повернуть назад.

Несколько лет спустя Гензерик нагнал своих вандалов в Италию, и снова Лев смело предстал перед своим свирепым обидчиком и заставил его отказаться от намерения сжечь город и перебить жителей. Так обстоятельства проложили путь к временной власти пап в Риме, который они в итоге стали единственными хранителями и защитниками.

Но гений Льва лишь отсрочил падение Западной империи, которая была обречена на исчезновение через пятнадцать лет после его смерти. Его преемники продолжали защищать Италию, насколько это было в их силах, от ужасов войны; а папа Агапет, хотя и потяжелел с годами, взял на себя опасную миссию отправиться в Константинополь, чтобы заключить мир между императором Востока и королем вестготов. Через несколько лет после этого папе

Пелагию I хватило смелости добиться встречи с Тотилой и тем самым уберечь Рим от резни и бесчестия. Пелагия II, сдерживавшего лангобардов, которые в то время были хозяевами Италии, сменил Григорий I, прозванный Григорием Великим, один из самых прославленных римских понтификов.

Григорий, чей отец был римским сенатором, а мать - канонизированной, был претором, или главным магистратом Рима, и его управление принесло ему большую популярность, когда после смерти отца он унаследовал большое состояние. Это позволило ему основать семь монастырей, и, раздав оставшиеся деньги бедным, он стал монахом в аббатстве Святого Андрея, которое он основал до вступления в священство. Избранный папой 3 сентября 590 года, он, несмотря на сопротивление духовенства, сенаторов и народа, сразу же исповедовал веру в обычном порядке. Он обратил в веру лангобардов, которые были исповедующими арианство и даже идолопоклонниками. Это был не малый триумф, ведь он означал мирное подчинение или, скорее, союз с воинственным народом, чье соседство с Римом было постоянной причиной тревоги. Именно в отношениях с константинопольским двором Григорий особенно ярко проявил всю возвышенность своего характера. Умерив честолюбие лангобардов, чтобы сохранить для императоров Востока их итальянские владения (рис. 207), он с такой же энергией и тактом защищал независимость Церкви и интересы итальянцев от несправедливых притязаний византийского двора. Он более четко определил роль папства в Средние века, которая заключалась в отстаивании чистоты догмы в противовес ереси против теологических притязаний императоров, в защите католического населения, побежденного и часто преследуемого новыми владыками, будь то язычники или еретики; и, наконец, в донесении евангельских вестей до самых отдаленных народов земли.

Рис. 207. Архангел Михаил, служитель Божий, предлагает византийскому императору земной шар, увенчанный крестом, символом императорской власти. Лист диптиха или скрижали из слоновой кости VI века, хранящийся в Британском музее, - копия М. Ж. Лабарта. Второй лист этого диптиха утерян, греческая надпись, означающая "Прими этот предмет и узнай причину", неполна, а ее смысл загадочен.

Этому великому папе принадлежит слава обратившего Англию с помощью миссионеров, которых он туда послал. "Нет ничего более великого в истории Европы, - говорит Боссюэ, - чем вступление святого Августина в Кент с сорока своими спутниками, которые, предваряемые крестом и образом Великого Царя Господа нашего Иисуса Христа, горячо молились об обращении Англии". Святой Григорий, пославший их, наставлял их истинно апостольскими посланиями и заставлял святого Августина трепетать от изумления перед многочисленными чудесами, которые Бог совершал через него. Берта, французская принцесса, обратила в христианство своего мужа, короля Этельберта. Короли Франции и королева Брунехильда поддержали эту новую миссию. Французские епископы сердечно включились в это благое дело и, по приказу папы, посвятили святого Августина. Поддержка, которую святой Григорий оказал новому епископу, принесла обильные плоды, и таким образом была образована Англиканская церковь."^[13]

Среди этих важных дел Григорий находил время для помощи бедным и образования молодежи. Он построил школы и больницы в Риме, а также увеличил великолепие церковных служб благодаря разумной и хорошо продуманной реформе духовной музыки. М. Ф. Клемент в своей истории духовной музыки пишет: "Святой Григорий, не довольствуясь регулированием антифонов для каждой службы в течение года, также основал школу пения в Риме и лично руководил обучением в ней. В то время как другим мастерам было поручено давать уроки в одном отделении школы, при соборе Святого Петра в Ватикане, он руководил другим отделением при соборе Святого Иоанна Латеранского. В житии этого понтифика, написанном Иоанном Дияконом, мы читаем, что, вынужденный из-за своих недугов лежать во весь рост на кушетке, он все еще учил детей пению, и что до сих пор сохранился посох, которым он пользовался для ударов".

Через столетие после его смерти два сменивших друг друга одноименных папы, Григорий II и Григорий III, вспомнили о добродетелях и, прежде всего, о твердости своего славного предшественника. Им пришлось бороться с необычайными притязаниями императоров Востока, которые объявили себя иконоборцами, то есть разрушителями изображений. Утверждая, что некоторые злоупотребления вызваны невежеством некоторых непросвещенных христиан, Лев Исаврянин в 726 году издал эдикт, повелевающий уничтожить изображения - распятия и статуи - по всей империи. Ни священнослужители, ни их паства никогда не видели никаких признаков идолопоклонства в поклонении этим изображениям, которые почитались как священные символы и уважались как семейные портреты. Константинопольский патриарх, отказавшийся подчиниться этому эдикту, был изгнан. Эта новая ересь была сурово обличена Григорием II, а после него Григорием III. Последний ответил императору, просившему его созвать собор, такими благородными словами: "Ты написал, прося нас собрать Вселенский собор; это было бы бесполезно, так как ты один преследуешь изображения; прекрати эти злые дела, и мир будет в мире, и скандалы прекратятся. Разве вы не видите, что ваш крестовый поход против изображений - это акт бунта против Церкви и самонадеянности? Церкви наслаждались периодом глубокого спокойствия, когда вы подняли эту бурю споров; положите конец расколу, и тогда не будет нужды в соборе". Эта апостольская твердость вызвала гнев Льва, который отправил против Рима флот с большим количеством войск, но они погибли в Адриатике.

Трасмунд, герцог Сполето, и герцог Беневенто, подняв восстание против Луитпранда, короля лангобардов, укрылись в Риме. Григорий принял их очень радушно и отказался выдать их сомнительному сюзерену. Луитпранд сразу же двинулся на Рим, и Григорий потребовал помощи у Карла Мартела, которую, однако, отказался предоставить; добрый папа умер как раз вовремя, чтобы не стать свидетелем разграбления Вечного города (741).

Захария, грек по происхождению, принял наследство, оставленное Григорием III в столь критических обстоятельствах; но он так искусно вел переговоры с Луитпрандом, что король не только вернул папскому домену четыре города, которые он уже захватил, но и добавил в качестве безвозвратного дара территории Сабины, Нарнии, Оссимо и Анконы, а также согласился эвакуировать экзархат Равенны, занятый его войсками. Захария пользовался не меньшим доверием у императора Константина Копронима, который в интересах Римской церкви предоставил ему уступки, более чем можно было ожидать от раздраженного сюзерена. Все государи его времени, казалось, стремились прибегнуть к его советам. Карл Великий, сын Карла Мартела, и Рахис, король лангобардов, отправились в Рим, чтобы повидаться с ним, и он пригласил их обоих войти в монастырь Монте-Кассино.

Стефан III, избранный путем аккламации преемником Захарии (752), был перенесен с публичной площади в Латеранскую церковь на плечах своих сторонников; с тех пор этот обычай соблюдается в тех случаях, когда выборы были единогласными.

Он заключил мир на сорок лет с Астольфо, королем лангобардов, но этот честлюбивый монарх не сдержал своих обязательств, так как через некоторое время после этого изгнал экзарха Евтихия из Равенны, а затем, претендуя на все права императора, попытался стать хозяином Рима (753). Эта несправедливая война, к счастью, велась так медленно, что у государя-понтифика было время отправиться во Францию и ходатайствовать перед королем Пипином о помощи против Астольфо. Французская армия была переправлена через Альпы, и Астольфо пришлось покориться, отдать Равенну народу и выдать заложников. Стефан вернулся в Рим в сопровождении принца Жерома, брата Пипина; но в следующем году Астольфо снова взялся за оружие, и Пипин, снова перешедший Альпы, на этот раз вынудил его окончательно отказаться от экзархата двадцати двух городов вместе с присоединенными к ним территориями, которые он полностью передал Святому Петру и его преемникам. Это, вместе с Римским герцогством, составляло временное владение Церкви.

Через несколько лет Адриан I, избежавший попадания в политические ловушки, расставленные для него Дидье, обратился за помощью к Карлу Великому, и тот, перейдя Альпы, осадил Павию, столицу лангобардских королей, взял Дидье в плен и отправил в монастырь Корби. Не довольствуясь освобождением Рима, Карл Великий во время двух визитов в этот город, во время и после войны, подтвердил торжественно сделанный его отцом дар территорий, которые должны были быть неотъемлемо присоединены к Святому престолу; в то же время он добавил побережье Генуи, Корсику, Мантую, Венецию, Истрию, герцогства Сполето и Беневенто и весь экзархат с его тридцатью городами.

Адриану посчастливилось увидеть, как ересь иконоборцев была осуждена вторым Никейским собором; императрица Ирина и ее сын Константин подчинились этому решению.

Адриан умер в 795 году. Его преемник, Лев III, послал великому императору франков штандарт города Рима и ключи исповедания святого Петра, как защитнику Вечного города. Император ответил на это почтение даром огромных сокровищ, которые он отнял у врага, и папа посвятил большую их часть на украшение Латеранского дворца и различных церквей.

Рис. 208.- Византийский далматик, предположительно принадлежавший Льву III, но, вероятно, относящийся к двенадцатому веку, хранящийся в сокровищнице собора Святого Петра в Риме. На этом одеянии из темно-синего шелка есть несколько рисунков, вышитых золотом и красками. Наиболее примечательным является рисунок на передней части, изображающий Христа в его славе. Сидящий на радуге, с ногами на двух огненных кругах и простертой правой рукой, он держит в левой Новый Завет, открытый на следующем отрывке: "Придите ко Мне, избранные Отца Моего". Над его головой виден крест с терновым венцом. Вокруг него - хор ангелов, Богородица, святые, Давид и Соломон, епископы и религиозные ордена; внизу, справа и слева, святой Иоанн Креститель и Авраам, принимающий души праведников; вверху, на двух плечах, Иисус дает апостолам святое причастие, причем вино подается с одной стороны, а хлеб - с другой.

Заговор, которого Лев III избежал, лишь взобравшись на стены Рима и укрывшись у герцога Сполето, шедшего ему на помощь, дал ему возможность отправиться к Карлу Великому в Падерборн, который обещал сам прибыть в Италию, чтобы посрамить врагов святого отца; тем временем он отправил в Рим уполномоченных, которые восстановили папу в его понтификате (30 ноября 799 года). Карл Великий прибыл в Рим в следующем году и, созвав народное собрание, объявил о цели своего визита и призвал обвинителей папы предстать перед его трибуналом. Поскольку они не осмелились явиться, он объявил, что святому отцу должно быть позволено оправдаться под присягой. Затем в большом соборе Святого Петра, при огромном стечении народа, Лев, положив руку на книги евангелистов, воскликнул: "Я ничего не знаю о преступлениях, в которых меня обвиняют римляне". Его заявление было встречено криками аплодисментов, которые пронесли по сводам священного здания. Карл Великий, вернувшийся в собор Святого Петра на Рождество ради службы, преклонил колени перед алтарем. Папа, встав перед ним, возложил ему на лоб золотую корону, усыпанную драгоценными камнями, и провозгласил его императором, тем

самым даровав ему реальное верховенство над всеми христианскими князьями и народами Запада. (Рис. 208 и 209.)

Рис. 209. Коронация императора папой римским, государь представлен Максимилианом I. Из "Святых церемоний", рукописи XVI века, хранящейся в коллекции М. Руджери.

Папы, которые были современниками преемников Карла Великого, хотя и не отличались особой известностью, управляли Церковью с мудрой умеренностью; и поскольку все они были покровителями изящных искусств, Рим обязан им некоторыми из своих главных украшений. Лев IV. в 847 году был вынужден обезопасить Рим от нападения сарацинов, которые постоянно совершали вылазки к самым его стенам. Для этого он построил вокруг церкви Святого Петра регулярный город - Леонин, который он укрепил высокими башнями. Он также укрепил места вблизи Рима и основал новый город, названный Леополисом, который он окружил крепостными стенами. Таким образом, Рим оказался вне опасности, и он, подражая примеру своих предшественников, украсил церкви, которым он подарил картины и другие произведения искусства на сумму 5 971 серебряных марок. Баснословная история о папе Жанне, которая, как говорят, была избрана папой и скрыла свой пол, хотя вскоре была изгнана после большого скандала, помещается историками между Львом IV и Бенедиктом III; но ложность этой истории очевидна, поскольку между смертью Льва 17 июля 855 года и избранием Бенедикта не было никакого перерыва.

Николай I (858-867) предал анафеме Фотия, узурпировавшего власть Константинопольского патриарха. Империя перешла к Михаилу III, трехлетнему ребенку, и его мать Феодора, при содействии дяди Варды, осуществляла управление от его имени. Когда принц подрос, Варда сместил Феодору и, чтобы сохранить свою власть, стал потворствовать страстям племянника. Михаил предался таким скандальным излишествами, что патриарх Игнатий исключил его из церкви и отлучил от Варды. Через шесть дней вместо Игнатия патриархом стал Фотий, мирянин, на которого можно было положиться и сделать то, что ему скажут. Это стало прелюдией к разделению греческой церкви. Фотий добавил ересь к своему восстанию против папы, утверждая, что Святой Дух исходит только от Отца, а не от Сына. Преемник Николая, Адриан II, назначил своих легатов председательствовать на соборе, который низложил патриарха Фотия. Он также поддержал приговор своего предшественника в отношении Лотаря, которого он заставил отречься от прелюбодеянного союза с Вальдраде. Когда этот принц предстал перед ним, чтобы принять причастие, папа, поднося ему тарелку, громким голосом сказал: "Если ты отказался от прелюбодеяния, если ты разорвал всякую связь с Вальдрадом, пусть это причастие утешит тебя! Если же сердце твое по-прежнему порочно, оно будет тебе в наказание". Эта возвышенная твердость речи была тем более достойна похвалы, что папа, отстаивая таким образом права морали, должен был бросить вызов принцу, освободившему Рим от сарацинов, и сделать ему наставление. Никто не может сказать, были ли обоснованы сомнения Адриана в искренности обращения Лотаря, но, по крайней мере, точно известно, что последний умер через сорок дней после этого, и его смерть казалась приговором Небес.

Легаты Иоанна VIII, преемника Адриана, позволили себя запугать и развратить Фотию. Обманутый их ложными представлениями, Иоанн VIII сначала одобрил их действия, но, узнав правду, публично отлучил в Риме и Фотия, и трусливых легатов, которые предали свое доверие, чтобы добиться расположения этого самозванца (880). Иоанн VIII стал первым папой со времен падения Римской империи, которому пришлось выбирать между двумя претендентами на императорскую корону. Он заявил, что, поскольку империя была дарована Карлу Великому милостью Божьей и властью папы, он передает ее королю франков Карлу Лысому.

В течение полутора столетий группировки могущественных итальянских семей и произвол императоров мешали свободному избранию пап, из-за чего возникали большие скандалы, а на понтификат возводились многие недостойные личности. Неоднократно соперничество партий приводило к появлению антипап, а в одно время на Святой престол претендовали целых три человека. Вряд ли можно назвать чудом то, что папство сохранило свое положение вопреки стольким причинам, стремившимся к его гибели. Наконец, в 1049 году римляне направили императору Генриху III письмо с просьбой назначить преемника только что умершего папы, и тот собрал в Вормсе епископов и вельмож империи и по их совету выбрал Бруно, епископа Тульского.

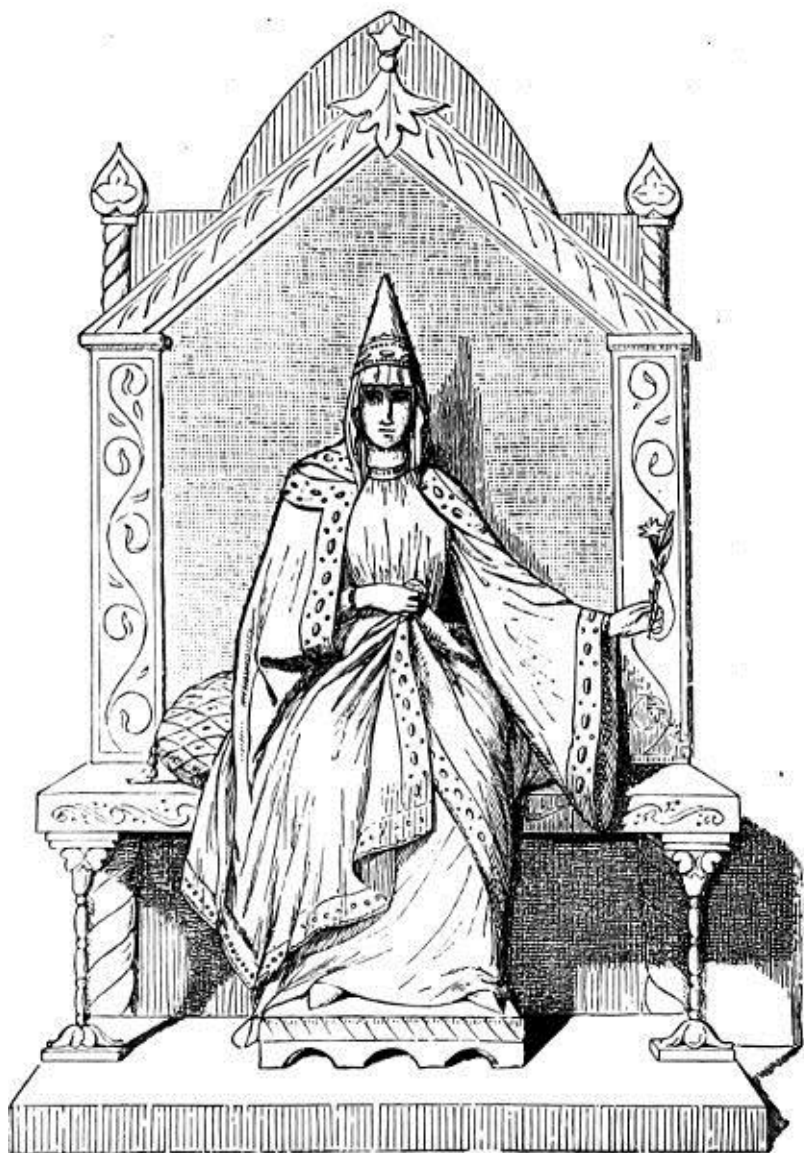

Рис. 210. Портрет великой графини Матильды - с миниатюры в современной поэме, героиней которой она была (рукопись № 4 922 в Ватиканской библиотеке).

Перед тем как отправиться в Рим, Бруно отправился посоветоваться с Хильдебрандом, монахом из Ключи, чья репутация добродетели и способностей была очень высока. Тот принял его очень радушно, но указал ему на неуместность мирских выборов и убедил сменить папскую мантию на одежду пилигрима, пока народ и духовенство Рима не изберут его свободно.

Бруно вошел в Рим босиком и ответил на аплодисменты тех, кто вышел ему навстречу: "Выбор народа и духовенства, подкрепленный авторитетом канонов, имеет приоритет над всеми другими кандидатурами; поэтому я готов вернуться в свою страну, если мое избрание не будет одобрено всеми вашими избирателями". По совету Гильдебранда, древние обычаи были соблюдены. Бруно принял имя Льва IX; он был посвящен 2 февраля, а через десять дней возведен на престол. Таким образом, римский двор провозгласил, что императоры и князья не обладают абсолютной властью над избранием понтификов, а право избрания, после того как оно было возвращено народу и духовенству, впоследствии было передано кардиналам.

С целью реформирования нравов церковников, восстановления дисциплины и литургии, а также борьбы с ложными учениями и ересями Лев IX провел множество соборов, одни в Риме, другие в Верчелли, третьи в Париже; он объехал всю Францию, Германию и Италию, отмечая все обнаруженные им злоупотребления и демонстрируя решимость их исправить. Благодаря императорской щедрости он значительно увеличил папскую власть. Увлеченный своим рвением, он сопровождал войска, посланные ему императором, против норманнов, опустошавших Италию. Его солдаты были разбиты, а сам он попал в плен; но норманны оказали почтение своему пленнику и умоляли его принять под свою власть все их владения в Италии, так что Лев IX фактически получил преимущества большие, чем когда-либо мог ожидать. Назначение его преемника больше не входило в компетенцию императора, и прославленный Гильдебранд, который в то время был почти верховным в Римской церкви, распорядился избрать по канонической форме четырех последовательных пап, которые не нуждались ни в одобрении, ни в поддержке Священной империи. Последний из них, Александр II, умер в 1072 году, процарствовав девять лет, и епископы совещались о выборе нового понтифика, как вдруг из народа раздался голос: "Гильдебранд - папа, его избрал святой Петр". Это был глас Божий, и Гильдебранд, который столько лет был папой *де-факто*, был возведен на престол под титулом Григория VII. Первой его заботой было уладить на соборе дела Италии и Франции и заключить союзы с Испанией, Венгрией и различными немецкими княжествами. Он счел себя достаточно сильным, чтобы предпринять эту тяжелую и неустанную борьбу, которую он вел в течение всего своего правления, в интересах Церкви, против государей Европы. Он хотел добиться признания независимости Святого Престола, отстранить от власти аббатов и прелатов, виновных в симонии, порицая в то же время императоров и королей, торговавших церковными достоинствами. Он также хотел исправить распущенную мораль клириков, одновременно осуждая беспечное равнодушие епископата. Сначала он напал на императора Генриха IV. Затем пригрозил Филиппу I отлучением, если тот не исправится, наложил анафему на пятерых главных членов императорского дома, а после призвал самого монарха лично предстать перед синодом, чтобы дать отчет о содеянном. Генрих IV, одержав победу над саксонцами и раздраженный дерзостью папы, созвал в Вормсе диету с целью его низложения и отстранил от должности посланных им легатов. В это время в Риме готовился заговор против папы, инициаторами которого были Ченций, префект города, и Гиберт, архиепископ Равенны. Он был приведен в исполнение в ночь на Рождество 1075 года. Григорий, раненный в лоб во время совершения мессы в базилике Святого Петра, был отнесен в плен от алтаря в одну из башен, откуда почти сразу же был освобожден народом и возвращен к алтарю для завершения службы. Папа проявил большое снисхождение к заговорщикам. Через шесть недель после этого Вормсский собор объявил о его низложении, и епископы торжественно присоединились к указу. Григорий VII, ничуть не падая духом, предал императора анафеме на соборе, состоявшемся в Риме; затем, обратившись ко всему христианскому миру, он умолял его присоединиться к нему в защите их оскорбленной религии. Самые знатные женщины Европы, во главе которых стояла Матильда, принцесса Тосканская (рис. 210), вдова Годфрида Горбатого, открыто заявили о своей поддержке папы, в пользу которого произошла внезапная реакция. Феодалная Германия отступила от дела императора, который был вынужден удалиться в Шпиль до тех пор, пока диета, созванная в Аугсбурге, не примет решение по поводу жалоб двух государей. Но император, желая избавиться от вынесенного ему приговора об отлучении от церкви, отправился на встречу с папой, направлявшимся в Аугсбург вместе с графиней Матильдой. Эта прославленная дама вмешалась в процесс примирения двух соперников, которые провели беседу в крепости Каносса, недалеко от Реджио, когда император, чтобы получить свое помилование, унился до того, что на коленях подошел к папе и попросил его (1077). Именно тогда графиня Матильда завещала все свои родовые владения и все свое личное

имущество церкви и римскому двору. Несчастный Генрих, устыдившись покаяния, которому его заставили подвергнуться, императивно отделился от папского общения. Созывались один собор за другим, и за два года Григорий созвал не менее семи для обсуждения общих дел Церкви. Он не преминул заручиться союзниками, в то время как император столкнулся в Германии с врагами, пытавшимися вырвать у него императорскую корону. Генриху IV удалось разгромить их, а затем он обратился к Григорию, против которого выставил антипапу. После побед при Фладегейме и Марбурге он перешел Альпы, разбил папскую армию и угрожал Риму, где Григорий, как всегда непреклонный, собрал восьмой собор, который вновь отлучил императора от церкви. Взятие города продолжалось три года, когда император, пожертвовав огромной суммой денег, заставил открыть перед собой ворота города; и хотя Григорий предпринял последнюю попытку собрать новый собор, Генрих уже был внутри со своим антипапой, которого он короновал под титулом Климента III. Неустрашимый Григорий, заточенный в замке Сант-Анджело, продержался до тех пор, пока старый нормандский рыцарь Роберт Гискар, герцог Апулии, не пришел ему на выручку. Тогда он созвал десятый собор, который еще раз отлучил от церкви императора, антипапу и их многочисленных приверженцев. Прежде чем император смог в пятый раз вернуться в Рим, герцог Роберт Гискар счел благоразумным вернуться в Апулию вместе с папой, смерть которого наступила в Салерно вскоре после этого (25 мая 1085 года).

Григорий обладал слишком большой прозорливостью, чтобы не подумать о назначении наследника, способного осуществить его обширные замыслы. Среди тех, кого он назвал, в конце концов был выбран Данфиер, аббат Монте-Кассино, и, хотя он не без колебаний принял столь тяжелое бремя, его сделали папой с титулом Виктора III. Новый понтифик прибыл в Рим и занял своими войсками фобур Транстевере и замок Сант-Анджело, в то время как антипапа Климент III удерживал другой берег Тибра. Однако такое положение вещей не могло быть долгим. Виктор, убитый горем, вскоре умер в Монте-Кассино, и его сменил Эудес де Шатильон, принявший имя Урбан II. (1087). Французского происхождения, воспитанный в Реймском соборе митрополии, он двадцать восемь лет был настоятелем знаменитого аббатства Ключи. Именно там его впервые узнал Григорий, чьим безграничным доверием он пользовался, и в этих обстоятельствах он, естественно, желал продолжить политику этого понтифика. Но император Генрих IV сорвал этот проект, внезапно вторгшись в Италию, захватив Рим и поставив нового антипапу Гиберта править в Святом городе под защитой немецких солдат. Урбан, вынужденный покинуть замок Сант-Анджело, который осаждали императорские войска, перенес свою резиденцию в Беневенто, где проявил больше решимости, чем прежде, короновав Конрада, сына императора, королем римлян, добившись от него отказа от раскола, и отлучив Филиппа I, который отослал свою жену, чтобы жениться на его наложнице. После этого он вернулся в Рим, чтобы успеть отпраздновать рождественские службы. Он изгнал антипапу Гиберта и его сторонников, восстановил независимость тиары и собрал в Плаценции, среди раскольников-ломбардцев, совет, на котором присутствовали двести прелатов, четыре тысячи клириков и тридцать тысяч мирян. Это был внушительный протест в защиту мира Церкви, которому придавало дополнительное значение присутствие делегатов от Германской и Восточной империй, а также королей Франции и Англии. В течение того же года Урбан отправился в Клермон, в Оверни (рис. 211), чтобы под эгидой Филиппа I председательствовать на другом соборе, на котором было принято решение о первом крестовом походе (1095), проповедуемом им по всей Франции; после этого он с триумфом вернулся в Рим (1096), счастливый от мысли, что осуществил желания Григория, который первым задумал идею Священной войны.

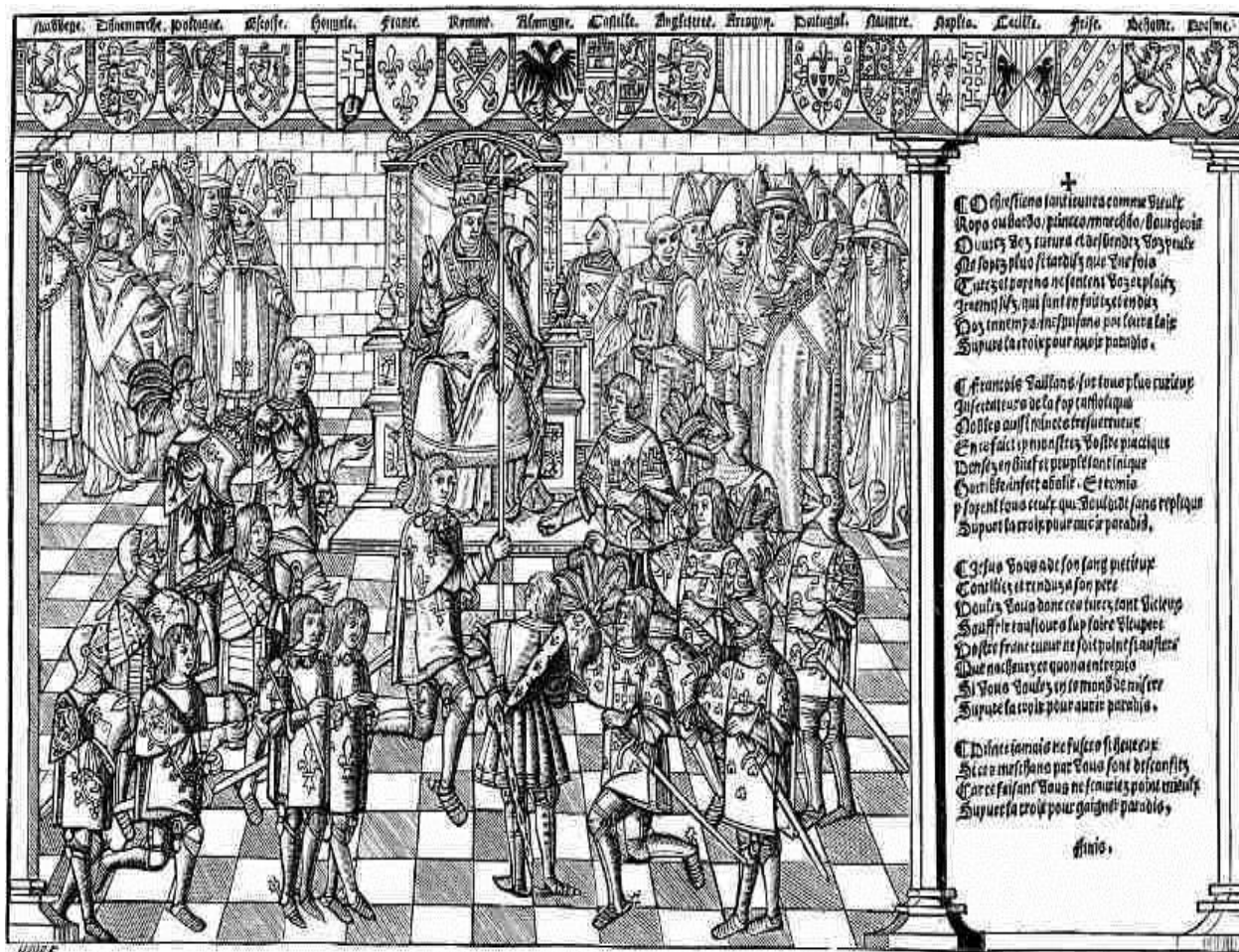

Рис. 211. - Папа Урбан II, председательствующий на Клермонском соборе 1095 года и призывающий христианские народы к Первому крестовому походу за освобождение Святой земли. Факсимиле гравюры на дереве из "Большого путешествия в Хиерусалем", напечатанной Франсуа Регно в 1522 году (в библиотеке месье Амбруаза Фирмина-Дидо).

Римский собор, на котором было провозглашено суверенное право Церкви на присвоение церковных санов, ознаменовал завершение его правления. Он умер в 1099 году, накануне того столетия раздоров и смут, над которым суждено было витать его духу и духу Григория VII, а также нескольких других пап и ученых докторов, приехавших из Клуни, поскольку спор об инвеституре был далек от разрешения. Паскаль II, подражая твердости своих предшественников, уступил королю Франции, но император Генрих V, несмотря на формальные обязательства, заключенные его отцом, вновь заявил о своем праве назначать епископов и аббатов и вводить их в свое подчинение. Войдя в Рим со своими войсками и подарив папе поцелуй мира, он арестовал его вместе с несколькими кардиналами и путем долгого плена, угроз и насилия заставил издать буллу, в которой понтифик признавал право императора отменять канонические выборы епископов и аббатов, а также обещал впредь не отлучать его от церкви. Не успел Паскаль II вновь обрести свободу, как созвал в Риме собор, на котором признался, что не выполнил свой долг, после чего собор с его согласия заново осудил церковные инвеституры, присвоенные гражданской властью. Другой собор, состоявшийся во Франции, отлучил от церкви императора, которому удалось захватить Рим. Когда Паскаль умер, Геласий II вынужден был укрыться в Клуни, а Генрих V назначил антипапу, принявшего титул Григория VIII.

После смерти Геласия II кардиналы, последовавшие за ним во Францию, избрали его преемником француза Каликста II, которому принадлежит слава прекращения ссор по поводу инвеституры. Император, обнаружив, что раздражение немцев, уставших от его

деспотизма, становится опасным для его трона, созвал диету в Вюрцбурге, на которой он и князья империи решили отправить послов для переговоров с папой, который вернулся в Рим под одобрительные возгласы жителей.

Рис. 212. Публичные и торжественные функции государя-пontiфика - с римской гравюры XVII века.

1. Торжественная месса, отслуженная Папой в соборе Святого Петра. 2. Празднование священных служб, в которых принимает участие Папа, особенно воскресных дней Адвента и Великого поста. 3. Коронация Суверенного Понтифика в соборе Святого Иоанна Латеранского. 4. Новоизбранный Папа восседает на алтаре Клементинской капеллы и принимает почести от кардиналов. 5. Торжественное благословение, которое Папа дает народу. 6. Подношение белой лошади, которую раньше ежегодно приносил Папе в день Святого Петра король Неаполя в знак своего вассалитета. 7. Торжественная кавалькада Папы во время его первого путешествия из собора Святого Петра в Латеранскую церковь. 8. Публичная консистория для приема послов. 9. Папа несет Святое Таинство в процессии Праздника-Дие. 10. Открытие папой святых ворот в честь двадцатипятилетнего юбилея. 11. Торжественная процессия в дни, когда Папа, облаченный в священные украшения, отправляется в базилику Святого Петра для совершения мессы].

Согласно Конкордату, составленному и принятому Генрихом V. на Вормсском сейме , император окончательно отказывался от своих притязаний на инвеституру перстнем и палицей, которые были символами церковного достоинства; он признавал право епархий и аббатств избирать своих епископов и аббатов, а инвеститура избранных сановников в их владения должна была осуществляться императором, в Германии *до* их посвящения, а в королевствах Италии и Бургундии *после* него. Этот конкордат был подтвержден на Вселенском соборе, который Каликст II собрал в Риме в 1125 году.

Мы довольно подробно остановились на этих вопросах, но это было необходимо для того, чтобы показать, каковы были действия пап в Средние века, и именно в этот момент их влияние достигло своего апогея. Две концепции Григория VII были реализованы: согласно общепринятой в то время идее, короли или императоры в глазах народа обладали властью только до тех пор, пока были ортодоксальными, а упрямство, под страхом отлучения, приравнивалось к ереси; поэтому папа считался верховным вождем христианской республики, и на него возлагалась обязанность заставить князей уважать мораль, веру, права Церкви и права народа. Поэтому избрание главы Церкви должно было быть свободным от влияния мирской власти, поскольку этот глава должен был быть призван быть ее судьей. Именно этот момент был признан Гильдебрандом в отношении избрания пап, начиная со Льва IX; благодаря настойчивости его преемников этот принцип был распространен на избрание епископов во время правления Каликста II.

Второй целью, которую ставил перед собой Григорий VII, было сохранение христианской цивилизации от мусульманского ига путем перенесения войны на Восток; и крестовые походы стали воплощением этого великого замысла. Теперь мы можем в нескольких строках обрисовать ту роль, которую играли папы в последние века Средневековья.

Рис. 213.- Григорий IX. (1227-1241) вручает *декреталии*, которые он воплотил в одном произведении, защитнику консистории. Фреска Рафаэля (1515), в *Станцах* в Ватикане.

Великие римские семьи, стремясь получить власть, избрали антипапу. С помощью этих агитаций Арнольд из Брешии под предлогом создания римской республики установил в городе своего рода диктатуру. Император сверг этого узурпатора, который был сожжен заживо; но тот поставил антипапу, и Александр III, будучи осажденным в Риме, объявил себя союзником ломбардских городов, вождем гвельфов против гибеллинов и защитником итальянской свободы. При его понтификате было постановлено (на третьем Латеранском соборе в 1179 году), что в будущем в выборах понтифика должны принимать участие только кардиналы, без вмешательства духовенства или народа. Крестовые походы занимали умы людей в течение последних двадцати лет двенадцатого века. Тринадцатый начался с одного из самых знаменитых пап, Иннокентия III, который, следуя по стопам Григория VII, заставлял трепетать императоров и королей своими угрозами отлучения от церкви и проповедовал крестовый поход против неверных и альбигойцев. Два его преемника, Гонорий III. и Григорий IX., подражали его рвению и решимости. Григорий IX, среди многообразных забот своего священного сана, нашел время для составления нового сборника своих собственных писем и конституций, а также писем и конституций своих предшественников. Он доверил эту

тяжелую задачу, которая была выполнена с замечательным мастерством и порядком, Раймундусу де Пеннафорти, своему капеллану. Этот сборник, который был принят с почтительной благодарностью, с тех пор называется *Декреталиями* (рис. 213).

После этих трех выдающихся пап в Риме вновь вспыхнула смута. Во второй половине этого столетия Святой престол не раз оставался вакантным на длительное время, поскольку кардиналы не могли прийти к единому мнению, и в результате было решено, что выборы должны происходить на конклаве. После многочисленной череды пап, которые занимали кафедру лишь на короткое время, Бонифаций VIII. (рис. 218) попытался пойти по стопам Григория VII и Иннокентия III. Филипп ле Бель, стремившийся уничтожить все следы феодального режима, чтобы получить абсолютную власть, не поддавался на выговоры и угрозы папы, и хорошо известно, как по его вине понтифик был схвачен Ногаретом в Ананьи. Престарелый понтифик, которого ничто не могло сдвинуть с места, был освобожден народом, который изгнал Ногаре и его солдат; но грубое обращение с ним ускорило его смерть.

Филипп ле Бель, видя, насколько серьезно он себя скомпрометировал, воспользовался раздорами, возникшими между гвельфами и гибеллинами на конклаве, чтобы обеспечить избрание француза Бертрана де Гота, архиепископа Бордо, который принял титул Климента V и сразу же приехал жить во Францию. Выбор Авиньона в качестве места жительства снизил престиж папства, поскольку итальянцы стали считать себя наследниками французского королевства. Рим и Папские государства впали в состояние полной анархии, и предприимчивый человек Ренци попытался восстановить древнюю республику. Кардиналы, почти все из которых были французами, всегда выдвигали пап своей национальности. Один из них - Григорий XI, приехавший в Рим с коротким визитом, умер там в 1377 году. Тогда народ угрозами побудил кардиналов выбрать папу итальянского происхождения, и их выбор пал на архиепископа Бари, который принял титул Урбана VI. Кардиналы, находившиеся в Авиньоне во время выборов, сначала признали их действительными, но когда он заявил о своем намерении остаться в Риме, они объявили их незаконными и выбрали кардинала Роберта Женевского, бывшего епископа Камбрэ, который принял титул Климента VII, и христианский мир был разделен между двумя папами. У каждого из них было несколько преемников, и этот долгий раскол стал концом христианской республики, которая была делом Средних веков. Наконец Констанцкий собор, созванный одним из антипап, но подтвержденный Григорием XII, принял отставку понтифика, и кардинал Отто Колонна, человек большого благочестия и рвения, избранный единогласным голосованием, принял на себя управление Церковью под именем Мартина V. Вскоре после этого он отправился в Рим, где был принят с энтузиазмом; его присутствие вернуло Святому городу процветание и престиж. Несмотря на это, один из антипап, за которым стояли два кардинала, все еще имел преемника, признанного королевствами Арагона, Валентии и Сицилии; но в конце концов он подчинился желаниям христианства, и его отречение от престола в 1429 году положило конец расколу, продолжавшемуся в течение полувека.

Рис. 214.- Торжественный въезд императора Карла V и папы Климента VII в Болонью, 5 ноября 1529 года. Во главе кортежа - великие сановники церкви: первый несет пастьрский посох, второй - понтификальную тиару, двое других - золотые канделябры. Носильщики таперов предшествуют Святому Таинству. (См. следующую гравюру.)

Остальная часть рис. 214.) - Святое Таинство, которое несут на спине белого коня, сопровождают патриции и доктора Болоньи. Папский ризничий шествует один в задней части помоста, а эту часть кортежа подносит группа принцев, герцогов и графов.

Через десять лет после этого, во время правления того же понтифика (Мартина V.), другой и более древний раскол, казалось бы, был погашен на Флорентийском соборе, на котором присутствовали император Востока и патриархи его Церкви. После серьезных размышлений греки составили православное исповедание веры, и, благодаря полному подчинению Восточной Церкви своей римской сестре, в 1439 году уния была восстановлена. Но по возвращении император и его патриархи обнаружили, что это вызвало такое глубокое возмущение греческого народа, что они поддались народным крикам и отступили от своих официальных обязательств, и раскол стал еще шире, чем прежде. Гибель Восточной империи последовала за этим решением.

Падение Константинополя в руках турок слишком ясно указало на опасность, которая грозила Европе, и папы постарались внушить это королям и их подданным. Пий II, отличавшийся своей эрудицией и сочинениями, считался самым талантливым человеком своего времени, и на совете в Мантуе в 1459 году сделал все возможное, чтобы ускорить подготовку к крестовому походу. После пяти лет упорных трудов он собрал в Анконе флот и уже собирался отплыть, когда его сразила смертельная болезнь. Его преемники продолжили начатое им дело, но, хотя христиане добились успехов над турками, которые сулили успех

этому начинанию, их соотечественники не откликнулись на призывы папы, который видел, что Италии серьезно угрожает вторжение. Именно в этих критических обстоятельствах выбор кардиналов пал на человека необычайной энергии, Родерика Борджиа, принявшего имя Александра VI. Он был обвинен в преступлениях, которые должны были быть возложены на членов его семьи, и боролся с деспотичным разорением, которому великие римские семьи подвергли город, смело приступая к работе по восстановлению временной власти Святого престола. Пий III, избранный его преемником, умер через месяц после своего избрания.

Кардинал Роверо был выдвинут единогласно и принял титул Юлия II. Воплощая идею независимости Италии, этот воинственный понтифик вел упорную борьбу с Людовиком XII, стремясь вернуть себе несколько городов Италии, некогда принадлежавших государствам Церкви. Не остановленный ни войсками Людовика XII, ни угрозами соборов, созванных под протекторатом короля Франции и императора Германии, он сам собрал собор в Риме, и этот непреклонный старец, проведя мудрые реформы, которым рукоплескала вся Европа, призвал короля и членов его парламента прийти и ответить за свой бунт против Святого престола. Но Юлий II, измотанный своими усилиями, умер в 1513 году. Его преемник Лев X., примирившийся с Людовиком XII, был вынужден возглавить Итальянскую лигу против Франциска I. После битвы при Мариньяно было достигнуто взаимопонимание, и Прагматическая санкция, служившая предлогом для стольких споров со времен Филиппа ле Бея, была отменена и заменена конкордатом, заключенным в 1516 году между Францией и Святым престолом. Лев X., продолжая итальянскую политику своего предшественника, также поддерживал идею крестового похода против турок; но это великое дело папства было осуществлено лишь полвека спустя при понтификате Пия V. Его голос пробудил верующих; Кипр попал в руки мусульманов, и вся Европа находилась в неминуемой опасности. Расходы на экспедицию были разделены между королем Испании, Венецией и папой; было собрано пятьдесят тысяч пехоты и четыре тысячи кавалерии, а командование флотом было отдано дону Иоанну Австрийскому. Он столкнулся с турецким флотом, состоявшим из двухсот двадцати четырех судов, в заливе Лепанто 7 октября 1571 года. Неверные были уничтожены, потеряв двадцать пять тысяч человек и десять тысяч пленных, а пятнадцать тысяч христиан, которых они приковали к своим галерам, были отпущены на свободу (рис. 215). Католическая Европа вновь задышала и в знак благодарности приписала эту великую победу покровительству Богородицы, которой верующие передавали свои четки в час, когда происходила битва, а память об этом событии увековечивалась ежегодным праздником в первое воскресенье октября.

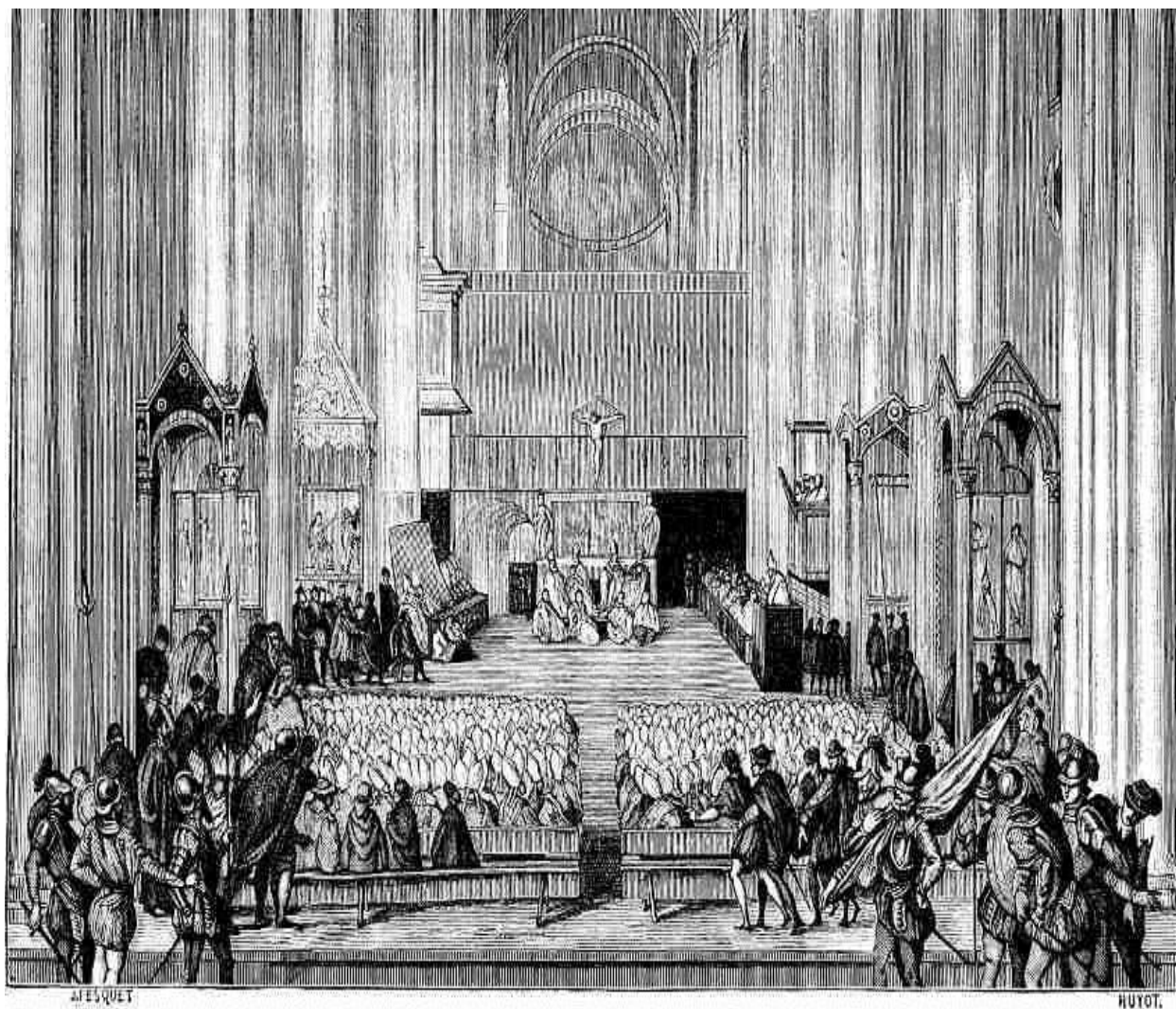

Рис. 216. Заседание Тридентского собора 1555 г. С картины Тициана, хранящейся в Лувре (XVI в.).

Рис. 215.- Железный щит, подаренный Пием V дону Иоанну Австрийскому в знак признания его заслуг перед христианством в результате победы при Лепанто (1571 г.), с надписью: "Христос одержал победу; Он царствует и управляет" - из "Armeria Real" (Мадрид), опубликованной М. Ach. Джубинал.

Рис. 217 - Триумф Христа - с гравюры начала XVII века, воспроизведенной с композиции, приписываемой Тициану.

Отвлекаясь от нашей темы, чтобы рассказать о борьбе с неукротимой в то время властью ислама, мы упустили из виду другое событие, ставшее вторым величайшим достижением пап в XVI веке, а именно Трентский собор (рис. 216). Прогресс, достигнутый протестантизмом, привел к созыву генерального собора, который должен был высказаться по всем спорным вопросам вероучения и провести необходимые и давно ожидаемые реформы в церковной

дисциплине. Местом встречи был выбран город Трент, поскольку его положение между Италией и Германией делало его легкодоступным для тех, кто должен был принять участие в соборе. Хотя проведение этого собора было взаимно согласовано папой Павлом III и императором Карлом V, в согласии с другими христианскими князьями, его открытие было отложено до 1545 года, и он продлился с частыми перерывами до 1563 года, когда папой стал Пий IV. Ни один собор не затрагивал столько вопросов, как догматических, так и дисциплинарных. Злоупотребления, на которые указывали многие католические богословы, были отменены еще до того, как протестанты смогли обратить на них внимание. Каталог священных книг, признанных каноническими, был включен в одно из первых постановлений собора; там же было объявлено, что толкование этих священных произведений должна давать Церковь, которой одной принадлежит право решать, каково истинное значение Писания. Затем были подробно рассмотрены спорные вопросы: первородный грех, оправдание грешника, семь таинств, месса, чистилище, индульгенции, поклонение святым и т. д. Двадцать пятое и последнее заседание состоялось 3 декабря 1563 года. Но надежды на примирение, порожденные этим собранием, не оправдались, и протестантские церкви отвергли решения отцов Трентского собора, авторитет которых они отказывались признавать. Единство христианской республики, которое было делом Средних веков, было разрушено, и новая эпоха принесла с собой новые обязанности для главы католической церкви.

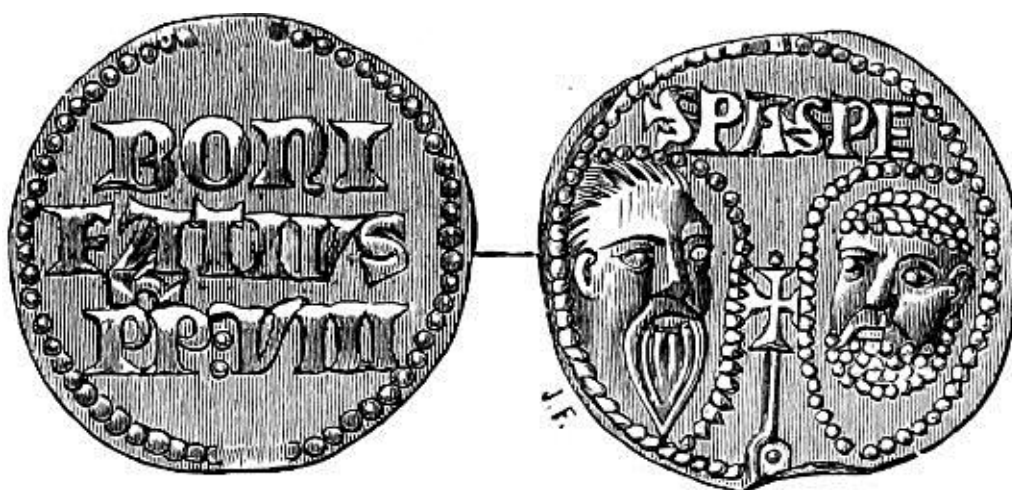

Рис. 218. Булла, которой папа Бонифаций VIII скреплял свои письма; на ней имена Бонифация VIII, святых Петра и Павла с их изображениями (XIII в.) - Национальный архив Франции.

СВЕТСКОЕ ДУХОВЕНСТВО.

Малые и большие ордена в первые века существования Церкви.-Установление десятины, первоначально добровольной, а затем обязательной.-Влияние епископов.-Супрематизм Римского престола.-Форма епископской присяги в первые века.-Реформа злоупотреблений на Соборах.-Примечательные высказывания Карла Великого и Хинкмара.- Общественное образование, созданное церковью.-Учреждение коммун, которому благоприятствовали епископы.-

Рис. 219.- Чантер или псаломщик, малый орден.- "Обоснование" Г. Дюрана.

Закон Бомона.-Борьба с буржуазией в XV веке.-Трентский собор.-Институция семинарий.

Ближе к концу IX века Анастасий Библиотекарь написал в Риме "Экклезиастическую историю", из которой мы узнаем, что иерархический порядок служителей в первобытной Церкви был следующим: привратник (рис. 220), чтец, экзорцист (рис. 221), пономарь, иподиакон, хранитель исповеди мучеников, диакон, священник, епископ. Впоследствии к ним добавились певчие или псалмопевцы, называемые *исповедниками*, поскольку их функция состояла в том, чтобы исповедовать имя Бога, воспевая Его хвалу. Переводчики-языковеды, переписчики и нотариусы, которые фигурировали как в греческой, так и в римской церкви вплоть до четвертого или пятого века, занимали место в ряду исповедников и клириков.

На заре христианства епископ каждой епархии посвящал на служение религии, по примеру святого Павла, тех, кого ему представляли как наиболее достойных или кого он сам считал подходящими. Претендент на высший сан иногда поднимался очень медленно, какими бы заслугами он ни обладал; так, Латинус, епископ Брешии, умерший в конце третьего века, был, как гласит его эпитафия, простым экзорцистом двенадцать лет, священником - пятнадцать, а епископом - три года и семь месяцев. Были, однако, и быстрые, почти мгновенные повышения, называемые *per saltum*, потому что они как бы перескакивали с одной ступени на другую; но они происходили при исключительных обстоятельствах.

Рис. 220.- Привратник, малый орден.

Рис. 221.- Экзорцист, малый орден.

Миниатюра из "Rationale Divinorum Officiorum" Уильяма Дюрана (рукопись XIV века), хранящаяся в библиотеке месье Амбруаза Фирмина-Дидо.

Вначале у христиан не было священнослужителей, как их правильно называть; священники, однако, служили в каждом населенном пункте, поскольку мы читаем, что святой Павел назначил Тита "рукоположить пресвитеров в каждом городе" (Тит. i. 5). Но в большинстве случаев в первые века епископ служил только в своем епископском городе, особенно на Востоке (рис. 222).

Рис. 222. Добрый Пастырь, чья голова словно увенчана семью звездами, несет на плечах заблудшую овцу; вокруг него собраны семь верных овец. С одной стороны Иона извергается огромной рыбой, с другой - лежит под тыквой; над ним - голубь и Ноев ковчег. Старик в короне, с рукой, поднятой над облаками, и женщина с полумесяцем на лбу олицетворяют солнце и луну.- Фунеральный светильник из обожженной глины III века, найденный в катакомбах. В Христианском музее Ватикана.

После IV века мы видим, что на Востоке, как и в Риме, в крупных городах помимо собора существовали и другие церкви; функции священнослужителей или *кардиналов*, служивших в них, сводились к религиозному обучению людей и информированию епископа обо всем, что касалось управления церковью. Вплоть до пятого века совершение таинств и празднование святого причастия происходило только в соборе. Папа святой Марцелл основал в четвертом веке двадцать пять *титулов* или приходов в Риме, чтобы предоставить больше возможностей для подготовительного обучения, которым предшествовали таинства крещения и покаяния. Но в пятом веке, когда соборы стали слишком малы, чтобы вместить всех прихожан, вошло в обычай раздавать в *титулах* или приходах города святую евхаристию, которую епископ посылал руками диаконов титулярному духовенству. Епископы также делегировали своим клирикам полномочия принимать примирение кающихся в случае необходимости, принимать еретиков под угрозой смерти (но только в отсутствие епископа) и произносить отлучения в своих приходах на основании приговора, вынесенного епископом. Духовник также посещал больных, совершал таинство елеосвящения, благословлял частные жилища и сам выбирал персонал для своей церкви. Наконец, в шестом веке священнослужители стали совершать в тех кварталах или *титулах*, где они служили, всю литургию святого причастия, а с седьмого века они получили право уменьшать или увеличивать, по своему усмотрению, в соответствии с доходами прихода, число

клириков, хористов и различных подчиненных служителей. В соответствии с пожеланиями верующих епископ часто разрешал духовенству совершать две мессы в один и тот же день, одну обязательно в приходской церкви, а другую, возможно, в каком-нибудь приходском орактории (рис. 223).

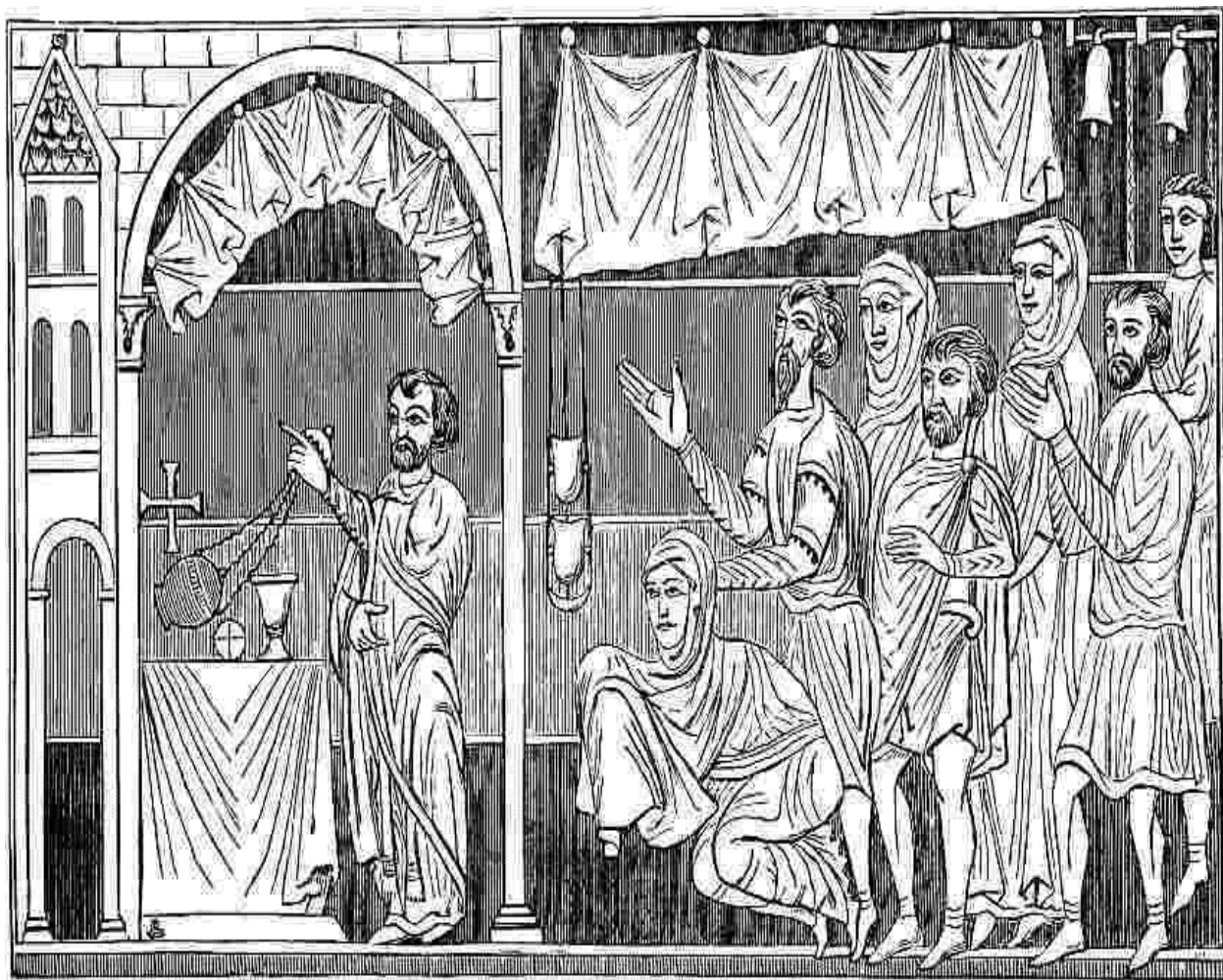

Рис. 223. Празднование мессы в орактории - факсимиле миниатюры в рукописи IX века с гравюры, принадлежащей М. Амбруазу Фирмин-Дидо.

Независимо от пожертвований верующих, церкви, уже обладавшие земельной собственностью, после обращения Константина обнаружили, что их владения растут в цене. Варварские вожди, обращенные в христианство, превосходили друг друга в своей либеральности по отношению к духовенству. Десятина, регулярная выплата которой была предложена только к концу V века, вскоре стала обязательной, особенно в странах, подчиненных франкам. Неверно, что десятина не была обязательной до времен Карла Великого; он лишь обеспечил ее сбор и ввел ее для новообращенных под угрозой отлучения. В соответствии с декретом, изданным папой Геласием, он постановил, что десятину следует делить поровну между епископом, священниками, телями в каждой епархии и бедняками, то есть госпиталями. Эти учреждения управлялись и обеспечивались религиозными службами за счет благотворительности духовенства; таким образом, увеличение церковного богатства обращалось в пользу нуждающихся.

Пресвитерами (от греческого слова, эквивалентного латинским словам *seniores*, мудрецы, и *sacerdotes*, святые) назывались функционеры, стоявшие во втором звене церковной иерархии. От этого термина впоследствии произошло название "*священник*".

Сначала не было определенного возраста для принятия священства, но в конце IV века папа Святой Сириций постановил, что клерк, получивший звание диакона в тридцать лет, не должен становиться священником по крайней мере пять лет.

Император Юстиниан запретил посвящать диакона в священники до достижения им тридцати пяти лет; но в Галлии, Испании и Германии минимальный возраст составлял тридцать лет, и как только народ давал свое согласие на рукоположение диакона, происходило его избрание. Функции дьяконов с самого начала четко обозначены тем, что они делали: в первом веке Филипп, один из семи дьяконов-кардиналов, избранных апостолами, проповедовал Евангелие и крестил. В конце третьего века в Испании мы видим, что святой Винсент, будучи всего лишь диаконом, занял место епископа Валериана, когда тот почувствовал себя неспособным к служению слова. Более того, святой Стефан, первый из диаконов и мучеников, также проповедовал в течение нескольких месяцев после смерти Иисуса Христа, когда его вытащили из святилища, чтобы побить камнями. Диаконы, таким образом, выполняли литургические функции, но их обычной обязанностью было председательствовать за столами христианского причастия.

Эпиграф на тумуле в катакомбах Рима представляет собой любопытный список различных специальных обязанностей, возложенных на священников, а также на диаконов, помимо служения алтарю: здесь мы находим священника-врача; священника-хранителя, надзирателя, возможно, хозяина гостиницы или ночлежки (*mansionarius*); снова мы находим диакона-архивариуса, или хранителя архивов (*scrinarius*), священника-школьного учителя (*magister ludi*) и т. д.

В первые три века существования Церкви святые ордена давались не только в базиликах и катакомбах, но и в частных ораториях; некоторые отшельники даже рукополагались в своих кельях. Начиная с правления Константина, соборы постановили, что возложение рук на клириков для возведения их в диаконы или на диаконов для возведения их в священство всегда должно происходить публично (*coram populo*) и в определенные периоды. Вначале были выбраны декабрьские календы, затем они стали распространяться на каждое из четырех времен года.

Рис. 224. Церковный постриг - миниатюра из "Rationale Divinorum Officiorum" Уильяма Дюрана (рукопись XIV века), библиотека М. Амбруаза Фирмина-Дидо.

Иконография служителей святилища почти всегда представляет епископа сидящим на возвышенном стуле, возлагающим руки на клириков в постепенно убывающем порядке; священника, поднимающего руки и простирающего их, чтобы дать благословение; диакона, несущего крест или книгу Евангелий, а возможно, и то, и другое, как он изображен на древней мозаике в соборе Святого Лаврентия без стен в Риме. Следует также отметить, что дьяконы и священники, а также клерки более низкого ранга изображаются безбородыми и с коротко остриженными волосами.

В шестом веке тонзура, или *священническая корона*, была повсеместно принята Церковью. Это был знак достоинства, который отличал клириков от монахов и остальных верующих; миряне носили волосы более или менее длинными с пропорциональным количеством бороды, а монахи стригли волосы почти так же коротко, как если бы они были сбриты.

В первобытной Церкви была учреждена должность аколита, обязанность которого состояла в сопровождении епископов, священников и даже диаконов. При понтификате Корнелия (251 г.) таких помощников было сорок два. Восточная церковь также имела своих аколитов, но не придавала им того значения, которое они имели в городе пап, где они составляли три класса: *палатины*, которые помогали суверенному понтифику в базилике Латерана; *канцеляристы*, которые помогали ему в церквях, где происходили канцелярии; *регионаристы*, которые помогали дьяконам в каждой области или приходе.

Политическая власть епископов была основана в Галлии в начале VI века (рис. 225), и вплоть до конца первой династии они были настоящими организаторами французской монархии. Обращенный в христианство после битвы при Толбиаке и крещенный святым Ремигием, Хлодвиг стал защитником галло-римской церкви. Духовенство тогда пользовалось законным влиянием, как справедливо замечает один из серьезных историков: "Варвары, привыкшие все нести перед собой тяжестью оружия, не могли быть покорены силой или цивилизованы литературой, которую они презирали или не понимали; Но духовенство, окруженное пышностью, которая так сильно влияет на некультурное воображение, боролось с ними простыми и понятными доктринами, энергичной и единой иерархией и верой, которая, не нуждаясь в тонких рассуждениях, навязывает только долг веры и опирается на мораль, святость которой они не могли не чувствовать, даже нарушая ее. Разве не было большим счастьем, что появился орден, способный остановить всеобщий беспорядок? Безоружные священники смешались с этими дикими ордами и внушили им, посредством крещения, некоторые понятия о человечности; они научили их держать руки, показывая, что тот, кого они собирались ударить, - брат.

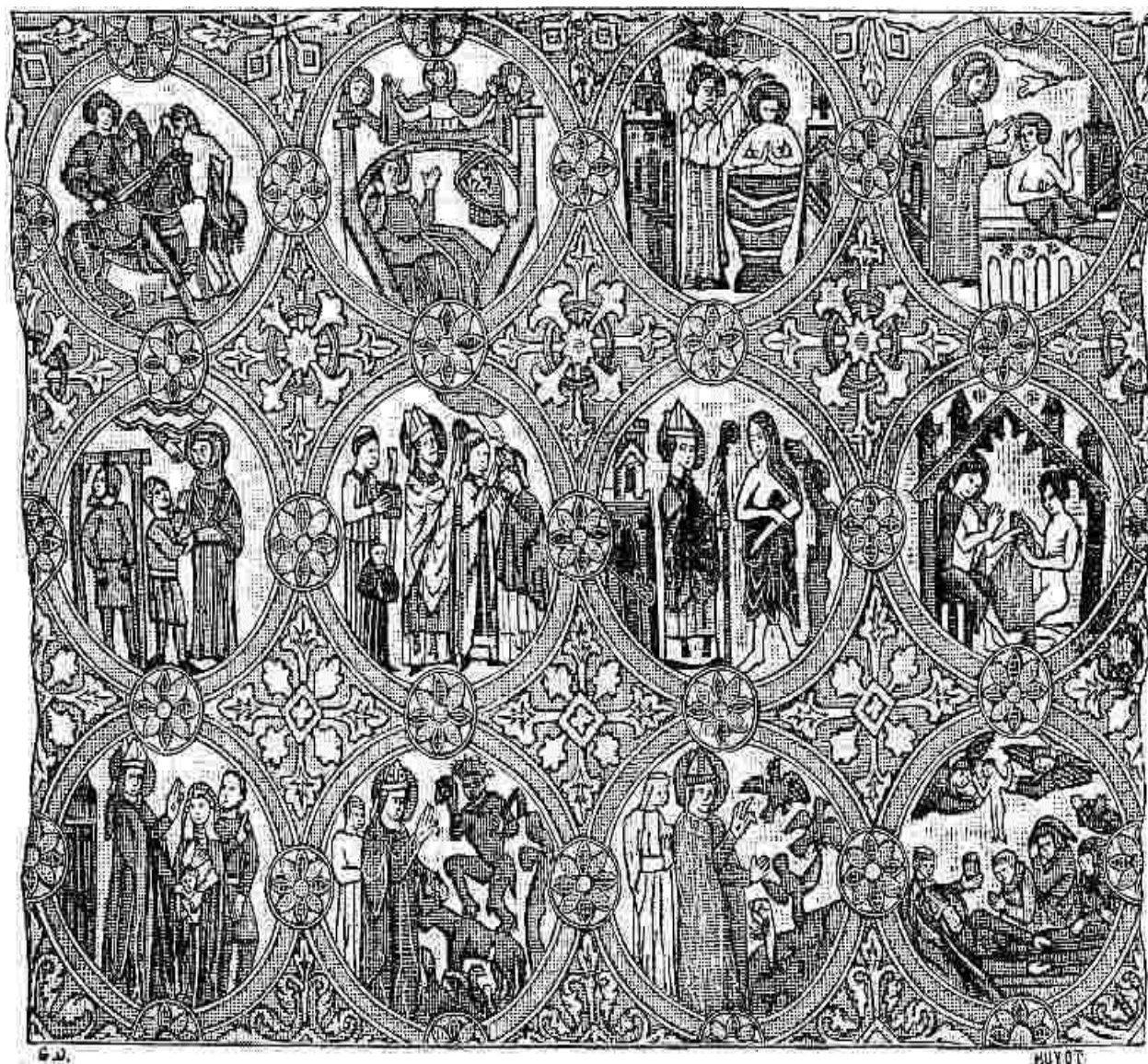

Рис. 225.- Легенда о святом Мартине. Из гобелена XIII века в Лувре (№ 1117).-1. Святой Мартин делится своим плащом с нищим.-2. Он видит во сне Иисуса Христа, одетого в эту половину своего плаща.-3. Крещение святого, священник окропляет его водой, и Бог благословляет его.-4. Он оживляет катехумена, который умер, не будучи крещенным, в своем монастыре в Лигуже, недалеко от Пуатье.-5. Там же он возвращает к жизни раба, которого сначала изображает повешенным на виселице, а затем стоящим на земле и воздающим благодарение.-6. Святой Мартин посвящается в епископы Тура в 371 году.-7. Он вызывает призрак мнимого мученика, которого почитали в Туре, и когда он появляется и заявляет, что был казнен за свои преступления, часовня разрушается.-8. Он отдает свою тунику нищему.-9. Оживляет сына крестьянина в языческой деревне близ Шартра.-10. Он изгоняет злого духа из тела бешеной коровы.-11. Увидев на берегу реки несколько птиц, пытающихся поймать рыбу, он велит им улететь, говоря: "Здесь мы видим образ врагов нашего спасения, которые всегда начеку, чтобы завладеть нашими душами".-12. Смерть святого Мартина. Его душу в образе ребенка уносят на небо два ангела.

"Епископы выполняли свою возвышенную миссию сочувствия народу и угнетенным, с таким же достоинством, как и доброжелательностью; проявляя отеческую заботу о своей пастве, они оказывались лицом к лицу с завоевателями, которых умели умиротворять и примирять. Почитание, которым они были окружены, и святость их жизни снискали им уважение даже Атиллы и Гензериха.

Им доверяли посольства, и они управляли в помещениях магистратов, власть которых была сокрушена. Епифаний, епископ Павии, был послан к бургундским королям Гундигальду и Годегезилу, чтобы добиться освобождения нескольких итальянских пленников, которых он с триумфом привез с собой. Когда лигурийцы были разорены набегами трансальпийцев, король, по молитве епископа, отменил треть возмещения. Святой Кесарий, епископ Арля, продал патенты и потиры, чтобы выкупить пленных. Эуспиций, епископ Сергиополиса, на Евфрате, заплатил Хосрою за выкуп двенадцати тысяч пленников. Сен-Жермен, епископ Парижа, отдал даже свою собственную тунику в качестве благотворительности; "так что, - говоря языком бесхитростного летописца, - он часто дрожал от холода, в то время как те, кому он оказывал свои милости, были в тепле".

Епископы иногда были вынуждены исполнять обязанности королевской власти. Гонорий из Новары, когда Теодорих и Одоакер вели войну, укрепил, чтобы дать приют своей пастве, некоторое количество мест, подобных тем, в которых стояли гарнизоны военных. Ницетий, епископ Тревский, "апостольский человек, продвигаясь по стране, построил, как добрый пастырь, которым он был, складку для защиты своего стада; он окружил холм тридцатью башнями, которые закрыли его со всех сторон, и там, где до сих пор лес отбрасывал тень, выросло здание".

Во времена правления последнего из Меровингов и первого из Карловингов юристами и магистратами, как правило, были епископы или простые священники, чей почтенный характер, помимо знаний и мудрости, послужил причиной назначения их на эти высокие должности. Дагоберт, собираясь составить Капитулярий, который должен был управлять германцами, тюрингами, бургундцами, нейстрийцами, рипуариями и римлянами, поручил эту работу четырем церковным врачам, и, следовательно, диспозиция этого нового кодекса была удивительно терпимой, - "Ибо, - говорили эти благочестивые законодатели, - нет греха столь тяжкого, что жизнь виновного может быть сохранена, если он будет держать Бога в страхе и святых в уважении, ибо Господь сказал: "Кто помилует, тот сам будет прощен, а кто не помилует, тот не получит милости"." В тех случаях, когда преступление казалось по своей природе не заслуживающим милосердия, закон отпускал виновного на суд епископа или уполномоченного им священника, чей трибунал, расположенный посреди церкви, был неприкосновенен и находился под опекой религии. Королевский указ добавлял: "Когда преступник укроется в церкви, пусть никто не смеет вытаскивать его оттуда с применением насилия; если он уже переступил порог святыни, пусть пошлют за епископом или викарием этой церкви, и если они откажутся выдать его, именно к ним должны обращаться преследователи за наказанием".

Рис. 226. Посвящение святого Ремигия, епископа Реймского - факсимиле гравюры "Реймский гобелен" в соборе этого города, опубликованной М. Аш. Джубинал. (Шестнадцатый век.)

За более чем столетие до этого духовная и мирская конституция Церкви была регулярно организована по всей Франции. Епархия включала в себя территориальные границы, которые римская администрация установила в провинциях для гражданского управления викариев и графов, и большинство этих епархий сохранялись примерно в тех же пределах вплоть до 1789 года. Церковная провинция, главой которой был митрополит или архиепископ, состояла из нескольких епархий или суфраганских епископств, и когда происходил провинциальный совет, он собирался в митрополии под председательством архиепископа. Над митрополитами стояли патриархи и примасы, сановники, занимавшие главные апостольские кафедральные соборы, такие как Константинополь, Александрия, Антиохия, Иерусалим, Кесария и Гераклея на Востоке, а на Западе - Милан, Лион, Реймс, Трев и Майенс - последний город стал при папе Захарии (741-752) митрополией всей Германии. Главенство Рима признавалось вселенской Церковью со времен апостолов, о чем свидетельствуют все отцы, и особенно святой Иреней, духовным отцом которого был Поликарп, ученик святого Иоанна.

Рис. 227. - Церемония облачения епископа для его хиротонии. Из "Rationale Divinorum Officiorum" Уильяма Дюрана (рукопись XIV века), библиотека месье Амбруаза Фирмина-Дидо.

История донесла до нас форму клятвы верности папе, принесенной апостолом Германии в VIII веке Вильфредом, более известным под именем Бонифаций, который за несколько лет принял более ста тысяч новообращенных. Не превозносясь от гордости за успех своей миссии, он продолжал обращаться за советом к папе Григорию II и передавать на его решение все сложные вопросы, которые могли возникнуть в ходе его служения. Следующий перевод формы, которую он подписал при возведении в сан епископа, даст представление о его почтении и духе покорности; она убедительно демонстрирует власть иерархии в эту эпоху: "Во имя Господа Иисуса Христа, который спас нас, Лев Великий, будучи императором, на седьмом году своего консульства, и на четвертом его сына Константина Великого, императора, - я, Бонифаций, по милости Божьей епископ, обещаю тебе, благословенный св. Петру, князю апостолов, и твоему викарию, блаженному Григорию, а также его преемникам, во имя нераздельной Троицы, Отца, Сына и Святого Духа, и через его святейшее тело, здесь присутствующее, соблюдать в чистоте и верности католическую веру и, с Божьей помощью, упорно единство этой самой веры, от которой, несомненно, зависит спасение всех христиан.

Я также обещаю никогда не поддаваться никаким подстрекательствам, противоречащим единству общей и вселенской Церкви, но верно и искренне посвятить все свои силы тебе и интересам твоей Церкви, получившей от Господа власть связывать и развязывать, а также твоему викарию и его преемникам. Если я найду какого-либо прелата, живущего в неповиновении постановлениям святых отцов, я обязуюсь не иметь с ним никакого общения, но вернуть его, если смогу; если же нет, то послать верный отчет о его поведении моему господину, преемнику апостола. Если же (не дай Бог!) я попытаюсь нарушить условия этой декларации в любое время и любым способом, я признаю себя виновным в вечном наказании и заслуживающим участи Анании и Сапфиры, которые были виновны в мошенничестве при декларировании своих товаров. Я, Бонифаций, смиренный епископ, своей рукой написал текст этой клятвы, которую я возлагаю на святейшее тело святого Петра, в присутствии Бога, который является моим свидетелем и судьей; я дал, как здесь указано, клятву, которую обязуюсь соблюдать". Стоит отметить, что эта формула была в ходу уже во времена папы Геласия, в пятом веке.

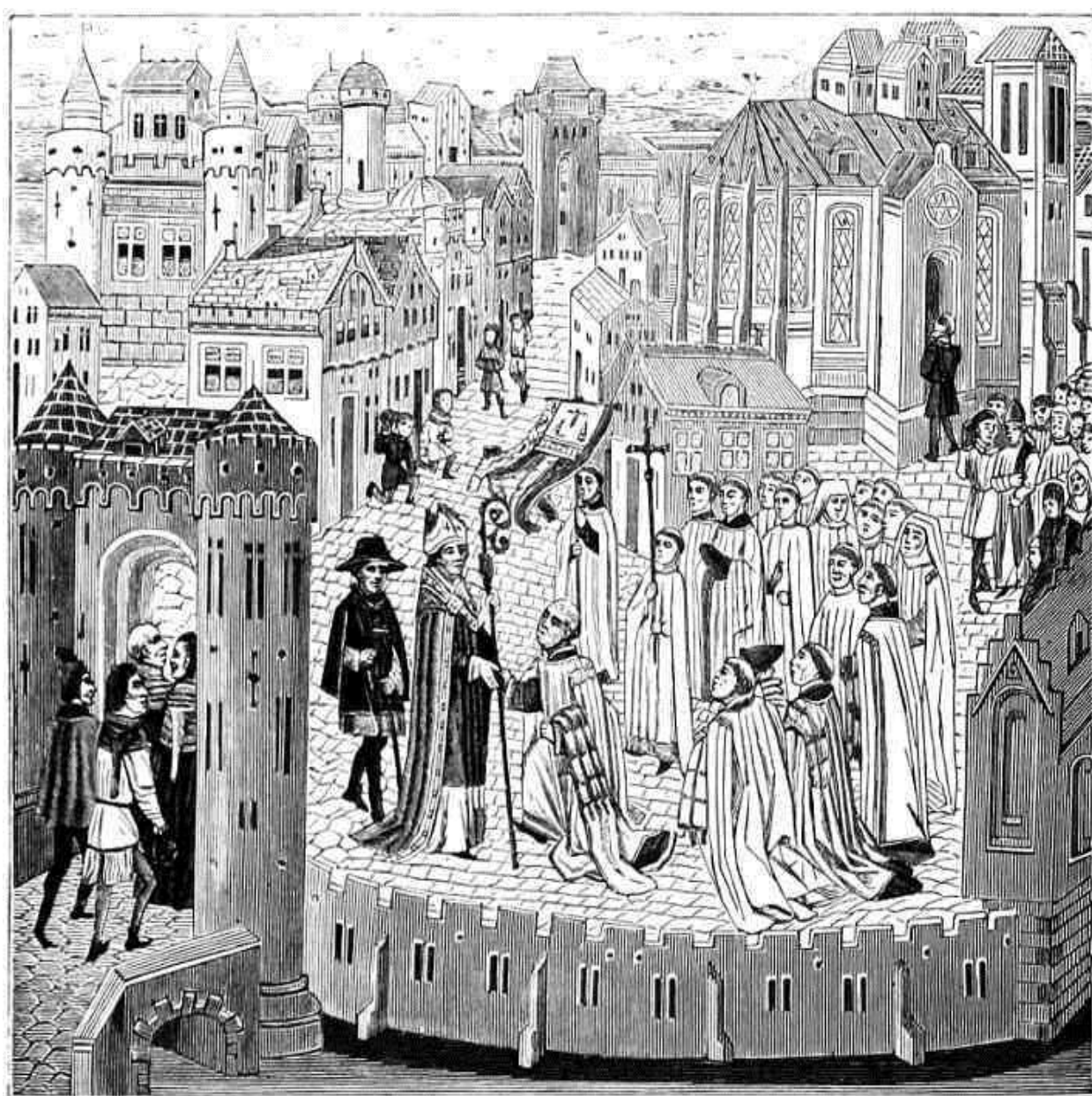

Рис. 228.- Торжественный прием епископа. Прибытие святого Гери в Камбрэ, где он был назначен епископом, в 589 году. Вид на город, крепостные стены и церковь, посвященную святому Медару и основанную святым Гери. Миниатюра из "Chroniques du Hainaut" (рукопись XV века), Бургундская библиотека, Брюссель.

Рис. 229.- Святой Вульфрам, епископ Сенса, облаченный в паллиум; умер в 720 году в аббатстве Сен-Вандриль. Миниатюра из "Chronicon Fontinellense" (рукопись IX века), Гаврская библиотека.

Начиная с VI века влияние епископов в Римской империи продолжало расти. Хильперик I. был встревожен его ростом и объявил, что "только епископы верховодят в городах". Каждый из них управлял делами своей епархии с суверенной властью (рис. 228), а с помощью соборов, созываемых королями, они управляли всем королевством. В Галлии в пятом веке было двадцать пять соборов, в шестом - пятьдесят четыре, в седьмом - двадцать, и все они состояли из епископов, дополненных несколькими аббатами и священниками, которые были либо известными мастерами церковного права, либо имели право на это по другим причинам. С уменьшением числа соборов связано падение авторитета французского епископата; в VIII веке, в первой половине которого состоялось только два собора, он еще больше уменьшился, поскольку вторжение *лейдов* в некоторые епископства привело к большим изменениям в строгих нравах древней Церкви, заменив культурный дух, упорядоченное поведение и милосердные привычки первых прелатов (рис. 229) проявлением грубого невежества и необузданного варварства. Три последовательных

собора , состоявшиеся соответственно в Германии, Бельгии и в Суассоне (742, 743, 744), были направлены на исправление нравов духовенства, которые были основательно извращены, как видно из постановлений этих соборов, запрещающих священникам преследовать гончих, соколов и воробьев. Другие провинциальные соборы той же эпохи осудили симонию, торговлю иммунитетами и привилегиями Церкви, а также множественность бенефиций. Последнее злоупотребление выходило за все рамки; один и тот же прелат мог владеть одновременно тремя или четырьмя епископствами, несколькими аббатствами и доходами многочисленных приходов, оставшихся без пастыря. С другой стороны, многие светские лорды, узурпировавшие собственность Церкви и присвоившие себе бенефиции, монастыри и епископские доходы, особенно со времен Карла Мартела, вносили большую путаницу в мирское хозяйство каждого диоцеза.

Карл Великий приложил все усилия к исправлению этих злоупотреблений. Этот прославленный монарх во все времена проявлял самое почтительное уважение к духовенству, из числа которого он выбирал своих главных министров и самых доверенных советников. Две трети его Палатинской академии составляли церковники; *missi dominici*, официальные инспекторы, назначаемые для посещения провинций, церквей, пресвитериев и госпиталей, для вынесения апелляционного решения, отстранения от должности или увольнения фискалов, все или почти все были епископами и священниками. Королевская власть рассматривалась Карлом Великим как своего рода священство, и его миссия заключалась в том, чтобы дать народу больше возможностей для исповедания Евангелия и сделать его доступным для народов-идолопоклонников. В капитулярии говорится: "Король должен ходить прямо, как и означает его имя ("*Rex a recte agendo vocatur*"). Если он поступает благочестиво, справедливо и милосердно, то заслуживает имени царя; в противном случае он не царь, а тиран". Особая обязанность королевской власти - управлять народом Божьим, но управлять им по справедливости и честности; ведь *король - прежде всего защитник церквей, слуг Божьих, вдов, других бедных и всех, кто находится в бедственном положении*". Эти правила, установленные во времена Карла Великого, были приняты всей Европой. Король, не соблюдающий их, подлежал низложению; его судьями были епископы, соборы и папа как глава Церкви (Карл Великий в 805 году в капитулярии из Тионвиля представил своих собственных сыновей на суд епископов). Если они отказывались повиноваться, их приговаривали к изгнанию из дворцов, лишению сана и имущества, объявлению позорными и отправке в изгнание. Вот почему во время несчастных раздоров, вспыхнувших между сыновьями Людовика Добродушного, каждый из них старался добиться низложения своего соперника по приговору собора.

Рис. 230. Барельеф на гробнице Хинкмара, архиепископа Реймского, в церкви Святого Ремигия в этом городе. Памятник X-XI вв. Хинкмар, стоящий на коленях и сопровождаемый аббатом церкви Святого Ремигия, благодарит Карла Лысого за его благочестивые пожертвования; король держит в руке модель церкви, на которую он пожертвовал свои средства.

Хинкмар, архиепископ Реймский, самый благородный представитель Западной церкви в эту эпоху, стал защитником трона (рис. 230). Он попытался прийти к справедливому решению относительно соответствующих границ двух великих держав - Церкви и короны. Комментируя, но не отступая от идей, высказанных Карлом Великим, он заявил: "Когда говорят, что король не подчиняется ни законам, ни суду кого бы то ни было, но только Бога, это утверждение верно, если он действительно король, как следует из его имени. Он называется царем, потому что царствует и управляет; если он управляет собой по воле Божьей, если он направляет добрых на правильный путь и исправляет злых, чтобы отвратить их от злого пути, тогда он царь, не подвластный ничьему суду (рис. 231 и 232); но если он прелюбодей, убийца, беззаконник, насильник, тогда он должен быть осужден, тайно или публично, епископами, которые являются представителями Бога". Необходимо хорошо запомнить эти идеи, привитые в Средние века, если мы хотим понять важные функции светского духовенства.

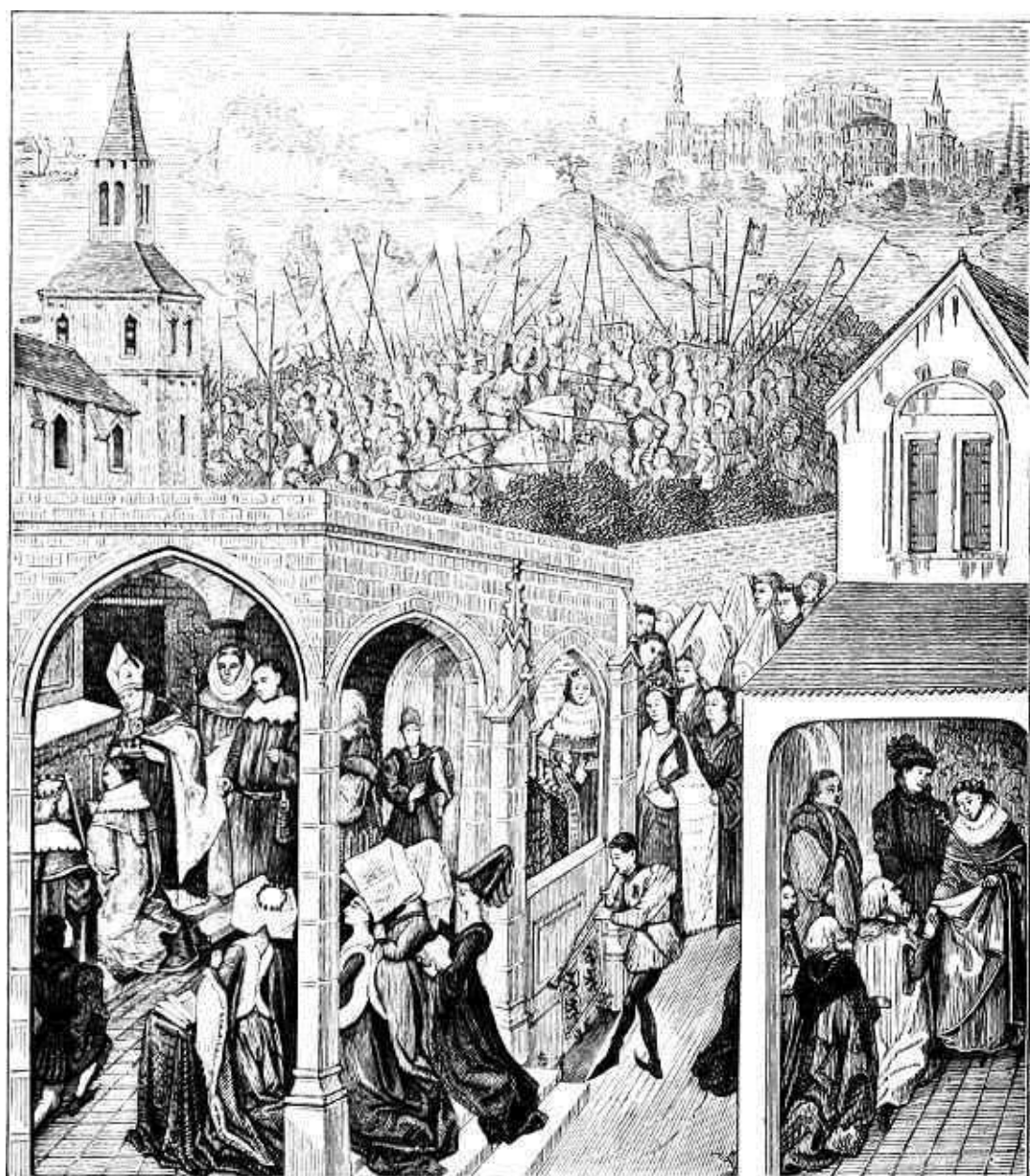

Рис. 231.- Посвящение Филиппа Августа в Реймсе, 1 ноября 1179 года, его дядей, Вильгельмом, архиепископом Реймским. Манускрипт 9232 XIV века, Бургундская библиотека, Брюссель.

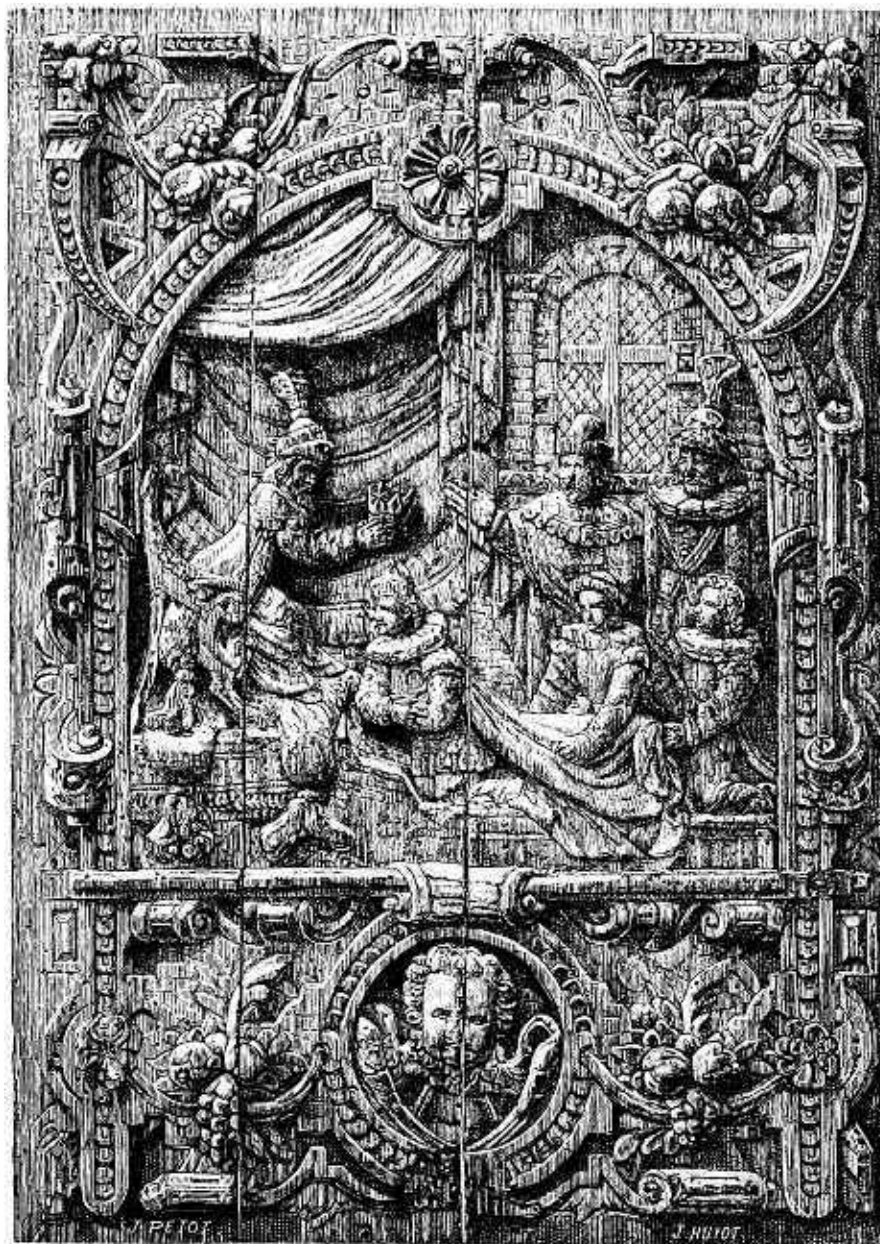

Рис. 232. Коронация Генриха Анжуйского в качестве короля Польши, 22 февраля 1573 года, в церкви Святого Станислава в Кракове. По окончании церемонии освящения архиепископ Гнсенский, примас Польши, возлагает корону на лоб принца. Барельеф на французском сундуке XVI века, принадлежащем мецье Акилле Жюбиналю (факсимиле современного состояния).

В этот ранний период развития общества цивилизация, вне всякого сомнения, находилась в руках церковников. Государственное образование, учрежденное церковью, которое давалось в одной или нескольких епископальных школах в каждой епархии под руководством архидакона, было подчинено, как и судопроизводство, иерархическим правилам. Хотя епископ был волен расширять или ограничивать некоторые направления обучения, все клирики, допущенные к занятиям в этих школах, должны были пройти через серию учебных курсов, предписанных и оговоренных в капитуляриях Карла Великого. Так, например, в Меце и Суассоне школа пения была императорским учреждением, и епископ, какими бы полномочиями он ни обладал в других вопросах, не имел права подавлять ее. Так

же обстояло дело с курсами права и медицины, которые были основаны со времен Карла Великого в различных епископских монастырях в Париже, Реймсе, Лионе, Меце, Треве, Кентербери, Милане и т. д. Римское пение, грамматика, Священное Писание, литургия и каллиграфия составляли классическую основу образования священнослужителей. Другие предметы рассматривались как вспомогательные, но не были абсолютно запрещены. В то же время к поверхностному изучению латыни добавлялось изучение греческого, немецкого или вульгарных идиом латинского, тевтонского или славянского языков, если это считалось полезным для целей народной проповеди. В некоторых случаях и исключительно для служения церкви клириков обучали основам архитектуры, живописи, механики, сельского хозяйства и гигиены, но особенно преобладало это литературное и научное образование в Палатинской школе, которая всегда была открыта, и в больших аббатствах.

Клерикальная дисциплина, хотя и постоянно реформировалась, постоянно нуждалась в новых изменениях. Узурпация церковных владений монархами, князьями и светскими лордами способствовала беспорядку, царившему во многих аббатствах. В некоторых церквях посторонний человек проникал в каноническое сословие, узурпировал аббатский престол или жил за счет общины. Епископы часто были бессильны избавиться от этих лжеаббатов, каноников и монахов, которые ставили их в неловкое положение. Церковные кюре и пребенды создавались, как и многие общественные пекарни и мельницы, иногда в качестве приданого для дочерей, собирающихся выйти замуж, и даже для новорожденных младенцев. На нескольких провинциальных соборах (в 860, 863, 888, 895 годах) были приняты суровые меры против беспорядков, совершаемых во вред Церкви.

Диплом, выданный императором Генрихом III (12 мая 1052 года), подтвердил доктрину Римской церкви, объявив, что епископская юрисдикция полностью независима от гражданской. (12 мая 1052 года), подтвердил доктрину Римской церкви, объявив, что епископальная юрисдикция полностью независима от гражданской юрисдикции. Согласно этой грамоте, всем судьям и должностным лицам было запрещено осуществлять свою власть в церквях, замках, деревнях и приходах, которые составляли временное владение епархиального капитула.

Рис. 233.- Аррасский договор, заключенный в 1191 году при посредничестве Вильгельма Шампанского, архиепископа Реймского, между Балдуином V., графом Хайно, и Матильдой Португальской, вдовой Филиппа, графа Фландрии - миниатюра из "Chroniques de Hainaut" (XV в.), Бургундская библиотека, Брюссель.

Когда крестовые походы принесли согласие или, скорее, спокойствие, которого так долго была лишена Церковь, ее прогресс стал более регулярным, более заметным и более легким; она также меньше страдала от посягательств мирян на ее права и привилегии (рис. 233), но огромные расходы на эти далекие экспедиции разорили ее. Не было, правда, ни одной епархии, где имущество не было бы обременено закладными, а службы не были бы искалечены сокращением епархиальных доходов. Эта скудость в сочетании с отсутствием большого числа наиболее уважаемых церковников, принявших крест, оставила многие важные церкви почти без средств и руководства; отсюда возникло общее ослабление нравов со стороны клириков, чьи проступки в некоторых случаях были настолько вопиющими, что возникла необходимость изгнать их из религиозных домов и приходов, которые были переданы в их ведение. Злоупотребления властью, неопределенность в вопросах веры, а также Водуазская ересь, пронзившая Западную Европу, словно отравленная колючка, породили частые разногласия среди верующих, причем споры велись

даже между членами одной семьи, а во многих населенных пунктах люди, привлеченные формой богослужения, где песнопения и молитвы читались на вульгарном языке, покидали свою приходскую церковь ради еретика-священника; Это послужило причиной бесконечных беспорядков и волнений в больших городах, особенно в тех, которые управлялись муниципалитетом.

И все же епископы в значительной степени способствовали созданию коммун; ведь если история повествует о том, что некоторые города враждовали со своим церковным владыкой, чтобы объявить себя независимыми, то, с другой стороны, мы видим, что огромное количество хартий о предоставлении права на владение было составлено по инициативе епископов. Два наиболее интересных из этих документов, сохранившихся до нас в целостности, - это хартия и закон Бомон-ан-Аргонна, в прошлом укрепленного места, но почти забытого в наши дни, пока его не выдвинула на первый план война 1870 года. Этот город имел счастье не навязывать свой закон, а видеть его принятым многочисленными коммунарами, среди которых можно назвать Нанси, Люневиль, Верден, Люксембург и Лонгви, а также все герцогство Бар, Монмеди и т. д. Лорд-епископ Вильгельм, чья любовь к справедливости принесла ему прозвище Вильгельм Белорукий, был автором как этого закона, так и этой хартии в XII веке (рис. 234). Согласно этой хартии, лорд-епископ сделал всех жителей коммуны Бомон собственниками достаточного количества земли, чтобы обеспечить им средства к существованию, с использованием лесов и водотоков; были приняты все меры для предотвращения мошенничества в торговле и коммерции, особенно в отношении мельников, пекарей и мясников; Управление коммуной было поручено многим мещанам, избранным самыми знатными горожанами; интриги были бессильны в своих попытках склонить на свою сторону свободные и независимые голоса мещан-избирателей. Время, в течение которого действовал закон Бомона, свидетельствует о его достоинствах, ведь, несмотря на превратности времени, в XVIII веке по нему управлялись пятьсот коммун.

Рис. 234.- Уменьшенное факсимиле из начала Хартии Вильгельма Белоруккого, архиепископа Реймского (XII век) - из работы М. Дефурни.

В коммунах, принявших закон Бомона, бюргеры, освобожденные от всех военных повинностей, были вынуждены брать в руки оружие только в случае внезапного вторжения на их территорию, и эта принудительная служба длилась всего двадцать четыре часа. После этого лорд должен был обеспечивать обычную защиту жителей в обмен на ничтожные налоги, которые они ему платили. Например, в коммуне Эскомб, которая, будучи пограничной деревней, была очень подвержена нападениям, право на охрану (*le droit de sauvement*) состояло из двух мер овса, курицы и французского денщика на каждого мещанина. В грамоте архиепископа Реймского, преемника Вильгельма Белоруккого, рассказывается о том, как добрый шевалье в обмен на дарение участка земли, принадлежащего епископству, обязался собрать, обучить и содержать отряд вооруженных людей для защиты мещан Бомона, которые таким образом могли спокойно заниматься обработкой земли и торговыми операциями. Ближе к концу XIV века архиепископ Реймский обменял у короля Франции суверенитет над городами Музон и Бомон-ан-Аргонн на господство над Вейли и его владениями; но закон Бомона был соблюден, и в грамоте, "данной в Монтаржи в сентябре месяце, в год милости тысяча триста семьдесят девятый", король Карл V. торжественно признал и санкционировал все преимущества, которые закон

Бомона обеспечивал жителям. "Этими подарками, - сказал король, - мы одобряем и подтверждаем все их хартии и вольности, франшизы, обычаи, привилегии и обыкновения, которые им были дарованы нашими вышеупомянутыми архиепископами Реймскими в прошлые времена, чтобы они пользовались и применяли их без вычетов, нововведений или уменьшения чего-либо, и таким же образом и способом, как они пользовались и применяли их до нашего приобретения".

Почти во всей Франции правосудие, которое на протяжении восьми веков было епископальным, стало почти полностью гражданским; но епископ по-прежнему взимал часть наложенных штрафов, а когда жители города или района собирались вместе, чтобы решить какой-нибудь серьезный спор, именно прелату епархии, декану капитула или прецентору принадлежало право назначать день и место собрания, которому они не имели права препятствовать. Людовик IX, как ни велико было его благочестие, взялся за формирование светской магистратуры, способной вершить правосудие. Чтобы избежать конфликта с национальным духовенством, он добился от Иннокентия IV освобождения от обычной юрисдикции для персоны короля Франции, его супруги и наследника. Он просил вмешательства папы, чтобы реформировать многочисленные злоупотребления, которые проникли в церковь во Франции, особенно в отношении права убежища и чрезмерных иммунитетов, предоставленных церковным трибуналам. К концу XIII века юрисдикция духовенства, за исключением епископского суда, была ограничена вассалами епископов.

На протяжении XIV и XV веков епископальная власть вела непрерывную борьбу с беспокойной буржуазией (рис. 235), дух оппозиции которой толкал ее на открытые и вооруженные восстания. Чтобы избежать этого и оказать эффективное сопротивление гражданской власти, которая сама была подавлена населением, несколько епархиальных капитулов образовали лигу с духовенством и монахами; но это не принесло им увеличения сил для борьбы с мирскими магистратами, потому что епископ часто отступал от их дела или проявлял к нему безразличие. Отсюда возникали отлучения, тюремные заключения, проскрипции и акты конфискации, которые приводили лишь к усилению скандала. Раскол, опустошивший христианский мир после смерти Григория IX. (1378), борьба за влияние между антипапой Урбаном VI и папой Климентом VII, не могли ослабить внутренние проблемы Церкви.

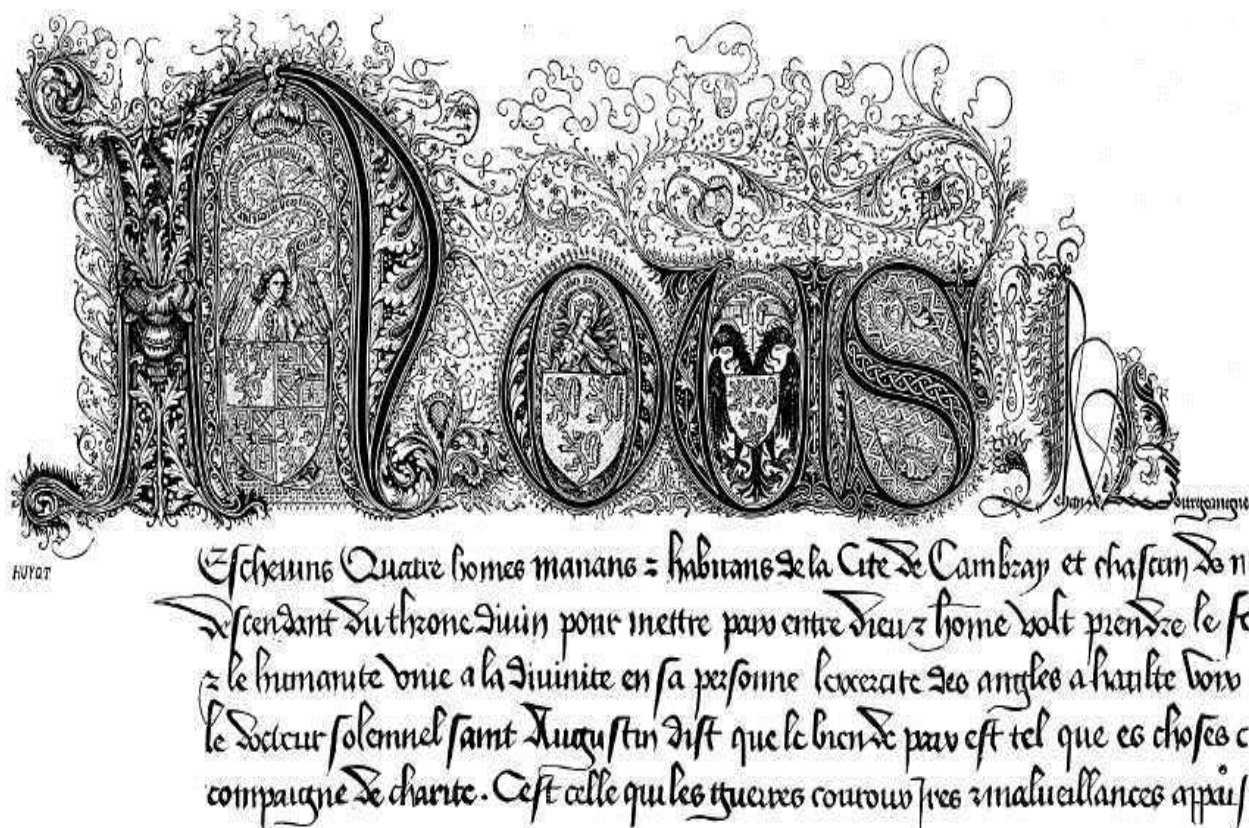

Рис. 235.- Название Конкордата Камбрэ, заключенного в 1466 году епископом, капитулом и коммуной города для поддержания мира. Эта хартия начинается со слова *NOUS*, начертанного светящимися буквами. Первая буква (*N*) окружает ангела, держащего эскулап епископа Иоанна Бургундского; латинская надпись означает: "Слава Богу в вышних, и на земле мир, добрая воля к людям". Буква *O* представляет собой герб капитула, над которым возвышается собор Нотр-Дам де Флам, с надписью на латыни: "Мир оставляю вам, мир мой даю вам". Третья буква (*U*) символизирует коммуны Камбрей, а также выражает мирную идею в девизе: "Его обитель - обитель мира". Среди свидетелей, которых было более ста, подписавших этот Конкордат, был летописец Камбрэ, Энжерран де Монстреле.- Факсимиле оригинала, хранящегося в Архиве дю Норд в Лилле, текст которого опубликовал М. Л. Данкоисне в Энен-Льетаре. (Подсвеченные буквы на этой гравюре на одну четвертую меньше оригинала).

Желание устранить этот всеобщий беспорядок в то время занимало все христианские умы, поскольку вопрос о территориальных владениях двух церквей был давно решен. Рим владел почти всей Италией, за исключением мануфактурных и морских государств полуострова, а также Германией, частью Швейцарии, Богемией, Венгрией, Англией и Голландией. Другую церковь признавали Франция, Французская или Водская Швейцария, Савойя, Лотарингия, Люксембург, округ Мец, Шотландия и Испания. Самые уважаемые христиане, встревоженные таким гибельным для религии положением вещей, тщетно пытались остановить поток. Единственным средством было реформирование духовенства и независимость церкви от гражданской власти. В 1469 году благородная и благочестивая женщина, графиня Вио ди Тьене, родила в Гаэте сына, впоследствии известного как Каэтан, который стал кардиналом-епископом и был одним из величайших людей эпохи. Графиня Вио ди Тьене решила, что наследник ее благородного дома должен родиться, как и Спаситель человечества, в хлеву. Так в настоящих яслях этот благословенный младенец впервые обрел свое равнодушие к миру, любовь к простоте, дух молитвы и милосердия, ангельскую скромность, которые сделали его мучеником покаяния, героем самоотречения и образцом смирения. Когда в 1505 году Лютер принял малый сан в монастыре августинцев в Эрфурте и когда по случаю предоставления Львом X. индульгенций доминиканцам (1517) он опубликовал программу своих антипапских и антиканонических предложений, он сразу же

оказался лицом к лицу с Каетаном, который был лидером и пропагандистом католического движения в оппозиции к немецкому извращенцу. Кажетан задумал счастливую идею создания обширного братства регулярного духовенства с целью восстановления церковной дисциплины. Он был идеалом молящегося и работающего священника, без семейных уз, без близких и постоянных отношений с внешним миром, но так воспитанного, что, смешиваясь с ним, он мог отстаивать интересы Церкви. Сомаски, регулярное духовенство для воспитания сирот (1528); варнавиты, регулярное духовенство св. Павла (1532); иезуиты, регулярное духовенство Общества Иисуса; крестоносцы, регулярное духовенство, служащее больным (1592); схолеры, регулярное духовенство для бедных Богоматери; минориты, регулярное духовенство ордена миноритов, и многие другие учреждения того же рода, являются детищем творения Каетана, и поэтому его называют патриархом духовенства. Проект Тридентского собора был замыслом, а его предварительная разработка - делом рук Каэтана, и этот знаменитый собор, которому предстояло оказать столь большое влияние на христианский мир, поднял нравственное достоинство духовенства, подготовив путь для общей реформы Церкви.

Рис. 236. - Ангелы, молящиеся над черепом - фрагмент барельефа в клуатре Шартреза в Павии (конец XIV века).

К той же эпохе относится и обучение молодых людей, предназначенных для священства. Правда, в Италии, Франции и Испании существовали богословские школы, посещаемые

духовенством, но последние готовились к священным орденам без правил и руководства, без интеллектуальных и моральных ресурсов, которые может предложить община. Многие из учеников не носили ни пострига, ни даже единообразной церковной одежды, они смешивались с обществом, иногда вели рассеянную жизнь и достигали торжественного периода рукоположения, не получив никакого надлежащего обучения. Трентский собор, по инициативе Каетана, постановил, что в каждой епархии должна быть школа для церковнослужителей, называемая *семинарией*. Святой Карл Борromeо, архиепископ Милана, добрый Павел д'Ареццо, архиепископ Неаполя, и несколько итальянских епископов подали Европе пример, основав эти благочестивые приюты в своих епархиях; кардинал Лотарингии подражал им, основав семинарию в Реймсе, а два французских епископа также создали семинарии в Карпентрасе и Бордо. Это были единственные семинарии во Франции на протяжении более чем восьмидесяти лет, и они так плохо управлялись, так мало соответствовали важности своего замысла, что на них смотрели как на неудачные попытки. Парижская семинария, самая известная из всех семинарий Франции, появилась лишь в середине XVII века, когда она была основана благодаря активному и щедрому сотрудничеству двух благочестивых женщин, при содействии святого Винсента де Поля и аббата Оллье, для церковных приютов и для создания *конгрегации Сен-Сюльпис*.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРДЕНА.

Первые монахи.- Святой Антоний и его ученики.- Святой Пахомий и Святой Афанасий.- Святой Евсевий и Святой Василий.- Ценобитизм на Востоке и на Западе.- Святой Бенедикт и Бенедиктинский кодекс.- Монашеская одежда.- Святой Колумба.- Список монастырей во времена Карла Великого.-Заслуги монахов перед цивилизацией, искусством и литературой.-Реформа религиозных орденов в двенадцатом веке.-Святой Норберт.-Святой Бернард.-Святой Доминик.- Святой Франциск Ассизский.-Кармелиты.-Бернардинцы.-Барнабиты.-Иезуиты.

В первые дни существования Церкви монашеская жизнь зародилась в обширных уединенных местах Фиваиды, в Верхнем Египте. Вскоре она распространилась на Палестину, Сирию, Месопотамию, Малую Азию и даже за пределы Римской империи. Святой Иероним, незадолго до начала Средневековья, писал: "Мы ежедневно принимаем отряды монахов из Индии, Персии и Эфиопии".

Страшные аскезы первых подвижников Востока на первый взгляд кажутся чрезмерными, но они оправданы их результатами и объясняются состоянием общества в ту эпоху. В обществе царила грубая чувственность, люди жили только ради удовольствия. Рабы, выполнив работу, необходимую для существования свободных людей, еще больше способствовали насыщению неупорядоченных appetitов этого общества, которое исчерпало все утонченности чувственности и роскоши.

Старый мир, поглощенный поклонением материальным вещам, не имел вкуса к культуре ума, и, чтобы пробудить его от интеллектуального оцепенения, необходимо было поразить чувства и воображение чрезмерным аскетизмом. Жадные до новизны и всего эмоционального, люди стекались к этим удивительным анкоритам, которые изучали мученичества: одни закрывались в камере, где не могли ни стоять, ни лежать; другие лежали без движения день и ночь на узком настиле, на вершине колонны, подвергаясь любой непогоде; все они отказывались от мяса, питья и сна или принимали только столько, чтобы поддерживать тело и душу вместе. Эти люди, которые думали о своем теле только как о мишени для пыток, чтобы отдаться исключительно пенитенциарной практике и размышлениям о будущей жизни, привлекли всеобщее внимание. Будучи столь же нежными к другим, сколь и безжалостными к себе, они проявляли интерес ко всем страждущим, утешали скорбящих, молились о выздоровлении больных по просьбе родственников. Их доброта находила путь ко многим сердцам, и красноречивым примером они внушали толпе тщету чувственных удовольствий, учили смотреть на небо, а не на землю, напоминали о бессмертии души, о ее судьбе в лучшем мире и о том, что вечное счастье нужно заслужить исполнением христианских добродетелей; в своих выступлениях, как и в жизни, они проповедовали Евангелие. Их сначала слушали, затем с любопытством рассматривали, а потом верили. Вскоре люди стали восхищаться ими, и с этого момента подражание им стало естественным следствием - через несколько лет пустыни были заселены тысячами их учеников, которые полностью отдавались молитве и ручному труду.

Святой Антоний был первым из этих отцов пустыни, кто согласился оторваться от строгой прелести этого уединения и прибыть со свитой монахов в Александрию, чтобы бороться с арианами и склонить их к признанию решений Никейского собора. Завоевав восхищение и уважение своих противников блестящими аргументами против философов Александрийской школы, устояв даже против императоров, он удалился в пустыню, на гору Колзин, со своими учениками Макарием и Аматой, и покидал ее только для того, чтобы осмотреть основанные им монастыри, в которых насчитывалось более пятнадцати тысяч кенобитов.

Святой Афанасий, один из самых знаменитых учеников святого Антония, продолжал распространять в своих беседах и трудах учения своего учителя. В 340 году он вместе с несколькими выдающимися анкоритами отправился жить в Рим, где проповедовал как примером, так и наставлениями, и стал неутомимым поборником монашеских институтов в Западной Европе.

В тот же период святой Пахомий, основавший в Фивах монастырь Табенна, составил первый полный устав, дошедший до нас, для использования кенобитами, в котором предписывался ручной труд, а также молитва. Несколько знаменитых врачей и отцов Церкви - святой Григорий Назианзский, святой Иоанн Златоуст, святой Иероним (рис. 237) и святой Кирилл - практиковали аскетизм.

Рис. 236* Святой Антоний, каменная статуэтка III века, принадлежащая дворянину из Камбрэ. Эта гравюра, никогда ранее не публиковавшаяся, показывает нам, что святые врачи думали о великом анхорите Египта. Он топчет ногами дьявола, который представлен нечистым животным в пламени. Закрытая книга означает, что без всякого обучения, только слушая чтение, он выучил Священное Писание наизусть; святой Иероним свидетельствует, что он излагал его с мудростью. Треугольный *tau* - это египетская форма креста; колокол означает силу изгнания злого духа.

Святой Евсевий, епископ Верчелли, был первым западным прелатом, который связал монашескую и духовную жизнь. Его клирики проводили свое существование в посте,

молитве, чтении и труде. Святой Амвросий говорит: "Эти священнослужители меняли свое состояние только ради епископства или мученичества". Примерно в тот же период (352-360) святой Мартин основал в окрестностях Пуатье древнейший из монастырей Галлии (*Monasterium Locociagense*), а через двенадцать лет после этого - знаменитое аббатство Мармутье, которое было столь богатым питомником святых прелатов и ученых докторов. Проповеди святого Василия в Понтийском царстве, его многочисленные монастырские основания, правила, которые он установил и которые сразу же были приняты всеми восточными монахами, свидетельствуют о силе христианского движения в Азии к концу IV века.

Рис. 237 - Святой Иероним в пустыне: святой держит в руке камень, которым собирается побить своего зверя - с картины школы Андреа дель Сарто (XVI в.), хранящейся в Лувре.

Великий монастырь Табенне, который в те времена служил образцом для всех монастырских построек, состоял из обширной сети небольших домов, построенных один за другим и объединенных под верховным управлением одного главы. Кроме того, религиозное управление монастырем возлагалось на настоятеля или аббата, которому помогал заместитель, а управляющий, на которого возлагались светские обязанности - повседневные расходы и случаи, связанные с материальной жизнью, - также имел помощника, который заменял его во время отсутствия. Таким образом, монастырь делился на *дома*, каждый из которых управлялся настоятелем; в каждом доме было определенное количество покоев, или келий, и в каждой келье всегда жили три монаха. Для того чтобы составить *племя*, или монастырь, требовалось три или четыре дома.

В больших монастырях было от тридцати до сорока домов, в каждом из которых проживало около сорока монахов, что в целом составляло семь или восемьсот человек. После смерти святого Пахомия орден Табеннаэ насчитывал семь тысяч монахов. Палладий

говорит, что там принимали катехуменов, готовящихся к крещению, детей, юношей и мужчин всех возрастов. Все они были обязаны изучать Новый Завет и Псалтырь; три раза в день давались полезные наставления тем, кто в них нуждался, а три раза в неделю настоятель каждого дома собирал монахов, находящихся в его подчинении, для проведения с ними беседы, называемой *катехизацией*, или спором, после чего они обсуждали между собой разобранные вопросы. Учение монахов этим не ограничивалось, оно выходило за стены монастыря и распространялось на верующих в соседней округе. Один раз по субботам и два раза по воскресеньям настоятель объяснял им таинства веры, не говоря уже о катехизисах и уроках, которые каждую неделю вел сам начальник или генерал ордена. Святые Пахомий и Орсевий не ограничивались простым изложением нравственных принципов, взятых из Священного Писания; они приступали к их экзегезе, предоставляя слушателям право задавать вопросы, отвечать и обсуждать их высказывания, а затем письменно отвечать на все возражения. К изучению святых книг добавилось изучение Отцов Церкви. Настоятель иногда уполномочивал простых монахов, которые были учеными или красноречивыми, как, например, некий Теодорус, защищать истины христианской религии от профанов и организовывать серию публичных лекций.

Монашеская дисциплина, установленная святым Василием, была почти такой же, как у святого Пахомия; его монахи обсуждали между собой почти все темы. Он лишь наставлял их не пытаться переиграть друг друга в этих дебатах, призывая избегать показухи, пустых слов и побуждений тщеславия; он даже указывал им на интонацию голоса и наиболее подходящие жесты. В монастырях, основанных святым Василием, в ученики брали многих детей, которых отправляли обратно в мир, когда они становились достаточно взрослыми, чтобы выбрать профессию и проложить свой собственный путь в жизни.

Женские монастыри возникли одновременно с монастырями. Девственницы, посвятившие себя Церкви, молодые вдовы и диакониссы вели жизнь, рассчитанную на то, чтобы подготовить их к привычкам затворничества, созерцания и аскетизма. Сестры святого Антония и святого Пахомия были поставлены своими преподобными братьями во главе двух общин девственниц, в Египте и в Палестине. В Понте и Каппадокии святой Василий основал несколько монастырей, и их число настолько возросло, что в начале V века в одном единственном монастыре (*coenobium*) содержалось двести пятьдесят девственниц.

В Европе монастыри для девственниц росли не менее стремительно. Два религиозных дома для молодых женщин были открыты в Риме во времена святого Антония, и, несомненно, по его инициативе. Евсевий, епископ Верчелли, основал подобное заведение рядом со своей церковью; но самым замечательным из всех этих монастырей был тот, что основал в Милане святой Амвросий, религиозное убежище, в котором нашли приют его сестра Марцеллина и ее верная спутница Кандида.

В конце IV века одна римлянка, святая Павла, построила три монастыря и обитель в Африке, а управление ими взял на себя святой Иероним. Святой Августин также основал два религиозных дома в своей епархии Иппоны, один для кенобитов, другой для девственниц, наложив на них предписания святого Антония и святого Пахомия, касающиеся общей жизни и бедности. "В это время, - говорит этот прославленный отец, - монахи были по всему миру". Их называли *монахами*, от греческого *μόνος* (один), из-за их уединенной жизни; и *кенобитами*, от греческих слов *κοινός* и *βίος* (совместная жизнь). Они воздерживались от мяса и вина, питаясь хлебом и фруктами, а вареные овощи им разрешалось есть только в воскресенье. Они были обязаны сами готовить себе еду, а - шить одежду. В воскресенье они причащались вместе с общей общиной, а после службы возвращались в свой монастырь.

Рис. 238.- История святого Бенедикта. Слева - монахи соседнего монастыря, которые пришли соблазнить его из отшельничества, чтобы поставить во главе своего монастыря; но строгость его правил вскоре не устраивает их, и они решают избавиться от него. Справа монахи предлагают ему чашу с ядом, но, когда он осеняет вазу крестным знамением, она разбивается вдребезги - с фрески Спинелло д'Ареццо (1390) в церкви Сан-Миниато близ Флоренции.

Не успел монашеский орден просуществовать и столетия, как на Востоке, как и на Западе, монашеские правила претерпели значительные послабления. Монахи, став частью клерикальной иерархии (в силу обстоятельств, так как часто ощущался недостаток духовенства), первенствовали над последними; их настоятели, называемые в Восточной Церкви *архимандритами*, были возведены в священство и епископат; они даже принимали участие в соборах, хотя эти функции и обязанности мешали их кенобитной жизни. Это явное нарушение первобытной дисциплины, хотя и понижало моральное положение монахов, скорее увеличивало, чем наоборот, их социальное влияние и придавало им больший вес в мире. Их благочестие также лишь на время отвлекалось от своей первоначальной цели, поскольку такие известные люди, как святой Гонорат, святой Максим, святой Иларий, святой Далматий, два брата Роман и Лупиций, поддерживали истинную традицию монашеской жизни; были построены знаменитые аббатства на Лерине и горе Юра. О

константинопольских аскетах тоже говорили в высоких выражениях, как о хранящих вечную псалмодию (401-405). В Палестине, недалеко от Иерусалима, множество отшельников, под руководством святого Евфимия, практиковали самое строгое воздержание.

В Африке святой Фульгенций, изгнанный арианами, был сторонником регулярного соблюдения правил, то есть проповедовал строгое послушание монашескому уставу (501-523); в то время как на Западе были основаны, посреди Романьольских Альп, в городах Арль и Св. Мориса д'Агон, три образцовых монастыря, первыми настоятелями которых были святые Иларий, Цезарий и Северин, а главными благодетелями - Теодорих, король готов, Теодорих Великий и Сигизмунд, король Бургундии (504-522). В монастыре Килдэр, которым управляла святая Бриджит, и в монастыре, основанном святой Коломбой, в Ирландии, который впоследствии справедливо называли *Островом Святых*, обучение христианскому искусству, литургии, церковным наукам и светской литературе было непревзойденным в своем совершенстве, и слава о нем дошла даже до Галлии.

Рис. 239 История святого Бенедикта. Когда его ученики пытались положить камень для строительства часовни, на него сел дьявол, и совместными усилиями нескольких человек его не удалось сбить; но святой Бенедикт благословил камень, и дьявол улетел. Из фрески Спинелло д'Ареццо (1390), в церкви Сан-Миниато, близ Флоренции.

Таково было общее положение кенобитизма, когда святой Бенедикт (рис. 238), будущий патриарх монахов Запада, верховный законодатель монашеского ордена, покинул свою скромную келью в Субиако (528), чтобы основать огромное аббатство Монте-Кассино (рис. 239), ставшее славой эпохи. Бенедиктинское правило, результат глубоких физиологических и философских исследований, произведение нравственной науки, мудрости и благочестия, делило время монахов на молитву и ручной труд, сменяемый культивированием или упражнением интеллекта, когда этого требовали слава Божья, интересы монастыря и воспитание людей. Вскоре под властью святого Бенедикта оказалась целая армия монахов, которые распространили по всему христианскому миру правила своего прославленного вождя. Среди них были святой Мавр и Кассиодор, бывший министр Теодориха Великого: один из них основал монастырь Сен-Мор-сюр-Луар во Франции, другой - Вивьери в Калабрии. Кассиодор приложил немало усилий, чтобы собрать книги Ветхого и Нового Завета с комментариями к ним. Он потратил много средств, чтобы собрать все труды греческих и латинских отцов, иудейских историков, а также историков Церкви, основные труды по географии, грамматике и риторике, и даже лучшие трактаты по медицине, чтобы монахи, прикрепленные к лазарету, были полностью способны ухаживать за больными. Монастырь Вивьери содержал одну из богатейших библиотек того времени. В сборнике "Институции Кассиодора" мы находим следующее замечательное почтение монахам-каллиграфам, которые были величайшими литераторами в те времена: "Признаюсь, братья мои, что из всех ваших физических трудов переписывание книг всегда было мне по вкусу; тем более что, упражняя ум над Священным Писанием, вы передаете тем, кто прочтет написанное вами, своего рода устное наставление. Вы проповедуете рукой, превращая пальцы в органы речи, безмолвно возвещая людям тему спасения; это все равно что бороться с лукавым с помощью пера и чернил. За каждое слово, написанное антикваром, демон получает тяжелую рану. Спокойно сидя на своем месте и переписывая книги, затворник путешествует по многим землям, не покидая своей комнаты, и дело его рук оказывает свое влияние там, где он никогда не бывал".

Те, кого Кассиодор называет *антикварами*, были просто переписчиками, то есть клерками или монахами, которые расшифровывали старые манускрипты и переписывали книги. В монастыре Святого Мартина в Туре каллиграфия была единственным искусством, которым занимались. Святой Фульгенций, прелат, отличавшийся ученостью и красноречием; святой Григорий, епископ Агригентума, не менее знаменитый; Мамертус Клавдий, который был постоянной ходячей библиотекой, сами копировали манускрипты, которые дарили Церкви. Каллиграфия и иллюминирование также были любимыми занятиями многих монахинь, среди которых можно назвать святую Меланию Младшую, святую Сезарию, святую Харнильду и святую Ренильду, всех француженок (рис. 240), которые, выражаясь языком христианского летописца, писали изящно, быстро и правильно.

С момента возведения монахов в духовный сан, после предварительного экзамена, клирики и монахи учились вместе, так же как раньше они молились и жили вместе, а монастырь был полной школой церковных исследований и управления. В Монте-Кассино, в Сен-Ферреоле, в Сен-Кале, в Туре и во многих других процветающих аббатствах VI века монахов, и особенно послушников, обучали религиозным и светским предметам, а также обязанностям священства.

Монашеская одежда не во всех случаях была одинаковой, поскольку, хотя она всегда была простой и грубой, ее форма и вид менялись в зависимости от устава каждого ордена и

климатических условий. В Египте кенобиты носили *лебитус* или *колобиум*, *пера* или *мелот* и *кукуллу*. *Лебит* представлял собой льняную одежду с длинными рукавами, открытыми на кистях, а иногда и до запястья. О *пера*, куртке из козьей шкуры, говорится в одном из посланий святого Павла, который упоминает, что ее особенно часто носили святые мужи и пророки, когда под угрозой преследований уходили в пустыню. *Кукуль* покрывал голову и доходил до половины плеч. Святой Бенедикт, позаимствовавший ее у первых монахов, удлинил ее настолько, что она закрывала все тело; но поскольку в таком виде она стесняла монахов в их ручном труде, он сделал ее одеждой, которую носили только на церемониях, и заменил ее для обычной носки скапулярием (*scapulum*), который закрывал голову и спину. Западные монахи также носили короткую мантию - своего рода накидку, называемую, согласно Сульпицию Северусу, *мафорттой*. Греки и восточные люди приняли паллиум, из-за чего их стали называть *agmina palliata* (армия в одеяниях), когда они собирались в большом количестве. Каждый грек, посвятивший себя кенобитской жизни, был вынужден носить черный паллиум.

Рис. 240.- Святая Радегонда, жена короля Клотера (VI век), принимает религиозное одеяние из рук святого Медара, епископа Нуайона.

Папа Григорий Великий, который сам был бенедиктинцем, проявлял большую ревность в создании монастырей, которых он сам основал большое количество. Он был главным

инициатором двух важных миссий, которые состоялись в 585 и 596 годах; первая - в Галлии, состоявшая из миссионеров из Ирландии во главе со святыми Колумбой и Галлом; вторая - в Великобритании, с монахами из аббатства Святого Андрея во главе с другим монахом, святым Августином. Этот последний, обративший англичан и их короля Этельберта, стал первым архиепископом Кентерберийским. Колумба основал аббатство Люксей на южной стороне Вогецских лесов, а его ученик Галл, намного моложе его самого, проник в страну гельветов, которые были так же глубоко погружены в варварство, как и англичане, где основал монастырь, который впоследствии стал известен под именем своего основателя, и который был обязан своей известностью разнообразию предметов, которые там преподавались.

Святой Колумба первым составил полный свод монашеских правил, которые были приняты во Франции, так же как правила святого Исидора, епископа Севильского, и святого Августина Ирландского, которым следовали на Британских островах. Эти три кодекса, очень похожие в своих общих принципах, отличались друг от друга во многих деталях, поскольку были применимы к монахам, живущим в разных странах. В общинах, придерживавшихся правил святого Колумбы, как и во всех великих бенедиктинских монастырях, неизменными занятиями в монастырской жизни были молитва, умственная культура и ручной труд (рис. 241). Правила, составленные святым Колумбой и его подражателями, святыми Исидором и Августином, оставались в силе вплоть до VIII века, несмотря на новую систему образования и религиозного обучения, которую так рьяно внедрял по всей Галлии англосаксонский монах св. Бонифация; несмотря на промышленный и художественный, а не научный и созерцательный уклон, который святой Элой придал занятиям монахов в своем аббатстве Святого Мартина в Лиможе, а также в других монастырях, основанных или реорганизованных им. Этот прославленный епископ Нуайона, мастер монетного двора при короле Клотере II, а затем казначей, ювелир и министр Дагоберта I (568-659 гг.), приложил немало усилий, чтобы сделать изучение искусства важной чертой монастырской жизни.

Было бы неверно полагать, что интерьер монастыря в седьмом веке представлял собой тот же облик аскетизма и покаяния, который впоследствии был характерен для некоторых общин, подчинявшихся самым строгим правилам. В сельской местности монастыри владели обширными землями, которые давали урожай пшеницы, ржи, овса, сена, овощей и фруктов, на которых производили вино, пиво, сидр и гидромель; их обрабатывали многочисленные рабочие, разбивавшиеся на десятки и сотни, которые во время работы пели гимны и молитвы - настоящее религиозное ополчение, объединенное под знаменем веры в многолюдных центрах и в окрестностях городов. Эти монастыри были, как правило, школами, в которых монахи давали бесплатное образование, обширными мастерскими, в которых они следили и обучали всем ремеслам: резьбе по дереву, слоновой кости, бронзе, серебру, и золоту; живописи на пергаменте, стекле, дереве и металле; ткачеству гобеленов, вышивке церковных украшений и облачений; дамасская работа и эмалирование святынь, скиний, диптихов и триптихов, церковной мебели и книжных обложек; огранка драгоценных камней для подготовки их к оправе; изготовление оружия и музыкальных инструментов, иллюминирование, копирование рукописей и т. д. Вся жизнь монаха или монахини проходила в занятиях одним видом искусства, а возможно, и в выполнении одной работы, требующей чудесного терпения.

Рис. 241. Аббатство Сен-Рикье, близ Аббевиля, основанное в 799 году святым Ангильбером, который придал ему треугольную форму в честь Троицы - по рисунку из очень старой рукописи, гравированной в диссертации Поля Петау "De Nithardo" (4to, 1612).

По мере того как регулярные ассоциации постоянно обосновывались в городах, они начинали строить для своего пользования общежития, кельи, мастерские, амбары или сараи для провизии, возводили красивые церкви с длинными клуатрами и обширными залами для глав. Каждая община заботилась о том, чтобы в ее пределах были библиотека, кабинет, лекторий, школы, кладбище, тенистые аллеи для медитации, а также фруктовый и огородный сад, выращивание которого было здоровым и приятным отдыхом. В этом огромном скоплении монастырских зданий и сооружений (рис. 244) мы имеем святой город в самом сердце светского города, убежище для мирных, благочестивых и воздержанных людей среди проблем и суеты мира.

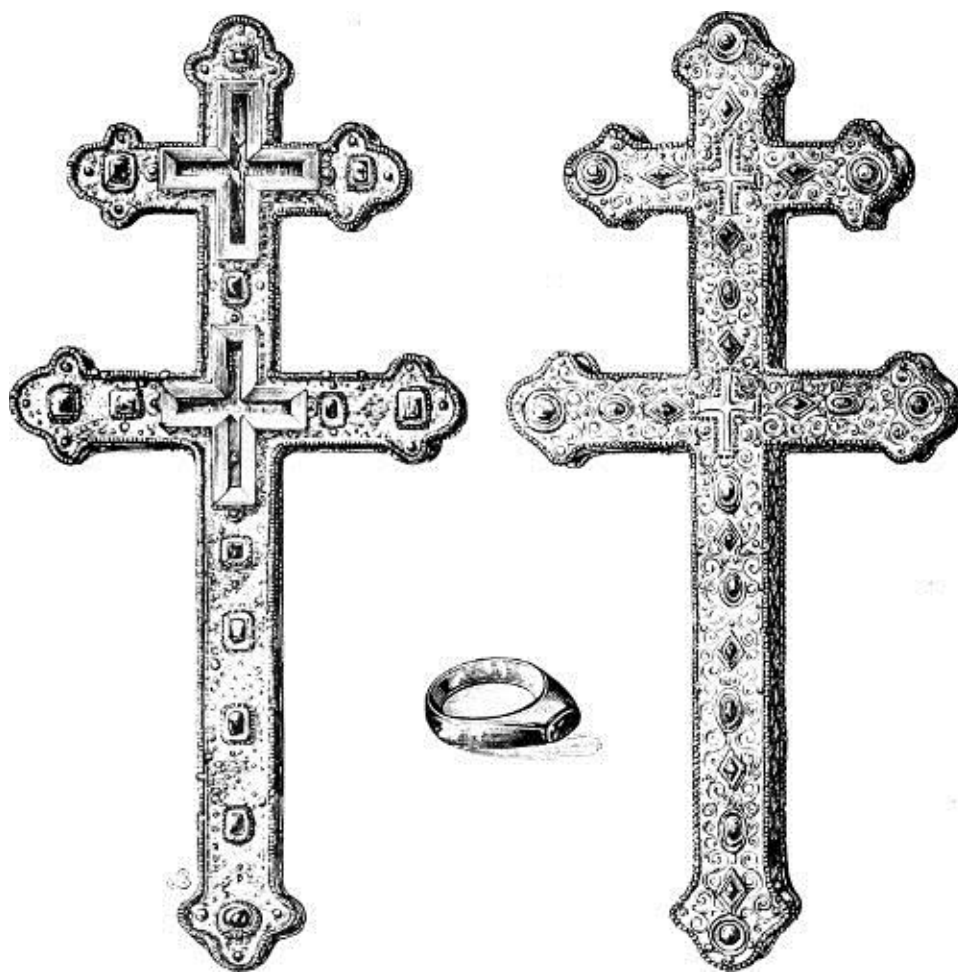

Рис. 242. Аббатское кольцо и крест (спереди и сзади) святой Водру, покровительницы Монса, умершей в 670 году. Крест серебряный, с золотым рельефом и усыпан драгоценными камнями. Реликвия хранится в церкви святой Водру, в Монсе.

Рис. 243. Подношение ребенка аббату - по миниатюре в рукописи, опубликованной в конце XIII века (Бургундская библиотека, Брюссель).

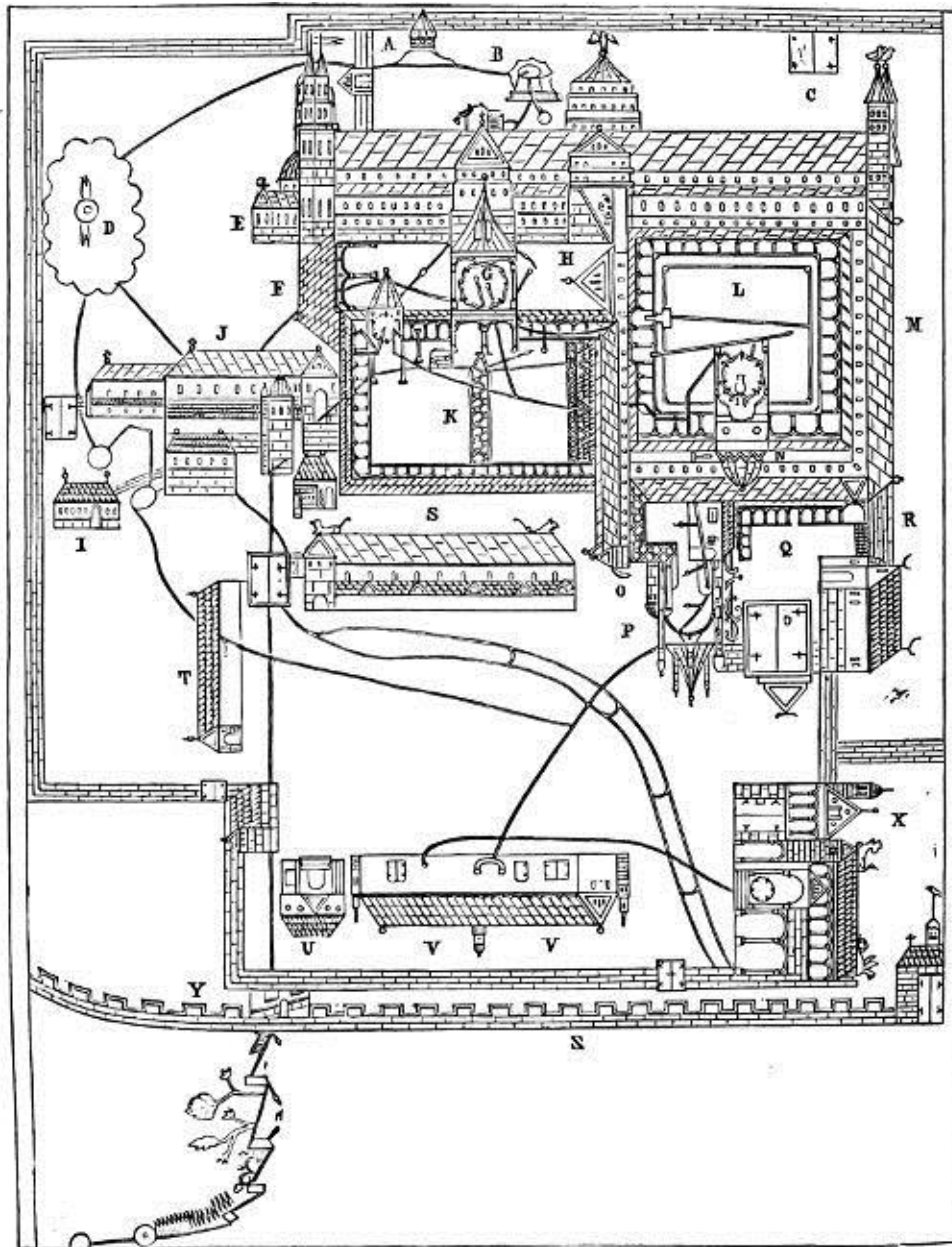

Рис. 244.- Приорат бенедиктинцев в Кентерберии (двенадцатый век), рельефный план, нарисованный монахом Эдвином около 1530 года.-А, колокольная; Б, фонтан; В, кладбище; Г, резервуар с трубами; Д, Кентерберийский собор; Е, ризница; Ж, крипта; Н, дом главы; И, дом настоятеля; Ж, лазарет и пристройки; К, кухонный сад с колодезем, насосами и водопроводом; Л, клуатр; М, погреб; N, дортуар; О, трапезная; Р, кухни; Q, гостиная; R, дом для гостей и бедных; S, водяные шкафы; Т, бани; U, зернохранилище; V, пекарня и пивоварня; X, главный вход; Y, Z, крепостная стена аббатства и города.-Согласно гравюре в томе i. "Architecture Monastique" М. Альберта Ленуара.

Достояние каждого монастыря обычно складывалось из имущества, принадлежавшего монахам, которые поселились в нем. Если послушник был взрослым, он обязан был раздать все свое имущество бедным или торжественно передать его аббатству, прежде чем его могли принять в малый орден. Если же это был ребенок, родители которого посвятили его служению Богу (рис. 243), то родители либо не делали никакого дара общине, принявшей юного послушника, либо передавали монастырю доходы с земель и имущество по акту передачи. Обогащенные этими последовательными пожертвованиями, монастыри, особенно те, которые приобрели широкую известность благодаря учености или благочестию, становились еще богаче благодаря щедрости князей, вельмож и епископов, экономному управлению аббатов и ежегодным продуктам сельскохозяйственного и

торгового труда монахов. К различным искусствам и ремеслам, которыми монахи поначалу занимались, чтобы сделать честь делу религии, западные монахи впоследствии добавили другие, более прибыльные и мирские. В шестом веке мы узнаем, что они пряли и ткали свой собственный шелк; что у них было множество рецептов приготовления ликеров и лекарств; что они занимались медициной, хирургией и ветеринарным искусством. Пипин Короткий, страдавший от неизлечимой водянки, отправился сначала в монастырь святого Мартина в Туре, а затем в аббатство Сен-Дени, чтобы "слуги Божьи" могли оказать ему помощь как своим мастерством, так и молитвами.

Во время правления Карла Мартела церковь подверглась серьезным испытаниям, и монастырские учреждения также столкнулись со многими трудностями. Чтобы вернуть светское духовенство к привычкам общинной жизни, мудрейшие из епископов объединили вокруг себя священнослужителей, оставшихся верными своему делу, и составили для них свод правил.

Карл Великий в Капитулярии добавил следующие прекрасные поправки к правилам монастырских учреждений: "Молодые люди, предназначенные для монашеской жизни, должны сначала пройти послушничество, а затем остаться в монастыре, чтобы изучить правила, прежде чем их отправят исполнять свои обязанности вне монастыря. Те, кто отказывается от мира, чтобы избежать службы королю, должны быть вынуждены добросовестно служить Богу, иначе они должны вернуться к своим прежним занятиям. Все клирики должны сделать выбор между церковной жизнью в соответствии с канонами и монашеской жизнью в соответствии с правилами. Аббатства не должны принимать слишком большое число крепостных, чтобы не обезлюдели деревни; ни одна община не должна иметь больше членов, чем может обеспечить один настоятель. Молодые женщины не должны принимать постриг до тех пор, пока не достигнут возраста, позволяющего им самим выбирать свою жизненную карьеру. Миряне не имеют права управлять внутренними помещениями монастыря и не могут занимать должность архидиакона". Карл Великий и Людовик Добродушный стали членами королевского монастыря Сен-Дени под титулом "братьев-призывников" (*fratres conscripti*) - это скорее академический, чем религиозный титул, но тем не менее дающий им определенные литургические привилегии. Император Лотарь, подражая своему отцу и предку, также получил этот титул от монастыря Сен-Мартен-лез-Мец.

Нормандское нашествие, феодальные войны, посягательства великих вассалов и даже королей на церковные владения и права привели к обнищанию монашеских орденов, чьи земли оставались необработанными из-за отсутствия рабочих рук, а школьные классы часто пустовали из-за отсутствия учителей и учеников. В то время как норманны сжигали и грабили монастыри, хотя многие из них были укреплены в сельской местности, городские аббатства, почти всегда защищенные епархиальной властью, сохранили некоторые остатки своего былого великолепия.

Рис. 245.- Основание светских аббатств Монс, Мобёж и Нивель. Канониссы собираются в Нивелле, где Вальканд, епископ Льежа (810-832 или 836 гг.), обещает дать им свод правил - из "Chroniques de Hainaut", рукописи XV века, хранящейся в Бургундской библиотеке в Брюсселе.

Между главными аббатствами одного ордена существовал дух единства, братское рвение к оказанию помощи и услуг, а также взаимный обмен учеными и искусными клерками, которые переходили из одной общины в другую, чтобы принести ей пользу своей образованностью или умением работать руками. Именно таким образом возводились и поддерживались в порядке монастырские церкви и здания, они богатели картинами, статуями и мозаиками, наполнялась казна, основывалась и поддерживалась библиотека. Руперт, монах аббатства Санкт-Галл (Швейцария), до своего возведения в епископство Меца, ученый-лингвист, поэт и литератор; Тутило, его современник в Санкт-Галле, резчик, художник и скульптор; Регино, аббат Прюма, прекрасный музыкант, автор трактата о гармонии, сами по себе являются доказательством того, что в монастырях скрывались искусства и буквы. В эту эпоху варварства и невежества Церковь упорядочила все хорошее, укрепила расшатанные основы общественного устройства, создала новые монастырские институты и реформировала старые, объединила вокруг себя непокорные, незаконные и недисциплинированные умы (рис. 245), продавая принципы порядка и мира в противовес принципам насилия и беспорядка, порожденным войной.

Рис. 246. Печать аббатства Сен-Дени XII века в Национальном архиве в Париже. Святой одет в епископскую одежду. Несомненно, именно как апостолу Галлии девиз дает ему титул архиепископа.

Никогда монашеский орден не был более многочисленным или лучше организованным, и, возможно, ни в один период в некоторых привилегированных монастырях не культивировались более пылкие и успешные произведения умственного труда, чем в это время.

Кентербери, Монте-Кассино, Сен-Мор, Сен-Дени (рис. 246), Сен-Мартен Турский, Сен-Галл, Ремиремон, Экс-ла-Шапель, Кельн, Трев, Сен-Трудон, Сен-Арнульф, Сен-Клемент и Сен-Мартен Мецский, базилики Мессина и Горца - все они были названы очагами света, от которых во все стороны расходились благие доктрины, изложенные в замечательных произведениях искусства, а также в утонченных литературных сочинениях.

Рис. 247. Духовенство с крестом и святыми изображениями идет процессией перед императором - с миниатюры, взятой из рукописи IV века (библиотека М. Амбруаза Фирмина-Дидо).

В библиотеках, составлявших главное богатство религиозных домов, с особой тщательностью хранились *картотеки* епархий. Учредительные хартии и родовые титулы главных аббатств являются одновременно доказательством и наградой за услуги, оказанные монашескими заведениями цивилизации: Одному аббатству был передан домен при условии, что оно будет возделывать пустующие земли; другое получило свои земли при условии, что оно откроет приюты и гостеприимные дома для бедных и больных, для паломников и странников; а множество документов, взятых из картотек, касаются обучения клириков, воспитания послушников, великолепия общественных богослужений, обязанностей церковных вассалов, когда сюзерен поднимал *запрет* и *запрет арьера*, и т. д., вместе со всеми деталями монастырской жизни, связанными с различными социальными движениями каждого территориального округа (рис. 247).

За пределами аббатств жило население, чей ручной труд был необходим для их обитателей и выгоден для материальных интересов дома. Женщинам, даже если они исполняли покаяние и давали религиозные обеты, вход в монастыри был строго запрещен. Престарелая мать выдающегося монаха Иоанна Горзе, не желая полностью отделяться от сына, поселилась за стенами его аббатства, где занималась пошивом плащей для монахов.

Именно вокруг аббатского двора, возможно, под прикрытием второй стены, не такой прочной и высокой, как первая, но все же способной противостоять нападениям мародеров, столь частым в те времена феодальной смуты, были построены лавки, лавчонки и навесы, служившие для продажи урожая, скота, сельскохозяйственных и других продуктов аббатского домена (рис. 248). В годовщину праздника святого, которому был посвящен монастырь, проводилась ярмарка, иногда несколько, которые собирали большое количество людей.

Святой Ромуальд, основатель ордена камальдолитов; святой Майель, аббат Ключи и реформатор аббатства Сен-Дени; святой Дунстан, решительный архиепископ Кентерберийский, который реформировал духовенство Британских островов; Адальберт, сын герцога Лотарингии и племянник Хью Капета, который был избран епископом Меца, после того как стал монахом в Горце; св. Кадроз, происходивший из рода королей Шотландии, аббат Воссей и современник Адальберта, с которым он был связан в реформации аббатств на северо-востоке Франции, были одними из ведущих фигур, которые в десятом веке представляли реформированное монашество. К сожалению, их благотворное влияние не могло проявиться повсеместно; это был период беспорядков, жестоких и ожесточенных войн, всевозможных узурпаций. Со всех сторон царило несчастье; крепостные, привязанные к владениям канонических церквей и монастырей, покидали их, чтобы найти более надежные средства к существованию. Мецский собор таким образом лишился восьмисот крепостных, которые были главами семей. Единственные независимые голоса в защиту этих жертв угнетения исходили от великих аббатств, таких как Ставело, Сент-Арнульф, Ключи и т. д., в которые монархи и папы под предлогом посвящения недавно построенных или восстановленных церквей (рис. 249) тайно приезжали, чтобы посоветоваться с многочисленными представителями высшего духовенства о политических делах христианства.

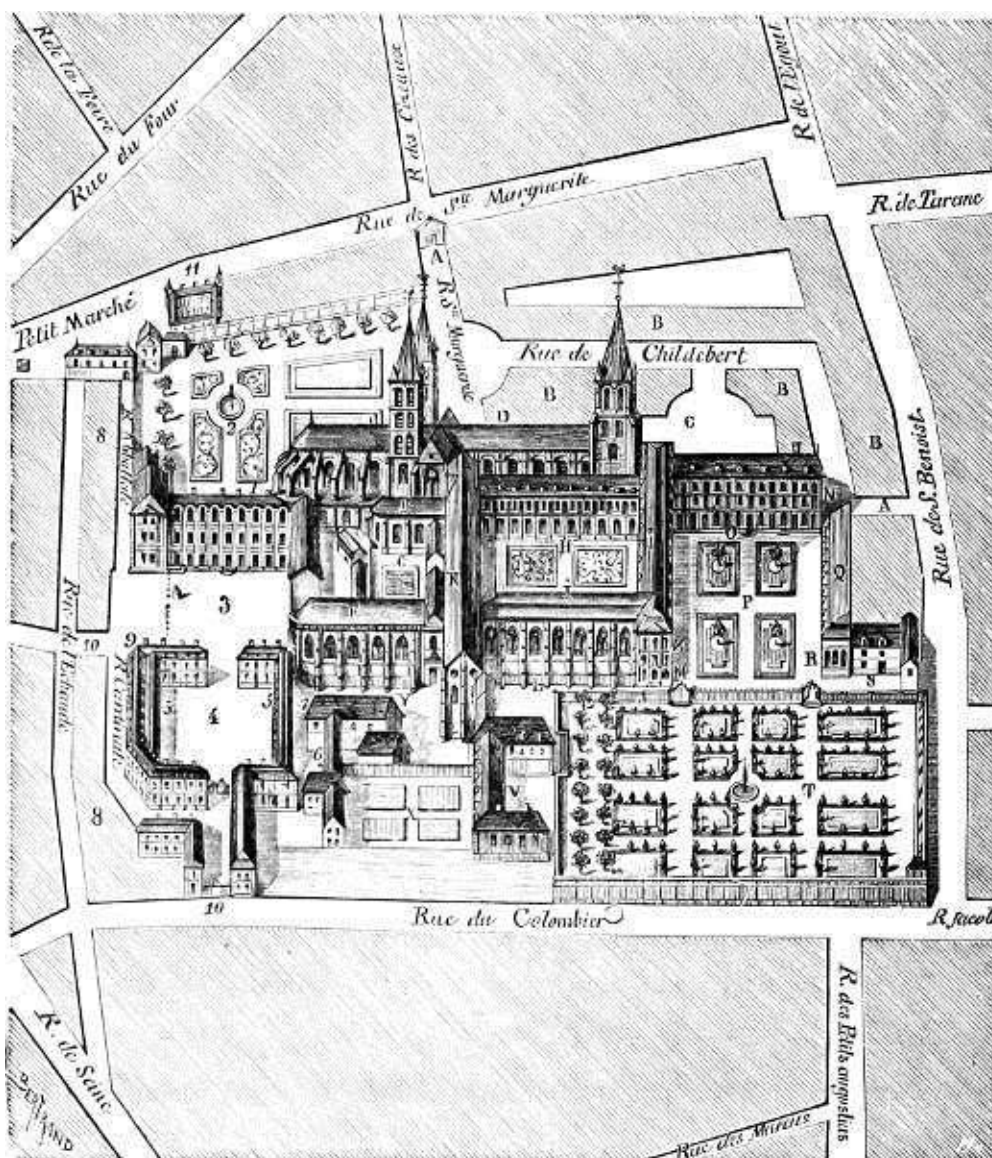

Рис. 248 - Северный вид аббатства Сен-Жермен-де-Пре в том виде, в котором оно существовало в XVII веке.-А, внешние ворота; Б, дома в ограде; В, церковная площадь; Г, церковь; Д, женская капелла; Е, ризница; Ж, малый клуатр; И, большой клуатр; К, библиотека; Л, дортуар; М, трапезная; Н, кухня; О, дортуар настоятеля; П, офисы; Р, внутренний двор; Q, дома для виноделов; R, пекарня; S, конюшни; Т, сад; V, лазарет; X, лазаретный сад; Y, туалет; Z, дортуар для гостей. 1 - дворец аббатства; 2 - сад аббатства; 3 - внутренний двор; 4 - внешний двор; 5 - апартаменты офицеров; 6 - конюшни; 7 - амбары; 8 - дома в аббатской ограде; 9 - дом судебного пристава; 10 - внешние ворота; 11 - тюрьмы бейливика. Факсимиле гравюры в "Истории Сен-Жермен-де-Пре" Дома Буйяра, in folio: 1724.

Рис. 249.- Посвящение церкви, принадлежащей монастырю Сен-Мартен-де-Шамп, Париж, разрушенной норманнами и восстановленной королем Генрихом I. Художник изобразил, во-первых, древнюю церковь Святого Самсона, посвященную Св. Мартину; во-вторых, графов и баронов, подписавших хартию о восстановлении монастыря; в-третьих, архиепископов и епископов, присутствовавших на освящении новой церкви.- Факсимиле гравюры из работы Дона Мёрье "Historia Monasterii regalis Sancti Martini" (4to, Paris, 1636).

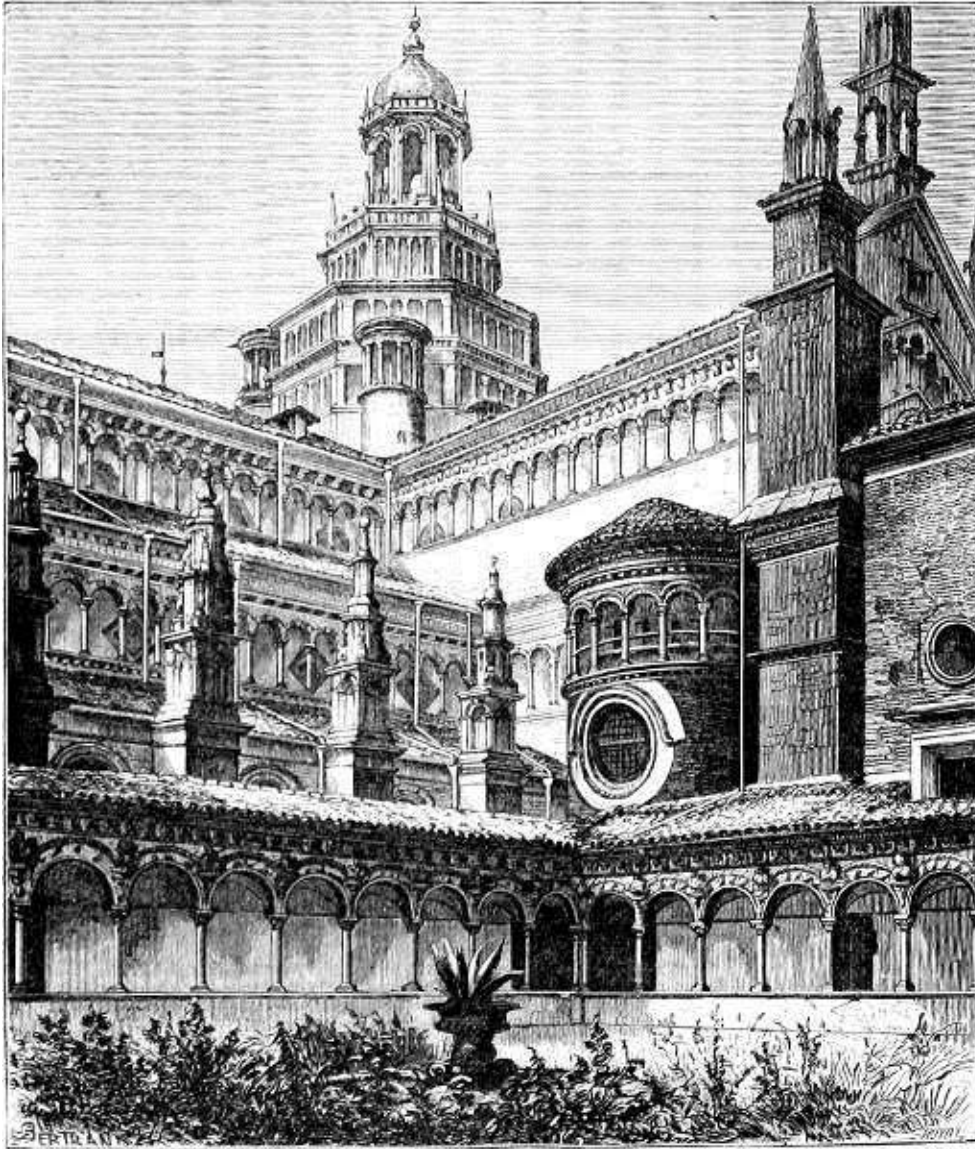

Рис. 250. Малый клуатр Шартрезы в Павии с куполом церкви на заднем плане (конец XIV века).

Два собора в Реймсе и Майенсе (1049), посвященные исключительно дисциплинарным реформам, характеризуют состояние монастырских учреждений в этот период, так же как путешествие папы Льва IX по Франции и Германии показывает точное состояние, ресурсы, нравы и привычки религиозных домов. При посещении этих домов прославленный понтифик делал им великолепные подарки, обещал важные привилегии и вводил подробные расследования о занятиях, проводимых в их стенах. В аббатстве Горзе в 1149 году он даже дошел до того, что собственноручно записал ночные ответы в "Офисе Сен-Горгона".

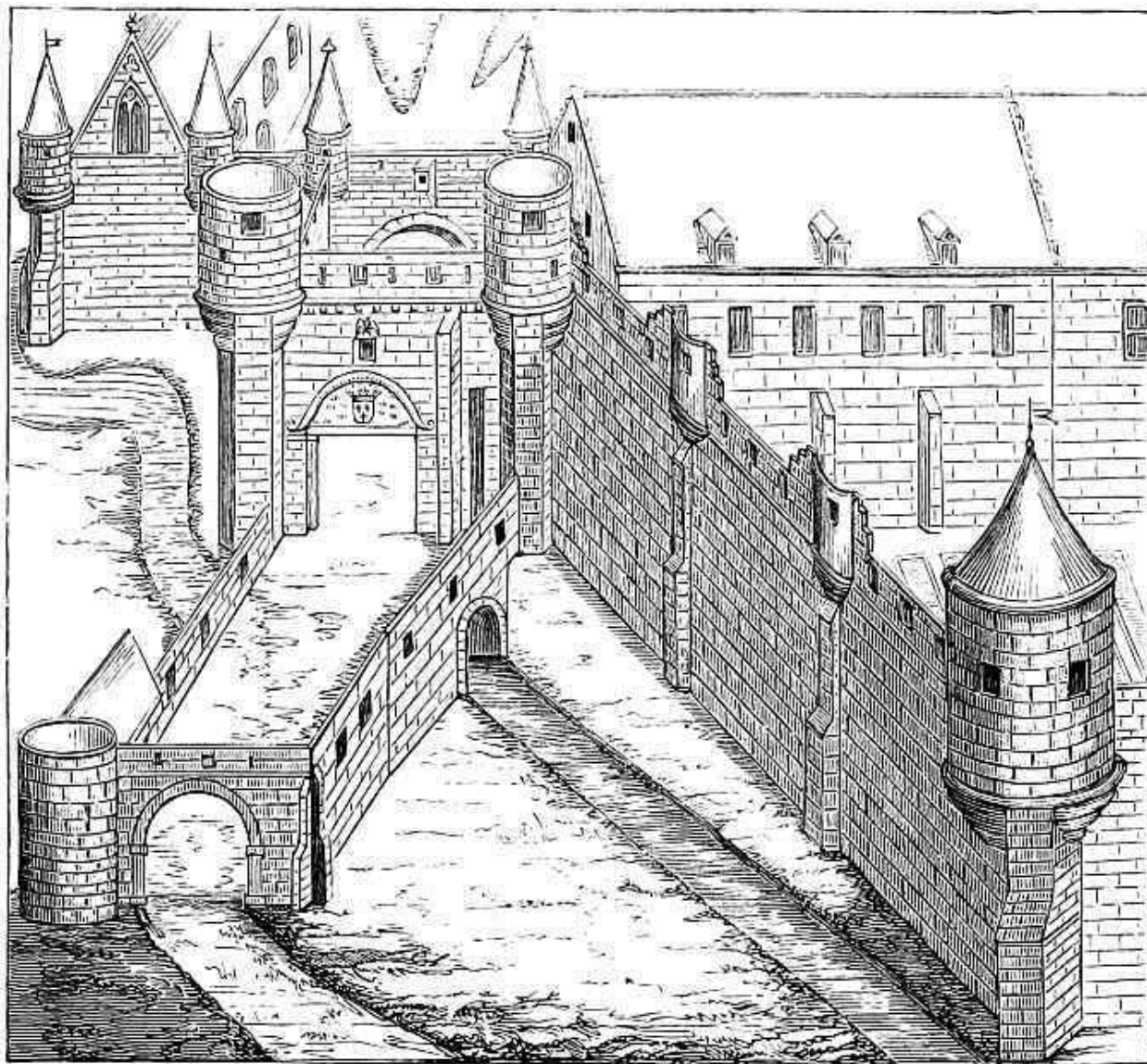

Рис. 251.- Сен-Жан-де-Винь, аббатство каноников в Суассоне (1076 г.), входные ворота охраняются барбаканом и бастилиями - с гравюры в т. I. "Architecture Monastique", автор Альбер Ленуар.

Примерно в тот же период Вильгельм, аббат Сен-Бенинь де Дижон, восстановил в нескольких епархиях монастырские правила и обучение; Сигеберт, монах из монастыря Гемблур, приехал в Мец, чтобы преподавать Священное Писание, философию и мертвые языки; св. Вильгельм из Хирсанжа реформировал монастырскую дисциплину в Германии; святой Роберт, аббат из Молема, основал цистерцианский орден; святой Гуальберт - орден Валломброзы в Апеннинах; святой Бруно - карфузианский орден, который он основал в окрестностях Гренобля и в Калабрии.

Невозможно описать глубокий беспорядок, царивший в религиозных домах в одиннадцатом веке, из-за социальных потрясений, последовавших за ужасами 1000 года. Оставалось лишь несколько одиноких монастырей, удаленных от бед и суеты мира, которые все еще придерживались правил (рис. 251), монастырские школы были почти везде закрыты, а в церквях перестали звучать песнопения, когда в 1095 году вдохновенный голос монаха, Петра Отшельника, призвал христианские народы к Священной войне. Этот голос, казалось, сошедший с небес, поднял весь мир на подвиги; молодых вдохновил поток воинственных и авантурных идей, которые сходились к одной единственной цели - освобождению святых мест.

Сложность управления духовными и мирскими делами монастыря или соборной церкви привела к назначению своего рода управляющего или светского администратора, называемого *авовеем*, которому платили из податей, получаемых им от вассалов общины. Как правило, он взимал с каждого домохозяйства по буханке хлеба, денере, мере овса, пшеницы или ячменя, если на земле росли зерновые; по мере вина, пива или сидра, если в доменах выращивали виноград, хмель или яблоки. Сведущий был арбитром во всех спорных делах и сам устанавливал вознаграждение, которое обе стороны должны были выплатить ему до и после вынесения решения. Он председательствовал на судебных дуэлях и испытаниях кипятком или огнем. Он имел право на одну голову скота на всех ярмарках, а также получал тягловую или седельную лошадь, в зависимости от того, в каком районе разводили ту или иную породу. Владетель собора или монастыря всегда занимал видное положение в обществе; бароны, герцоги и графы не гнушались принимать эти функции, которыми, надо сказать, они часто злоупотребляли, оставляя для собственного пользования суммы, полученные ими за монастырь. Всевозможные узурпации, которые совершали завещатели, были достаточно вопиющими во время споров об инвеституре, но они чрезвычайно возросли во время крестовых походов, из-за отсутствия стольких епископов, архидиаконов, аббатов и приоров, которые отправились в Палестину, нагрузив свои владения закладными и даже наложив деньги на священные сосуды своей церкви.

Крестовые походы, тем не менее, имели неоспоримое преимущество - они просеяли духовенство и вывели из монастырей большое количество клириков, которые были менее приспособлены к учебе и уединению, чем к тяготам поля боя. Монахи, оставшиеся в Европе и запертые в своих обителях, почти все действовали, повинаясь каким-то особым способностям, и образовали ту группу художников, архитекторов, живописцев, скульпторов и музыкантов, каллиграфов, савантов, переводчиков, философов, риториков и проповедников, которая пролила столько блеска на монастыри в течение двенадцатого и тринадцатого веков. Под их непосредственным влиянием, а также на их примере церковная архитектура достигла огромного прогресса, а чудесное богатство декора, сопровождавшее ее, внезапно вырвалось наружу в возведении тех святых капелл, которые кажутся святынями из чеканного камня, в которых хранятся реликвии, привезенные из крестовых походов (рис. 252). Именно под этим влиянием было восстановлено большинство великих аббатств (рис. 253), живопись на стекле достигла своего полного совершенства, римский язык достиг уединения монастыря, а прекрасная литература древних классиков, которая на протяжении веков была предана забвению в монастырских библиотеках, вновь увидела свет и всеми своими чарами противостояла нашествию вульгарного идиoma, который жители коммун повсеместно заменили латинским языком.

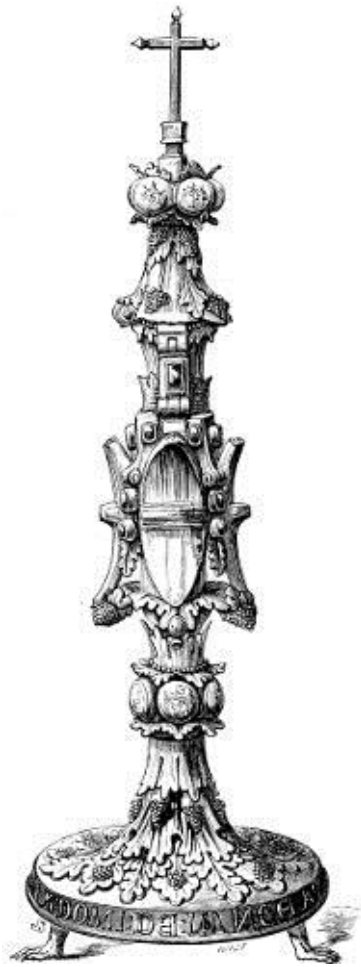

Рис. 252. - Реликварий Святого Терна, хранящийся в монастыре сестер Августин в Аррасе. Резная латунная работа XIII века.

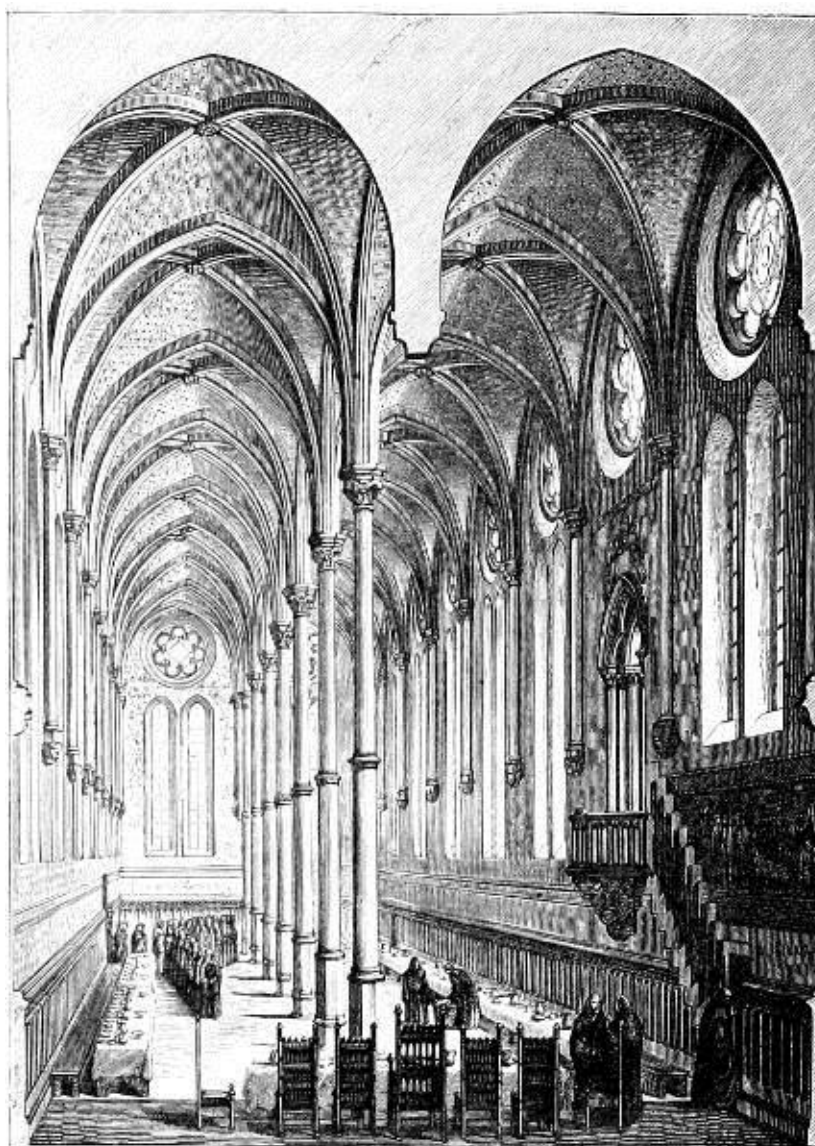

Рис. 253.- Трапезная в монастыре Сен-Мартен-де-Шамп, Париж (ныне часть Консерватории искусств и ремесел), работа Пьера де Монтеро, архитектора Святого Людовика (XIII век). Археологическая реставрация М. Альфреда Ленуара.

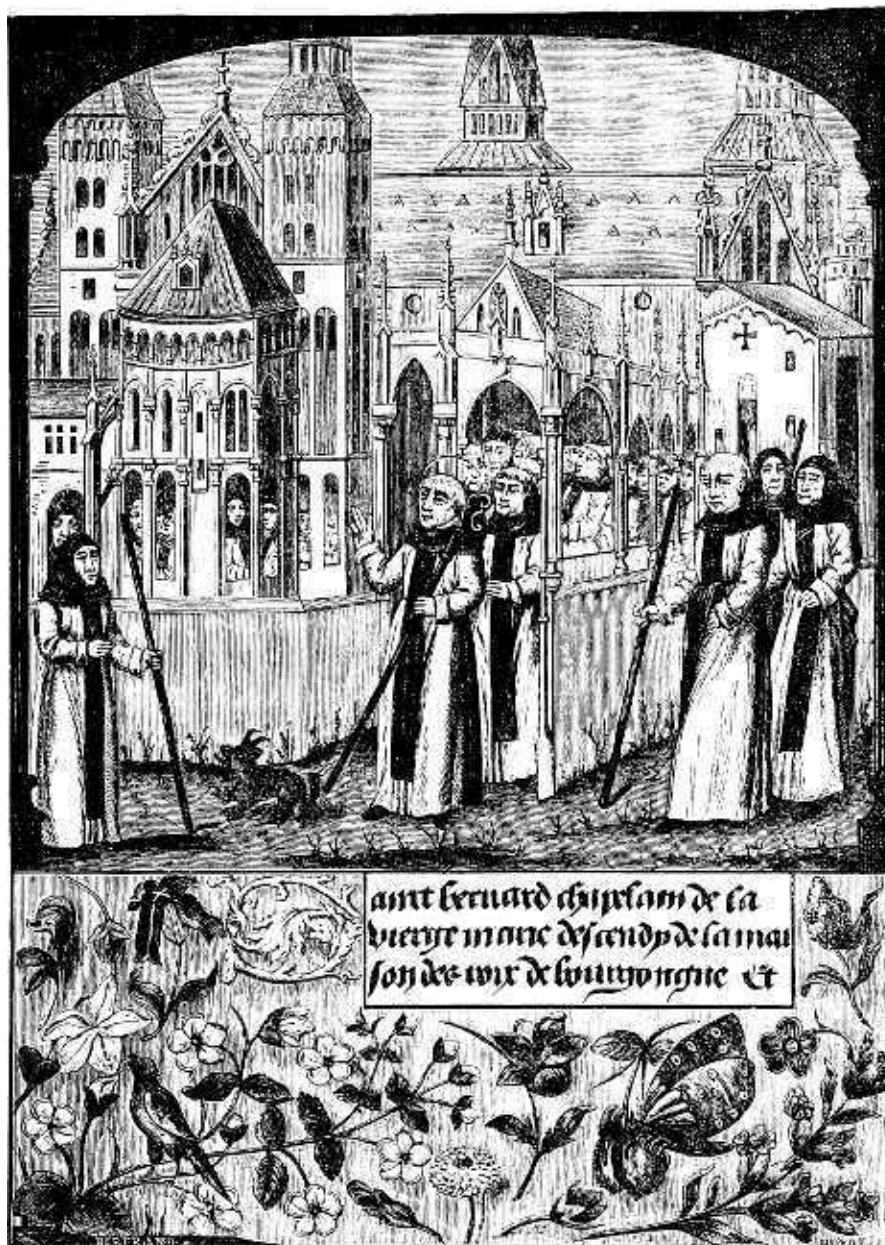

Рис. 254. Святой Бернар с монахами-цистерцианцами вступает во владение аббатством Клерво. У подножия гравюры надпись: "Святой Бернар, капеллан Девы Марии, происходил из дома королей Бургундии". Фактически, он был связан через свою мать, Алет (уменьшительное от Елизаветы), с первым домом герцогов Бургундских.- "Chroniques abrégées de Bourgogne", рукопись XV века, в библиотеке месье Амбруаза Фирмина-Дидо.

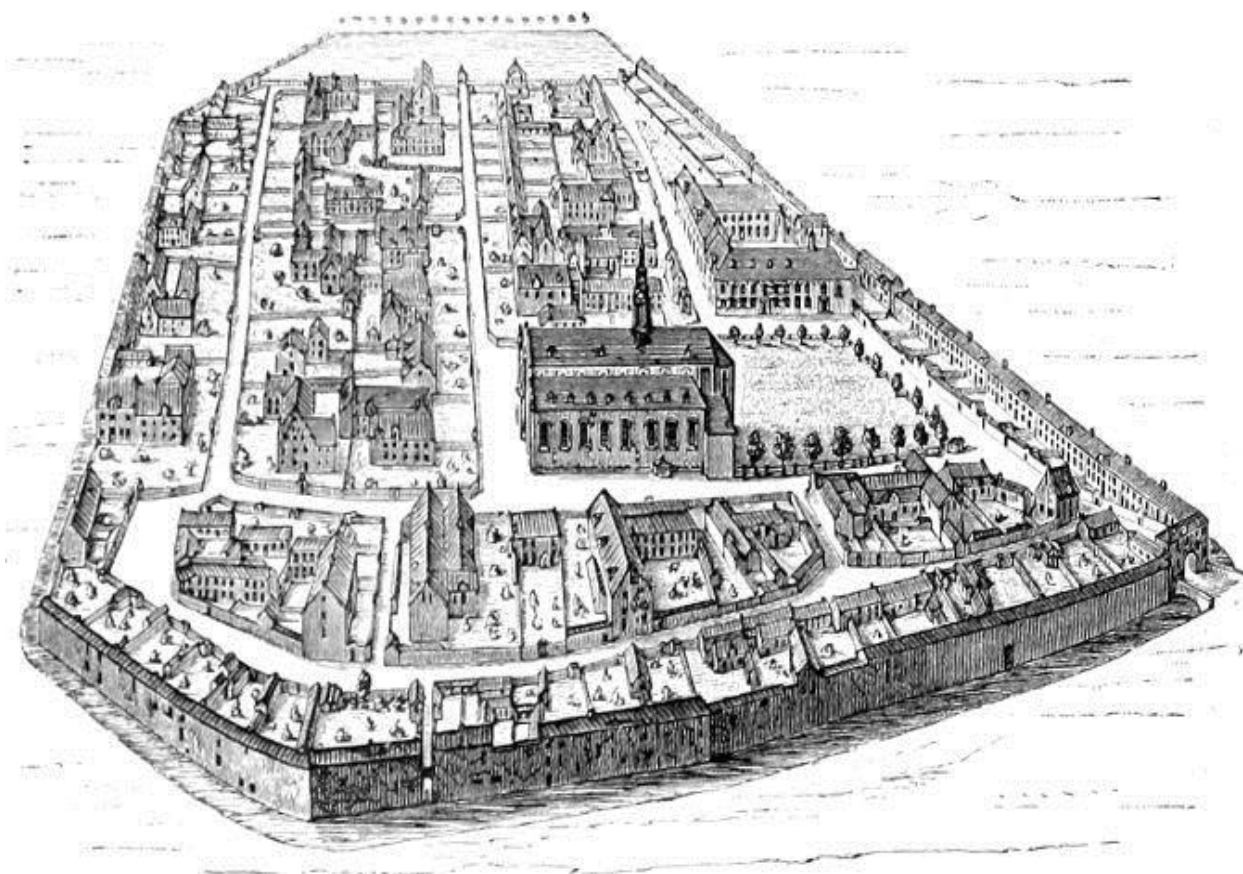

Рис. 255.- Большой монастырь бегинков в Генте, называемый монастырем Святой Елизаветы, основанный в XII веке и занимающий сейчас то же место, что и в 1234 году, когда графиня Джейн дала общине свод правил. Общий вид взят из "Церквей Гента" барона Кервина де Волкаерсбеке, воспроизводящей гравюру П. Ж. Гетгебуера.

Одновременно с основанием в Палестине ордена тамплиеров - гостеприимного и военного ордена, не имевшего связи с монашескими орденами и долгое время посвящавшего все свои силы защите святых мест молитвой и силой оружия, - Норберт, реформатор регулярных каноников ордена св. Августина, основал Премонстрантов в Пикардии; Стефан из Муре, созерцательный кенобит из Лиможа, основал в своей провинции орден Грандмонт; другой француз, Аймерик Малефай, патриарх Антиохийский, встревоженный ослаблением дисциплины в монастырях Малой Азии, внес некоторые полезные реформы в учреждение на горе Кармель; А Стивен Хардинг, третий аббат цистерцианцев, активный пропагандист правил, составленных Робертом де Молемом под названием "Шарт де Харите", доверил своему ученику, св. Бернарду судьбы новых общин, возникших из этой славной колыбели. В середине XII века на сцене появился один из ярчайших светочей Церкви, а именно святой Бернар, аббат Клерво (рис. 254), основанного им монастыря, который называли *третьей* дочерью цистерцианцев. Он был восхитительным оратором, ученым первого ранга, блестящим писателем и выдающимся государственным деятелем; ему были подвластны все интересы и тайны христианства и суверенного папства, и он никогда не использовал их в целях мирского честолюбия. Он посылал огромные армии крестоносцев на Восток, но оставался верен своему характеру монаха и апостола, посвящая все свои силы борьбе с восточными еретиками словесными аргументами, предотвращению расколов, умиротворению схоластических распрей, одним из участников которых был знаменитый Абельяр; помогал своими советами папам и монархам, а также от епархии к епархии, от собора к собору и от синода к синоду пылким и мощным красноречием, покориившим все его сердца. Смерть прославленного аббата Клерво в 1153 году стала страшным ударом для Церкви и невосполнимой потерей для монастырских

институтов; ведь некому было занять его место или продолжить его работу по реформации в монастырях ордена бенедиктинцев.

Рис. 256.- Бегин - с гравюры из "Истории происхождения бельгийских монахов" Халльмана.

Среди современных монахов, которые были основателями или реформаторами аббатств, мы должны упомянуть только датского архиепископа Эккеля, Феликса Валуа, Иоанна из Маты, англичанина Гилберта из Семпрингема, льежского священника Ламберта Бега или Лебега, которые создали монастыри бегинок (рис. 255 и 256), которых так много в Нидерландах, и которые были благочестивыми затворничествами, где бегинки жили вместе, не принимая обетов. Но выдающаяся репутация этих строгих личностей тонет в сравнительном ничтожестве перед трогательной легендой о Гелоизе, несчастной жене Абеляра, которая покинула монастырь Аржантей, близ Парижа, чтобы поселиться в "Параклете", доме, который она основала в Шампани, чтобы ожидать и принять там бранные останки своего любимого господина.

Рис. 257. Резная чашечка из слоновой кости с бусами и пояс настоятельницы (XVI в.). Коллекция М. Ахилла Жюбиналя.

Следуя ее примеру, многие женщины равных дарований искали в умственном труде и набожных упражнениях подпитку для своей нравственной активности; и, когда великий святой Доминик начал свое апостольство (1170-1221), он нашел их готовыми принять его учение. В соответствии с этим он создал, согласно правилу святого Августина, в унисон с братьями-проповедниками, впоследствии названными доминиканцами (рис. 258), конгрегацию сестер-проповедниц, известных под тем же названием, а именно - доминиканок.

Рис. 258. Самые известные члены Доминиканского ордена. 1. Хью де Сен-Шер, кардинал Сен-Сабин, самый ученый богослов своего времени, умерший 19 марта 1263 года. 2. Святой Антонин, архиепископ Флоренции, 1389-1459 гг. 3. Иоанн Доминик (блаженный), кардинал Рагузы, 1360-1419 гг. 4. Папа Иннокентий V., родился в Савойе, умер 22 июня 1276 года. 5. Святой Доминик, основатель ордена проповедников (1170-1221). 6. Папа Бенедикт XI, родился в Тревизо (1240-1304). - С фрески "Распятие" Фра Анджелико в монастыре Святого Марка во Флоренции (XV век). - С копии, принадлежащей М. Х. Делаборду.

Вульгарный язык был абсолютно запрещен в доминиканских домах, для разговоров использовалась только латынь. Однако основные европейские языки преподавались для целей проповеди: южные идиомы, знакомые святым Доминику и Раймонду, чье красноречие оказало столь глубокое влияние на Лангедок и Прованс, а также на часть Испании (1175-1275); и северные идиомы скляров и татар, которые проповедовал брат из Бреслау, св. Гиацинт (1183-1257) использовал с определенной целью в успешной миссии, которая закончилась основанием двух монастырей - в Кракове и в Киеве. В этих все еще варварских регионах святая Хедвига, жена польского герцога, умершая в 1243 году, основала в Требнице монастырь цистерцианского ордена, а примерно в тот же период кастильская королева создала монастырь в Вальядолиде (рис. 259). В эту эпоху также потерпело неудачу Сестричество Святой Клавдии, основанное в 1218 году Святой Клавдией по предложению Святого Франциска Ассизского, в своих попытках распространить орден за пределы Италии.

Рис. 259.- Мария де Молина, королева Кастилии (1284-1321), вручает монахиням-цистерцианкам хартию об основании их монастыря.- Барельеф из ее гробницы в Вальядолиде.- С гравюры в "Испанской иконографии" М. Кардереры.

Рис. 260.- Святой Фома на Соборе прелатов и докторов, состоявшемся в Ананьи в 1256 году под председательством папы Александра IV, защищает нападки на монашеские ордена со стороны Парижского университета и успешно опровергает утверждения Вильгельма Сент-Амурского. Святой, у которого видна только спина, находится на переднем плане, а справа от него - святой Бонавентура. Рядом с Папой сидят кардиналы Хью де Сен-Шер и Жан де Урсен, а рядом с ними - епископ Мессины, знаменитый Альберт Великий, главы орденов, депутаты короля Людовика IX и т.д. - С картины Беноццо Гоццоли (XIV в.), хранящейся в Лувре и называемой "Триумф святого Фомы Аквинского".

Бедное и послушное религиозное ополчение, организованное святым Франциском Ассизским под именем миноритов или францисканцев (1208 г.), в то время явило миру назидательный пример христианского смирения и самоотречения. Главной особенностью францисканцев был их полный отказ от всех мирских благ. Этот монашеский орден рос так быстро, что его святой основатель смог собрать вокруг себя в своем монастыре в Ассизи пять тысяч делегатов из религиозных домов, которые были построены за девять лет с момента основания ордена. Между светским духовенством и монашескими орденами периодически возникали досадные ссоры. Одной из самых печально известных стала ссора между Парижским университетом и монашескими орденами. Университет имел привычку приостанавливать свои лекции, когда у него возникали какие-либо разногласия с правительством. Доминиканцы и францисканцы отказались подчиниться этой практике, их священники были лишены профессорских кафедр, а все их монахи исключены из университета. Один из врачей, Вильгельм Сент-Амур, опубликовал яростную диатрибу против монашеских орденов. Ссора длилась долгое время, и папы Иннокентий IV и Александр IV поддержали монахов в нескольких буллах, изданных по этому поводу (рис. 260).

В конце концов университет согласился вновь открыть для них двери, но только при условии, что они всегда будут занимать низший ранг, а в публичных диспутах не будут отстаивать свои взгляды, пока не выскажутся остальные доктора. Можно представить себе, как мирились с этим ничтожным ограничением эти скромные монахи, если вспомнить, что среди тех, к кому доктора относились с таким презрением, были такие люди, как Роджер Бауэр, Дунс Скотус и святой Бонавентура среди францисканцев; Альберт Великий, Винсент из Бове и святой Фома Аквинский среди доминиканцев. Именно последний из них защитил орден меникантинов от нападков Вильгельма Сент-Амурского.

Ближе к концу XIII века и в течение двух третей XIV в монашеских орденах произошло множество реформ, особенно в орденах младших братьев (рис. 261), которые меняли свое название при каждой смене правил. Однако новые ордена получили лишь небольшую известность и просуществовали совсем недолго, за исключением ордена Милосердия, занимающегося выкупом пленников, - чрезвычайно благотворительного дела, учрежденного святым Ноласком, крестоносцем из Лангедока, умершим в 1256 году. Нельзя, однако, забывать и о святой Бриджит, вдохновленной скандинавке (1302-1372), которая во время путешествия в Иерусалим задумала основать орден Святого Спасителя, основанный ею в Швеции; и о Герхарде Грооте, прозванном Великим (1340-1384), основателе в Голландии Братьев общей жизни, которые посвятили свое время обучению бедных и главным занятием которых было переписывание книг Отцов и других церковных писателей.

Рис. 261. Святой Антоний Падуанский, францисканский монах, желая доказать еретику, просившему его совершить чудо, истинность Святого Таинства Алтаря, приказывает мулу поклониться Евхаристии. Мул, несмотря на голод, отказывается от овса, который просеивает его хозяин, и опускается на колени по приказу святого.- Миниатюра из "Heures" Анны Бретанской (рукопись XV века), Национальная библиотека, Париж.

Беспорядок, царивший в том веке, к сожалению, распространился и на церковь; священники, особенно монахи и каноники, постепенно отбросили дух святой медитации, привычки к молитве, уединению, и благочестивым делам. Молодых людей принимали в аббатства без прохождения периода послушничества; монахов не принуждали к постоянному проживанию, а многие члены капитула или конгрегации никогда или редко присутствовали на богослужениях. Ужесточение наказаний за нарушение дисциплины не смогло пресечь эти злоупотребления, и в некоторых церквях и общинах монахам, посещавшим службы, выдавались жетоны, каждый из которых, сданный в часовню, давал право на небольшую сумму денег. Отпуск также предоставлялся ежеквартально и раз в полгода, при условии, что оставшаяся часть года будет проведена в резиденции. Различные аббатства создавали совместные общины для молитв и добрых дел, которые тесно их связывали; в конце XIII века несколько епархиальных капитулов составили новые конституционные кодексы, которые должны были ежегодно читаться и приниматься для руководства; но внешние проблемы постоянно отражались на внутреннем спокойствии

религиозных домов. Злоупотребления, вкравшиеся во многие из них, связанные с распределением имущества, принадлежащего монахам в каждом монастыре, также вносили новые элементы раздора; ведь миряне часто сохраняли право на владение этими частями и тем самым уменьшали ресурсы общины, которая, тем не менее, продолжала давать приют нуждающимся, кормить голодных и раздавать милостыню.

В то время как Баттиста Спаньюоло из Мантуи, генерал ордена кармелитов и один из самых знаменитых латинских поэтов XV века, тщетно пытался исправить своих недисциплинированных монахов, святой Бернардин Сиеннский (1380-1446), более удачливый, если не более одаренный, подал практический пример, вступив в орден святого Франциска, с намерением провести необходимые реформы. Он основал триста домов Братьев Строгого Соблюдения, которые были крайне необходимы в тот период, когда Европу опустошали три бедствия - чума, голод и меч. Примерно в ту же эпоху святой Колетте из Корби удалось с помощью ангельской сладости исправить злоупотребления, которые проникли в монастырь Святой Клэр и многие другие женские общины, недавно образованные по францисканским правилам; святой Франциск из Романьи основал орден Коллатинов (1425), а святая Жанна де Валуа, дочь Людовика XI. (1464-1505), основала общину Сестричества Благовещения в Бурже, куда ее муж, герцог Орлеанский, изгнал ее, прежде чем расторгнуть брак. Эта добродетельная принцесса руководствовалась советами калабрийца, святого Франциска Пола, знаменитого основателя ордена минимистов (1416-1507), который, когда был вызван во Францию Людовиком XI и проживал в Турени под оком этого самого подозрительного и недоверчивого монарха, настолько завоевал его доверие, что побудил короля готовиться к смерти как христианин.

Варнавиты и другие религиозные институты большей или меньшей значимости, целью которых было обращение еретиков путем проповеди, относятся к концу XV века, и возникновение многих из них было обусловлено духом морали и филантропии, который тогда был в моде. Так, первый дом кающихся, основанный в Париже в 1496 году серым монахом по имени Тиссеран, впоследствии прославился своим благотворным примером среди распущенных нравов шестнадцатого века.

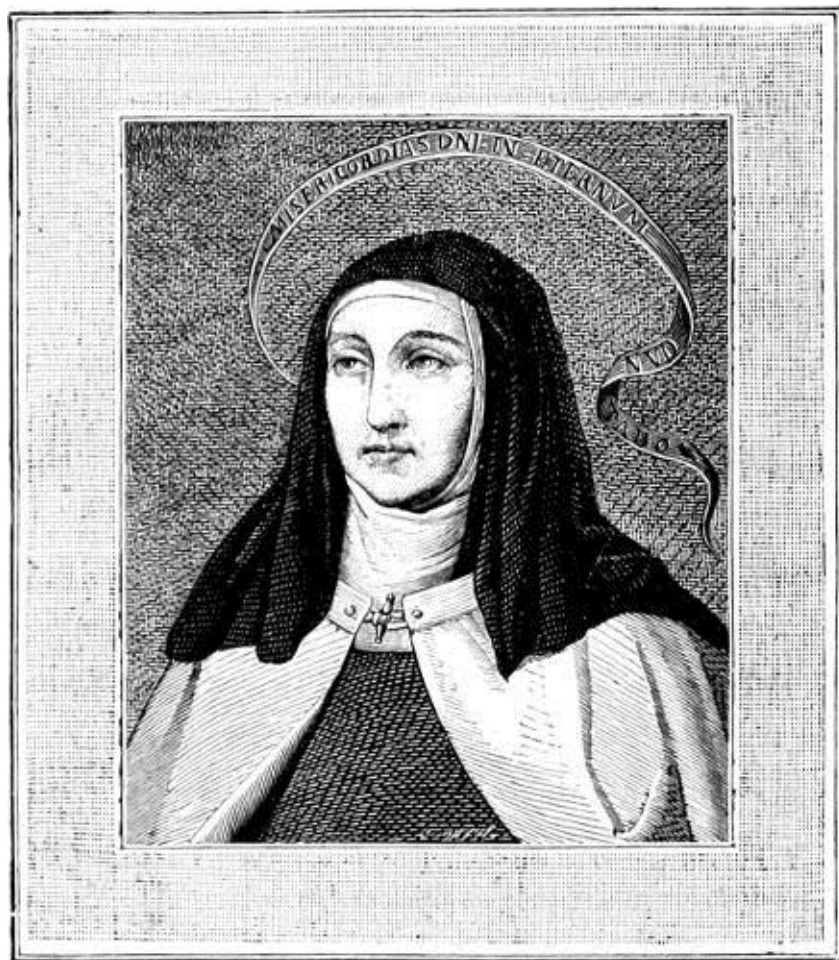

Рис. 262.- Святая Тереза, реформатор кармелитов, умершая в 1582 г. С портрета этого периода, выгравированного в "Испанской иконографии" М. Кардерера.

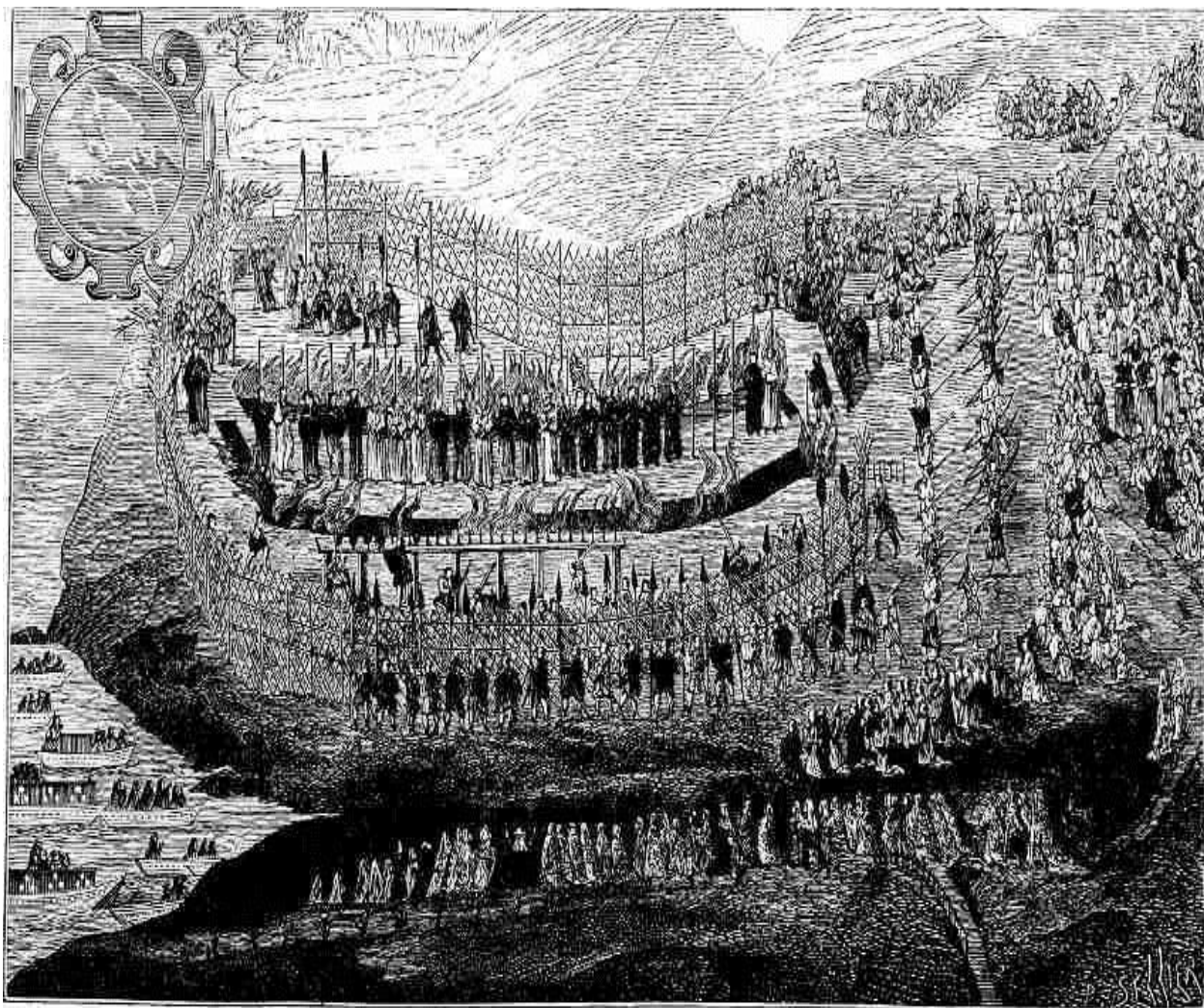

Рис. 263.- Великомученичество в Нангасаки (10 сентября 1622 г.), во время которого двадцать два миссионера и местные христиане были сожжены до смерти, а тридцать других, включая несколько женщин и детей, обезглавлены в присутствии огромной толпы.- С японского акварельного рисунка того периода, хранящегося в монастыре Гезу в Риме.- Папа Пий IX отметил это событие беатификацией двухсот пяти мучеников, которая была постановлена в Риме 7 июля 1867 года.

Великое литературное событие, хотя и косвенно связанное с историей монашеских орденов, тем не менее позволяет нам составить точное суждение об интеллектуальном характере религиозных домов в последние тридцать пять лет пятнадцатого века и первые годы шестнадцатого: мы имеем в виду изобретение книгопечатания. Каковы бы ни были причины, побудившие эти дома содействовать распространению книгопечатания, деятельность каждой общины проявляется в достижениях огромной лаборатории, которую типографское искусство основало вместо нескольких келий и кабинетов, где человеческая рука без усталости переписывала манускрипт за манускриптом.

В безвестном монастыре в Субиако, недалеко от Рима, два печатника из Майенса, Свейнхейм и Паннарц, гости монахов, опубликовали первое издание Лактанция, а затем еще несколько ценных работ церковных авторов (1465-1467); в монастыре святого Евсевия, в стенах Рима, Георг Лавер из Вюрцбурга напечатал множество публикаций, около 1470 года. Несколько клерков, воспитанных в епископских школах Меца, Льежа, Майенса и Тосканы - Адам Рот, Пауль Лиенен, Ульрик Целль и Якоб Кароли - лично руководили типографиями в Риме, Кельне и Флоренции, которые были достойными соперниками тех, что создавались во всех направлениях обычными торговцами. Колард Мансион, клерк из общины в Брюгге,

которому было поручено копирование рукописей (1414-1473), задумал заменить утомительный процесс работы пером и гравировальным карандашом на быстроту подвижных шрифтов и винтовых печатных станков. Братья общей жизни, его коллеги, поселившиеся в Рингау, близ Майенса, в Валь-Сен-Мари, в Нюрнберге, в Кельне и в Росток, подражали примеру Коларда Мансона и из простых каллиграфов превратились в мастеров-печатников (1474-1479). Два доктора богословия из Сорбонны, Вильгельм Фише и Жан де ла Пьер, также побудили трех искусных немецких мастеров, Ульрика Геринга, Мартина Кранца и Михаэля Фрибургера, приехать в Париж, где они предоставили им место для установки прессов и основали мастерскую (1470). Так зародилось книгопечатание в Париже. Два года спустя Уильям Кэкстон получил разрешение печатать в Англии, под крышей Вестминстерского аббатства; а в Швейцарии у каноника из Мюнстера (в Арговии) Гелиаса Элье (1472, 1473) работало несколько небольших печатных станков. Вскоре после этого доминиканцы, картузианцы и кармелиты основали большие типографии в Пизе, Парме, Генуе и Меце (1476-1482 гг.); францисканцы, называемые "*конферансье*" (*Frères Conférenciers*), имевшие поселение близ Года в Голландии, также открыли типографию; И, наконец, такие знаменитые ордена, как Ключи и Кито, ответвления бенедиктинцев, послали рабочих в свои дома в Бургундии, в Клерво, в Шампани, и в Монтсеррат в Каталонии, чтобы напечатать главные литургические книги, которые назывались книгами общей молитвы.

Члены Ордена Иисуса, основанного в Париже испанским дворянином святым Игнатием Лойолой по возвращении из паломничества в Святую землю (1534), с этого периода посвятили себя работе по возрождению общества - делу, которое, если рассматривать его на разных этапах, казалось, могло быть осуществлено только с помощью религиозной реформы. В то время как святой Франциск Ксаверий, друг и сподвижник святого Игнатия, использовал влияние Ордена Иисуса для обращения идолопоклоннических народов в Индийском океане (илл. 263), иезуиты, ученые и высокоинтеллектуальные люди, в короткое время овладели всем миром, образовав одну огромную армию, которая как один человек отвечала на приказы Святого престола, и представителей которой можно было встретить повсюду - на профессорских кафедрах, в школах, в государственных делах, и особенно в различных областях литературы, науки и искусства. Таким образом, шестнадцатый век, в течение которого Лютер и Кальвин предприняли такой натиск на католическую церковь и монашеские ордена, породил новый религиозный орден, который, хотя и был самым недавним, оказался самым могущественным и непобедимым из всех. Лютер, носивший капот в монастыре августинцев в Эрфурте, и Кальвин, бывший каноником в капитуле Нуайона, призывали гугенотов избавиться от монастырей; но их число, казалось, только увеличивалось всякий раз, когда один из них разрушался святотатственными руками еретиков.

Рис. 264.- Печать монастыря Святого Людовика в Пуасси, принадлежащего ордену братьев-проповедников правила Святого Доминика. Святой Людовик с нимбом вокруг головы прикрывает складками своего плаща людей, умоляющих его о защите.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ.

Христианская благотворительность в первые века существования Церкви.- Восточные императрицы.- Святые римские дамы.- Олимпиада, Мелания, Марцелла и Паула.- Благотворительность при дворе франков.- Святые Маргарита Шотландская и Матильда Английская.- Хедвига Польская.- Происхождение домов Лазаря.-Лазаристы во Франции и в Англии.-Прогресс и трудности ордена Святого Лазаря.-Основания Святого Людовика.-Орден милосердия, основанный Святым Ноласком.-Святая Екатерина Сиенская и Святой Франциск.-Бернардин Обрегон.-Жан де Дье.-Филипп де Нери.- Антуан Иван.

К моменту пришествия Христа греко-римская цивилизация достигла последних стадий разложения, и рабство подавляющего большинства людей не смогло удовлетворить жажду господства, которая пожирала небольшую часть привилегированных лидеров античного общества. Варварские народы, в свою очередь, не признавали никакой другой власти, кроме грубой силы, и никаких других удовольствий, кроме кровавых оргий. Чтобы изменить это состояние общества, которое трудилось только ради денег и чувственных наслаждений, Христос произнес эти трогательные и возвышенные слова: "Блаженны нищие духом; блаженны чистые сердцем" (*Beati pauperes spiritu: beati mundo corde*). Дикому духу варвара, обожествлявшего грубую силу, Христос противопоставил благоговение перед всем слабым и немощным, облекшись во всевозможные немощи: "Придите, благословенные Отца Моего; Я нищ был, болен был, в темнице был, и вы утешили Меня; так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне".

В этих мощных словах содержался зародыш современной цивилизации; везде, куда доходит Евангелие, чувство нежности и уважения к бедным и слабым должно идти рука об руку с духом целомудрия, самоотречения и преданности. Два слова, неизвестные старому миру, подытоживают эту трансформацию - смирение и милосердие. Богатые, высокородные и даже отпрыски королевских семей, с того момента, как они уверовали в Божественное Слово, ухаживают за больными в больницах, и доказательство истинной веры в Мессию всегда такое же, как то, которое Он дал в подтверждение Своей Божественной миссии ученикам Иоанна: "Нищим проповедуется Евангелие".

Рис. 265.- Гостеприимство. Иисус Христос, изображенный в виде паломника, принимается двумя братьями-проповедниками из ордена Святого Доминика. Фреска Фра Анджелико в монастыре Святого Марка во Флоренции (XV век).

С первых дней христианства мы видим, как великий апостол язычников рекомендует подавать милостыню и стимулирует щедрость верующих. "Если собранная сумма, - говорит он, - оправдает себя, я приду сам и отнесу ее нашим братьям". Апостолы назначили дьяконов для раздачи милостыни. Одним из тех, кто с величайшей честью отнесся к этому назначению, был святой Лаврентий, благородный мученик. Он видел, как его епископа, его духовного отца, вели на казнь, и ему поручили заботу об имуществе его церкви (рис. 266). Префект претория сказал ему: "Я знаю, что у тебя есть золотые и серебряные сосуды для жертвоприношений; позволь мне взять эти сокровища, которые князь требует для содержания своего войска". Святой дьякон ответил: "Я знаю, что наша церковь богата; я позволю тебе взять все самое ценное, но ты должен дать мне три дня, чтобы привести все в порядок". Воспользовавшись этой задержкой, он собрал бедняков, которых содержал, и разделил между ними серебро и золото. Префект пришел в назначенный день, и святой Лаврентий, указывая на толпу притонов и нищих, сказал со святой гордостью, которую впоследствии оправдал своей мученической смертью: "Вот сокровища, которые я тебе обещал; настоящее золото - это божественный свет, который освещает этих бедных людей, учеников и братьев Иисуса Христа".

Рис. 266. - Папа Сикст II в 258 году вручает святому Лаврентию сокровища Церкви для распределения среди бедных. Фреска, написанная Фра Анджелико, в капелле Николая V в Ватикане (XV век).

Таким образом, христианская благотворительность началась во времена апостолов и продолжала расти даже в условиях гонений; но она не достигла своего полного размаха, пока обращение императора Константина не принесло Церкви мир и свободу.

Елена, жена Констанция Хлора и мать Константина (247-328), может считаться наиболее ярким открытием эры христианского милосердия в Средние века. Простая и скромная, добрая к страждущим и нуждающимся, она с материнской заботой опекала и утешала бедняков; ее состояние было посвящено исключительно их помощи. Когда в глубокой старости эта благочестивая дама отправилась посетить Святые места в Палестине, она сделала самые щедрые пожертвования больным солдатам, которых императорское правительство оставило без помощи, а также местам, где жители были бедны, и религиозным домам и церквям, чьей миссией было "помогать страдающим членам Иисуса Христа" (рис. 265), согласно образному выражению, которое новая вера использовала для характеристики человеческих страданий. Она вспоминала изгнанников, выкупала

пленников, освобождала из шахт несчастных людей, осужденных на подземный труд, и добивалась для них средств к жизни при свете дня, заставляя их благословлять ее имя и имя ее Бога. Ее дочь Констанция также посвятила себя делам милосердия; ее сопровождала группа девиц, которых она вдохновляла своим примером, и это была, по сути, первая школа сестер милосердия.

Несмотря на религиозные споры этого века, христианская благотворительность не прекратилась; она получила новый импульс во время правления Феодосия, благодаря Плацилле, его жене, и Пульхерии, его дочери, обе они были канонизированы после смерти. Плацилла и Пульхерия были ангелами-хранителями императорского дворца, причем Плацилла была особенно полна сострадания ко всем, кто находился в беде. Она без сопровождения ходила к беднякам в их лачуги, целые дни проводила с больными в лазаретах при канонических церквях и монастырях, никогда не уклоняясь ни от какой благотворительной службы, какой бы отвратительной она ни была. Пульхерия, достойная соперница своей матери, была объединена с ней во всех этих добрых делах их красноречивым панегиристом, святым Григорием Нисским. Однако ее превзошла другая Пульхерия, внучка великого Феодосия, которую называли *августой* и которая уже по смерти своего отца императора Аркадия, хотя в то время ей было всего шестнадцать лет, была образцом благочестия и мудрости; она установила вокруг себя такие суровые правила жизни и такой полный аскетизм, что ее дворец стал называться "монастырем" (*asceterium vulgo diceretur*). В течение сорока лет она царствовала как святая и великая императрица, и этот период стал для Церкви золотым веком.

Рис. 267 - Святые братья Косма и Дамиан (конец III века), посещают больного и оказывают ему помощь. Рисунок на дереве работы Франческо Пезелли в Лувре (XV век).

Многие другие героини христианского милосердия, происходившие из знаменитой семьи, в то время сосланной в леса Понта, также отличались теми же добродетелями; например, Эммелия, мать святого Василия, Макрина, его тетя, и Макрина, его сестра, которые были истинными слугами бедных, предпринимая долгие путешествия, чтобы обнаружить неизвестные страдания, с целью их облегчения. Антуза, мать святого Иоанна Златоуста, терпела большие лишения, чтобы раздать как можно больше, а Олимпиада, вдова константинопольского префекта и наследница огромного состояния, раздавала свои деньги с беззастенчивой свободой. Император, желая выдать Олимпиаду замуж за члена своей семьи, лишил ее права распоряжаться своим имуществом, но затем вернул его ей, зная, как благородно она им распорядится. Олимпиада посещала больных, сирот, вдов и стариков, раздавала милостыню пленным и изгнанникам, выкупала пленников, ибо ее либеральность не знала границ; кроме того, в делах благотворительности ей помогали церковные девы (*vierges ecclésiastiques*), посвятившие себя служению Богу. Никогда еще апостольская миссия женщины не была столь эффективной, а благотворительность не имела более ревностных служительниц.

Удивительное влияние, которое Олимпиада и ее спутницы оказали на христианский мир к концу IV века, было обусловлено их пламенной благотворительностью, которая распространялась из Константинополя по всей империи и вызывала сочувственный отклик в Риме, Милане, Лионе, Треве, Реймсе и т. д. Так Мелания, старшая дочь консула Марцеллина, Проба, Фалькония, святая Юлиана, святая Димитриада, святая Павла, мать святого Амвросия, и ее дочь святая Марцеллина, римские дамы самого высокого ранга, были наделены героизмом римского характера, очищенного христианской религией. Святой Амвросий, давший нам столь трогательный рассказ об их добрых делах, называет их "августейшими невестами Иисуса Христа". Они жили со своими семьями, но почти все время проводили в мастерских, где вместе трудились на благо бедных, оставляя свои занятия только для того, чтобы петь гимны, читать псалмы, посещать церковь для слушания слова Божьего, разделяя друг с другом обязанности по обучению народа, раздаче милостыни бедным и оказанию помощи слабым. Так был подготовлен путь для первых благотворительных учреждений, которые появились по велению Мелании Младшей, Фабиолы, святой Паулины и святого Паммаха, благодаря помощи множества римских дам, чья жизнь служила примером всех христианских добродетелей.

В то время как святая Мелания Младшая вызывала энтузиазм католического мира своей пламенной благотворительностью, святая Марцелла, самая прославленная из одаренных дочерей святого Иеронима, была гордостью и предметом восхищения римской аристократии. Одаренная в высшей степени как рождением, так и богатством, изяществом и красотой, в то время, когда эти редкие дарования стали источником опасности из-за захвата Вечного города Аларихом (410), она удалилась в скромное жилище на Авентинском холме вместе с Принципией, юной девой, рекомендованной ей святым Иеронимом. Здесь ей пришлось терпеть всевозможные издевательства, и это жестокое испытание не ослабило ее рвения. После этого она открыла новый центр благотворительности, основав неподалеку от Рима монастырь Облегченных дев (*Vierges Secourables*), который был взят за образец для многих подобных учреждений по всей Италии.

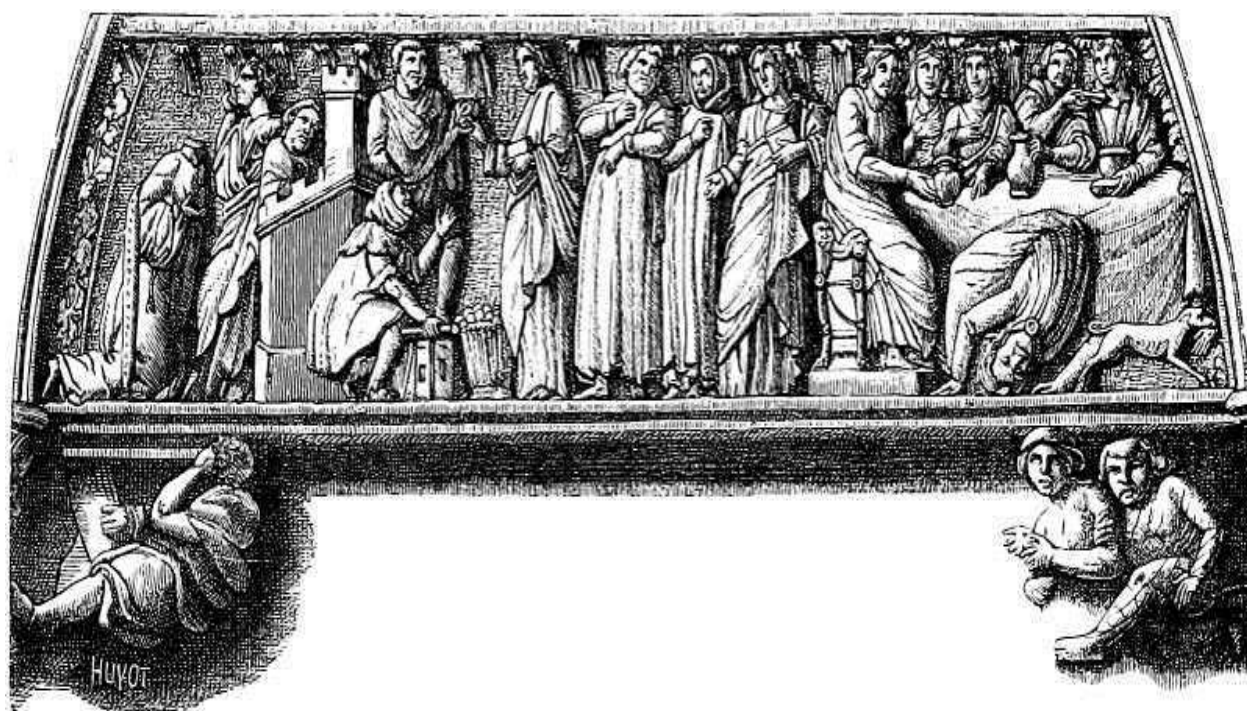

Рис. 268.- Роберт I, герцог Бургундии, убив своего тестя, строит церковь Семура в качестве искупления преступления, а на здании изображает отцеубийцу. Тимпан в портике церкви Семура (XI век).

Ее подруга святая Паула, римлянка по происхождению, потомок Сципионов, чьи дочери были святыми, чей театр действий находился на Востоке, чья гробница была в Вифлееме, а панегиристом был святой Иероним, пошла по ее стопам. Оставшись вдовой в тридцать лет, она произвела радикальные перемены в своем доме и имуществе, отпустила на свободу всех своих рабов и посвятила себя добрым делам; затем, окутав себя несравненной скромностью и порвав все свои социальные связи, она эмигрировала в Палестину, где творила чудеса милосердия. Задолго до своей смерти, в 404 году, она раздала все свое земное богатство бедным. Сама она стала настолько нуждающейся, что пришлось занимать деньги на ее похороны, а ее любимая дочь, закрывшая глаза, не унаследовала ничего, кроме ее веры и милосердия.

Чудеса благотворительности, творимые христианскими дамами на протяжении двух столетий, в пятом подражали многим епископам, которые в свою очередь стали миссионерами и раздатчиками милостыни. Святой Паулин, прославленный епископ Ноло, умерший в 431 году в возрасте восьмидесяти лет, после того как в течение сорока лет кормил, одевал и утешал бедняков своей епархии, после того как освободил из тюрьмы несостоятельных должников, выкупил пленных и позволил продать себя в рабство варварам, чтобы спасти из их рук сына несчастной вдовы, является самым совершенным образцом прелатов этой замечательной эпохи. Среди многих других его выдающихся заслуг перед литературой следует назвать "Рассуждение о милостыне", которое является красноречивым изложением его учения. Святой Паулин своим учением и примером сформировал выдающуюся школу учеников, среди которых был Сульпиций Север (363-420), который, в сотрудничестве с некоторыми благочестивыми дамами из римской аристократии, похоже, желал открыть новую эру вещей в царствование Григория Великого.

Выкуп пленников был самым насущным делом милосердия в шестом веке, поскольку войны и нашествия варваров привели к рабству целых народов; поэтому Церковь посвятила все свои ресурсы и усилия этому делу искупления, а папа Григорий не считал никакие

жертвы слишком большими для его осуществления. Кроме того, ему оказывали мощную поддержку искренние усилия женщин, которые считали себя скромными подручными Иисуса Христа. Императрица Константина, ее невестка Феодисса, святая Сопатра и святая Дамиенна, все они были императорскими принцессами, посылали ему огромные суммы из Константинополя; императрица Леонтия, Теоделинда, королева лангобардов, и ее сын Теодоальд действовали аналогичным образом. По мере того как христианство распространялось на запад, яркий свет благотворительности излучался в том же направлении. Святая Адельберга, жена первого христианского короля Англии, и ее дочь Берта, жена Этельберта, короля Кента, после своего обращения в веру ревностно относились к делу благотворительности.

Этот импульс, приданный христианскому духу, не ослабевал: Святая Клотильда, королева франков, которая руководствовалась советами архиепископа Реймского, выдающегося врача Святого Ремигия; Святая Альбофледа, сестра Хлодвиг; Св. Радегонда Тюрингская, жена короля Клотера, основавшая госпиталь в Атисе и монастырь в Пуатье; святая Батильда, знатного происхождения, которая, унизившись до рабского состояния, разделила трон Нейстрии как жена Хлодвиг II, были героинями милосердия. Батильда, в ходе долгого и мудрого управления делами (645-680), была добрым ангелом несчастных. Аббат Сен-Жен был ее альмонером, а ее тайными советниками были святой Элой, святой Оуэн, святой Легер - почтенные прелаты, чье деятельное и благочестивое сотрудничество находилось в полной гармонии с побуждениями ее собственного сердца. Она основала аббатства и, что было еще полезнее, увеличила число госпиталей, которые строились во всех направлениях. Королевское аббатство Шелле, расположенное недалеко от Парижа, основанное королевой Клотильдой и перестроенное Батильдой, и другой монастырь, построенный ею по тому же плану, были учреждениями религиозного образования, литературного обучения и благотворения.

Рис. 269 - Дела милосердия - уменьшенное факсимиле рисунка XV века, приписываемого Савонароле, в Национальной коллекции рисунков. Художник показывает, как в каждом из отдельно стоящих домиков совершаются дела милосердия, а девизы напоминают о текстах, в которых Христос намекает, что на Страшном суде на чаше весов окажутся дела милосердия. В № 1 за больными ухаживают в постели или подбирают их на улице; в № 2 одевают людей; в № 3 изображены путники, которым дают пить; в № 4 голодные получают хлеб; в № 5 паломников укрывают; в № 6 мертвое тело готовят к погребению; в № 7 посещают заключенных. Последняя сцена представляет собой святилище, в котором совершается божественная жертва - истинный источник христианского милосердия, а кающийся получает отпущение грехов, потому что он занимался благотворительностью. На переднем плане богатые люди бросают свои деньги в кучу, а бедные получают свою долю. Монах, чей бюст виден слева, - это, возможно, Бернардин де Фельтри, проповедующий в поддержку этого благого дела.

В восьмом и девятом веках на дорогах, ведущих из Франции в Италию, из Франции в Испанию, а также из Испании в цивилизованную Германию, было построено множество гостеприимных домов. Короли династии Карловингов, начиная с Карла Великого и заканчивая Карлом Лысым, стремясь облегчить международную торговлю на всей территории своей империи, приказали создать ряд свободных домов, в которых путешественники могли останавливаться и в которых они могли рассчитывать не только на безопасность, но и на любую помощь, которая им могла понадобиться. Создание лазаретных домов или лазаретов, происхождение которых датируется пятым веком, было, по-видимому,

не столько делом благотворительности, сколько санитарной мерой предосторожности против проказы, страшного и неизлечимого недуга, который обычно рассматривался как кара небесная. Эти лазаретные дома увеличивались на Западе по мере того, как связи Европы с Востоком становились все более общими. Именно к этому периоду относится и основание многих *Hôtels-Dieu*, религиозных приютов, большинство из которых были построены в непосредственной близости от паперти соборных церквей, заняв место древних канонических лазаретов. Таким был и парижский Hôtel-Dieu, происхождение которого теряется в неясности средневековья.

После периода уныния и эгоизма, который следует отнести на счет несчастий, постигших народы и разрушивших Церковь, христианская благотворительность, хотя и постоянная и упорная в каждой епархии, но слишком часто неэффективная, стала отличительной чертой нескольких современных государей. Эдуард Старший, сын Альфреда Великого (900-925), названный в римском breviarii "отцом бедных и сирот", должен быть упомянут первым из них, поскольку различные благотворительные учреждения, которые он создал, никогда не были бременем для его подданных, все расходы шли из его личных доходов.

Канут I, вождь датчан, обращенный в христианство французской принцессой, на которой он был женат, сделал столько же добра в конце своего правления, сколько зла причинил в его начале своими гонениями на христиан (1016-1036). Олаус или Олаф Шведский и Олаус Норвежский, короли скандинавов, основатели двух христианских монархий на Севере, смешивали дела милосердия с догматическими принципами и делали религию Христа популярной, способствуя благосостоянию своих подданных. Но двумя самыми благородными образцами христианской церкви в Северной Европе в XI веке были королева Маргарита, жена Малькольма, короля Шотландии (1070-1095), и святая Матильда, их дочь, жена Генриха I Английского.

Маргарита, мать бедных, утешительница страждущих, рассматривая своих подданных как большую семью, вверенную ей провидением, постоянно терпела лишения, чтобы иметь больше средств для раздачи милостыни; она облегчала страждущих, прежде чем они успевали попросить о помощи; дознавалась о скрытых бедах; разыскивала несостоятельных должников, чтобы освободить их от обязательств; выкупала военнопленных и постоянно посещала больницы, которые она одаривала или основывала. Прежде чем сесть за стол, она омывала ноги и перевязывала раны больным беднякам, а девять сирот и двадцать четыре вдовы или престарелых всегда были причастны к ее трапезе. Во время Адвента и Великого поста за ее столом собиралось до трехсот человек.

Ее дочь Матильда, которая также была канонизирована, пережила ее более чем на двадцать шесть лет (1118). Она основала две больницы в Лондоне и с большим удовольствием посещала их и ухаживала за их обитателями своими руками.

Рис. 270. Святая Елизавета Венгерская, собираясь оказать помощь бедным, вдруг видит, что складки ее плаща покрыты розами в полном цвету - с картины Фра Анджелико в Академии изящных искусств в Перудже (XV век).

До нее была еще одна святая Матильда, которая рано получила наставления в делах милосердия, сначала от своей августейшей матери, а затем от своей бабушки, настоятельницы монастыря в Эрфурте, где она провела несколько лет: она была женщиной истинного благочестия. Она вышла замуж за императора Генриха, прозванного Фаулером, и из-за войн, в которых постоянно участвовал ее муж, регентство часто поручалось ей. Когда она отказалась от этих высоких функций, которые были для нее очень обременительны, она снова стала влиятельным советником императора, советником справедливости, министром милосердия и другом несчастных. Оставшись вдовой, она удалилась, когда ее сын сменил отца на троне, в свой любимый монастырь Нортхаузен, обширный благотворительный фонд, в котором три тысячи девиц, принадлежащих к первым семьям Германии, провели свою жизнь в святынях размышлений и облегчении человеческих страданий. Трое ее детей, император Отто I, архиепископ Бруно, апостол Германии, и королева Герберга, жена Людовика д'Отремера, короля Франции, отразили добродетели своей матери; но память о святой Матильде Немецкой еще ярче пробудилась в лице ее внучки святой Аделаиды и ее правнучки Эммы, жены короля Лотаря.

При императоре Генрихе II, прозванном Благочестивым, и императрице Кунегунде благотворительные учреждения, больницы, дома милосердия и приюты значительно увеличились, а когда после смерти Генриха II на престол вступил Конрад, императрица-

регентша удалилась в монастырь Каффунг, основанный ею в епархии Падерборна, и посвятила себя служению бедным и больным, находившимся под особой опекой этого учреждения.

Дамбрука, дочь деспотичного Болеслава, герцога Богемии, и жена герцога Польши, чью черствость сердца ей удалось смягчить, впоследствии мать Болеслава Великого, вместе с принцессой Аделаидой Польской, матерью святого Стефана I, известнейшего из венгерских королей, прославились своей благотворительностью и самоотверженностью и вместе со святыми Маргаритой Шотландской, Матильдой Английской, Матильдой Немецкой и Аделаидой Немецкой подготовили путь для святой Елизаветы Венгерской (1207-1231), которая так точно отразила ангельский нрав своей тети Хедвиги, святой покровительницы королевства Польского. Казалось бы, все они следовали одной и той же программе благодеяний. Святая Хедвига, дочь герцога Каринтии, которая в браке с Болеславом Скромным стала герцогиней Польши и Силезии, создала новый вид благотворительных учреждений, рассчитанный на наилучшие результаты. Она основала в Требнице монастырь карфуцианского ордена, воспитанницей которого стала ее дочь Гертруда, с целью посвятить его образованию, замужеству и приданому девушек, оставшихся без средств к существованию. Она обогатила его очень крупными пожертвованиями, и тысяча нуждающихся питалась там каждый день, не считая обильной милостыни и помощи натурой, которую община раздавала за своими стенами.

В эту эпоху начало свое существование аббатство Лонгшам, расположенное недалеко от Парижа, скромным и трогательным названием "Смирение нашей дамы". Изабелла, единственная сестра Людовика IX, которую святой монарх сделал служительницей своей щедрости и доброты к страждущим, была основательницей этого заведения. Монахини из Лонгшама воспитывали и содержали бедных девочек, а остальную часть своих доходов раздавали на милостыню. Их правила, образец здравого смысла, мудрости и милосердия, одобренные святым Бонавентурой, были скопированы несколькими подобными заведениями. Изабелла, посвятившая себя служению Богу, приняв постриг, не только наставляла, заботилась и кормила бедняков, но и работала для них своими руками. Она основала в аббатстве своего рода мастерскую, в которой дамы высшего ранга, распевая гимны и читая молитвы, пряли шерсть и шили одежду для бедных.

Крестовые походы, а также дополнительные требования к общественной благотворительности и эпидемии болезней, которые они принесли, сделали более активное развитие дел милосердия совершенно необходимым. Дела милосердия, по сути, являются наиболее яркой характеристикой правлений Людовика VII, Филиппа Августа и Людовика IX. (1179-1270 гг.); наиболее заметны они в последнем, в котором святой король подал всем своим современникам пример христианского самоотречения. Мы располагаем сборником законов и постановлений, составленных этим великим монархом, под названием *Etablissements de Saint Louis*, который представляет собой административный кодекс, демонстрирующий удивительную проницательность, твердость и предусмотрительность. Его святая мать, Бланш Кастильская, к советам которой он, возможно, прислушивался слишком мало, похоже, приняла самое активное участие в составлении этого восхитительного кодекса, который, кажется, дышит истинным духом Евангелия. В многочисленных и важных благотворительных фондах Святого Людовика, таких как Кинзе-винты, Дом-Дье, расширенный и одаренный в Париже, Почтовые дома в главных городах королевства, мы видим коллективную работу этого великого короля и его матери, которые бросили свою любовь к человечеству на чашу весов политики (рис. 271).

Ангел милосердия расправил свои крылья над Западом и Востоком, и каков бы ни был конечный результат стольких далеких войн, которые от этого были еще более опасными, они

не могли не привести к бесконечному росту благотворительных учреждений. Самым важным, с точки зрения пользы, было расширение гостеприимного ордена святого Лазаря.

Рис. 271. Святой Людовик, подающий трапезу беднякам - миниатюра из "Маленьких записок" Анны Бретанской, принадлежавших Екатерине Медичи (начало XVI века), в библиотеке месье Амбруаза Фирмина-Дидо.

У лазаристов было два госпиталя в Иерусалиме, когда Годфруа де Буйон вошел в святой город с крестоносцами (1099). Впоследствии Людовик VIII, побудив этих монахов отправить часть своих братьев во Францию, поселил их под Парижем, в крайнем конце Фобур-Сен-Дени, в лазарете, изначально основанном королевой Аделаидой, женой Людовика ле Гроса. Эти монахи также получили богатый домен в Буаньи, недалеко от Орлеана (1154), который впоследствии стал штаб-квартирой их ордена. Людовик VII, увидевший на Востоке женские общины, занимающиеся лечением прокаженных, и пожелавший создать подобные во Франции, основал дом в Ла-Соссе, близ Вильжюифа, где монахини ухаживали за

прокаженными женщинами, а в качестве дохода он назначил им десятину с вина, ввозимого в Париж, которое по праву принадлежало королю и королеве. Это заведение быстро разбогатело: Филипп Август завещал ей после своей смерти все свои золотые и серебряные печати с условием, что за него и членов его семьи будут произноситься молитвы; другие государи давали ей привилегию требовать после смерти короля или принца дома Франции его белье, его мулов, государственных лошадей и всех других лошадей, используемых на его похоронах, а также всю траурную сбрую и драпировку. Эти привилегии были настолько признаны, а права монахинь настолько поняты, что полтора века спустя, после смерти короля Иоанна в Англии, восемьсот фунтов (800 парижских ливров) были выплачены этому монастырю в качестве компенсации за лошадей, которые из-за смерти несостоятельного монарха в плену не были завещаны. Карл VI заплатил монастырю 2 500 ливров, чтобы выкупить лошадей, принадлежавших его отцу, Карлу V.

Людовик VII также основал лазарет в Этампе, в старинной больнице для неимущих прокаженных, и монахи этого дома, имея право называть себя *мэтрами* и *братьями*, были уполномочены проводить соборы и подписывать свои собственные капитулярии. Основатель наделил их ценным имуществом, правом мелкого и обычного правосудия, правом на пошлину, рынок и т. д. Несколько подобных учреждений было создано в разных частях Франции, поскольку общественное здравоохранение требовало, чтобы больным проказой предоставлялись убежища, где они не могли бы вступать в контакт ни с кем. Генрих II, король Англии и герцог Нормандии (1133-1189), основал один дом в Руане для прокаженных и монахов, отвечающих за них, а другой - в лесу Руврай, недалеко от Руана, для прокаженных женщин, с условием, что их сиделками должны быть дамы знатного происхождения. Генрих II, основав несколько лазаретов в Англии, сделал для своего королевства то же, что Людовик VII сделал для Франции, но в гораздо меньших масштабах. Оба они были поддержаны аристократией своих стран, поскольку прогрессирующее развитие болезни, которую наука считала неизлечимой, начинало вызывать большую тревогу.

Рис. 272 - Знамя фламандского лазарета с гербом семьи Грутхёйс, датируемое 1502 г. С живописного занавеса, хранящегося в коллекции гравюр в Национальной библиотеке. Изображение относится к жизни святого Лазаря. В центре изображены Богородица и святой Лазарь, последний со следами язв, которые лизали собаки. В верхнем медальоне слева изображен богач, прогоняющий Лазаря от своих дверей. Напротив, Лазарь стоит у дверей богача, а собака лижет его язвы. Внизу богач лежит на смертном одре, а злой дух ждет, когда он заберет его душу. На противоположной стороне Лазарь лежит мертвый на голой земле, а голубь уносит его душу на небо. Дарители знамени стоят на коленях перед Богородицей и святым Лазарем. Хлопушка (которая использовалась для оповещения о приближении прокаженных) изображена на кайме восемь раз.

Ричард Кер-де-Лион, король Англии, также поддерживал орден Святого Лазаря, который он видел во время крестовых походов. Лазаристы, мужчины и женщины, поселившиеся в Иерусалиме, Акре, Иерихоне и Вифании, вызывали восхищение даже у Саладина, который разрешил им остаться в первом из названных городов через год после его взятия. К ним благосклонно относился и император Фридрих II, который в своих ожесточенных спорах с Римом имел случай заметить их мирный и примирительный дух. Его современник и друг Андрей II, король Венгрии и отец святой Елизаветы, вместе со своей дочерью и зятем, Людовиком VI, ландграфом Тюрингским, увеличить количество лазаретов по всей Германии.

Больница святой Марии Магдалины в Готе, основанная святой Елизаветой и богато одаренная ее семьей, находилась в ведении лазаристов, которые "принимали путников и нуждающихся странников". Отряды того же ордена оказывали помощь в Саксонии, Польше, на берегах Эльбы, Дуная и Мэна. Где бы ни обосновывались братья, они признавали власть великого магистра, проживавшего в Буаньи, во Франции, и суверенитет короля Франции. Все они следовали правилам святого Августина и жили в соответствии с уставом, который предписывал им с благочестивым усердием посещать больных, ухаживать, кормить и одевать страдающих неизлечимыми болезнями, а также милосердно принимать паломников, нищих, пустынников и тех, кто не в состоянии заработать себе на пропитание. Орден, хотя порой и был воинственным в Святой земле, в Европе никогда не был ничем иным, как орденом гостеприимцев.

Во второй половине XIII века различные папские буллы, решения соборов и официальные приговоры ясно свидетельствуют об исключительно гостеприимном характере лазаристов; эти добрые братья, не ограничиваясь заботой о прокаженных, число которых уменьшалось с каждым днем, оказывали помощь при всех видах немощи и болезней, а также помогали всем несчастным и страждущим.

Падение рыцарей-тамплиеров, которые были соперниками рыцарей Святого Лазаря как в отношении состояния, так и влияния, оказалось выгодным для последних. Чем больше суровости проявлялось по отношению к тамплиерам, тем большую защиту получали лазаристы, рыцари святого Иоанна и все ордена, обозначенные в папских буллах как *hospitarii milites*, то есть воины или рыцари гостеприимства и милосердия.

Во времена Людовика Святого рыцарь из Лангедока по имени Нолак, тронутый жалостью к судьбе несчастных пленников, мужчин, женщин и детей, которые ежедневно попадали в руки барбарийских корсаров и продавались, как скот, на восточных невольничьих рынках, задумал учредить филантропический орден "Милосердия", или "Выкупа". Он умер в 1236 году, после того как имел удовольствие наблюдать за тем, как это благотворительное начинание достигло большого прогресса. Братья милосердия проповедовали и собирали оружие для выкупа пленников; затем они пересекали моря с продуктами своих призывов, чтобы выкупить их, а если сумма оказывалась недостаточной, то отдавали себя в рабство в обмен на несчастных пленников. Только христианская религия была способна вдохновить на такие чувства самоотверженности.

Рис. 273. Семь христианских добродетелей с их символами - из миниатюры в "Этике Аристотеля" (рукопись XIV века), библиотека Руана.

Слева изображены теологические добродетели: *Вера*, одетая как монахиня, держит в руках церковь, Новый Завет и восковую лампаду; *Надежда*, одетая как крестьянка, имеет на голове корабль, под ногами клетку, в руках улей и лопату; *Милосердие* - молодая женщина, стоящая на горячей печи, с пеликаном на голове, волосы распущены по плечам; в руках у нее кровоточащее сердце и монограмма Христа, окруженная огненным пламенем. Далее следуют кардинальные добродетели: *Воздержание*, балансирующее на парусах ветряной мельницы, с уздечкой во рту, часами на лбу и телескопом в руке; *Справедливость*, стоящая на месте правосудия, с весами у пояса и балансирующая мечами; *Благоразумие* в одеянии монахини, обвешанное символами, а именно. Гроб, зеркало, решето и щит веры; наконец, *Сила*, сидящая на винтовом прессе и с наковальней на голове, в одной руке держит донжон, а другой душит дракона].

Проказа, однако, все еще преобладала, к тому же осложненная странными и неизвестными эпидемиями, которые сеяли повсюду ужас и опустошали города Запада . Именно тогда Провидение воздвигло несколько святых женщин и святых исповедниц,

которые, несмотря на болезни и смерть, продолжали свою благотворительную миссию, таких как святая Екатерина Сиеннская (1347-1380); святой Бернардин Сиеннский, родившийся в тот же год, когда умерла Екатерина (1380-1446); святая Франциска, римская матрона; святая Юлиана Флорентийская и многие другие, которые учили людей, что Бог посылает им испытания только для того, чтобы сделать их более достойными Его. Святая Екатерина с юности была членом ордена святого Доминика; она раздавала среди бедняков наследство, которое оставил ей отец, и посвятила себя обучению и проповеди во имя спасения душ. Когда она взяла на себя дальнейшую задачу ухода за больными, то выбирала самые болезненные случаи, те, в которых язвы были настолько заразны и так страшны, что никто не смел к ним приблизиться. Во время великой чумы во Флоренции (1374) ее героизм был возвышенным; божественное вдохновение компенсировало недостаток медицинских навыков, и она вылечила огромное количество больных чумой; она спасла, возможно, даже больше тех, кто был ожесточен в грехе, - двойное чудо природы и благодати.

Рис. 274 - Сирота из венецианских больниц XVI века. Из работы Чезаре Вечеллио: октаво, 1590 г.

Несмотря на ужасные превратности, которым подвергались Европа и Азия в течение двух столетий, орден Святого Лазаря никогда не терял, ни на Западе, ни на Востоке, своего по сути *гостеприимного* характера. Он сохранил его, несмотря на препятствия, чинимые ему соперничеством с рыцарями Святого Иоанна Иерусалимского и явным предпочтением, отдаваемым им римским двором - предпочтением, которое объяснялось тем, что папы, не терявшие надежды вернуть Святую землю, были раздосадованы тем, что лазаристы

полностью отказались от своих военных функций, чтобы посвятить себя исключительно бедным, немощным, больным и паломникам. Однако именно их чисто благотворительная миссия обеспечила им безопасность, защиту и привилегии, которые предоставлялись им повсеместно.

Рис. 275.- Большой госпиталь в Милане, основанный в 1456 году герцогом Франциском Сфорца и его женой.

Главные власти Боиньи, оставшиеся нетронутыми на фоне разорения ордена тамплиеров, действовали крайне осмотрительно; соборы проводились очень тихо, но всегда в определенные сроки, а характер их решений, выбор лиц для руководства филиальными учреждениями, общее управление имуществом бедняков были таковы, что не давали повода для враждебной критики и недоброжелательства. Более того, это было единственное гостеприимное учреждение, которое находилось в надлежащем и постоянном рабочем состоянии. Дух, одушевлявший короля Людовика и королеву Бланш, передался многим лордам и дамам их двора, которые, будучи добровольцами или помощниками лазаристов, посвятили себя служению прокаженным и больным. Такими были Эльзеар де Сабран, граф Арианский, и его жена. Они не только усердно посещали лазареты и выполняли работу, столь же рутинную, сколь и отвратительную, но и собирали милостыню вместе с братьями-лазаристами и помогали им в выполнении самых мучительных обязанностей.

Рис. 276. Рыцари ордена Святого Духа из чистых побуждений: "Ytem doyvent jeuner chascun jeudi de l'an si veullent ou ont le pover, et se n'ont le pover ou la volonte doyvent donner à mengier à trois poures en lonor du Pere, du Fils et du Saint-Esprit ou leur donner tant qu'il puissent avoir leur sustenance pour le jour" (старофранцузский).-Из Устава ордена Святого Духа из чистых побуждений, или Союза, учрежденного в Неаполе в 1352 году Людовиком Анжуйским, первым с этим именем, королем Иерусалима, Неаполя и Сицилии. Рукопись XIV века, хранится в Лувре (Музей суверенов), сейчас в Национальной библиотеке в Париже.

Святой Каetan Доминиканец, прославившийся в XV веке своей полемикой с Лютером, своими духовными учреждениями и энергией, проявленной в преподавании и благотворительности, посеял зародыши благотворительных конгрегаций, которые под разными названиями впоследствии составили великолепный комплекс религиозных и гостеприимных учреждений. В Неаполе он основал огромную больницу для неизлечимых больных, Гору Милосердия для бедняков из лучших слоев общества, приюты для сирот и дома-убежища для кающихся женщин. Но и это было еще не все: чтобы подавить ростовщичество, которое разорило столько семей и не позволило несчастным должникам вернуть свои долги, он задумал основать ломбардные заведения, а одна дама, графиня ди Порто, выделила ему сумму в четыре миллиона фунтов (итальянских) на создание первого дома, который ссужал деньги под законный процент (1469-1534).

Маргарита Йоркская, третья жена Карла Смелого, герцога Бургундского, одна из самых милосердных принцесс своего времени, умершая в Мехлине в 1503 г. Она изображена на коленях между четырьмя докторами церкви - Святым Григорием, Святым Августином, Святым Иеронимом и Святым Амвросием. На заднем плане - церковь Святой Гудулы в Брюсселе. Миниатюра из "Трактата о мизерикорде", переведенного с латыни на французский Николасом Фине, каноником Камбрэ и помощником Маргариты. (Рукопись XV века, хранится в Бургундской библиотеке, Брюссель).

Печальное зрелище человеческих страданий вызвало сочувствие Жана де Дье, португальского дворянина, который последовательно сражался с французами, турками и венграми; после развратной жизни в качестве солдата он посвятил себя лечению раненых и уходу за больными (1540). Раны, нанесенные огнестрельным оружием, требовали гораздо более тщательного лечения, чем раны, нанесенные стальным оружием, поскольку они сопровождались нагноением заразного характера и другими опасными последствиями; кроме того, они влекли за собой ужасные операции, что делало увеличение числа хирургов вопросом абсолютной необходимости. Жан де Дье решил восполнить этот недостаток и стал инициатором создания корпуса санитаров и сиделок для больных. Но основанное им учреждение было должным образом организовано и приведено в рабочее состояние только после его смерти (1550), в разгар итальянских войн и великой борьбы Франции и Испании.

Рис. 278 - Святой Винсент де Поль - уменьшенное факсимиле рисунка Эдельмета (XVII век).

Обрегон и Жан де Дье были современниками Филиппа де Нери, основателя ордена Оратория, ученого флорентийца, одушевленного духом благотворительности в той же степени, что и любовью к религиозному учению. Благотворительные учреждения святого Филиппа, возможно, были лишь разумным применением в более широком масштабе схем нравственной реформы, столь мудро задуманных святой Екатериной Сиеннской, святым Франциском Римским и святой Юлианой. Примерно в тот же период француз, менее знаменитый, чем Филипп де Нери, но память о котором бережно хранят его соотечественники в Провансе, Антуан Иван, вдохновленный примером сомасков, крестоносцев и схолийцев (штатных клерков, в чьи обязанности входила забота о сиротах, больных и бедных), начал свою деятельность, больных и бедных), попытался собрать в одном учреждении, под названием "Орден религиозных клерков милосердия", персонал, которому было поручено облегчать страдания этих трех классов (1576-1653). И, наконец, во Франции появился великий благодетель страждущего человечества, святой Винсент де Поль, который, приняв сан в 1600 году, начал свое апостольство как раз на исходе Средневековья и эпохи Возрождения, завещав современным поколениям восхитительную практику христианской благотворительности, организованную, регулируемую и распространяемую с удивительной предусмотрительностью среди всех слоев общества католического мира.

ПИЛИГРИМЫ.

Первые паломничества в Иерусалим и Рим.- Поклонение мученикам.- Больницы для паломников.- Изображения Девы Марии.- Реликвии, привезенные с Востока крестоносцами.- Знаменитые паломничества первых дней.-Римские базилики.-Святой Николай де Бари.-Нотр-Дам де Терсац.-Святой Жак де Компостелла.-Нотр-Дам дю Пюи, де Лиссе, де Шартр, де Рокамадур.-Паломничества во Франции, Германии, Польше, России и Швейцарии.

Первым христианским паломничеством было паломничество к гробу Христа, когда апостолы, ученики, Мать скорби (*mater dolorosa*), несколько святых женщин, а вскоре, без сомнения, и многие жители Иерусалима нанесли свои благочестивые визиты к гробнице, которую воскресение лишило своей добычи. Впоследствии, когда Евангелие стало известно в странах, близких к Иудее, святой Павел подал пример паломничества к святым местам - примеру, которому последовали миллионы верующих в последующие века.

Рис. 279. Святой Денис несет свою голову к месту погребения: согласно старой легенде, его поддерживают два ангела, а за ними следует христианка, святая Катулла, которая собирается облачить его в саван. В сцене выше тело мученика готовят к погребению - по миниатюре из "Жизни монсенье Сен-Дени", рукопись XIV века (Национальная библиотека, Париж).

В третьем веке, но еще больше в четвертом, христиане всех наций посещали места, упомянутые в Евангелии как сцены некоторых эпизодов из жизни Иисуса Христа, от хлева в Вифлееме до Голгофской Голгофы. Среди этого сонма паломников история донесла до нас имена святого Илария, святого Василия Великого и его брата святого Григория Нисского,

который написал рассуждение о посетителях Иерусалима; св. Иероним также с Писанием в руках совершил торжественное паломничество, сопровождаемый такими учеными богословами, как епископ Газы, Порфирий и Руфин Аквилейский, а также несколькими святыми женщинами, Меланией, Паулой, Фабиолой, Евстохией, которые были не менее эрудированы, чем врачи.

Доказательства этих ранних паломничеств мы находим в надписях, выведенных острием стилуса или просто углем на штукатурке стен катакомб в Риме. На кладбище святого Каликста есть много надписей, которые отражают благочестивые мысли, трогательные молитвы и некоторые интересные события. В крипте старой церкви на Монмартре, где, как есть основания полагать, произошло мученичество святого Дени (рис. 279) и его спутников, было найдено множество подобных надписей, что, по-видимому, свидетельствует о том, что и там, как в Риме, паломники оставили следы своих посещений.

Катакомбы в Риме полны изображений святых, написанных фресками на фоне стекла или мозаики из цветных камней; и многие из них, некоторые датируются вторым и даже первым веком Церкви, похоже, отмечают станции, на которых первобытные паломники останавливались, преклоняли колени или молились.

Память о любом действии, которое вызвало восхищение или произвело яркое впечатление, надолго остается неизгладимой в сердце народа, и именно этому факту следует приписать происхождение и длительность ряда паломничеств, которые относятся к ранним векам христианства. Памятные знаки этих паломничеств оставались неизвестными потомкам, пока не стали использовать освященные штандарты (*signa*), изображения и амулеты, на которых обычно изображался вензель Христа или знак искупления. Крест никогда не имел той формы, которую он приобрел в четвертом веке, скорее это был крест, называемый *commissa* или *patibulata* в форме греческой буквы тау (Т), которая, как говорит нам традиция, в точности соответствовала форме креста, на котором Господь наш принял смерть. Именно такой крест можно увидеть на амулетах и реликвариях третьего века; его вышивали на одежде и гравировали на гробницах. Таким образом, крест стал символом паломничества, как впоследствии он стал эмблемой крестовых походов.

Рис. 280. Святая Варвара, дева из Никомидии, принявшая мученическую смерть в третьем веке. Нарисовано пером и карандашом Иоанном Ван Эйком, прозванным Иоанном из Брюгге, в честь строительства церкви, посвященной ей. В музее в Антверпене (XV век).

Поклонение мощам, каково бы ни было его происхождение, было естественным дополнением к поклонению гробницам, в которых покоились исповедники Христовы, и земле, на которой они приняли мученическую смерть; Таким образом, малейший фрагмент тела святого, самый незначительный кусок одежды или самый незначительный предмет (*tantillæ reliquiæ*), принадлежавший блаженному мученику, и особенно все, что представляло собой материальное напоминание о славной смерти, которую христианин обрел, исповедуя Евангелие, тщательно сохранялось как реликвия. Таким образом, периоды гонений были наиболее благоприятны для умножения этих реликвий. Чуть ли не до окончания страданий мученика толпа верующих вторгалась в амфитеатры и арены, уносила и прятала бранные останки жертвы, собирала его драгоценную кровь в губки и чуть ли не дралась за сам песок, на котором она была пролита; а когда новоявленного святого укладывали в какое-нибудь надежное место упокоения, они наперебой кропили тело благовониями, заворачивали его в белый виссон, а то и в пурпур и золото. После этого его торжественное погребение состоялось в некоем святилище (*loculum*) Катакомб, которое

впоследствии посещали многочисленные и благочестивые паломники, пришедшие отдать дань его памяти.

Один из самых ранних примеров такого поклонения мученикам представлен нам в житии святого Игнатия, который принял мученическую смерть в Риме в царствование Траяна. В нем мы видим, как, несмотря на вооруженную охрану и толпы язычников, заполнившие амфитеатр, где происходила казнь, некоторые отважные христиане, рискуя собственной жизнью, забрали останки прелата, чтобы перенести их в его собственную церковь в Антиохии. В письме о мученической кончине святого Поликарпа, которое цитирует Евсевий, говорится, что верующие унесли его кости, которые в их глазах были дороже золота и драгоценных камней, и спрятали их в подходящем месте (*ubi decebat*).

Единодушное свидетельство святого Августина, святого Амвросия, святого Льва, святого Киприана, святого Златоуста, святого Григория Назианзского и всех самых известных отцов Греческой, Африканской, Восточной, Римской и Галльской церквей доказывает, что поклонение мученикам, местам их рождения (*natalia*), местам их захоронения и их мощам было установлено в христианском мире до конца IV века (рис. 280). Различные литургии, сакраментарии, миссалы и ритуалы подтверждают это свидетельство. Более того, первобытная Церковь в какой-то мере соединила поклонение мощам с жертвоприношением Евхаристии, совершая его над гробницами мучеников. Этот древний обычай был возведен в литургический закон при понтификате святого Феликса (269), как утверждает святой Афанасий в своем жизнеописании этого святого. Когда гонения прекратились, над склепами, в которых покоились тела святых мучеников, были возведены базилики *sub dio*, или под открытым небом.

Огромная сумма в пятьсот золотых су, что составляет семь фунтов золота, - цена за тело неизвестного мученика в третьем веке - не дает представления о баснословных суммах, которые тратились в тот период, чтобы завладеть телами святых. Люди надеялись, используя выражение, заимствованное из Деяний святых Фирмуса и Рустика, что таким образом они закладывают сокровища для будущей жизни; это объясняет, почему Луитпранд, король лангобардов, купил мощи святого Августина на вес золота.

Поток паломников в Рим, Иерусалим и другие места был настолько велик к концу четвертого века, и еще больше в пятом, что стало необходимо регулировать это проявление преданности некоторыми строгими правилами дисциплины. Многие церковные писатели, осуждая злоупотребления, к которым они привели, не могли указать на эффективные средства защиты; трудно отделить пшеницу от плевел, отличить ложных паломников от истинных и предотвратить бродяг, всегда готовых ограбить любого богатого путника, с которым они могут столкнуться, от принятия одеяния благочестия и религии.

Рис. 281 - "Граф Ренье несет тело Святой Вероники в церковь Святого Водру в Монсе" - по миниатюре из "Chroniques de Hainaut" (рукопись XV века), Бургундская библиотека, Брюссель.

Каждая церковь, каждое аббатство и часовня стали в этот период местом убежища, всегда открытым для паломников, которые могли быть уверены, что их гостеприимно примут в любое время, поскольку их кошелёк был обычно невелик, и они жили на милостыню, хотя бы для того, чтобы совершать покаяние. Благотворительность посвящала себя тому, чтобы приютить и накормить их во время путешествия, откуда они часто возвращались больными и слабыми, более бедными, чем в начале пути, но всегда богатыми индульгенциями, утешениями и реликвиями.

Рим с древнейших времен обладал неисчерпаемым запасом реликвий в катакомбах, которые служили для использования всем христианским миром. В одном из канонических постановлений пятого Карфагенского собора, было постановлено, что ни одна церковь не должна быть освящена до тех пор, пока под алтарем не будут помещены некоторые хорошо проверенные мощи. Впоследствии требовалось, чтобы мощи были видны у каждого входа в церковь, на диптихах, прикрепленных к стенам капелл, в сакрариях, в некоторых частных ораториях и даже на обложках книг мессы.

Этот постоянный перенос реликвий из одной страны в другую породил множество впечатляющих и трогательных церемоний. Святой Златоуст в одной из своих гомилий рассказывает обо всех подробностях переноса мощей святого Игнатия, принявшего мученическую смерть в Риме, в его епископскую резиденцию в Антиохии, при огромном скоплении верующих.

С седьмого века перенесение мощей стало происходить все чаще и чаще, соответственно увеличилось и количество паломничеств. Иногда мощи принадлежали неизвестным святым. Когда папа Бонифаций IV. (606) собирался посвятить Пресвятой Деве и всем мученикам или исповедникам Пантеон Агриппы, превратив его в церковь, которая должна была называться Санкта Мария Ротонда, он распорядился перевезти туда тридцать две колесницы с костями, взятыми из катакомб. Папа Паскаль I (817 г.) также поместил огромное количество костей святых в церковь Святого Праксея в Риме, прежде чем освятить ее. Имена этих святых не были известны, но подлинность их останков и их претензии на почитание были проверены перед церемонией комиссией, назначенной для этой цели.

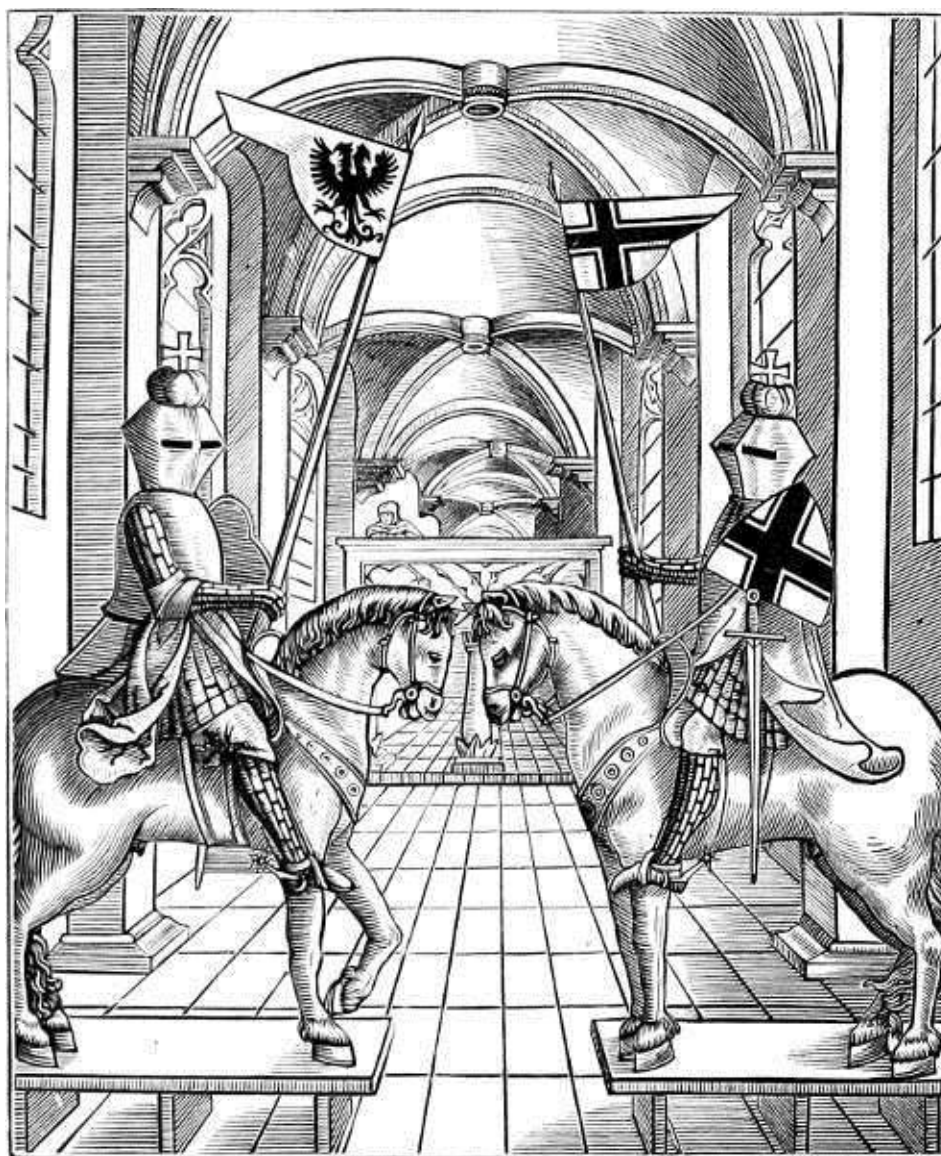

Рис. 282. Генрих I, император Германии, и один из его генералов Готье фон дер Хойе - бронзовые статуи, отлитые в 948 году по приказу императора и установленные в церкви Богородицы в Мауркирхене (Австрия) в память о его победе над гуннами. Эти статуи, уничтоженные пожаром, были заново отлиты из гипса и установлены на том же месте, где они были видны до 27 июня 1865 года, когда церковь сгорела дотла.- По гравюре на дереве из работы под названием "Thurnier-Buch", в готическом фолианте: напечатано в Симмере в 1530 году.

В течение трех столетий, с девятого по одиннадцатое, во всех летописях католического мира встречаются обнаружение и захоронение тел святых, их торжественное перенесение (рис. 281), основание монастырей, ораторий и церквей в их честь, учреждение юбилейных праздников и выделение ряда частных богослужений, связанных не только с реликвиями, но и со святыми образами. Предполагается, что именно в эту эпоху в Европу были завезены те древние изображения, в скульптуре и живописи, Святой Матери Христа, которые почитались в средние века так же, как и в наши дни; среди них были черные девы, которые, несомненно, были абиссинского происхождения; тауни или желтоватые девы, из какой-то страны Африки; и коричневые и византийские девы, сурового и жесткого типа, лишенные выражения лица. Эти изображения, все очень грубо выполненные - хотя последние, кажется, скопированы с картины, приписываемой Святому Луке (рис. 283), - часто своеобразные по своему выражению и характеру, но большинство из них несомненной древности, были распространены в Италии, Испании, на Средиземноморских островах и во многих южных провинциях Франции. Гораздо реже они встречались на западе Европы, в Бельгии, Германии и Ирландии, где, однако, к ним относились с не меньшим почтением, чем, например, к собору Люксембургской Богородицы, который был окрашен в рыжий цвет. На севере, в Венгрии, Польше и России, но особенно в России (рис. 284 и 285), были только темные и византийские изображения Богородицы.

Рис. 283 - Богородица Святого Луки (так называемая) - изображение, написанное на дереве, помещенное в церковь Санта Мария Маджоре, ныне Сан Паоло-фуор-гли-мури, в Риме, в четвертом или пятом веке.

Рис. 284.- Греческая *Панагия*, или образ Святой Девы с портретом Иисуса Христа на груди. Из "Древностей России" Севастьянова (XIII век).

Поклонение реликвиям, как и чудотворным образам, несомненно, иногда перерастало в суеверие, но невозможно отрицать ту пользу, которую оно оказало христианству в эти века варварства. Люди, не имея ничего, что могло бы их сдерживать или направлять, находились в состоянии вечной суматохи, легко поддавались искушениям, становились добычей первого авантюриста, который мог указать им готовый путь к грабежу, нетерпимо относились ко всем социальным ограничениям, переезжали с места на место, умерли для всех семейных уз и любви к родине. Среди всего этого беспорядка проповедь, не сопровождаемая грандиозными религиозными зрелищами, была бы бесплодной, и поэтому церковь возродила поклонение реликвиям. Тела святых искали во всех направлениях; сами епископы отправлялись в Италию, в Африку и на Восток, чтобы собрать драгоценные останки тех, кто запечатлел свое свидетельство кровью. Когда эти реликвии прибывали в место, для которого они предназначались, народ выходил встречать их и провожать обратно. Их перенесение в святилище, в котором они были торжественно возложены, стало поводом для пышных церемоний и многочисленных паломничеств (рис. 286 и 287); и таким образом преданность объединила враждебные расы, которые долгое время были разделены ожесточенной войной. С кафедры читали о деяниях святого, который как бы присутствовал и был виден глазам верующих; чудеса, которые он совершил, всегда могли быть возобновлены под влиянием горячей молитвы; несколько исцелений вскоре происходили вблизи его святыни

или на его могиле. Число паломников постоянно росло, а священники постепенно возвращали себе моральный авторитет, которому они позволили ускользнуть от них.

Рис. 285.- Чудотворный образ Владимирской Богоматери, цель одного из самых известных паломничеств в России. Из "Древностей российских" Севастьянова. (XII век.)

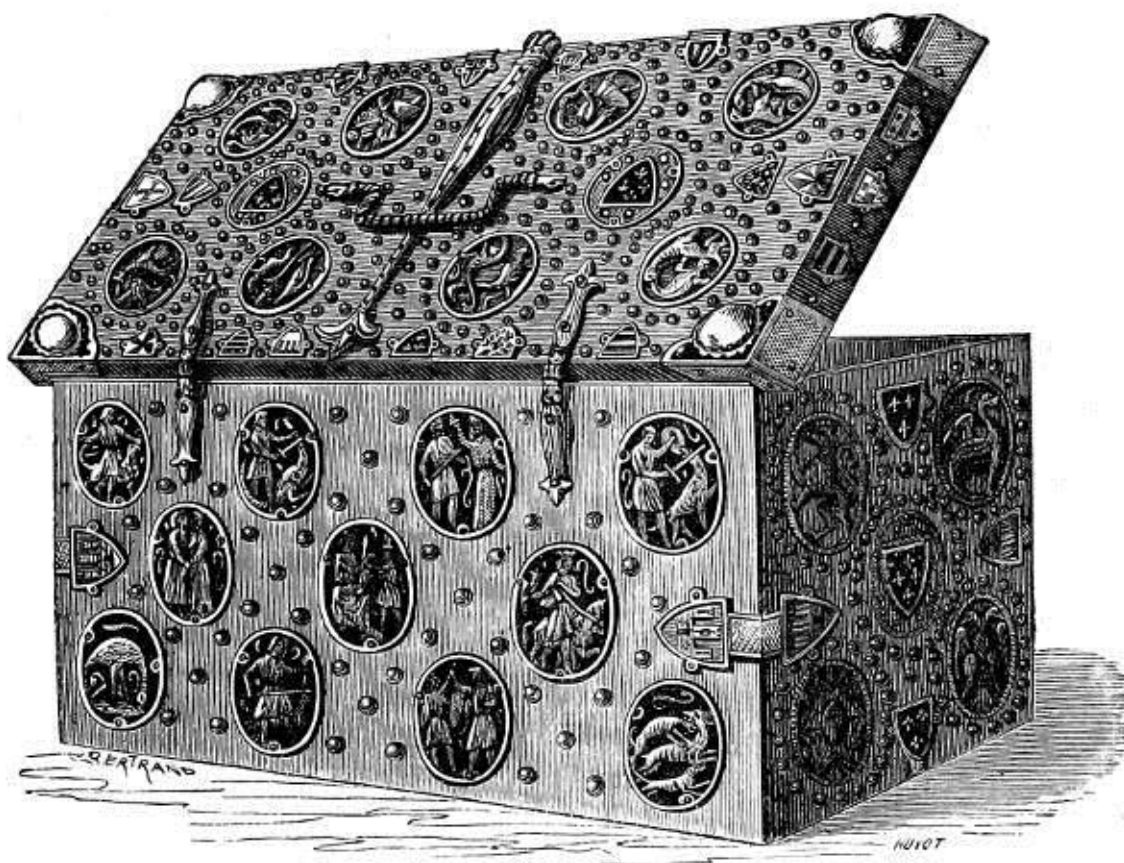

Рис. 286. Сундук с волосяными повязками Святого Людовика, подаренный Филиппом ле Белем, его внуком, аббатству Нотр-Дам-дю-Лис, близ Мелена. Сундук из букового дерева, покрыт металлом и украшен рисунками королевских знаков отличия Франции и Кастилии, а также различными аллегорическими сюжетами.

Крестовые походы в действительности были лишь общим применением, в более широком масштабе, тех паломничеств в Святую землю, которые так долго совершали жители христианской Европы. В тылу вооруженных отрядов с развернутыми знаменами шествовало племя немощных паломников, женщин, детей и стариков (рис. 288), ведомых священниками в священнических облачениях, - недисциплинированные толпы, в ряды которых неизбежно вкрадывались злоумышленники, ставшие истинными авторами всех тех злодеяний, в которых история упрекает крестоносцев. Что касается паломничества, то непосредственным результатом этого великого движения европейского населения в Палестину стало создание вдоль дорог, по которым им приходилось путешествовать, целого ряда приемных домов, поддерживаемых и управляемых некоторыми религиозными и военными орденами, которые развлекали усталых и больных паломников и помогали им в их путешествии.

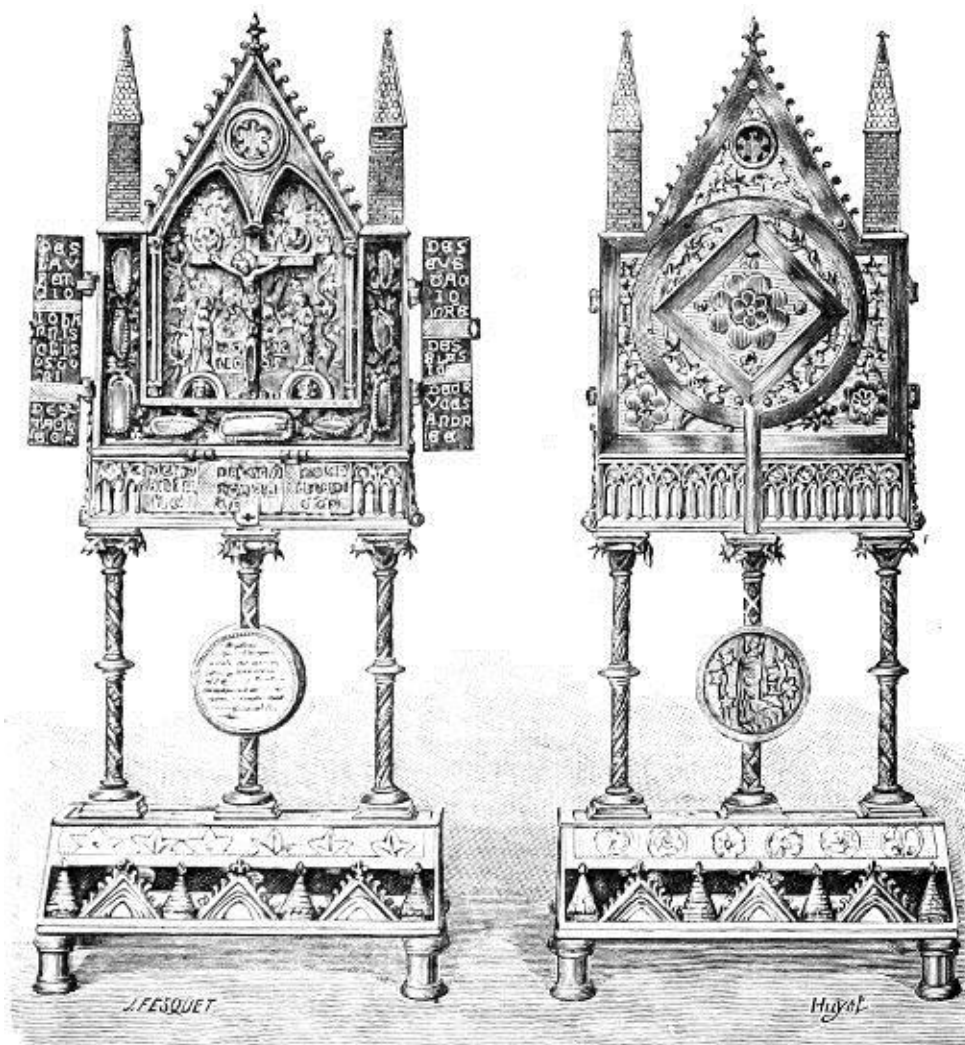

Рис. 287. - Реликварий из чеканной меди (спереди и сзади), с подвижными панелями, содержащий вокруг сцены Распятия и в пространстве между колоннами мощи апостолов, отцов Церкви, святых и мучеников - фламандская работа XIII века, хранящаяся в монастыре Сестер Святого Сердца в Монсе.

Рис. 288. Роберт I., герцог Нормандии, отец Вильгельма Завоевателя, заболевший во время паломничества в Иерусалим (1035 г.), переносится в своей упряжке неграми: отсюда его шутовское высказывание: "Меня демоны забирают в рай" - из миниатюры в "Хрониках Нормандии", рукописи XV в., хранящейся в библиотеке месье Амбруаза Фирмина Дидо.

Этот образец паломников, добрый король Людовик IX, собрал во время своих неудачных экспедиций (1248-1270) множество реликвий (рис. 290-293 и 305). Они, привезенные во Францию в качестве трофеев крестового похода, были преподнесены в дар древним и почтенным церквям, уже обладавшим многими ценными реликвиями, или помещены в новые церкви, построенные специально для их приема, как в случае с Сент-Шапель в Париже. Это привело к росту паломничества по всей Европе, в котором горячо преследовалось поклонение не только мощам, но и чудотворным образам. В конце XIII века, который, несомненно, был самой яркой и самой торжественной эпохой христианского искусства в отношении процессионных и странствующих актов преданности, насчитывалось, как говорят, не менее десяти тысяч католических святынь, все с большей или меньшей известностью, и каждая из них привлекала свою долю паломников, либо ради своей Мадонны или Нотр-Дама. И это не считая многочисленных изображений Нотр-Дама, которые время от времени удостоивались особого поклонения и воздвигались на перекрестках дорог, на углах улиц и на фасадах домов в качестве защиты для путников и жителей местности. Во

многих епархиях, таких как Суассонская и Тульская, насчитывалось от шестидесяти до семидесяти мест паломничества.

Рис. 289.- Паломники из Эммауса.- Одежда паломника во второй половине XIII века.- Фрагмент знаменитого алтарного образа из Марей-ан-Бри, полностью воспроизведенный в статье "Литургия и церемонии".

Таким образом, подлинные названия основных паломничеств, кроме Римского и Иерусалимского, датируются XIII и XIV веками. Некоторые, несомненно, существовали и до этого периода, но их происхождение, хотя и подтверждается традицией, не может быть основано на каких-либо неоспоримых доказательствах. К ним относятся знаменитые посвящения Нотр-Дам из Лоретто, одеяние Господа нашего в Тревесе, бесшовное одеяние Иисуса Христа в деревне Аржантей под Парижем, святого Ларма в Вандоме, святого Лика в Шамбери, кровь святого Януария в Неаполе, посох святого Губерта и т. д.

Рис. 290. Терновый венец, привезенный во Францию. Три нижних отделения представляют: 1 - первый визит короля в Сент-Шпель, специально построенную для приема тернового венца; 2 - прием короны, подаренной Балдуином II, императором Константинополя, и привезенной в Париж в 1239 году; 3 - поклонение короне в Сент-Шпель королем и его матерью, Бланш Кастильской. Сверху изображены остров Кипр, флот крестоносцев и битва с сарацинами, напоминающая о крестовом походе Людовика IX. - В Бургундской библиотеке, Брюссель. (Пятнадцатый век.)

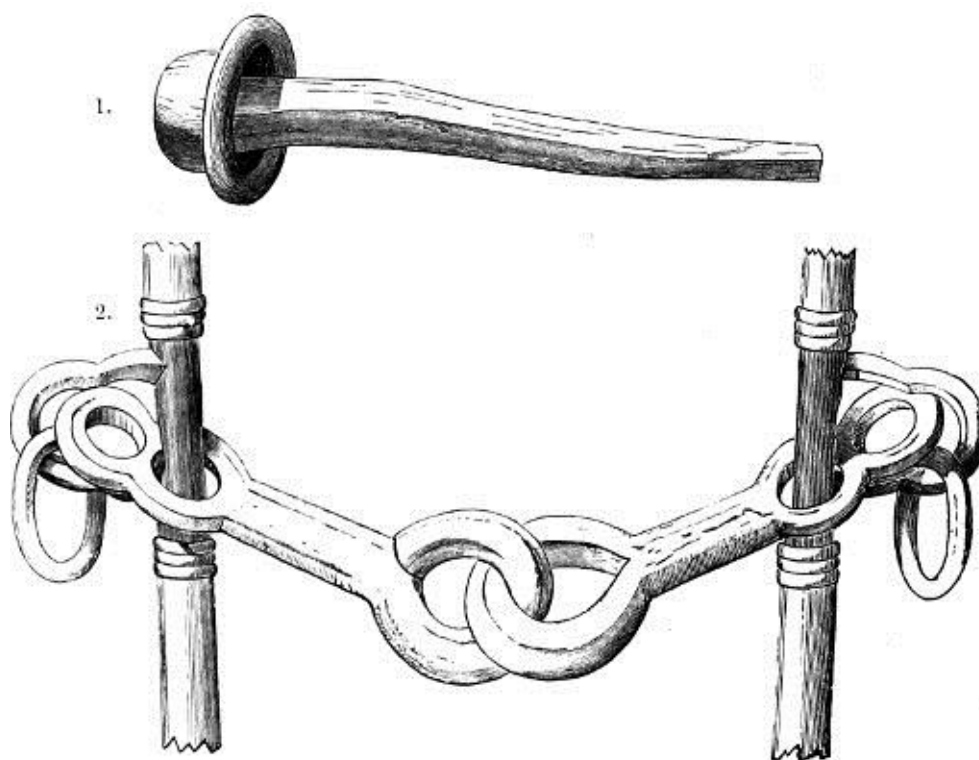

Рис. 291 и 292.-1. Гвоздь, использованный при распятии Господа, хранящийся в церкви Санта Кроче ди Джерузалемме в Риме. 2. Святой бит из Карпентраса, привезенный в этот город между 1204 и 1206 годами. Это долото, которое Святая Елена выковала для коня императора Константина из гвоздей, вбитых в святой крест - по гравюре М. Рохо де Флери в его работе под названием "Mémoire sur les Instrumens de la Passion de Notre Seigneur Jésus-Christ".

Рис. 293.- Надпись на кресте Господа нашего: фрагмент куска кедрового дерева, подаренного Папе Святой Еленой и хранящегося в церкви Санта-Кроче ди Джерусалемме в Риме.-Надпись, означающая "Иисус из Назарета, Царь Иудейский", была сделана на иврите, греческом и латыни, написана задом наперед и утопленными буквами; сохранилась только третья часть.- Факсимиле с гравюры М. Рохо де Флери к его работе под названием "Mémoires sur les Instrumens de la Passion de Notre Seigneur Jésus-Christ".

Рис. 294.- Прикосновение к мощам святого Филиппа - фреска Андреа дель Сарто в клуатре церкви Аннунциаты во Флоренции.

Христианский Рим, омытый кровью мучеников и обогащенный их реликвиями, с первых веков христианства был главным объектом подавляющего большинства паломничеств. Триста ее церквей одна за другой посещались множеством верующих, привлеченных сюда благочестивыми воспоминаниями, всевозможными действенными актами милости или индульгенциями, обильным гостеприимством, пышным церемониалом и, прежде всего, пылкой верой. На великие юбилеи, на юбилеи и на *Обретение* тел святых число паломников умножалось до бесконечности. Известно, что в течение одного дня из разных уголков мира прибывало до двенадцати тысяч благочестивых групп, которые разбивали лагерь вокруг стен Вечного города, и их ряды постоянно пополнялись за счет новых прибытий в течение нескольких месяцев подряд. Помимо базилики Святого Петра, в Риме было несколько привилегированных святилищ, которые во все времена были главным пристанищем

паломников: это церковь Sta. Марии Маджоре, где находились ясли, в которых родился Господь; Сан-Праксеа, базилика, в которой покоятся две тысячи пятьсот мучеников; Сан-Джованни Латерано, в котором находятся *scala santa*, те самые ступени, освященные кровью Иисуса Христа, когда Он был в терновом венце, и по которым люди поднимаются только на коленях; Сан-Пьетро-ин-Монторио, крипта которого стоит на месте, где был распят апостол; Сан-Себастьяно-фуор-гли-Мури, знаменитый своими катакомбами; Сан Паоло да Тре Фонтане - чудодейственные источники, бьющие из-под земли в три прыжка, подобно тому, как голова св. Павла, когда его казнили; Сан-Паоло-фуори-ле-Мури, где хранится распятие, говорившее со святой Бриджит; Сан-Лоренцо-фуори-ле-Мури, где покоятся тела святого Стефана и святого Лаврентия; Санта-Кроче-ди-Герусалемме (рис. 293), базилика, основанная августейшей матерью св. Константина по возвращении из паломничества в Палестину; церковь Святой Цецилии, построенная на месте дома, в котором жила эта святая, и содержащая купальню, в которой она приняла мученическую смерть; а также двадцать других церквей, которые были колыбелью христианской религии, и которые своим происхождением, традициями и реликвиями вызывают благочестивое уважение у тех, кто их посещает. По какой бы дороге ни путешествовали паломники, на пути в Рим они проходили мимо огромного количества святилищ и станций, которые были посвящены либо Деве Марии, либо прославленным святым (рис. 294). На морском побережье находится церковь Богоматери-хранительницы и Богоматери Дженесты, покровительницы Лионского и Генуэзского заливов, а вместе с ними - святых Марты и Магдалины, св. Георгия, легенда о воинском подвиге которого воспроизведена на стольких картинах; в Лукке - Богоматери Розы; в неаполитанских штатах - Богоматери Начала, Богоматери Зачатия, Богоматери Успения, Богоматери Неаполя, Богоматери горы Св. Януария; на Сицилии - Богоматерь Короны, Святая Реститута, Святая Агата, но особенно Святая Розалия; на восточных берегах Ионического моря - несколько девственниц византийского происхождения, которым поклонялись вместе со Святым Николаем и Святым Спиридионом; вдоль Адриатики - другие Мадонны и другие святые, среди которых выделяется, как драгоценная жемчужина, прославленный образ, известный как Богоматерь Победы. Именно в ее честь один из восточных императоров приказал построить триумфальную машину, чтобы ее можно было провезти по улицам Константинополя, когда империи угрожает опасность. Привезенная в Венецию и помещенная в церкви Святого Марка, она рассматривалась как хранительница республики, а вместо триумфальной машины для этого образа была специально отведена великолепная гондола. Со времен Годфруа де Буйона, который вместе с частью крестоносцев совершил паломничество в Бари, на "землю Монсеньера Святого Николая", прежде чем продолжить свой путь в Иерусалим, эта величественная святыня стала сценой непрерывных богослужений. Жоанвиль, Фруассар, Филипп Жиро де Виньоль и другие летописцы рассказывают о количестве паломников, посетивших Бари, чтобы почтить мощи святого Николая. Чудеса, совершенные здесь благодаря заступничеству блаженного епископа Мирликийского, составляют богатый свод легенд, начиная с XI века, когда сорок мясников города Бари отправились в Малую Азию, чтобы спасти его драгоценное тело от насилия сарацинов.

Мы не должны удивляться осквернениям, совершаемым магометанами в местах паломничества в Палестине, поскольку после прекращения крестовых походов эти святыни оказались в их власти. Именно для того, чтобы уберечь часовню в Назарете от этих посягательств, Бог повелел своим ангелам перенести ее в христианскую страну. По преданию, подтвержденному несколькими папскими буллами, ангелы, унесшие часовню, поместили ее 10 мая 1291 года в Раунезе, между Фиуме и Терзацем, в Далмации. В ту же ночь Дева Мария явилась во сне умирающему священнику по имени Александр и рассказала ему о чуде. Часовня, перенесенная в Раунезу, была не чем иным, как домом, в котором Божья

Мать родилась и зачала Искупителя. После ее смерти апостолы превратили его в часовню; святой Петр воздвиг в ней алтарь, а святой Лука своими руками вырезал из кедра статую Богородицы. Священник, которому было видение, встал со своего ложа, исцелившись от болезни, и, прежде чем огласить явление Богородицы, встал на колени перед святым образом. Дом Назарета стоял на месте, чтобы подтвердить правдивость его рассказа. После этого начались паломничества в Терзац. Император Рудольф, получив известие об этом чудесном событии, отправил в Палестину несколько знатных особ, чтобы убедиться, действительно ли часовня Назарета была убрана. Их отчет был самым удовлетворительным, и очень скоро поклонение Терзацкой Богоматери стало всеобщим во всех придунайских провинциях. Чтобы сохранить сокровища, которыми Провидение наделило это место, *санта-каса* была окружена деревянным каркасом, пока строилась церковь, в которой она должна была стать святилищем. Но, простояв три года в Далмации, этот святой дом исчез. Современные летописцы рассказывают, что 10 декабря 1200 года он был поднят в воздух ангелами и перенесен через Адриатику.

Судя по всему, перед тем как занять свое место, *санта-каса* остановилась неподалеку от Реканати, на участке, принадлежавшем двум братьям, которые в течение восьми месяцев оспаривали ее владение. Чтобы примирить их, а главным образом, несомненно, потому, что они не хотели оставлять святыню на милость этих двух ревнивых соперников, ангелы снова понесли ее и в конце концов поместили на поле, принадлежащее бедной вдове по имени Лорета, откуда и пошло название Богоматери Лоретской. Здесь до сих пор можно увидеть *дом Санта-Каса* в том виде, в каком он прибыл из Назарета, но не в том виде, в каком он был украшен, одарен и обогащен пышной набожностью средневековья. Его сокровища, оцениваемые в несколько миллионов франков, и без того значительно уменьшившиеся в результате религиозных войн, вызванных великим западным расколом, перестали накапливаться в XVI веке во время борьбы церкви с протестантизмом, а в 1796 году они были почти все вывезены грабительскими войсками Французской республики. Тем не менее, пыл паломников ничуть не ослабел, а великолепная церковь, в которой как бы был заключен *Санта-Каса*, оказалась слишком мала, чтобы вместить все подношения, привезенные сюда со всех концов света. Римские папы даровали многочисленные индульгенции тем, кто совершал это паломничество, которое было самым знаменитым и самым посещаемым из всех, что совершались за пределами Рима.

Легенда о паломничестве, столь же чудесная в Испании, как и в Италии, всегда связывала поклонение святому Иакову с поклонением Пресвятой Деве. После вознесения Господа и сошествия Святого Духа Сантьяго Иберийский - так мы его называем - попрощался со своим старшим братом Иоанном Евангелистом, а затем отправился просить благословения у Богородицы. Она сказала ему: "Дорогой сын, раз уж ты выбрал для проповеди Евангелия Испанию, страну, которую я люблю больше всех европейских земель, позаботься о том, чтобы основать там церковь, посвященную мне, в том городе, где ты обратишь наибольшее число язычников". После этого Сантьяго покинул Иерусалим и, пересекая Средиземное море, прибыл в Таррагону, где, несмотря на все свои усилия, ему удалось обратить в христианство лишь восемь человек.

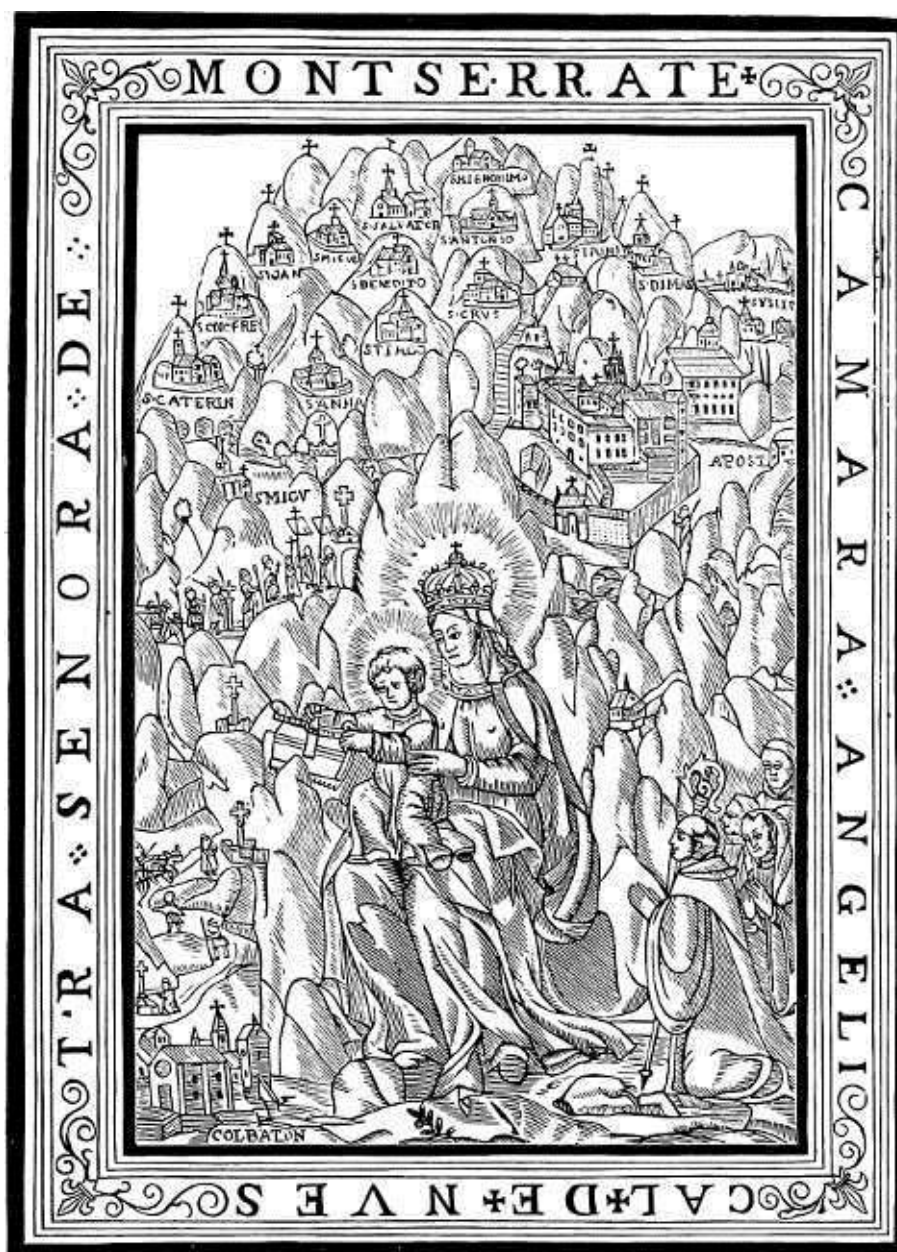

Рис. 295. Богоматерь Маунтсеррат с испанской надписью "Небесная обитель Богоматери Маунтсеррат". Эта гора получила свое название от того, что ее скалы по форме напоминают зубья пилы (*sierra*, saw). Эта символическая пила изображена в руках Младенца Иисуса.- Уменьшенное факсимиле гравюры на дереве XVI века, принадлежащей парижскому издателю М. Бертену.

Но в ночь на 4 февраля 36 года н. э., когда он и восемь его неофитов крепко спали на равнине, на которой сейчас стоит Сарагосса, их разбудила небесная музыка, и эта музыка была голосом ангелов, воспевающих хвалу Деве Марии. Сантьяго простерся лицом к земле, и перед ним предстала августейшая Мать Христа, стоящая на яшмовом столпе, окруженная ангелами, и с той же улыбкой невыразимой сладости, которую он видел на ее лице, когда покидал Иерусалим. "Иаков, сын мой, - сказала она ему, - ты должен построить мне церковь на этом самом месте. Возьми столб, на котором я стою, поставь его с моим изображением на вершине посреди святилища, посвященного мне, и до конца времен он не перестанет творить чудеса". Апостол сразу же приступил к работе, ему помогали ученики, и вскоре церковь была построена. Так, согласно легенде, возник собор и паломничество к Богоматери Столпа (*Nuestra señora del Pilar*).

Не только Дева Столпа (*Virgo del Pilar*) пользовалась глубоким почитанием испанцев в Средние века; каждое мелкое королевство, каждое княжество, каждый важный город Пиренейского полуострова имел свою Мадонну, свою *Сеньору*, которая привлекала многочисленных паломников. Среди них можно назвать Богоматерь Маунтсерратскую в Каталонии (рис. 295), Богоматерь Французскую (*la Rena di Francia*) на полпути между Саламанкой и Сьюдад-Родриго и Богоматерь Костей (*Señora del Dado*) в королевстве Леон - святилища, которые стояли посреди горных хребтов и до которых можно было добраться только пешком или на мулах.

В небольшом городке под названием Эль-Падрон - Памятник, который является не чем иным, как древней *Ирией*, где учил Сантьяго, прозванный Иаковом Старшим (рис. 296), и который долгое время был хранителем его земных останков, под главным алтарем церкви, посвященной ему, протекал поток родниковой воды, журчание которого, подобно небесной музыке, смешивалось с молитвами паломников, которых было так много, что их колени проделали дыры в каменных плитах святилища. Тело прославленного мученика, когда его привезли из Компостеллы в Сантьяго, положили на гранитный блок, который чудесным образом превратился в гробницу, и он никогда не выходил из нее иначе как в виде фантома, либо чтобы предстать в видении перед королями, прелатами и другими благочестивыми людьми, которые взывали к нему, либо чтобы схватить копье и сразиться с врагами христианства. Так, по легенде, его видели в 946 году верхом на белом коне, держащим в руке знамя, украшенное красным крестом (такое рыцари Сантьяго носят на левой стороне своих мантий), и шедшим во главе христианских баронов против мавров или сарацинов.

Паломничество к святому Иакову Компостелльскому было известно уже в IX веке; люди приходили с подношениями со всех концов христианского мира. Дорога, ведущая к этому святилищу, была постоянно переполнена армией паломников, и так продолжалось на протяжении всего Средневековья. Вернувшись в свою страну, паломники "Монсеньера Святого Иакова" образовали регулярный рыцарский католический орден; они продолжали благочестивые обряды, которыми занимались во время паломничества, и до конца жизни сохраняли дух религиозного товарищества, объединявший их под одним знаменем.

Рис. 296. Маг Армоген в присутствии паломников из Компостеллы приказывает чертям принести ему апостола святого Иакова (легенда о святом дает противоположную версию) - по миниатюре из "Священного Писания", рукописи XV века (Бургундская библиотека, Брюссель).

Франция, несмотря на свой воинственный дух, не воздавала воинственным святым столько почестей, сколько Италия и Испания святым Георгию и Иакову, но, похоже, она высоко почитала святых-целителей, как мы их называем, таких как святой Мартин Турский, святой Рох, святой Христофор, святой Блаз, святой Лазарь и т. д., чьи почитаемые мощи были объектом стольких знаменитых паломничеств (рис. 297). Она также трогательно почитает некоторых особо святых женщин, поклонение которым стало почти национальным, таких как святые Мария Магдалина и Марфа, святая Варвара, святая Женеви́ева и т. д. Но ни в одной стране поклонение Деве Марии не было более всеобщим и более возвышенным, чем во Франции, где у Божьей Матери было так много почитаемых святынь, таких как Богоматерь в Пюи, Богоматерь в Лиссе, Богоматерь в Шартре, Богоматерь в Рокамадуре, Богоматерь в Терне, Богоматерь в Орее, Богоматерь Победы и другие.

Рис. 297.- Благодарения, произнесенные в часовне паломничества семьей, выполняющей обет. Считается, что именно в этой часовне хранились мощи святого в аббатстве Мон-Сен-Клод (Франш-Конте). Французская картина XV века, принадлежащая М. П. Лакруа.

Одним из первых алтарей, воздвигнутых во Франции в честь Девы Марии, был алтарь на вершине горы Аниций, вулканической скалы близ Велая, называемой Ле-Пюи (от итальянского *poggio* - высокая гора). Святой Георгий, епископ епархии, приехал крестить одну из местных жительниц, которая тяжело заболела, после чего неизвестный голос велел ей отправиться на гору Аниций. Повинуясь этому приказу, она погрузилась в спокойный сон, во время которого ей привиделась небесная женская фигура, одетая в корону из драгоценных камней. "Кто эта царица, столь прекрасная, столь благородная и столь милостивая?" - спросила она, обращаясь к одному из окружавших ее ангелов. Пришел ответ: "Это мать Сына Божьего. Она выбрала эту гору, чтобы ты пришла и совершила свое воззвание; она просит тебя сообщить своему верному слуге, епископу Георгию, о том, что произошло. А теперь проснись; ты исцелилась от своей болезни". Дама, исполненная благодарности и веры, отправилась к епископу, который, выслушав ее рассказ, распростерся на земле, как будто говорила сама Богородица. Вслед за своим духовенством

он отправился к чудотворному камню. Это было в июле месяце, солнце сильно припекало, а снег лежал глубоким слоем на плоскогорье горы. Вдруг вперед выбежал олень и начертил ногами план святилища, которое должно было быть построено на этом самом месте, а затем исчез. Епископ сразу же увидел, что свершилось новое чудо в подтверждение первого; он огородил место и дал обет воздвигнуть там церковь. Этот обет был исполнен святым Еводием, седьмым епископом Пюи, в 223 году.

Статуя Богоматери в Пюи из кедрового дерева, почерневшая от старости, - дело рук первых христиан Либануса, которые выполнили ее по образу египетской богини Исиды, сидящей прямо на табурете и держащей на коленях Младенца Иисуса, завернутого в виссон, словно маленькую мумию. Этот образ был привезен с Востока Святым Людовиком в 1254 году.

Происхождение статуи Богоматери Лиссы также связано с крестовыми походами, которые наводнили Францию и остальную Европу множеством изображений Святой Девы. Так, в 1131 году Фульк д'Анжу, король Иерусалима, поручил охрану города Беершеба рыцарям-госпитальерам святого Иоанна, среди которых самыми выдающимися были три брата из дома Эппес, расположенного недалеко от Лаона. Взяв этих рыцарей в плен, султан решил заставить их стать магометанами и неосмотрительно выбрал свою дочь Исмерию для обращения. Но она забыла о цели своей миссии и позволила обратить себя в христианство с помощью аргументов трех рыцарей. Она попросила их вырезать для нее образ Пресвятой Девы, и, хотя они были совершенно невежественны в этом искусстве, они начали образ, который ангелы спустились с небес, чтобы завершить. Дева Мария явилась дочери султана, поддержала ее в ее замысле освободить трех пленников и посоветовала следовать за ними в бегстве. Около полуночи она отправилась в тюрьму, двери которой распахнулись перед ней, как и двери города. Исмерия несла в руках образ Богородицы, и могущественная сила этого талисмана преодолела все препятствия. Беглецы, уснувшие на египетской земле, проснулись и обнаружили, что находятся перед замком д'Эппес, а статуэтка, сверкая светом, выбрала место, которое хотела занять посреди леса. Исмерия приказала возвести на этом месте простую часовню, а в городе Лаон был построен собор, посвященный Богоматери Лиссе. С тех пор великая базилика и крошечная часовня делят между собой поклонение толпы паломников, которых привлекают сюда поразительные чудеса. Оба сооружения пострадали от ярости гугенотов в XVI веке, но чудотворный образ Богородицы всегда избегал кощунственного возмущения.

Рис. 298.- Древнее знамя города Страсбурга, на котором изображен образ Богоматери, которой город был посвящен примерно в середине XIII века; лилии вокруг него - эмблема чистоты Девы Марии. Мемориал XIII века, сгоревший во время бомбардировки Страсбурга в 1870 г. - По копии, опубликованной в "Dictionnaire du Haut et du Bas-Rhin" М. Ристельхубера.

Рис. 299.- Вынос святым Бодильоном и шевалье Жераром де Руссильоном тела Марии Магдалины в церковь Везелей (Йонна) - по миниатюре из "Chroniques de Hainaut", рукописи XV века, хранящейся в Бургундской библиотеке, Брюссель].

Существует много аналогий между поклонением Деве-покровительнице страны вокруг Шартра и Деве Столпа в Сарагоссе. Обе статуи похожи по позе, костюму и общему характеру, к тому же они относятся к одной и той же эпохе - четвертому или пятому веку. Шартрский собор, хотя и древний - он существовал в седьмом веке, - тем не менее был местом первых паломничеств в честь "Девы, родившей ребенка", как называли этот Нотр-Дам первые апостолы, проповедовавшие христианство в этом районе, который был центром друидической религии. На протяжении всего Средневековья, вплоть до наших дней, в Шартр ежедневно прибывали паломники, и их число всегда увеличивалось в дни празднования Девы.

Рис. 300.- Карл VI, исполняющий обет Богоматери Надежды (1389).- Король, которому в то время было всего двадцать лет, заблудившись однажды ночью в лесу близ Тулузы, дал обет, что если он восстановит свою дорогу, то принесет стоимость своего коня в дар Богоматери Надежды. На картине он изображен в момент исполнения обета, с обнаженной головой и верхом на коне, в сопровождении своего брата, коннетабля Клиссона, и других дворян. Выше видны ангелы с лентами, на которых написано слово "Надежда" - по мотивам древней фрески в клуатре монастыря кармелиток в Тулоне.

Поклонение Богоматери из Рокамадура, очень возможно, связано с поклонением Богоматери из Шартра - оно восходит к первой эпохе христианства в Галлии. О происхождении этого почитания, которое, как предполагается, заменило поклонение какому-то местному божеству, ничего не известно. Дева Рокамадура была известна уже в восьмом веке, поскольку, если верить преданию, Карл Великий и его отважные последователи пришли почтить ее память, возвращаясь из экспедиции против гасконцев; а меч Роланда, положенный в качестве подношения на алтарь часовни Святого Михаила, можно увидеть и сейчас. Вокруг этого святилища, посвященного Деве Марии, было семнадцать часовен, вырубленных в скале; они были посвящены Иисусу Христу, двенадцати апостолам, святому Иоанну Крестителю, святой Анне, святому Михаилу и святому Амадуру, чей скит находился здесь и который, несомненно, привез с Востока черную Деву, почитаемую здесь уже двенадцать или пятнадцать веков.

Рис. 301. Чудотворный образ Богородицы Милостивой в Камбрэ, привезенный в этот город каноником Фурси де Брюйлем в 1450 году: это одно из живописных изображений, приписываемых благочестивой традицией Святому Луке. Жители Камбрэ, горячо молившие свою покровительницу о защите, когда англичане осаждали их город, приписали бессилие вражеской атаки ее вмешательству. Отсюда возникло поэтическое изображение Девы Марии, собирающей пушечные ядра в кружевную вуаль. Справа - древняя митрополичья церковь Камбрэ, замечательный памятник готической архитектуры, разрушенный в начале нынешнего века. Уменьшенное факсимиле рисунка XVII века, предоставленного М. Делатр из Камбрэ.

Паломничество в Сент-Бом, близ Максимиана, в Провансе, было посвящено не Деве Марии, а святым женщинам Марии Магдалине (рис. 299) и ее сестре Марфе, Марии, матери Иакова, и Саломее, которые были свидетельницами жизни Спасителя, его чудес и воскресения. Какой бы ни была истина о предполагаемой миссии святого Лазаря и его двух сестер Марии Магдалины и Марфы в южной Галлии, почитание их среди людей, веривших в эту легенду, было почти таким же заметным, как и поклонение, которое оказывалось Деве Марии. Паломники никогда не покидали Сен-Бом, не совершив паломничества к гробнице Святого Лазаря в Аутене, после посещения мощей Марии в на острове Камарг, в Сен-Максимиан, Арль, и в Тарасконе. Грот Сен-Бом, в котором Мария Магдалина прожила тридцать лет в общении с ангелами, поднимавшими ее в воздух в периоды экстаза, приносившими ей пищу и заботившимися о ней, был, начиная с пятого или шестого века,

местом встречи верующих, приходивших посетить страшную обитель, освященную долгим покаянием Магдалины. Папы, императоры, короли и самые выдающиеся личности считали за честь быть причисленными к этим паломникам, а те, чей возраст или немощь не позволяли им присутствовать лично, поручали другим нести туда свои обеты и подношения.

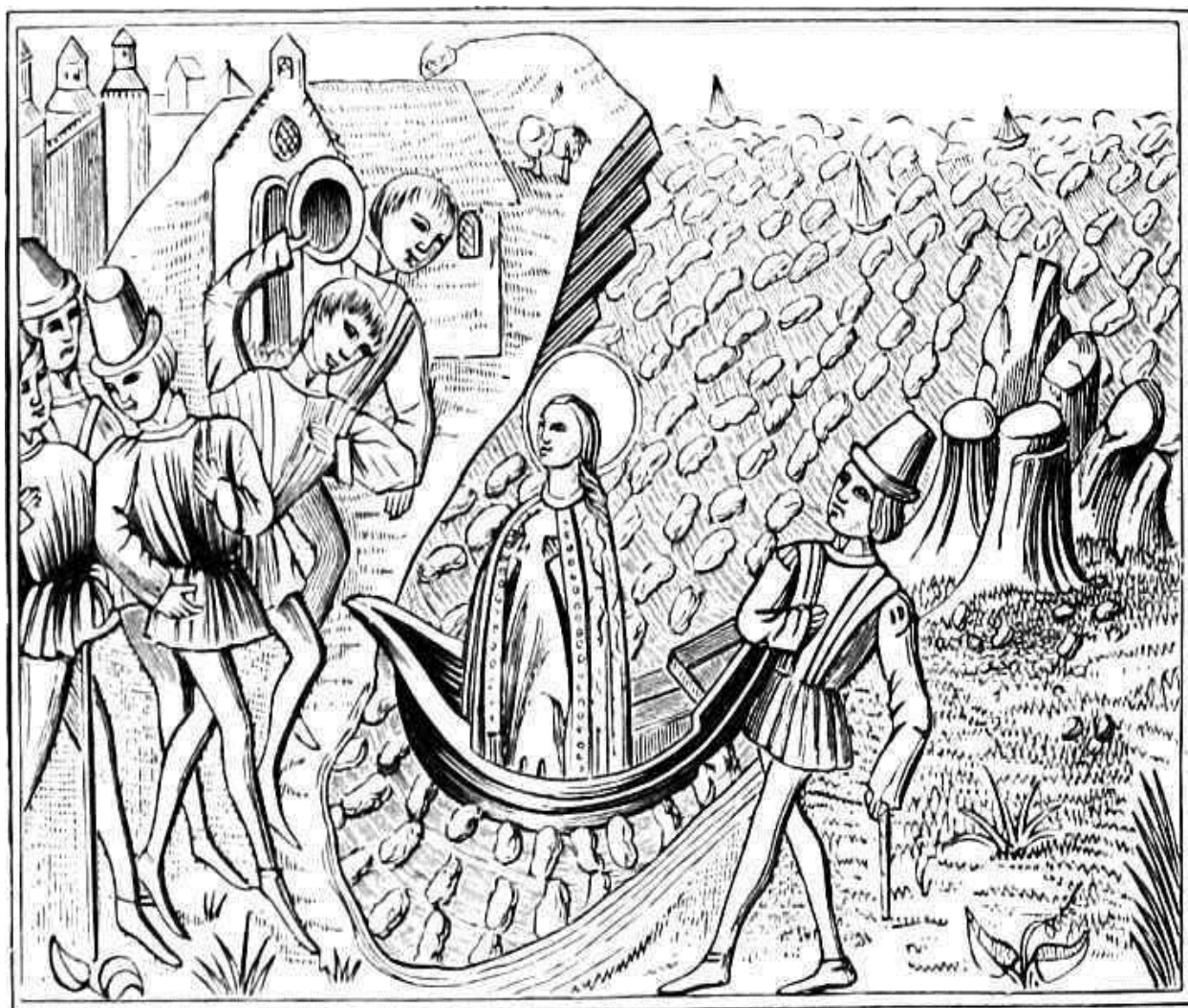

Рис. 302 - Булонская Богоматерь - "Однажды, - гласит легенда, - Дева Мария явилась мещанам и жителям города Булонь в корабле, плывущем по морю, без мачты, паруса, такелажа и весел, на борту которого не было ни моряка, ни другого живого человека, только юная дева, полная изящества и скромности, красноречивая в речи, сдержанная в манерах, грациозная в походке и прекраснее всех земных женщин."- По миниатюре в рукописи XV века, хранящейся в библиотеке Арсенала в Париже.

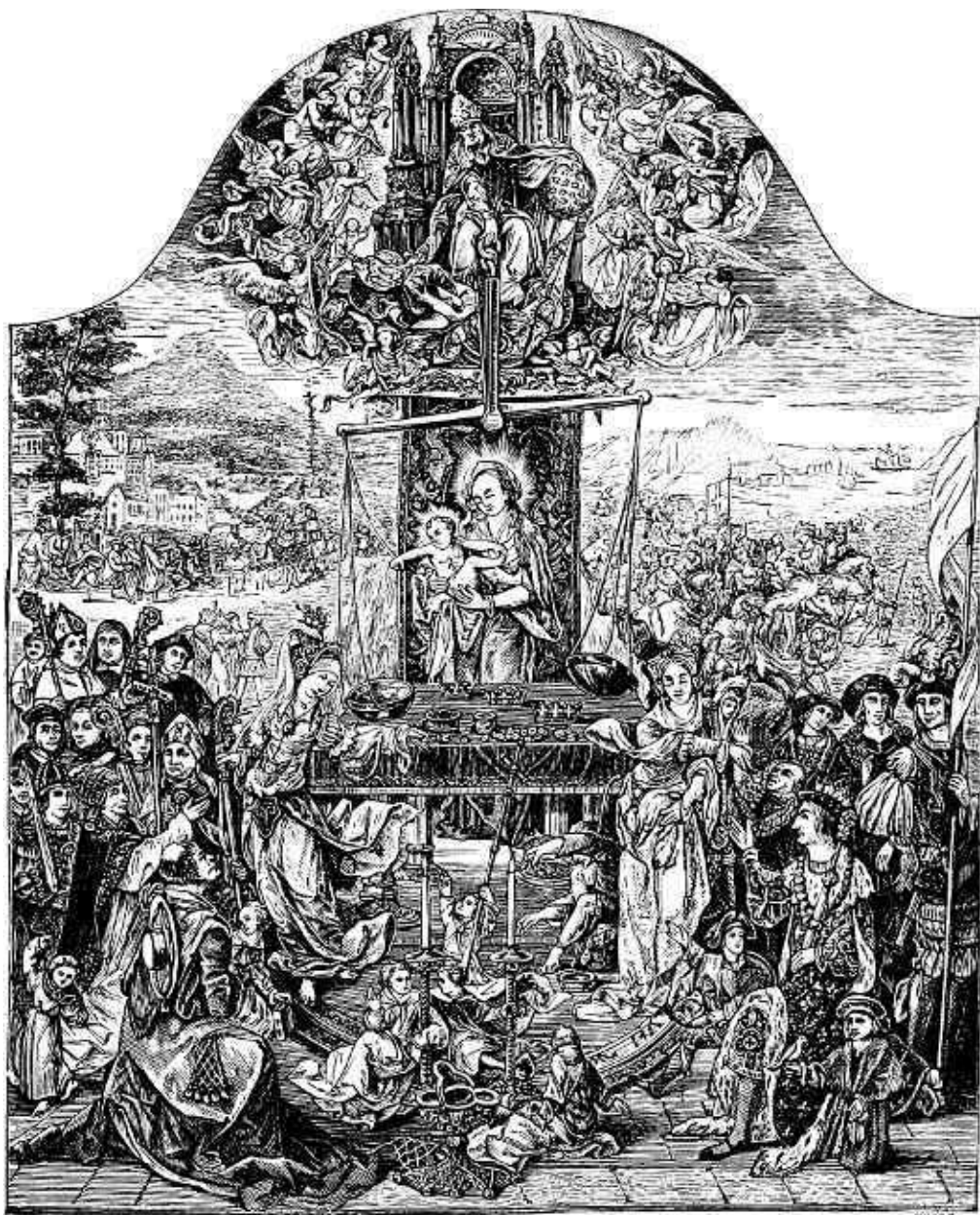

Рис. 303. "Au juste poids véritable balance" - картина Антуана Пике, мастера-живописца из Братства Богоматери в Амьене, подаренная церкви этого города 25 декабря 1518 года. Эта картина, хранящаяся сейчас в музее Клюни, является лишь символическим развитием вышеупомянутого девиза. Богородица стоит под балдахином; Младенец Иисус притягивает к себе одну из чаш весов, на которых Бог-Отец в окружении ангелов собирается взвесить короны земных государей. На заднем плане, среди прекрасных пейзажей, с одной стороны крестьяне собирают урожай и виноград, а с другой - королева Клод, конная, в сопровождении блестящей свиты. На переднем плане две группы: справа Франциск I, с шутом Трибуле и рыцарями; слева - император, папа, кардинал, епископ Амьенский и несколько аббатов.- С гравюры Дюсоммерара в "Искусстве эпохи Средневековья".

Перечисление паломничеств Богоматери во Франции, в этом королевстве лилий, которое всегда находилось под непосредственным покровительством Девы Марии, заняло бы несколько страниц, а для описания их происхождения и истории потребовались бы целые тома. Поэтому мы упомянем лишь самые известные и древние: Богоматерь Алетская, близ Тулузы (илл. 300); Богоматерь фонтана Ардильер, близ Сомюра; Богоматерь Добродетелей, в Обервилье, близ Парижа; Богоматерь Пристанища, в Клермон, в Оверни; Богоматерь Фурвьер, в Лионе; Богоматерь Осьерская, близ Гренобля; Богоматерь Бонн Гард, в Лонгпоне; Богоматерь Вифлеемская, в Феррьере, Гатине; Богоматерь Доброй Надежды, в Валансьене;

Богоматерь Милостивая, в Камбрэ (илл. 301); Богоматерь в Булонь-сюр-Мер (рис. 302) и т. д. Большинство из них представлены раскрашенными изображениями - одни привезены с Востока во времена крестовых походов, другие, о происхождении которых говорят только чудеса, выделившие их для почитания верующих. Есть также статуэтки из дерева и камня, почти все они принадлежат к коптской группе черных дев, которые во всей Европе ассоциируются с чудесами раннего возраста.

Рис. 304.- Пострадавшие от танца Святого Вита отправляются в паломничество в церковь Святого Виллиброда, Эптернахт, близ Люксембурга - по рисунку П. Брейгеля (XVI век), хранящемуся в галерее эрцгерцога Альберта в Вене.

Чтобы описать многочисленные паломничества в Германии, Польше, России и, прежде всего, в Бельгии (рис. 304), потребовались бы огромные объемы. Там, как и везде, Мать Господа нашего всегда привлекала к себе самое глубокое почтение и одаривала ревностных поклонников величайшим количеством благ. Но стоит отметить, что эти акты преданности, столь известные и почитаемые в самой стране, почти никогда не распространялись на соседние государства. Только бельгийцы ходили поклониться образу Богородицы, известному как Нотр-Дам-су-ла-Тур, в церкви Святого Петра в Лувене, образу Богоматери в Альземберге и статуе Богоматери в Вервье; и все же толпы паломников были не меньше к Богоматери в Афигеме, Богоматери в Шевремонне, Богоматери Веры, близ Динана, Богоматери в Вавре, Богоматери в Бель-Фонтене и т. д.

Но для наиболее частого паломничества мы должны обратиться к Венгрии, где статуя Богородицы из известкового дерева, найденная в двенадцатом веке на стволе дуба, стала знаменитой Богоматерью Марии-Целл, которая творила столько чудес на протяжении всего Средневековья; в Кельн, где почитались три волхва, причисленные Церковью к лику блаженных, и в Трев, где с IV века отмечается юбилей Святой Ризы Господа - юбилей, в котором раньше принимали участие до ста тысяч паломников в день; И, наконец, мы должны упомянуть самое известное из тех святилищ Нотр-Дам де Нейг, которые можно встретить на

многих горах, чьи вершины покрыты снегом - а именно, великолепный монастырь Айнзидельн в Швейцарии (кантон Швиц), который был всего лишь непритязательным ораторием, когда Майнрад, принц великого дома Гогенцоллернов, основал там поклонение Богородице Отшельников.

Терновый венец Иисуса Христа, хранящийся в соборе Нотр-Дам в Париже. Он состоит из кольца маленьких тростинок, связанных в пучок (диаметр внутри 21 см); шипы больше не видны; он оправлен в золото и удерживается тремя листьями аканта, также из золота; снят с оригинала М. Рохо де Флери.

ЕРЕСИ.

Настоящее значение слова *ересь*.- Еретики апостольских времен.- Симон Маг.- Церинф.- Николаиты.- Гностики.- Философские школы Византии, Антиохии и Александрии.- Юлиан Отступник.- Пелагиане и полупелагиане.-Несторий.- Евтихий.- Иконоборцы.- Амаури.- Жильбер де ла Порре.- Абеляр.- Арнольд Брешианский.- Альбигойцы.- Вальденсы.- Флагелланты.- Виклиф.- Иоанн Гусс.- Иероним Пражский.- Лютер.- Генрих VIII. и англиканская церковь.- Кальвин.

Вероятно, мало кто знает, что истинное значение слова "*ересь*", после его греческого происхождения (*hairesis*), означает всего лишь *мнение*. Ересь заключается в притязаниях на объяснение Священного Писания в соответствии с собственным частным суждением или личным мнением вместо того, чтобы принимать толкование, данное священному тексту авторитетом Церкви. Еретики существовали со времен апостолов. Святой Павел, говоря о них, рекомендует курс, которому, к сожалению, не всегда следуют. "Если кто не послушен слову нашему, ... не имей с ним общения; ... впрочем, не считай его врагом, но наставляй его, как брата". Святой Петр, с присущей ему ревностной горячностью, увещевает верующих языком, полным образов, быть начеку против заблуждений гностиков (то есть *ученых* или *эрудитов*): он называет их "колодцами без воды, облаками, несущимися с бурей". Затем в нескольких энергичных предложениях он подводит итог их учению: "Ибо, произнося большие пышные слова тщеславия, они прельщают похотями плоти и распутством тех, кто был чист, и убегают от них, живущих в заблуждении". Мы знаем, что гностики считали, что совершенство заключается в науке; они полагали, что вера и добродетельная жизнь предназначены только для простых людей. Одурманенные собственной ученостью, они даже отвергли авторитет Христа, которого отказались признать своим Господом и Богом; учение об ангелах они заменили теорией божественных эманаций и признали древнее учение о вечном антагонизме между добрым и злым началами.

В Деяниях апостолов, рассказывая об успехе, который имела проповедь дьякона Филиппа среди жителей Самарии, говорится, что в этом городе был волхв по имени Симон, который оказывал такое большое влияние на людей, что все внимали его словам и называли его "великой силой Божьей". Но чудеса, творимые Филиппом, имели большее влияние, чем колдовство Симона, и люди толпами приходили креститься, а сам Симон стал учеником Филиппа.

Остальная часть истории, рассказанной нам в Деяниях апостолов, раскрывает происхождение слова, которое слишком часто встречается в религиозной истории Средневековья, чтобы мы могли упустить возможность объяснить его фактом, который, кроме того, помогает показать, как случилось, что Симон отпал от искреннего христианства и впал в ересь. Апостолы, жившие в то время в Иерусалиме, услышав об обращении Самарии, пришли возложить руки на новокрещенных, то есть утвердить их; и последние, получив Святого Духа, стали видимыми причастниками Его чудесных даров, которые были общими в первобытной Церкви. Писание говорит: "И когда Симон увидел, что через возложение рук Апостолов дается Святой Дух, то предложил им деньги, говоря: дайте и мне власть сию, чтобы всякий, на кого я возложу руки, получал Святого Духа. Но Петр сказал ему: деньги твои погибли с тобою, потому что ты думал, что дар Божий можно купить за деньги..... Итак, покайся в этом нечестии твоём и моли Бога, чтобы, может быть, прощено было тебе помышление сердца твоего..... Тогда отвечал Симон и сказал: молитесь за меня Господу, чтобы не пришло на меня ничего из того, что вы говорили". Именно потому, что *Симон* был

первым, кто попытался купить за деньги духовную силу, его преступление было названо *симонией*, а эпитет "*симонист*" был применен ко всем, кто покупал церковные исцеления.

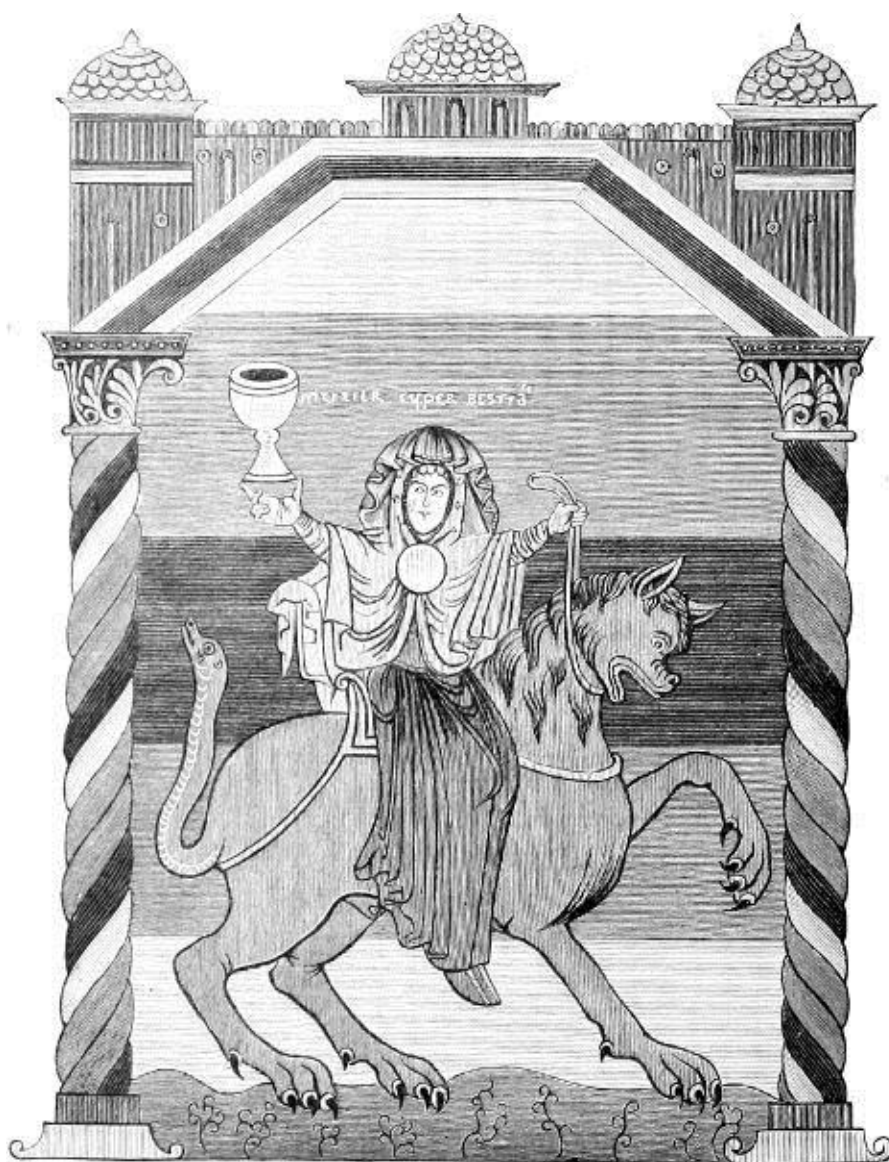

Рис. 306. Вавилон Великий (*mulier super bestiam*), изображенный в виде женщины, держащей чашу, и верхом на звере, о котором говорится в Апокалипсисе. Миниатюра из "Комментария к нескольким книгам по искусству", рукописи XI века, хранящейся в Национальной библиотеке в Париже. Из большого труда графа Бастарда.

Раскаяние еретика Симона длилось недолго: автор III века, чей рассказ подтверждается фрагментом из Суетония, рассказывает, что этот неопит вернулся к занятиям магией и, завидуя влиянию, которое приобрели апостолы благодаря своим чудесам, похвастался, что поднимет себя в воздух в присутствии императора и всего народа. Чтобы унижить святого Петра, который в это время находился в Риме, он настоял на том, чтобы апостол присутствовал при этом триумфе своего магического искусства. Сначала казалось, что его усилия увенчаются успехом - он был поднят высоко в воздух под аплодисменты толпы; но Петр призвал на помощь своего Божественного Учителя, чтобы сбить дух зла, и по его молитве маг, внезапно покинутый демоном, который оказывал ему помощь, упал на землю и сломал ногу так близко к тому месту, где сидел Нерон, что, по словам Суетония, кровь хлынула на мантию императора.

Среди ересиархов первого века следует также упомянуть иудея Церинфа, который стал христианином, но на которого апостолы смотрели как на развратителя религии Иисуса Христа. Он учил, что Иисус не был Сыном Божьим, и что Христос, спустившийся с небес в виде голубя, вселился в него только после крещения в водах Иордана. Эбион, ученик Церинфа, также отрицал божественность Христа и был основателем секты эбионитов. Николай Диакон, пытаясь привести евангельский закон в соответствие с языческими обычаями, породил ересь николаитов, которые впоследствии слились с гностиками. Эта последняя секта, о которой мы уже упоминали, получила огромное развитие во втором веке; ее учение, как и учение Манихея, основателя манихейства - этой сомнительной ереси, возникшей в результате смешения древних религий Индии с христианством, - легло в основу почти всех ересей Средневековья.

Рис. 307.- Ортодоксия, окруженная ловушками ереси.- Бонифаций Симонета (1470-1500), аббат Сан-Стефано-дель-Корно (епархия Кремоны), "призывающий Бога на помощь, чтобы его работа была более эффективной, ... и желающий прежде всего говорить разумно и справедливо" - факсимиле гравюры на дереве в "Livre des Persécutions des Crestiens:". Париж, Антуан Верар, готическое издание 4то (без даты).

Философские школы Византии, Антиохии и Александрии продолжали свою карьеру скептицизма и святотатственных дискуссий о божественности Иисуса Христа в течение второго и третьего веков. Высказав сомнение в божественной сущности трех лиц Троицы,

другие, еще более смелые, такие как Сабеллий и Праксеас, попытались показать, что эти три лица Бога были лишь тремя символическими именами, данными одной и той же субстанции. Александрийский собор (261 г.) наказал эти виновные ошибки. Вскоре после этого египетский священник по имени Арий подхватил их и очень широко распространил, утверждая, что Иисус Христос был сотворенным существом, безусловно, совершенным и почти подобным Богу, но сам не был Богом. Его учение также содержало тайные ереси, которые были осуждены Вселенским собором в Ницце (325 г.). Тем не менее это учение, известное как арианство, достигло большого прогресса; его приняли и поддержали несколько императоров, оно распространилось по всей Европе, и, несмотря на авторитет соборов и усилия пап и епископов, ему, казалось, суждено было заложить фундамент нового христианства, в котором божественности Христа не должно было быть места. Но самой радикальной атакой на христианство, несомненно, стал заговор разнородных сект под руководством императора Юлиана (331-362), прозванного Отступником, поскольку он отрекся от христианской веры с целью восстановления язычества. Его план по достижению этого результата был очень искусно продуман. Понимая, что необходимо объединить все силы, направленные против Церкви, он проявил благосклонность к ересям и философским школам, которые, получив определенную известность при Плотине и Порфирии, скатились к нелепым фантазиям о вызываниях и демонологии. Но под покровительством императора дела приняли другой оборот, на что указывает М. Жюль Симон в своей "Истории Александрийской школы". Эта школа, "униженная триумфами христианства, доведенная до молчания и безвестности, без какой-либо определенной цели, лишенная кредита и влияния, сразу же заняла новую позицию при воцарении Юлиана и попыталась использовать суверенную власть, которой был облечен один из ее последователей, для уничтожения христианства". Борьба была ужасной, и казалось, что Церковь лишилась всех человеческих средств защиты. Ее чада молили о помощи свыше, и преждевременная смерть Юлиана была приписана божественному вмешательству. Церковные писатели рассказывают, что святой Василий Великий, моля Бога о защите Церкви от гонителя, был перенесен в сон: он увидел Христа на небе и услышал, как тот сказал святому Меркурию (мученику Кесарийскому, в Каппадокии): "Иди и порази врага верующих в меня". Святой мученик тотчас же отправился выполнять свое поручение и, вернувшись через короткое время, сказал своему Божественному учителю: "Твой приказ исполнен, Юлиана больше нет". Святой Василий получил это видение в ночь смерти императора. Некоторые авторы утверждают, что император, зная, откуда последовал удар, который должен был стать для него смертельным, собрал в ладони кровь, выступившую из раны, и, разбрасывая ее к небу, воскликнул: "Ты победил, Галилеянин". Эти истории, популяризованные византийским искусством (рис. 308), свидетельствуют о том, какое значение придавали христиане борьбе, в которую они были вовлечены с Юлианом.

Отцы Церкви старались противопоставить философским школам, причинившим столько вреда религии, чисто церковные школы, для обучения верующих и для защиты их от соблазнов еретической учености. Эдесская школа была самой процветающей из этих восточных школ в течение третьего и четвертого веков.

Рис. 308.- Сон святого Василия Великого.- Кесарийский мученик, святой Меркурий, посланный Христом с небес, наносит удар императору Юлиану Отступнику, которого он повалил на землю (см. текст, с. 399).- По образцу греческой картины XVI века, хотя стиль одиннадцатого, в библиотеке месье Фирмина-Дидо. Материалы, касающиеся этой темы, можно найти в "Mélanges d'Archéologie" П. Кайе, т. I, с. 39 и далее.

Участие самих императоров в догматических спорах христиан и известность, которую приобрели риторы, нападавшие на истину или защищавшие ее, заставили ряд тщеславных ничтожеств соперничать друг с другом в экстравагантности и безрассудстве в стремлении стать знаменитыми: Они пытались привлечь к себе внимание общественности чрезмерным рвением в борьбе с еретиками, аскетизмом своих привычек, какими-то эксцентричными практиками или безрассудством своих нападков на церковную дисциплину, в частности, на поклонение Деве Марии. Среди них были Колут, Аэций, Бонос, Гельвидий, Иовиниан, босоногие монахи, мессалиане, прискиллианисты и др. Вспыхивали гражданские разногласия, проливалась кровь, и византийский двор через высших чиновников империи и особенно через женщин, которые проявляли страстный интерес к этим абстракциям догмы, ощущал последствия каждого религиозного столкновения.

В IV веке преобладающей ересью было арианство, которое видело в Слове только высшее существо, созданное, чтобы вмешаться между Богом и человеком. В пятом столетии в мире заговорили пелагиане, ученики Пелагия, уроженца Британии. Этот человек, который не

обладал ни талантом, ни способностями, пытался распространить свою доктрину, основанную на отрицании первородного греха; он утверждал, что человек может соблюдать заповеди Божьи и самостоятельно добиваться своего спасения без сверхъестественной помощи божественной благодати - это было фактическим отрицанием слов Христа: "Без Меня вы ничего не можете сделать". Целестий, один из его последователей, распространил эту ересь в Африке, где с ней красноречиво боролся святой Августин, епископ Иппонский. Карфагенский собор (415 г.) осудил ее, и по требованию присутствовавших там отцов папа Иннокентий I издал анафему на Пелагия и его приверженцев. Именно тогда святой Августин произнес знаменитую фразу: "Рим сказал свое слово, решение африканских епископов подтверждено письмами папы, дело подошло к концу - молитесь Богу, чтобы и заблуждение было также!" (*Roma locuta est, causa finita est*). Но глава секты написал Зосиму, преемнику Иннокентия, почтительное письмо с оправданием, и, когда его посланник Целестий представил новому папе коварное исповедание веры, в котором обязывался осудить все, что будет обличено Святым престолом, Зосима вступился за Пелагия, которого он искренне считал приверженцем истинной веры, перед африканскими епископами. Эти епископы представили понтифику, что его легковерие было навязано и что еретика, прежде чем получить отпущение грехов, следует заставить официально и ясно отречься от своих заблуждений. Тогда папа увидел, что его пытались обмануть, и снова осудил Пелагия и его последователей. Последние обратились к Собору, но святой Августин доказал, что вменяемая им ересь была полностью исследована африканскими епископами и бесповоротно осуждена Святым Престолом, и все, что осталось сделать, - это пресечь ее. Император Гонорий, учитывая политические неурядицы, которые порождались, особенно на Востоке, религиозными разногласиями, постановил, что тот, кто будет упорствовать в отстаивании заблуждений пелагианства, должен быть наказан изгнанием.

Однако ересь не исчезла полностью, но претерпела изменения в форме, и полупелагиане, чье учение было официально изложено монахом Кассианом, признавая первородный грех, утверждали, что Бог дал человеку врожденную и естественную способность идти по пути спасения, верить и освобождаться от оков греха без помощи божественной благодати. Это было присвоение религиозного понятия свободы воли философскому. Эти абстрактные вопросы могут показаться нам очень тонкими, но в те первые века они занимали все внимание общества. Новый еретик, Несторий, епископ Константинопольский, произвел огромную сенсацию во всем христианстве, утверждая, что Иисус Христос воплощал в себе две разные личности. До сих пор все христиане верили, как учила Церковь, что божественная и человеческая природа Иисуса Христа принадлежат одному человеку - Слову, второму лицу Троицы. Несторий косвенно атаковал этот основополагающий догмат, заявив, что Богородица должна называться *Матерью Христа*, но не *Матерью Бога*. Это учение, подразумевающее, что во Христе было две разные личности, настолько отталкивало верующих, что, когда епископ впервые изложил его им, они тут же покинули церковь, боясь показаться одобрителями новой ереси. Император Феодосий Младший, видя, какие беспорядки вызывает в Константинополе проповедь Нестория, собрал в Эфесе собор, на котором от имени папы председательствовал святой Кирилл, епископ Александрийский. Ересiarх отказался явиться, и его учение было рассмотрено, обсуждено и осуждено.

Жители Эфеса выразили свое удовлетворение, когда узнали, что титул Богородицы был подтвержден Деве Марии. Но посол Феодосия, преданный союзник Нестория, перехватил депешу о заседаниях Собора и отправил в Константинополь искаженный отчет. Подходы к императорскому дворцу были так хорошо охраняемы, что, казалось, не было никакой надежды ознакомить императора с тем, что произошло на самом деле, пока один из членов

совета не прибег к хитрости: переодевшись нищим, он передал подлинный письменный отчет в дупле своего посоха. Тогда Феодосий заточил Нестория в монастыре в Антиохии и, поскольку тот продолжал провозглашать свои догмы, сослал его в Египет.

Ревностный монах Евтихий, настоятель монастыря близ Константинополя, борясь с ересью Нестория, впал в противоположную ошибку, так же противоречащую православному учению. Вместо того чтобы соблюдать букву догмата, он, в свою очередь, стал раскольников, поскольку утверждал, что в Иисусе Христе была только одна природа - божественная, которая поглотила человеческую, как океан поглощает каплю воды. Осужденный в Константинополе, он обжаловал приговор на другом соборе, собравшемся в Эфесе, постановления которого были подтверждены Феодосием II. После воцарения Юстиниана православная религия вновь обрела весь свой авторитет; евтихианство больше не осмеливалось нападать на нее, но арианство распространилось даже в Галлии на пути победоносных армий Теодориха, Эгидия, Одоацера, Тотилы и длинноволосых королей.

Правление Льва Исаврянина открыло новые возможности для заблуждений. Священные изображения, которые почитались с древнейших времен, стали причиной споров на Востоке, где их не одобрял Магомет и запрещал Коран. Утверждалось, что фигуральное изображение людей подвержено определенным астральным и дьявольским влияниям, и нарушать тем самым спокойный покой их душ противоречит религии, не говоря уже о святотатстве. Лев Исаврянин, проникшийся этой идеей, которой, к тому же, учили в восточной магии, издал против всех видов изображений знаменитый эдикт, отлученный папой и потрясший весь восточный мир. Луитпранд, король лангобардов, венецианцы, Карл Мартель и его франки были призваны на помощь Вечному городу, которому угрожали силы империи, вознамерившейся навязать Западной церкви осуждение изображений. Карл Мартель, разгромив победоносных сарацин на равнинах Пуатье (732 г.), оказал неоценимую услугу как христианской религии, так и Франции, поскольку исламизм был готов подчинить себе всю христианскую Европу.

Рис. 309.- Ученики Амаури, сожженные по приказу Филиппа Августа (1208).- Факсимиле миниатюры в "Chroniques de St. Denis" (рукопись XIV века).- Бургундская библиотека, Брюссель.

Рис. 310.- Эпизод осады Тулузы, представляющий, согласно традиции, смерть Симона де Монфора, который был убит 25 июня 1218 г. Барельеф в камне в церкви Сен-Назер в Каркассоне (XIII в.).

Во время правления императрицы Ирины второй Ниццкий собор восстановил поклонение образам (787 г.), но до воцарения императрицы Феодоры, которая ввела в действие решения собора, иконоборцы с одной стороны и манихеи с другой продолжали будоражить Восток, а также различные провинции Западной и Южной Европы. В этой великой гражданской войне погибло сто тысяч человек, а те, кому удалось спастись, укрылись в уединении отдаленных долин и недоступных гор, где закрепились и непрерывно вторгались и опустошали территорию империи. Разделение греческой и латинской церквей, подготовленное при императоре Варде (854-866), если не затронутое в действительности, способствовало распространению ереси. В XI веке не возникло ни одной новой секты, но в Церкви появились расколы, одни из которых были вызваны индивидуальной гордостью и амбициями, другие - диалектикой Аристотеля, странным злоупотреблением силлогизмом и подменой веры рассуждениями. Таинства были радикально изменены попытками примирить их с обычными представлениями, истолковать и приспособить к вульгарному пониманию. Беренгер (X век), пытаясь объяснить догмат евхаристии, сам впал в ересь, а Росселин, вождь номиналистов (XI век), пытаясь прояснить тайну Троицы, был вынужден утверждать, что это всего лишь имя, которое не соответствует никакому факту. Манихеи проникли в Европу; они отличались

любовью к бедности и смиренным поведением, что располагало людей в их пользу и завоевывало им приверженцев. Многие из них были сожжены на костре, но секта не была уничтожена, часто появляясь вновь в разных городах Европы под разными именами, то в одной форме, то в другой.

Гражданские трибуналы также приговорили к сожжению учеников богослова по имени Амаури Парижский, который провозгласил свои догмы во времена правления Филиппа Августа (рис. 309). Он учил, что Бог - первая причина, что закон Иисуса Христа должен был закончиться в 1200 году и освободить место для закона Святого Духа, который освятит людей без каких-либо внешних действий; отрицая воскресение мертвых и ад, он уничтожил важнейшую основу морали. Эта доктрина, столь же удобная, сколь и опасная, нашла множество горячих приверженцев.

Абеляр, самый талантливый диалектик своего времени, одаренный прекрасной образованностью и вооруженный рациональным богословием, которое он сделал понятным, приписал каждому из трех лиц Троицы различное происхождение и различный образ действий. Боги сразу же приготовились к борьбе с его взглядами, и святой Бернар стал их защитником. Когда Абеляра осудили, он раскаялся и, встав на колени перед судьями, сжег книги, в которых содержались его еретические теории; этим искупительным актом он показал себя даже более великим человеком, чем блеском своего учения. Епископ Жильбер де ла Порре, схоластический ересиарх, подобно Абеляру, также встретил страшного противника в лице одаренного аббата Клерво, и, склонив голову, признал свою вину, оставив своих учеников утверждать, что атрибуты Бога следует рассматривать как отличные от его сущности. Арнольд Брешианский нападал на мирскую власть, утверждая, что Церковь должна быть лишена своего имущества, что кошелек Святого Петра должен быть возвращен папе, а в папском городе должна быть провозглашена древняя Римская республика. Вальдо пошел еще дальше: он советовал христианам отказаться от всякого имущества, чтобы сделать свою жизнь более духовной. Альбигойцы (рис. 310 и 311) и вальденсы, которые были манихеями под другим именем, в конечном итоге воплотили в себе все ереси, которые к концу двенадцатого века распространились по Европе и главным образом на юге Франции. В следующей главе ("Инквизиция") подробно рассказывается о крестовом походе против них. Со всех концов христианства, но главным образом из Германии, Фландрии и Франции, крестоносцы встали под знамена веры.

Рис. 311.- Вступление Людовика VIII, короля Франции, и кардинала Сент-Анджело, папского легата, 12 сентября 1226 года в Авиньон, который только что капитулировал после трехмесячной осады - по миниатюре в "Chroniques de Hainaut" (рукопись XV века, хранится в Бургундской библиотеке, Брюссель).

Рис. 312. Ересь флагеллантов. Латинская надпись на ленте, которую нес епископ Иппоны, означает: "Они приносят жертву сатане, а не Богу". Факсимиле миниатюры из "Города Дье" святого Августина (рукопись XV века, библиотека Святой Женевиевы, Париж).

Эта кампания была начата в 1196 году. Собор, осудивший новую манихейскую ересь, собрался в Монпелье в декабре того года, и первым результатом репрессивных мер, которые он очень быстро применил, стало оттеснение в Севенны, Альпы и Вогезы, а также в сторону Роны, Мозеля и Рейна множества еретиков, пытавшихся публично преподавать в свободных городах Германии.

Чрезмерная набожность, проистекавшая из желания отвратить гнев Божий, совершенно спонтанно породила в Италии секту, известную как флагелланты. Это странное увлечение бичеванием началось в Перудже, откуда перешло в Рим, а затем в Германию и Польшу. Дворяне, старики, люди всех сословий, бедняки и даже дети проходили по улицам городов и сельских районов с голыми плечами, безжалостно бичуя себя плетью с кожаными ремешками (рис. 312). Эти фанатики, путешествовавшие по всей Европе, твердо верили, что ангел принес послание от Иисуса Христа, в котором говорилось, что христианин может получить прощение за свои грехи только одним способом - покинуть свою родную страну и бичевать себя тридцать три дня подряд, в память о тридцати трех годах, которые Христос провел на земле. Апостолики, дульцинисты, бегарды, флагелланты, духовные братья, братья

свободного духа, турлупины и т. д. приняли эти суеверные идеи и образовали отдельные секты, которые были осуждены церковью как еретические. Сектанты обжаловали приговор: гражданские трибуналы поддержали церковные; зажгли костры, и огромное количество еретиков погибло; многие, однако, спаслись и, присоединившись к альбигойцам, образовали секту лоллардов. Англичанин Виклиф, чья ересь проникла во всю Британию (1368-1384), открыто нападал на Римский двор, высшее духовенство, литургию и таинства, с тем большей дерзостью, что чувствовал поддержку всего народа и нескольких государей. Оксфордский университет провел критическую экспертизу книг Уиклиффа и обнаружил в них двести семьдесят восемь предосудительных предложений, которые он передал для порицания архиепископу Кентерберийскому и епископу Лондонскому. После того как Виклиф выступил против Церкви, ее обычаев и институтов, он атаковал самые основы гражданского общества своим учением о том, что для обладания любым правом или властью на земле необходимо находиться в состоянии благодати. Следовательно, короли, дворяне и землевладельцы должны были потерять свои политические и домениальные права, поскольку они находились в состоянии смертного греха, так же как папа, епископы и священники через грех должны были потерять свои духовные полномочия. Кроме того, он отрицал существование свободы воли, а его утверждение, что все, что делает человек, он обязательно должен делать, подразумевало, что все наказания несправедливы, поскольку никто не виновен, если действует по принуждению. Наконец, он признавал существование Бога только для того, чтобы сделать Его ответственным за зло, утверждая, что Богом также движет непобедимая необходимость, что Он с одобрением смотрит на тех, кто грешит, что Он даже принуждает людей к совершению греха; "так что, - как замечает Боссюэ, - религия этого так называемого реформатора была хуже атеизма". Правда, для Виклифа Бог мало что значил, ибо, согласно его системе, "всякая тварь есть Бог, все есть Бог". Легко понять влияние подобных доктрин на массы; религиозный спор превращался в социальный вопрос. Последователи Виклифа, будучи осужденными, отказывались подчиняться решениям церковной власти. Их книги сжигали, апостолов отправляли на кол, а других в тюрьму или ссылку. Но, несмотря на столь суровое обращение, доктрины Виклифа произвели глубокое впечатление в Англии, вскоре получили защиту Палаты общин и расположили умы людей склониться перед деспотичной волей Генриха VIII.

Рис. 313.- Джон Уиклифф, богослов-ересиарх, предшественник Лютера, родился в Уиклиффе, в Англии, около 1324 года, умер в 1387 году.- По "Vrais Pourtraits des Hommes Illustres:" 4to, Jean de Laon, Geneva, 1581.

Самые стойкие католические писатели признают, что духовенство само несет ответственность за триумф еретиков. Мёллер говорит: "Ослабление церковной дисциплины среди духовенства и во многих религиозных общинах, от которого не всегда был свободен сам папский двор, дало сектантам XVI века предлог для восстания против Церкви, ее доктрин, иерархии и институтов. К этому моральному упадку значительной части духовенства следует добавить глубокое невежество высшего духовенства; и даже те, кто занимался литературой и наукой, ограничивались почти исключительно изучением греческой и латинской литературы, которая определяла весь ход научных исследований с пятнадцатого века и далее. Многие языческие идеи проникли в умы людей и способствовали возникновению чувства презрения как к христианству, так и к той прекрасной христианской литературе, которая с самых ранних времен проливала свет на Церковь. Такое состояние духовенства оказывало пагубное влияние на народную массу, которая жила в полном невежестве относительно религии, потеряла привязанность к Церкви и всякое уважение к ее пастырям".

Это религиозное безразличие духовенства и народа объясняет успех не только ересиархов, представлявших себя реформаторами нравов и дисциплины, но даже сект, пользовавшихся самым низким уважением, например, колдунов. Факты слишком многочисленны и слишком хорошо подтверждены, чтобы допускать какие-либо сомнения на этот счет. В Средние века по всей Европе существовали многочисленные секты колдунов и ведьм, которые на полном серьезе исповедовали, что отдают себя в руки дьявола в обмен на дар магической силы. Испанская инквизиция была не единственным органом, который

отправлял их на кол, после того, как они представляли перед судом и получали признание в своих злодеяниях; французские трибуналы выносили смертный приговор в подобных случаях, когда обвиняемые после долгих и подробных допросов, но без пыток, делали признание о своих сатанинских оргиях, известных под названием *саббат* (рис. 314). Эта разновидность ереси ускользнула от всех мер, принятых гражданскими и религиозными властями для ее искоренения. В "Истории процессов о колдовстве" Сольдама говорится, что даже в конце XVI века, с 1590 по 1594 год, в небольшом протестантском городке Нордлинг в Германии были приговорены к сожжению тридцать пять ведьм из шести тысяч жителей. Бесчинства секты колдунов свидетельствуют, несомненно, о глубоком разложении нравов, но в них не было зародыша социальной революции; впрочем, не так обстояло дело с теориями, излагавшимися великими ересиархами.

Рис. 314. "Саббат", репринт легенды, содержащейся в приговоре Аррасского трибунала 1460 г. Гравюра XVI в., хранится в Национальной библиотеке в Париже.

Доктрина Виклифа вскоре проникла в Германию. Его распространял Иоанн Гусс, один из докторов Пражского университета. Узнав об этом, университет торжественно осудил книги Виклифа и запретил их читать. Иоанн Гус не решился на открытое противодействие; но поскольку доктора университета были немцами, он призвал на помощь тщеславие богемцев и личную неприязнь короля Вацлава к немцам, которые свергли его с престола империи.

Положение профессоров стало невыносимым, и они уехали со своими двумя тысячами учеников в Лейпциг, где основали университет. К Иоанну Гусу присоединились несколько церковников, которые стремились получить свободу действий; но ведущие богемские профессора, созванные архиепископом для изучения трудов Виклифа, которые Иоанн Гус распространял среди богемских дворян, решили, что владельцы этих книг должны отдать их на сожжение. Иоанн Гус снова попытался смириться, пообещав архиепископу исправить в своих проповедях все, что могло ускользнуть от него вопреки христианской доктрине; по его мнению, это обещание не мешало ему распространять учение Виклифа, которое он считал вполне ортодоксальным. Его поддержал Иероним Пражский, человек с положением, который, помимо своей пылкости и смелости, был бакалавром богословия, хотя и мирянином. Последний был настолько ревностен в своей приверженности, что однажды остановил трех монахов-кармелитов, боровшихся с теориями Виклифа, и бросил одного из них в Молдау. По доносу папы пражское духовенство объявило Иоанна Гуса и его приверженцев еретиками и отлучило от церкви. Восстание, поднятое в Праге его сторонниками во главе со вспыльчивым Иеронимом, стоило жизни многим из них, и сенат приговорил их к высшей мере наказания. Иоанн Гус обжаловал приговор папы на следующем соборе, который состоялся в Риме в 1413 году и вновь осудил труды Виклифа и отлучил от церкви Иоанна Гуса, который не явился на собор, хотя и был приведен в качестве свидетеля. Канцлер Жерсон, прославленный декан богословского факультета Парижского университета, который только что осудил девятнадцать заблуждений Иоанна Гуса, написал архиепископу Праги, увещевая его принять необходимые меры для пресечения этой ереси.

Этот прелат, следуя совету Жерсона, заручился поддержкой короля Богемии, и было принято постановление об изгнании из королевства всех тех, кто все еще придерживался осужденных теорий Виклифа. Иоанн Гусс был вынужден покинуть город, но он как всегда яростно выступал против церкви и особенно против папы.

Рис. 315. Иоанн Гус, знаменитый ересиарх, родился в Богемии; был судим, осужден и сожжен в Констанце в 1415 году.

Рис. 316. - Иероним Пражский, ученик Иоанна Гуса, родился в Праге около 1378 года; сожжен заживо за ересь в Констанце в 1416 году.

По "Настоящим портретам выдающихся людей". Жан де Лаон, Женева, 1581.

Констанцскому собору, созванному на 1 ноября 1414 года, было предписано рассмотреть его доктрины. Иоанн Гус, не дрогнув в этот решающий момент, настойчиво призвал своих противников публичными плакатами прийти и поставить его в тупик перед собором. "Если, - заявлял он в этих плакатах, - я буду уличен в каком-либо заблуждении или в том, что учил чему-либо, противоречащему христианской вере, я готов понести наказание, положенное еретикам". Затем он попросил и получил от императора Сигизмунда конспиративную грамоту, в которой говорилось, что "из уважения к императорскому величеству ему будет позволено свободно и безопасно проезжать, пребывать, оставаться и возвращаться, а также, в случае необходимости, будут выданы другие подходящие паспорта". Иоанн Гус покинул Прагу 11 октября (рис. 315 и 316), а 20-го, в письме из Нюрнберга, он выражает удовлетворение тем приемом, который ему везде оказывали, особенно церковники, которые, кажется, были склонны принять его доктрину. Прибыв в Констанц 3 ноября, он очень свободно излагал свои идеи, как устно, так и письменно; и, несмотря на отлучение, которое на него наложили, он каждый день совершал мессу в отдельной комнате, но не скрывая этого, перед жителями окрестностей. 28 ноября он был арестован и брошен в тюрьму. После допроса многих свидетелей публично были зачитаны тридцать девять статей, взятых из его речей и трудов, в самой важной из которых говорилось, что "только избранные являются членами Католической церкви; что святой Петр не является и никогда не был главой этой церкви; что при совершении смертного греха церковные и гражданские власти теряют свои права и привилегии; и, наконец, что осуждение сорока пяти статей Виклифа было

необоснованным и несправедливым". Преподобный Петр д'Айли увещевал Иоанна Гуса подчиниться суду собора; император сделал то же самое, пригрозив ему в случае отказа суровостью закона. На следующий день ему дали подписать отречение, но он не согласился. Через две недели после этого, 24 июня, его книги были приговорены к сожжению. 6 июля собор объявил его еретиком и лишил церковного сана, после чего он был передан в руки светской власти. Присутствовавший при этом император приказал графу-палачу немедленно схватить его, и гражданский закон, осуждавший упорных еретиков на кол, был применен со всей строгостью. Иоанн Гус мужественно покорился своей участи. Иероним Пражский сначала подписал формулу отречения, но вскоре отрекся от нее, а после публичного заявления о том, что он полностью принял учение Иоанна Гуса, его также отправили на костер.

Эти безжалостные меры не смогли запугать сторонников Иоанна Гуса; напротив, они превратились в орду фанатиков, в которую без разбора влились все враждебные Церкви секты. Зиска, камергер короля Вацлава, поставив себя во главе их, разорял Богемию, грабил монастыри, истреблял монахов, сделался абсолютным хозяином страны, сдерживая всю военную силу империи. После его смерти (1424 г.) гуситы, далекие от покорности и признания своих заблуждений, продолжали главенствовать в Германии, так что Лютеру оставалось только бросить семя на землю, которую они обагрили кровью.

По странной аномалии, гуситы оставались твердо привержены догмату о евхаристии, и главным побуждением людей присоединиться к их партии была, в некоторых случаях, привилегия иметь возможность принимать причастие в обоих видах. Гуситы, собравшиеся в количестве сорока тысяч человек в своем знаменитом лагере Табор, на обочине дороги, без предварительной исповеди, причащались хлебом и вином. Их лидер называл себя Зиской из Чаши; а когда умеренная часть партии отделилась от более продвинутой, он выбрал имя Каликстинцев для обозначения своих последователей. Протестанты, напротив, не сразу пришли к отрицанию реального и постоянного присутствия Христа в евхаристических элементах. Важность, придаваемая этому догмату, привлекла всеобщее внимание к необычному случаю одержимой женщины, который произошел в Лаонской и Суассонской епархиях в середине XVI века. Это была молодая женщина, недавно вышедшая замуж, по имени Николь, принадлежавшая к скромной, но очень честной семье. Было проведено множество публичных экзорцизмов, и пароксизмы пациентки всегда снимались таинством. Дело подверглось большой критике; оно было подвергнуто тщательному изучению, и возбуждение, которое оно вызвало, было столь велико, что власти вмешались. Николь была передана королевским делегатам (рис. 317), "которые приказали, чтобы все эксперименты проводились врачами и хирургами, официально назначенными и отобранными как среди католиков, так и среди протестантов, чтобы к их отчетам не было никаких подозрений". Свидетельства этих врачей отбросили всякую мысль о мошенничестве, которое судебные власти без колебаний наказали бы, если бы оно практиковалось. Принц де Конде, губернатор Пикардии и один из самых горячих сторонников так называемой реформатской религии, задержал на несколько дней в своей резиденции одержимую женщину вместе с ее родителями, которые сопровождали ее, куда бы она ни пошла; но его допросы не смогли поколебать их убежденности в том, что Николь была одержима и что евхаристия вернула ее. Наконец, королевский указ позволил этим несчастным вернуться в свой дом в Вервине.

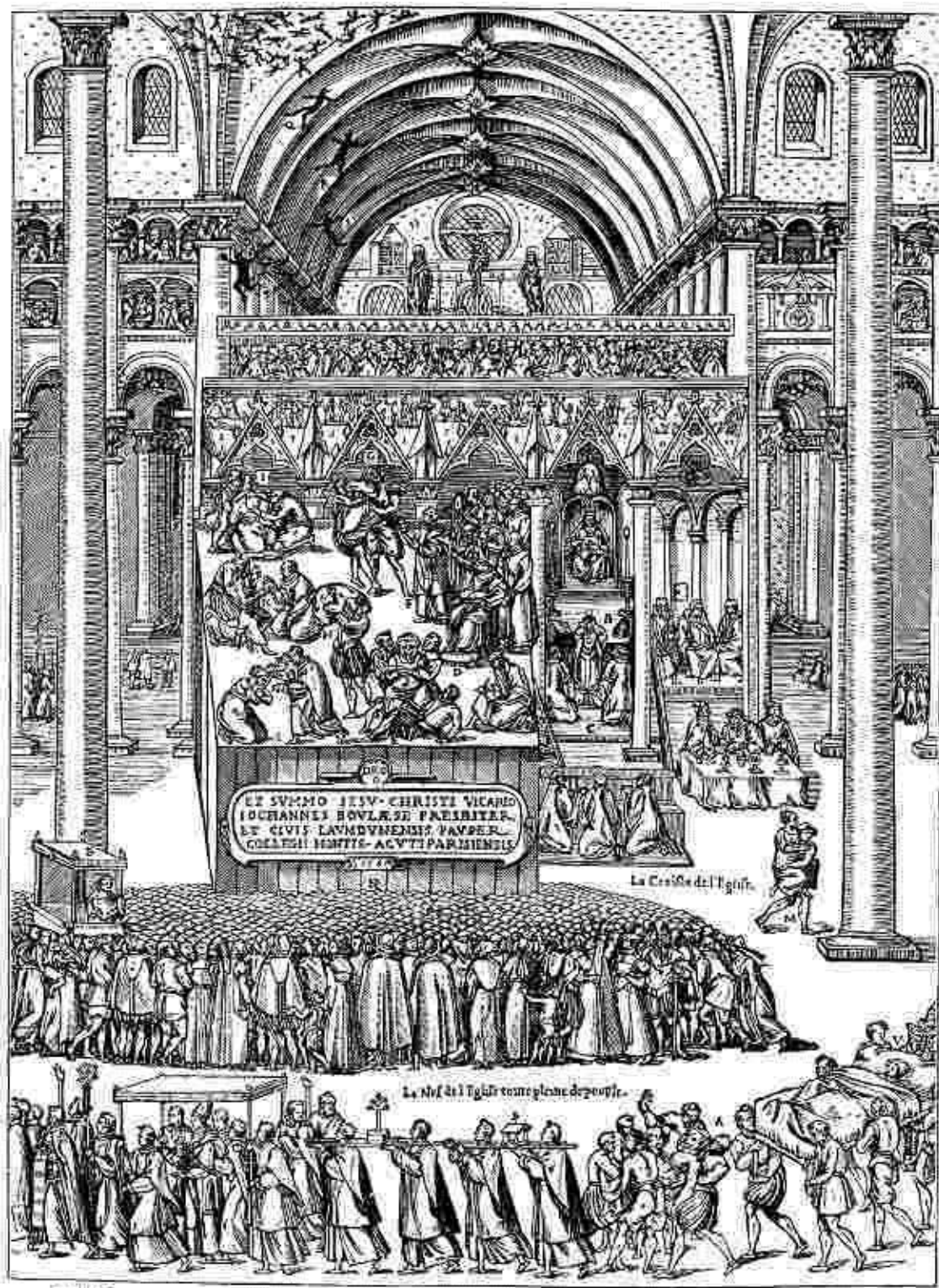

Рис. 317.- Экзорцизм одержимого дьяволом человека в церкви Нотр-Дам в Лаоне, проведенный епископом этого города 8 февраля 1566 г. Уменьшенное факсимиле гравюры из "Руководства по виктории корпуса Дье над малином" Жана Булеза: 16mo., Paris, 1575.

Церковная власть, поддерживаемая ортодоксальными государями, почти всегда была достаточной для подавления еретических движений, которые ограничивались несколькими провинциями или епархиями; Но жестокие разногласия Рима с Империей, два противоборствующих лагеря, образовавшихся в течение двух столетий между папами и антипапами, независимое положение, приобретенное коммунами после неоднократных

восстаний против их епископов и дворян, сделали необходимым вмешательство судебной власти в религиозные ссоры и споры, возникавшие на почве постоянно появлявшихся ересей и расколов. Создание этой власти, наполовину гражданской, наполовину церковной, исходящей от трона, было направлено главным образом на защиту наследия прошлого от посягательств и дерзких притязаний будущего. Вот как получилось, что с XIV века суды, называемые Кур де Гранд Жур, президентские трибуналы, парламенты и даже бейливики вместе с парижским Шатле вмешивались в вопросы богослужения, хотя их решения не всегда соответствовали каноническому праву. Инквизиции не удалось обосноваться во Франции, но обычные трибуналы заявили о своем праве рассматривать преступления ереси, не прибегая к помощи церковных властей.

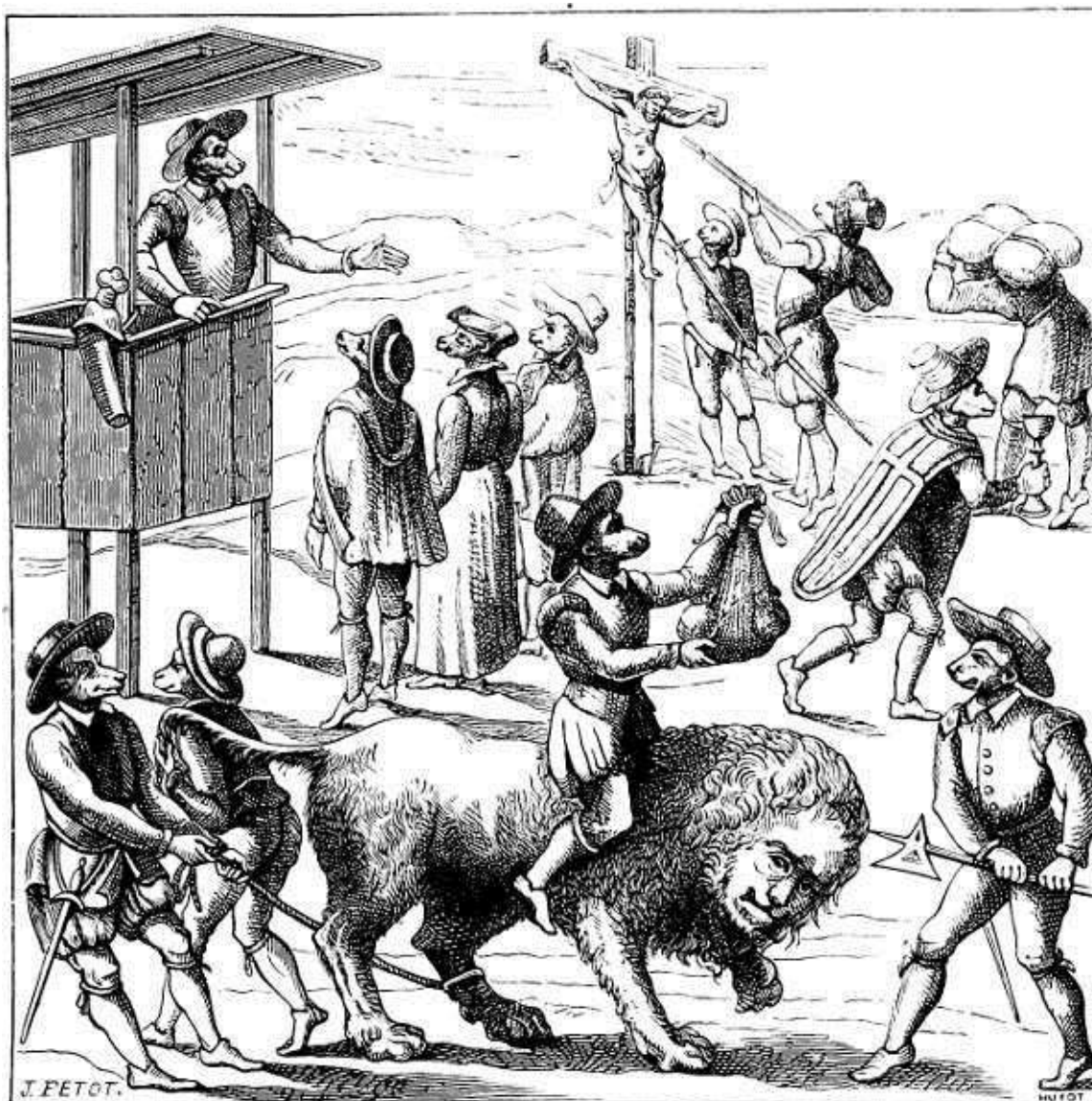

Рис. 318 - Аллегорическое изображение бесчинств, совершенных гугенотами. Лев, связанный и укрощенный, представляет Францию, доведенную еретиками до плачевного состояния, как гражданской войной, грабежами, насилием и кровопролитием, так и нечестием, следы которого они оставили повсюду, оскверняя церкви, разбивая священные сосуды, попирая ногами кресты, изображения и мощи святых.-По рисунку из рукописи "De Tristibus Franciæ", хранящейся в Лионской библиотеке. (Шестнадцатый век.)

Рис. 319. Джон Нокс, распространитель так называемой реформатской религии в Шотландии; родился в Гиффорде в 1504 году, умер в 1572 году.

Рис. 320.- Ульрих Цвингль, первый поборник религиозной реформы в Швейцарии; родился и умер в Вильдхаусе, в кантоне Санкт-Галл, 1484-1531 гг.

Из "Настоящих портретов выдающихся людей". Жан де Лаон, Женева, 1581 год.

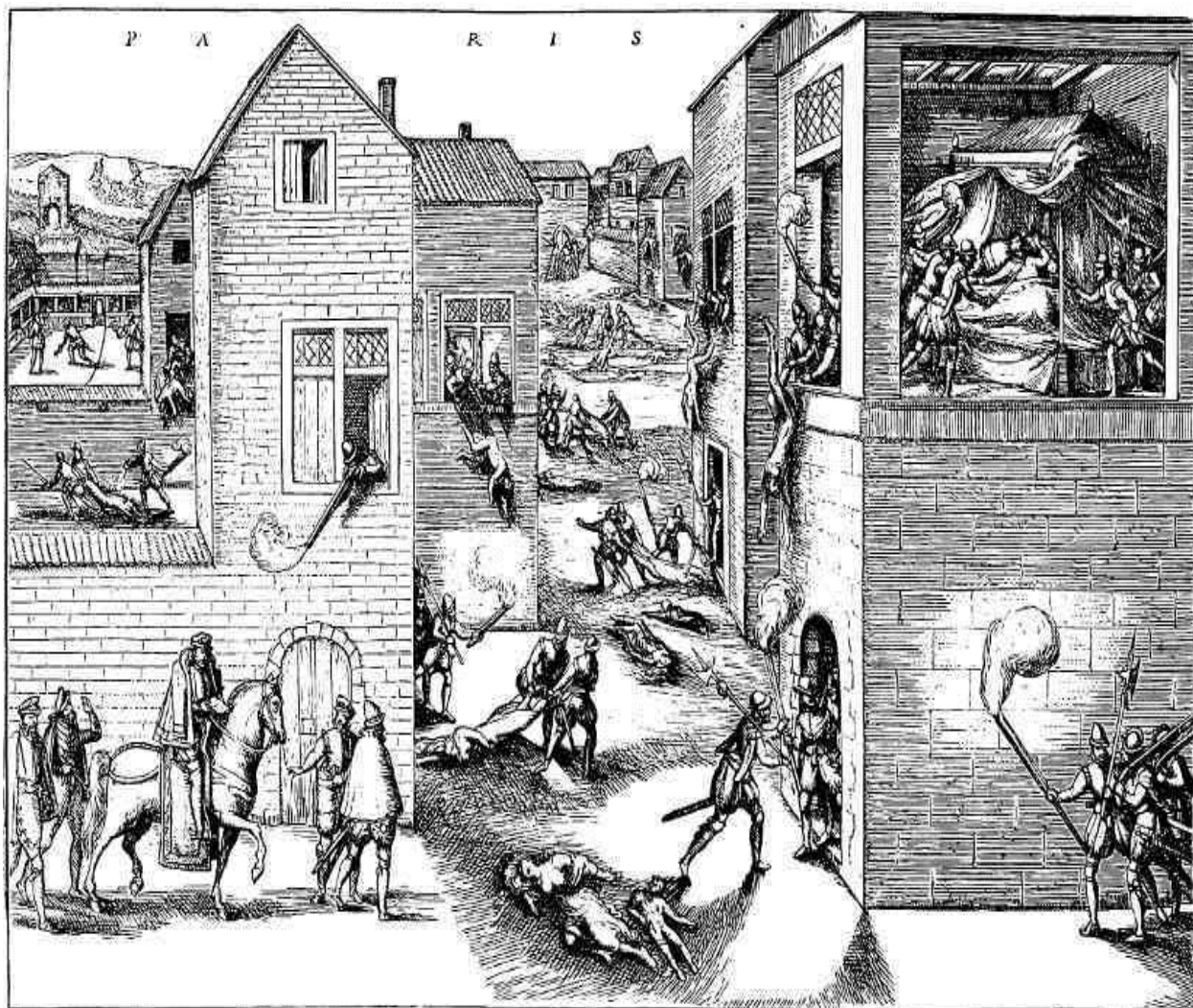

Рис. 321. Резня святого Варфоломея, Париж, 24 августа 1572 г. Главный сюжет - убийство Колиньи. Слева адмирал выходит из Лувра, и во время чтения меморандума его ранит аркебуза, выпущенная Моревертом из окна (22 августа); на заднем плане один из его конников сообщает об этом королю Карлу IX, которого он застает играющим в теннис. Справа Колиньи, на которого напали солдаты в его гостинице на улице Бефизы, убит Бесме, и его тело, выброшенное из окна, падает к ногам герцога де Гиза. В соседнем доме происходит расправа над Телиньи и другими протестантами - по немецкой гравюре, перепечатка одной из дополнительных пластин коллекции, выгравированных Жаном Торторелем и Жаком Перриссеном.

Когда протесты Лютера против Рима и католицизма (1517 г.) впервые прогремели на весь мир, реформаторская ересь уже давно дремала, так сказать, в состоянии куколки, ожидая лишь каких-то обстоятельств, способствующих ее развитию. "Яйцо было снесено", - как заметил Эразм, - "Лютеру оставалось только высидеть его". Развращение высших классов, духовенства, и народа увеличивало его шансы на успех. Подавление безбрачия среди духовенства и монашеских обетов рассматривалось развращенными епископами, священниками и монахами с тайной благосклонностью; перспектива перехода всего имущества Церкви в их собственность возбуждала корыстолюбие князей и дворян; а отказ от церковного учения льстил тщеславию народа, который становился верховным судьей догм благодаря праву, предоставленному ему самому, толковать Библию, переведенную теперь на вульгарный язык. В течение двух столетий рационализм распространял закваску бунта против авторитета прошлого, и появление книгопечатания придало ему новую силу. Апостолу нового учения достаточно было произнести слово "отрицание", и армия учеников поднялась, чтобы следовать за ним и сражаться под его знаменем - учеников, которые,

поначалу повинуюсь его приказу, вскоре стали мятежными и нетерпеливыми, чтобы получить для себя свободу исследования и независимость принципов, которые Лютер деспотично пытался оставить исключительно для самого . Карлштадт, Oecolampadius, Хуттен, Цвингле (рис. 320), Швенкфельд, Мюнцер, Штаупиц, Нокс (рис. 319) и многие другие, следуя по стопам знаменитого виттенбергского профессора, имели свою собственную школу: "Учения обрушивались, как лавины, доктрины грохотали, как буря; была темная бездна неологизмов, непоследовательностей и противоречий, среди которых не было видно ни одного луча вечного солнца благодати", - цитируя поэтический образ Виланда. Интеллектуальное движение было не менее гигантским, особенно в Германии и в странах, граничащих с Мозелем. Шквал заявлений, памфлетов и историй, одних правдивых, других ложных, выходивших, в большинстве своем анонимно, из бесконечного множества типографий, быстро распространялся и проникал во все районы; аллегорическая евхаристия Цвингле, революционное обращение Мюнцера к франконским монахам, восстановление *письма* Швенкфельда, *троп* Карлштадта против Лютера принимали тысячу различных форм; В то время как сам неутомимый Лютер, попеременно то Демосфен, то Петроний, то датский крестьянин, то пьяница, напившийся пива, на пятнадцати тысячах страниц фолианта изложил свои бессмысленные протестантские теории - хаос красноречия, поэзии, впечатляющих уподоблений, осязаемых истин, дерзкой лжи, яда, ненависти, зависти и грязи. Знаменитый Лейпцигский спор, Вормсская и Аугсбургская сессии, война за истребление крестьянства, ссора об образах, Маубургское собеседование, резня святого Варфоломея во Франции (илл. 321) - словом, многочисленные повороты этой великой религиозной драмы, за которой Европа следила с нервной тревогой, предстают в больших трудах, изданных с тех пор учеными спорщиками, не так рельефно, как на этих бестолковых страницах, разбросанных по ветру, распеваемых на углах улиц, сопровождаемых обличениями, угрозами и кровопролитной борьбой между непримиримыми фракциями католиков и гугенотов.

**Ein Sermon von dem
vnrechten Hammon Luce an XVI.
D. M. Luther. Anno M. D. XXI.**

Рис. 322. - Мартин Лютер - уменьшенное факсимиле портрета работы Лукаса де Кранаха (1520), опубликованного на форзаце проповеди Лютера против власти Римской церкви (in octavo, Wittenberg, 1522), когда он сбросил с себя одеяние августинского монаха. Латинский дистих прославляет художника и оригинал такими словами: "Если Лютер оставляет нетленные следы своего гения, то Лукас (Кранх) увековечивает навечно черты, которые смерть сотрет".

Лютеранство, вызванное восстанием в монастыре, привело к анархии в церкви, к изгнанию Карлштадта, который был вынужден просить хлеба от деревни к деревне, к гонениям на *Æcolampadius* и *Schwenckfeld*, к расправе над сотней тысяч восставших крестьян в Тюрингии и Швабии. Ересь Лютера породила множество сект - сакраментариев, *Æcolampadians*, антиномистов, майористов и анабаптистов; пап было столько же, сколько и раскольнических церквей. Лютеранское вероучение все еще в странах по ту сторону Рейна, когда французские сектанты, Фарель и Фроман (рис. 324), вознамерились произвести революцию в Женеве и соседней стране. Беспричинная ненависть к Савойскому дому привлекла под их знамена многочисленные ряды патриотов, которые, стремясь к демократической независимости, надеялись избавиться от наследственной монархии и порвать с католицизмом, ее главным союзником.

Рис. 323.- Джон Кальвин, прозванный женеvским папой, глава так называемой Реформатской церкви; родился в Нуайоне в 1509 году, умер в Женеве в 1564 году. Факсимиле гравюры на дереве из сочинений Теодора Безы, переведенных с латинского Симоном Гуларом - "Les Vrais Pourtraits des Hommes Illustres" (4to, Jean de Laon, Geneva, 1581). Один из гравированных фронтисписов этого сборника содержит монограмму Жана Кузена.

В Англии король отделился от Римской церкви. Генрих VIII, не сумев добиться от папы Климента VIII буллы, аннулирующей его брак с Екатериной Аррагонской и разрешающей ему обручиться с Анной Болейн, объявил себя верховным и единственным главой церкви в своем королевстве, но не затрагивал догмы, которые защищал против Лютера; таким образом, это был скорее раскол, чем ересь. При его преемниках, в соответствии с решением английского парламента, синод, собравшийся в Лондоне, составил Исповедание веры для Англиканской церкви, которое меньше, чем какое-либо другое, в отношении догматов и дисциплины, отличается от традиций Католической церкви.

Рис. 324. - Уильям Фарель, проповедник так называемой реформатской веры; родился в Гапе в 1489 г., умер в Женеве в 1565 г. Из "Настоящих портретов выдающихся людей". 4то, Jean de Laon, Geneva, 1581.

Прибыв в Женеву, Кальвин, чей ум был пропитан теми евангелическими новинками, которые представляли собой ересь, по сути, французскую, обнаружил, что Реформация там уже свершилась. Ее путь был слишком ясно обозначен руинами и кровавыми пятнами; разграбление побежденных их завоевателями превратило религиозную реформу в социальную революцию. Кальвин, ревностный и непреклонный сектант, использовал реформу как инструмент деспотизма. Чтобы стать главой церкви и государства, он провозгласил доктрину отрицания авторитета, начав с того, на чем закончил Лютер. К саксонскому вероучению великого реформатора он приспособил смешанную систему относительно Вечери Господней, заимствованную у Цвингля и *Æcolampadius*; он был вспыльчив и безжалостен, что слишком ясно доказывает печальная судьба Сервета и Грюэ; он был намерен править с помощью террора, ибо был рабом политики, а не духовных идей. Именно это составляет столь заметное и характерное различие между двумя поборниками протестантизма, между мятежным монахом из Виттенберга и священником-отступником из Нуайона. Кальвин вступил в открытую борьбу со всеми отступниками католической школы, с Джентилисом, Очино, Касталионом и Вестфальцем; его доктрина и его учение одинаково расходились с доктринами Цвингля в горах Швейцарии, Меланхтона в Виттенбергском университете, *Æcolampadius* у подножия Гауэнштейна, Мартина Буцера в Страсбурге и Брентцена в Тюбингене. Среди женевских сектантов только два друга, Фарель и Беза, оставались верны ему, скорее из-за совместимости темпераментов, чем из-за идентичности принципов. Французские гугеноты, однако, приняли в качестве своего верховного вождя

теократа , подобного Кальвину, который в течение четырех с половиной лет не выходил на улицу без эскорта мечей, пицалей и палачей (рис. 325).

Рис. 325.- Насилие французских гугенотов против католиков.- А. Благородную даму из Монбрюна (Шаранта) пытаются солдаты, которых она гостеприимно приняла. Они раскаляют подошвы ее ног раскаленными утюгами, а острыми краями утюгов срезают кожу с ее ног полосами.-Б. Магистр Жан Арнульд, королевский прокурор в Ангулеме, после того как ему изуродовали конечности, задушен в собственном доме.-С. Вдову прокурора уголовного суда этого города, семидесяти лет от роду, таскают за волосы по улицам.- Факсимиле медной пластины в "Theatrum Crudelitatum nostri Temporis" (4to, Антверпен, 1587).

Рис. 326.- Печать воображаемого быка Люцифера, взятая из "Roi Modus", рукописи XV века, хранящейся в Бургундской библиотеке в Брюсселе. Надпись на печати, похоже, кабалистическая; во всяком случае, она неразборчива.

Поэтому именно Кальвину и его личному влиянию следует приписать тот жестокий и беспощадный характер, который приняла реформа в XVI веке, когда ужасы религиозных войн оправдывались необходимостью проповедовать Слово Божье христианам, жаждущим его услышать!

ИНКВИЗИЦИЯ.

Общие принципы инквизиции; ее существование у греков и римлян.- Папская инквизиция.- Инквизиция во Франции.- Альбигойцы.- Королевская испанская инквизиция; ее политическая цель; против нее выступают папы.- Толедские инквизиторы, отлученные от церкви Львом X.-Святой Эрмандад.-Шпионы инквизиции.-Святая канцелярия и Верховный.-Тюрьмы инквизиции.-*Авто-да-фе*.-Инквизиция в Нидерландах.-Протестантская инквизиция в Голландии, Германии, Франции, Англии и Швейцарии.

Во все времена и во всех местах религия, которая является основой общества, должна была защищаться и поддерживаться в интересах общества. Именно поэтому большинство людей, особенно облеченных властью, всегда придавали огромное значение философским идеям и мнениям, а еще больше - религиозным. В самом деле, со времен образования цивилизованных государств опыт наглядно показывает, что смена религиозных убеждений неизбежно влечет за собой социальные преобразования, а политическая революция - это всего лишь воплощение в жизнь теории, придуманной и выдвинутой более или менее враждебной и недоброжелательной философией; отсюда вытекает принцип, предписывающий одинаково уважать человеческий и божественный закон. Поэтому было бы ошибочно рассматривать инквизицию как исключительный и аномальный факт, свойственный Средневековью. Исследование религиозных верований - а именно таково значение слова "*инквизиция*" - было не только естественным следствием существования форм религии, но и неотъемлемой функцией правительства. Об этом свидетельствует вся история как античности, так и Средневековья и Возрождения. Утешает тот факт, что, как правило, даже в разгар самых жестоких гонений находились люди возвышенных взглядов и великодушных чувств, которые без колебаний и с непоколебимым мужеством протестовали против тиранических и кровожадных эксцессов, с помощью которых пытались навязать народам и отдельным людям религиозные убеждения, которые должны быть порождением разума и являться единственным результатом свободы совести.

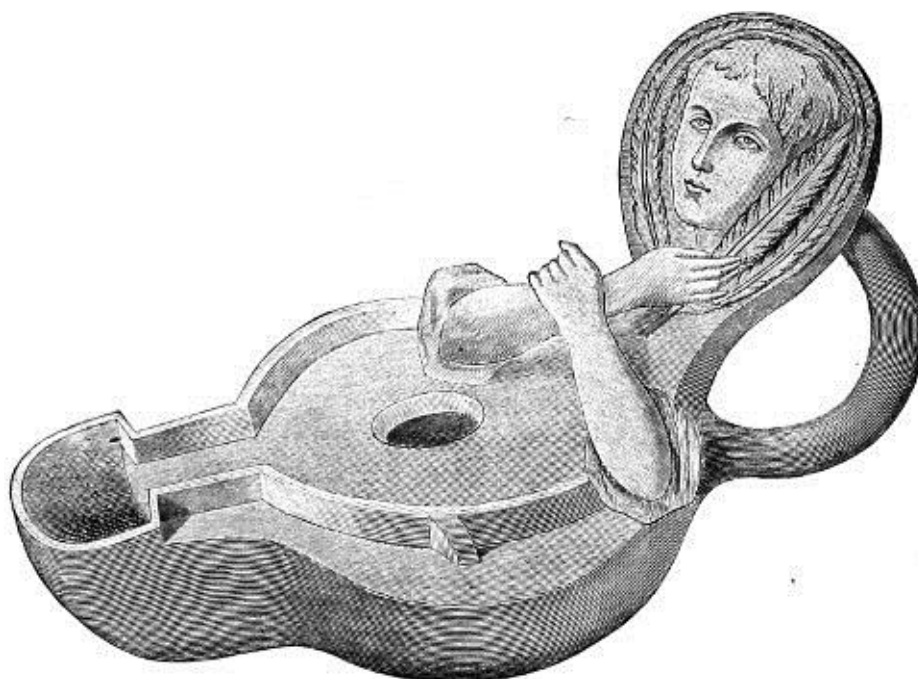

Рис. 327.- Фунеральная лампа из катакомб, изображающая молодую христианку, увенчанную пальмовыми листьями мученичества.- Терракота III века в Ватиканском музее.

Инквизиция, то есть исследование религиозной ортодоксии, существовала и среди греков. Обвинение Мелита против Сократа, предвещавшее его смерть, гласит: "Сократ виновен в том, что не признает богов республики и ставит вместо них демонические экстравагантности". Судьи, поддавшись влиянию демократической партии, приговорили Сократа выпить болиголова, но едва он испустил дух, как умеренные люди всех партий почувствовали, какое оскорбление было совершено во имя религии; однако не ради религиозной терпимости, а доказывая, что Сократ признавал богов республики и поклонялся им, они добились осуждения Мелита, его обвинителя, в порядке репрессий.

В Риме, как и в Афинах, мы видим людей, полных подозрений и безжалостных к тем, кто отказывался поклоняться богам республики; это стало причиной жестоких преследований, которые при римских императорах привели к мученической смерти тысяч людей. Напрасно христиане прятались в катакомбах, чтобы молиться истинному Богу и принимать святыне тайны, напрасно они делали свою жизнь безупречной, выполняя все свои обязанности граждан, - их религиозные верования, противоречащие государственным, не могли быть прощены, и всякий раз, когда их обнаруживали, они должны были либо возносить благоволия богам республики, либо подвергаться смерти (рис. 327). Мягкий Траян ответил Плинию, что нет необходимости искать христиан, но если они будут обличены и откажутся изменить свою веру, то должны быть наказаны. Святой Игнатий, епископ Антиохийский, был одним из многих мучеников, сожженных во время правления Траяна, который позволял предавать смерти людей высочайшей чести и добродетели, единственным преступлением которых был отказ поклоняться изображению императора и языческим идолам.

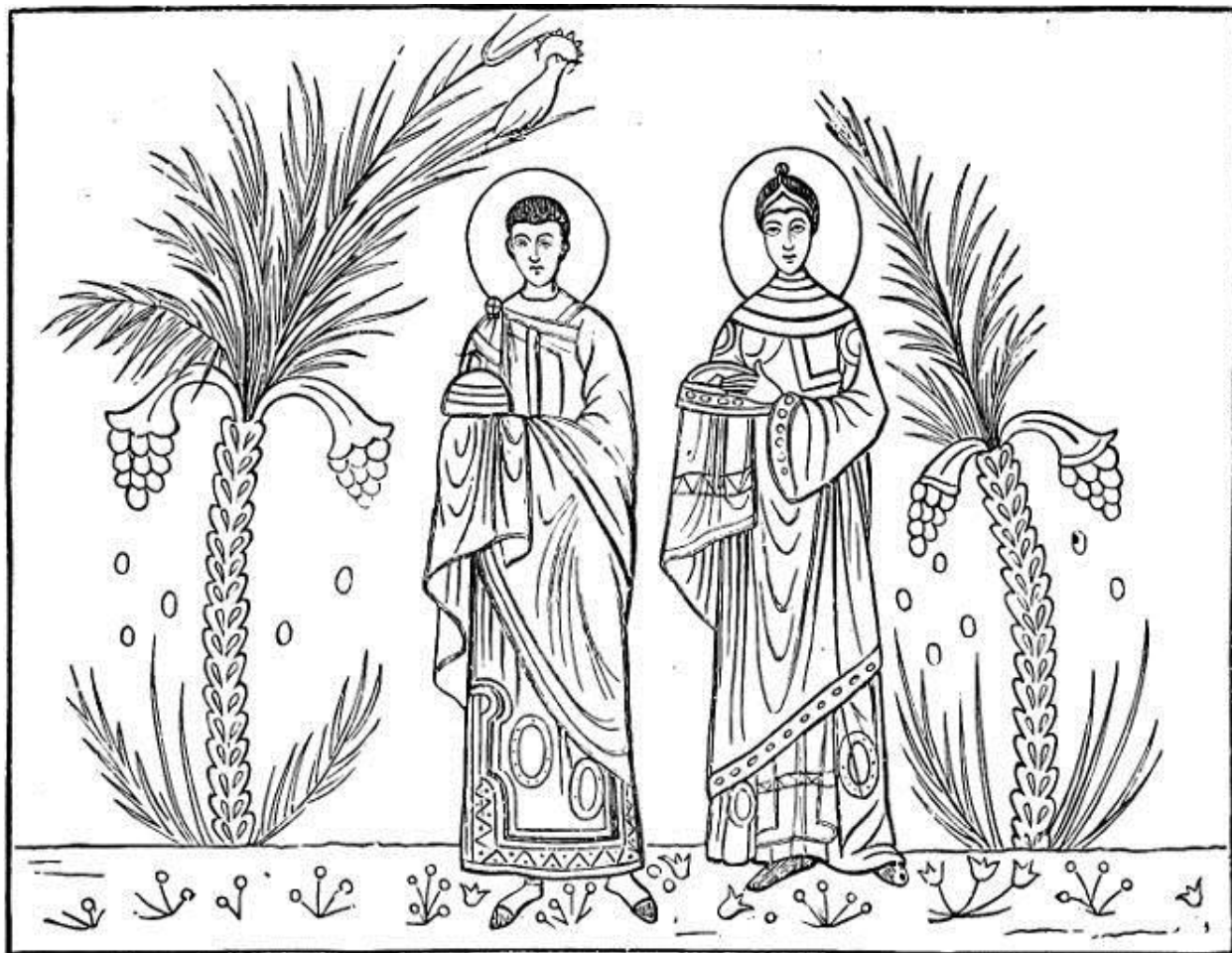

Рис. 328 - Святая Цецилия и ее супруг Валериан. У их ног цветут розы и лилии, а с каждой стороны от них - пальма, усыпанная плодами, символ их побед и достойного мученичества. На одной из пальм изображен финикс с глорией вокруг головы, древним символом воскресения. Мозаика взята с кладбища Святого Сикста и хранится в церкви Святой Цецилии в Риме (третий или четвертый век).

Во времена правления Александра Севера многие прославленные мученики были преданы смерти: Святая Цецилия, ее муж и шурин (рис. 328) - в их числе. Святая Цецилия происходила из очень древнего рода, восходящего ко временам Тарквина Гордого; она принадлежала к тому же дому, что и Метелла, многие дети которой были вознесены к триумфальным почестям и консульству в эпоху расцвета Римской республики. Родители выдали ее замуж за молодого римского патриция по имени Валериан. Но Цецилия посвятила свою девственность Богу, и ее муж, обращенный в веру ее доводами и уговорами, уважил ее обет и сам обратился в веру своего брата Тибурция. Они все трое помогали своим гонимым братьям, и это христианское милосердие предало их. Несмотря на знатное происхождение, богатство и связи, они были арестованы, а их отказ принести жертву ложным богам привел к смертному приговору. Мы находим множество аналогичных случаев в Галлии (рис. 329 и 330), а также в самых отдаленных провинциях Востока.

Рис. 329.- Святой Савин и святой Киприан предстали перед проконсулом Максимом в 458 году и признали себя христианами.- Фреска в церкви Святого Савина (Вьенна), самой старой из сохранившихся во Франции (XI век).- По рисункам М. Жерара-Сегена.

После обращения Константина, когда религия Христа была признана государственной, светская власть сразу же поставила себя на службу Церкви, чтобы поддержать единство веры; но гражданская власть, вместо того чтобы ограничиться поддержкой церковной власти в пресечении преступлений против догматов, установленных соборами, стремилась получить суверенное влияние во всех процессах, касающихся религиозных вопросов, и отсюда возникли прискорбные злоупотребления. Итальянская инквизиция, действовавшая под непосредственным руководством римских пап, появилась в V веке: Папа Святой Лев, приказав провести судебное расследование в отношении манихеев, укрывшихся в Риме, заявил: "Того, что было сделано, недостаточно; инквизиция должна продолжаться не только для того, чтобы побудить благочестивых держаться за свою веру, но и для того, чтобы те, кто сбился с пути, могли быть обращены от своих заблуждений". Первоначальной и реальной целью инквизиции было выявление ошибок в учении, пресечение их распространения и попытка просветить и вернуть тех, кто был извращен апостолами заблуждения.

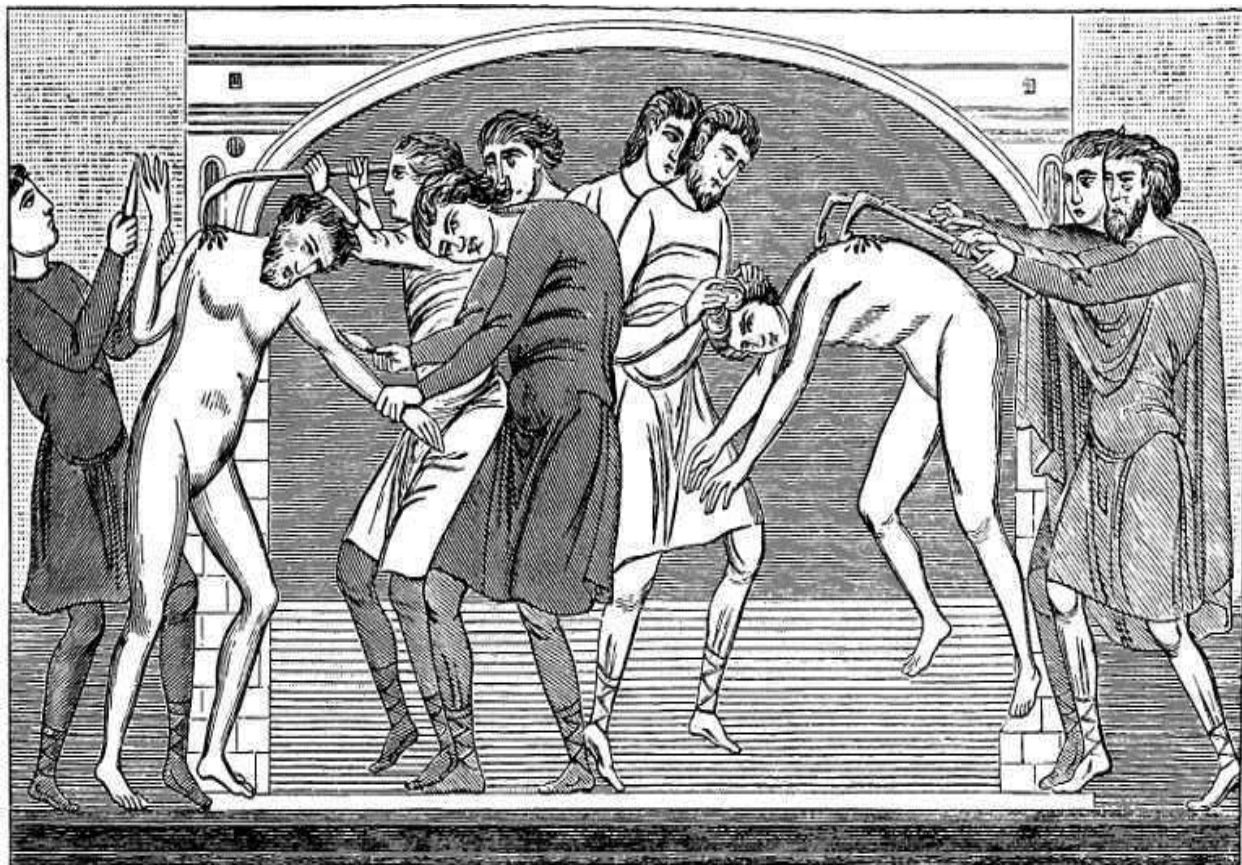

Рис. 330.- Мученичество свв. Савина и Киприана, их плоть была вырвана железными крюками. Фреска в церкви Святого Савина во Вьенне (XI век). По рисункам М. Жерара-Сегена.

В двенадцатом веке папа Луций III, желая остановить распространение манихеев, которые вновь появились под именами катаров, патаренов, лионских бедняков и т. д., приказал "через собор епископов, по требованию императора (Германии) и господ его двора, чтобы каждый епископ один или два раза в год посещал районы своей епархии, в которых предположительно находятся еретики". Каждый должен был доносить на них, чтобы епископ мог вызвать их к себе, заставить отречься от ереси или наложить на них наказание, предусмотренное каноническим правом. Таким образом, мы видим, что религиозное заблуждение рассматривалось как нарушение общественного порядка, а князья смотрели на еретиков как на мятежников или заговорщиков. Это соответствовало представлениям Средневековья, когда вся социальная система опиралась на католическую веру. Справедливости ради следует признать, что если римская инквизиция была самой ранней и единственной, которая пережила Средневековье, то она была и самой умеренной, поскольку только она никогда не приговаривала к смертной казни.

Инквизиция появилась во Франции благодаря ереси восточного происхождения, которая пыталась соединить языческие идеи армянского манихейства с обрядами христианства. Первоначально сосредоточившись в Тулузе и Альби (отсюда название "альбигойцы"), новые еретики, насчитывавшие около полутора тысяч человек, постепенно проникли в Перигор и соседние провинции. Ближе к 1160 году в Лионе возникла еще одна секта, вальденсы, основанная Петром де Вальдо или де Во, которая доставила папству немало хлопот. Альбигойцы уступали в нравственности даже вальденсам и исповедовали еще более опасные взгляды. Будучи непосредственными последователями Манеса Персидского, они приняли его учение о двойной природе человека, о фатализме, о происхождении добра и зла и т. д. - чудовищное учение, прямым следствием которого стала жизнь в разнузданном

разврате. В , несмотря на благочестивые усилия короля Роберта (1022) и приговор, вынесенный на Тулузском соборе (1118), манихейская ересь альбигойцев продолжала распространяться по южным провинциям Франции, с каждым днем приобретая новых приверженцев даже среди духовенства и дворянства. Иннокентий III, избранный понтификом в 1198 году, был встревожен опасностью, угрожавшей христианской религии, и решил привести к повиновению этих дерзких сектантов, которых открыто защищали графы Тулузы, Фуа и Беарна, а также виконт Безье. Но прежде чем прибегнуть к физической силе, он сначала попробовал убедить.

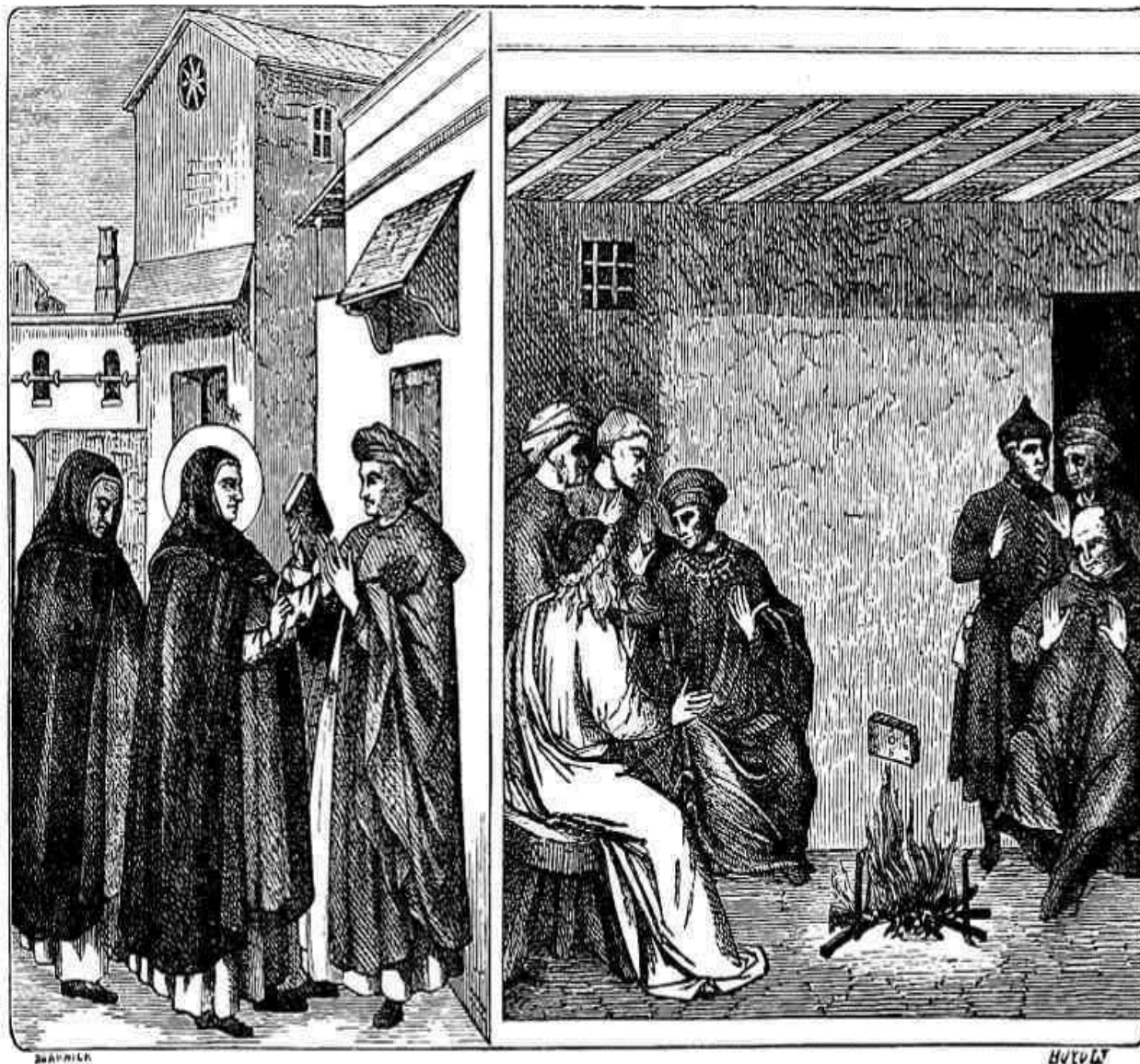

Рис. 331.- Святой Доминик вручает посланнику альбигойцев книгу, содержащую исповедание веры в христианские истины; справа эта книга, брошенная в огонь, выпрыгивает из пламени, в то время как книга еретика сгорает.- Фрагмент картины Фра Анджелико "Курортный поединок" в Лувре (XV в.).

Два монаха, Ги и Рейнье, из ордена цистерцианцев, отправились на юг Франции, чтобы разыскать этих еретиков. Они были первыми уполномоченными Святого Престола, которым по праву можно было бы присвоить титул *инквизиторов*. Неудача их миссии заставила Иннокентия III предоставить все полномочия Петру де Кастельно, архидиакону Маглиано, и другому цистерцианскому монаху по имени Ральф. Эти два монаха в сопровождении Амальрика, аббата Сито, проповедовали против ереси альбигойцев в Тулузе, Нарбонне, Вивье, Каркассоне и Монпелье, но еретики проявляли лишь большее упорство. Петр де

Кастельно и брат Ральф, удрученные таким результатом, привлекли к своей трудной миссии двенадцать братьев из своего ордена и двух выдающихся испанских прелатов - Диего де Азелеса, епископа Осмы, и игумена его собора Доминика Гусмана, который, наблюдая за развитием ереси в Лангедоке, отправился в Италию, чтобы получить разрешение Святого отца на проповедь против нее. Доминик продемонстрировал кротость, усердие и благочестие, достойные апостолов, и слава его образцовой жизни должна была авторитет его проповеди (рис. 331). Однако он оказался не менее неудачлив, чем предыдущие уполномоченные, посланные папой. Оскорбленный и осмеянный невежественным и жестоким населением, он не мог не воскликнуть: "Господи, пусть Твоя рука поразит их, чтобы Твоя кара хотя бы открыла им глаза!" Легат Петр де Кастельно, отчаявшись в безуспешности своих усилий вернуть спокойствие и веру в умы людей, решил обратиться непосредственно к графу Тулузы Раймонду VI и официально потребовать от него оказать помощь папским легатам, а в противном случае открыто заявить, что он на стороне еретиков. После беседы, во время которой велась ожесточенная перепалка, два оруженосца графа Тулузского решили, что исполняют тайные желания своего господина, убив мужественного легата на берегу Роны (1208). Иннокентий III, когда до него дошли вести об этом убийстве, сразу же решил начать новый крестовый поход против альбигойцев. Он назначил Милона на место Петра де Кастельно и объявил, что берет под свою непосредственную защиту всех верующих, которые возьмут в руки оружие для защиты Церкви. Граф Тулузы совершил публичное покаяние, а его племянник Раймон виконт Безье был передан папским легатам. Город Безье, взятый штурмом (22 июля 1209 года), стал ареной страшной резни, так как крестоносцы не давали покоя - двадцать тысяч жителей были истреблены без различия возраста и пола, а семь тысяч сожжены в церкви, в которой они укрылись.

Симон де Монфор, возглавлявший экспедицию, принял удар виконта Безье и продолжил войну с еретиками. В 1213 году у стен Мюре он разбил Петра II, короля Арагонского, союзника альбигойцев, осаждавшего город, а затем лишил графа Тулузского его владений, вопреки желанию Иннокентия III, который предпочел бы, чтобы наследственные права графа, а тем более его сына, были соблюдены.

Симона поддержал Людовик, сын Филиппа Августа, который не замедлил исполнить данную им клятву взять в руки оружие против манихеев Лангедока, и, поскольку битва при Бувине (1214) привела к пятилетнему перемирию между королями Франции и Англии, в следующем году он присоединился к католическим войскам. В 1218 году Тулуза подняла восстание, и Симон де Монфор был смертельно ранен камнем во время осады. Его сын Амори выдвинул себя в качестве наследника отцовских владений и попытался обосновать свои претензии на графства Безье и Тулузу, но в итоге отказался от них в пользу французского монарха. Для подавления еретиков были приняты очень жесткие меры. Приказ, изданный епископом Тулузы, гласил: "Жители районов, зараженных ересью, должны платить по одной марке серебром за каждого вальденса, обнаруженного в их пределах; дом, в котором он схвачен, и те, в которых он проповедовал, должны быть разрушены до основания, а имущество, принадлежащее владельцу этих домов, конфисковано. Товары извращения также должны быть конфискованы, равно как и вещи, принадлежащие любому человеку, который не носит или не показывает два цветных креста, которые должны быть пришиты к груди одежды кающегося". Святой Престол, со своей стороны, не бездействовал в это время, так как в 1215 году четвертый Латеранский собор отлучил от церкви манихеев, вальденсов и альбигойцев. Третий канон этого собора объявил, что "осужденные еретики должны быть переданы светской руке, чтобы они могли получить заслуженное наказание; священнослужители должны быть предварительно разжалованы".

Незадолго до окончания заседаний этого собора Доминик, представленный папе Иннокентию III, получил в качестве вознаграждения за услуги, оказанные им воинствующей церкви, разрешение основать орден братьев-проповедников, который от него получил название, под которым они более известны, - *доминиканцы*.

Их благочестивый основатель боролся с ересью чисто духовным оружием, и, пожалуй, нет необходимости упоминать, что именно он, с целью обращения еретиков, ввел обычай читать четки. По возвращении в Тулузу, которая со временем стала центром инквизиции, он поручил восьми провинциалам своего ордена во Франции, Провансе, Ломбардии, Романье, Германии, Венгрии, Англии и Испании особую миссию проповеди против ереси. И, наконец, в 1229 году Раймонд VII, унаследовавший отцовское наследство после публичного покаяния, был примирен с Церковью и восстановлен в своем графстве Тулузском. Его единственная дочь вышла замуж за одного из братьев короля, тем самым обеспечив передачу его земель французской короне.

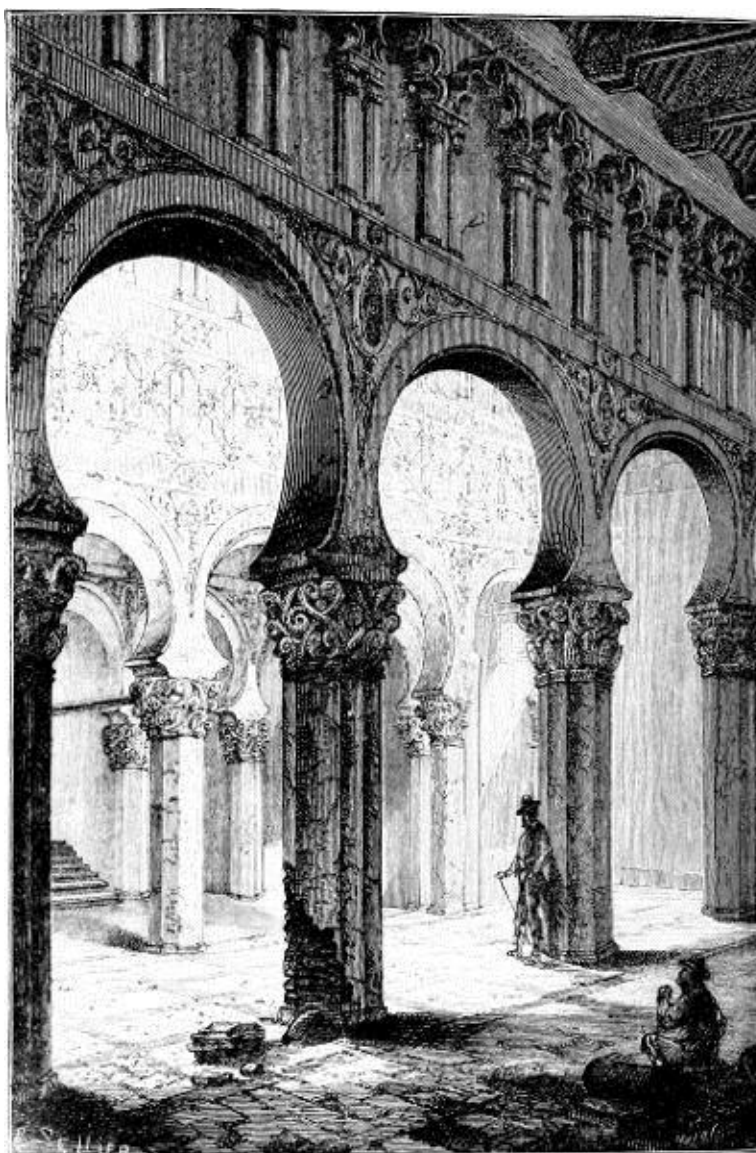

Рис. 332.- Большая синагога в Толедо (III век), восстановленная в разные периоды и освященная для католического богослужения под названием Санта-Мария-Бланка после изгнания евреев в 1405 году: сейчас используется как военный склад - по рисунку дона Мануэля де Ассаса.

Людовик IX не терял времени, принимая меры для закрепления результатов этого мирного соглашения. Он направил всем своим подданным в епархиях Нарбонны, Кагора, Родеза, Агена, Арля и Нима указ, состоящий из десяти пунктов, в которых предлагалось пресечь ересь с помощью светского духовенства. Любой, кто был отлучен от церкви более года, должен был быть вынужден, конфисковав свое имущество, вернуться в лоно церкви. Десятина, которая долгое время не выплачивалась, была восстановлена. Бароны, вассалы, крупные города и королевские бейлики поклялись соблюдать и исполнять этот указ. Даже брат короля, вступив во владение страной, дал такую же клятву за себя и своих подданных. Вскоре инквизиция стала ненужной во Франции, и с согласия Святого престола в 1237 году она приостановила свое действие в графстве Тулузском.

В Испании инквизиция была скорее королевской, чем папской. Чтобы понять роль, которую сыграл этот замечательный трибунал, следует помнить, что Испании потребовалось семь столетий, чтобы завоевать свою независимость от мавров и евреев. Эти последние, хотя и притворялись готовыми к обращению, тем не менее сохраняли антипатию к христианской религии и ненависть к христианам. Так, когда под властью Фердинанда и Изабеллы оказалась вся Испания, они сочли необходимым установить религиозное единство, чтобы сохранить национальное единство, а маврам и евреям приказали покинуть страну или отречься от своих верований (рис. 332 и 333). Оба государя, рассматривавшие этот вопрос в политическом свете, учредили в своих владениях специальную инквизицию, находящуюся под их непосредственным контролем. Папы сразу же заявили протест против притязаний католических монархов на самостоятельное руководство инквизицией, и, когда трибунал был сформирован, папа Сикст IV отозвал своего легата от испанского двора, а тот, в свою очередь, отозвал своего посла из Рима. Однако примирение было достигнуто, и булла, легализующая испанскую инквизицию, была дарована; но папа Сикст IV вскоре пожалел о своем поступке, узнав о его чрезмерности. С другой стороны, испанские государи делали все возможное, чтобы апелляции осужденных еретиков не были услышаны в римском суде, а папы были вынуждены прибегать к хитрости, чтобы защитить раскаявшихся еретиков от беспощадной суровости инквизиции. Ллоренте рассказывает, что во многих случаях огромное количество еретиков получали тайное отпущение грехов по приказу папы, но далее он добавляет, что эти папские амнистии не всегда одобрялись испанским правительством. Лев X. фактически отлучил от церкви инквизиторов Толедо, а Карл V., став императором, сделал вид, что склоняется в пользу лютеранской реформы, чтобы помешать Льву вмешиваться в дела испанской инквизиции. Инквизиции помогали три организации: Святой Эрмандад, Круциата и Милиция Христа.

Рис. 333.- Интерьер древней мечети в Кордове, ныне католический собор; построена в VIII веке Абдерхаманом I и переделана для католического богослужения после обращения мавров; является одним из крупнейших и наиболее великолепных памятников мавританской архитектуры.

Святой Эрмандад (от латинского слова *germanitas* - братство) сначала был объединением полицейских, занимавшихся охраной улиц и дорог. Первоначально созданное в трех королевских резиденциях - Толедо, Куидад-Реале и Талавере, оно со временем превратилось в военную силу, главной задачей которой было исполнение приказов инквизиции.

Круциату, обществу, состоящему из архиепископов, епископов и других знатных особ, при различных обстоятельствах поручалось следить за тем, чтобы законы Церкви соблюдались и выполнялись среди католиков.

Семья Инквизиции, или Ополчение Христа, созданная во время понтификата Гонория III, по аналогии с орденом тамплиеров, поставила свои силы на службу инквизиторам, а ее благочестивое рвение заслужило доброе мнение папы Григория IX.

Как мы уже упоминали, именно в 1481 году, во время правления Фердинанда и Изабеллы, инквизиция, снабженная новым сводом правил, приобрела грозную силу. Предназначенная главным образом для предания суду евреев и мавров, вновь вернувшихся к язычеству, она получила название *Священной канцелярии* и управлялась великим генеральным инквизитором и советом, называемым *Верховным*, состоящим из сорока пяти членов. Когда Священная канцелярия арестовывала еретика или кого-либо, подозреваемого в еретичестве, ее агенты лишали обвиняемого всего, что у него было при себе, и составляли подробную опись его одежды и мебели, чтобы вернуть их в целости и сохранности, если он окажется невиновным. Арестованные деньги, будь то золото или серебро, по праву принадлежали трибуналу и шли на оплату судебных издержек. По завершении этих формальностей обвиняемого отводили в тюрьму.

Тюрьмы у инквизиции были нескольких видов: во-первых, *общая* тюрьма, в которую заключались лица, обвиняемые лишь в обычных проступках, и которым, следовательно, разрешалось общаться с родными и близкими; во-вторых, *тюрьма милосердия* или *покаяния*, предназначенная для тех, кто должен был содержаться под стражей лишь временно; в-третьих, *промежуточная тюрьма*, предназначенная для тех, кто совершил какое-либо обычное преступление, подпадающее под юрисдикцию Священной канцелярии; в-четвертых, *тайная тюрьма*, заключенные которой содержались в одиночной камере. Темницы инквизиции были похожи на все те, что строились в Средние века.

После заключения, которое было разным по продолжительности, заключенного приводили в день суда в большой зал для аудиенций, который был завешен черным и украшен фигурой Христа на кресте, тело которого было из слоновой кости, а крест - из черного дерева. В крайнем конце, перед круглым столом, на возвышенном кресле, обитом черным бархатом и увенчанном балдахином из того же материала, сидел генеральный инквизитор. Справа и слева от него, на более низком возвышении, располагались места для инквизиторов, которые вместе с секретарем составляли трибунал. Два секретаря записывали вопросы председателя суда и ответы обвиняемого; за ними стояли шпионы инквизиции и четыре человека в длинных черных одеждах, лица которых скрывала маска с отверстиями для рта, носа и глаз.

Заключенного усадили на нечто вроде приподнятого табурета, поставленного напротив инквизитора; когда после долгих допросов он не признал своей вины, его отвели в *камеру пыток*, куда вошли инквизитор и четверо таинственных людей в черном, присутствовавших на суде. Здесь его снова убеждали отречься от своих заблуждений, и если эти новые уговоры не помогали ему, его передавали мучителю, который подвергал его пытке одним из четырех средств, используемых правосудием, - веревкой, бичом, огнем или водой (см. главу "Наказания" в книге "Нравы и обычаи Средневековья").

Пытки, применяемые трибуналами инквизиции, ничем не отличались от гражданских судов, которые, применяя их столь же безжалостно, едва ли достигали более удовлетворительного результата, поскольку жертва стойко переносила боль и обычно отказывалась отвечать на этот допрос, хотя и сопровождаемый невыносимыми пытками. Торжественному оглашению решения инквизиции и исполнению ее приговоров предшествовала особая церемония, называемая в Испании и ее зависимых территориях *Auto-da-fé*, или Акт веры. В большинстве *Auto-da-fé* мрачную процессию возглавляла двойная шеренга братьев-доминиканцев, перед которыми несли знамя Священной канцелярии (рис. 334) с надписью "*Justitia et misericordia*". За ними шли осужденные, за ними - шпионы инквизиции и палач.

Рис. 334.- Шествие Авто-да-фе в Испании, согласно церемониалу, принятому в XIV веке. Факсимиле большой гравюры на меди в работе Филиппа Лимборхского, озаглавленной "Historia Inquisitionis:" folio, Амстердам, 1692.

Существовало множество видов *сан-бенито* для разных классов кающихся. Первый, для еретиков, примирившихся с Церковью до вынесения приговора, состоял из желтого скапулярия с большим красноватым крестом Святого Андрея и круглой пирамидальной шапочки, называемой *sogoza*, из того же материала, что и *san-benito*, и с такими же крестами; но на одежде не изображалось пламя, так как обвиняемый своевременным раскаянием избегал наказания в виде сожжения (рис. 335).

Вторая, для тех, кто, будучи приговорен к сожжению, впоследствии раскаялся, состояла из *сан-бенито* и корозы из того же материала. Скапулярий был покрыт языками огня, направленными вниз, чтобы показать, что носитель (рис. 336) не будет сожжен заживо, так как его должны были задушить перед тем, как положить на горящую кучу.

Рис. 335. Сан-бенито. Одежда, которую носили те, кто избежал сожжения, сделав признание перед вынесением приговора.

Рис. 336.- Fuego *revolto*. Одежда, которую носили те, кто избежал сожжения заживо, сделав признание после вынесения приговора.

Рис. 337.- Самарра. Одежда, которую носили те, кто, отказавшись признать, собирался быть сожженным.

Факсимиле гравюр на меди в работе Филиппа Лимборхского "История инквизиции", фолио, Амстердам, 1592 год.

На третьем, который носили те, кто умер нераскаянным, в нижней части была изображена голова человека, находящегося в огне и охваченного пламенем. Другие части одежды были покрыты вилками пламени, направленными вверх, в знак того, что еретик будет сожжен заживо. Гротескные фигуры демонов были также изображены на сан-бенито и на корозе.

В церкви, куда направлялся кортеж, распевая по пути молитвы, на главном алтаре, завешенном черным, в серебряных подсвечниках горели десять белых лампад; справа было нечто вроде возвышения для инквизитора и его советников, слева - другое подобное место для короля и его двора. Перед главным алтарем находился помост, покрытый черной тканью, на котором стояли *примирившиеся* и произносили свои отречения на заранее открытых и разложенных миссалах.

После их примирения нераскаявшиеся еретики были переданы светской власти вместе с заключенными, виновными в обычных проступках. На этом "Авто-да-фе" закончилось, и инквизиторы удалились. Один историк, подробно рассказывая на сайте о судебном процессе в трибуналах инквизиции, сообщает, что гражданское наказание было вынесено только на следующий день после Ауто-да-фе. Не всегда за этим следовала казнь, так как

Льоренте приводит случай, произошедший 12 февраля 1486 года в Толедо, когда для наказания привели семьсот пятьдесят еретиков, и ни один из них не был предан смерти, хотя они должны были совершить публичное покаяние. На другом великом Auto-da-fé, также проходившем в Толедо в апреле того же года, из девятисот раскаявшихся или осужденных ни один не подвергся крайнему наказанию. На третьем, состоявшемся 1 мая, было семьсот пятьдесят человек, а на четвертом, 10 декабря, - девятьсот пятьдесят, но в обоих случаях кровь не была пролита. Из трех тысяч трехсот человек, которые должны были понести наказание за нарушение церковных правил в эту эпоху, Льоренте утверждает, что только двадцать семь были преданы смерти. Следует помнить, что испанская инквизиция, в соответствии с королевским указом, должна была судить не только еретиков, но и обвиняемых в противоестественных преступлениях, разбойников, светских и церковных соблазнитель, богохульников, лиц, виновных в святотатстве, ростовщиков и даже убийц и мятежников. Кроме того, под юрисдикцию трибуналов инквизиции попадали те, кто поставлял врагу лошадей и магазины во время войны, а также частые в то время случаи колдовства, магии и других подобных мошенничеств. Таким образом, в число двадцати семи человек, казненных в 1486 году, могли входить злоумышленники всех сословий.

Политическая цель испанских королей была достигнута, поскольку поддержание религиозного единства уберегло королевство от кровавых катастроф, которые в тот период распространили опустошение по Франции и Англии. Это признает даже Вольтер в своем "Essai sur l'Histoire Générale". Сокрушаясь об ужасах инквизиции, он говорит: "В Испании не было ни одной из тех кровавых революций, заговоров или жестоких репрессий, которые позорят все остальные европейские народы. Ни граф Оливарес, ни герцог Лерма не отправляли своих врагов на эшафот, на государей не совершали убийств, как во Франции, и они не страдали под топором палача, как в Англии".

Рис. 338.- Филипп II, король Испании. Из работы Чезаре Вечеллио: 8vo, 1590.

Инквизиция была менее успешной в Нидерландах, так как протестантское дело достигло больших успехов в Голландии во время правления Карла V. Дворянство и высшее духовенство, возмущенные строгими мерами, принятыми Филиппом II. (рис. 338) в его попытках подавить ересь, поддержали всеобщее восстание против испанцев. Ободренные таким образом, протестанты бросились к оружию, церкви были сожжены, священники и монахи истреблены, а католическая форма богослужения подавлена во многих местностях. Филипп отправил туда печально известного герцога Алву, который, приняв командование, учредил *совет смуты*, прозванный в народе *советом крови*. Религиозный вопрос перерос в борьбу за национальную независимость. Ожесточенная война привела к окончательному разделению Соединенных провинций, которые впоследствии стали королевством Голландия. Бельгия, созданная как независимая провинция, была передана с наследственными правами эрцгерцогу Альберту и его жене Изабелле, дочери Филиппа II.

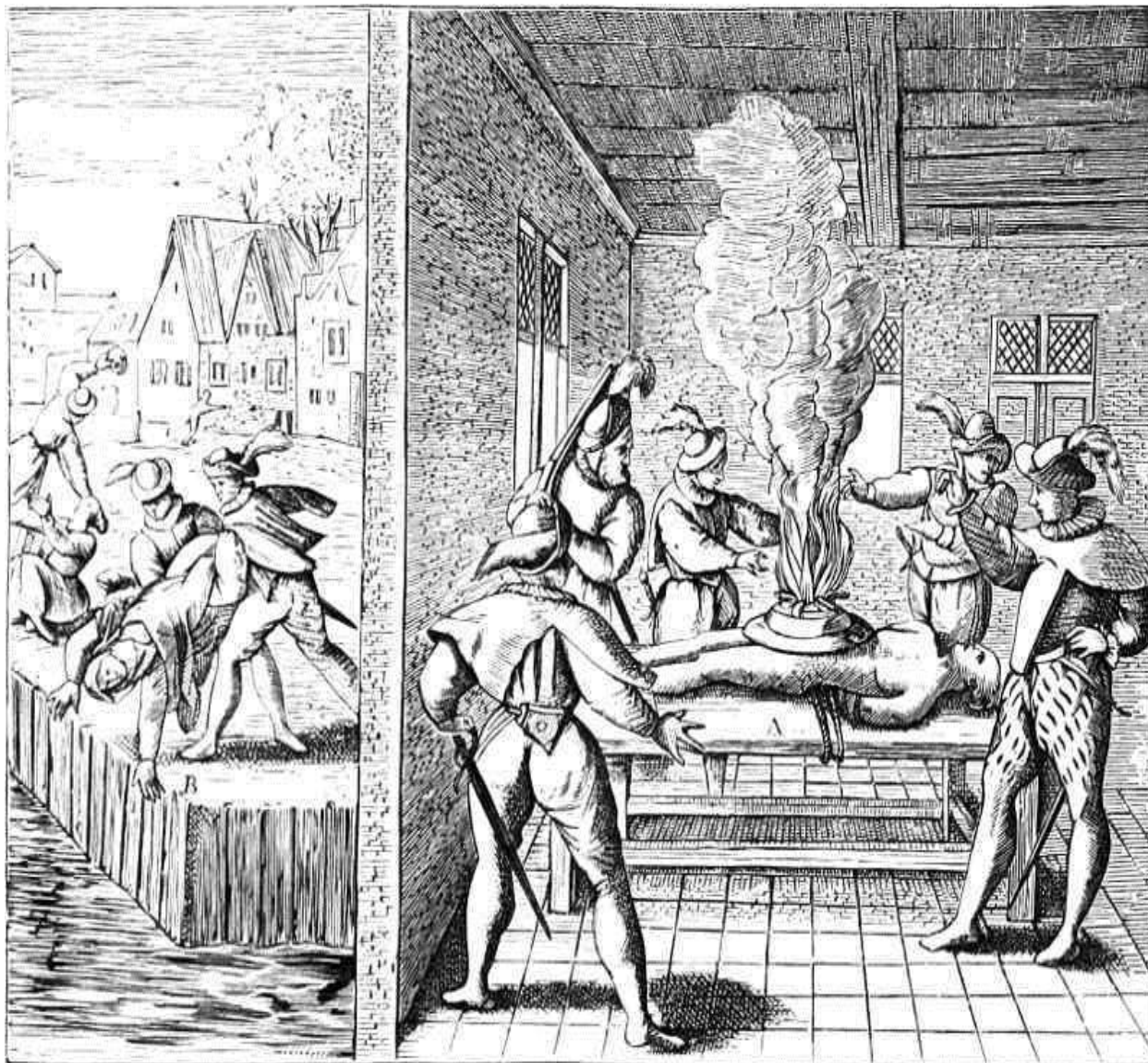

Рис. 339. Жестокости, совершенные гёзами в Голландии. А. Магистр Джон Джером из Эдама и другие католики из Хоорна подвергаются пыткам в Скагене, в Северной Голландии. Тех, кто выживает после первых пыток, привязывают к спине, на их голый живот ставят большой перевернутый котел, под который кладут несколько больших дормисов. На вершине котла зажигают огонь, который разъяряет мышей; а поскольку они не могут проползти под краями котла, то зарываются в внутренности жертвы. Б. Урсула Талес, монахиня из Харлема, отказавшись отречься от своей веры, когда ее заставили стоять под виселицей, на которой был повешен ее отец, бросается в воду и тонет. С. Ее сестра, оплакивая свою судьбу и судьбу отца, также отказывается изменить свое вероисповедание, и ее череп пробивают большим камнем. - Факсимиле гравюры на меди в "Theatrum Crudelitatum nostri Temporis" (4to, Antwerp, 1587); с переводом приведенных пояснений.

Соединенные провинции были образованы не раньше, чем, несмотря на протестантский принцип свободы свободных исследований, они подчинились тому инстинкту, который побуждает все правительства к религиозному единству - Испания была превзойдена в изысканности наказаний, которые они изобрели для применения против католиков, отказавшихся изменить свою веру (рис. 339). Протестантская инквизиция осуществляла свою строгую власть не только против католиков. В странах, где кальвинисты и лютеране оказались в конфронтации, религиозные преследования вспыхивали между различными реформированными церквями, причем всегда под инстинктивным влиянием того, что религиозное единство было необходимо для обеспечения стабильности государства. Выдающийся писатель Менцель в своей "Новой истории немцев со времен Реформации"

приводит некоторые очень интересные подробности этой междоусобной борьбы. В конце XVI века, когда после смерти курфюрста Саксонии Кристиана I 25 сентября 1591 года правительство Саксонии перешло в руки герцога Вильгельма Альтенбургского, который был убежденным лютеранином, кальвинистская партия в Германии думала, что золотой век вот-вот вернется. Канцлер Крелль, который при жизни Кристиана относился к лютеранам с малой долей милосердия, был брошен в тюрьму вместе с Гундерманом, лейпцигским проповедником. После пяти месяцев заключения последний подписал "Формулу согласия", чтобы иметь возможность навестить свою жену, которую он оставил *без присмотра*, но не успел он поставить свою подпись, как ему сообщили, что она повесилась в приступе отчаяния. Несчастный вышел из себя. С другими проповедниками обращались почти так же сурово; а в Лейпсике в 1593 году лютеранская партия подожгла дома кальвинистов, которым пришлось бежать из города, чтобы избежать убийства. Подобное происходило и в Силезии. 22 сентября 1601 года канцлер Крелль был приговорен к смерти, после десятилетнего заключения в тюрьме, а 10 октября ему отрубили голову.

В 1603 году в Брунсвике лютеранские проповедники отлучили от церкви капитана бюргеров, некоего Брабанта; в 1604 году прошел слух, что он заключил договор с дьяволом и что последнего видели преследующим их в виде ворона. Брабант пытался бежать, но при попытке сломал ногу. Привезенный в Брауншвейг под улюлюканье народа, считавшего его предателем и колдуном, он трижды подвергался жесточайшим пыткам, по окончании которых признал себя виновным во всех преступлениях, вменяемых ему в вину. С его товарищами по несчастью обращались не менее жестоко. Пока Закари Друсман был подвешен за руки в пыточной камере, его судьи отправились ужинать. Жертва умоляла палача ранами Господа нашего Иисуса Христа отпустить его хоть на минуту и ослабить винты, сжимавшие его ноги, но тот ответил, что должен дожидаться возвращения судей. Когда они пришли через час после этого, совершенно опьяневшие, Друземан был мертв. Далее Менцель рассказывает, что в день святого Михаила лютеранские проповедники по просьбе городского совета взялись оправдывать с амвона казни, которые непрерывно продолжались, а 9 декабря во всех церквях, перед которыми все еще были выставлены уключины и эшафоты, был отслужен благодарственный молебен.

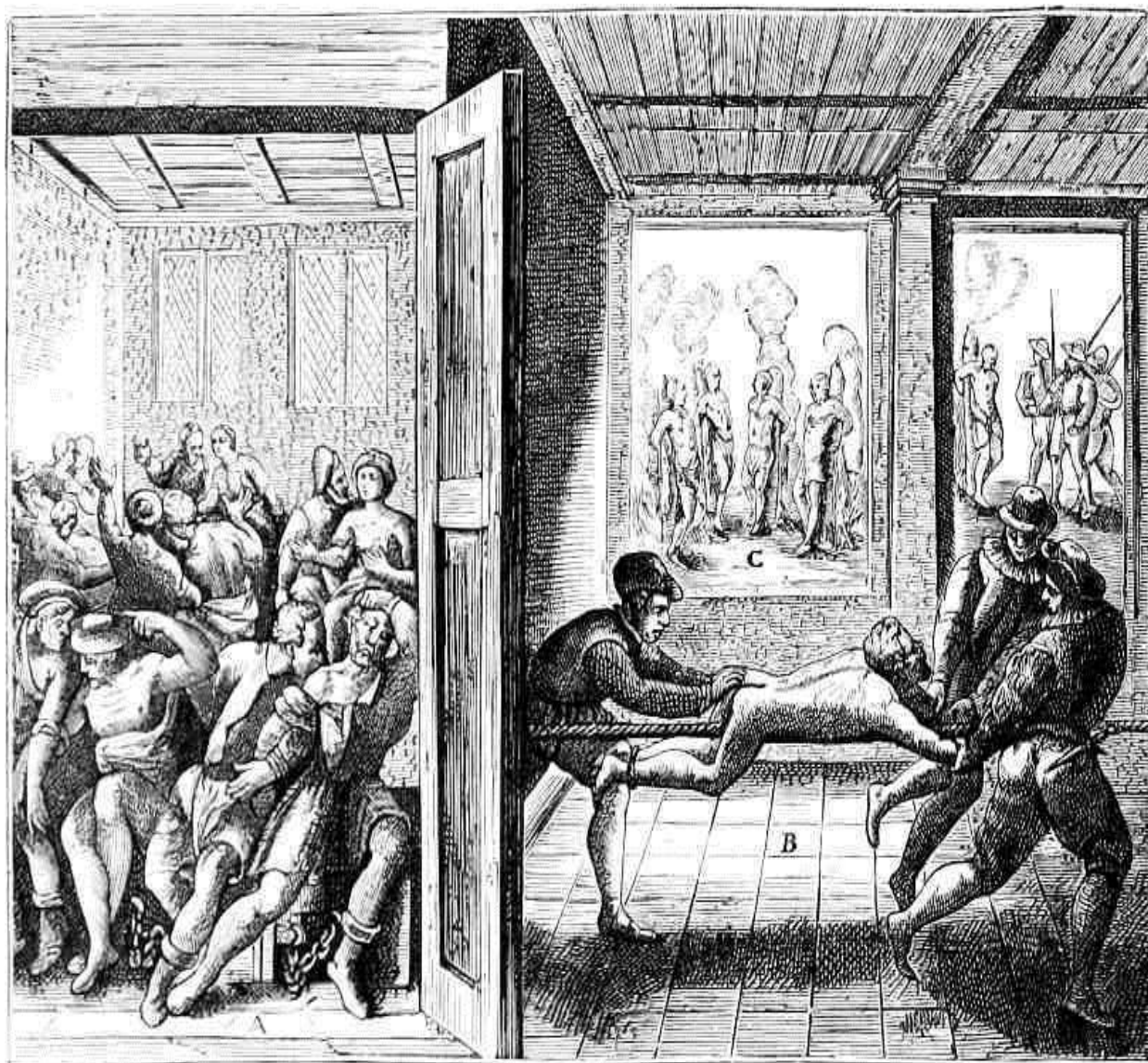

Рис. 340. пытки, которым подвергают католиков гугеноты на юге Франции. 30 католиков, заключенных в тюрьму в Огулеме, в доме мещанина по фамилии Папен, подвергаются различным пыткам: А. Некоторых, лишенных пищи, связывают попарно цепями, чтобы, обезумев от голода, они могли разорвать друг друга на куски. В. Некоторых тащат голыми по туго натянутой веревке, которая действует как пила, рассекая тело на две части. С. Некоторых привязывают к кольям и зажигают костры на небольшом расстоянии позади них, чтобы их тела медленно сгорали.- Факсимиле гравюры на меди в "Theatrum Crudelitatum nostri Temporis" (4to, Antwerp, 1587); с переводом приведенных пояснений.

В южных провинциях Франции, где партия Реформации взяла верх, происходили эксцессы, которые вызывали осуждение как со стороны более просвещенных протестантов, так и со стороны католиков. В частности, город Ангулем был местом многих подобных жестокостей (рис. 340).

Господствующая партия везде была виновна в крайней нетерпимости, но нигде преследования не принимали таких масштабов, как в несчастной Англии. Протестантские писатели не могут найти достаточно сильных выражений, чтобы охарактеризовать неслыханную жестокость, к которой прибегнул Генрих VIII, чтобы установить религиозное единство в своем королевстве.

Рис. 341. Наказания, назначенные Генрихом VIII католикам. Джон Фишер, кардинал-епископ Рочестера, восьмидесяти лет от роду, приговоренный к смерти 17 июня 1535 года, обезглавлен 22 числа того же месяца. В. Канцлер Томас Мор также обезглавлен 9 июля 1535 года. С. Графиня Солсбери, которую заставили отвечать за обвинения, выдвинутые против ее сына, покинувшего страну после вынесения смертного приговора, обезглавлена.- Факсимиле медной таблички в "Theatrum Crudelitatum nostri Temporis" (Антверпен, 1587); с переводом приведенных пояснений.

Коббетт в своей "Истории английской Реформации" пишет: "Если до этого кровопролитного царствования в каждом графстве на ежегодных присягах судили в среднем не более трех человек, то теперь в тюрьме одновременно находилось до шестидесяти тысяч человек. Одним словом, суд Генриха был обычной бойней человеческой плоти".

Генрих VIII, в силу того, что он нарушил принцип авторитета в религиозных вопросах, был вынужден проявлять излишнюю суровость, чувствуя, что только террором он может подавить сопротивление; и, как пример тех, кто занимает высокое положение в обществе, оказывает решающее влияние на массы, король выбрал для нападения тех, кто стоял выше всех в списке магистратов и епископов - канцлера Томаса Мора и его знаменитого друга Фишера, епископа Рочестерского (рис. 341). Они оба были вызваны в Королевский совет, а канцлер был приговорен к смерти. Мор был страстно привязан к своей дочери Маргарет, которая, когда суд закончился, бросилась отцу на шею, восклицая среди рыданий: "Отец мой, неужели ты, невинный, должен умереть?". На что, обняв ее в последний раз и дав ей свое

благословение, он ответил: "Ты бы хотел, чтобы я умер виновным?" Дойдя до подножия эшафота, он призвал народ засвидетельствовать, что умер в вере Католической, Апостольской и Римской церкви. Палач попросил у него прощения, и Мор, обняв его, ответил: "Ты оказываешь мне величайшую услугу, которую только можно оказать христианину!" Он встретил свою смерть с радостью, а его голова в течение двух недель была выставлена на Лондонском мосту. Его друг, епископ Рочестерский, был отправлен на каторгу за несколько недель до этого (рис. 341).

Рис. 342.- Михаил Серветус (родился в Виллануэве, Арагон, в 1509 г.), сожженный заживо по приказу Кальвина в Женеве в 1553 г. - по медной пластине в "Historia Michaelis Serveti": 4to, Helmstadii, 1727.

Швейцария пострадала не меньше Англии, поскольку инквизиция, созданная Кальвином в Женеве, не поддавалась никакому описанию. В то время как Кальвину, как сообщается, было позволено клеймить тех, кто отличался от него, как жуликов, собак и негодяев, их императора - как паразита, а их отцов и матерей - как сатанистов, крестьяне, которые грубо обращались со своим скотом, были брошены в тюрьму. Трое детей были публично выпороты за то, что удрали из дома собраний, чтобы пойти поесть пирожных. В городских реестрах записано, что за шестьдесят лет сто пятьдесят человек были сожжены заживо как колдуны. Еще одним преступлением, караемым смертью, было "злословие в адрес Кальвина", который не скрывал своих чувств по этому поводу, как можно понять из следующего предложения в письме, которое он отправил одному из своих приверженцев: "Не забудьте очистить страну от фанатичных негодяев, которые призывают народ противостоять нам, очерняют наше поведение и пытаются представить наше вероучение как пустую мечту. Такие монстры должны быть уничтожены". На этих основаниях поэт Грюэ () был подвергнут пыткам и обезглавлен "за то, что плохо отзывался о Кальвине". Михаил Серветус, занимавшийся

медициной, астрологией и теологией, осмелился противоречить учению Реформатора, особенно в отношении доктрины Троицы. Кальвин написал Фарелю под датой 13 февраля 1546 года следующее письмо, оригинал которого до сих пор можно увидеть в Парижской национальной библиотеке: "Серветус написал мне на днях и прислал вместе с письмом большую книгу, наполненную его тщеславными и высокомерными рассуждениями, сказав, что я найду в ней много удивительных и доселе неизвестных предметов. Он обещает прийти и встретиться со мной здесь, если я пожелаю, но я не хочу вступать ни в какие соглашения, ибо, если он придет, а я буду вести себя по-своему, я не позволю ему избежать жизни". Несчастный Серветус был вынужден отправиться туда при следующих обстоятельствах. Он тайно опубликовал во Вьенне (Дофине) свою книгу под названием "Восстановление христианства" ("Christianismi Restitutio"). Кальвин приобрел копию этой книги, которую он переслал кардиналу-архиепископу Лиона. Серветус, благодаря доносам Кальвина, был арестован и брошен в церковную тюрьму Вьенны, так как в этой книге содержалось много неприятных высказываний, запятнанных ересью. Случилось так, что заключенный, лучший врач, чем богослов, в прошлом спас жизнь единственной дочери судебного пристава этого города, и тюремщик получил приказ содействовать его побегу, что и было сделано без труда. Серветус, к сожалению, укрылся в Женеве. Шпионы Кальвина обнаружили его там; 13 августа 1553 года он был заключен в тюрьму, а 26 октября, после длительного допроса, в ходе которого он энергично защищался от обвинений в нечестии и атеизме, его приговорили к сожжению заживо. Приговор был приведен в исполнение на следующий день (рис. 342). Кальвин наблюдал за казнью из своего окна, и вскоре после этого кантоны Цюриха, Шафхаузена, Базеля и Берна поздравили его с совершенным поступком. Ученый Меланктон написал ему: "Ваши магистраты поступили в соответствии с правом и справедливостью, предав смерти этого богохульника". Эти акты жестокости и мести, тем не менее, вызвали справедливое возмущение нескольких протестантских историков, которые сожалеют о потере Женевой ее древних свобод и прав. "На протяжении более восьмисот лет, - пишет Фази, - гармония между народным и религиозным делом ставила Женеву в ряд с цивилизацией. Ее законы были мягкими, акты насилия редкими, конфискации неизвестны, и нигде мы не находим следов преследования людей за их мнения".

Рис. 343.- Орнамент из "Истории завещаний" Пьера Коместора, датированный 1229 годом. Библиотека М. Амбруаза
Фирмина-Дидо.

ПОГРЕБЕНИЯ И ПОХОРОННЫЕ ЦЕРЕМОНИИ.

Бальзамирование и сжигание тел у древних.- Погребение, введенное в практику христианством.- Заворачивание мертвых в саваны.- Направление, в котором клали тела.- Погребальные кресты.- Погребальная мебель.- Кофины и саркофаги в Средние века.-Памятная скульптура и архитектура с XII по XVI век.-Катакомбы в Риме.-Карнавалы при церквях.- Общественные кладбища.-Кладбище Невинных, Париж.-Фонари для мертвых.-Похороны королей и королев Франции.- Погребальные листы.-Утешительная мысль о воскресении и вечной жизни.

В самую отдаленную эпоху мировой истории мы видим, что к мертвым относились с уважением, чтобы не сказать - поклонялись им; ведь естественные чувства заставляют дикаря, как и цивилизованного человека, отдавать последнюю дань привязанности телам тех, к кому он когда-то испытывал привязанность, уважение или страх. Таков моральный принцип различных способов захоронения, которые последовательно практиковались: бальзамирование, сжигание и погребение. Многие древние народы, особенно египтяне, стремившиеся сохранить человеческое тело на неопределенно долгий срок, бальзамировали своих умерших с особой тщательностью, или, скорее, мы должны сказать, с удивительным искусством.

Греки обычно сжигали своих мертвецов и собирали их прах в урны; у римлян обычай сжигания был обычным, по крайней мере среди богатых, и сохранялся еще долго после установления христианства, которое догматически предписывало погребение мертвых, хотя до этого этот способ погребения применялся только к рабам, самоубийцам и беднякам.

В то же время христиане ввели старый иудейский обычай заворачивать тело умершего в покрывало, которое по примеру египтян перевязывалось длинными лентами, пропитанными смолистым и благовонным маслом. Кроме того, бальзамирование было предписано и санкционировано божественным законодательством. В книге Бытия говорится, что на бальзамирование тела Иакова ушло сорок дней, а в шестнадцатой главе Евангелия от Марка мы читаем: "И когда прошла суббота, Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова, и Саломия купили благовонных курений, чтобы прийти и помазать Его".

Все барельефы пятого и шестого веков, на которых изображены тела, подготовленные к погребению, представляют собой обычную мумию, обмотанную лентами; этот способ обертывания тела, который, по-видимому, подразумевает, что оно было сначала забальзамировано, все еще использовался в конце восьмого века. После этой эпохи мы не располагаем достаточно точными данными, чтобы сказать, какова была общая практика. Однако мы знаем, что в течение определенного времени покойников зашивали в кожу, приготовленную из шкур оленей или быков. *Сервикориум*, или оленья шкура, был своего рода саваном, который специально использовался для воинов, если верить военным балладам. Драгоценные ткани использовались в то время для обертывания церковных особ; в гробнице X века в склепе Сен-Жермен-де-Пре в Париже был найден скелет, который был завернут в кусок ткани, перевязанный у шеи и ног короткими узкими лентами. Мертвые тела представителей низших сословий хоронили в саванах, сделанных из какого-нибудь обычного материала.

Перед погребением руки всегда складывали поперек груди. Этот обычай существовал на Востоке на протяжении всего Средневековья, и врачи греческой церкви придавали ему такое большое значение, что, по словам одного из авторов XIII века, ставили в укор латинянам то, что они пренебрегали соблюдением этого христианского закона.

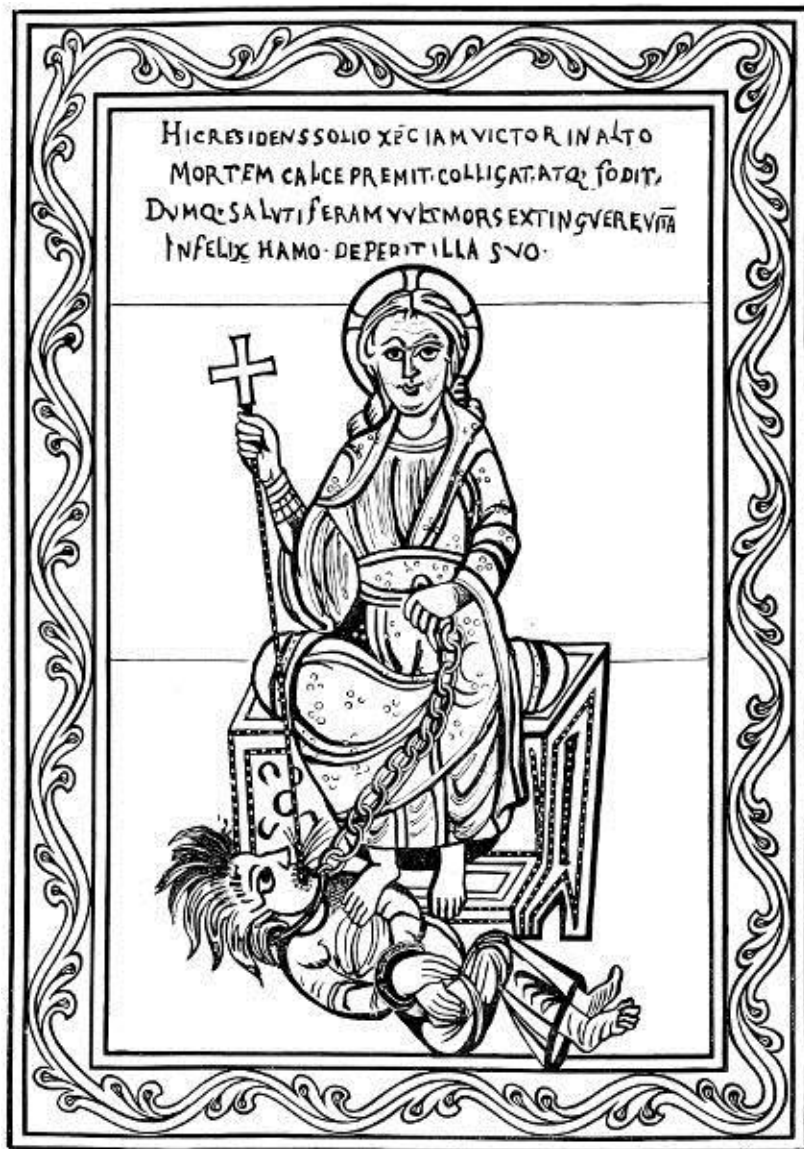

Рис. 344.- Христос, победивший смерть; со следующей надписью:...

"Hic residens solio Christus jam victor in alto
Mortem calce premit, colligat atque fodit.
Dumque salutiferam vult mors extinguere vitam,
Infelix hamo deperit illa suo."

Факсимиле миниатюры из "Хоровой книги" собора в Вормсе. Рукопись VIII или IX века, хранящаяся в библиотеке Арсенала в Париже.

Кроме того, особо оговаривалось направление, в котором должно было быть погребено тело. Так, предписывалось класть его на спину "головой на запад, ногами на восток", - говорит древний писатель Иоанн Белет. Другой не менее известный литургический писатель, Уильям Дюран, епископ Менде, добавляет в своем "Rationale Divinorum Officiorum", что тело, когда оно находится в таком положении, кажется занятым молитвой и готовым подняться с первыми лучами солнца. Однако не следует думать, что такого направления тела (*capite versus occidentem et pedibus versus orientem*) неукоснительно придерживались только

христиане, поскольку, как выяснилось, оно соблюдалось во втором и третьем веках, которые, несомненно, не были христианскими. Обычай хоронить умерших, введенный христианством, был принят в Италии задолго до того, как римские провинции были обращены в новую веру. После правления Антонинов, которые своим эдиктом разрешили хоронить мертвых, многочисленные случаи языческих погребений, проводимых в соответствии с этим эдиктом, особенно в Галлии.

Рис. 345.- Жатва душ: Бог-Отец, принимающий души на свои колени. Миниатюра из "Диалогов святого Григория", рукописи XII века, хранящейся в Бургундской библиотеке в Брюсселе.

Рис. 346. Кельтское погребение. Тело, согнутое вдвое, с головой между коленями и с двумя вазами у ног, помещается в грот или естественную пещеру.

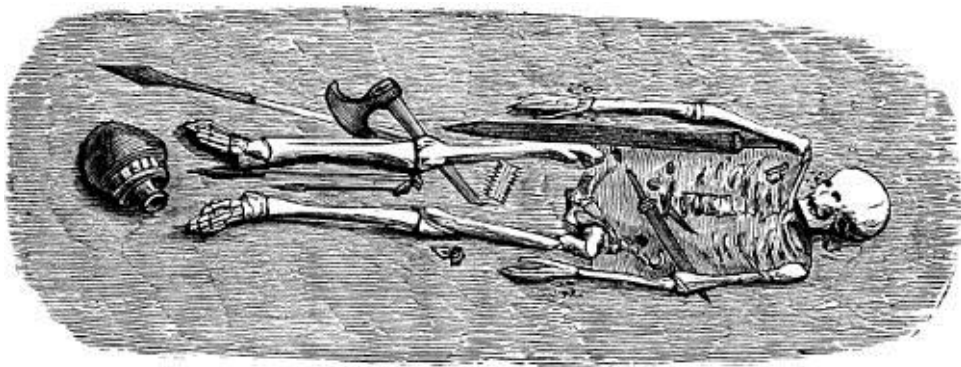

Рис. 347.- Способ погребения у франков.- Тело, положенное в могилу, окружено оружием, орудиями и различными предметами для использования: меч или *скрама сакс* в правой подмышке, нож или *пиньяр* на груди, *секира* у колена, *рама* или *копье* у ног, *гребень*, *браслет* и т.д. Считается, что ваза из красной или черной глины, которую часто находили под ногами скелета, имела символическое значение. Это захоронение было обнаружено во время раскопок в Париже.

В гораздо более поздний период принцип, касающийся направления, в котором клали тела, перестал использоваться в христианских захоронениях. Лиц, приписанных к церковным сооружениям, хоронили ногами на запад, а иногда и на юг. Было и другое исключение: тело не всегда клали на спину, в некоторых случаях его клали на бок или даже лицом вниз. Пипин Короткий был похоронен лицом вниз; Хью Капет, в соответствии с его пожеланиями, также был похоронен таким образом под дождевой струей, которая находилась над крыльцом собора Сен-Дени, чтобы его грехи были смыты. Это называлось погребением *adens* (на зубах, *ad dentes*).

В шестом и седьмом веках мы имеем множество примеров того, как людей клали в гробницу в сидячем положении, с ногами и телом вертикально. Этот исключительный способ погребения был принят чаще всего, хотя и не только, варварами; а тот факт, что Карл Великий был погребен таким образом, делает его особенно интересным. "Омытый и уложенный, - читаем мы в "Национальных культурах" Леграна д'Аусси, - одетый в свои императорские одежды, на боку меч с золотой рукоятью, на голове золотая корона, на коленях Новый Завет, написанный золотыми буквами, он восседал на золотом троне. Перед ним лежали его золотые скипетр и щит, благословленные папой Львом. Свод был наполнен благовониями и многими сокровищами (*thesauris multis*); он был закрыт и даже запечатан, а над ним была

возведена золотая аркада, на которой была выгравирована эпитафия, переданная нам Эгинхардом и являющаяся самой древней из всех сохранившихся, рассказывающих о наших древнейших королях".

Когда язычники приняли обычай погребения (рис. 348), они клали рядом с умершим знаки его профессии и любые предметы, которые были дороги ему при жизни; к этому добавляли различные вазы с едой и напитками, чтобы служить ему *виатикумом* во время более или менее длительного путешествия в лучший мир. В гробах христиан, напротив, даже с самых ранних времен погребальная утварь, похоже, почти ничего не содержала: фляга с духами, одна, две или, возможно, три вазы из дерева, стекла или глины, наполненные святой водой.

Рис. 348.- Галло-римская гробница, изображающая покойницу, лежащую на погребальном ложе и окруженную плачущей семьей и домочадцами. Памятник I или II века, найденный при раскопках в Париже. По рисунку из "Парижской статистики" мсье Альбера Ленуара.

Духи-флаконы исчезли еще в эпоху Меровингов, но обычай класть в гроб другие вазы сохранялся в некоторых странах вплоть до XVIII века. Поэтому их присутствие в месте погребения не является доказательством его древности. Литургисты пытались объяснить происхождение и смысл обычая, столь распространенного и столь долго поддерживаемого; Уильям Дюран в своем "Обосновании" предполагает, что эти погребальные вазы, какой бы формы они ни были, предназначались для хранения благовоний. Миниатюра XIV века, похоже, подтверждает эту теорию, поскольку на ней изображены по четырем углам гроба, накрытого покрывалом, маленькие горшочки, поставленные в ряд с лампадами (рис. 349); и есть основания полагать, что ладан в них сжигался во время погребальной службы. На самом деле горшки, изображенные на этой миниатюре, белые; красноватый цвет отверстий, которыми они пронизаны, и дым, выходящий из них, показывают, что внутри был огонь. Возможно, это был лишь огонь от раскаленных углей, поскольку в них был обнаружен пепел, смешанный с кусочками угля.

Рис. 349.- Погребальная служба, на которой между канделябрами изображены вазы с благовониями, которые были положены в гроб - рисунок XIV века.

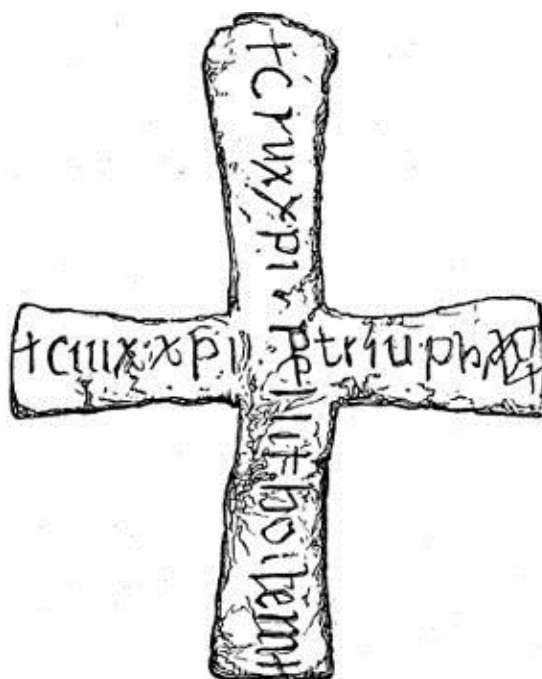

Рис. 350. Свинцовый крест одиннадцатого века, найденный в гробу в аббатстве Бури-Сент-Эдмундс (1855 г.).

После церемонии эти вазы, еще не остывшие, клали в гроб. И это подводит нас к другому христианскому обычаю, который, как было установлено, существовал во Франции и Англии с одиннадцатого по тринадцатый век. В этот период на грудь усопшего клали крест. Этот крест, деревянный или свинцовый, иногда серебряный, назывался *крестом отпущения грехов* (рис. 350), поскольку на нем обычно выгравировывалась формула отпущения грехов, которую давали покойнику, и даже его имя указывалось в формуле. Факт, приведенный Мабильоном в его "Анналах ордена святого Бенедикта", достаточно убедительно доказывает важность и повсеместное распространение этого обычая. В 1142 году, после смерти Абеяра, Элоиза, аббатиса Параклита, попросила у Петра Преподобного, аббата Ключи, формулу отпущения грехов, чтобы поместить ее на могилу прославленного богослова. Это отпущение было помещено, как сообщает бенедиктинский писатель, на грудь Абеяра. Текст настолько интересен, что его стоит процитировать, хотя он и написан на латыни. Петр Преподобный, ссылаясь в нем на нежелание монахов монастыря св. Марселя отдать тело Абеяра, говорит: "Ego Petrus, Cluniacensis abbas, qui Petrum Abaëlardum, in monachum Cluniacensem recepi, et corpus ejus furtim delatum Heloïsæ, abbatisæ et monialibus Paracliti concessi, auctoritate omnipotentis Dei et omnium sanctorum absolvo eum pro officio ab omnibus peccatis suis." В древних захоронениях иногда обнаруживают тела, закованные в цепи, или, во всяком случае, нагруженные железными и медными кандалами. Так, в Куверте, недалеко от Байе, несколько лет назад был обнаружен скелет, лежащий на лице (*ad dentes*), на деревянном кресте, с небольшой цепью на шее. Эта особенность берет свое начало в определенных правилах покаяния, которые действовали с восьмого по десятый, а возможно, и по одиннадцатый век.

Языческий обряд предписывал класть в урну или гроб денежную купюру, и многие антиквары предполагают, что это был обол для Харона. Этот обычай был увековечен христианами, так как на протяжении всего Средневековья на гроб всегда клали монету, и эта практика до сих пор преобладает в Пуату, Эльзасе и других местах.

Погребения варваров, даже после их обращения в христианство, особенно характерны, поскольку, независимо от того, к какой нации они принадлежали, они придерживались своей особой манеры погребения. Их хоронили в лучших одеждах, с оружием, а в некоторых случаях и с боевым конем. Женщины и дети, чье место захоронения легко обнаружить, носили драгоценности, ожерелья, кольца, фибулы, кушаки, пряжки и т.д., к которым до сих пор находят прилипшие кусочки ткани, остатки великолепного костюма.

Исследования и раскопки, проведенные во Франции в последние годы, привели к обнаружению многочисленных варварских кладбищ и позволили нам установить, какими были меровингские, или, как было бы точнее сказать, германские погребальные обычаи. Эти обычаи, очевидно, были заменены другими, когда варвары окончательно обосновались в Галлии, то есть примерно в середине девятого века. В этот период существовала привычка класть в гроб различные куски черной, красной или белой керамики (рис. 351), а также небольшие вазы, которые, по-видимому, предназначались для той же цели, что и вазы, используемые в христианских погребениях. В этих вазах, часто очень многочисленных, несомненно, хранилась пища; к ним часто прилагался небольшой деревянный кувшин, ручка которого была очень богато украшена и который *саваны* одно время принимали за диадему Меровингов. Но химический анализ твердых остатков, найденных в одном из этих кувшинов, позволил установить, что они были наполнены пищеварительной субстанцией, издававшей сильный запах перебродившего пива.

Рис. 351.- Галльская или галло-римская керамика, раскопанная в Париже и его окрестностях.

После того как варваров перестали хоронить с их боевым оружием, в христианском обществе, как во Франции, так и в Германии, еще оставались следы этого первобытного обычая; так, королей хоронили в их королевских одеждах, со скипетром и короной. Так продолжалось на протяжении всего Средневековья; но в XIII и XIV веках скипетры и короны, которые клали в гроб, стали делать из латуни или олова, чтобы у воров не возникало соблазна их украсть. Так же поступали с епископами и аббатами, о чем свидетельствует Григорий Турский, рассказывая о том, что Сен-Галл, епископ Клермона в Оверни, аббат Марс, отшельники Мариан, Леобард и Лупицин были похоронены в своих церемониальных одеждах. Они были покрыты после смерти самыми блестящими знаками отличия своего достоинства; но после определенной эпохи рядом с ними в гроб не клали ничего, кроме деревянного козла, потира и оловянной патены. Однако они всегда были одеты в свои папские облачения, золотые кружева и вышивка которых, когда эти гробницы вскрывались, часто обнаруживались нетронутыми, в то время как сами облачения рассыпались в пыль.

В монастырях и общинах после X века соблюдался старый варварский обряд, и монахов хоронили во всех их одеждах; но поскольку шерстяной материал, из которого они были сделаны, истлел с возрастом, археолог не может восстановить при вскрытии этих гробов монашескую одежду, какой она должна была быть на момент погребения тела, содержащегося в ней.

На данный момент мы рассмотрели только различные способы захоронения в Средние века, но теперь мы можем перейти к разговору о гробе и гробнице. Нет более любопытного произведения искусства, более полного исторических и живописных сведений, чем погребальные памятники всех эпох. Но следует помнить, что между гробом и гробницей существует заметное различие: первый является вместилищем мертвых, а второй - лишь памятником, воздвигнутым для обозначения места, в котором был погребен гроб.

Во все времена христиане использовали гробы, вырезанные из камня; этот обычай прекратился только в XIII веке, чтобы освободить место для использования свинцовых гробов. Каменные саркофаги предназначались только для людей определенного ранга. Солдаты, горожане и сельские жители хоронились в деревянных гробах. Франки дали этим гробам название *off* или *loff*, которое упоминается в Салическом законе. Григорий Турский, рассказывая о чуме, опустошившей Овернь в 571 году, говорит: "Смертность в Клермонте была столь велика, что было сочтено необходимым хоронить до десяти тел в одной могиле, поскольку не хватало деревянных и каменных гробов".

Эти древние каменные саркофаги встречаются в огромном количестве в тех местах, которые были обычными местами захоронения. Они были найдены тысячами в некоторых городах и деревнях, таких как Алишам, Древант и Гру в департаменте Шер, а также в Мёне и Навей в департаменте Луар-и-Шер. Самые древние гробы легко узнать по их большим размерам, толщине и правильной форме (рис. 352 и 353). Это, так сказать, сундуки с массивной каменной крышкой, длиной два метра двадцать сантиметров (около семи футов двух дюймов), а в некоторых случаях и больше. Они квадратные и напоминают прямоугольное корыто. Крышка, покатаая, в виде крыши, лишена всяких украшений.

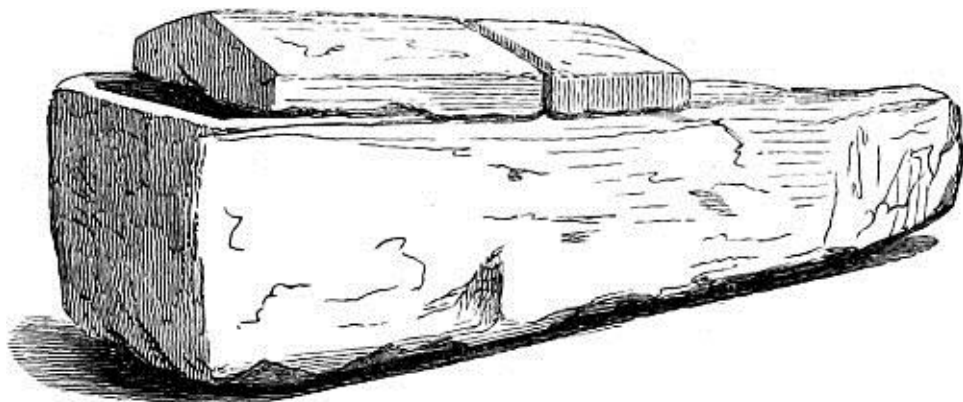

Рис. 352.- Каменный гроб, обнаруженный во время раскопок на улице Коссоннери в Париже. Находится в музее Клюни.

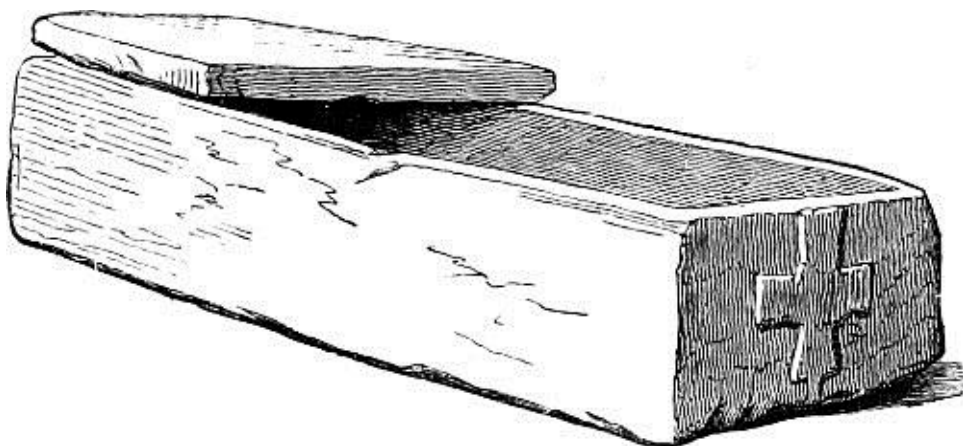

Рис. 353.- Каменный гроб галло-римского происхождения, в музее Клюни.

В шестом и седьмом веках размеры саркофагов начали уменьшаться и редко превышали два метра (шесть футов семь дюймов) в длину. Еще одним отличительным признаком этого периода стало то, что гроб, более узкий у ног, чем у головы, был накрыт большим камнем, обтесанным, как у античных гробов. Более того, часто он был чуть менее глубоким у ног, чем у головы, но это особенность гробов VIII века. После этого периода в обиход снова вошли гробы, более узкие у ног, чем у головы, но одинаково высокие с обеих сторон.

В VIII веке во многих гробах была обнаружена небольшая ячейка, вырубленная в камне для хранения головы трупа. Обычно эта ячейка была квадратной, но иногда круглой.

Чем дальше мы погружаемся в Средневековье, тем сложнее становится определить древность гроба. После одиннадцатого и двенадцатого веков, если не десятого, крышки украшаются грубо выполненной скульптурой, крестами в барельефах, треугольными гранями, нечеткой ажурной резьбой, которые имеют явное сходство с римскими саркофагами.

На древних кладбищах французских провинций также встречаются гробы, вылепленные из гипса; в музее Клюни есть несколько интересных образцов таких гробов, которые использовались с девятого по четырнадцатый век. Их боковые стороны грубо украшены очень примитивными орнаментами, круглыми, ромбовидными, витыми, с эмблемами, которые позволяют нам приблизительно определить дату их исполнения. Так, если гипсовый гроб украшен флер-де-лис, мы можем быть уверены, что он не может быть более раннего происхождения, чем XIII век.

В последние годы двенадцатого столетия был изобретен вид каменного гроба, вырубленного снаружи таким образом, чтобы создать форму головы и представить все тело, завернутое в саван, подобно мумии.

В начале XIV века высокопоставленных особ хоронили в каменных гробах, облицованных свинцом. Во времена Карла V камень был полностью заменен деревом и свинцом, даже в погребениях богатых людей. Гробы той эпохи напоминают ящики, сделанные в спешке путем соединения листов свинца разной толщины.

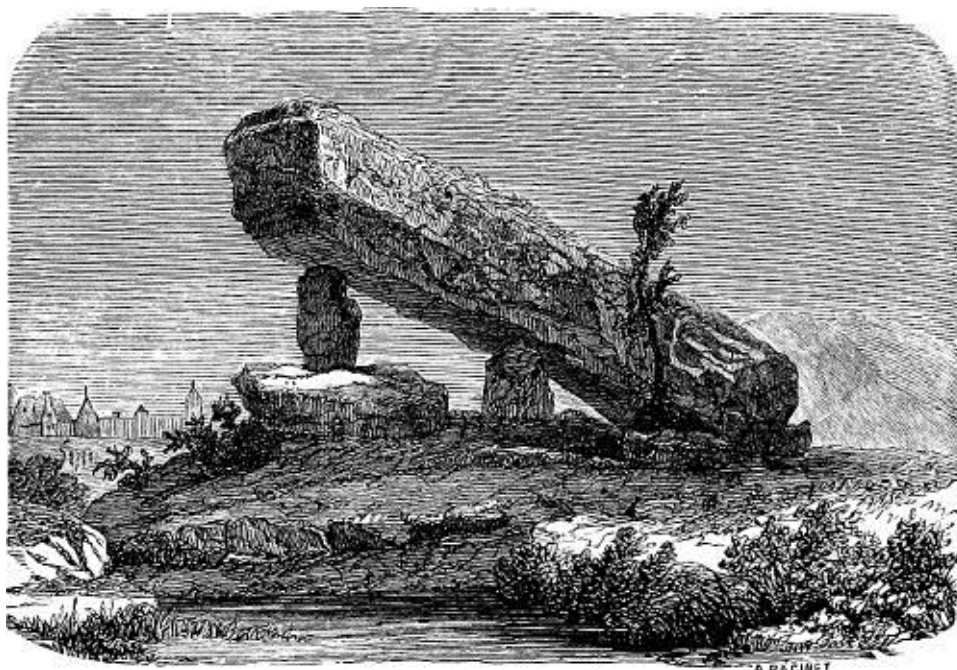

Рис. 354.- Поднятый камень, около Пуатье - по рисунку из большого труда графа де Лаборда "Памятники Франции", фолио, 1816 г.

Квадратные каменные корыта, около двенадцати или четырнадцати дюймов в длину и от восьми до десяти дюймов в ширину, также встречаются в большом количестве; они использовались для приема костей, выпавших из заброшенных мест захоронений и из сводов под церквями, когда во время ремонта были потревожены неизвестные или забытые могилы. Когда в результате ремонта приходилось вынимать гробы, принадлежавшие известным личностям, похороненным в церкви, прихожанами и благодетелями которой они являлись, иногда случалось, что при переносе гробов их вскрывали, и в этом случае остатки разбитых гробов помещали в эти небольшие корыта, которые занимали меньше места. Гробницы, то есть видимые памятники погребения, были почти такой же формы, как и гробы, с самых ранних времен и до близкого девятого века, единственное отличие - они были сделаны из более качественных материалов и украшены с большим или меньшим великолепием. Так, все гробы, в которых находились тела мучеников, знати, прелатов или королей, были выставлены на обозрение верующих и служили гробницами, так что эти

выдающиеся личности не были, в истинном смысле этого слова, погребены. Каменный сундук, в который помещалось тело, являясь одновременно гробом и погребальным памятником, не прятался под надгробием, а оставался на виду в церкви - не в погребальной пещере, а над землей, часто, правда, возвышаясь на колоннах. Ранние христиане Галлии, по крайней мере те, кто отличался своими достижениями или добродетелями, были похоронены таким образом в саркофагах, украшенных аллегорическими сюжетами, очень похожими на те, в которых хоронили язычников. В качестве примера можно привести саркофаг в Реймсе патриция Йовина, начальника кавалерии при Юлиане и, как говорят, основателя церкви Святого Агриколя, которая впоследствии стала называться Святой Никезой. Этот памятник, перенесенный из древней церкви в собор, а затем в музей, выполнен из белого мрамора и украшен скульптурами с трех сторон. На лицевой стороне изображены различные сцены охоты, в которых принимает участие Йовин с копьем в руке, сопровождаемый духом, обладающим атрибутами Минервы. Очень вероятно, что этот саркофаг, который ранее использовался для погребения какого-то язычника, был использован для его нового обитателя без каких-либо изменений в его художественных особенностях. Точно такой же саркофаг был сделан для короля Австрии Карломана, брата Карла Великого; на нем также был изваян аналогичный сюжет, и он был возвышен на четырех колоннах рядом с гробницей святого Ремигия.

Иногда саркофаги изготавливались из более дорогого материала, чем камень; например, саркофаг святого Кассиана в Аутене был сделан из алебаstra. Но это были лишь исключительные случаи, и Морис, архиепископ Руана, запретил эти погребальные изыски в 1231 году. Любопытно, однако, отметить, что на христианских гробах изображены сцены из светской истории. Соваль описывает один из них, обнаруженный в церкви Святой Женевиевы в Париже в 1620 году, который содержал ящик, полный золотых и серебряных медалей с изображением охоты на кабана в Мелеагре. Христианские и языческие эмблемы иногда встречаются рядом: на саркофаге святого Андоша были изображены колесо, птица, виноградная лоза и виноград, топор и, среди всех этих украшений, крест.

После правления Феодосия по всей Галлии стали использоваться саркофаги, эмблемы которых были заимствованы исключительно из христианской религии. Как правило, фронтальная поверхность разделена аркадами повышенной архитектуры, и между каждой из них изображен сюжет, взятый из Ветхого или Нового Завета. Арль, по всей видимости, был центром специального производства, которое выполняло подобные работы для всего юга Франции вплоть до середины XVI века. Также существовали мануфактуры каменных саркофагов в Сен-Пьер-л'Этрие, Сен-Эмилионе и, что особенно примечательно, в Кварре-ле-Томб.

Во время правления первых *королей Фенеантов*, преемников Хлодвиги, на украшение саркофагов повлиял варварский стиль искусства. Больше не было никаких рельефных фигур - ничего, кроме монограммы Христа, XP, с круглой или овальной каймой. В этот период саркофаг приобрел точную форму гроба, будучи более узким у ног, чем у головы. Крышка представляла собой большой камень того же характера, что и гроб, обычно украшенный концентрическими кругами или чешуей рыбы, в память о монограмме Христа, IXΘΥΣ (ἰχθύς, *рыба*).

Во времена Карла Великого погребальная скульптура не процветала; тела королей помещали в древние гробницы, которых везде было очень много. Так, саркофаг, в который было помещено тело самого Карла Великого, изображал похищение Прозерпины. Правда, на саркофаге Людовика Благочестивого был изображен переход через Красное море, но он был изготовлен в Арле. Со временем церкви стали настолько переполнены гробницами, что соборы были вынуждены запретить погребение в них, и этот приказ, хотя и соблюдался лишь

частично, привел к изменению способа захоронения. Люди предпочитали опускать гробы в землю, тем более что так они были лучше защищены от грабителей, нарушавших святость могилы. Таким образом, с девятого по начало десятого века саркофаги постепенно выходят из употребления.

Рис. 355.- Гробница святой Елизаветы Венгерской в церкви Марбурга, Гессен (XIII век). Она изображена на смертном ложе, и ангелы предлагают ее душу Иисусу, который благословляет ее, и Деве Марии. Справа - герцог Людовик с крестом крестовых походов, святой Иоанн Евангелист, особый покровитель святой Елизаветы, святая Екатерина и святой Петр; слева - святой Иоанн Креститель, святая Мария Магдалина и епископ. Именно перед этим барельефом паломники преклоняли колени в молитве, и их колени проделали впадины в мостовой вокруг него.

Захоронения над землей снова вошли в моду после XI века, и именно с этой эпохи начинается развитие погребального искусства в Средние века. Поначалу гробницы, даже самых высокопоставленных особ, представляли собой обычные каменные или мраморные блоки разной формы, поставленные на землю или, как чаще всего бывало, поднятые на короткие колонны. В XII веке мы встречаем новый вид памятников: гробницы в виде квадратных алтарей, или алтарных столов, с рельефным или вырезанным на их верхней поверхности изображением усопшего. Такие гробницы были широко распространены на протяжении всего Средневековья (рис. 355) и сочетались после XIII века с другим способом, основанным на совершенно ином принципе. Поскольку, несмотря на постановления соборов, церкви по-прежнему были полны могил, стремились сделать возводимые в них гробницы как можно менее громоздкими; отсюда возник обычай помещать на стены таблички или скульптуры на определенном возвышении над землей, указывающие на наличие гроба в склепе под ними. Кроме того, существовали плоские гробницы, помпезные эпитафии на которых стирались шагами тех, кто по ним проходил. Они были в моде со времен Филиппа Августа, и их использование не угасало до правления Людовика XIV, особенно в северных провинциях Франции.

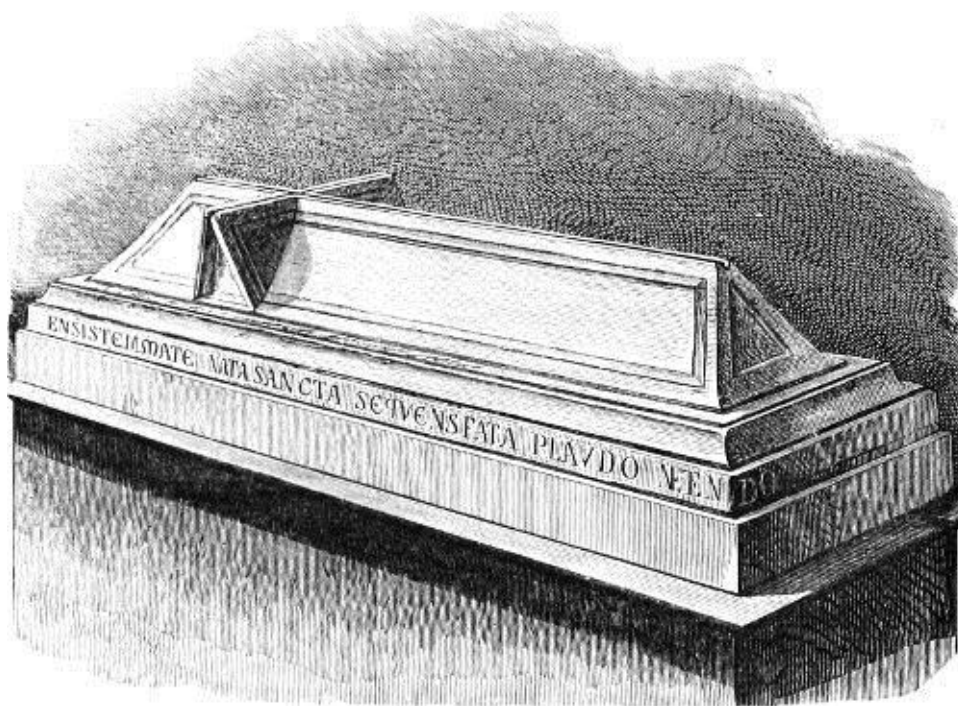

Рис. 356.- Гробница в церкви Святого Водру в Монсе Аделаиды или Алисы, графини де Хайно, умершей в 1168 году. Эта гробница из камня, лишенная всяких украшений, с треугольным верхом в форме креста. (Двенадцатый век.)

Теперь можно подробнее рассказать о квадратных каменных блоках, использовавшихся в качестве погребальных памятников. В одиннадцатом веке эти приподнятые гробницы (таково их название) были больше в верхней части, чем по бокам. Они были украшены лепниной сверху и снизу и опирались либо на каменную плиту, либо на короткие колонны. Другие гробницы, такие же массивные, были призматической формы, с тремя, четырьмя или пятью сторонами, и они тоже покоились таким же образом. Самые древние из этих памятников почти в точности похожи на гробы, а их поверхность лишена всякой декоративной работы (рис. 356). Наличие скульптуры вокруг гробницы является одним из отличительных признаков искусства в период правления Филиппа I (1059-1108). Скульптура обычно состоит из простых кругов, обрамляющих бюсты, окруженные листвой. Массивные квадратные гробницы этого времени украшены аркадами с барельефами, как и алтари того периода.

От этого вида склепа произошел памятник в форме стола, размеры и украшения которого продолжали увеличиваться во время правления Людовика VIII. Он представлял собой каменную глыбу, над которой возвышался стол, на котором покоилась статуя усопшего со скрещенными на груди руками. Столы такой формы использовались в основном для бронзовых гробниц, которые стали очень многочисленными в начале двенадцатого века. В этих бронзовых гробницах, на которые ставилась статуя, было четыре-шесть львов на кушетках. Когда Шугер восстанавливал аббатство Сен-Дени, он перенес в середину хора могилу Карла Лысого и воздвиг над ней бронзовый стол со львами в качестве опоры и статуей, призванной отображать черты монарха.

Персоны, изображенные таким образом в камне, мраморе или бронзе, всегда представлены со своими знаками отличия: короли и принцы с короной и мантией; рыцари с обнаженной головой, в доспехах, с мечом и рыцарскими шпорами, а во многих случаях с гербом и гербовыми знаками (илл. 357); дворяне, не рыцари, с гербовым щитом, одной или двумя гончими, сидящими у ног, соколом на запястье или перчаткой, в которой птица держалась в руке, - то есть с эмблемами, означающими их право участвовать в погоне, которая была особой привилегией дворянства.

Точно так же на гробницах женщин, юристов, светского и обычного духовенства изображали одежду, соответствующую их статусу; но скульпторы и резчики не всегда строго следили за изменениями моды, и часто изображали персону своего времени в костюме, принадлежащем предыдущему поколению. Так, на протяжении нескольких веков короли изображались с примитивной мантией, застегнутой или завязанной спереди; рыцари, вплоть до эпохи Генриха II, представляли с алебардой и шлемом, которые носили только представители древнего рыцарского ордена. В погребальной скульптуре, как и во всех других видах искусства Средневековья, существовали свои условные и традиционные правила.

Рис. 357 - Гробница, воздвигнутая в церкви доминиканцев в Пуи-ан-Веле в память о Дю Гесклине его другом маршалом де Сансерром. Эта гробница относится к концу XIV века.

Археологи пытались выяснить значение лежащих фигур - одни в полном облачении, другие без одежды - которые помещались на гробницах христиан, и они считают, что это использование является инстинктивным возвращением к обычаям древних этрусков, которые изображали на вершине гробницы тело покойного, либо согнутое вдвое или в сидячем положении, либо вытянутое во весь рост или опирающееся на локти, в зависимости от того, как он был положен в могилу. Первые погребальные скульпторы, столь же неумелые, сколь и невежественные, копируя лишь какую-то конкретную модель, поставленную перед ними, создавали лишь несовершенные и грубо выполненные фигуры, почти не приближенные к барельефу. Со временем статуя приобрела более четкие очертания, а в царствование Людовика VII была полностью выполнена в алыт-рельефе. Монахи аббатства Сен-Жермен-де-Пре сделали для своего благодетеля, короля Чилдеберта, то, что Шугер сделал для знаменитых покойников, которые на протяжении нескольких веков покоились в базилике Сен-Дени, и воздвигли кенотаф с фигурой монарха в натуральную величину, причем художник выдолбил верхнюю часть гробницы в форме раковины, чтобы черты лица выделялись. Король изображен держащим в одной руке модель основанной им небольшой церкви, а в другой - скипетр.

С появлением готической архитектуры, ближе к середине XII века, гробницы стали украшать сводчатыми арками в форме четвертьфигур, и эти арки впоследствии стали служить каркасом, в который помещались барельефы. В остроконечной арке одной из них изображен монах-скорбящий, один из тех, кого нанимали для помощи в похоронных церемониях. Фигура, лежащая на столе, называлась *гизант*, о чем свидетельствуют старые бухгалтерские книги, содержащие следующий пункт: "Столько-то определенному человеку за то, что он вырезал фигуру гизанта". Французское искусство погребальной архитектуры и скульптуры достигло своего апогея в пятнадцатом веке, и ничто не может быть более совершенным и прекрасным, чем гробницы герцогов Бургундских в Дижоне и герцогов Беррийских в Бурже.

После XIII века к ногам гизанта клали одного или двух львов или собаку; в военных балладах говорится, что эти символические животные назывались *cagnets* или *cagnons* - лев был эмблемой силы, а собака - верности (*léauté*).

Гробница знатного или богатого человека часто украшалась второстепенными фигурами, вырезанными в рельефе из мрамора или камня: иногда Дева Мария, или какой-нибудь святой, или сцена из Ветхого или Нового Завета; с одной стороны - олицетворение добродетели, с другой - скорбящие, или, возможно, семья покойного. Так, вокруг гробницы Филиппа де Марле в Лилле высечены фигуры принцев и принцесс второго Бургундского дома; на гробнице Филиппа Смелого в Нарбонне изображена погребальная церемония.

В XIV веке скульпторы возвышались над гробницей с кроватью, на которой была высечена фигура усопшего, с неким подобием каменного помоста или балдахина; два ангела с распростертыми крыльями держали раздвинутую завесу, на которой они несли маленькую обнаженную фигурку, стоящую прямо, и означавшую душу усопшего человека. На других памятниках ангелы держат кадильницу, с помощью которой они возносят благовония душе усопшего, как в Нейи-сюр-Марн, на могиле знаменитого проповедника Фулька, умершего около 1200 года. В других случаях ангелы изображены держащими шлем и щит покойного, несущими его шлейф или преподносящими ему на коленях раскрытый молитвенник. Гробница Филиппа Пота (рис. 358), ранее находившаяся в церкви аббатства цистерцианцев, поддерживалась восемью статуями женщин, одетых в траур. Некоторые статуи, установленные на гробницах, были вырезаны из твердого известняка, а не из мрамора; статуи Карла VII и его супруги были сделаны из алебаstra. Во многих случаях только руки и голова были из алебаstra или мрамора, а все остальное тело - из камня. Гробница сира де Барбазана, умершего в 1432 году, была полностью из бронзы; гробница Карла VIII в Сен-Дени, построенная из ценнейшего мрамора, имела на себе бронзовую статую принца, окруженную четырьмя ангелами, каждый из которых держал королевский щит.

Рис. 358 - Гробница Филиппа Пота, великого сенешаля Бургундии, умершего в 1494 году; ранее находилась в аббатстве Сито, теперь - в музее в Дижоне. Рыцарь лежит на могильном камне, который несут восемь скорбящих, каждый из которых несет на руке щит с изображением своих семейных союзов.

С этого периода французское искусство должно было уступить место итальянскому, которое Карл VIII привез в качестве трофея из своей экспедиции в Неаполь, и которое в конце концов прижилось во Франции и развивалось со всем великолепием эпохи Возрождения до конца XVI века. Иностранные художники начали выделяться в композиции гробниц. Франциск I, которого восхищали памятники такого рода во Флоренции, Риме и Милане, решил создать несколько столь же замечательных в своем королевстве. Гробница Людовика XII, *шедевр* флорентийского художника, послужила типом и образцом для гробниц Франциска I и Генриха II, которые были завершены с еще большим великолепием французскими художниками Пьером Бонтемпом и Жерменом Пилоном под руководством Филибера де Лорма. Эти погребальные памятники - самые чудесные из всех, созданных французским искусством в подражание итальянскому (рис. 361).

Рис. 359 - Обезглавленный рыцарь, держащий в руках свою лишенную плоти голову. Бюст в музее Намюра, датируемый 1562 годом, с такой надписью: "Настанет день, когда мой счет будет сведен" ("Une heure viendra qui tout paiera"). Этот зловещий крик мести, несомненно, был адресован вдовой или семьей жертвы ее убийце.

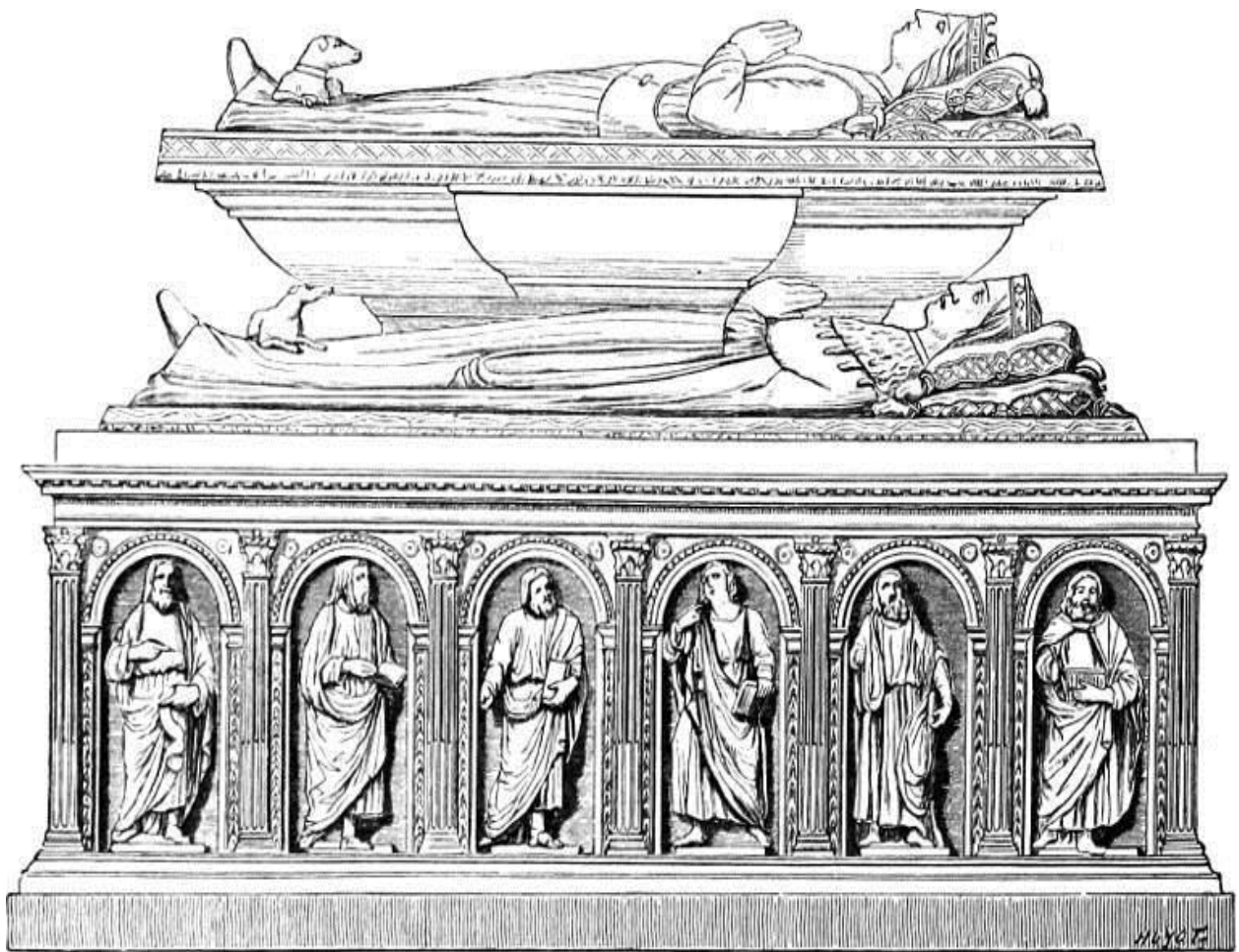

Рис. 360. Гробница Людовика, герцога Орлеанского, и Валентины Миланской, его супруги; казнена по приказу Людовика XII. Ранее находилась в церкви Целестинцев в Париже, сейчас - в церкви Сен-Дени (XVI век).

Рассмотрев различные виды погребальных памятников, существовавших в эпоху Средневековья и Возрождения, мы можем перейти к рассмотрению некоторых вспомогательных произведений искусства, о некоторых из которых мы знаем только письменным свидетельствам, которые, однако, слишком подробны, чтобы можно было сомневаться в их существовании. Таковы покровы (*coopertoria*, *coopercula*), под которыми были скрыты гробницы, часто простые и скромные, мучеников и святых в древних церквях. Часто эти крышки были обшиты листами металла с богатой чеканкой и украшены драгоценными камнями. Ни одна из них, к сожалению, не сохранилась, и только от древних летописцев мы узнаем о чудесах искусства, созданных святым Элоем в царствование Дагоберта. Ближе к нашим дням над гробницами возвышался *киворий*, или небольшой купол. Его делали из резного дерева, а иногда из камня, особенно в XIV веке. Так, гробница Маргариты Фландрской, дочери Филиппа Длинного, была украшена открытой резьбой готического ордера. В большинстве случаев над гробницей возводили небольшое здание с семью или восемью опорными колоннами, и на его украшение тратились все ресурсы искусства. В эпоху *архитектуры rayonnante* эти легкие и изящные сооружения состояли из арок, увенчанных остроконечными фронтонами, которые сами по себе служили для объединения основных опор произведения, сводчатого и увенчанного крышей. Подобные сооружения до сих пор можно увидеть на юге Франции, над могилами Иннокентия VI. (Авиньонский собор) и Иоанна XXII (Бур-де-Вилленев). Гробницы Карла VI и Карла VII в Сен-Дени были, так сказать, закрыты подобными сооружениями. По обычаю, восходящему к

древнейшим временам, гробницы в Средние века часто помещались в углубление стены, выгнутой дугой внутрь, чтобы не мешать богослужению и не мешать прихожанам.

Рис. 361 - Гробница святого Ремигия, воздвигнутая (1526-1530 гг.) в церкви, посвященной ему Робертом де Ленонкуром, архиепископом Реймским. Вокруг памятника, который был разрушен, находились ниши с мраморными статуями двенадцати пэров Франции; справа - светские пэры в королевских одеждах и с коронами на головах, несущие знаки королевской власти; слева - церковные пэры со священными символами.

Мы уже говорили, что для того, чтобы церкви не были переполнены гробницами, каменные или мраморные таблички - иногда они были из крашеного дерева - крепились к стене прямо над могилой или недалеко от нее, с эпитафией и скульптурными украшениями. Некоторые из этих табличек крепились на двух колоннах, прикрепленных к стене, или устанавливались на столбе.

До того, как статуи на могилах стали изображать в коленопреклоненной позе, скульптор часто изображал усопшего в молитвенной позе, и эта фигура помещалась на консоли на небольшом расстоянии от могилы, в часовне, принадлежащей семье или братству. Фигуры, воспроизведенные таким образом на рельефе, всегда носили костюм и знаки отличия своей профессии, о чем свидетельствуют некоторые памятники эпохи правления Карла V.

Рис. 362.- Мавзолей Филиппа II, короля Испании, возле главного алтаря в Эскуриале. Эта группа гигантских статуй из бронзы с позолотой выполнена Леони. Король, стоящий на коленях перед священником, облачен в мантию, на которой изображены гербы его различных государств. Рядом с ним три его жены - слева Елизавета Французская, рядом с ней Анна Австрийская, а справа Мария Португальская. Позади него - его сын, Дон Карлос.- "Иконография Испании", автор Кардерера.

Плоские гробницы представляли собой плиту длиной шесть футов шесть дюймов, либо из твердого камня, либо из мрамора, врытую в землю или мостовую над гробом (рис. 363). На плите первоначально был высечен крест, независимо от состояния погребенного, с козлом для прелата и мечом для рыцаря. Эти предметы воспроизводились с большим мастерством, вырезая их из камня и замазывая углубление красным или черным цементом, что делало их очертания более четкими. В XII веке плоские гробницы стали украшать бордюром вокруг камня, высеченным аналогичным образом и призванным образовать филенку, внутри которой помещалась эпитафия с именем покойного и датой его смерти. Позже, как и в случае с приподнятыми гробницами, на них стали изображать фигуру усопшего. Так было во времена Людовика VII: статуи представляли образ покойного в одежде, соответствующей его положению в жизни, со скрещенными на груди руками; впоследствии к ним добавились львы и собаки - все это было высечено в камне. Фигура усопшего часто окружалась архитектурными элементами. Сначала фигуру помещали под колоннадой; впоследствии

возводили очень сложное сооружение, в котором статуя усопшего возвышалась на переднем плане (рис. 364). Руки и ноги часто вытесывали из белого или черного мрамора. Также использовались плоские гробницы из латуни, серебра или бронзы; последний металл был в моде в XIII веке; например, мы находим его в гробнице Ингербурги, жены Филиппа Августа, в Сен-Жан-ан-Иле, недалеко от Корбейля; в гробнице Бланш, жены Людовика VIII, в Мобюиссоне; в гробнице Маргариты, жены Сен-Луи, и Бланш, их дочери, в Сен-Дени. Принц Людовик, сын Людовика Святого, также похоронен в этой церкви, его гробница выполнена из меди с эмалью.

Рис. 363.- Плоская гробница Сибиллы (жены Ги де Лузиньяна, короля Иерусалима), умершей в 1187 году. В церкви в Намеше, недалеко от Намюра. Надпись, наполовину стертая, может быть переведена следующим образом: "Здесь покоится законная наследница Самсона (деревня близ Намюра), которая происходила по прямой линии от короля Иерусалима. Будем молить Бога об утешении ее души".

Многие гробницы были гораздо более роскошными. Гробницы Людовика VIII и Людовика IX были отделаны позолоченным серебром и украшены резными фигурами. Альфонс де Бриенн, граф д'Эу, имел гробницу из позолоченной меди, украшенную эмалью. Вероятно, примерно в тот же период глава аббатства Сен-Жермен-де-Пре (Париж) покрыл мозаикой и филигранью древнюю гробницу Фредегонды; ведь трудно поверить, несмотря на Мабильона и Монфокона, что эта гробница датируется ее смертью в конце VI века.

Рис. 364.- Плоская гробница Александра де Берневаля, архитектора церкви Святого Уана в Руане, и его ученика.
(Пятнадцатый век.

В XV веке англичане, владевшие в то время значительной частью Франции, приложили руку к этим пластинам из меди, серебра и золота, чтобы превратить их в монету; другие, избежавшие разграбления, были переплавлены во время революции, так что мы должны искать в Англии и Бельгии плоские металлические гробницы, все еще находящиеся в состоянии сохранности.

Таковы основные характеристики погребальных памятников в Средние века и вплоть до эпохи Возрождения. Эти памятники, многие из которых сохранились до наших дней, проливают свет на костюмы своего времени. Теперь мы должны перейти к разговору о кладбищах, или местах общественного захоронения, в которых надгробные памятники были разрешены законом, как только церковь установила свою власть. Погребения в церквях были, по сути, особой привилегией богатых людей, которые могли приобрести ее на вечные времена. Кроме того, присутствие этих могил в зданиях, предназначенных для

общественного богослужения, соответствовало самой сути христианства, поскольку уже упоминалось о практике помещения тела святого под алтарем.

Первобытная латинская церковь во втором и в начале третьего века совершала обряды богослужения на кладбищах христиан, то есть в склепах и катакомбах. Христиане, подражая языческому обычаю превращать старые каменоломни в места общего погребения, называемые *гипогеями*, во время гонений искали убежища в заброшенных каменоломнях недалеко от ворот Рима, где тайно совершали свои обряды и хоронили умерших. Это и есть Катакомбы, представляющие собой регулярный подземный город, галереи которого, составляющие огромный лабиринт, были открыты по соседству с древними дорогами, расходящимися из Рима в близлежащие районы, и в непосредственной близости от них. Использование этих катакомб для христианских захоронений, несомненно, датируется первым веком христианства. Самые известные и знаменитые из них - те, что находятся под базиликой Святого Себастьяна и являются частью так называемого кладбища Святого Каликста, расположенного под Аппиевым путем. С XVI века, когда эти катакомбы были впервые исследованы и тщательно изучены, это общее название дается всем раскопкам, которые привели к обнаружению христианских могил. Каждая катакомба называлась по имени мученика, которого верующие погребли в ней во время гонений, и чьи мощи были найдены под алтарями, которые были возведены и украшены в основном в восьмом веке.

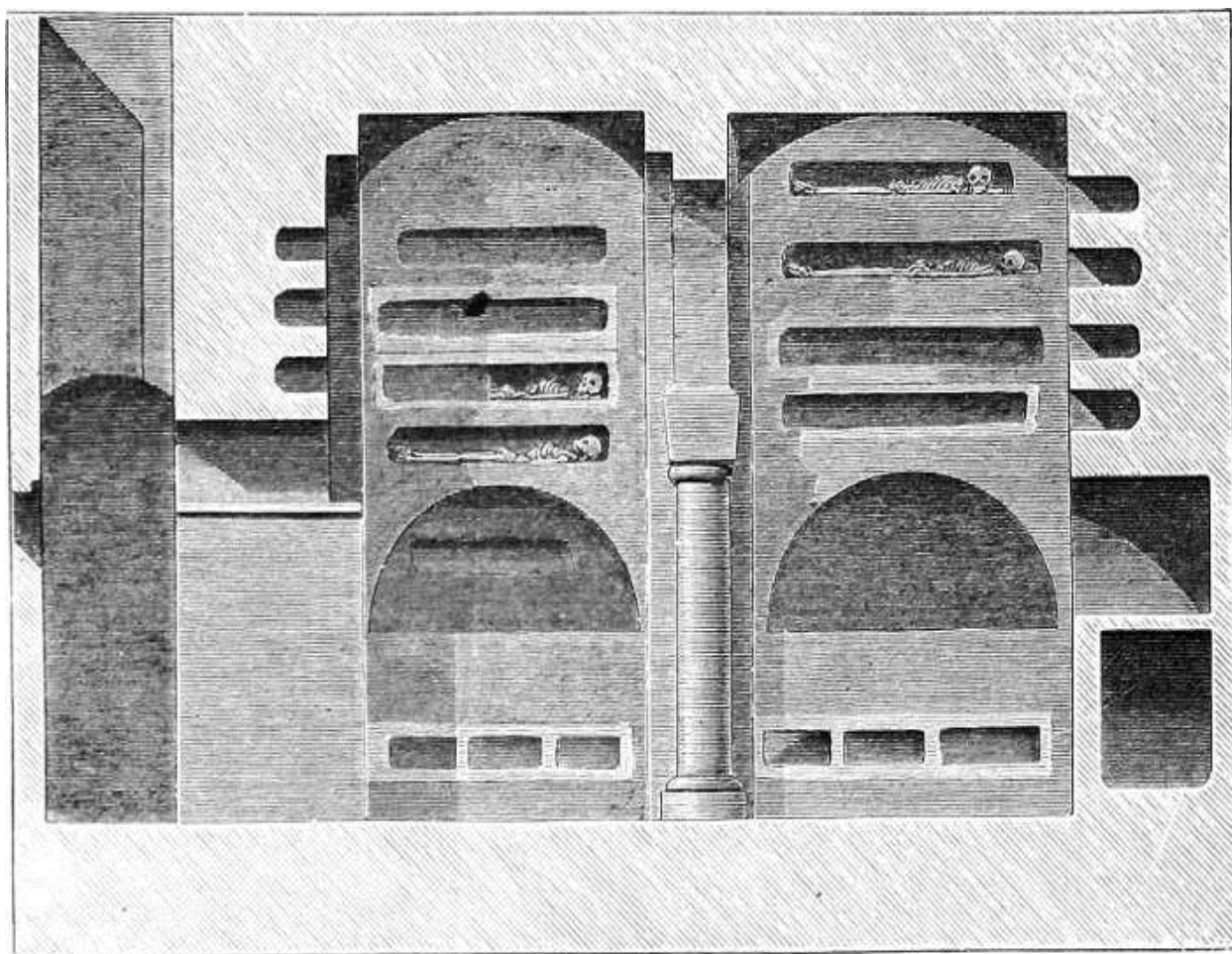

Рис. 365.- Склеп часовни Святой Агнессы в катакомбах в Риме, отведенных для погребения христиан - из работы М. Перре "Катакомбы Рима".

Катакомбы состоят из очень узких галерей шириной от девяноста семи сантиметров до одного метра тридцати сантиметров (от тридцати восьми до пятидесяти одного дюйма),

неравномерно прорезанных в камне. Эти галереи, большинство из которых были очень короткими и пересекались друг с другом таким образом, что образовывали неразрывный лабиринт улиц и переходов, имели арочную крышу, поддерживаемую каменной кладкой то тут, то там. В промежутках между ними находились палаты, или *кубикулы* (рис. 365), выдолбленные христианами для использования в качестве часовен или лабораторий; они были четырехугольными или круглыми, небольших размеров и часто украшались фресковой живописью различных эпох, начиная с I и заканчивая IV веком. Но в эти галереи проникало мало свежего воздуха через проделанные тут и там отверстия, а также через расположенные с интервалом около трехсот ярдов друг от друга старые шахты, которые использовались при разработке каменоломен. В свинцовых простенках рядами друг над другом располагались могилы, большинство из которых сохранились до наших дней. Каждая могила представляла собой углубление размером примерно с человеческое тело, выдолбленное в боку галереи и закрытое большим кирпичом или каменной или мраморной плитой, залитой цементом. Пять или шесть тел - иногда до двенадцати - располагались таким образом одно над другим. Картины (рис. 366), скульптуры и мозаики Катакомб являются первыми произведениями христианского искусства, когда оно избавилось от традиций язычества, а изображенные сюжеты, как правило, взяты из Священного Писания; например, Покидание ковчега, Жертвоприношение Авраама, Иона, Добрый пастырь, Воскрешение Лазаря. На них также было обнаружено множество очень трогательных похоронных эпитафий.

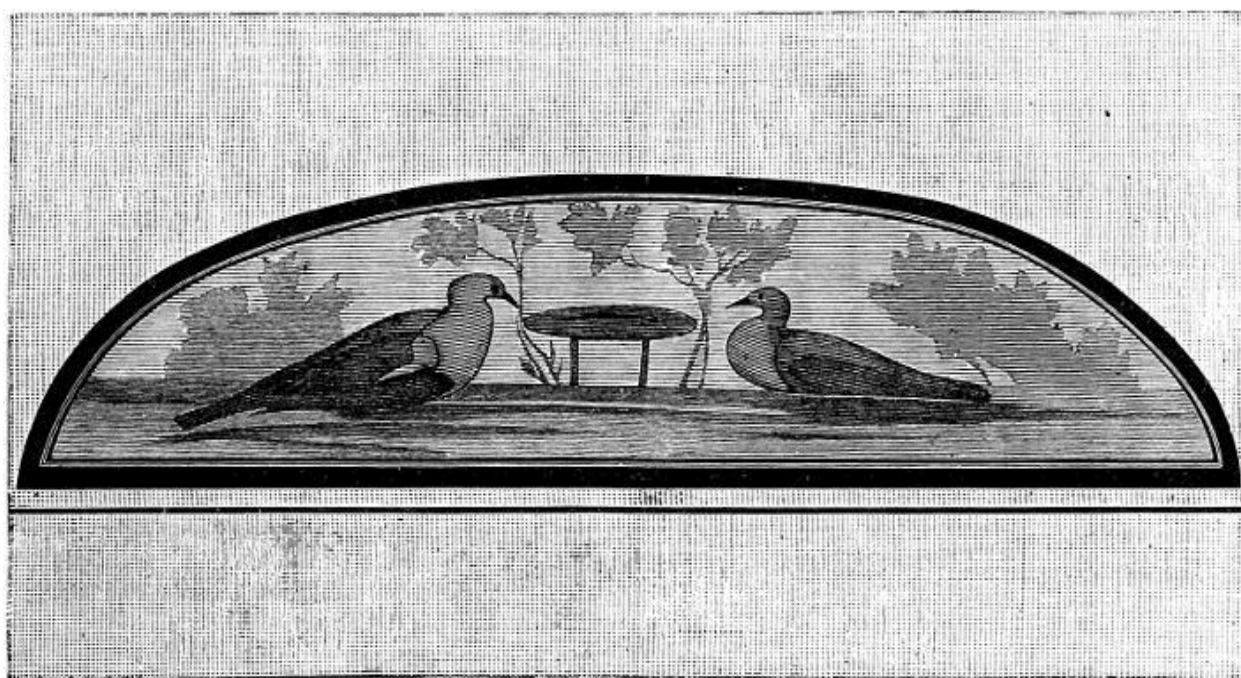

Рис. 366.- Погребальная фреска, обнаруженная на кладбище Святого Претекстата в катакомбах Рима. Два голубя, эмблемы брака, указывают на гробницу мужа и жены - из работы М. Перре "Римские катакомбы".

Не только с того дня, когда победы христианства привели к строительству базилик в Риме, внутри церквей хоронили высокопоставленных особ. Тела епископов и лидеров католической общины, патрициев и варварских князей, помогавших Церкви на заре ее существования, первыми попадали в святилище в максимально возможной близости от мощей святого, которому было посвящено здание.

Очень скоро эти усыпальницы стали классифицироваться в зависимости от индивидуальных заслуг умерших, а также от важности их ранга или состояния. Миряне и священники имели право быть похороненными в приделах церкви или в части, соответствующей апсиде, и не будет преувеличением сказать, что интерьер часто был

настолько заполнен могилами, что они выходили за пределы здания. Так было и после седьмого века. Перед фасадом церквей оставляли небольшое пространство, круглое или квадратное, которое отводилось под привилегированное место для захоронения и называлось *aitre* или *parvis* (*paradisus*); отсюда и происхождение сельского кладбища, которое тянется вдоль боковых сторон сельской церкви или образует перед ней зелень.

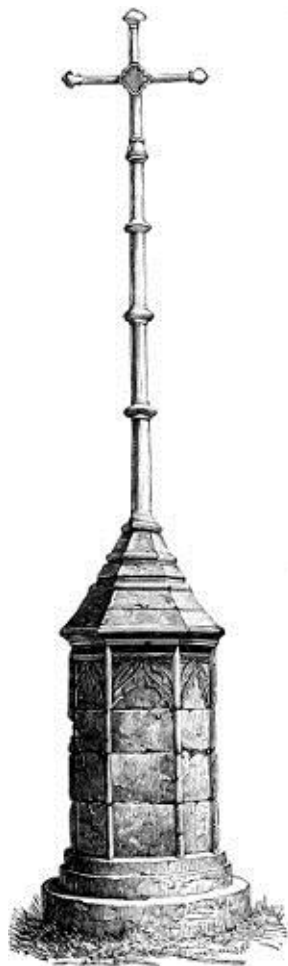
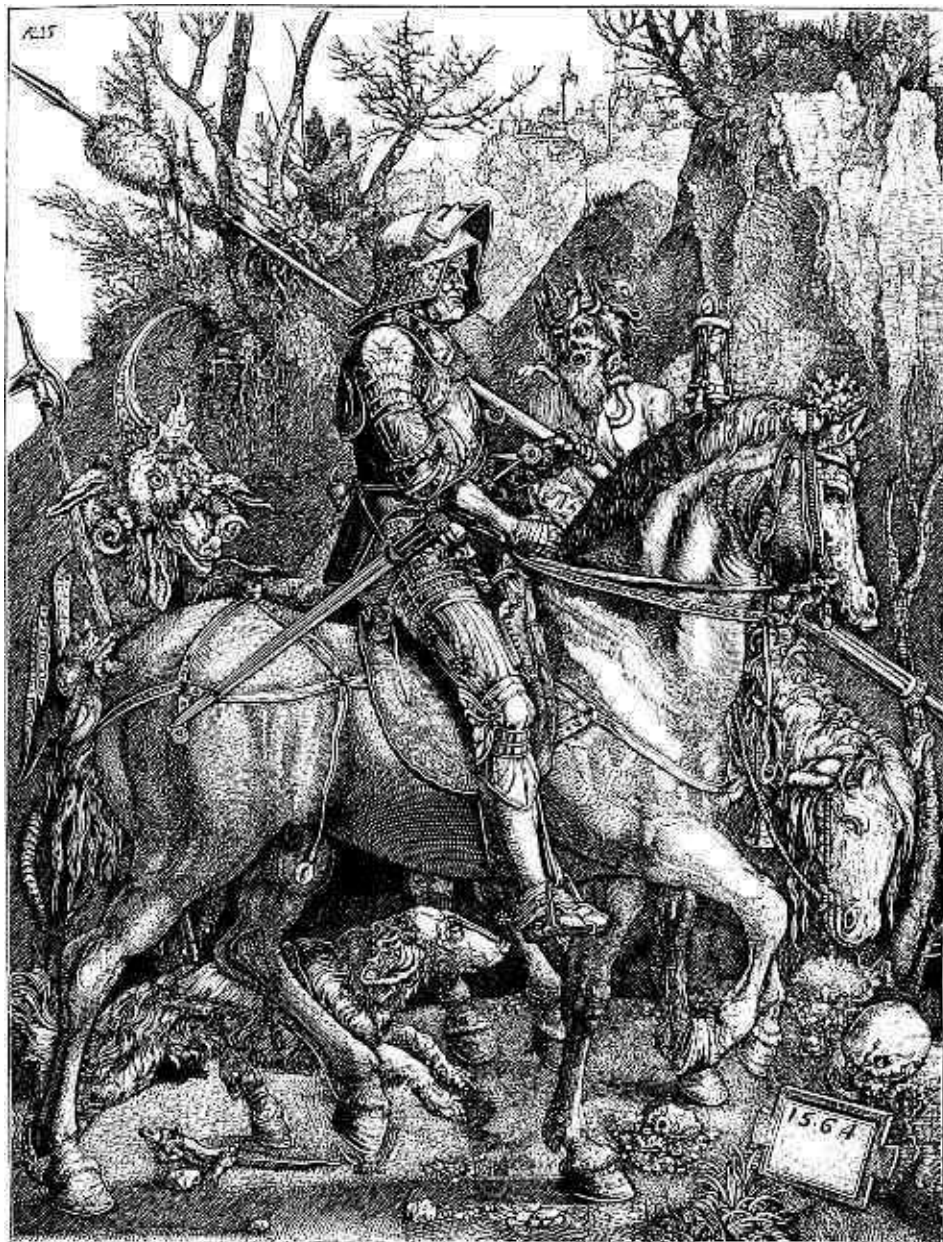

Рис. 367.- Крест семьи Бюро, ранее находившийся на кладбище Невинных в Париже.- "Statistique Monumentale de Paris"
Ленуара.

Эта знаменитая гравюра, столь характерная для фантастического гения Средневековья, изображает полностью вооруженного рыцаря, отправляющегося на войну с предчувствием грядущего зла, в сопровождении Греха и Смерти, олицетворенных в виде его бегущего лакея и эсквайра - по факсимиле оригинальной гравюры, датированной 1513 годом, выполненной одним из Виериксов (1564).

Погребение в церквях сначала было затруднено, если не предотвращено, даже при христианских императорах, из-за римского права, которое предписывало, что кладбища должны быть внехрамовыми. Поэтому, согласно традиции, многие из первых французских святых были похоронены за пределами городов, а их останки впоследствии были помещены в освященное здание или церковь, возведенную над их первоначальной могилой. В некоторых случаях древнее кладбище превращалось в жилой пригород, как, например, в Туре, где квартал Святого Мартина занимает место, где первоначально покоился этот святой. В других районах христианские кладбища занимали одно и то же место вплоть до XIII века, как в Арле, Аутене, Бордо, на кладбищах алисканцев (*Elisii campi*), Сен-Серен и Шам-де-Томб. Примерно в этот же период были созданы и другие кладбища, необходимость в которых возникла в связи с увеличением размеров городов. Так, после воцарения династии Капетингов столица настолько увеличилась в размерах, что пришлось ограничить

пространство, отведенное под места для захоронений, а двадцать два прихода на правом берегу Сены не имели собственных кладбищ. Пустырь в Шампо, идущий вдоль улицы Сен-Дени, был превращен в то, что называлось Кладбищем Невинных (рис. 367), и представлял собой большую ограду с тремя воротами: первый - на углу улицы Ферс, второй - на углу улицы Ферроннери, третий - на площади О-Шат. Филипп Август обнес ее стеной в 1186 году, чтобы предотвратить ее разграбление животными и жителями окрестностей. К этой стене впоследствии была пристроена крытая галерея, называемая *конурой*, в которой хоронили тех, чье состояние позволяло им приобрести привилегию быть погребенными отдельно от массы людей. Этот сырой и мрачный чертог был вымощен надгробными плитами, а его стены были покрыты эпитафиями и погребальными памятниками. В XIII веке она стала модным курортом, где торговцы выставляли на продажу свои товары, а обитель смерти превратилась в место встреч и прогулок для праздных людей.

Эта длинная галерея была построена в разные эпохи на средства нескольких жителей Парижа. Маршал де Бусико построил часть ее в начале XV века, а знаменитый Николас Фламель, у которого, как говорят, была книжная лавка в конуре, построил за свой счет всю сторону, которая шла параллельно улице Белья, и в которой он и его жена Пернель были похоронены. Над этой костехранилищем возвышались большие *галеты* (чердаки), в которых хранились кости умерших. Знаменитый "Макабр" (рис. 369-392), философская аллегория, в которой смерть ведет в танце "людей всех состояний", был нарисован около 1430 года на стенах костехранилища со стороны улицы Сент-Оноре.

Рис. 369 - 392. Пляска смерти, факсимиле гравюр на дереве, выполненных по рисункам Гольбейна в "Симулякрах смерти"; малый формат 4to, Братья Трешель, Лион, 1538 г. - "Как рыба быстро берется крючком (*aine*), так и смерть берет людей; ибо смерть не щадит никого, ни короля, ни императора, ни богатого, ни бедного, ни знатного, ни злодея, ни мудрого, ни глупца, ни врача, ни хирурга, ни молодого, ни старого, ни сильного, ни слабого, ни мужчины, ни женщины. Нет ничего более определенного; все должны принять участие в танце смерти" - объяснение взято из "Фортересс де ла Фуа", рукописи XV века, хранящейся в библиотеке в Валансьене.

Пляска смерти по рисункам Гольбейна (продолжение).

Пляска смерти по рисункам Гольбейна (продолжение).

Пляска смерти после рисунков Гольбейна (продолжение).

Пляска смерти после рисунков Гольбейна (продолжение).

Пляска смерти после рисунков Гольбейна (продолжение).

Пляска смерти после рисунков Гольбейна (продолжение).

Пляска смерти после рисунков Гольбейна (продолжение).

Пляска смерти после рисунков Гольбейна (продолжение).

Пляска смерти после рисунков Гольбейна (продолжение).

Пляска смерти после рисунков Гольбейна (продолжение).

Пляска смерти после рисунков Гольбейна (продолжение).

Пляска смерти после рисунков Гольбейна (продолжение).

Пляска смерти после рисунков Гольбейна (продолжение).

Пляска смерти после рисунков Гольбейна (продолжение).

Пляска смерти, по рисункам Гольбейна (продолжение).

Пляска смерти по рисункам Гольбейна (продолжение).

Пляска смерти после рисунков Гольбейна (продолжение).

Пляска смерти после рисунков Гольбейна (продолжение).

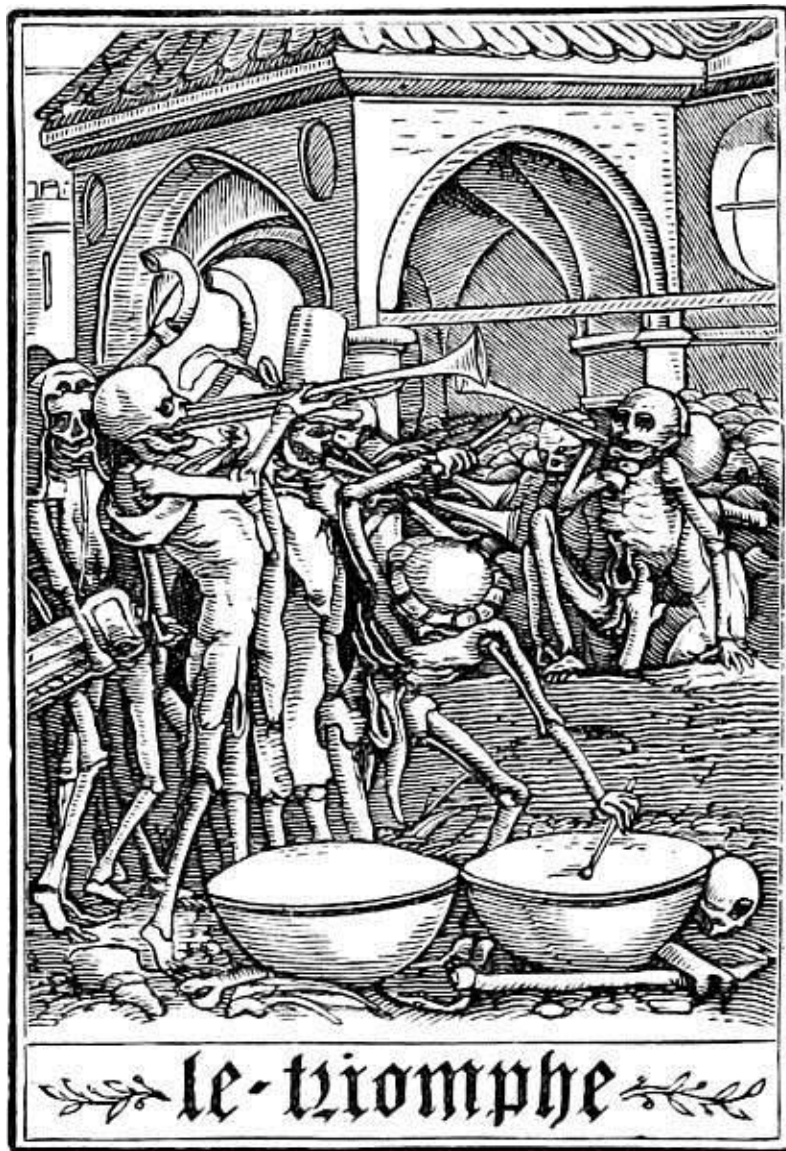
Пляска смерти после рисунков Гольбейна (продолжение).

Пляска смерти после рисунков Гольбейна (продолжение).

Пляска смерти после рисунков Гольбейна (продолжение).

Пляска смерти, по рисункам Гольбейна (продолжение).

Когда в 1363 году Карл V начал строить свой замок Лувр, строитель Раймонд Дютемпль приобрел у церковного старосты прихода Невинных десять древних гробниц, каждая из которых обошлась ему в четырнадцать су Парижа, чтобы использовать камни для кладки - доказательство того, что в ту эпоху к погребальным памятникам относились без особого уважения. В этот же период священнослужители прихода Невинных продали часть кладбища, и без того слишком маленького, капитулу Сен-Жермен-л'Осерруа, который построил на нем дома и лавки для рынков. Считается, что за шесть веков на кладбище Иннокентия было похоронено более двух миллионов человек. На нем скопились груды камней, крестов, человеческих останков и грязи; трава росла посреди куч черепов; полы костехранилищ прогибались под грудами разложившихся костей; могилы были вырыты на каждом свободном участке земли, а запах трупов был невыносим. Тем не менее, это было самое знаменитое кладбище Средневековья, а окруженная с трех сторон костехранилище послужило образцом для всех тех, что были построены для других христианских церквей и кладбищ, в соответствии с обычаем, восходящим, как сообщается, к пятому или шестому веку. Тем не менее, вокруг галло-римских кладбищ не обнаружено никаких следов подобных сооружений, если только это не грубо построенная пограничная стена. Позднее кладбища, примыкавшие к приходским церквям или к часовням больниц, были окружены галереями,

похожими на клуатр, между крышей и потолком которых находилась костехранилище, где кости, выкопанные при создании свежих могил, находили последнее пристанище.

Внутри кладбищ не обходилось и без других сооружений, таких как, например, большой каменный крест с пышным декором и разнообразным дизайном, многие из которых датируются одиннадцатым веком. После этого периода в моду вошел небольшой фонарь, построенный в виде очень узкой башни, похожей на полуколонну, высотой от двадцати шести до сорока футов, вершина которой была увенчана аркадами, сквозь которые пробивался слабый свет подвешенной лампы. Это небольшое сооружение называли "фонарем мертвых" (рис. 394-396); его также называли маяком (*fanal*), маяком (*phare*) и маленькой башней (*tournele*). Эти башни-маяки, предназначенные для указания издалека в ночное время на наличие кладбища, обычно имели дверь, расположенную несколько выше земли, к которой вела лестница или ступеньки.

На стороне, противоположной двери, у основания башни находился алтарь. Этот алтарь никогда не освящался, так как каноны запрещают проводить какие-либо торжества на тех, которые находятся под открытым небом (*sub dio*). Подобных памятников много в Мэне, Берри, Ангумуа и Гаскони; все они римской архитектуры или готической, граничащей с римской, и, следовательно, датируются не далее одиннадцатого века.

Подобная башня была на кладбище Невинных в Париже (рис. 397), но по размерам она превосходила все те, о которых говорилось выше. Это была своего рода восьмиугольная часовня высотой около сорока футов, и Жильбер де Мец, который рассказывает о ней, говорит, что ему сказали, что это гробница богатого дворянина, который отдал приказ похоронить себя под ней, чтобы спасти свои останки от осквернения собаками и бродягами.

В XIV веке фонари мертвых, вместо того чтобы быть изолированными и недоступными колоннами, стали строить в виде открытых часовен, в которых постоянно горела лампада. До возведения этих часовен на кладбищах существовали и другие, которые часто принимали за языческие храмы. Из записей IX века мы знаем, что на кладбищах карловинских аббатств были подобные часовни с двумя этажами и криптой; что эти погребальные часовни имели ту же форму, что и древние баптистерии, только без окружения. Это были восьмиугольные здания, своды которых упирались в пограничные стены кладбища. До наших дней сохранились два, относящиеся к римской эпохе: один - в Монморильоне, в Пуату; другой, заключенный в цитадель Меца, был зависимым от аббатства Святого Арнольда.

Рассмотрев места погребения и погребальные памятники различных эпох Средневековья, мы можем перейти к обсуждению погребальных церемоний.

Как только король или королева испускали последний вздох, лицо покрывали воском, чтобы снять отпечаток черт и воспроизвести их на своих чучелах. После завершения работы над этим подобием тело укладывалось камергерами и кавалерами в свинцовый гроб, обитый деревом и черным бархатом, покрытый белым атласным крестом, и вносилось лучниками из телохранителей в богато украшенную палату и укладывалось на кровать, отделанную черной тканью, свисавшей до земли. Посреди палаты был воздвигнут алтарь, на котором служили мессу, пока тело оставалось там.

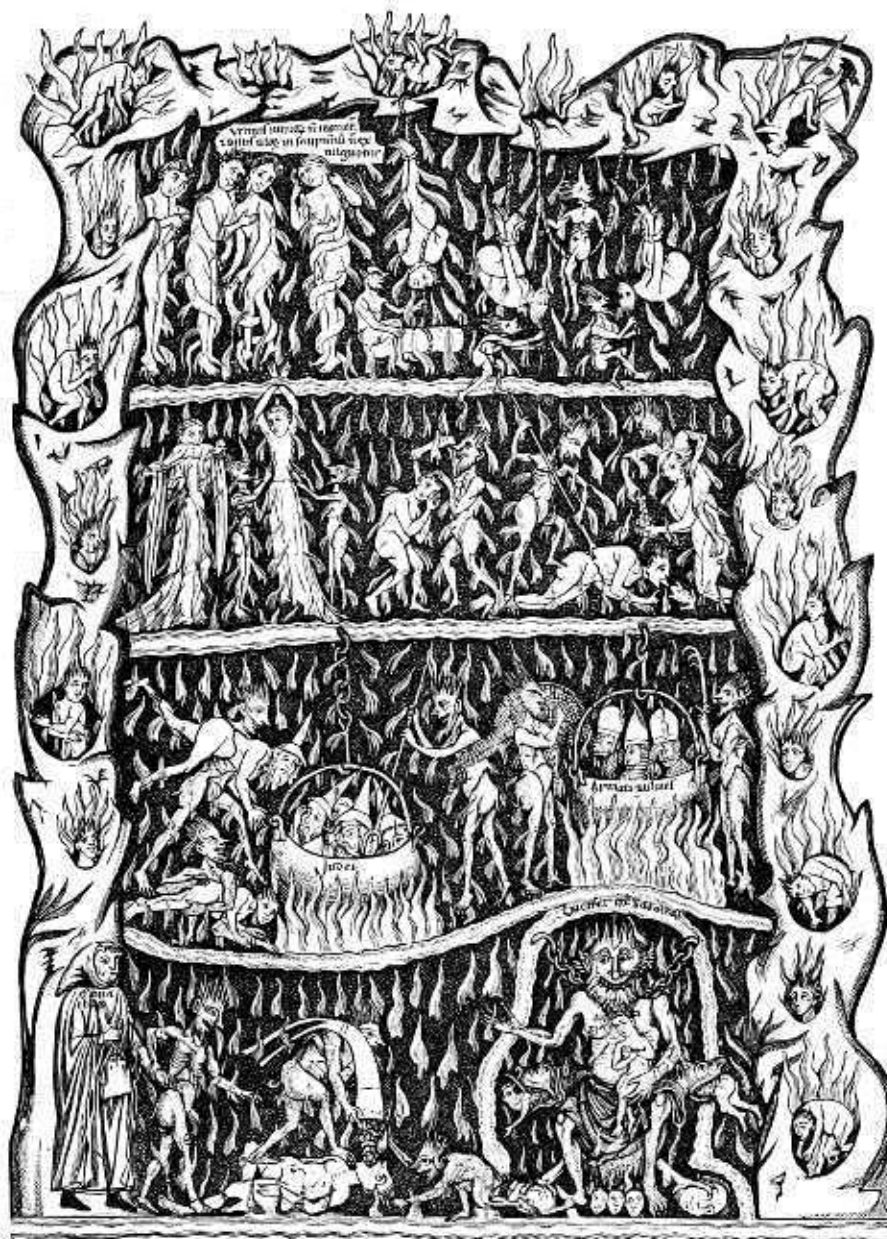

Рис. 393.- Адские муки Латинские надписи на этой гравюре можно перевести следующим образом: Вверху: "Червь, питающийся нечестивцем, никогда не умрет, и огонь, пожирающий его, никогда не угаснет"; в центре: "Евреи; люди войны"; внизу: "Монах; Люцифер, или Сатана".- Факсимиле миниатюры из "Hortus Deliciarum", знаменитой рукописи XII века, выполненной в монастыре Хохембург во времена аббатисы Эрраде де Ландсберг; уничтожена при пожаре Страсбургской библиотеки во время прусской бомбардировки, 24 сентября 1870 года. Перепечатано из большого труда графа де Бастара.

После завершения работы над чучелом его поместили в другую палату, столь же богато украшенную, как и первая, а вокруг него поставили сиденья, или *форметты*, покрытые полосатой золотой тканью, на которых заняли свои места прелаты, лорды, джентльмены и офицеры. Государственное ложе, на котором лежало чучело, было покрыто золотой тканью, достигавшей земли, и украшено бордюром из горностаея с черными пятнами, который перекрывал покрытие примерно на два фута, а сам был отделан венгерским кружевом.

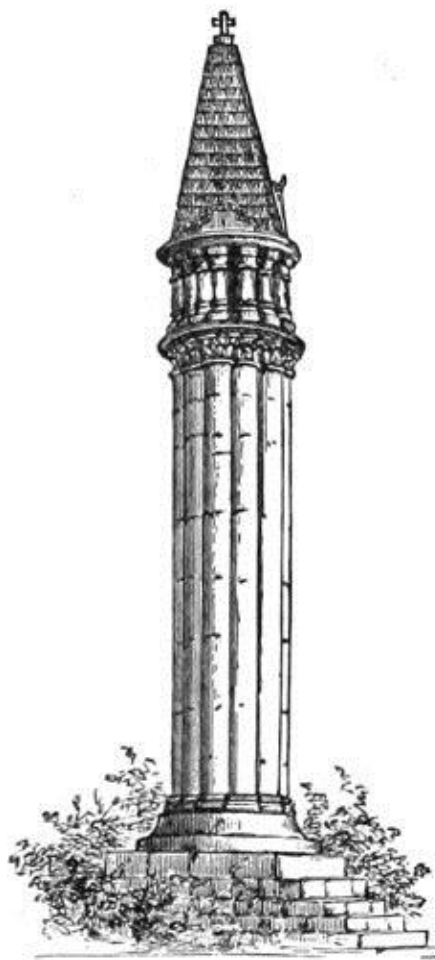

Рис. 394. - Маяк на кладбище Феню, близ Сен-Жан-д'Анжели (XI век); он состоит из одиннадцати римских колонн.

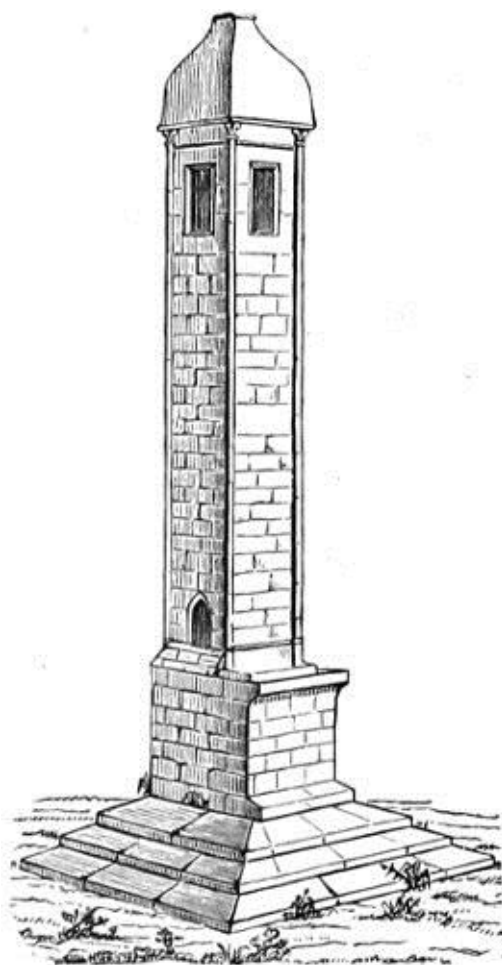

Рис. 395.- Маяк на кладбище Антиньи, Вьенна (XV век).

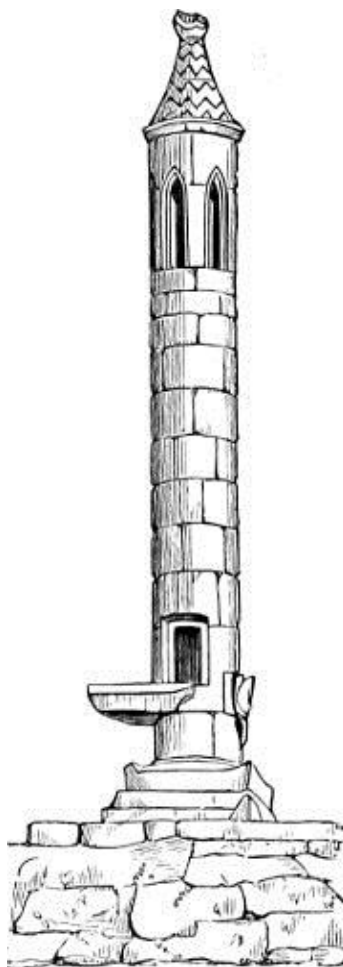

Рис. 396. - Маяк на кладбище Сирон, Индр (двенадцатый век).

Из "Antiquités Monumentales" М. де Комона.

Чучело было облачено в тонкую льняную рубашку или сорочку, отделанную у шеи и на рукавах черным шелком, поверх которой был надет дублет из алого атласа, подбитый тафтой того же цвета, окантованной узкой золотой тесьмой. Поверх дублета была надета туника из лазурного атласа, испещренная золотыми флер-де-лис, отделанная серебряным и золотым кружевом шириной около четырех дюймов, рукава доходили до локтя. Последней шла королевская мантия из пурпурного бархата лазурного оттенка, испещренного золотыми флердоранжами, длиной шесть ярдов, открытая спереди, без рукавов, на подкладке из белого атласа, горностаевый воротник глубиной около фута, обшивка и шлейф отделаны горностаем. С шеи чучела свисал королевский орден; на голове был небольшой колпак из темно-малинового бархата, увенчанный короной, усыпанной драгоценными камнями. На ногах были накидки из золотой ткани с ярко-малиновыми атласными ступнями; руки были скрещены на груди. У изголовья кровати лежали две подушки из красного бархата, отделанные вышивкой; на правой лежал скипетр, почти равный по длине чучелу, а на левой - раскрытая рука правосудия; длина посоха составляла около двух футов с половиной. Над кроватью, лишенной занавесок, возвышался очень богатый помост. У изголовья кровати, справа, стояло кресло, покрытое золотой тканью, с подушкой из того же материала. У подножия стоял табурет, также покрытый золотой тканью, для серебряного сосуда со святой водой, а с каждой стороны было еще по два места, покрытых полосатой золотой тканью, для герольдов в почтовых плащах, которые подносили святую воду принцам, пришедшим посмотреть на тело. В нижней части морга, как раз напротив чучела, находился богато украшенный алтарь.

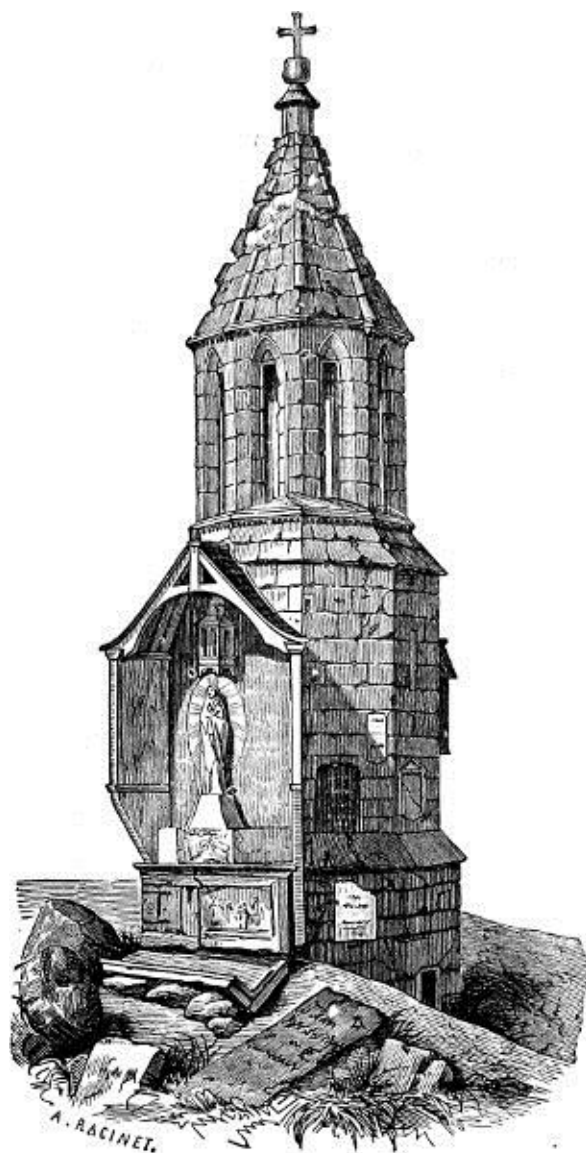

Рис. 397. - Башня Нотр-Дам-дю-Буа, построенная в XI веке на кладбище Невинных в Париже; снесена в 1786 году.

Королевское чучело находилось в состоянии покоя восемь или десять дней, в течение которых обычная служба во дворце продолжалась так же, как и при жизни короля. В часы обедов и ужинов стол накрывали офицеры, а блюда расставляли джентльмены-официанты, перед которыми стоял ашер, а за ними - офицеры "королевской маслостройни", которые подходили к столу с положенными по обычаю поклонами. Затем нарезался хлеб и ставился на стол, блюда подносились к столу ашером, метрдотелем, пантером, пажами, кухонным сквайром и хранителем тарелок; салфетка подавалась метрдотелем высшему лицу; благодать произносилась прелатом или алмошником, который читал молитвы за усопших. На каждой трапезе должны были присутствовать все те, кто имел привычку есть за столом короля при его жизни, а также другие лица из его семьи, принцы, принцессы и прелаты. После этого блюда распределялись среди бедняков.

Когда чучело убрали, набальзамированное тело вынесли на середину той же комнаты, и гроб, покрытый покрывалом из черного бархата, которое доходило до земли, с большим крестом из белого атласа в центре, и с каждой стороны с изображением герба Франции, поставили на подставки; поверх всего этого набросили другое большое покрывало из золотой ткани с бахромой, которое также имело в центре крест из белого атласа, и на каждом конце герб Франции, но меньшего размера, чем на нижнем покрывале. Фалда была отделана

фиолетовым бархатом тонкого лазурного цвета, испещренным флер-де-лис, и окаймлена горностаем. У изголовья гроба лежала подушка из золотой ткани, на которой лежала королевская корона со скипетром справа и десницей правосудия слева; у подножия - крест из позолоченного серебра, а над ним - великолепный помост из черного бархата; на помосте стоял сосуд для святой воды, с каждой стороны - табурет для двух герольдов, одетых в свои гербы, с *шаперонами на головах*. Рядом с герольдами стояла скамья, покрытая черной тканью, для принцев и кардиналов, которые сидели на ней во время совершения мессы. Гроб был окружен черными деревянными перилами. В нижней части находились два алтаря, стоявшие в непосредственной близости друг от друга: главный алтарь - для отпевания заупокойных месс, а ораторий - для отпевания низких месс, произносимых ординарным капелланом покойного короля. На этих службах присутствовали дворяне, несколько джентльменов, офицеры и телохранители, все в трауре. За несколько дней до погребения новый государь явился в морг, облаченный в пурпурную мантию - пурпур был траурным цветом для королей, а *танне* (коричневый) - для королев; шлейф несли пять принцев, каждый из которых носил капюшон того же цвета. Главный кавалер палаты подал ему подушку, на которую король опустился в молитве, совершив обычные поклоны. Затем, взяв из рук прелата *асперсорий*, он окропил гроб святой водой; сделав это, он удалился, совершив обычные в таких случаях благоговения.

Если король или королева умирали в Париже, к их резиденции отправлялась процессия, чтобы доставить тело к месту погребения; если же он умирал за городом, кортеж отправлялся от Нотр-Дам де Шан или Сент-Антуан де Шан, чтобы встретить его по прибытии. В этот кортеж входили председатели и другие должностные лица парламента в черных мантиях, чиновники казначейства, налогов и казны, делегаты, проректор по делам купцов, олдермены и советники города, все в трауре.

Рис. 398.- Похороны святого Цезария, врача императоров Констанция и Юлиана; умер в 369 г. Факсимиле миниатюры из греческой рукописи IX в., хранящейся в Национальной библиотеке в Париже.

Рано утром следующего дня двадцать четыре глашатая города объявили об этом событии "в Палате плект, на столе из мрамора и на улицах", перечислив титулы и достоинства умершего монарха в форме, установленной Большим советом, а не парламентом, который отказался составить этот клич для короля Генриха II. (27 июля 1559 года), в соответствии с просьбой его вдовы.

Во второй половине дня тело было доставлено в церковь Нотр-Дам в Париже, и на гроб было положено чучело короля, чтобы произвести еще более сильное впечатление на людей, которые были допущены, чтобы отдать ему дань уважения.

По особой привилегии гроб несли хануары, или носильщики соли, а при погребении Карла VIII двадцать джентльменов из его семьи вызвались выступить в качестве носильщиков тела от Нотр-Дам де Шан до Сен-Дени. После смерти Людовика XII. хануары потребовали и добились восстановления своей привилегии.

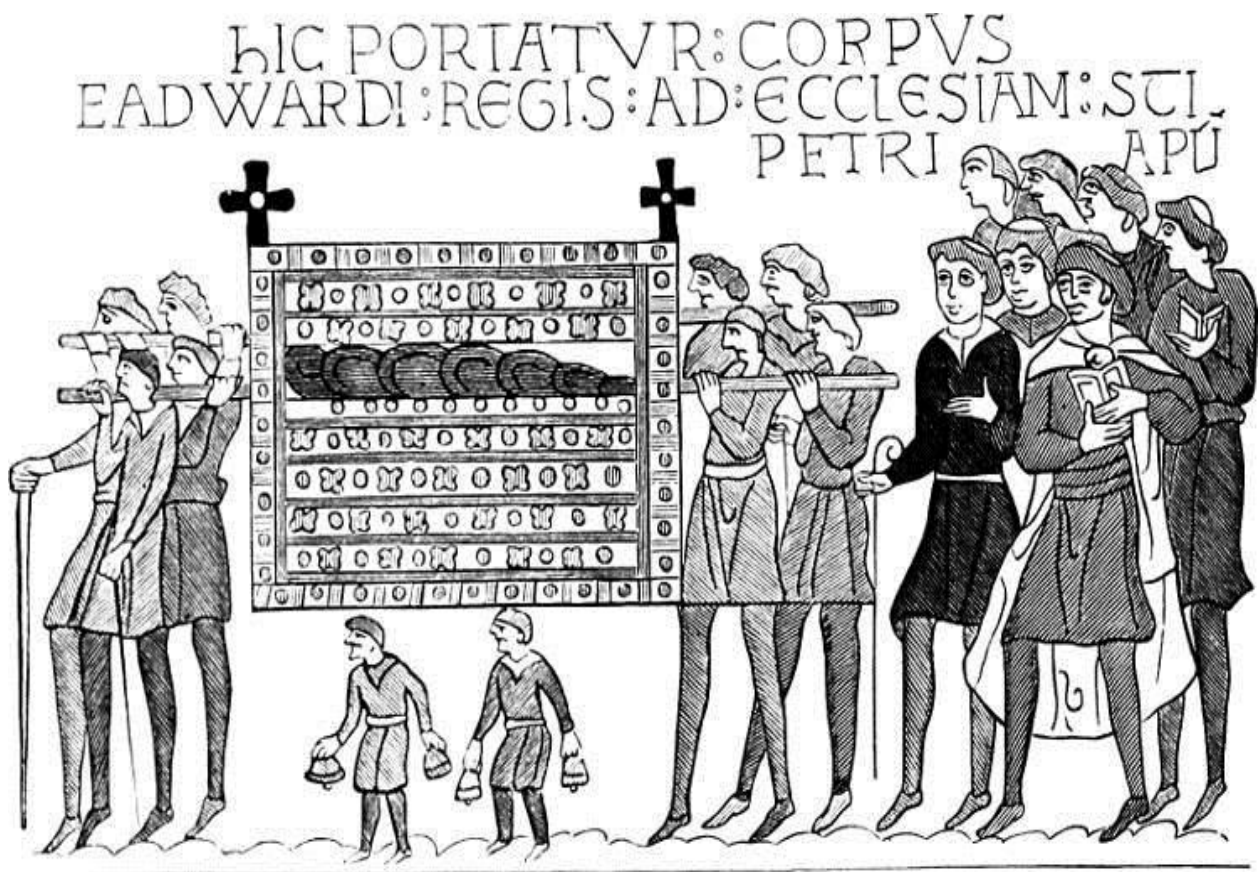

Рис. 399. Похороны святого Эдуарда Исповедника, англосаксонского короля, умершего 5 января 1066 г. Тело, покрытое вышитой мантией, увенчанной двумя маленькими крестами, восемь человек несут в Вестминстерское аббатство, основателем которого он был. Позади идут священники, распеваящие псалмы по усопшим, а два клерка звонят в колокола.- Из гобелена Байе (XII век).

При похоронах Франциска I и Генриха II церемониал был изменен: тело поместили в *колесницу* с *оружием* и почестями, причитающимися телу, которое находилось в хвосте процессии, отдали чучелу. Кавалеры палаты Франциска I, "с ремнями на шее", сочли за честь нести чучело своего покойного господина; те, кто служил Генриху II, шли только рядом с его чучелом, держа в руках золотой палантин. Парламент, который всегда пользовался привилегией идти впереди, а также окружать и следовать за телом и чучелом, чувствовал себя раздосадованным тем, что он был привязан исключительно к последнему, которое все еще представляло жизнь; в то время как тело, представляющее смерть, уже, так сказать, было отделено от почестей королевской власти.

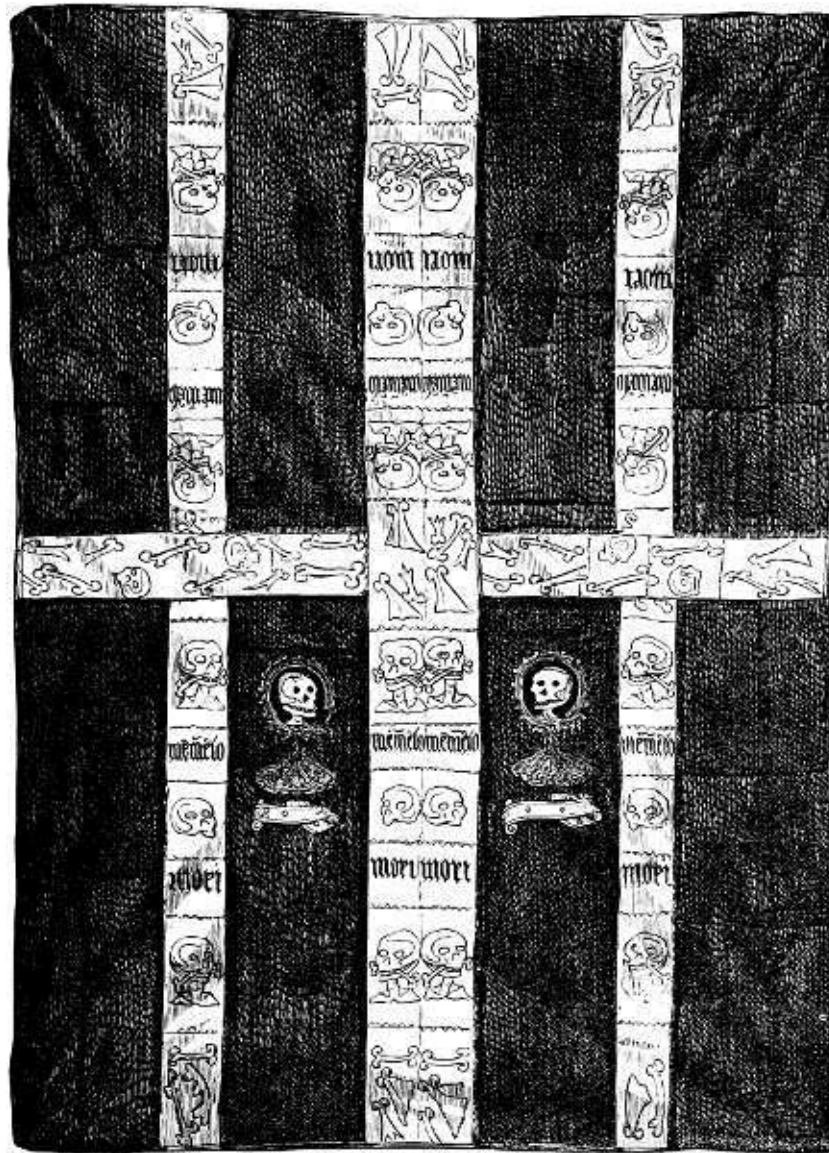

Рис. 400.- Ткань для гроба из церкви Фольвиль (Сомма), хранящаяся в музее в Амьене (XVI век). Ткань, накинутая на гроб, образовывала три креста; центр самого большого из них лежал на груди покойного, два других покрывали две стороны корыта; на белых крестах изображены головы смерти, хрустящие костями между зубами. В двух зеркалах желтого цвета отражается изображение человеческого черепа. На крестах - латинская надпись "Memento mori".

Похоронная процессия двигалась в следующем порядке по улицам Парижа к аббатству Сен-Дени. Первым шел эсквайр в трауре и пешком, неся знамя Франции, покрытое черным крапом; затем следовали, обнажив головы, игроки на хатбое, таборе и фифе, с перевернутыми инструментами, а сзади - трубачи с развевающимися знаменами.

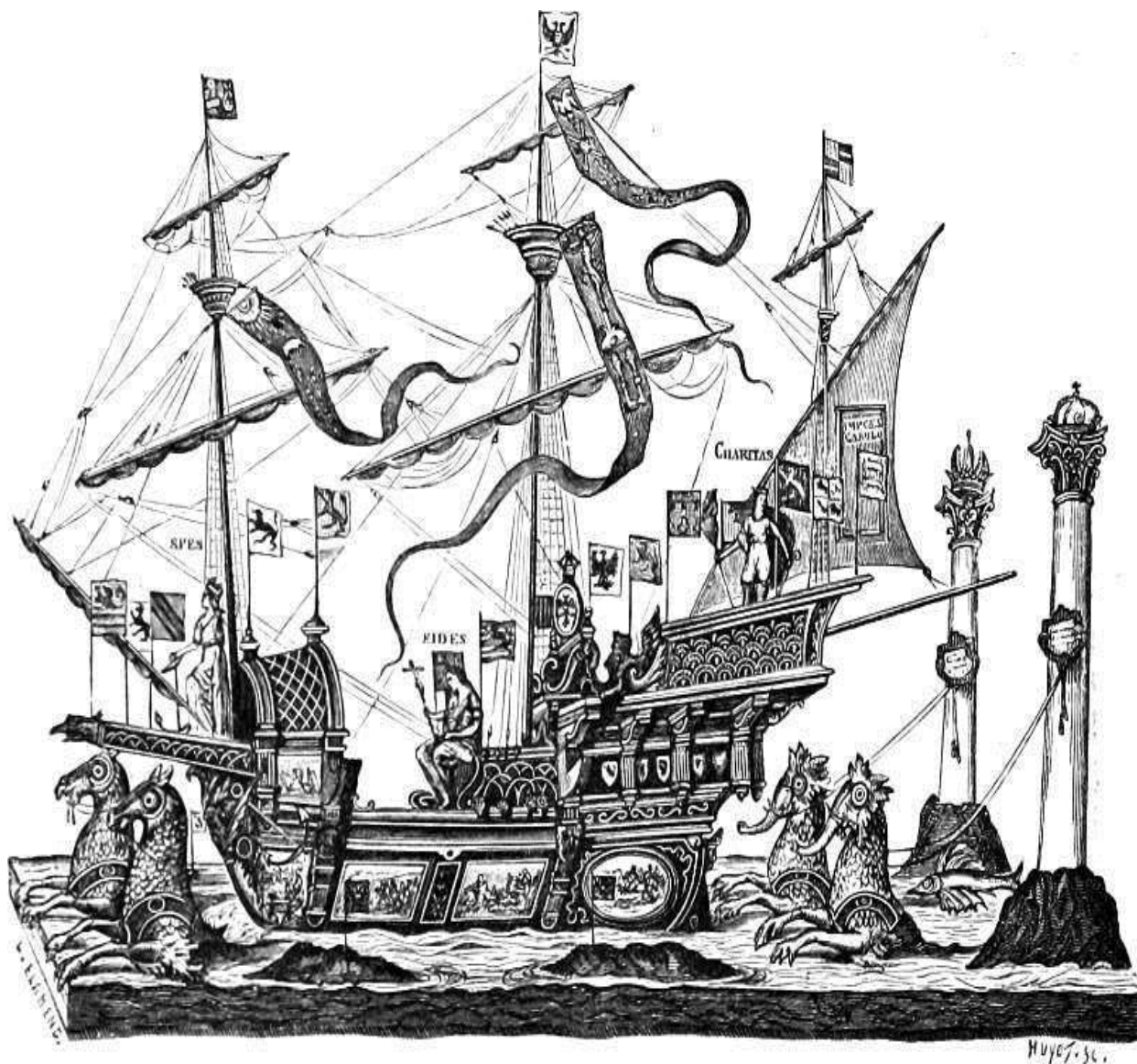

Рис. 401.- Триумфальное судно, которое было запряжено в повозку во время торжественной церемонии похорон в Брюсселе 29 декабря 1558 года в честь императора Карла V, умершего 21 сентября того же года в монастыре Сен-Жюст.- Это судно дает представление о форме и великолепии галер, построенных в тот период. Три символические личности ведут судно к вечности: на корме стоит Благотворительность (*Charitas*), вечно светящаяся любовью; посредине судна - Вера (*Fides*), вззирающая на образ Христа; а на носу, над позолоченной клювовидной головой, - Надежда (*Spes*), стоящая с одной рукой на якоре безопасности. Мачты и фальшборты корабля украшены флагами, на которых изображены гербы различных Нидерландских государств, Бургундии и Тироля - всех прямых вотчин или завоеваний покойного императора. Треугольный парус на корме своим цветом (черным) указывает на то, что судно находится в трауре. Морские чудовища, которые плавают вокруг него, представляют врагов, побежденных Карлом V, а колонны Геркулеса с короной и диадемой символизируют союз империи и церкви, союз, которому кесарев девиз "Non plus oultre" придает особое значение.- Из "Magnifique et Somptueuse Pompe Funèbre faite aux Obsèques du très-grand Empereur Charles Cinquième en la Ville de Bruxelles" (Plantin, Antwerp, 1559). В коллекции месье Руджери, Париж.

После них ехала *колесница*, обтянутая черным бархатом до самой земли, на ней красовался большой крест из белого атласа и двадцать четыре щита с изображением герба Франции. Карету запрягали шесть лошадей с черными бархатными попонами и большим крестом из белого атласа, а на ближнем колесничем и вожак сидели постильоны в трауре и с обнаженными головами. Вокруг кареты стояли оружейники и *сомелье*, а также некоторые

члены четырех орденов, несущие светильники, к которым были прикреплены гербовые щиты. За ними следовали двенадцать пажей, одетых в черный бархат, которые ехали, обнажив головы, на двенадцати лошадях, также украшенных в черный бархат с белым атласным крестом, и каждого вел лакей, одетый в траур и также с обнаженной головой.

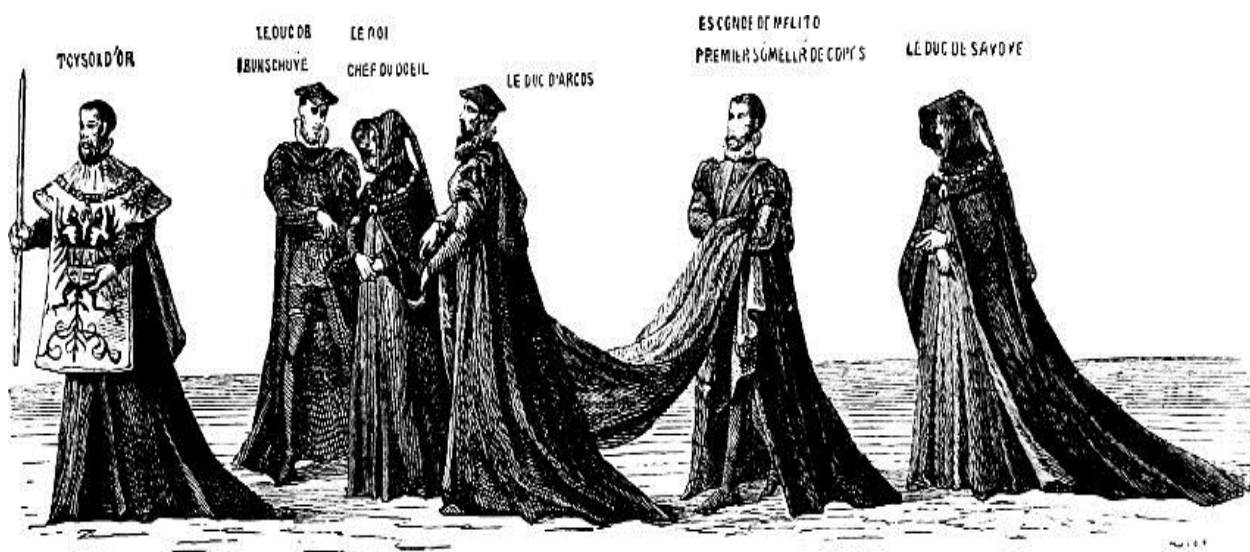

Рис. 402.- Траурные костюмы: группа, состоящая из Золотого Руна, герольда Испании; короля Филиппа II, сына и преемника Карла V, сопровождаемого Генрихом IV, герцогом Брауншвейгским; герцога д'Аркоса, испанского гранда; Руя Гомеса де Сильвы, графа Мелито, и Эмануэля-Филибера, герцога Савойского. Последний, как и король Филипп, носит траурный капюшон, будучи сыном Беатрисы Португальской, невестки Карла V. Капюшон носили только наследники покойного государя - Из работы о похоронах Карла V, цитированной на предыдущей странице (см. рис. 401), опубликованной Плантинумом в Антверпене в 1559 году. Находится в коллекции месье Руджери в Париже.

Один из конюхов нес шпоры, другой - перчатки; третий - герб Франции в виде эскулапа с короной; четвертый нес на конце посоха в виде виселицы герб, сделанный из фиолетового бархата и усыпанный золотыми флер-де-лис. Первый эсквайр, а в его отсутствие - старший, нес королевский шлем с гребнем.

Государственное колесничее, корпус которого был полностью покрыт малиновым бархатом, усыпанным золотыми кипрскими флер-де-лис, вели два эсквайра, а с каждой стороны ехали конные герольды, *сопровождавшие коня*.

За хозяином коня, в капюшоне и с королевским мечом на боку, следовало чучело, запряженное в повозку и держащее в правой руке скипетр, а в левой - руку правосудия.

За ним следовали персонаж, возглавлявший похоронную процессию, и первый или верховный камергер, несущий знамя Франции. Следом за ними шли купеческий староста и олдермены в полном облачении, неся помост и паллу, которые использовались в погребальной камере и которые несли на некотором расстоянии от чучела, чтобы не мешать ему быть видимым.

Затем шли принцы, запряженные маленькими мулами, шлейфы их мантий придерживал пеший джентльмен в глубоком трауре. После принцев шли послы, одетые в траур, но без капюшона; королевские рыцари, носящие свои знаки отличия и траурный капюшон; лорды и джентльмены палаты; капитаны гвардии и лучники в трауре, с их покрытыми серебром *хоккетонами* (своего рода куртка). К середине XVI века прелаты и альмонеры также следовали кортежу.

Вечером в Нотр-Даме совершалась торжественная служба, а на следующее утро - еще одна. Во второй половине последнего дня кортеж в том же порядке направился в Сен-Дени, остановившись на полпути у каменного креста, называемого *Круа дю Сиен*, где монахи аббатства вышли в процессии, чтобы принять тело и чучело короля от архиепископа Парижского, который после этого удалился в сопровождении своего духовенства. Как только тело вошло в город Сен-Дени, монахи аббатства вынесли заупокойную литургию. Вечером в соборе была отслужена служба, а на следующий день тело, покрытое большим золотым покрывалом, было помещено в часовню *Арденте*. Чучело сняли, а корону, скипетр и руку правосудия передали герольдам, которые вручили их трем принцам крови. Затем кавалеры королевских покоев взяли тело и отнесли его ко входу в склеп, в котором оно должно было быть погребено, и в который спустился один из королей-оруженосцев и громким голосом призвал остальных королей-оруженосцев и герольдов исполнить свой долг. После этого все они вышли вперед и сняли с себя гербы. Король-оруженосец, стоя в хранилище, велел пяти оруженосцам принести ему шпоры, перчатки, щит, герб и гребень; от первого *камердинера* он получил фанион, а от капитанов швейцарцев и лучников гвардии - их знаки отличия; конный мастер вручил ему королевскую шпагу; верховный или первый камергер - знамя Франции; великий магистр и все *метрдотели* бросили свои шесты в хранилище; три принца поднесли ему руку правосудия, скипетр и корону. Затем он трижды громко воскликнул: "Король умер; молитесь Богу за его душу!", а затем добавил возглас, также трижды повторенный: "Да здравствует король, его преемник!". Этот возглас подхватил другой глашатай; зазвучали трубы, и церемония завершилась. После этого великий магистр в сопровождении прелатов и рыцарей королевских орденов направился к главному *столу* парламента, где были собраны офицеры королевского дома, и там в их присутствии сломал "магистерский посох", объявив им, что отныне они остаются без хозяина.

Рис. 403.- Погребальная служба Анны Бретанской, королевы Франции, умершей 9 января 1514 года в замке Блуа. Служба была отслужена 4 февраля в церкви Сен-Совер в Блуа.-В середине хора было положено "тело благородной дамы, под капеллой (катафалком) с пятью вершинами, каждая из которых была украшена двойным крестом с зажженными лампадами, увенчанным кругом из черного бархата и украшенным несколькими эскулапами". Перед гробом стояло изображение королевы, держащей корону и скипетр. Вокруг стоят на коленях францисканские и яковинские монахи. Мессу читает епископ Парижский. Миниатюра из современного манускрипта "Сожаления о Гермине", хранящегося в библиотеке месье Амбруаза Фирмина-Дидо.

Похожий порядок действий наблюдался и на похоронах королевы, где коронованное чучело с королевской мантией, усыпанной флердоранжами, со скипетром в правой руке и десницей правосудия в левой, также фигурировало в церемонии. Но помимо принцев, за телом следовали принцессы, а также несколько фрейлин и фрейлин, все они были одеты в траур.

Изабель Баварская, вдова Карла VI, - единственная королева Франции, которая не была похоронена с почестями, причитающимися ее рангу; ее тело было доставлено в Нотр-Дам (1435), где были произнесены обычные молитвы, похоронная процессия и парламент

последовали за ней в порт Сен-Ландри, где гроб был помещен в лодку и доставлен по воде в Сен-Дени под эскортом двух клерков и капеллана.

При первой династии Меровингов сразу после смерти короля его тело омывали, бальзамировали и облачали в королевские одежды; затем его относили в церковь, которая всегда была какой-нибудь примечательной базиликой до того, как Сен-Дени был выбран местом королевского погребения.

Рис. 404.- Смерть святого Бенедикта в окружении монахов в аббатстве Монте-Кассино 21 марта 542 г. В "Легенде Доре" говорится: "В момент его смерти один из монахов, оставшихся в его келье, видел, как он вознесся на небо; а святой Маур, его ученик во Франции в то время, также видел то, что казалось улицей, увешанной богатыми гобеленами и блестяще освещенной, которая тянулась от кельи святого Бенедикта до небес. К нему подошел человек величественного вида и сказал: "Вот дорога, по которой Бенедикт, слуга и друг Божий, направляется к присутствию Божественного Величества"". Художник сгруппировал различные эпизоды этой истории в своей картине.- Фреска Спинелли д'Ареццо (1390), в церкви Сан-Миниато, недалеко от Флоренции.

В этот период короли франков лично помогали на похоронах королей и королев своих предшественников. Так, Чилдеберт и Клотарь I сопровождали тело своей матери, Клотильды, из Тура, где она умерла, в церковь Святой Женеьевы в Париже, где она была похоронена. Четверо сыновей Клотильды привезли тело отца из Компьеня в аббатство Сен-Медар де Суассон, где оно и было окончательно упокоено. Людовик VI следовал пешком за телом своего отца, Филиппа I, из Мелена, где он умер, в Сен-Бенуа-сюр-Луар, где он был похоронен. Филипп III помогал нести тело своего отца из церкви Нотр-Дам в Париже в Сен-Дени. Три сына короля Иоанна - Карл V, Людовик, герцог Анжуйский, и Филипп, герцог Бургундский - последовали за телом отца к могиле; но четвертый сын, Иоанн, герцог Беррийский, находившийся в заложниках в Англии, не смог принять участие в церемонии. Отныне короли Франции отказались от обычая присутствовать на похоронах своих

предшественников и членов королевской семьи. Однако сыновья Генриха II, за исключением дофина Франциска, который лишь окропил труп святой водой, последовали за отцом к могиле.

Рис. 405.- Христианский профессор на смертном одре - священник увещевает его, ученики молятся за него, жена держит над его головой горящий факел в знак воскресения. Умиравший созерцает образ Христа на кресте, умершего за грехи человечества; Пресвятая Дева, держащая на руках Младенца Иисуса, умоляет о помиловании грешника, а злые духи ищут в сочинениях профессора ересь, которая могла бы обеспечить ему проклятие. Смерть там.- Факсимиле гравюры на дереве в "Cogitatione della Morte" Дж. Савонаролы; издание Флоренции, 4to (дата неизвестна).

В прежние времена короли третьей династии присутствовали на похоронах даже своих родственников или друзей. Жоанвиль рассказывает, что тела нескольких дворян, убитых в тюрьме сарацинами, были отданы королю Людовику IX, который похоронил их в церкви Святого Иоанна Акрского. Среди убитых был Готье де Бриенн, чья кузина, мадам де Сект, взяла на себя все расходы на похороны, а каждый рыцарь, присутствовавший на церемонии, принес в жертву факел и серебряный денщик. "Король, - пишет Дю Тилле, - присутствовал на похоронах и пожертвовал тапер и безант, которые он взял из кошелька дамы из своей чрезмерной милости, ведь короли на похоронах всегда вносят свои собственные деньги, а не деньги тех, кто их пригласил". Карл V. присутствовал на похоронах Жана де ла Ривьера, своего камергера, в церкви Валь-дез-Экольер в Париже. Эдуард III Английский почтил своим

присутствием похороны Г. Мони, рыцаря из провинции Хайно, похороненного в карфуцианском монастыре Лондона. После XVI века государь лишь окроплял тело святой водой, но не присутствовал на похоронах великих офицеров своего дома или членов своей семьи.

Похоронные обряды породили множество интересных и своеобразных обычаев, перечислить и описать которые нам не позволяет недостаток места. Так, в южных провинциях Франции в прежние времена было принято нести умерших к месту погребения на их казенных кроватях, которые становились собственностью священника в качестве вознаграждения за его услуги.

В Париже вплоть до правления Людовика XIV существовал обычай, когда умирала какая-нибудь знатная особа, "глашатай мертвых", одетый в черное, проходил по улицам, звоня в колокол и восклицая: "Молите Бога за мертвых!" Этот обычай до сих пор существует в некоторых районах. Другой обычай, полностью церковного происхождения, заключался в том, чтобы записывать имена умерших на плакатах и таким образом передавать их в молитвы прихожан в монастырях и церквях. На некоторых из этих "свитков мертвых" (рис. 407), состоящих из нескольких сшитых вместе листов пергамента, к старым именам добавлялись новые, а добрые дела усопших записывались на них. Это были вечные списки. Ордрик Виталь в своей "Экклезиастической истории" рассказывает о длинном свитке в монастыре святого Эврула, на котором были записаны имена монахов, а также их отцов, матерей, братьев и сестер. Весь год этот рулон лежал на алтаре, а разворачивался только в Jour des Morts (День всех душ).

Эти ежегодные списки рассылались каждый год из одного религиозного дома в другой, чтобы объявить имена тех монахов, принадлежащих к одному ордену, которые умерли в течение года. На смерть каждого монаха отправлялся отдельный список, чтобы за него молились братья во Христе. Копия документа делалась для каждой общины, или, возможно, один и тот же документ служил для всех аббатств в епархии. Стиль был простым или помпезным, в зависимости от ранга и положения усопшего.

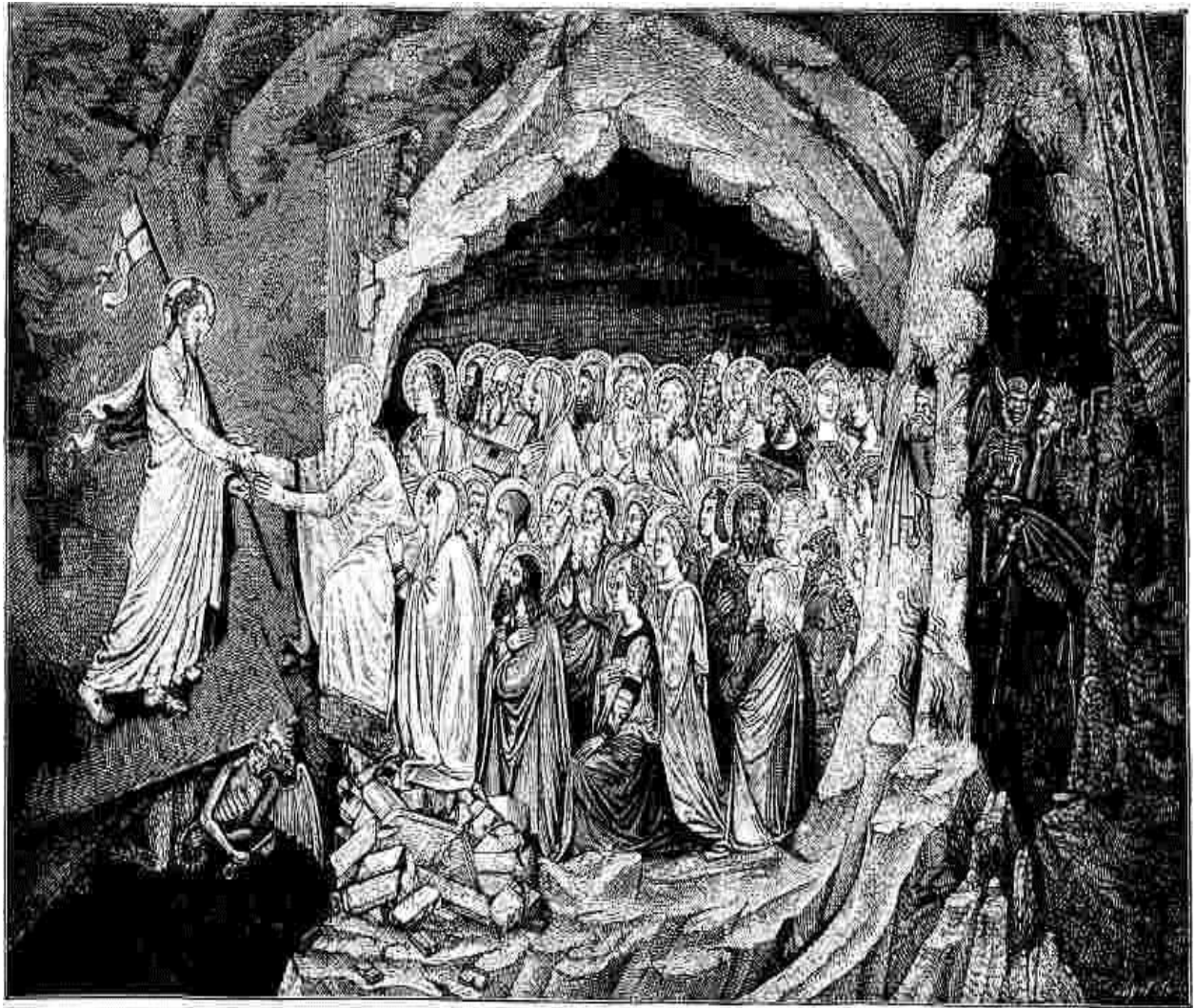

Рис. 406. Иисус Христос спускается в ад, неся с собой победоносный символ Креста и попирая ногами дух зла; стена разделения, воздвигнутая грехом, падает на землю, и ветхозаветные святые освобождаются. Фреска Симоне ди Мартино, в церкви Санта Мария Новелла, Флоренция (XIV век). (Описание см. в тексте, с. [501.](#))

Рис. 407.- Моргульный список блаженного Виталья, основателя аббатства Савиньи (в епархии Авранша), умершего 16 сентября 1122 года; его размеры - двадцать девять футов девять дюймов в длину и восемь с половиной дюймов в ширину. Одно из слов в этом свитке начинается с большой буквы Т, изображающей Смерть, пожирающую людей и животных, в то время как он топчет ногами Цербера язычников.- Национальные архивы Франции.

Что касается корпораций и братств, то в каждом районе и в каждом городе существовали свои обычаи. Так, например, когда в Париже умер один из членов сообщества глашатаев, все остальные присутствовали на его похоронах в одежде своего ордена, а тело несли четверо его коллег. За гробом шли еще двое, у одного был красивый кубок (*hanap*), у другого - кувшин, наполненный вином. Остальные шли впереди, держа в руках маленькие колокольчики, в которые они звонили по мере продвижения. Дойдя до перекрестка, процессия остановилась, и гроб поставили на подставки. Курьер, который нес кубок, протягивал его тому, у кого было вино, и каждый из четырех носильщиков делал глоток. Любого прохожего или проезжающего мимо просили принять участие в возлиянии. Только церковные похороны сохранили до наших дней остатки той религиозной пышности, с которой они проводились в Средние века.

Чтобы составить правильное представление о пышности этих похоронных обрядов и о том странном очаровании, которое вызывало сохранение в сердце города кладбищ, на которых покоятся вместе целые поколения умерших, мы должны отрешиться от позитивизма сегодняшнего дня и вернуться к поэтическому спиритуализму Средних веков, к утешительному мистицизму, который тогда преобладал. Вера в то время господствовала над

умами людей, и три статьи Апостольского Символа веры: "Христос умер и был погребен; сошел во ад; на третий день воскрес из мертвых" - придали таинству смерти непередаваемое величие.

Данте, богослов и поэт, делит ад на последовательные зоны, причем степень наказания возрастает по мере сужения круга. В первой он помещает "Лимб", счастливое место отдыха для благих, не принявших крещения. Вергилий, его проводник, рассказывает: "Я недолго пробыл здесь, когда увидел, как могучее Существо, увенчанное всеми знаками победы, спустилось среди нас. Он забрал с собой в царство блаженства нашего первого родителя, Авеля, его сына, Ноя, Моисея, верного законодателя, патриарха Авраама, царя Давида, Израиля, его отца и его детей, Рахиль, ради которой Израиль принес столько жертв, и многих других. И вы должны знать, что до них никто не был спасен"^[14].

Эта образная идея вполне соответствовала популярной в Средние века доктрине, основанной на учении Церкви. Ад, или адские области, делился на четыре части: самая глубокая - обиталище проклятых; выше - Лимб, в котором находили мирное пристанище некрещенные дети; третья область - Чистилище, или место искупления душ, которые, очистившись временным наказанием, предназначены для рая; наконец, ближе к поверхности - Лимб избранных, временное обиталище благочестивых умерших, от Авеля до Христа. Предполагалось, что в нем нет иного наказания, кроме ожидаемого плена. Именно туда спустился Искупитель, пока Его тело покоилось под камнем гроба, ожидая момента Своего воскресения. Милостивый Спаситель поспешил обрадовать этих возлюбленных духов вестью о том, что Его кровь смыла на кресте постановление, которое так долго висело над детьми Авраама, и что вскоре им будет позволено последовать за Ним в небеса и наконец войти в небесный Иерусалим.

Перед читателем изящная композиция, в которой художник перенес на холст (рис. 406) поэму, приписываемую Венанцию Фортунату, христианскому поэту седьмого века. Стена разделения, воздвигнутая грехом, рушится при приближении Спасителя; те самые двери, которые держали избранных в плену, служат им мостом для перехода через пропасть, и дух зла, попираемый Иисусом Христом, в исступлении сжимает в своей хватке некогда роковой, но теперь бесполезный ключ. Отец рода человеческого с почтительным нетерпением устремляется вперед к новому Адаму, несущему победный штандарт креста; радость, любовь и благодарность одушевляют величественную группу избранных, среди которых можно выделить Еву и святого Иосифа, стоящего на коленях; Авеля, Ноя, Моисея, Аарона, Давида, Иуду Маккавея, святого Иоанна Крестителя и других можно узнать либо по их эмблемам, либо по одежде.

В мрачном районе, где пламя вырывается наружу, адские духи трепещут от удивления и благоговения. Фигура в тени амбразуры, открывающейся в чистилище, изображает утешение и облегчение, которое посещение Христа дает тем душам, чье очищение свершилось.

То, что художник здесь изобразил, - годовщину погребения Христа в последние дни Страстной недели, - ярко представало перед христианским сознанием в каждом повторяющемся году. Когда длинная процессия народа и духовенства направлялась к гробу с приближением утра воскресения, между песнопевцами и толпой происходил благочестивый диалог. Именно поэма Фортуната дала верующим прекрасную форму, в которой они выражали свои чувства веры. Голоса повторяли:...

"О Христос! Ты - спасение, Творец, полный благодати, и Искупитель мира. Единородный Сын Отца, Автор жизни мира, Ты позволил похоронить Себя; Ты прошел путь смерти, чтобы дать нам благословения спасения.

"Врата ада пали перед своим Владыкой, и хаос охвачен ужасом от нахлынувшего света.

Избавь заключенные души от адского плена и вознеси на небо всех, кто сошел в бездну".

"Ты извлекаешь из темницы смерти многочисленное воинство, которое, освободившись, идет по следам своего избавителя.

"О святой Царь! Сияние Твоего триумфа озаряет очищенные души, когда они выходят из священной ванны чистилища. Они, сияя вновь обретенной свободой, облачаются в одежды невинности, и Пастырь с радостью созерцает Свое стадо, белое как снег".

Этот божественный триумф, который так ярко изобразил художник и о котором с таким энтузиазмом поет поэт, дошел до каждого христианина с помощью воображения под руководством веры. Воспитанные в учении Священного Писания, люди были знакомы с полезным учением святого Павла, когда он так красноречиво проводил сравнение между семенем, посеянным в землю, и тленным телом христианина, превращенным в нетленное. Все люди в то время твердо верили в истинность этих возвышенных слов: "Тело, посеянное в тлении, воскреснет в нетлении; посеянное в немощи, воскреснет в силе; посеянное в теле природном, воскреснет в теле духовном".

Эти мысли, смягчавшие чувство скорби о смерти во времена глубокой религиозной веры, прекрасно выразил великий художник Средневековья, которого так удачно называли Анджелико. На его великолепной картине "Страшный суд" группа избранных является *шедевром* христианского искусства. Зеленая трава, цветы, распускающиеся со всех сторон, навевают мысли о воскресении, а возвышенный спиритуализм лиц, изображенных на этой изысканной сцене, переносит воображение в идеальный мир. Человек, веря в будущую жизнь, смотрел на смерть лишь как на сон, наступающий на путника, уставшего своего паломничества в небесную страну. Место погребения стало *местом сна* (таково значение слова "*кладбище*"). Тление могилы поэтично сравнивается с тлением семени, которое разлагается только для того, чтобы проклюнуться и превратиться в зеленеющий стебель, разветвляющийся на сладко пахнущие и изящные цветы. Страх поддаться похотям плоти побуждал верующих к крайней строгости покаяния, но, когда смерть рассеивала все опасности, тело становилось объектом благочестивого поклонения: Его окутывали потоки света и облака фимиама, прежде чем предать земле, которая была благословлена и освящена, чтобы сделать ее подходящимместилищем для столь драгоценного заклада; вера представляла себе великолепие, в которое оно однажды будет облечено; и, чтобы помочь воображению, искусство поместило перед взором невыразимые видения Апокалипсиса.

Фрагмент картины Анджелико "Судный день", ^{xv} век. Флоренция, Академия изящных искусств.

Ван Эйк аллегорически трактовал эту великую тему Воскресения (рис. 408), с таким же приближением к тому, что церковь считает истиной, и, возможно, с таким же художественным мастерством, как и художник из Фьезоле. На фоне залитого светом пейзажа, яркой зелени и цветов Мистический Агнец, стоящий на алтаре и проливающий в потир свою безводную кровь, приветствуется небесным воинством с почтением и хвалебными песнопениями. На передней части алтаря надпись: "Вот Агнец Божий, который берет на себя грех мира" (*Ecce Agnus Dei, qui tollet peccata mundi*). Вокруг алтаря ангелы образуют круг; двое из них рассыпают фимиам над Агнцем, а двенадцать других, по шесть с каждой стороны, несут орудия страстей и поют хвалу Божественной Жертве. Перед алтарем, на переднем плане, бурлит фонтан, который, говоря языком Апокалипсиса, описывается так: "Агнец будет их пастырем, Он приведет их к источникам живой воды, и Бог отрет все слезы с их глаз". М. Альфред Михельс в своей "Истории фламандской живописи" утверждает, что "ни одна аллегория никогда не была написана с большим мастерством".

Четыре группы верующих художественно представлены среди зелени и цветов. Выше, с левой стороны, святые мученики, которых можно узнать по пальмовым ветвям в их руках; и прежде всего среди них стоят папы, почти все из которых в ранние века запечатлели своей кровью свидетельство о божественности Агнца. Напротив них - бесчисленные девы, претендующие на участие в мистическом браке; а под ними - множество монахинь, пап и епископов, поклоняющихся Небесной Жертве и прославляющих Ее. По другую сторону

фонтана находится не менее многочисленная фаланга ветхозаветных пророков, царей и знаменитых людей, чье присутствие завершает гармоничное целое этой восхитительной композиции. Две фигуры, выделяющиеся среди этой группы, по мнению многих критиков, изображают Вергилия и Данте. Белая мантия, лавровый венец и ветвь с золотыми яблоками, кажется, действительно указывают на проводника Данте в чистилище; но трудно поверить, что художник, который в других отношениях является образцом благочестивой ортодоксии, должен быть виновен в таком грубом нарушении приличий.

На далеком горизонте церкви с их изящными башнями и шпилями образуют связующее звено между небом и землей. Они как бы напоминают нам, что именно среди нот священной музыки и великолепия религиозного поклонения, а главное, участвуя в мистическом пире Агнца невидимого, но все же присутствующего, душа, получающая весть о грядущей жизни, очаровывается предвосхищением небесной славы.

Рис. 409. Христос, восставший из мертвых, несет в одной руке мученическую пальму, а в другой - победоносный штандарт Креста - с фрески, написанной Фра Анджелико в монастыре Святого Марка во Флоренции (XV век).

Доминирующая идея этого фламандского шедевра - всего лишь выражение тех таинственных слов, которые связывают мысли о могиле с видением вечного блаженства: "Христос - первенец из мертвых". Он - наш старший брат в той новой жизни, где неведомы горечь скорби и печаль разлуки. По гласу архангела, по звуку трубы мертвые тела тех, кого мы любили, восстанут сияющими из земли, на лоне которой они лежали в спокойном покое, ожидая утра воскресения. Они явятся, облекшись в славу и бессмертие, соответствующие божественному образу Христа, их божественного брата, их воскресшего Господа.

ССЫЛКИ:

[1] "Ни епископ, ни император не могут взимать с меня никаких налогов или дани, и они не имеют права созывать ополчение, кроме как для защиты и обороны города, и то только с петухов до наступления ночи."

[2] "Arrivez, ou je vous brûlerai!"

[3] "Одетые как оборванцы, с надутыми рукавами, некоторые идут босиком, с чулками, свисающими до пояса; поют, пока идут, чтобы облегчить тяготы дороги."

[4] Large-sided.

[5] Poop Guard.

[6] Главная галера эскадры.

[7] "На все воля Божья".

[8] Много славы.

[9] "Случилось, что царь заболел тяжелой болезнью и опустился так низко, что одна из ухаживавших за ним дам, думая, что он умер, пожелала прикрыть его лицо тканью; а у другой стороны его постели стояла другая дама, которая не позволила этого сделать. Но случилось так, что Господь подействовал на него и вернул ему речь, так что добрый король попросил принести ему крест, что и было сделано. И когда добрая дама, его мать, узнала, что он обрел речь, она была вне себя от радости, но когда она увидела, что он принял крест, она была так опечалена, как если бы видела его трупом."

[10] Инвеститура рыцарства.

[11] Так назывался ночной дозор, который кандидат на вступление в рыцарский орден держал над своими доспехами.

[12] "Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему припиши славу".

[13] Bossuet's "Histoire Universelle", p. 101, Firmin-Didot edition.

[14] Из "Божественной комедии" Данте, стр. 15 во французском переводе Арто де Монтора.

Примечания

транскриптора:

1. Очевидные типографские, пунктуационные и орфографические ошибки исправлены молчанием.
2. Там, где дефис вызывает сомнения, он сохранен в оригинале.
3. Некоторые дефисные и не дефисные варианты одних и тех же слов сохранены в оригинале.

4. В таблице иллюстраций номер страницы для "Поклонения Агнцу" заменен на "Фронтиспис", а изображение для "Судного дня" добавлено под буквой "J".